ЯКУТСКИЕ
МИФЫ
САХА
ӨС-НОМОХТОРО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА

ЯКУТСКИЕ МИФЫ
•
САХА ӨС-НОМОХТОРО

Издание подготовил
лауреат Государственной премии России
в области науки и техники *Н.А. Алексеев*

Ответственные редакторы
доктор филологических наук *В.В. Илларионов*
доктор исторических наук *Р.И. Бравина*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2004

УДК 398
ББК 82.3(2)
Я49

Рецензенты

доктор филологических наук *Н.Н. Широбокова*
доктор исторических наук *И.Н. Гемуев*

Автор вступительной статьи и примечаний *Н.А. Алексеев*

Автор иллюстраций *Р.И. Бравина*

Утверждено к печати Ученым советом
Института филологии СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Совета по грантам Президента Российской Федерации
по государственной поддержке ведущих научных школ № НШ-2289.2003.6,
Института гуманитарных исследований
Академии наук Республики Саха (Якутия),
Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова
и Президиума СО РАН

Якутские мифы = Саха өс-номохторо / Сост. Н.А. Алексеев. — Новосибирск: Наука, 2004. — 451 с.
Я49 ISBN 5—02—029724—0.

Сборник — первый опыт издания якутских мифов. Состоит из 196 записей, 118 из которых были введены в 1985 г. в научный оборот впервые.

Тексты мифов даны на языке оригинала и в русском переводе. Каждый текст паспортизирован. В очерке «Якутская мифология» и Примечаниях разъясняются религиозные термины и архаичные выражения, непонятные современному читателю.

Для фольклористов, этнографов, краеведов.

УДК 398
ББК 82.3(2)

© Российская академия наук, 2004
© Институт филологии СО РАН, 2004
© Составление, вступительная статья, примечания. Н.А. Алексеев, 2004
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2004

ТП—03—II—№ 168

ISBN 5—02—029724—0

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Исследование традиционных религиозных верований народов Сибири имеет научное и практическое значение — оно необходимо для выяснения корней религий, этапов их формирования, освещения особенностей взаимодействия различных культов.

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен в основном в соответствии с принципами публикации образцов устного народного творчества якутов, разработанными еще Г.У. Эргисом [ИПРЯ, ч. 1, с. 7—8], поэтому книга составлена только из паспортизированных записей и снабжена очерком якутской мифологии*. Уже изданные тексты мифов даны без особых изменений, переводы неопубликованных записей сделаны составителем. Главное внимание в переводах на русский язык, так же как у Г.У. Эргиса, уделено возможно точной передаче их содержания. Не переведены собственные имена героев и названия местностей, в паспортах сохранены географические обозначения, принятые во времена записей материалов. Названия архивов даны так, как они назывались во время работы в них составителя.

Сборник подготовлен в основном из полных вариантов мифов. Фрагменты их и изложения отдельных сюжетов помещены в тех случаях, когда подробные записи вообще отсутствуют. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем исследователи занялись поисками полных текстов. Составитель счел возможным включить в сборник и мифы, опубликованные на русском языке Г.В. Ксенофонтовым.

В ряде случаев в записях сохранены комментарии самих сказителей, отражающие отношение их к мифам, степени и полноте сохранности данного вида произведений. Они необходимы отчасти для показа процесса преодоления якутами суеверий.

Мифы «приводятся, как правило, в одном, наиболее типичном варианте и только в некоторых случаях — в двух или в трех

* Первый вариант сборника был подготовлен в 1985 г. как отчет о работе в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, к настоящей публикации рукопись отредактирована и уточнена.

Дух-хозяйка белой ночи

вариантах, когда все они представляют особый интерес» [ИПРЯ, ч. 1, с. 8].

В книге 196 записей, отобранных из Архива ЯФ СО АН СССР (ныне рукописный фонд ЯНЦ СО РАН), Архива ИВ СССР (ЛО), сборников «Исторические предания и рассказы якутов» [ИПРЯ, ч. 1, 2] и «Якутские сказки», составленных Г.У. Эргисом; книги С.И. Боло «Прошлое якутов до прихода русских на Лену» [1938], трудов Г.В. Ксенофонтова «Легенды и рассказы о шаманах» [1928] и «Эллэйада» [1977]. Из 196 текстов 118 были введены в 1985 г. в научный оборот впервые. Из 76 опубликованных мифов 7 переведены мною (тексты из книги С.И. Боло). Часть мифов включена в том «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В соответствии с традиционным религиозным мировоззрением якутов мифы классифицированы на шесть групп: 1) о птицах, животных, рыбах и пресмыкающихся; 2) о небесных телах, атмосферных явлениях и об обитателях Верхнего мира; 3) о сверхъестественных существах, обитающих в Среднем мире; 4) о духах Нижнего мира; 5) о первопредках, главах родов и предназначении людей; 6) о шаманах.

В примечаниях разъяснены якутские религиозные термины и архаичные образные выражения, непонятные современному читателю. В подготовке сборника — отборе материалов из печатных источников принимала участие Т.А. Антонова. Составитель также благодарен за помощь работникам рукописного фонда ЯНЦ СО РАН А.Л. Новгородовой и Л.Ф. Рожиной.

ЯКУТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Мифология каждого народа представляет собой один из способов осознания мира. Основным признаком всех мифов как элементарных, так и весьма сложных произведений мировых религий стало то, что они дают религиозное, т.е. исходящее из признания сверхъестественных миров и их обитателей, или иррациональное (верное, но недоступное пока разуму) объяснение явлений природы и жизни человека.

Мифология — это живой, меняющийся элемент человеческого сознания. Начав формироваться на самом раннем этапе истории человечества, мифология прошла вместе с ним весь долгий исторический путь, поэтому у каждого этноса есть архаичные и поздние мифы, при этом древние предания не оставались неизменными. В процессе развития культуры этноса они менялись, получали иногда новый смысл, соответствующий повысившемуся уровню знаний народа, его политическому статусу. Однако основная функция мифа — объяснить и санкционировать существующий в обществе и мире порядок — всегда сохранялась [Мифы народов мира, т. 1, с. 14].

Мифологические представления передавались и закреплялись среди этноса через произведения устного народного творчества, которые самим народом признавались частью преданий и рассказов о прошлом. Такое отношение к мифам было свойственно и якутам. Соответственно состав якутских мифов определен исходя из изложенного выше понимания мифологии.

Анализ собранных текстов показывает, что заметное место в якутской мифологии занимают мифы о птицах и животных. Среди них встречаются тотемические, шаманистические мифы и весьма архаичные произведения, очеловечивающие своих героев, приписывающие им магические свойства и способность находить предметы, обладающие волшебным даром.

Так, о магических способностях птиц повествует, например, миф о кукушке, которой не нравится быстрый рост трав, но ее кукование, наоборот, ускоряет рост зелени (текст № 33). Он весь-

ма близок к тувинскому мифу «Бурая кукушка, имеющая лошадиную голову», записанному нами в Дзун-Хемчикском районе Тувинской АССР во время экспедиции 1983 г. (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 581, л. 62—63). По мифу считалось, что в древние времена, пока в Туве обитала такая кукушка, все вокруг оставалось вечно зеленым. После того, как она улетела из Тувы, травы и деревья стали блекнуть на зиму. И только ель, сосна и кедр оставались зелеными потому, что на них любила садиться бурая кукушка. Тувинцы, как и якуты, связывали появление зелени с мифической птицей и пренебрежительно относились к реальным кукушкам. В якутском мифе говорится, что кукушкам не нравится рост трав, а в тувинском — они считаются обманщицами. Последние, прибыв в теплую южную страну, лгут бурой кукушке, говорят, что в Туве не осталось деревьев, на которые она могла бы сесть. Возможно, оба мифа сложились у общих предков якутов и тувинцев.

Согласно якутским мифам, ряд птиц обладает даром проклинать людей, причинивших им вред. Причем таким свойством обладали не только тотемные птицы (мифические предки или покровители определенных якутских родов) — орел, ворон, лебедь, ястреб, но и нетотемные — журавль, черная лысуха (тексты № 5, 7, 11, 20, 40, 42). Поверье о проклятии журавля схоже с проклятием тотемных птиц. Они вредят при убийстве или пренебрежении табу, связанным с ними. Черная лысуха мстит лишь в случае, когда из ее гнезда украдут до 40 яиц. Несомненно, последний миф регламентирует отношение охотников к лысухе, запрещает разорение гнезд. Отметим, что вера в умение некоторых птиц проклинать людей, имеет общетюркскую основу [Алексеев, 1980, с. 109].

У якутов существуют мифы о том, что от орла, скопы и дятла можно получить предметы, обладающие магическими свойствами. Орел, по якутским верованиям, был способен одарить человека, вызволившего его из беды, камнем счастья (№ 8). Из гнезда скопы, согласно мифам, можно будто бы извлечь волшебный кусочек глины с перышками, дарующий человеку богатство, плодовитость и пр. (№ 30).

С помощью дятла якобы доставали богатырскую траву (№ 49). Аналогичные мифы бытовали и у других тюркоязычных этносов Сибири. У тувинцев камень счастья приносил своим почитателям лебедь (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 581, л. 1). Качинцы (хакасы) верили, что камень счастья можно найти в гнезде у

ворона (Рукописный фонд МКМ, оп. 1а, д. 61, л. 19 об.) [Алексеев, 1980, с. 50]. Якутское поверье о богатырской траве близко к хакасским представлениям о чудодейственной траве, мгновенно исцеляющей раны (Там же, л. 32—32 об.) [Там же, с. 51].

К комплексу магических воззрений якутов относились и мифы о том, что тушки животных или их фрагменты могут служить амулетами, приносящими удачу в промысле. Так, в качестве амулета использовали тушку кукши, рыжей белки, уши и лапы совы и т.п. (№ 24, 50). Такие же амулеты встречались у охотников и других тюркоязычных народов [Алексеев, 1978а, с. 203]. Таким образом, якуты не утратили архаичные мифы, во многом унаследованные от этносов, принявших участие в формировании тюркоязычных народов Сибири.

Данные якутской мифологии показывают, что якуты отчасти сохранили древнее по происхождению очеловечивание птиц [Штернберг, 1936, с. 429]. В мифах утверждается, что птицы, как и люди, делятся на отдельные роды или племена, имеют своего главу и т.п. Фактически птицы, согласно якутским религиозным верованиям, приравнивались к людям.

Ярким примером, свидетельствующим о приписывании птицам отношений, свойственных человеческому обществу, является миф о собрании птиц (№ 1). Он состоит из следующих текстов: мифа, объясняющего, почему ряд птиц остается зимовать в Якутии, о поисках теплой страны для зимовки перелетных птиц, количестве птенцов у различных видов птиц. В них отражены взаимоотношения людей, входивших в раннеклассовое общество. Г.У. Эргис полагал, что данные образы мифа «аллегорически отражают старинное якутское общество, нравы и привычки их типичных представителей. Тут и драчливый самонадеянный тойон-журавль, несправедливый и плутоватый беркут-“барыллыа”, и скромные птицы — рядовые члены общества. Птичье собрание напоминает наслежную сходку дореволюционного времени» [ЯС, т. 1, с. 14]. Г.У. Эргис был прав, говоря об отражении в мифе взаимоотношений, свойственных якутскому этносу, но эти отношения уходят своими корнями в историю южных предков якутов.

Сравнительное изучение мифологии тюркоязычных народов Сибири позволило установить, что мифы о собрании птиц, об избрании ими «царя» (птиц), о конфликте между журавлем и перепелкой, об отождествлении птиц с людьми были известны общим предкам сибирских тюрок [Алексеев, 1978б].

Наряду с произведениями, в которых птицам приписывались человеческие свойства, у якутов существовали и мифы о превращении людей в птиц. Г.У. Эргис отметил у якутов лишь один — миф о парне-табунщике, укравшем и съевшем жеребенка, осужденном стать коршуном и летать, издавая «один и тот же крик, напоминающий ржанье жеребенка, и питаться падалью» [1974, с. 150].

Типологически близкие мифы обнаружены в архиве ЯФ СО РАН. Так, в тексте о коршуне говорится, что эта птица раньше была невестой, едущей с приданым и подарками к своему будущему мужу. По пути у нее потерялась вареная конская голова от туши, данной для угощения родственников мужа. За такое оскорбление ее прокляли «стать коршуном, постоянно ржущим поконски» (№ 29). К данному сюжету близок миф о чайке, также «бывшей» девушкой, просватанной за парня из Верхнего мира. Когда свадебный поезд прибыл к родителям мужа, оказалось, что исчез целый кусок якутского масла, который являлся частью подарков невесты. Возмущенные грозные обитатели Верхнего мира прокляли девушку, превратили ее в белую, как якутское масло, чайку и велели всю жизнь искать то масло (№ 38). В число мифов о превращении человека в птицу относятся также тексты об обращении в кроншнепа и кулика плода девушки, забеременевшей слишком рано (№ 43, 45). Таким образом, эта группа мифов не просто объясняла особенности поведения птиц, но и регламентировала жизнь коллектива. Попутно с объяснением происхождения указанных птиц слушателям внушались и нормы обычного права: недопустимость воровства, небрежности в исполнении свадебных обрядов и т.п. Провинившиеся якобы могли навеки превратиться в птиц.

Кроме того, обычные этиологические мифы тоже отчасти имели воспитательную функцию, требовали соблюдения традиционных норм поведения (№ 15, 34, 36, 46).

К мифам, отождествляющим птиц и людей, относились якутские тотемические легенды, повествующие о том, что предком родов являлась та или иная птица. Материалы по верованиям якутов свидетельствуют о бытовании у них вплоть до начала XX в. многих элементов тотемизма. Они относились к тотему как к старшему родственнику, поэтому жены соблюдали обычай избегания; убийство тотемного вида птиц приравнивалось к убийству человека, найдя мертвую тотемную птицу или случайно убив ее, со-

вершали обряд погребения (об этом подробнее см.: [Эргис, 1974, с. 145—146; Алексеев, 1975, с. 36—39; 1980, с. 110—112]). Хотя сообщений о якутском тотемизме было зафиксировано довольно много, но тексты тотемических мифов мало вводились в научный оборот. Это позволило Г.У. Эргису даже поддержать мысль о том, что «у якутов и у других сибирских народов тотемизм не получил развития» [Эргис, 1974, с. 146] со ссылкой на [Максимов, 1922; Золотарев, 1934; Зеленин, 1936; Семенов, 1966]. Образцы мифов, выявленные в АЯФ СО АН СССР, показывают, что тотемические поверья и обряды не только были хорошо развиты, но и продолжали эволюционировать. У якутов до начала XX в. существовали мифы, как объясняющие причину почитания той или иной птицы, так и регламентирующие поведение верующих при встречах с тотемом.

Одной из характерных черт якутского мифотворчества являлось наличие взаимосвязанных циклов мифов о главных тотемах. Например, один из циклов об орле состоял из предания о том, почему он стал тотемом данного рода; мифа об изчезновении целого материнского рода из-за того, что член этого рода убил орла; описания правил погребения умершего орла (№ 5). Среди мифов о вороне имеется текст, в первой части которого повествуется о причинах, по которым ворон стал тотемом, во второй — о приглашении членов рода, поклоняющихся ворону, для лечения болезни (№ 17). В мифе о тотеме ястребе описывается случай, благодаря которому он стал божеством, запреты, связанные с ним, и правила поведения людей при встрече с ястребом (№ 27).

Сохранение тотемических верований подтверждается и тем, что якутские мифы о птицах-тотемах не древнего, а явно позднего происхождения. Они, как правило, связываются с появлением предков данного рода в определенной местности Якутии, например как у северных якутов в совсем не давнее время.

В поздних якутских мифах птиц начинали почитать после того, как они якобы спасали предка рода от гибели. А.А. Попов опубликовал предание о том, как якутов очень давно разбросало сильным ветром, они потеряли огонь, который каждому роду в отдельности принесли разные птицы. «К числу этих птиц относились: лебедь, ястреб и орел» [Попов, 1949, с. 281]. Отметим, что в АЯФ СО АН СССР не найдено мифов о принесении огня этими птицами, но обнаружен целый ряд текстов о доставке вороном погибающему предку огнива с трутницей (№ 17—20, 22).

Обеспечение огнем — не единственная причина обожествления птиц якутами. Согласно мифам, орла стали почитать после того, как он добыл для предка, умирающего от голода, глухаря (№ 4) или гуся (№ 5). Ястреба, по одному мифу, причислили к числу покровителей за «указание» умирающим от голода родоначальникам племени места, где лежал погибший лось (№ 27). По другому — ястреб добывал для гибнущего предка уток (№ 25). А туматы начали поклоняться чайке после того, как их предки спаслись от гибели в море, найдя землю по маршруту полета чаек (№ 39).

Интересно, что здесь мы имеем образцы новых вариантов обожествления птиц. Речь идет уже не о прямом кровном родстве людей и птиц, а почитаемым птицам приписывается какое-либо благодеяние. Несомненно, изменение ранней трактовки тотемических мифов обусловлено поздним их формированием. Они, видимо, сложились уже после того, как люди поняли суть кровнородственных уз. Данное изменение, возможно, произошло на территории современной Якутии (№ 17, 19, 25 и др.), но оно не стало только якутским явлением. Аналогичный по сути миф был записан нами от тувинцев в с. Баян-Тала Сут-Хольского района Тувинской АССР. В нем объясняется, что члены рода Куулар (лебеди), считающие своим тотемом лебедя, обосновались здесь потому, что когда прибыли в данную землю их предки, над ними пролетели лебеди и спустили им камень счастья (*эртине*). Старики признали это знамением, предвещающим счастливую жизнь (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 581, л. 1—2).

Таким образом, очевидно, тотемические мифы народов Сибири не оставались неизменными и не исчезли полностью. В новых местах, новых условиях тотемизм получал иную мифологическую трактовку и возникали поздние варианты тотемических мифов, где обожествление птиц обосновывалось их сверхъестественной помощью людям.

Анализ якутских мифов о птицах показывает, что, с одной стороны, архаичные поверья о них органично вплетались в круг представлений промыслового культа, культа духов-покровителей рода (племени) и шаманизма, с другой — возникали новые мифы о птицах, основанные на сложных анимистических воззрениях различных форм религии.

Выше уже указывалось на использование охотниками тушек птиц или их частей в качестве амулетов. Наряду с этим у якутов

Родина и солнцеподобное божество Джёсёгёй Тойон, покровитель конного скота

существовал миф, по которому кроншнеп признавался родным младшим братом духа-хозяина леса Баай Байаная (№ 44).

Согласно мифологическим воззрениям, относящимся к культу духов-покровителей рода и племени, часть обитателей земли или созданы сверхъестественными существами Верхнего мира, или являются пришельцами оттуда. Так, в одном мифе о коршуне он назван младшим братом божества Джёсёгёй айыы (№ 29). Орел же признавался одним из главных божеств *айыы*. От него якобы произошли все орлы. А юсальцы считали орла в черных пятнах, бывшего их тотемом, потомком божества *айыы*, создателя серых жеребцов с черными пятнами на лопатках и людей (№ 3). В одном из мифов говорится, что лебедь и ворон являлись олицетворением божеств *айыы* (№ 14), а ястреб признавался имеющим даже более высокое, чем орел, происхождение (№ 26). Как известно, выше божества *айыы* Горбоносого орел хана был лишь Юрюнг Айыы тойон — глава божеств *айыы* [Алексеев, 1975, с. 190].

К комплексу представлений культа родовых и племенных духов-покровителей также относятся: признание орла старшим сыном Улуу Тойона — главы злых духов (*абаасы*) Верхнего мира (№ 2); вера в наказание за убийство орла (№ 5); поверье в родство ворона с Улуу тойоном — в одном мифе он его внук (№ 16), в другом — младший сын его самого или подчиненного ему божества Хара сылгы (№ 23), в третьем — сын божества Ала Суорун тойона, тоже входящего в группу сверхъестественных существ, возглавляемую Улуу Тойоном (№ 18).

Не удивительно, что у якутов одна и та же птица связывалась то с *айыы*, то с *абаасы* Верхнего мира: орел и ворон были тотемами как той части предков якутов, которая поклонялась божествам *айыы*, так и другой группы праякутов, связывавшей свое происхождение и благополучие с божеством Улуу тойоном.

Шаманизм у якутов также оказал определенное влияние на тотемизм. Правда, в ряде тотемических мифов о птицах говорится лишь о неспособности шаманов излечить от болезни, причиной которой был гнев тотемов (№ 5, 26), или шаманы только участвовали в обряде погребения умершего тотема (№ 2). Наряду с этим есть тексты, свидетельствующие о вовлечении тотемических верований в круг воззрений шаманизма.

Например, по одному мифу в ястреба воплотилась *юёр* (блуждающий дух) (№ 28). Среди якутских мифов об орле имеется текст, утверждающий, что от преследования орла может оградить только

хоринский шаман, видимо, из того рода хоринцев, чьим тотемом был орел (№ 9). В мифе о добывании из гнезда скопы кусочка глины, приносящего счастье, рассказывается о необходимости проведения шаманского камлания перед тем, как срубить дерево, на котором находилось гнездо (№ 30). Лебедь по одному из мифов стал считаться божеством-покровителем после того, как шаман его головой закрыл выход из Нижнего мира (№ 12). Как видим, шаманизм у якутов не просто сосуществовал с тотемизмом, но по-своему приспосабливался к нему.

У якутов имеются также мифы, утверждающие, что гагара, ворон, кукушка, чайки (крачка и мартын) — это шаманские духи (№ 32, 37, 38 и др.). Причисление ворона к числу шаманских духов, в общем, понятно. Он являлся тотемом ряда якутских родов и мог стать духом-покровителем их шаманов. Кроме того, он вошел в число шаманских духов благодаря дару предвещать несчастья. Кукушку, видимо, отнесли к шаманским духам из-за нестандартности ее поведения — в отличие от других птиц она сама не высиживает птенцов.

Сложнее интерпретировать признание духами гагары, чайки и мартына. На мой взгляд, возможны два варианта объяснения: 1) их ныряние в воду воспринималось как посещение Нижнего мира, и позже это верование было использовано шаманами; 2) шаманы утверждали, будто они ныряют в Нижний мир, приняв облик гагары или чайки, поэтому и самих птиц стали причислять к шаманским духам. К сожалению, материалы по якутской мифологии не дают возможности отдать предпочтение одному из приведенных объяснений.

Мифы о диких зверях так же, как и мифы о птицах, носят магический, анимистический, тотемистический и анимистический характер. У якутов, как и у других сибирских народов, были распространены различные амулеты, обеспечивающие якобы удачу в промысле и благополучие в быту. Так, в качестве амулета использовались шкуры рыжей белки (№ 50), летяги (№ 64), медвежьи лапы, кончики носов пушных зверей и т.п. [Алексеев, 1975, с. 42; 1980, с. 97]. В одном якутском мифе говорится об использовании шкуры медведя в качестве *сата* — волшебного предмета, изменяющего погоду, а также утверждается, что при разделке медведя можно обнаружить между шкурой и тушей жидкость, способную вызвать сильный ветер (№ 57).

Ряд якутских поверий регламентирует отношение людей к промысловым зверям. В них обосновывается необходимость бережливого отношения к ресурсам тайги. Например, имеются тексты, по которым запрещается убивать без надобности больших зверей (№ 51), осуждающие издевательское отношение к убитым зверям. Так, в мифе о судьбе маятов рассказывается, что они погибли от голода из-за того, что ради потехи сняли шкуру с живого дикого оленя и отпустили его оголенным (№ 52). Кроме того, считалось недопустимым убивать слишком много медведей (№ 56).

Наряду с мифами, повествующими о магических свойствах зверей, у якутов сохранились этиологические мифы, объясняющие некоторые особенности внешнего облика диких животных, например горностая и ласки (№ 61, 62).

В прошлом якуты, судя по мифам, допускали возможность превращения женщины в медведя (№ 55), зверям приписывалась способность понимать человеческую речь, поступать так же, как и человек (№ 59). Например, есть предание, в котором речь идет о благородстве льва, отплатившего черно-бурой лисицей за лечение его раны (№ 63). Данный текст, возможно, является наложением новых знаний, полученных от образованных людей XVII—XIX вв., на древние представления о способности зверей вступать в контакт с человеком. В целом же в основе мифов, приравнивающих зверей к людям, лежит общесибирский культ умирающего и воскресающего зверя и евразийско-американский пласт медвежьего культа [Алексеев, 1975, с. 43—51; 1980, с. 125].

К числу якутских тотемов-зверей относились медведь, волк, бурундук, белка и горностай [Алексеев, 1975, с. 39—40]. К сожалению, пока удалось найти только тексты о волке и медведе. Волка считали своим божеством-покровителем якуты Бетюнского наслега Намского района. В их мифе волк стал божеством, поскольку по преданию бетюнцы спаслись от голодной смерти, обнаружив волчьи припасы (№ 58). Это тоже поздняя трансформация тотемического мифа, как и в текстах об орле, вороне, ястребе и др. Мифы о том, что медведь был тотемом, записаны от якутов из урюнейского рода, живущих в Момском районе (№ 53, 54). Этот род по происхождению — эвенский [Там же].

В нескольких якутских мифах говорится о создании рыб и пресмыкающихся или об их сверхъестественных свойствах. Так, сохраняется общетюркский миф о сотворении рыб и гадов главой

Нижнего мира (текст № 65, [Анохин, 1924; Катанов, 1907; Хлопина, 1978, с. 72]).

В мифе о лисе и налиме дано наивное объяснение причин, по которым у налима большие печень и голова (№ 60). Очевидно, из мифологии древних южно-азиатских народов заимствован якутский текст о змее-страже золотого клада (№ 68). На первый взгляд должны бы иметь позднее происхождение мифы об использовании картежниками костей лягушки как магического средства (№ 66, 67), так как игра в карты якутами перенята, видно, от русских, но ряд деталей позволяет предположить, что мифы, возможно, более древнего происхождения. В обоих текстах упоминается о «способности» костей лягушки притягивать и отталкивать не только удачу в картах, но и женщину и богатство.

Судя по имеющимся материалам, в якутских мифах о домашних животных весьма архаичные поверья сосуществовали с более поздними, возникшими на различных этапах истории якутского этноса и его предков. Например, у якутов имелись роды, считавшие своими божествами собаку и коня. Признание их сверхъестественными покровителями также связывалось с помощью людям, попавшим в критическую ситуацию. Род Ыйылас за спасение их предка, прибывшего в современное место обитания, почитал собаку, которая принесла ему огниво с трутницей в тот момент, когда он замерзал и находился при смерти (№ 72). Юсальцы обожествляли темно-сивого жеребца после того, как их предок спасся от голода, использовав в качестве пищи немного крови, нацеженной из вены живого жеребца такой масти (№ 76).

Обычно древними по происхождению считаются циклы мифов о сотворении мира. К ним относятся якутские мифы о собаке и медведе, собаке и хлебном колосе. Но они скорее всего заимствованы у русских. В текстах о собаке и медведе говорится о том, что благодаря мудрости собаки медведь не имеет такого же большого пальца, как человек. Когда медведь попросил у Бога большой палец, собака потребовала себе ружье. Бог отказал обоим (№ 69). В мифе о собаке и хлебном колосе утверждается, что люди едят собачью долю хлеба (№ 71).

К древнетюркскому пласту верований якутов принадлежит миф о собаке, отпустившей злых духов (№ 70). Аналогичные поверья существовали, например, у алтайцев [Алексеев, 1980, с. 101]. Также от южных предков унаследованы мифы о возможности нахож-

Дух-хозяйка земли Аан Алахчын

дения в коне счастья его владельца и об использовании покойниками для езды коней, пожертвованных им при похоронах (тексты № 74, 75, 77, [Алексеев, 1980, с. 219—221]). Возможно, только на территории Якутии сложился миф о споре между быком и жеребцом, итогом которого стала столь долгая зима (№ 73).

Как известно, солнце, луна, звезды и различные атмосферные явления очень рано привлекли внимание аборигенов Сибири. Часть древних поверий о небе и так называемом Верхнем мире, сложившихся еще у предков, сохранялись якутами до начала XX в. Повсеместно был распространен миф о происхождении пятен на луне (№ 78, 79). Они являются изображением обиженной хозяевами сиротки-работницы, которую пожалела и взяла к себе луна. Этот миф «встречается почти у всех тюркских и монгольских народов» [Эргис, 1974, с. 133]. Отметим, что в нем отчетливо выражено требование гуманного отношения к сиротам. Особенно хорошо данный аспект выражен в записи В.М. Ионова: «Если заставить плакать сироту, то его плач проходит насквозь через девять небес и становится слышен Айыы Тойону. Тогда Айыы Тойон накажет человека, обидевшего сироту» (№ 78).

По мифологическим представлениям якутов, считалось, что часть звезд — Венера, Плеяды, Малая Медведица — насылают на землю зимнюю стужу [Кулаковский, 1979, с. 14; Эргис, 1974, с. 134—135]. Однако у В.М. Ионова встречается вариант мифа о звездах, где холод производит Венера, а противодействуют ей и побеждают Плеяды (№ 80).

В прошлом якуты объясняли гром и молнию как действие сверхъестественных существ. По мифу, записанному В.М. Ионовым, их производит чудовище, имеющее вид совершенно голого жеребенка (№ 81). По другим данным, громом и молнией преследовало злых духов светлое божество Сюгэ Тойон (Топор господин) [Припузов, 1884, с. 61]. Согласно мифам, под лиственницей, в которую ударила молния, люди могли найти «топор грома», служащий амулетом и обеспечивающий счастье (№ 82, 83). Сверхъестественные свойства получала и сама лиственница, пораженная молнией: лучины из нее употреблялись для отпугивания огнем злых духов (№ 84).

Божества Верхнего мира, по верованиям якутов, выражали свою волю различными знамениями и действиями. Например, люди, которым суждено умереть, слышали в небесах хоровое пе-

ние (№ 88, 89). Боги войны и брани «могли» по просьбе человека, которому покровительствовали, окропить его противников кровавым дождем. В таком случае якобы он побеждал в битве (№ 87).

Отмечу, что, по мифологическим воззрениям якутов, люди тоже могли оказывать влияние на атмосферные явления или повреждать звезды, к примеру, дождь, снег и ветер можно было вызвать при помощи волшебного камня *сата* (№ 85, 86). Представление о существовании такого камня восходит к ранним культурным контактам древних тюрок с ираноязычными этносами [Алексеев, 1980, с. 58; Малов, 1947, с. 152]. В мифах о шаманах говорится, что они якобы почти разбивали Малую Медведицу, пытались разрубить топором крепь, на которой держится Венера и т.п. [Эргис, 1974, с. 134—135].

Наряду с наделением сверхъестественными свойствами неба, небесных тел и атмосферных явлений якуты верили в существование так называемого Верхнего мира, находящегося в небесах, над видимым небом. Там, по якутским представлениям, жили отдельными родами и племенами божества *айыы* и грозные духи *абаасы*, главным из *айыы* признавался Юрюнг айыы тойон (Белый айыы господин), а верхние *абаасы* подчинялись Улуу тойону (Великому господину). Эти мифические существа будто бы вели в Верхнем мире такой же образ жизни, как и люди на земле, оказывали значительное влияние на ход земной жизни (подробнее об *айыы* и *абаасы* Верхнего мира см.: [Алексеев, 1969; 1975, с. 77—103, 111—114; 1984, с. 25—30; Эргис, 1974, с. 124—131]).

Описание Верхнего мира, характеристика сверхъестественных существ, живущих там, давались главным образом жрецами и шаманами в ходе исполнения обрядов, связанных с почитанием божеств *айыы* и духов *абаасы*. Якуты верили, что подробные «знания» об *айыы* и верхних *абаасы* были известны лишь шаманам и жрецам, которые излагали их рядовым верующим в своих молитвах и заклинаниях, являющихся образцами произведений обрядовой поэзии. В ходе их исполнения объяснялось, какую часть Верхнего мира в данном случае предстоит «посетить», кто там живет и пр.

В связи с тем, что якуты не имели обряда, посвященного одновременно всем обитателям Верхнего мира, в произведениях якутской обрядовой поэзии нет его обобщенного, цельного описания. В сущности, каждый исполнитель мог вносить те или иные изменения в общеизвестные воззрения об обитателях Верхнего мира.

Образцы заклинаний и молитв в честь якутских божеств и духов включены в сборник «Обрядовая поэзия саха (якутов)», изданный в рамках серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В мифах дается характеристика сверхъестественных существ Верхнего мира. Так, в одном из них возникновение трех самостоятельных миров — Верхнего, Среднего и Нижнего — объясняется тем, что предки людей и скота переселились из Среднего мира в Верхний и Нижний, спасаясь от «огненной войны» (№ 90).

По верованиям якутов, в Верхний мир вела единственная дорога, шедшая от земли до места, где находятся «вольные» облака (№ 91), а дальше в каждую часть Верхнего мира, населенного тем ли иным родом *айыы* и *абаасы*, вела якобы своя отдельная дорога. По ней могли «путешествовать» лишь шаманы и обитатели Верхнего мира. Представление о существовании лишь одного пути туда имеет, очевидно, древнее происхождение. Подобное поверье зафиксировано у алтайцев, эвенков и кетов [Алексеенко, 1976; Анохин, 1924; Василевич, 1969]. Вместе с тем указанный миф у якутов претерпел изменение. Они считали, что духом-хозяйкой прохода в Верхний мир стала после смерти какая-то шаманка или сумасшедшая. Несомненно, здесь существует трансформация шаманами старинного мифа, приспособление его к шаманскому мировоззрению.

У якутов имелись мифы, согласно которым жители Верхнего мира надолго поселялись в Среднем мире или кратковременно посещали его. Так, в одном из текстов повествуется, что 100 лет тому назад более 10 лет будто бы жили на территории нынешнего Нахарского наслега Амгинского района три небесные девицы. Они никого не беспокоили, жили уединенно. В отличие от настоящих земных существ ни они сами, ни их единственная корова не оставляли видимого следа на земле. Девицы покинули землю из-за того, что охотник, случайно посетивший их жилище, самовольно воспользовался огнем из их очага. Несмотря на то, что, по мифу, небесные девицы появились всего один век тому назад, были одеты в шелк и занимались неизвестным якутам в древности рукоделием — шитьем по шелку, само произведение явно древнего происхождения. Главное его назначение — воспитание уважительного отношения к неизвестным людям, утверждение необходимости строгого соблюдения табу, запрещающего трогать огонь чужого рода (№ 92).

В ряде мифов утверждается божественное происхождение глав родов и шаманов, их родственные связи с обитателями Верхнего мира. Причем якутская знать вела свою генеалогию не только от божеств *айыы*, но и от *абаасы* Верхнего мира. Образцом мифа о родственной связи князей и шаманов с самим Юрюнг Айыы тойоном является миф о Быйаа. В первой части рассказывается о рождении Быйангнаах Быйаа от связи старухи с сыном Юрюнг Айыы. Во второй — описано получение Быйой камня счастья от орла. В результате этого он разбогател и был счастлив, а его потомки стали наследственными князьями и шаманами (№ 93). Таким образом, цель мифа — доказать законность, «предопределенность» свыше права потомков Быйаа, якобы находящихся в родстве с Юрюнг Айыы тойоном, занимать должность князца или быть шаманом. В данном случае используется не только почитание главного общеплеменного божества *айыы*, но и привлечен тотемический миф об орле, способном одарить своих «потомков» камнем счастья (об этом см. выше). Аналогичную цель преследовал и миф об интимной связи дочери древнего богача и богатыря Идэльги-Боотура с сыном верхних *абаасы*, «имеющих конный скот вороной масти». У нее рождается сын, ставший впоследствии предком людей (№ 94).

Якуты верили, что контакты с грозными существами Верхнего мира не всегда оказывались безопасными. Например, в одном мифе намцев повествуется о превращении красивой дочери князца XVII в., согласившейся выйти замуж за внука Улуу тойона, в злого духа, насылающего людям глазные болезни. Поводом для такого несчастья послужило то, что ее родители не отправили в Верхний мир положенное приданое (№ 95). Миф носит назидательный характер, требует неуклонного соблюдения норм обычного права, вместе с тем в нем высмеиваются нескромность и чванство. Народ всегда считал, что нельзя быть заносчивым, хвастливым. В частности, грешно считать себя самой красивой в мире, как это делала героиня мифа.

В якутских мифах, как и в греческих, говорится о состязаниях людей с детьми верховных божеств. По верованиям якутов, сыновья *айыы* и *абаасы* Верхнего мира прибывали помериться силой и ловкостью с земными богатырями в тех случаях, когда они достигали зенита славы. Духи Верхнего мира «состязались» также со знаменитыми якутскими певцами и сказителями. Если человек проигрывал в единоборстве, то погибал (№ 96). Часто люди якобы одерживали победу в «борьбе» с духами. Например, получело-

век-полу*абаасы* Аба Уол Дьоххо всегда брал верх в соперничестве с парнями Верхнего мира. Он даже отомстил духам, убившим его сына, при этом ему удалось спастись от преследователей при помощи своей жены-шаманки (№ 97). Возможно, последнее — результат включения поверий культа духов-покровителей племени в шаманизм.

В ряде якутских мифов обосновывается возможность получения от божеств *айыы* детей, парня-табунщика, охотничьей собаки (№ 98—101). Интересно, что, по мифу об испрашивании волшебной собаки, потомки Омогой бая (одного из главных первопредков якутов) получили «разрешение» иметь скот, но им запрещено молиться Юрюнг Айыы тойону и владеть белым жеребцом. Их высшим покровителем был «назначен» Хотой-айыы — предок-создатель орла (№ 100). Возможно, в тексте своеобразно отражена полиэтничность предков якутов.

Наряду с вышеизложенным, в якутских мифах указывается на недопустимость чрезмерных претензий к божествам. Так, Кутуйах Баай умер от голода после того, как шаманы по его требованию привели к нему косаря из Верхнего мира (№ 102).

Якуты отчасти сохраняли веру в существование суда небесных божеств, могущих справедливо разобраться в конфликте земных людей (№ 103).

Особо следует отметить, что мифологические представления якутов о Верхнем мире не ограничивались южным наследием их предков. В число божеств включались также сверхъестественные существа, образы которых сложились в ходе освоения бассейнов Лены, Вилюя, Алдана и др. Первой из них, видимо, была красивая дочь Омогоя, на которой не женился главный предок якутов — Эллэй. В одном мифе рассказывается, что она увлеклась парнем *абаасы* и вместе с ним вознеслась в Верхний мир (№ 104). По другому варианту, она удавилась с горя и стыда после отказа Эллэя и впоследствии стала сильным *юёр*. Шаманы с ее помощью собирали и отправляли в Верхний мир его обитателей, спустившихся в Средний мир. Любопытно, что, согласно мифу, в конце XIX в. шаманы дали ей «отставку», передав «функции» другому *юёрю* (№ 105, 126). В число духов Верхнего мира включали после смерти сумасшедших и самоубийц (№ 106, 107).

По религиозным верованиям якутов, на земле помимо людей, животных, рыб, пресмыкающихся и других реальных обитателей находились будто бы разные виды сверхъестественных су-

ществ. Бóльшая часть духов Среднего мира признавалась локальной, связанной с каким-либо конкретным географическим объектом или покровительствующей определенному роду.

Анимистические воззрения якутов о духах-хозяевах озер, рек, гор и т.п. сформировались еще у их южных предков. От них же унаследованы представления о божествах-владыках всей тайги, земли и духах-хозяевах территории, принадлежащей роду, племени, этнической или локальной группе людей [Алексеев, 1980, с. 59—61, 92 и след.]. Одним из наиболее почитаемых якутами божеств Среднего мира являлся дух-хозяин тайги Баай Байанай [Ионов, 1916]. В его характеристике сохранились многие исконно тюркские черты. Он также щедр к охотникам, которым покровительствует, как это описывается в мифах тюркоязычных народов Южной Сибири ([Эргис, 1974, с. 119], текст № 109).

Якутский миф об игре в карты между Байанаем и хозяйкой воды Кюренг баай госпожой идентичен алтайскому — об аналогичной привычке духов-хозяев гор (№ 110, [Алексеев, 1980, с. 230]). К числу прямых совпадений относится и предание о возможности встречи с дочерью духа-хозяина леса, получении от нее огромной удачи в охоте и смерти в случае несоблюдения в тайне связи с ней (№ 111). Такие же мифы бытовали у южных алтайцев и шорцев [Алексеев, 1980, с. 230; Эргис, 1974, с. 119]. Якутский вариант мифа, включенный в данный сборник, интересен тем, что в нем отразилось приспособление старинных религиозных верований к новому для этноса региону. Охотник появляется в ранее неизвестной ему тайге, вступает в любовные отношения с дочерью местного *байаная* и рождается *байанай*, который получает его имя — Сын кангаласца. Подразумевается, что он будет покровительствовать охотникам из этого племени (№ 111).

В мифе таким образом отразилось стремление закрепить неизвестное ранее охотничье угодье за указанным племенем. Кроме того, в нем осуждается пренебрежение к традиционному правилу артельного промысла — равномерному разделу между участниками охоты всей добычи независимо от размера личной добычи членов артели. Герои уговариваются не делиться добычей, каждый берет себе то, что упромыслил. Дочь Байаная приходит на помощь обиженному члену группы. Несомненно, миф защищает исконные правила охоты.

Хотя у якутов образы Байаная, его братьев и дочерей сохранили многие черты, сложившиеся у их южных предков, но пред-

ставления о них, естественно, трансформировались. Эти сверхъестественные существа у якутов превратились из хозяев тайги и гор в духов охоты. Согласно мифам, Байанай и его братья одевались как тунгусы, считались более благосклонными к охотникам эвенкам и эвенам [Алексеев, 1980, с. 225—226; Ионов, 1916]. Последнее, видимо, связано с тем, что территория Якутии до якутов осваивалась тунгусоязычными родами, а тунгусы были более искусными охотниками, чем скотоводы якуты.

Религиозные представления якутов, связанные с охотой, дополнились поверьями, возникшими в результате наложения на них поверий погребального культа. По якутским воззрениям, люди, умершие неестественной смертью, превращались в злых духов *юёр*, блуждая по земле, насылая на живых болезни и разные несчастья [Алексеев, 1980, с. 164—168]. В отличие от большинства *юёров* дух Чаадая Боллоха — человека, владевшего лишь одной собакой и умершего от голода после ее кражи, согласно мифу, стал заниматься отпугиванием зверей и рыб от орудий охоты и рыболовства (№ 112). Защитить же от его козней мог только шаман, т.е. на эту часть промыслового культа распространялось еще и влияние шаманизма, бывшего ведущей традиционной формой религии якутов.

Древнетюркские представления о защите людей местными духами-хозяевами, такими как дух-хозяйка родовой территории, сверхъестественные хозяева горы, озера, около которых живет человек, дух-хозяин огня и т.п. продолжали сохраняться у якутов ([Алексеев, 1975, с. 65—77; Приклонский, 1890, с. 170; Серошевский, 1896, с. 665—666], тексты № 113—115). Например, в цикле мифов о духе-хозяйке большого озера «Харыйалаах» утверждается запрет хвалиться размером своей добычи, высмеивается жадный, чванливый человек, наказанный за пренебрежение к обычаям народа и непочтительное отношение к духу-хозяйке озера (№ 113).

В ряде мифов, записанных в XIX—XX вв., прослеживается определенная эволюция старинных поверий о духах-покровителях. Так, в одном из мифов духу-хозяйке места приписывается способность побеждать шамана, защищая человека, живущего на ее территории (№ 114). В другом мифе, повествующем об образе жизни дочери Улуу Тойона, поселившейся в Среднем мире и ставшей здесь духом-покровительницей хлева, говорится о возможности избавления от ее присутствия при помощи шамана (№ 117, 118).

Несомненно, в последних мифах отражается сложный процесс включения представлений и обрядов культа духов-покровителей рода и семьи в шаманизм.

Своеобразное изменение у якутов претерпела антропоморфизация деревьев. Очеловечивание деревьев существовало у общих предков тюркоязычных народов Сибири, а в поздний период истории сибирских тюрок оно получило развитие. Так, у тюрок Южной Сибири сформировалось поверье о существовании шаманов среди деревьев. Роль шаманов приписывалась деревьям, которые имели сросшуюся верхушку [Алексеев, 1980, с. 94]. У якутов подобное представление отсутствовало. Но у них считалось, что в аналогичных деревьях может находиться *кут* (жизненная суть) детей, кроме того, существует возможность получения ребенка от такого дерева (№ 119, 120). Поздним наслоением, очевидно, является мотив о возможности повторного «рождения» шаманки с помощью такого дерева (№ 120).

Наряду с древними поверьями в комплекс анимистических представлений якутов, связанных со Средним миром, входили и тексты о сверхъестественных существах, якобы возникавших после смерти людей. Часть из них представлялась в образе духов, вселенных в *онгоны* (вместилища для духов). Их «помещали» в специальные антропоморфные изображения или коробки, на лицевой стороне которых рисовали силуэты людей или человеческий лик. *Онгоны* содержались в красном углу, почитались как сверхъестественные покровители данной семьи (№ 122). Наряду с этим, как отмечалось выше, якуты верили в превращение самоубийц, сумасшедших и т.п. в злых духов *юёр*. О наиболее могущественных из них были сложены мифы.

В.М. Ионов записал от одного информатора две разные версии становления *юёрем* князя Бахсытского наслега. По первой — он сошел с ума, погнавшись за злым духом, убегавшим от него, принимая разные облики: лисицы, колонка, огненного шара и всадника. Князь 9 лет оставался сумасшедшим, затем исчез бесследно и стал духом *юёр*. Это — общепризнанный у якутов путь «превращения» человека в духа, блуждающего по Среднему миру. Бахсытский князь, по второй версии, сошел с ума после того, как он обидел потомка шамана. Умерший шаман «защитил» своего сына, «наказал» князя, и тот впал в безумие, а после смерти превратился в *юёря* (№ 123). Вторая версия, очевидно, является

шаманской трактовкой мотива становления *юёрем*, итогом включения элементов погребального культа в шаманизм.

Весьма трагичен миф о духе-хозяйке Алтана, которая не умерла в раннем детстве лишь потому, что отец сумел «спрятать» ее от злых духов, воспользовавшись одним из способов «подмены» новорожденной. Затем родители нарушили ряд табу. Они возгордились, сочли невозможным найти в своем улусе жениха, равного ей. Сватовство и свадьбу провели слишком роскошно. Свадебный поезд выехал в день, который считался запретным для свадеб — 9-й день января, когда луна находилась в ущербе. По верованиям якутов, в этот день вступали в брак лишь духи *абаасы*. За все грехи понесла наказание невеста. Она заболела каким-то хроническим психическим недугом, время от времени впадая в безумие. После смерти женщина «превратилась» в *юёря*. В заключение говорится, что невесты, которым покупали часть украшений со свадебного наряда духа-хозяйки Алтана, тоже сходили с ума (№ 125). Видимо, основное назначение данного мифа — подтвердить необходимость строгого соблюдения общепринятых обычаев.

Одной из самых почитаемых центральными якутами *юёрев* являлась Болугурская *айыы*. Она была шаманкой, когда ее выдали замуж за нелюбимого человека, 3 года «не показывалась» на глаза свекру. Вероятно, она обладала даром гипноза и воспользовалась им. Как ни следили за ней, она повесилась и «стала» *юёрем*. Шаманы «передали» ей функции, которые раньше у них «выполнял» дух дочери Омогоя. Она будто бы помогала собирать и прогонять мелких духов (№ 105, 126). Помимо этих трех наиболее известных *юёрев*, по представлениям якутов, имелось и много других аналогичных духов. В сущности, у якутов состав духов Среднего мира регулярно пополнялся новыми сверхъестественными существами, которыми «становилась» часть покойников.

Представления о ряде сверхъестественных обитателей Среднего мира возникли у якутов в результате этнокультурных контактов с другими этносами. От аборигенов севера Якутии переняты, видимо, представления о *сучунаа* — таинственном, громадном, человекоподобном существе, встреча с которым может привести к несчастью (текст № 127, [Гурвич, 1975]).

После присоединения Якутии в XVII в. к Русскому государству появились якутские поверья о духе оспы, «соседках» и *сюллюкюнах*. В мифах рассказывалось, что дух оспы ходит по Якутии в образе русской женщины. Семья, которую она «посещала», забо-

левала оспой, спасались лишь те, кто сумел спрятаться от нее. В сущности, мифы об оспе предостерегали якутов, учили их, что от этой заразы можно спастись путем изоляции больных (№ 128, 130). Отметим, что, согласно одному из мифов, оспа не смогла добраться до Оймякона (полюса холода) — «поморозила» ноги (№ 129).

Очень близки к поверьям о «соседке» у русских мифы о случаях поселения вместе с людьми невидимых существ. Они не причиняли болезней и зла, если их не трогать. В одном случае, это якобы была «семья» духов, с которыми хозяева даже обменивались продуктами. В других случаях — невидимый мужчина, «сожительствующий» со взрослой девицей; видимая только дочерью «девочка», ее ровесница, ставшая ей подругой и т.д. (№ 131, 132). Также от русских заимствованы представления о *сюллюкюнах*, очень богатых существах, обитающих под водой, появляющихся на земле под Новый год. По мифам, от *сюллюкюнов* можно было получить богатство, они считались способными предсказывать судьбу, поэтому под Новый год якуты устраивали разные виды гаданий ([Кулаковский, 1979, с. 44, 82], тексты № 133—136).

В целом материалы по якутской мифологии свидетельствуют о том, что в комплекс представлений о духах Среднего мира входят весьма архаичные по происхождению поверья о духах-хозяевах отдельных предметов, местностей, рек гор и озер, образы сверхъестественных существ, возникших в результате фантастического объяснения производственной деятельности людей и их общественной жизни, а также элементы мифологии этносов, с которыми якуты находились в этнокультурных контактах.

По верованиям якутов, на жителей Среднего мира постоянно нападали обитатели мифического Нижнего мира, находящегося якобы под землей [Алексеев, 1984, с. 49—52]. Якуты считали недопустимым для обычных людей даже произносить вслух что-нибудь о существах из этого страшного мира. Они признавались вездесущими, способными незримо находиться на земле и причинять вред людям. С ними могли справиться только шаманы, которые, посещая во время камланий все миры, подробно «знали» зловещий Нижний мир, «ведали» деяния его обитателей. Кроме того, Нижний мир описывался в *олонхо* (героическом эпосе).

Практически воззрения об этом мире являлись результатом мифотворчества шаманов и сказителей. Шаманская трактовка признавалась их профессиональной «тайной», но сами шаманы щедро

делились ею во время камланий. Они рассказывали о Нижнем мире и его жителях в гимнах и заклинаниях, исполнявшихся во время мистерий и обрядов. Возможно, каждый шаман, создавая эти произведения обрядовой поэзии, дополнял общеизвестные представления о Нижнем мире новыми деталями. Нередко подобные заклинания являлись высокохудожественными поэтическими текстами. В связи с тем, что обрядовой поэзии посвящена специальная работа, в данный сборник включены лишь несколько образцов текстов обрядовой поэзии, где дано описание сверхъестественных существ, живущих в нем. В первом — шаман, видимо, в начале камлания живописно охарактеризовал Нижний мир и главных его владык, подчеркнул, что именно туда отправлялись люди после своей смерти. В конце рассказа указал на возможность шаманов «вернуть» из того мира *кут* (души) людей, болевших самыми тяжкими недугами (№ 137).

По материалам о шаманизме якутов известно, что каждый род духов, *абаасы* «занимал» определенную часть подземной страны [Алексеев, 1975, с. 114], поэтому в каждом камлании шаманы в меру своего таланта описывали духов, причинявших болезнь, и ту часть Нижнего мира, в которой они «проживали». В качестве примеров в сборнике помещены записи В.М. Ионова о духах, причиняющих болезни и смерть роженицам, маленьким детям и знахарям (№ 138—141). Сопоставление их показывает, что шаманы при камлании сообщали присутствующим, в какую часть Нижнего мира они собрались «спуститься», с какими грозными *абаасы* в этот раз им предстояло «встретиться». Такие красочные описания мифического подземного мира и его обитателей подчеркивали могущество шаманов. В сущности, они являлись авторами якутских представлений о Нижнем мире.

Несмотря на страх, который внушали верующим «обитатели» Нижнего мира, якуты допускали возможность посещения подземной страны обычными людьми (№ 142). Там они обнаруживали антропоморфных существ, имеющих страшный облик, но ведущих такой же образ жизни, как и якуты на земле. Человек в Нижнем мире становился невидимым и неслышимым для рядовых его обитателей. Последние заболевали, если живой человек из Среднего мира прикасался к ним, т.е. люди в этой стране становились злыми духами, причиняющими болезни. Незваного гостя с земли мог будто бы возвратить назад только шаман Нижнего мира (№ 142).

Данный миф, видимо, сформировался в то время, когда мифический подземный мир не был уподоблен христианскому аду.

Возможно, что мифы о Нижнем мире, как наименее благоустроенном месте, где жили враждебные людям сверхъестественные существа, сложились у древних тюрок. Об этом свидетельствуют мифы о посещении человеком подземных жителей, которые до деталей совпадали с преданиями у сагайцев и тофаларов [Алексеев, 1984, с. 64; Катанов, 1891, с. 88; Катанов, 1907, с. 276—279].

В ходе формирования якутского этноса были созданы мифы о первопредках и главах родов. В этих произведениях утверждалось, что люди переселялись в новые края и осваивали их только благодаря воле божеств-покровителей. В мифе об Омогое, якобы положившем начало скотоводческому освоению территории Якутии, говорится, что еще на южной его прародине шаман «увидел» духа-хозяйку Туймаады — места, где нынче стоит г. Якутск. Она «призывала» к себе поселенцев, «обещала» им счастье и благоденствие. Омогой «послушался» ее и переселился на Лену [ИПРЯ, ч. 1, с. 55—57].

Согласно историческим преданиям, позже к Омогою прибыл одинокий герой Эллэй, который стал главным из первопредков якутов. В мифах утверждается, что еще на южной прародине он отличался мудростью, а, прибыв к Омогою, учредил праздник *ысыах*, изобрел все виды якутской деревянной посуды. Его сын был первым белым шаманом, а один из сыновей являлся кузнецом и т.д. Ему и его потомкам покровительствовали божества *айыы*. В сущности, Эллэй и его сыновья, по верованиям якутов, считались культурными героями ([Там же, с. 65], тексты № 143—146). Здесь отразился процесс этногенеза якутов: роды, ведущие свое начало от Эллэя, были, видимо, пионерами северного типа скотоводства, сформировавшегося окончательно на современной территории Якутии.

Изучение мифов показывает, что идеи, свойственные мифам о первопредках, — их богоизбранность, переселение на новые земли по воле божеств — повторялись в поздних мифах, освещающих распространение якутов на ранее им неизвестной территории. Например, в мифе о появлении якутов на Вилюе повествуется, как провидец «разглядел» счастливую жизнь тех, кто поселится в бассейне данной реки (№ 147). Это — повтор указанного выше шаманского «предсказания» о Туймааде. В мифе о предках

бетюнцев подчеркивается — они победили своих врагов из-за благосклонности древней богини войны (№ 148). Позднее происхождение имел миф о получении внуком Тыгына от Юрюнг-Айыы и Айыысыт детей, якобы имеющих предназначение управлять людьми (№ 149).

Необходимо отметить, что у якутов сохранялись и весьма архаичные поверья об их родоначальниках. Выше показано бытование у них до начала XX в. ряда тотемических мифов. К ним близок текст о почитании кангаласцами дерева с ветловидной кроной (№ 150), которое они считали своим предком, видимо, потому что *кут* их первопредка был «получен» от такого дерева. В основе данного мифа лежало древнее очеловечивание объектов окружающего мира. Также архаичное происхождение имели мифы о рождении богатырей, имеющих ступни из гладкого камня и сплошь покрытых непроницаемой, роговой оболочкой (№ 151, 152). У них, подобно греческому Ахиллесу, имелось лишь одно уязвимое место. Якутского богатыря можно было поразить только через левую подмышку, оставшуюся незащищенной. Иногда смерть якутских силачей якобы могла быть спрятана в их коленной чашечке (№ 153).

Якуты продолжали верить в то, что судьбы людей предопределяли духи-хозяева зелени и трав, называвшиеся Эрэкэ-Дьэрэкэ. Они «записывали» в книгу, каким будет новорожденный, сколько лет проживет и как умрет. Их предсказание будто бы обязательно исполнялось, человек не мог изменить его (№ 154, 156, 157). Эрэкэ-Дьэрэкэ «могли» одарить новорожденных разными судьбами: иначе представлялось будущее искусных кузнецов, певцов и силачей. По якутским поверьям, они не могли стать богачами, так как полагали, что божества *айыы* оделяли человека только одним видом счастья — или талантом, или богатством (№ 155).

У якутов имелись весьма разнообразные мифы о шаманах. Их можно классифицировать на следующие группы: а) превращение в шамана; б) чудесные свойства шаманов и их способности воздействовать на духов и людей; в) борьба между шаманами; г) победа простых людей в борьбе с шаманами; д) судьба шаманов после смерти.

В мифах о становлении шаманов утверждалось, что они являлись избранниками духов, которые «воспитывали» их в гнездах, находящихся на особом мифическом дереве ([Ксенофонтов, 1928, с. 27], № 158, 159). Превращение в шамана, по поверьям якутов,

было длительным. Человек, заболевший «шаманской болезнью», временами сходил с ума, у него случались обмороки и т.п. Он страдал в течение нескольких лет. Мучения кандидата в шаманы в мифах интерпретировались как подтверждение того, что его *кут* похищена духами для «воспитания». Срок «обучения» будто бы определяли духи. По окончании его человек «получал» необычные свойства — умение видеть прошлое и будущее, обнаруживать присутствие сверхъестественных существ, вступать с ними в контакт, посещать места обитания духов и божеств, быть посредником между ними и людьми ([Алексеев, 1975, с. 128—187], № 161—164).

В мифах утверждалось, что шаманы могли предсказать будущее человека, подсказать пути достижения счастья. По верованиям якутов, шаманы могли предсказать человеку — благополучно он будет жить или нет. Это чаще всего совершалось при камлании. Случаи удачного предсказания оформлялись в виде мифов и получали широкое распространение. Например, в мифе о шамане Семене говорится, что он предупредил другого шамана о рождении у него ребенка, могущего стать злым шаманом, и посоветовал пораньше избавиться от него. Еще шаман Семен предсказал чудеса, которые произведет сам после смерти — переместит свое надгробное сооружение, заставит снова расцвести дерево, опаленное пожаром. Такие «деяния» шамана должны были предвещать счастье его потомкам (№ 172).

Во многих случаях шаманы предрекали несчастья. Так, шаман Кээрэкээн во сне «узнал» о поражении своего войска в предстоящем бою (№ 182). А в мифе о том, как якуты заняли местожительство тунгусов, указано, что шаман последних будто бы «увидел» невозможность сопротивления пришельцам и посоветовал сородичам покинуть землю без боя. Поэтому, мол, тунгусы покинули устье Вилюя и ушли в Янские горы (№ 171).

Якуты верили в то, что шаманы могли «увидеть» и уже прошедшие события. Например, в тексте о посещении Хара Тюмэном Якутии повествуется о раскрытии бурятскими шаманами преступления его людей — преднамеренного убийства своего хозяина (№ 168).

По якутским мифам, шаманы, подобно духам, могли перемещаться по воздуху, превратившись в вихрь, незримо проникать в дома сквозь стены, из-под камелька и т.п. Эти «похождения» считались небезопасными для шамана. Простой смертный мог ранить его, метнув в вихрь ножом, а дух-хозяин огня поражал непрошен-

ного гостя горячим угольком, и шаман умирал (№ 169, 173). В мифах утверждалось, что шаманы могли принимать облик зверей и птиц, например, показываться в виде медведей, собак, летать, став орлом, соколом, вороном и т.п. (№ 169, 179, 184 и др.). Они также перемещали с места на место различные предметы (№ 170), наводили на противников мираж (№ 176), вмещали в себя духов, что якобы приводило к внезапному утяжелению собственного веса шамана (№ 177) и т.д. В целом мифы о сверхъестественных свойствах самих шаманов укрепляли их авторитет, подтверждая отличие от простых людей, подчеркивая их способность воздействовать на духов и божеств.

По верованиям якутов, шаманам помогали многочисленные духи-помощники, приходившие по их просьбам в различных обликах — зверей, птиц, антропоморфных существ и т.п. В ряде мифов рассказывалось о действиях этих сверхъестественных существ. Например, в одном мифе повествуется о кровожадности духов-помощников шаманки Матрены, которые даже «съели», т.е. убили ее племянников (№ 174, 175).

Якутские шаманы якобы владели рядом волшебных предметов. К ним относилось дерево, «предназначенное духами» для шаманского бубна, от него осторожно отщепляли необходимый для обечайки кусок, а само дерево должно было продолжать расти. Если оно засыхало, то шаман, которому принадлежало это дерево, будто бы умирал (№ 166). По якутским поверьям, шаманы устанавливали сверхъестественные самострелы на путях своих противников-шаманов и духов. Такие невидимые орудия имели якобы громадный размер — их тетива тянулась от вершины одной горы до вершины другой (№ 172, 178, 180). К числу волшебных предметов шаманов относились костюм, бубен и различные изображения духов, изготовлявшиеся при проведении обрядов. В якутских мифах говорится, что их делали по велению духов. Железные привески для костюма и бубна будто бы могли выковать только кузнецы, имеющие сильных духов-покровителей [Алексеев, 1975, с. 143—156]. Иногда в мифах утверждалось, что часть атрибутов шаман получал от своего духа-покровителя. Например, парню Сабырыкы дух, призвавший его в шаманы, прислал через ворона с наполовину белой головой рукоятку бубна со всеми металлическими привесками (№ 163).

Якутские мифы о шаманах убеждали верующих в том, что благодаря своим сверхъестественным свойствам, обладанию вол-

шебными предметами и духами-помощниками они могли защищать людей от козней злых духов. Шаманы якобы посещали места, где жили *абаасы* и забирали у них похищенные человеческие *кут*. Например, шаман мог камлать к духам, силой отнять *кут* своего пациента и возвратиться в Средний мир (№ 161). Перипетии борьбы шамана с духами в основном освещались им во время камлания, где подробно описывались миры, которые он посещал, духи, помогавшие или противостоящие ему, препятствия, «встречавшиеся» на его пути, и т.д. «Результаты» камлания часто оформлялись в виде мифа, повествующего о победе шамана над духами. В отдельных случаях шаманы одолевали духов без камлания. Например, в мифе о шамане Суор Уоле рассказывается, что он, превратившись в иголку, присутствовал при разговоре семи сестер-духов оспы. Затем он «подстерег» прибывшую к нему старшую из сестриц и, «заключив» в бутылку, бросил в озеро (№ 179).

По мифам, якутские шаманы не только защищали людей от духов, но и сами могли причинять несчастья, болезни и смерть тем, кто им не понравился или обидел их. Они якобы были способны волшебством забрать приглянувшегося коня, навести мор на скот, наслать на своих врагов духов Верхнего и Подземного миров (№ 164, 165, 185—187, 189). Например, в одном мифе указывается, как три шаманки уничтожили всех хоринцев, напавших на них, обратившись к помощи небесных и нижних духов (№ 181). В цикле мифов о шамане Кээрэкээне рассказывается, что он отомстил своим врагам, подослав к ним дочь духа раздора и кровожадности Илбиса. Она «распространила» ложные слухи среди обидчиков Кээрэкээна, они стали враждовать между собой и перебили друг друга (№ 182).

Необходимо отметить, что шаманы все же не считались всемогущими. По мифам, они не могли причинять вред тем из людей, у которых были сильные духи-покровители (№ 165). В ряде текстов отмечены случаи, когда обычный человек вступал в борьбу с шаманом и одерживал победу (№ 191). Кроме того, по верованиям якутов, имелись способы защиты от козней шаманов и даже магического убийства их. Например, шаман умирал, если во время камлания незаметно привязать к его костюму полоску материи с одежды беременной женщины (№ 190). Подобные поверья являлись отражением оптимизма народа, допускавшего наличие разных сверхъестественных существ, верившего в чудесные свойства шаманов, но не полностью подчинявшегося им.

Шаманы часто преследовали друг друга и иногда убивали своих соперников каким-либо сверхъестественным способом. То они «гонялись» один за другим, превратившись в различных птиц, то бодались, «став» порозами и т.д. (№ 163, 184, 188). Вражда шаманов имела, конечно, вполне земные причины: более «сильный» из них чаще приглашался для совершения обрядов, поэтому они постоянно соперничали. Появление нового шамана или смерть одного из них приводили к уменьшению или увеличению количества лиц, пользующихся услугами шаманов. Материальное благополучие нового шамана зависело от того, как быстро он получит признание верующих. Этим и объяснялось то, что молодые шаманы, подобно Сабырыкы, сразу начинали «нападать» на шаманов, действовавших в районе их жительства (№ 163).

Важное место в якутской мифологии занимали тексты о «действиях» умерших шаманов. Их смерть сопровождалась разными чудесами. Так, из-за того, что умерла шаманка Матрена, якобы случилась страшная буря, валившая деревья, в день «ее смерти подохла одна корова, а в день похорон от вихря погиб один конь» (№ 193). Шаман Кээрэкээн будто бы предсказал, что перед смертью, приняв облик гагары, нырнет в реку и проплывет 30 км. В том месте, где она «вынырнет», найдут его тело. Кроме того, он предупредил, что на его могиле «вырастут три лиственницы с вершинами в виде помела». Если бездетная женщина от них испросит ребенка, то сам шаман якобы родится во второй раз. В мифе говорится, что предсказания шамана сбылись, только не указано, просила ли какая-нибудь женщина от тех лиственниц ребенка (№ 183).

В ряде текстов утверждается, будто бы наиболее могущественные шаманы не умирали, а улетали в Верхний мир. Первым шаманом, «отправившимся» на небо, считался сын Эллэя. Он исчез бесследно, и это было принято как знак, что он поднялся в мир своих духов-покровителей. В Верхний мир переселялись, по мифам, и другие шаманы, например, шаман — предок якутов Хоптогинского наслега Амгинского района (№ 195).

По верованиям якутов, умершие шаманы часто вмешивались в жизнь людей. Те из шаманов, которые ушли из жизни обиженными, становились духами и мстили в основном своим сородичам, причиняли им разные болезни и несчастья (№ 192). Иногда покойные шаманы «приходили» к своим потомкам с просьбой: поправить разрушенную могилу или перезахоронить их (№ 194). В

некоторых случаях умершие шаманы якобы защищали своих потомков, как это происходит в мифе о превращении в *юёря* Бахсытского князца (№ 123).

По якутским мифам, «великие» шаманы продолжали камлать и после смерти: иногда будто бы гудели их бубны в тех местах, где они были похоронены. Якуты также верили в способность шаманов «путешествовать» после смерти во времени. Например, в мифе «Холбо» говорится, как покойные шаманка и ее дочь регулярно возвращались на рубеже годов в свою юрту и жили до восхода солнца, утром же они исчезали, пропадали и все предметы, которые принадлежали им (№ 196). Таким образом, мифы о «действиях» умерших шаманов подтверждали их могущество и наличие у них сверхъестественных свойств, подкрепляли веру в способность живых шаманов регулировать по возможности отношения людей с божествами и духами.

Мифы о шаманах убеждали верующих в избранничестве их духами, обладании свойствами, «присущими» сверхъестественным существам, и способности воздействовать на духов. В этих текстах, в сущности, обосновывалось право шаманов руководить религиозной жизнью народа.

Изучение шаманских мифов показывает, что они еще не стали единой, стройной системой общих религиозных якутских воззрений. В каждой локальной группе якутов имелись свои мифы о различных сторонах деятельности шаманов, героями которых были местные шаманы. Практически каждый шаман считался главным действующим лицом хотя бы одного мифа, о них складывались целые циклы, включающие в себя все виды мифов о шаманах (№ 163—165, 182, 183, 194).

Итак, в якутских мифах излагались правила поведения людей в обществе и порядок проведения обрядов. Сложилась следующая структура первичного мифа: во вводной части объясняется его возникновение, затем излагается перечень обрядов и действий, которые необходимо совершать в этом случае, в конце указывается наказание, которое ждет человека, не выполнившего правил, диктуемых мифом.

Мифы, где объясняются действия, совершавшиеся нарушителями табу, изложенных в первичных мифах, можно считать более поздними, вторичными. В них рассказывается о нарушении, совершенном героем, затем излагаются правила проведения обрядов, направленных на умиротворение «рассерженных» тотемов, духов и

Обряд испрашивания души ребенка у богини Айыысыт

т.п. Фактически «освящалось» усложнение, расширение системы религиозных обрядов. Заметим, что мифы не оставались неизменными. Порой менялось объяснение причины почитания божества или духа, старый миф получал дополнительные функции, вытекающие из эволюции верований. Характерной чертой якутской мифологии являлось сосуществование произведений, возникших на разных этапах истории этноса. Новые мифы не отрицали старые, а приспосабливались к ним, лишь отодвигая их на второй план. Так, почитание тотемов сохранялось, но было введено понятие о том, что в отдельных наиболее важных случаях на них успешно воздействовали шаманы.

В целом якутская мифология охватывает все стороны жизни народа. Она дает религиозную интерпретацию взаимодействия людей с окружающим миром, отношений в человеческом обществе, утверждает законность сложившегося у якутов социально-экономического уклада. Согласно мифам, жизнь на земле зависела от воли различных духов и божеств. Комплекс представлений о сверхъестественных обитателях Верхнего и Среднего миров якуты унаследовали в основном от той части их предков, которые переселились на Лену с юга. Многие элементы якутской мифологии аналогичны религиозным воззрениям других тюркоязычных этносов.

Более поздним пластом якутских верований, видимо, являются шаманские мифы. Судя по имеющимся материалам, шаманизм к приходу русских стал ведущей формой религии, он отчасти подчинил себе другие культы. Шаманы стали совершать часть обрядов погребального, промыслового культов, культа духов-покровителей рода. Процесс включения этих форм религии в шаманизм отразился в мифологии.

В связи с тем, что традиционные религиозные якутские воззрения не были канонизированы, в каждой локальной группе сохранялись определенные, типичные только для них поверья. Героями даже общих по содержанию мифов считались местные божества. Их знатоками соответственно признавались шаманы местных жителей. В некоторых случаях специфика локальных верований обусловливалась включением в состав предков представителей различных этносов, поэтому детальное изучение якутской мифологии может пролить свет на этническую историю якутов и народов, с которыми они вступали в этнокультурные контакты.

Особо следует подчеркнуть, что в прозаических мифах часто излагались воззрения, признававшиеся членами только определенных родов или локальных групп. У людей из других родов и регионов существовали другие такие же духи, т.е. не все включенные в сборник мифы были общеякутскими. Часть их считалась тайной, известной лишь шаманам и жрецам культа духов-покровителей рода и племени. Эти «секретные» сведения излагались в заклинаниях и гимнах во время проведения обрядов. В них тоже имелись варианты, распространенные лишь в отдельных регионах.

САХА ӨС-НОМОХТОРО

ХАМСЫЫР-ХАРАМАЙ ТУҺУНАН

1. Көтөрдөр мунньахтара

I

Былыргы бириэмэҕэ ити араас уһуктаах тумустаах көтөрдөр атын сиргэ баран кыстыыры билбэт буоланнар бука бары бу дойдуга кыстыыллара үһү. Бу дойду тымныыта хаара бэрт буолан тоҥон өлө сыыһаллара, өлөллөрө да үһү. Бу дойду тымныыта, хаара бэрт буолан, олорон да көрөллөрө, саһылы кытта биргэ кыстыыллара да үһү. Саһыллара, били этимсэх баҕайы буолан: кыайарын-хоторун барытын сиэн баратара диииллэр. Онтон ыксаан бары от-мас төрдүн айыы муҥнаналлар да тулуйбаттар эбит.

Биирдэ сүбэлэһэ түһэн, көтөр аймах[1] бииһэ олоччу мунньахтыыллар, ол мунньахтаан сүбэлэһэн: «Дьэ бу саһыл баар эрэйэ суохтук олорор үчүгэй итии дьиэлээх. Арай кини өйдөөҕүн-мэйиилээҕин иннигэр, туора харах саалаах сахха[2] кинини булан бултаһар, арай кинини дьиэтиттэн муннаран бэйэтин суох оҥорбут киһи, кини дьиэтин дьиэ оҥостуо этэ, сылааһа, киэҥэ да алыс ээ. Ким барыай, хайаҕыт саталлаах буолуой?» — диэн буоллар.

Маныаха ньокоокуй:

— Мин барыам этэ, мин кинини муннарыам этэ, эһиги арай миэхэ ити элбэх саҥаҕытыттан билэр гына үөрэтэргит буоллар, — диэн этэр.

— Э-э, дьэ үөрэтэн-үөрэтэн, бэссэн-бэссэн! — дэсиһэн сөбүлэһэн, көтөрдөр, ыксаабыт дьоҥ быһыытынан, ньокоокуйу эҥин саҥаҕа үөрэтэллэр. Ол үөрэнэн ньокоокуй эҥин араас дьиибэ саҥалаах буола түһэр да, дьэ саһылга барар.

Кээлтигэр сиэри үрдүгэр түһэр. Ньокоокуй араастаан саҥарасаҥара саһыл иннигэр киирэр, ситтэрбэт эрэ гына ити түһэ-түһэ көтөн, куотан иһэр. Саһыл: «Туох буолар баҕайыный, саҥата баҕас тоҕо элбэҕэй?» — дии-дии холдьоҕон иһэр. Биирдэ өйдөнөн кээлтэ, саһыл ханна кээлтин билбэтэх, ыраатан хаалбыт, дэлби харгыйбыт, утаппыт. Ньокоокуйа суох буолан хаалбыт үһү. Дьэ саһыл хайдах гыныай, биитэр көтөрү-ньокоокуйу хантан булан ситэн ылыай, абатыйбытын иһин хаалар. Ыксаан, суолун ирдэнэн төннөр

да оччо ыраах, оччо эрийэ-буруйа буолар, олох сырата-сылбата быстар. Наһыыла-наһыыла суолун устун эрийэ-буруйа үктээн, саһыл уйатыгар кэлбит.

Ол кээлтэ, дьэ көтөр биирин ууһа бары кини уйатыгар мустубуттар үһү. Кини кээлтин көрөн баран, бары үрүө-таара көтөллөр, саһыл мүччү-хаччы харбаһан эрэ хаалар. Көтөрдөр көтөн суох буолан хаалаллар. Саһыл дьиэтигэр көтөрдөр дэлби иликтээн-саахтаан олорон бааттар. Кыһыйбытын-абарбытын иһин туох кэлиэй.

Көтөрдөр эмиэ дьиэлэрэ суох буолан, тымныыга тулуйбакка, өлөллөрө буолар. Ыксаан, бары тойоннуун-хотуннуун, кинээстиин-чаччыыналыын бука бары мустан эмиэ сүбэлэһэллэр[3].

— Аны ким өйдөөх-мэйиилээх буолуон сөбүй? Арай бу туруйа буолуоххун сөп, арай эн саһыл өйүн-мэйиитин тургутуһан көр. Туох эмэ тахсаарай, хайа, баҕар, сөбүлэнэн барыбытын кыстатар, олордор киһи буолаарай? — диэн дьүүллээн, туруйаны оҥороллор.

Дьэ туруйа сөбүлэнэн саһылга барар. Саһыл да буоллар, туруйаттан толлон сииргэ соруммат. Бииргэ олороллор. Ол олорон туруйа саһылтан ыйытар:

— Дьэ эн, саһыл, төһө элбэх санаалаах-мэйиилээх киһигиний? — диэн.

— Мин буоллаҕа дии, элбэх санаалаах-мэйиилээх, кэлбит-барбыт түөрт уон түөрт санаалаахпын, — диир саһыл.

— Дьэ оччоҕо, билигин сотору эйиэхэ туох кэлэрин билэҕин дуо? — диэн ыйытар туруйа.

— Миэхэ туох кэлиэй, туох да кэлэрэ биллибэт, — диир саһыл.

— Онтон эн куттанар кыыллаахха дуо? — диэн ыйытар туруйа.

— Эчи суох, арай куттуур саалаах сахха, туора харах баар буолуо этэ да, онтон да куотар санаалаах буолабын! — диир саһыл.

— Хайдах? — диир туруйа.

— Туора харах кэллэҕинэ, уйабын-хорооммун дөссө кэҥэтэн, түгэҕинэн эбии хастан саһыам буоллаҕа дии, — диэн этэр саһыл.

— Уйаҕын кэҥэтэн, хороонҥун хастан эн туора харахтан куотуоҥ суоҕа. Син биир туора харах үрдүгүнэн дьөлө хаһан, эйигин булан өлөрүөҕэ, — диир туруйа.

— Чэ оччоҕо эн, туруйа, санааҕар туора харахтан хайдах куотуохха сөбүй? — диэн ыйытар саһыл.

— Ээ! Тугу түөрт уон түөрт санаалаахпын диэбиккиний? Билигин туора харахтар кэлэллэр. Эн бу мин улаҕабар сыт, мин дьиэ ааныгар сытыым. Туора харахтар хаһан да бу саһылы кытта туруйа сыттаҕа диэхтэрэ суоҕа. Миигин хостоон таһаарыахтара. Мин өлбүт

буолан хаалыам, оччоҕо миигин көрө-истэ, дьиибэргии турдахтарына, эн кытаатан ойуоххунан ойон көрөөр. Дьэ туора харахтар ону да билиэхтэрэ, биллэллэр эрэ, — эн биһи өллөхпүтүнэ оттон маҕылах этин сиэхпит[4], тилиннэхпитинэ бииргэ олоруохпут, биир киһи буолуохпут. Кытаатан өйдүө! — диэн туруйа саһылын сүбэлиир. Оруннарын атастаһан, туруйа ааҥҥа, саһыл улаҕаҕа сыталлар.

Арай ол сыттахтарына биирдэ тыас-уус, айдаан, саҥа-иҥэ бөҕө буола түһэллэр да, туора харахтар кэлэннэр бокуойа суох уйаны арыйан, өлбүт буолан кубулунан сытар туруйаны хостуу тардан таһааралларар.

— Хайа кыылый? Туруйа дии, өлбүтэ үйэ буолбут. Туох буолан кэлэн симилиннэҕэй, иирдэҕэ дуу? Саһыл суох буоллаҕа дии, — дэһэ-дэһэ, туруйаларын сахсыйа-сахсыйа көрөллөр, ыраҕан кэбиһэллэр. Ах баран, көрөн тураллар. Саһыл ыксаан куолутунан бастаан хороонун түгэҕинэн хастан көрүнэн иһэн, өй булунан ылан, мүччү ойон, ойуур диэки ыстанар. Туора харахтар манна соһуйан, кэнниттэн биирдэ-иккитэ эрэ хардыылаан көрөллөр. Ол икки ардыгар туруйа көтөн тилигирии түһэр да, тэлээр гынан хаалар. Дьон, туора харахтаах, соһуйан буолуо суоҕа дуо, онно охто сыыһаллар. Дьэ саһыл куотан хаалар, туруйа көтөн хаалар. Туора харахтар мэлийэн ааһан хаалаллар.

Хойут туруйа саһылы көрсөн ыйытар:

— Хайа, саһыал, мин хайдах өйдөөх-санаалаах эбиппиний? — диэн.

— Ээ дьэ! Эн баар эбиккин үгүс элбэҕи саныыр киһи, бииргэ олоруох, — диир саһыл.

— Дьэ кырдьык, — диэн туруйа өр кэмнэ дылы саһылы кытта бииргэ олоорто үһү. Саһыл ол да буоллар атын көтөрдөрү кыстаппат арай сиирин эрэ толкуйдуур, саныыр.

II

Көтөрдөр олорон хаххаланар дьиэлэрэ суох буолан, эмиэ өлөллөрө кэлэр. Саһылга барыахтарын саһыл илэ-бодо тутан сиирэ сүрэ бэрт. Онон биир кэмнэ үһуктаах тумустаах, хаптаҕай тумустаах аймах бары, көтөр биис бүттүн, үтүөлүүн-мөкүлүүн мунньустан улахан айдааннаах мунньах оҥороллор. Бу мунньахха куба — кулуба, хаас — хандьыдаат, киргил — кинээс, чаччыгыныар — чаччыына, барыллыа — тойон буоланнар бары баар буолаллар[5].

— Дьэ аймахтар, бу бары биһи көтөр биистэрэ биһиги эрэ кыстыыр сирбит, хаххаланар сирбит дьиэбит суох буолан, бу дайдыбыт тымныытыгар тоҥон тулуйбат буоллубут. Хайдах даҕаны олорор, тыыннаах буолар ааста. Биир эмэ сытыы-хотуу, сөптөөх киһитэ булан сир көрдөтө, буллара атаарыаҕын, дэсиһэллэр. Дьүүллэһэн-дьүүллэһэн, хабдьыны оҥорон атааралар.

Хабдьы барар да сотору кэлэр:

— Дьэ кыстыыр үчүгэй сири булан кэллим, — диэн кэлэр. Ону көтөрдөр баран көрөллөр да, көрбүттэрэ: талахтаах сири булан, ол быыһыгар хаарга хастан утуйар, сытар, кыстыыр сири булбут эбит. Манна хайдах да сатаан кыстаабат көтөрдөр элбэх буоллулар.

Эмиэ куолуларынан мунньустан, кыстыыр сири көрдөтөр киһини була сатаан, аны мас кыылын улары:

— Эн аны баран көр, — диэн ууруахтыыллар.

Мас кыыла баран баран, эмиэ сотору тиийэн кэлэр да:

— Э-э дьэ буллум, киһи кыстыыр сирин, — диэн кэлэр.

Көтөрдөр бассыһан эмиэ көрөллөр. Көрбүттэрэ — титириктээх алыыны булан, онно кыстыыр гына оҥостубут эбит үһү. Бу сиргэ улартан атын туох да көтөрө сатаан кыстыа суох үһү.

Онон көтөрдөр куолуларынан бары мустан сүбэлэһэн эмиэ дьүүлүнэн аны:

— Бу саҥыйахтаах-илтэлээх, сылаас таҥастаах киһи бэрдэ, көтөр дьэллигэ, ат бөҕө, кус быһый киһи, эн кыстыыр сирдэ көрдүү, олох ыраата барыаххын сөп эн, хаххан бааргын, — диэн хахханы ууруахтаан бараргa оҥороллор.

Хаххан сөбүлэнэр, дьэ этэр:

— Мин барабын. Дьэ бэрт ыраах күн аннын диэки барыахтаахпын. Өллөхпүнэ, үс сылынан үөрүм ытаан ааһыа буоллаҕа[6]. Этэҥҥэ сылдьан эргийэрдээх буоллахпына, аны үс сылынан эргийиэм буоллаҕа, — диэн хаххан сапсыйан бара турар.

Хаххан баатта, көтөрдөр санааларыгар, уһаабыта олус буолар. Кэтэһэ сатыыллар, олох кэлбэт. Көтөрдөр: «Бу кэлэн туох буолла дуу, туохха эрэ ылларда дуу?» — дэсиһэн ыксааннар, бары ыҥырсан, эмиэ муста түһэн, мэкчиргэни: «Эгэ бу ойун киһи буоллаҕыҥ, ойуннаа, көр-бил. Тоҕо бу айылаах бачча уһаата»[7], — диэн, биир баайтаһын чэҥэрэкээни баайан биэрэн, ойуумсуталлар. Мэкчиргэ көтөрдөр ортолоругар киирэн олорон ойумсуйар. Биир баайтаһын чэҥэрэкээн сордоох бааллан турар. Көтөрдөр, уһуктаах тумустаах, хаптаҕай тумустаах аймах бииһин уустара бары баар бу-

олтар. Манна дьэ тойонноро — барыллыа, кулубалара — куба, хандьытааттара — хаас, кинээстэрэ — киргил, чаччыыналара — чаччыгыныар — бука барылара баар аҕай буолуохтара суох дуо, бааллар аҕай буоллаҕа дии. Били мэкчиргэлэрэ иҥин-иҥинник саҥара-саҥара, ойумсуйа турар. Хоноҕор да быһыылаах, кэдэгэр да быһыылаах, иэҕэгэр да быһыылаах, уһун да моойдоох, үрдүк да атахтаах, ынаҕар да быһыылаах, лөкөгөр да мэйиилээх көтөрдөр бары батыспат гына төгүрүйэн олороллор. Арай балар истэригэр биир ити билигин хаан төбөлөөх чычып чыычаах өбүгэтэ чыычаах баара, кырата бэрт буолан, атын көтөрдөртөн мэһэйдэтэн көрө сатыыр да көрбөт. Ол иһин абатыгар кулубалара куба иннигэр олорон көрөөрү сыыллар. Ону куба хонойон олорон: «Киһи иннигэр бу кыра бэйэтэ тоҕо эмиэ киирдэ, дөксө кини уһуктаах тумустаах, саатар хаптаҕай тумустаах буолбат», — диэн айдаара түһээт, тымтан тоҥсуйбутун кэннэ киһи буолуо дуо, мэйиитин хаана диэн ыһылла түһэр. Ытыыр-соҥуур, дьэ айдаан буола түһэр. Көтөрдөр да аймана түһэллэр. Ойууннара ойуумсуйара тохтуур. Чэҥэрэкээни баайан туралларын ыыта охсоллор.

Көтөрдөр үрдүктээх-намыһах тойотторо, арахсыһан, наар-наар буола, уһуктаах икки хаптаҕай икки тумустаахтара арахсыһан, наар-наар буола түһэллэр. Этиһэн, мэккиэр, ытааһын-соҥоохун бөҕө буола түһэллэр. Этиһэн, мэккиэр кубалаах хаас хаптаҕай тумустаах туспа суол биир аймах, киргиллээх чаччыгыныар уһуктаах тумустааҕы кытта туспа биир суол аймах буоланнар мэккиһэллэр. Маныаха биирдэрэ: «Куба моонньо уһун, атаҕа үрдүк, кини бэйэтэ улахан, улаҕаҕа да туран көрүөн сөп этэ. Чычыбы, кыра муҥнааҕы атаҕастаан, уһуктаах тумустаах диэн баттаан, ити айыылаах оҥордо», — диэн буолар. Биирдэстэрэ буоллар: «Кини чычып, кыра кусаҕан үөдэн буолан баран дуоһунастаах, сололоох кулуба тойоммут иннин быһа хаамара сатаммат баара, кини кусаҕана», — диэн буолар.

Ол гынан өр мэккиһэн баран хайалара да сөбүлэспэккэ тойонноругар барыллыаҕа үҥсэллэр: «Бу манныкка ким буруйдааҕый, үтүө тойоммут дьүүллээ», — диэн. Ону барыллыа:

— Төһөтүн да иһин куба төрүт уус, оннооҕор саха киһи үҥэрсүктэр алҕанар айыыта буоллаҕа дии. Кини билбэт буолан сыыһан этиэ дуо.

— Чэ, эн бу кулуба да буолларгын эн куба буруйдаахха, уһуктаах тумустаахтар диэ суохтаахха этэ. Көтөр аймах биир айылгылаах буолаллар, ону кыра кусаҕан диэн саныа-баттыа суох этиҥ.

Көтөр дуусата биир буолар. Уҥуоҕунан кыра, бөҕөтүнэн мөкү да буоллар көрүөҕүн баҕалаахха көрдөрүөх баар этэ. Ол кэннэ хаан таһааран баттаабыккын, — диэн буолар.

Манан эмиэ уһуктаах тумустаахтар: «Хор оннук ээ, оннук ээ!» — дэсиһэн аймалҕаннара ааһа түһэр.

Маныаха куба аймаҕа сөпсөөбөккө, аны көтөр ыраахтааҕыта Өксөкү кыыл диэн баарыгар аасыһан үҥсэллэр. Өксөкү үҥсээччилэри биэс тылы этиппэккэ, биир саҥаны саҥарпакка эрэ сэмэлээн баран хаптаҕай тумустаах көтөр аймах бастаахтарыгар буруйгутугар диэн биирдии ый сыл ахсыҥ хаайыыга сылдьар гына анаабыт[8].

Онтон ыла уу көтөрдөрө бастыҥнара биирдии ыйга көппөт буола саарар буолтара үһү. Ол куба тэһэ тоҥсуйбутунан чычыпчыычаах мэйиитэ кыһыл хааннаах буолта үһү.

III

Дьэ ити итинэн ааһар. Ол үлүгэр буолан баран көтөрдөр мустуохтара дуо, эмиэ суну-саны буолан от-мас төрдүн аайы тоҥон өлүмээри эрэ били хахханнара эргийэрин кэтэһэн олороллор. Үс сыл буолаат хаххан дьэ кэлэр. Хаххан уойбута-топпута сүрдээх, түүтэ-өҥө көммүтэ да бэрт. Бука үчүгэйдик сылдьан бу буолта буолуо диэн буолар. Көтөрдөр бары мустан олорон хаххантан хайдах сиргэ бара сылдьыбытын ыйыталлар.

— Дьэ бу үс сыл тухары баран сүппүтүм усталаах туоратыгар бэрт эрэйи, тоҥууну-хатыыны көрдүм, мин киһи буолан эргийдим. Бу биһи дайдыбыт, сирбит диэн баара дуо, уонунан оччо тымныы, уонунан оччо хачаал, куһаҕан сир эбит. Ол кэннэ бэрт ыраах сир эбит, — диэн олох ыраастык мэлдьэһэр.

— Дьэ оччоҕо биһи өлөр-быстар, көтөр аймах киһи буолбат ыйаахтаах дьон буоллахпыт, — дэһэллэр.

Ону сорохторо:

— Хайдах оннук буолуой, доҕоор, кэм ханна эмэ тыыммыт уһуур сирдээх инибит, — дэһэллэр.

Тарҕаһаллар. Хаххан көтөрдөр баартарын кэннэ:

— Эмээхсиэн, дьэ мин бэрт ыраах сиргэ баран, биир киэҥ байҕалы туораан күн аннын диэккиттэн үтүө астаах-таҥастаах, оттоох-мастаах, кыһына суох итии салгыннаах, киһилээх-сүөһүлээх, көтөрдөөх сири Кыдат[9] дайдытын булан кэллим. Киһи айаныгар уһаабат сирэ. Аһа-таҥаһа бэрдинэн сэниэ ыла түһэн кэлээри бачча утайдым. Биһи кимиэхэ да эппэккэ бэйэбит барыахпыт.

Хата дьэ оҕолоруҥ бойбохолорун сыта-тура биллэрбэккэ оҥортоо. Сөп диэ.

— Ээх, саҥарыма, аргыый, истиэхтэрэ. Бэйэ эрэ туох саҥарар? — диэн киирдэ-таҕыста эмээхсинэ.

Арай бу кэпсии олорбутун аллара атаҕын анныттан саһа сытан үҥкүрүмэ (үгүрүө) иһиллии сытар эбит үһү. Соҕотохто «чаас!» диэбитинэн ойон тахсар да «һуу» диэн эрэ көтөн хаалар. Хаххан соһуйан көрүөҕүнэн көрөн баран тиэрэ баран түһэр. Үҥкүрүмэ «һуу-һаа» диэн, «чаас-чаас» саҥаран этинэн, аймахтарыгар көтөрдөргө баран: «Хаххан оннук үтүө сири, Кыдат сири күн анныттан булбут үһү. Эмээхсинин сыта олоро оҥостон биллэрбэккэ сып гынан хаалыах, үтүө итии сир диэтэ», — диэн кэпсиир.

Көтөрдөр:

— Дьэ түөкүн хаххан, дьэллик дьэллигэ тардан албыннаабыт буоллаҕа, — диэн хахханы ыҥыттаран ылан ыйыталлар.

— Эчи суох, үҥкүрүмэ иирэрэ буолуо, албыннаан этэр. Аны мин бэйэм өссө өлө сыыһан кэлбитим үрдүнэн албыннаабыт аттанарым дьэ бэрт сүрдээх суол, — диэн кылбаччы мэлдьэһэр.

Үҥкүрүмэ ону айахха анньа олорор. Көтөрдөр дьүүллэһэн хахханы хаайан кэбиһэллэр. Ол кэннэ икки киһини — хара мэйии хоптону уонна мохсоҕолу булан уураахтаан Кыдакка атааралар. Ол кэннэ бэйэлэрэ кэтэһэн олороллор. Биир ый буолаат хара мэйии хопто эргийэн кэлэ охсор:

— Дьэ буллум, Кыдат сирэ баар эбит үтүө дойду. Көтөр араһа, киһи эҥинэ, сүөһү элбэҕэ, от-мас үчүгэйэ-кэрэтэ ол дойдуга үөскээбит сирэ эбит. Биир эрэ киэҥ байҕал баар эбит, ону эрэ чиэрэстиир киһи үтүө сиргэ-уокка тиийэр дойдута эбит, — диэн кэлэр.

— Хайа мохсоҕолуҥ? — диэн буолар.

— Э-э, мохсоҕол түргэнник эрэ көтөрүнэн, кини халыйара бэрт буолан хойутаан утайар, — диир.

Үс хонон баран мохсоҕол да кэлэр.

— Дьэ утайдым, — диир, — үтүө дойду-сир Кыдат баар эбит, — диэн син биир сэһэргиир.

Дьэ көтөрдөр:

— Бу хаххан үчүгэй сири булан баран, албыннаан бэйэтэ эрэ бараары кэпсиэбэтэх эбит, — диэн. Бука бары мустан олорон уураахтаан, онно дэлби сынньаллар. Ол кырбаан ким тумустаах тумсунан, ким тыҥырахтаах тыҥыраҕынан түһэллэр, эттиллэр. Төбөтүн хаптаччы охсоллор, көхсүн «һуу!» дии олорор гына дьөлө тиҥилэхтиллэр, икки хараҕын быччаччы тахсыар диэри кыр-

быыллар, түүтүн кырымахтаах буолуор диэри үргүүллэр. Ол кэннэ бэйэтин саастаах үйэтигэр бу дайдыттан барбат гына хараааллаан кэбиһэллэр.

IV

Ол олорон мунньаҕынан көтөрдөр аны оҕолорун туһунан кэпсэтэн ууруах тахааралар. Маныаха ким төһөлүү оҕолоох буолуохтааҕый диэн буолар.

Ол үллэстэн: «Үҥкүрүмэҕэ түөрт оҕо сөп, кини кырата да бэрт, онтон ордугу кыайыа суоҕа», — диэн түөрт оҕону аныыллар. Оҥу үҥкүрүмэ: «Мин төһө эмэ үтүөлээҕим үрдүнэн түөрт эрэ оҕону биэрэҕит?! Миигиннээҕэр кыра баҕайы чаачынайга уон оҕону биэрдэххит. Аны мин хаһан даҕаны барыам суоҕа, эһигиттэн арахсабын, ол кэриэтэ саха киһи дьэбиннээх батаһыгар супту түһэн өллөҕүм!» — диэн. Ити онтон ыла кини манна хаалан көтө-көтө эмискэ тыаһаан түһэр буолта үһү.

Онтон хабдыыга элбэх оҕону биэрэллэр. Хаас этэр: «Хабдьы барыан сөп», — диир.

Оҥу хабдьы:

— Эн хаас, Кыдакка баран эргийэргэр саас төһө бөтүөннэнэн кэлэҕин, көрүөхпүт. Барбаппын, — диэн барбатах.

Ол тэнэ байҕалы кыайан туоруо суох буолан хаалбыт көтөр элбэх. Буучугурас, чөкөөнүй: «Кыайан көтүө суохпут» диэн хаалбыттара үһү.

Ньокоокуй «үгүс көтөр саҥатын ылан элбэх саҥабынан туһанан бу да дойдуга хаалан олороо инибин» — диэн хаалбыт.

Мас кыыла маһыгар хаалбыт, чычып эрэйдээх олоҕуттан уларыйбатах.

Уоннааҕылар Кыдакка баран кыстыыр буолтар.

Орто Халыма оройуона. Мииск Таркин сэһэнин истибит Николай Алексеевич Винокуров тылыттан. С.И. Боло суруйбута, бэс ыйын 29 күнэ, 1940, с. Орто Халыма [ЯС, т. 1, с. 72—78].

2. Тойон кыыл[1]

Тойон кыыл көтөрдөргө барыларыгар баһылык. Кини кэпсээн быһыытынан көтөрдөр таҥаралара, улахан Улуу тойон[2] бастыҥ уола. Тойон кыыл биир бастыҥ алдьатыылаах сиэмэхтэртэн биирдэстэрэ — бараан, сылгы, ынах, ыт ону аһан киһи оҕотун кытта илдьэ баран сиир, алдьаххай иҥсэлээх народ хаһаайыстыбатыгар

алдьархай ночооту оҥорор көтөр, кини наһаа күүстээх, тордуохтаах тумустаах, уһун сытыы тыҥырахтаах. Былыр бэрт кырдьыбыт тойоннор дьылҕаланаары гыннахтарына сатыылаан сиргэ түһэн өлөллөрө үһү. Ону ойуун кыырдан, малааһыннаан, туоска суулаан, ытыгылаатыбыт ааттаан туох да сылдьыбат, түүтүн туох да тэпсибэт сиригэр ыйыыллара үһү. Кини уҥуоҕун илдьэ сылдьар киһини туох да тыыппат буолар дииллэр.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйуулара. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 13 об.

3. Дьаҕыл тойон

Дьуһааллар таҥаралара дьаҕыл тойон. Кинини өлөрбөттөр. Атын тойону (ала тойону, эриэн тойону) син өлөрөллөр. Дьуһаал нэһилиэктэрин кийииттэрэ дьаҕыл атыыр этин сиэбэттэр. Дьаҕыл атыыр сылгы, дьаҕыл тойон уонна киһи биир сиртэн, биир айыыттан айыллыбыттара үһү былыр.

Верхоянскай оройуона, Элгэт нэһ., 59 саастаах Михаил Горохов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, тохсунньу 18 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 130—131.

5. Тойон кыыл хаҥаластар[1] таҥаралара*

Былыр Хаҥалас төрдө киһи кыргыстан күрээн иһэн быстаран, аһа суох буолан, өлөөрү сытар үһү — сааскы бириэмэҕэ, хоргуйан. Онно туох да булту, сир аһын булумуна өлөрө буолан сыттаҕына, хаастар тиийэн кээлтэригэр хантан да кэлбитэ биллибэккэ тойон кыыл кэлэн биир хааһы тэбэн түһэрэн биэрэр бии киһиэхэ. Ону ылан сиэн, онон уоҕуран, өлбөккө булталан аһыырыгар тиийэр. Онон Хаҥалас төрдүгэр тойон кыыл таҥара буолта үһү, быстаран өлөөрү сыттаҕына. Былыр мин оҕо эрдэхпинэ, кырдьаҕас эмээхситтэр тойон кыылы дэҥ кэриэтэ көрдөхтөрүнэ: «Таҥарабыт Тойон кыыл сылдьар», — дииллэрэ. Онтон утумнаан кырдьаҕас дьон, ол курдук хааһы тэбэн биэрэн биһи төрдүлэрбитигэр таҥара буолта үһү диэн кэпсээн бараллара — тойон кыыл туһунан, өлөрөрү буойаллар этэ, буулуо диэн.

Былыр биир баай төрүт ыалга — мин ыалбар, биир ала хотой кэлэн сайын от саҕана дьиэ таһыгар кэлэн кулуну тутан сиэбит.

* Нумерация якутских текстов имеет пропуски в связи с включением в данную книгу мифов, записанных на русском языке.

Ону тутан сиэн эрдэҕинэ, дьиэлээх киһи тоһоҕоннон көхсүн үнтү кырбаан өлөрөн баран, киллэрэн: «Мин кулуммун сиэбитиҥ курдук эйиигин да сиибин!» — диэн эттиэн-эллиэн сиэн кэбиһэллэр кэргэттэриниин. Бу киһи сотору соҕус гынан баран ыалдьар — ойууну кыырдарар. Онуоха ойууна Хара Суоруну киллэрэн баран этитэр: «Тоҕус үйэ туххары ыччаккыттан иэстиэм, көхсүн аҕай, ийэҥ ууһун эһиэм, аҕаҥ ууһун аһыам!» — диэн көрдөһүүнү ылымматах. Онуоха туран, бу бэт улахан халыҥ ийэ ууһа дьон быстан хааллылар, бары сэллик буолан. Арай биир тыла суох киһи ордо сылдьар. Ону тойон кыыл буулаан эһиннилэр бу дьон дииллэрэ.

Атын да нэһилиэк дьоннорун (хоро нэһ.) буулуур. Хас дэлэгэй тойону дэҥҥэ өлөрдөхтөрүнэ, өлөрбүт киһи көтөҕөн тыаҕа таһаарыахтаах уонна тоҕус тиити биир сиргэ соҕус туралларын эргийэр уонна ол тоҕус тиитэн биирдэригэр төрдүгэр иин хаһан баран, тиити икки илиитинэн ууран кууһан олорон, үргүөхтээх бии иин иһигэр. Уонна сүһүөхтэринэн атаҕын кынатын бысталаан баран барытын түүлэри, сыҥааҕын ыыран баран, көмөн кэбиһэр бу ииҥҥэ. Көмөн баран кэннинэн хааман барар ыраахха дылы. Бу тоҕус тиит эһиилигэр хатан хаалыахтаах. Ол онуоха тиити буулуур үһү бу хотой.

Сорох ардыгар биир тиити куһан олорон, күөс кэтэрдэн баһыгар, ииҥҥэ көмөн кэбиһэллэр уонна тааһынан баттаталлар. Көмөллөрүгэр: «Үйэттэн үйэ туххары саха бараан баарын туххары эргийээйэҕин, таастыы тимир!» — диэн алгыыллар. Бу курдук гыннахтарына, буулаабат.

Сунтаар оройуона, Хаҥалас нэһ., 78 саастаах Гаврил Андреевич Ефимов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, ыам ыйын 29 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 55—56 об.

6. Баатылы төрдө[1]

Буустаах нэһилиэк сиригэр былыр нуучча бу дойдуну даҕаны, Дьокуускайы да була иликтэринэ, Баатылы диэн киһи кэлбит. Бу Баатылы төрдө тойон кыыл эбитэ үһү. Кинини Баатылылар өлөрбөттөр, бэркэ ытыктыыллар. Баатылы дьаһаллара тойону үөһэнэн эргийэ сылдьарын көрдөхтөрүнэ, сарыы таҥалай диэн соннорун кэтэллэрэ үһү, кийииттээн. Бу биһиги Баатылы төрүттээхпит.

Илья Никифорович Горохов диэн, 82 саастаах, Дьаанҕы оройуонун Суордаах нэһилиэгин киһитин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, ахсынньы 28 күнэ 1939 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 63].

7. Хотойго уҥуох тутуу

Хотой кэлэн дьиэ таһыгар өллөҕүнэ ол уҥуоҕун туттараарыытыгылатаары өлөр соруйан.

Кини өллөҕүнэ дьиэ таһыгар сүөһү өлөрөн, айаҕар сүрэҕи уоптаран, мооньугар кыһыл хаалтыс баайан баран, барытын суулуу баайыллар талаҕынан уонна тыаҕа таһааран салаалаах самаҕар, соҕуруу диэки бастаан, кыбытан кэбиһэллэр. Инньэ гымматахтарына буулуур, ол ийэ кута[1] эстэр.

В.Н. Кривошапкин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 26.

8. Тойон дьоло

Былыр Лэприэн диэн Үөһээ Бүлүү киһитэ баара үһү. Ол киһи биир тыһаҕастаах, биир ынахтаах эрэ, олоҕунан бэрт дьадаҥы киһи эбитэ үһү.

Бу киһи киэнэ биирдэ тыһаҕаһа сүтэн хаалар, ону көрдүөнкөрдүөн биир сиргэ тиийэн көрбүтэ: ити курдук толоон ортотугар ала дьүһүннээх Тойон кыыл тыһаҕаһын охторон сэмнэхтээбит үһү.

Ол сэмнэҕин үрдүгэр олорон эрэ, сии олорор эбит үһү.

Маны көрөөт Лэприэн маһы сулбу тардан ылан: «Дьэ, мин кинини — бу айыылаах сиэбити баһын дэлби сынньан өлөрдөҕүм», — диэн сүүрэн тиийэр. Онуоха Тойоно атаҕынан куотан тэскилиир, маны киһи эккирэтэн ситэ баттыыр. Онуоха Тойоно эргиллэ түһэн киһи курдук бокулуоннуур. Ону көрөн киһи: «Бэйэ, үчүгэй кыыл быһыылаах, тоҕо эрэ көрдөһөр курдук бокулуоннуур», — диэн өлөрбөккө эрэ төннөн кэлэр. Ол кэлэн тыһаҕаһын сэмнэҕин араҥас мас оҥорон үрдүгэр аргылаан биэрэр. Онтон дьиэтигэр төннөн кэлэр. Ол кэлэн баран, үс хонон баран, киэһэ тахсан киирэ турбутугар үөһээттэн, дьиэтин үрдүнэн Тойон кэлэн эргийбит. Ол эргийэ турдаҕына, соҕотохто иннигэр туох эрэ тыастаах кэлэн түспүтүн ылан көөттө, кубаҕай өҥнөөх өрүс чайын курдук таас эбит үһү.

Бу тааһы ылан дьоҥҥо көрдөрөр: «Бу туох дьиибэтэй, аны таас түстэ, Тойон эргийбитэ», — диэн. Ону дьон эрэ, түүллээхбиттээх эрэ бары: «Э-э, дьэ, бу соруйан Тойон дьоллоох тааһа, маны уура сырыт, сүтэримэ, бу аата "Тойон дьоло" диэн ааттанар», — диэн этэллэр. Ол тааһы Лэприэн сүтэрбэккэ, өрбөххө суулаан, уура сылдьар. Ол «Тойон дьоло» тааһын ылан Лэприэн кэнники олус байбыт, ыччаттаах буолбут, үйэтэ уһаабыт.

Саха майгытынан Тойон өлбүтүн кэннэ, өлбүтүн буллахтарына, онно оннугар араҥастаан уҥуох туталлар.

Тойон түүтүн тэпсибэт баҕайы. Тойону өлөрбүт киһи Тойонтон буулатан араас сытыган өлүү буолан, Тойону хайдах өлөрдүҥ да, ол курдук кэбилэнэн өлүөхтээххин.

Тойон таба тубутун тутан өлөрөн сиир. Сорох ардыгар кыра таба үрдүгэр түһэн баран аҥаар атаҕынан сүүрдэн иһэн маска хатанан буутун хайа таттаран өлөр. Ону «булка сылдьан өлбүт» диэн буолар. «Көтөр Тойоно Тойон кыыл, көтөр ыраахтааҕыта өксөкү» — диэн хоһоон буолара.

Бүлүү оройуона Үтүлээт нэһ., кырдьаҕас дьахтартан истибитим. 50 саастаах Алексеев Борис тылыттан[1]. Кулун тутар 24 күнэ 1938 с. Күбэйиҥдэ диэн сир. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 8—10.

9. Хотой кыыл

Биэс уон сыллаахха Таандыры диэн Сылаҥ нэһилиэгин Чурапчы оройуонун сиригэр, күһүн дыра саҕана, алаас тумулугар, ыал дьиэтин таһыгар, үрдүк тииккэ, хотой кыыл кэлэн түһэн хас да хонор. Бу кыыл арыт түүн кэлэн сүөһү үрдүгэр түһээри (кыра тамыйах эҥин) гынар үһү, уонна дьиэ таһыгар түһэр үһү. Олохтоох ыал бу соруйан буллаҕа, буулаары гыннаҕа, диэн бэккэ куттанан, ойууннары булан кыырдараллар. Бу үс ойуун кыайбатыбыт диэн төттөрү бараллар. Кыыллара бу тухары барбат. Онтон биир икки хараҕа суох кырдьаҕас, хороттон, уоттан төрүттээх ойууну булан аҕалаллар. Онуоха ойуун кэлэн: «Дьэ, ханна баарый? Миигин сирдээн таһаарыҥ», — диэн, алаас тумулугар олорор хотойго сирдэтэн тахсар. Ол тахсан тиит анныгар өрө хатыһан туран дьалыһыйан хоролуу саҥарар. Онуоха биирдэрэ эмиэ саҥарарга дылы гынар, тоҥхоҥнуур. Онтон ойуун: «Чэ, үчүгэй буоссу быһыыта, чэ киириэҕиҥ», — диэн киирэн биир кыра сүөһүнү өлөттөрөр, ол хаанын, сүрэҕин, быарын биэрэр, тиит төрдүгэр ууран, тойон кыылга уонна кыырар тиит төрдүгэр. Дьэ кыыран бүтэн баран этэр: «Чэ, табыллыа буолла — эргийбэккэ барыа буоллаҕына, күн диэки өттүнэн эргийэ көтөн барыа, оттон хаҥас түҥнэри өттүнэн эргийдэҕинэ оччо гынан баран эргийиэхтээх».

Хотой кыыллара түҥнэри хаҥас өттүнэн эргийэн барбыт. Ол бу былырыын ойуун эппит кэмэ туолбут дьылыгар кэлэн эмиэ

түһэн ааспыт, «Таандыраҕа» бу кыыл. Ол хоро төрүттээх ойуун буолан алгыһа тиийдэҕэ үһү, кэнники ойуун кыырыытыгар.

Чурапчы оройуона, Сылан нэһ., 60 саастаах, Петр Макаров тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, бэс ыйа 14 күнэ 1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 25—25 об.

10. Кубаны өлөрүү

Куба диэн көтөр саамай улахана, кини суору боҕуодьулуур санаалаах. Наахаралар ытыктыыр көтөрдөрө. Былыр Ыйылас Наахаратыгар Куба ойуун диэн ааттаах ойуун олорон ааспыта, ол бэрт былдьаһарга албынтан өлбүт, ити өлүөн иннинэ Наахаралар тустарыгар наһаа көмөлөөх уонна туһалаах киһи эбитэ үһү. Онон халлаан хаҥыл көтөрүн кубаны таҥара оҥостон үҥэр буолан, хаһан да ыппаттар, ким эрэ өлөрдөҕүнэ улахан малааһын оҥороллор уонна уҥуоҕун ытыгылаан араҥастыыллар. Ол курдук куба сэдэрэҕинэн, дэҥ курдук түһэн аһарынан Наахаралар өлөрбүттэрэ суох. Ол курдук улахан көтөр өлөрө сэттээх-сэлээннээх, айыы буолар диэн өлөрбөттөр.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 9 об. — 10.

11. Куба

Кубаны (ойуннуу — тараҕай) өлөрдөхтөрүнэ буулуур. Ийэ ууһа быстар иирээн булар. Холобур Чубукаан оҕонньор биир кубаны өлөрөн, онон сыттаан быстыбыттара үһү.

А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 72.

12. Куба төрүт

Былыр бу Сэһэн Бологурга баар этэ, Куба төрүттээх ийэ ууһа. Бу дьон кубаны өлөрбөттөр. Былыр түҥүнэс өлүүлээх эбиттэрэ үһү, төрүттэрэ. Инньэ гынан ойуун кыырдаран куба моонньоох баһынан оҕо өлүүтүн суолун бүөлээбит, куһаҕан абааһы күөрэйбэт гына (холобур нэтээгэ тириитин курдук). Өбүгэбит куба дэһэллэрэ, бу ийэ ууһа.

Чурапчы оройуона, Бологур нэһ., 80 саастаах, Т. Константинов тылыттан, А.А. Саввин суруйбута, 1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 43.

13. Куба таҥара

«Куба таҥаралаах Уорҕалар» диэн сахалар. Куулу баһыгар Оротук диэн үрэххэ олороллоро. Сордоҥноохтон 43 көстөөх[1] сиргэ олохтоох этилэр. Уорҕал диэн аҕа ууһа бэрт аҕыйах 4—5 буруо Сиипсэптэр диэн этилэр. Мин өбүгэлэрим — Аҕырыас диэн, онтон Баһырҕас диэн төрүөбүтэ үһү. Кинилэр сүрэҕэ суох саха саҕанааҕы дьон буоллахтара. Баһырҕастаан түөрт уол төрөөбүт — Хаҥанай Уоһук, Абааһы Уйбаан, Чиэкэ Борукуопай, Бухатыыр оҕонньор (Ньараҕа үөскээбит). Мин аҕам Дьөгүөр диэн ол Уоһук диэнтэн төрүөбүт. Эһэм Уоһук Сиипсэп 130 сааһыгар мин төрүү иликпинэ өлбүт. Мин аймахтарым былыргы саха саҕана куба таҥаралаах буоланнар кийииттиир буолаллара[2]. Кийииттэр көрдөхтөрүнэ таҥалай диэн таҥаһы кэтэн кэбиһэллэрэ үһү. Таҥалайдара суох кэмнэригэр көрдөхтөрүнэ, бугул анныгар киирэн, саһаллара үһү. Кубаны харыстаан «үрүҥ кыыл» диэн ааттыыллара үһү. Сүрэх кэлбититтэн ыла кубаны сиир буолтара үһү диэн аҕам сэһэн оҥосторо. Кини мин түөрт уонча саастаах эрдэхпинэ өлбүтэ. 120 сааһын туолбута. Миэрэ кэлтигэр кийииттэр хоргуйан өлөөрү олороннор, бастаан буутуттан эрэ сиэбиттэра үһү диэн буолара.

Н.Е. Сивцев (хос аата Ньылбаан) диэн, 95 саастаах, Өймөкөөн оройуонун Сордоҥноох нэһилиэгин киһитин тылыттан С.И. Бодо суруйбута, тохсунньу 19 күнэ 1940 с., Орто Балаҕан диэн сиргэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 54—55].

14. Куба уонна суор кэлиитэ

Былыр Айыы тойону алгыыллара үһү, сайын. Онно кэлэн куба эргийдэҕинэ таҥарабыт диэн этэллэрэ, суор эргийдэҕинэ — суору таҥа рабыт диэн этэллэрэ. Дьэ кэнники ол кыыллары таҥара гыналлар.

Бүлүү оройуона, Тоҕус нэһилиэгэ, 85 саастаах, А.П. Еремеев тылыттан. А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 38.

15. Куоҕас суор икки

Бэрт былыр куоҕас суор курдук хап-хара эбитэ үһү. Куоҕастаах суор, атын көтөрдөр эриэннэригэр баҕаран, бэйэ бэйэлэрин өҥнөрүн кырааскалаан, ойуулаан биэрээри оҥостубуттар.

Суор куоҕаһы араас дьэрэкээн ойуулаан, оһуордаан биэрбит. Куоҕас өрүскэ киирэн дьүһүнүн көрүнэн баран, суору ойуулуон

баҕарбатах, ууга умсан хаалбыт. Албыннаабытын өйдөөн суор куоҕаһы самыытын ыыра охсон кэбиспит.

Онон суор уруккутун курдук харата харатынан хаалбыт, оттон куоҕас, эриэн түүлээх буолан баран, самыыта хаптаччы оһон, атаҕа тиэрэ буолан хаалбыт.

Орджоникидзе оройуона, Эргис нэһ., Прасковья Ксенофонтовна Ефремова тылыттан Г.У. Эргис суруйбута, от ыйа, 1930 с., Хоптолоох сайылык [ЯС, т. 1, с. 91].

16. Суору өлөрүү

Суор ыас хара, саха сирин кытаанах условиятыгар кыстыыр наһаа иҥсэлээх, алдьаххай ночооту оҥороччу, көтөрдөртөн биирдэрэ буолар. Суор ордук аһатан булчуттары ночооттуур, онтон торҕонноотоҕуна тыыннаах ырыган сүөһү харабын тэһэ уулаан сиир, көлөттүбүт сүөһүнү дьөлүтэ тоҥсуйан өлөрөр, айа, сохсо, чааккаан, хапкаан, туһах уонна да атын булгаабыт буттары ирдээн сылдьан сиир алдьатыылаах көтөр. Суору алдьаххайы оҥорорун үрдүнэн улахан «Улуу тойон сиэнэ», онно тиийэн үҥсэн кунан оҕус уйан турбат айыытыгар барыахпыт, буулуо, диэн адьас үөхсүбэттэрэ уонна өлөрбөттөрө. Хаадьаа иҥсэтигэр сэмнэҕи сиэри сохсоҕо, айаҕа өллөҕүнэ, куобаҕы уорбут дэтэн куобах түүтүн уоптаран баран, түүтүн киһи тэпсиэ диэн туоһунан суулаан тииккэ, киһи, сүөһү сылдьыбат сиригэр, ыйыыллара, ол аата «Ытыгылаатахтара» — диэн буолара. Ол кэнниттэн сэрэнии, сэрбэнии бөҕө буолар, буулаабатар ханнык диэн.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, I Наахара нэһ., М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов оҕо саастарыгар истибиттэрин суруйбуттарыттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 10.

17. Суор таҥара

Дьабыл нэһилиэккэ Мэҥэ улууһугар баар этэ Хоро аҕатын ууһа диэн. Онно былыр бу дойдуга арҕаа Хоро Хаҥаластан биир киһи олохсуйаары сир көрө өрүһү[1] үрүҥ оҕуһунан харбаан тахсан, көрийэн кииртэ үһү, өрүс илин энээрин. Ол тахса сылдьан илин бу Таатта сирин диэки атаҕын тоһутан сиргэ хоргуйан тоҥон өлөөрү сыттаҕына, биир суор үөһэттэн кыалыктаах хататы түһэрэн биэрбит. Онон уот оттунан тыыннаах ордон хаалбыт бу киһи. Онтон ол суор таҥара буолар биһи төрүппүтүгэр, биһи кырдьаҕастарбыт бөккэ ытыктыыллар этэ суору[2].

«Кэбис, ити суору тыытыман, ити биһи таҥарабыт, биһи төрдүбүт өлөөрү сыттаҕына, өрүһүйбүтэ үһү былыр», — диллэр олохтоох дьабыллар.

«Хоролор таҥаралара суор», — диэн үөҕэллэрэ үһү биһи дьоммутун, хоролору. Хоролор буоллаҕына, этэллэр этэ: «Дьабыллар эрэйдээхтэр үөҕэллэр, ити биһи эһэбит ээ, суор биһиэнэ таҥарабыт», — диэн биһиэхэ.

Дьон уунах буоллахтарына уот иччититтэн хоро төрүттээх дьон саҕаллар хататынан чокууру, уунахтаах сир үрдүгэр. Онно бу хоро төрүттээх дьон хататтара эмтээх буолуохтаах. Ол эмтээҕин төрдө диэн буолар, үөһэттэн суор кыалыктаах хататы түһэрэн биэрбититтэн. Билигин даҕаны биһи хоролору ыҥыран уунаахтаах дьон сахтараллар. Онно саҕа-саҕа алҕыыллар бу курдук диэн:

Имиттэн имэ дьуотту[3],
хороттан хоро дьуотту,
хоро сиэнэ мин саҕан эрэбин,
күндүл-сандыл,
күндүл-сандыл,
күн саҕаан,
ый саҕаан,
күн саҕаан,
ый саҕаан!

Уота үрдүгэр тохтор гына саҕыахтаахтар, оччоҕо эмэ тиийэр. Саҕалларыгар уокка ас биэрэллэр.

Бу хоро сирин дьонун илдьэ кыһын тахсар өрүстэн, сир көрөн баран бу Чаачыкый илин өттүнээҕи толоонҥо тохтуур. Хоролор урут олороллоро үһү бу билигин куорат[4] олоҕор. Бу куорат олорор сирэ былыргы ытык аата «Күөрээйи» диэн эбитэ үһү.

Чурапчы оройуона, Алагар нэһ., 75 саастаах Иванов Феодор Иванович тылыттан. А.А. Саввин суруйбута алтынньы 23 күнэ 1936 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 68.

18. Тотем[1]

Хоро таҥарата суор. Суор Ала суорун тойон[2] уола эбитэ үһү. Кини иҥсэтэ бэт, көрбүтүн эрэ барытын сии сылдьарын иһин бу дойдуга түһэрбиттэр, буруйдаан.

Былыр биир дьахтар күһүөрү кыһын сиргэ төрүөн баран тоҥон өлөөрү олордоҕуна, суор аҕалан кыалыктаах хататы түһэрэн биэрэр. Ону ылан уот оттон бу дьахтар ирэн, өлбөккө дьиэтин булар.

Бу дьахтар оҕото хоро төрдө киһи буолан, хоролору кини үөскэтэр. Кинилэр: «тойон эһэбит, билбэтэҕи билэр, көрбөтөҕү көрөр» — диириллэрэ. Уокка ас биэрдэхтэринэ, суорга эмиэ ас биэрэллэр этэ. Кинини «таҥарабыт» уонна «эһэбит» — диириллэрэ. Ол соруйан: «үчүгэй киһини-сүөһүнү үөскэтэр оҥоруулаах киһи төрүөҕэ» — диэн, ону билэн, аҕалан кыалыктаах хататы түһэрбитэ буолуо, диириллэрэ.

Хатас нэһ., Куорат оройуона, 80 саастаах Карамзин Егор Павлович тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, алтынньы ый 31 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 109—109 об.

19. Суор таҥаралаах хоролор

II Моорукка Хоро ийэтин ууһа диэн баар. Ол сэрии саҕана өрүстэн тэскилээн биир киһи тахсан Күндүл диэн Куоллара үрэххэ баар күөл тумул булгунньахха сытар үһү. Уот оттуон кыалыктаах хататын хоммут сиригэр умнан кээспит. Аһылыга суох буолан, уота суох буолан хоргуйан өлөөрү сытар, бу хоро. Онуоха икки суор үөһэттэн көрөн ааһан истэхтэринэ, хаһыытаан көрдөһөр: «Тойон эһээм, өлөр күн буолла, кыалыктаах хатаппын ол ааттаах сиргэ умнан кээспиппин, ону аҕалан кулу!» — диир. Суор сотору соҕус буолан баран, бии кыалыктаах хататын аҕалан түһэрэн биэрэр. Онон өрүһүллэр бу хоро. Кылаттар Бэрис Үрүүҥкүн диэн киһиттэн дьэ хоро аҕатын ууһа үөдүйэр. Суору: «Таҥарабыт суор, кини баар буолан биһи төрдүбүт тыыннаах оппута үһү, хоргуйан тоҥон өлүөх киһи, онон тыыппат буолуҥ», — диириллэр эбит.

Биир хоро киһитэ, саатын тыынын ыараталары[1], суору өлөрөн, ол хаанынан соторо. Ону оҕонньордор бэккэ кыыһыраллара, мөҥгөллөрө, таҥарабытын өлөрбүт диэн.

Мэҥэ улууһа, II Моорук нэһ., Евсей Окороков тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, бэс ыйа 24 күнэ 1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 49—49 об.

20. Суор таҥара

Мин төрүөбүт нэһилиэгим Хоро нэһилиэгэ Сунтаар улууһа. Хороҕо суору төрдүбүт уонна таҥарабыт диириллэр этэ. Кинини өлөрбөттөр, тыыппаттар, мундуйдаабаттар. Үөһэнэн кэлэн аастаҕына, саамай бастаан сүктэн кэлбит киниит (Хоро киниитэ) үчүгэй таҥаһын таҥнан баран үҥэн хаалар үһү. Ол үҥэрэ диэн буолар быар куустан баран тоҥхолдьуталыыр, сүгүрүйэр. Инньэ гыммат тахтарына тугу да ааннь ахтыбатах киниит көрдүк саныыллар.

Былыр Хоро төрдө өлөөрү сыттаҕына, сиргэ хоргуйан тоҥон, суор кыалыктаах хататы түһэртэ үһү, үөһэттэн. Онон уот оттон киһи буолта үһү, суор таҥара буолан. Уонна былыр суор үрдүлэринэн кэлэн көтөн аастаҕына, ыалы булаары гыннахпыт, эбэтэр булка-аска түбэһээри гыннахпыт дэһэллэрэ үһү, кыһалҕалаах бириэмэлэригэр, быстарбыт күннэригэр былыргы хоро төрүттэрэ.

Суор уйатын алдьаттахха буулуур. Суору тойон эһэбит, төрдүбүт дэһэллэр хоролор. Хоролортон атын нэһилиэктэр суору ааннһа ахтыбаттар. «Суор таҥаралаах хоролор баҕайылар!» — диэн үөхсэллэр туора нэһилиэк дьоно, хоролору кыыһырдаары.

Суор түүтүн тэбистэрбэттэр кимиэхэ даҕаны.

79 саастаах Наталья Михайловна Александрова тылыттан. Мэгэдьэк оройуона, Кугдаар нэһилиэгэ (билигин Ньурба улууһа). А.А. Саввин суруйбута, муус устар 2 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 50—50 об.

21. Хоролор уонна суор

Халлаанынан суор аастаҕына этэллэр балыксыттар:

«Тойон эһэ салыҥ баас, салыҥ бас!» — диэн.

Онно иҥнэс гыннаҕына этэллэр: «О-о, салыҥ бас иҥнэс гынна!» — дэһэллэр. Онно балык кэллэҕинэ: «Ол иһин баспыта тойон эһэ», — дэһэллэр.

Кэбээйи оройуона, Сиитэ нэһ. олохтоохторуттан А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 40.

22. Суор бултка көмөтө

Хоро нэһ. Үөһэ-Бүлүү оройуона сахаларын таҥаралара суор. Өлөөрү быстан сылдьан төрүттэрэ суор саҥатын хоту баран тайаҕы булан сиэбитэ үһү Онон таҥара буолта үһү.

Бүлүү оройуона, Орохү нэһ., 78 саастаах Тимофеев Федор Николаевич тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, муус устар 9 күнэ, 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 52.

23. Хара сылгылаах[1] уола

Суор Хара сылгылаах оччугуй уола, кэпсээҥнэ аата «Ылгын эрбийэ»[2], ойуун да тойугар. Отто дойдуга моһоллоо диэн аныыр.

А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 74 об.

24. Тыҥырахтаах көтөрдөр

Тыҥырахтаах көтөрдөргө урут ахтыбыттан ураты мохсоҕол (хардаачы), чыычаахсыт <...>, хаххан <...>, мэкчиргэ <...> уонна да атын кулгаахтаах, улардьыт курдуктар киирэллэр. Кинилэри сиэмэхтэрин иһин уонна тыҥырахтаахтарын иһин мэнээх өлөрбөттөр. Быһата ханнык эрэ тыын, кинилэри буулаан сиирин курдук ойдүүллэр. Онон өлөрүмэҥ, айыылаах сэттээх-сэлээннээх буолуохтаах диэн кэпсииллэрэ <...>. Кэпсээннэр баарынан кулҕаахтаах (куобах кыырдын) атаҕын быһан илдьэ сылдьар киһини, куобах олох турбакка эрэ күүтэр буолар эбит. Онон куобах күүппэт буоллаҕына, өлөрөн илдьэ сылдьыҥ диириллэр. Ардыгар баһын быһан илдьэ сылдьаллар.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттара, ахсыннь 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 14.

25. Кырбый көмөтүнэн

Мэйиҥ нэһилиэк Сунтаар оройуонун таҥарата кырбый. Онно кырбый куһу булталан биэрэн, ол уйатын булан, ол куһун сиэннэр быстара сытан баран, онон таҥара оҥостубуттара буолуо дэһэллэр үһү — бадах курдук.

Сунтаар оройуона, Хаҥалас нэһ., 78 саастаах Гаврил Андреевич Ефимов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, ыам ыйа 29 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 56 об. — 57.

26. Кырбый таҥара

Кинини өлөрбөттөр. Киһи иннинэ быһа көтөн аастаҕына тоҥхоҥноон сүгүрүйэллэр. Кийииттэр бас сыгынньах буоллахтарына бэргэһэлэрин кэтэллэр, төбөлөрүн хаххалыыллар уонна кийиит дьахтар кинини одуулаһыа, көрүө суохтаах. Ол сэттээх, кини (таҥара) куһаҕаны саныыр. Сахалыы ыарыталлар[1], оччоҕо ойууну кыырдаллар. Онно ойуун этэр: «Бу таҥараҕыт буулаабыт, таҥараҕыт көҥсүөлээбит», — диир. Оҕо-уруу ыттаҕына-булталаҕына, өлбөтөр даҕаны бу кыыл буулуур. Кырбый Тойон кыыллаҕар төрдө-суолтата улахан. Оҕону буойаллар, булталлаттар.

Абый оройуона, I Энгэ нэһ., А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 69, л. 62.

27. Кырбый таҥара

Былыр Энгэ диэн биир эмээхсиннээх, биир оноҕостоох сааланан оонньуур буолбут уол оҕолоох, туга да суох, булгаан аһаан олорор оҕонньор баар үһү.

Ааттаахтык биирдэ быстарбыттар, харгыйан өлөллөрүгэр тиийбиттэр, булт көстүмүнэ. Ону оҕонньор биирдэ эмээхсинин: «Киэһэ уолгун өлөрөн буһаран ууруаар, син өлөрбүт буолла, мин кэлэрим биллибэт!» — диир. Эмээхсин оҕотун харыһыйан өлөрбөт. Оҕонньор киэһэ кэлэн баран кыһаммат бу уолгун буһаран уурбатаххын диэн. Сассыныгар эмиэ этэн барар: «Дьэ буһаран ууруаар, кэлэр биллибэт», — диир.

Ол күн оҕо буор колума[1] иһигэр олордоҕуна, биир туох эрэ көтөр кэлэн колума чуораатыгар түһэр. Уол ол олорор көтөрү мас саатынан ытар. Онно ол көтөрө туох эрэ түүнү түһэрэн кэбиһэн баран көтөн барар. Ол түүтэ колума иһигэр түһэр. Ону ылан ийэтэ көрбүтэ — тайах түүтэ буолар. Уол көтөрүн эккирэтэн барар. Уол көтөрү батыһан иһэр. Көтөрө бадараанҥа тайах батыллан сытар сиригэр тиэрдэр. Эмээхсин ийэтигэр кэлэн этэр. Ийэтэ баран уолунуун көрбүтэ — кырдьык тайах өлө сытар эбит. Эмээхсин тайах иһин хостоон таһааран буһарар. Уол тахсан, аһаан баран, таһыддьа оноҕоһунан оонньуу сыддьар. Арай онно аҕата иһэр. Уолун көрөн оҕонньор кылана түһэр: «Эмиэ өлөрбөтөх!» — диэн. Уонна уол куттанан дьиэҕэ түһэн эрдэҕинэ, кураахтаах саатынан ыппыта, ох кэлэн дьиэ ойоҕоһугар чорос гына түһэр. Эмээхсин: «Кэлэн оҕонньор уолун өлөрүө, бокуойа суох», — диэн, буһарбыт иһиттэн хоторон, көтөҕөн баран эригэр утары көрсүһэ тахсар. «Бу курдук астанныбыт, тохтоо — аргыый», — диэн. Оҕонньор тотон баран, дьэ эттии киирэллэр тайахтарын.

Киирэн эттээбиттэригэр көтөрдөрө кырбый эбит, аттыларыгар тииккэ олорор. Эмээхсин: «Дуусабытын өрүһүйдэ бу көтөр, айыы диэн ааттыахпыт дуу, хайтаҕый?» — диэн ыйытар оҕонньоруттан. «Айыы диргэ сөбө суох, айыы диэн син баар, таҥара диэххэ сөп, биһигини өрүһүйдэ үрүҥ тыыммытын», — диир. Дьэ ол гынан баран сүгүрүйбүттэр кырбыйдарыгар, алҕаабыттар уонна көтөрдөрө алҕаан бүппүттэрин кэннэ дьэ барбыт. Онтон ол уол оҕо бүтүн Энгэ нэһилиэгин ууһаппыт. Ол тайаҕы булбатыннар, ол тайаҕы кырбый булларбатын, ол дьон үһүөн өлөллөр, эбэтэр сиимллэр да. Энгэ нэһилиэгин кини ууһаппыт. Икки Энгэ нэһилиэгин дьоно суох буолаллар. Онтон ыла дьэ таҥарабыт диэн ааттаабыттар эҥэлэр бу кырбыйы.

Энгэ кийииттэрэ таҥалайдаах сонноро суох сылдьан сиргэ кырбыйы көрдөхтөрүнэ, аппаҕа түһэн саһаллара үһү, кийииттээн. Кырбыйы эр да киһи, тииккэ түһэн олордоҕуна, көтүппэттэр, улаханнык саҥарбаттар, ботугураһан кэпсэтэллэр, аатын ааттаабаттар, өлөрбөттөр. Кинини өлөрдөххө-сүтэрдэххэ буулуур. Буулаатаҕына, хараҕа да суох буолар, илиитин атаҕын быһыта сиэтэр, оҕото уруута да өлөр.

Кини тииккэ олорор буоллаҕына сүгүрүйэллэр-үҥэллэр, уонна алгыыллара үһү, көрдөһөн.

Верхоянскай оройуон, I Эгинскэй нэһ., 78 саастаах Дмитрий Семенович Бурцев тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, олунньу 11 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 121—123.

28. Кырбый уонна Арыпыана

I Энгэ нэһилиэгин Дьаанҕы оройуонун сахалара таҥарабыт дииллэр кырбыйы. Кинини буулуур диэн өлөрбөттөр тыыппаттар. Арыпыана диэн улахан үөр буолбут дьахтар баар эбит, төрдө Энгэ кыыһа. Кинилэр үс аҕас балыс эбиттэр. Бу Аграпиэнаны кытта сибээстииллэр кырбыйы. Кырбый дьиэ таһыгар кэлэн түстэҕинэ одуулууллар этэ, куһаҕаҥҥа түстэҕэ буолуо диэн.

Верхоянскай оройуона, II Энгэ нэһ., 64 саастаах Лаврентий Афанасьевич Новгородов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, тохсунньу 10 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 134.

29. Элиэни

Элиэ народ кэпсээнинэн буоллаҕына, бэрт былыр дьахтар этэ. Кини эргэ сүктэн барарыгар олох аттаах эбитэ үһү, оччоҕо буһар ат этэ кэһиилэниэхтээҕин кэһиилэммит буолан баран, тойонун аахха тиийэн көрбүтэ атын баһа суох буолбут. Онон оччотооҕу сокуон быһыытынан саат, суут буолбут, ол сааттан тэптэрэн сылгылыы киистии сылдьар элиэ буол диэн анаабыттар. «Онтон сорох кэпсээнинэн буоллаҕына сылгылыы саҥарар сылгы таҥарата, улуу Дьөһөгөй кыра уола», — диэн быһааараллар. Ол быһыытынан өлөрөрү кырдьаҕастар бопсоллор. <...> Былыр өрүү эргийэ сылдьарын, ити сүтэрбит сылгытын баһын көрдүүргэ ананан, ону булаары көрдүү сатыыр — диэн өйдүүллэрэ.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан. Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 11 об.

30. Балыктыма[1] түүлээх буора

Уйатын түгэҕэр балыктымаҕа түүлээх буор баар буолар үһү. Биэстээх хаччы саҕа, төгүрүк гынан баран хаптаҕай. Атын киһиэхэ биллэриэ суохтаахха.

Чачыга Ньээмэ Нукулай диэн киһи бырааТынаан ойуун кыырданнар, Таатта ойуунун, балыктыма уйатын кэрдэн ылбыттар. Дьандакаан диэн сиртэн. Онно ол түүнү булбуттар диэн буолар. Бу дьон бэрт дьаданҕы дьон. Бэккэ байаллар.

Бу түү эриллибит курдук төгүрүк түү буолар үһү. Ылбыт дьон бэккэ байыахтаахтар.

А.А. Саввин хомурунньугуттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 53.

31. Кыталык таҥара

Мэҥэ-Хаҥалас Чыамайыкы нэһилиэгин дьонун былыргы таҥаралара кыталык эбитэ үһү. Онон кинилэр кыталыгы ыппаттар, өлөрбөттөр.

Чурапчы оройуона, Хадаар нэһ., 64 саастаах Роман Заболоцкай тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, олунньу 11 күнэ 1939 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 114.

32. Кэҕэ

Ойуун быһаарыытынан уонна уйаттан маппытынан кэҕэ абааһы анал, чаас көтөрө буолар, хайтах суор, куоҕас курдук кэҕэни ыҥырар уонна кэҕэлии саҥарар, кукууктуур. Итилэри тас өттүнэн тыҥырахтаах, быһата сиэмэх аймах көтөрө. Кэҕэ саас олбуорга уонна дьиэ таһыгар баар хаппыт, хаппатах тиикkэ олорон саҥардаҕына, соруйан туох эрэ куһаҕан тыын имнэнэн буулаатаҕа диэн өйдөнүллэр. Онон ааннъа олорбот буоллахпыт буоллаҕа буолуо диэн өйгө санааҕа киирэр.

Онтон саас эрдэ саҥардаҕына куһаҕан сайын буолар, от бурдук татым буолуохтаах, ол курдук Бөтүрүөп[1] кэнниттэн дөксө да салҕаан этэр, саҥарар буоллаҕына, биллэр куһаҕан дьылынан ааҕыллар. Ол да курдук таҥараҕа айыы оҥорон, бүтүн үйэтин тухары айыыларын хараларын сыаналаан туран дьон сэргэ куттанар өлөрбөт кыыла буолбут. Арай дьиэҕэ, хотоҥҥо төрөөбүт сылгы чыычааҕын уйатын булан сымыытын сиэн баран сымыыттаан биэрбитин бил-

лэхтэринэ, биллибэтинэн ыланнар хампы барабаллар. Ол курдук олбуорга кэлэн эттэбинэ, ытан өлөрөн баран, көтөр түүтүн айабар кэбиһэллэр.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан. Мэнэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ. Суруллубута ахсынньы ый 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 652, л. 13.

34. Кэбэ уйа туттубат буолбута

Таҥара ыйааҕын быһыытынан, бу дойдуга көтөр кынаттаах Балаҕачыанайап[1] иннинэ уйа туттуо суохтаах, сымыыт баттыа суохтаах эбит. Былыр кэбэ уйа туттан, уон икки сымыыты сымыыттыыра уонна сайыны быһа ыллаан тахсара үһү. Оччоҕо кини таҥара ыйааҕын кэһэ илик эбит.

Биир сыл кэбэ наһаа эрдэ кэлбит. Харалдьык саҥардыы тахсан эрдэбинэ, уйа оҥостон, сымыыт баттаан сыттаҕына, Балаҕачыанайап таҥара кэлбит. Кэбэ сымыыттаабытын көрөн тахсан, халлааҥҥа улахан таҥараҕа тыллаабыт. Таҥаралар мунньахтаан ураах таһаарбыттар: «Бу Балаҕачыанайап диэн чыычаах уйа туттубат таҥарата буолуохтаах этэ. Бу таҥара кэлэр күнүгэр, кэбэ уйа туттан, сымыыт баттаан сыппыт. Ол буруйун иннигэр кини аны уйа диэни билбэтин, иккиэйэх эрэ сымыыты атын чыычаах уйатыгар сымыыттаан биэрэр буоллун, сааскы Ньукуолунтан[2] Бөтүрүөпкэ диэри саҥарар буоллун, онтон атын кэмнэ тыла кэтэбинэн чороччу тартын», — диэн.

Ыксыыбын диэн кэбэ уйатыттан, элбэх оҕотуттан маппыта үһү. Сылгы, ынах чыычаабар сымыыттаан биэрэр буолбут. Бөтүрүөптэн ыла кэбэ этэрэ уурайбыт.

Ороджоникидзевскай оройуон, Нөмүгү нэһ., 70 саастаах Гаврил Александрович Васильев тылыттан. Г.У. Эргис суруйбута, атырдьах ыйа 1934 с. [ЯС, т. 1, с. 96—97].

35. Тураах хара дьүһүннээммитэ

Бэрт былыр тураах көтөр муус маҥан дьүһүннээбэ үһү. Кини ханнык да көтөр кынаттаахтан күһүн саамай хойут барар буолан баран, ким хайа иннинэ тиийэр үһү. Оттон саас буоллаҕына соҕуруу дойдуга ханнык да көтөр кэннинэ хаалан баран, бу дойдуга хаар хайдыан иннинэ, ханнык да көтөр иннинэ кэлэр эбит.

Ол аанан иһэн киһиргэһин киһиргэс, көтөр биистэрин сууструу испит: «Хайа бу эрэ иһэҕит дуу? Бытаанҥыт тугун сүрэй! Миигин иҥсэлээх диигит да, хата, бэйэҕит иҥсэрэн онно-манна ускул-тэскил сыриттыгыт эни», — дии-дии, ааһа турбут.

Ити кэлэн, саас көтөр кынаттаах кэлиитэ ийэ тиит төргүү мутугар олорон эрэн:

— Дорооболоруҥ, көтөр кынаттаах биистэрэ[1]. Бу тоҕо бытаараахтаатыгыт? Икки атах уурбут кэһиитин мин сиэтим. Эһиги маттыгыт. Дойдум барахсан быйыл миигин ордук үчүгэйдик көрүстэ, уойдум-тоттум, — диэбит.

Дьэ атын көтөрдөр кыһыйыы бөҕөнү кыһыйбыттар. Тугу барытын манньалыах буолан, хайдах кимтэн-хайаттан хойутаан баран, түргэтиир биричиинэтин ыйыта сатаабыттар да, олох эппэтэх, мантан аккаастаан кэбиспит. Онтон мунньустан дьүүллэһэн баран, турааҕы тутан ылбыттар уонна:

— Дьэ эн хайдах түргэнник тиийэргин кэпсээ. Кэпсээбэт буоллаххына, эйигин хайдах баҕарар накаастыахпыт, син биир этиттэриэхпит, — диэбиттэр.

Тураах моонньоох баһын суруммут:

— Олох этиэм суоҕа, ол кэриэтэ, эрэйдээбэккэ эрэ, манан быһан кэбиһиҥ, — диэбит.

Көтөрдөр турааҕы кутааҕа бырахпыттар да, маҥан түүтүн уот сиэн хараардан кэбиспит. Уонна эмиэ ыйыппыттар да, тураахтара олох аккаастаан кэбиспит.

Дьэ көтөрдөр тураах иннин кыайан ылбатахтар, хайдах быһыылаах түргэнник көтөрүн чааһынан тугу да истибэтэхтэр. Оттон тураах дьүһүнэ эрэ кубулуйан харааран хаалбыт, уонна туох да буолбатах. Син биир уруккутун курдук күһүн хойутаан, саас эрдэлээн, көтөр кынаттааҕы суустуу сылдьыбыт.

Мэнгэ-Хаҥалас оройуона, II Нахаара нэһилиэгэ, Михаил Григорьевич Наумовскай суруйбута, 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 92—93].

36. Куоҕас

Арай туран, биирдэ көтөрдөр мунньахтаабыттар. Олохторун-дьаһахтарын, оҕолорун-урууларын тустарынан отур-ботур кэпсэтии буолбут.

Көтөрдөр тойонноро, тойон көтөр[1], мунньустубут кустарга, хаастарга, кубаларга, онтон да атын көтөрдөргө сымыыт үллэрэн киирэн барбыт.

Аан-бастаан саамай улаханнара куба бастакы уочаракка турбут. Тойон көтөр туран эппит:

— Бу кубаҕа икки сымыыт сөп буолуо, кэлэн ыл! — диэбит.

Куба эрэйдээх, мыыммыт быһыынан баһын санньыччы туттан тиийэн, тойон көтөргө:

— Маҥай эрэ дуо? — диэбит.

— Ирээтиҥ итиччэ, дом! — диэтэ тойон көтөр.

Иккис уочарат куоҕаска түбэстэ.

— Бу куоҕас Киристиэһи ороспуойдарга этэн биэрбитин иһин, икки сымыыт[2].

Куоҕас кубатааҕар дьөрсө киҥэ-наара алдьанна, ойон туран хаһыытаан хайа барда:

— Итикээн дуо? Итикээн дуо? Мин оччоҕо өллүм!

— Ирээтиҥ итиччэ, дом! — диэтэ тойон көтөр.

Үһүс уочарат курупааскыга түбэстэ.

— Бу курупааскы саамай үчүгэй көтөрүм, уонна тымныы дойдулаах, онон уон икки сымыыты биэрэбин, кэлэн ыл! — диэтэ.

Курупааскы үөрэн хараҕа уоттанна, уонна иҥнэн охтон түһэ-түһэ тарымтайдаан тиийэн, сымыытын ылла.

Куоҕас курупааскы элбэх сымыыты ылбытыттан дьөрсө кыһыы бөҕөнү кыһыйда, аба бөҕөнү абарда. Ойон турда, охтоох алаҥаатын сулбу таһыйан таһаарда, хаһыы-ыһыы бөҕөнү туруорда:

— Сэрэниҥ! Сиэхситтэр! Тоҕо миигин атаҕастыыгыт? Оччоҕо ким хоппут элбэх, ким хотторбут аҕыйах сымыыты ыллын! — диэтэ да мустубут көтөрдөр ортолорунан оҕун тардан кэбистэ. Оноҕос сырылаабытынан тойон көтөр дабыдалын быыһыгар хорос гына иҥнэ түстэ. Тойон көтөр:

— Айа! Ким ытта, тутан биэриҥ кинини! — диэн хаһытаата.

Мустубут көтөрдөр айманан, көтүөлэһэн бардылар. Куоҕас өрө көтөн тарыпынайан тахсан, ытан эрдэҕинэ, оноҕос тиийэн иэрчэҕин уҥуоҕун үлтү көттө. Куоҕас эрэйдээх сарылаабытынан сиргэ түстэ. Көтөрдөр куоҕаһы тойонноругар илтилэр.

Тойон көтөр:

— Иирдиҥ дуо, баранаак! Аны итинник быһыыланыаҥ дуо? — дии-дии үҥтү сынньан барбыт.

Онтон ыла куоҕас икки сымыыттаах, уонна үйэлээх-сааһын тухары маадьаҕар атахтаах, хонууга хаампат, уу көтөрө буолта үһү.

Өлөөн оройуона Марфа Степановна Григорьева, үөрэнээччитэ Григорьев Иннокентий суруйбута, 1943 с. Оленек бөһүөлэҕэ [ЯС, т. 1, с. 89—90].

37. Далаҥ куоҕас

Далаҥ куоҕас ойууҥҥа туттуллар, ойуун аллараа өлөр өлүү уутун туорууругар далаҥ куоҕас буолан умсан туоруур. Далаҥ куоҕаһы абааһыларын кытта кыырарыгар ыҥырар, ол иһин абааһырҕаан, айыырҕаан сиэбэттэрэ үһү. Билигин даҕаны эдэр төрүүр саастаах дьахталлар сиэбэттэр. Ол сиэбэттэрэ диэн, оҕолоро куоҕас курдук тиэрэ атахтаах буолбатын наадатыгар, куоҕас курдук оҕо эрдэҕинэ хахаара олорботун, тумса уһуктааҕын, түүтэ кытаанаҕын, абааһы көтөрүн быһыытынан сиэ суохтаах...

Ити курдук далаҥ куоҕас аймахтарынан ааҕан, туотаайыны, ньаат диэн көтөрдөрү, эмиэ, куоҕастан куттанар курдук куттанан, сиэбэттэр. Этэ, түүтэ, атахтара, тумустара биирин, атаҕа аһаҕастарын иһин.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбутуттан. Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 110 об.

38. Хопто, тыыраахы

Хопто уонна тыыраахы буолан ойуун абааһыга туттар уонна абааһытын киллэрэригэр ааттаан ыҥырар көтөрдөрө буолаллар.

Дөксө хопто туһунан маннык дойҕох билигин сылдьар. Былыыр-былыр хаһан эрэ хопто кыыс дьахтар этэ. Ол эргэ сүктүбүт үөһээ дойду уолугар, онтон сүктэр кийиит хайаан даҕаны хайах кэһиилээх буолуохтаах үһү. Хопто тойонун аахха сүктэн тиийэн баран көрүммүтэ, хайаҕа суох буолбут. Онтон тойоно аах саатан, абаран-сатаран орто дойдуга харах абааһыта буол диэн анаабыттар, дьүһүнүн хайах [чохоон] курдук үрүҥ өлбөөкү дьүһүннээн, сааһын тухары ити хаалларбыт хайаҕын көрдүүр «хайаах» диэн, хайаҕын ыйыта сылдьар гына санҥалаан, онтон ыла өрүү орто дойдуга хайаҕын ыйыта: «Хайаах-хайаах», — диэн тыллаах хопто көтөр буолан хаалта үһү. Ол хайаҕын субу бүгүҥҥэ дылы булбута биллибэт.

Онтон тыыраахы ити хопто бииргэ төрөөбүт балта диэн быһаараллар. Онон ойууттар кыыралларыгар абааһыга туттар көтөрдөрө айыылаах, сэттээх, сэлээннээх буолар диэн өйдүүллэр.

Ордук эдэр дьахталлар, кыргыттар сиэ суохтаахтар, атаҕа аһаҕас уонна оҕолоннохторуна оҕолоро, хоптолуу, тыыраахылыы санҥара барбатын наадатыгар. Иккиһинэн, тоҕус өлүү суолун бүөлүүр абааһы

көтөрдөрүн быһыытынан; үсүһүнэн, сэттээх, сэлээннээх буолан буулуурун иһин.

Билигин даҕаны ити көтөрдөрү буһуурҕаан сиэбэттэр, хамхаадьаа дэҥ өлөрөн сииллэр. Дьиҥинэн буоллаҕына урукку курдук айыырҕаан буолбатах, хайдах эрэ сиэниллибэт, сии эрэ үөрэммэтэҕиттэн диэххэ сөптөөх, онтон биир эмэ сиэбитин иһин ити этиллэр айыыга түбэспит, дьиҥнээх олоххо хоптолуу саҥара сылдьар оҕо төрөөбүтэ эмиэ биллибэт. Ол да буоллар нэһилиэнньэ кырдьаҕас араҥатыгар, ити үөһэ этиллэр дойдоҕох кэпсээн буолан тарҕанан эрэ хаалбытынан, номоххо сылдьар. Билиҥҥи кэмҥэ итэҕэйэр бэрт аҕыйах.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ. М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан, ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 11—11 об.

39. Туматтар таҥаралара маҥан тыыраахы

Тумат нэһилиэгин Усть-Яна районун сахаларын таҥаралара маҥан тыыраахы. Былыр туматтар муоранан айаннаан иһэннэр, маҥан тыыраахы көтүүтүттэн, айанныырыттан сирдэтэн, сири булбуттара үһү. Онон сылтаан, таҥара гыммыттар маҥан тыыраахыны. Кинини өлөрбөттөр, этин сиэбэттэр, бэркэ ытыктыыллар.

Усть-Яна оройуона, Тумат нэһ. 47 саастаах Иван Иванович Томскай тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, от ыйа 3 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 81.

40. Туруйа туһунан

Туруйа бэйэтин быһыытынан улахан көтөр, кини ууга түспэт, толооҥҥо, бадарааннаах-дулгалаах маардарга уйаланан сылдьар, даҕаны, күлгэрини булан аһыыр. Дьон туруйаны кырыыстаах диэн аатталлар. Доҕорун өлөттөрдөҕүнэ, тоҕус сыл туххары дьөлө хаһан кыраан барар диэн өйдүүллэр. Ол да буоллар былыр даҕаны, билигин да өлөрөн сии тураллар, онон туруйа кырыырыттан куттаныы нэһилиэнньэ кырдьаҕас да араҥаларыгар сүтэ баран эрэр, онтон эдэргэ олох даҕаны сабыдыаллаабат буолбут.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12—12 об.

41. Боҕоргоно

Боҕоргоно диэн син биир бараах курдук кутаҕа сылдьар хатан чыбыгырас саҥалаах кыра көтөр. Кини бэрт кыратык сүрдээх куһаҕан баҕайытык кылгас сиргэ көтөн дьаабыланар. Боҕоргоно туһунан народка кэпсээн баар. Былыр тойон талыыга туруйаны дуоһунаска угарга бырайыак киллэрбиттэрин боҕоргоно бырачыастаабыт, онно эбии даҕатан, үөхпүт, ол иһин өһүргэнэн туруйа боҕоргонону үнтү эттээн кэбиспит, быһата суккуруур тыына эрэ хаалан сытан үҥсүбүт Тойон кыылга. Онуоха саллар сааһын туххары соҕуруу дойдуга саас кэлэригэр, күһүн барарыгар сүгэ сырыт диэн ууруах таһааран, ол күнтэн бу күҥҥэ дылы, сүгэ сылдьар диэн ааттыыллар. Саас, эбэтэр күһүн туруйаны күөрэтэн түһэрдэххэ, боҕоргоно кытта түсүһэн кэлэр дииллэр. Онтон дөксө эбэн иэччэх ыарыы буолбат наадатыгар, сорох куһаҕан оҥуоҕа суох бүтүннүү мөкү эттээҕин иһин, айыырҕаан сиэбэттэр, хаһан эрэ өлөрбүттэр кырдьык оҥуоҕа суох буолар диэн билинэллэр. Боҕоргонону айыырҕаабатах иһин билигин сиэммэт, онтон ким эмэ сиэбит да буоллаҕына боҕоргоно курдук быһыта сиэтэн, оҥуох ыарыы буолбута биллибэт.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., ахсынньы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12.

42. Ураанайынан

Хомустаах алластарга таптаан сымыыттыыр, ыас хара дьүһүннээх, тумса тураахтыы, аһаҕас атахтаах, тумсун үрдүнэн, олох сүүһэр, үрүҥ эргэ саппыйаан курдук эт үүнэ сылдьар. «Ураанай» диэн ааттаах кус баар. Ити кус хомус лаҥхатыгар сымыыттыыр, ону булбут дьон биирдии сымыыты уйатыгар хаалларан баран хомуйан ылан иһэллэр. Ол аайы түөрт уон сымыыт буолуор диэри хомуйан ылан баран тохтууллар. Ити ахсаан иһинэн тохтооботохто, түөрт уон биирин хаҕа суох көхсүн өһөҕүнэн кыраан сымыттаан баран хаалар үһү. Итинник кырыыска табыллыбат наадатыгар эрдэттэн сэрэнэн тохтууллар. Маннык булгаан аһаайыны былыр эрэ ыыталлара. Билигин соло суоҕар, уонна буолан күөллэр уолуулларыгар тэптэрэн ураанайдар даҕаны сымыыттаабат буолан тураллар, хаа-дьаа сымыыттаабытын да иһин, ити курдук ылар дьарыктаныы суох буолан турар. Онон биир сайын ураанай оччо сымыыты сымыыттыыра уонна кыраан, кыаҕын таһынан бардаҕына көх-

сүн өһөҕүн түһэрэр диэн, тыл эрэ номоҕор кэпсэлгэ сылдьар, сүтэн эрэр итэҕэл буолар.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан Мэнэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., ахсыннһы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12 об.

43. Кураҕаччы төрдө

Кураҕаччы диэн уһун тумустаах, ыас араҕас, дьикти үчүгэй ойуулаах кынаттаах, кутуруктаах, саас андыны кытары кэлэр, көтөр баар. Ол көтөрү былыр, тоҥус кыыһын хата көппүтүттэн, уол оҕо буолан көппүтэ уһу. Ону сэһэн буолара — былыр тоҥус кыыһа хат сылдьан тыаҕа мас кэрдэ тахсыбыт үһү. Онно титирик төбөтө тостон, кыыс төбөтүгэр кэлэн түһэр, маныаха: «Һо, татат!» — диэн баран олоро түһэр. Онтон соһуйан хата мэлийэн (көтөн) хаалар. Ол дьэ, ити уол оҕо бэйэтэ кураҕаччы көтөр буолан көтөр. Саҥата: «Оноҕоһум — саам, хотоҕут — тиэ, ытым-ытым!» — диэн буолар. Ол аата, ол илимин хотоҕоһун, ытын, оноҕоһун ааттыыр буоллаҕа үһү, диэн хоһоон буолара. Онон дөксө хат дьахтар соһуйдаҕына «хата көтөр» диэн соһуппат буолаллара.

И.Г. Игнатьев тылытаан С.И. Боло суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 16—16 об.

44. Кураҕаччы (ардах барааға)

Саас бэрт хойут кэлэр, күһүн эрдэ барар, холууб саҕа улахан, хатаҥ саҥалаах, ардах эрэ кэлиэ буоллар быһа саҥарсар, кураҕаччы (ардах барааға) диэн көтөр баар. Ити бараах манна саха сиригэр төрүүр, сымыыттыыр. Кини баардаммыт бурдук сиригэр таптаан түһэн аһыыр, сылдьар. Бу көтөрү хара тыа бэринньэҥ баһылыга Баай барыылаах бииргэ төрөөбүт иниитэ Кураҕаччы сүүрүгү, бу кини диэн ааттыыллар, ону барыылаахха өскө сааска барбат наадатыгар, кини бииргэ төрөөбүт инитин өлөрүөхпүт дуо, дииллэр. Ити кураҕаччыны өлөрбүт киһи сааһын туххары хара тыа булдуттан малыйыахтаах, итинник ыар өһөс, кытаанах өскө сааска барбат наадатыгар айыырҕаан өлөрбөттөр.

Билигин даҕаны эдэр, кырдьаҕас даҕаны булчуттар ытыктыыллар, өлөрбөттөр. Арай кыра оҕолор, олох эдэр ыччаттар эрэ ытан олөрөллөр. Онон билигин даҕаны итини итэҕэйэллэр уонна ытыктыыллар. Кураҕаччы наһаа сытыытык түргэнник көтөр, бары кыыл-

лары, көтөрдөрү ситэн куотар. Ол иһин баай барыылаахтан көрдөһөргө: «Куруҥ хара тыа иччитэ, Кураҕаччы сүүрүк аттаах тойон эһэм, тосхойон кулу» — диириллэр. Кураҕаччы онон бүтүн саха норуотун булчуттарыгар киэҥник биллибит көтөрүнэн, барыылаҕынан буолар.

М.Г. Наумовскай уонна П.Т. Степанов кыра сылдьан истибиттэрин суруйбуттарыттан Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Наахара нэһ., ахсыннһы 25 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 14 об.

45. Чөкчөҥөнү өлөрбөттөр

Ити хара чөкчөҥө диэн «өбүс-чөчөөк, тоойуу-төбүт!»[1] — диэн саҥалаах баар. Ол көтөр былыр сэттэлээх кыыс оҕо хат буолбутуттан көтөн чөкчөҥө буолта үһү диэн буолар.

Ол биирдэ, былыыр-былыр, сэттэлээх кыыс оҕо хат буолан иһэ биллэн кэлбит. Маныаха оччоҕо буолара — бу курдук кыратыгар хат буолбут кыыс, ойбоҥҥо киирэн түстэҕинэ, «хата көтөр» үһү, диэн баарын истэр буоллаҕа. Кыыс киирэн ойбоҥҥо түһэр, күөрэйэн тахсар, тахсыбыта хата суох буолан хаалар. Дьэ ол сэттэлээх кыыс хата хара чөкчөҥө буолан көппүтэ үһү, онон кини: «өбүс-чөчөөк, тоойуу-төбүт!» — диэн саҥалаах буолбут. Онон былыр сэтиргээн өлөрбөт буолаллара үһү. Кыыс хара чөкчөҥө буолан көтөн, өбүстэн маппытын абатыгар оҕордук этэн ытыыра үһү.

Игнатьев Спиридон Герасимович, 54 с. Иккис Күүлээр Бүлүү оройуона, муус устар 9 күнэ 1938 с. Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 15 об. — 16.

46. Бочугурас

Бочугурас былыр сүрдээх улахан көтөр эбитэ үһү. Кини туохтан да куттаммат, ханна таптаабыт сиригэр түһэн аһыыр эбит. Тоттоҕуна көтөн тирилээн хаалар эбит.

Арай таҥара[1] оҕонньор күлүк сири булан, утуйан тарайа сыттаҕына, аттыгар аһаан баран бочугурас көтөн тигинээбит. Онтон улаханнык соһуйан, таҥара оҕонньор уһуутаан-уолуйан уһуктубут. Уордайан туран, таҥара бочугураһы буруйдаабыт, кини түөһүн этин ылан атын көтөрдөргө үллэрэн биэрбит. Онтон ыла бочугурас оччоон хаалбыт. Атын көтөрдөр түөстэригэр үрүҥ эттээх буолбуттар.

Орджоникидзе оройуона, Хачыкаат нэһ., 56 саастаах Анна Ивановна Никифорова тылыттан, Г.У. Эргис суруйбута. Сэтинньи 1936 с. Хачыкаат сирэ, Куруҥ [ЯС, т. 1, с. 95].

47. Хабыйакаан

Бэрт былыр хабыйакаан[1], син атын көтөрдөр курдук, соҕуруу дойдуга баран кыстыыра эбитэ үһү. Ол гынан баран көтөрүнэн мөлтөх буолан, ити баран түһэн сынньанар, ол баран түһэн сынньанар буолан, доҕор көтөрдөрүн тутан кэбиһэрэ үһү. Онтун абааһы көрөн, кинини биир күһүн соҕуруу илдьэ барбатахтар. Хабыйахаан манна кыстаабыт.

Сааһыгар көтөрдөр кэлэн көрбүттэрэ, хата, хабыйахааннара түүтэ-өнгө тупсубут, тыс этэрбэс кэппит, мэктиэтигэр хараҕа кытарыар диэри уойбут-топпут. Доҕотторун көрсөн баран эппит:

Хап хап хаап!
Хата, эһиги миигин
Хаалларан барбыккыт да,
Хата мин ханаччы уойдум буолбаат!

Онтон ыла хабыйахаан куруук бу дойдуга кыстыыр буолбут.

Орджоникидзе оройуона, Хачыкаат нэһ., 56 саастаах Анна Ивановна Никифорова тылыттан, Г.У. Эргис суруйбута, сэтинньи 1935 с., Куруҥ [ЯС, т. 1, с. 95].

48. Куртуйахтаах сордоҥ

Куртуйах[1] икки сордоҥ икки ох саанан сэриилэспиттэр. Куртуйаҕа буоллаҕына үөһэттэн ытыалаан сордоҥу көхсүгэ түһэрэр эбит. Биирдэрэ аллараттан ытан, оҕо баран куртуйаҕы атахха табар эбит.

Ол иһин ыппыт охторо билиҥҥэ диэри биирдэстэригэр сиһигэр, биирдэстэригэр атаҕар хатана сылдьар эбит.

Орджоникидзе оройуона, Хачыкаат нэһ., 56 саастаах Анна Ивановна Никифорова тылыттан, Г.У. Эргис суруйбута, сэтинньи 1935 с., Куруҥ [ЯС, т. 1, с. 96].

49. Тоҥсоҕой уонна күүстээх от[1]

Саас, сарсыарда, тоҥоруулаах сарсыарда, тоҥсоҕой төрөөбүт кубалаанын булан баран, ону ыксары хараҕалаан кэбиһэллэр уонна аллараа, харалаах тэллэҕи тэлгиэн баран, чугас саһа сытыахтаах. Онно тоҥсоҕой кэлэн тоҥсуйа сатаан баран кыайбакка гынан баран, баран хаалыахтаах уонна сотору кэлээт бүөтүн төлө анньан кэбиһэр, оту аллараа ыһыктан кэбиһэр. Ону, кэтээн сытар киһи

буоллаҕына, айаҕар ыстаан ыйыстан кэбиһэр, оччоҕо наһаа күүстээх киһи буолуохтаах. Онтон, кыайан итиннэ сөп буолбат күүстээх киһи буоллаҕына, тириитэ дэлбэритэ баран өлүөхтээх.

Мэнгэ-Хаҥалас оройуона иккис Наахара нэһилиэгэ М.Г. Наумовскай тылыттан П.Т. Степанов суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17.

50. Эһэкээн[1]

Кырдьаҕас булчуттар тыаҕа бултуу тахсан иһэн кугас тиинги, ол эбэтэр кукаакыны көрдөхтөрүнэ өлөрөр этилэр. Ол эһэкээн үһү.

Сунтаар оройуна Күндэйэ нэһилиэгин олохтооҕо, 60-тан тахсыбыт Никита Алексеевич Парфенов тылыттан Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 4 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 54.

52. Майааттар

Майааттар диэн Өлөөҥҥө сирдэммиттэр. Кыыл куолутун киһилээбэт дьон. Ол сии сылдьаннар, ньөөкү[1] оҥостубуттар, кыайымыналар.

«Бу Өлөөн, Өлөөн диэн аатырдаллар! Биир да тоҕойугар биир да киһи сытыа суох!» — дииллэр.

Оттон ол араастынай үҥкүүлэрэ, саҥалара үгүс буоллаҕа дии, тот дьон. Этиэбин диэн сиргэ онно үҥкүүлүүр сирдэрэ үһү. Ол дэлэгэй үчүгэй сир буолуо. Кинилэр саҥаларынан ааттаммыт сир үһү: «Эппитэхтиир сирбит Этиэбинниир буолллун даа!» — диэбиттэр.

Ол дьон кыылы дэлби сии сылдьар дьон буоллаҕа дии. Ол сылдьан, биир кыылы туппуттар. Тириитин хастаабыттар, тымырын быспакка тыстыыны баҕастыыны түөрэтин хастаан ылбыттар. Ол гынан баран сыгынньахтаан ыыппыттар, барарыттан иттэннэри-умсаннары түһэ-түһэ күлсэллэрэ үһү. Онтон биир кыылы эмиэ туппуттар, икки хараҕын тэһэн баран ыыталлар, күлээри.

Онтон кыыллара сиэппэт буолан хаалбыта. Бу киһилэр тутайар тирээттэрэ буолар, хоргуйаллар.

Хоргуйаннар ньөөкүлэригэр барарга быһаарыналлар. Ньөөкүлэригэр тиийбиттэрэ, ньөөкүлэрэ буоллаҕына ынтах[2] бара турар, туох иһин ситтэрбэт. Тутайар тирээттэригэр ытыалыы сатыыллар. Ытыалаан да өлбөт, мас буоллаҕа дии.

Өлөөн күөлүн биир тоҕойугар бары тутайан өлбүттэр.

Онтон орпуттара эбитээ, атына эбитэ, ол майааттар эбитээ, нууччалар эбитээ манна кэлэн бу дойду киһитин кэйбиттэрэ. Биир

киһини куоттарбыттара. Бу киһи бу эбэттэн[3] араҕыах санаата суоҕа. Бу эбэни үс төгүл эргийбит. Ол иһэн сыччаҕа буолан Буордааҕы ойбута. Ол ойон түһүүтүгэр атаҕын суон иҥиирин быһа ыппыттар. «Аан дойду иччитэ диэн суох буолар эбит дии, кинилэри ылбата!» — диэн өлбүт бу киһи.

Онтон туран, төһө буолан баран[4] Очуоһунан[5] Майааттар уҥуор туораабыттар. Уҥуор туоруохча буолан иһэн, үөскэ сэлии муоһугар кэтиллэ түспүттэр. «Хайа кылаат көстүбүт дии!» — диэн буолар. Дьэ хаһан бараллар кылааты ылаары. Оттолуу хаһан истэхтэринэ, хаан тахсыбыт. Дьэ кэрдэллэр аллараа киирэн баран. Онтон туура тардаары, бука бары сиҥнэн түһэллэр. Онтон кыайан күөрэйбэтэхтэрэ.

М.И. Өспөк, 64 саастаах, Красноярскай край, Эвенкийскэй национальнай округ. Илимпийскэй оройуона «Ленин суолунан» колхоз чилиэнин тылыттан. Суруйда Н.В. Емельянов, муус устар 6 күнэ 1959 с. Дьэһиэй бөһүөлэгэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 77—78].

53. Эһэ төрүт

Былыр Үрүҥэй нэһилиэгэр[1] Муома районыгар биир ыал икки кыыстаахтар эбит. Былыр кыыстарын сииллэрэ үһү. Биир кыыстарын сиэбиттэрин кэннэ, биир кыыстара: «Миигин син сиэхтэрэ» — диэн туран тыаҕа мээнэ баран хаалар, куттанан. Ону эһэ тутан ылан арҕаҕар бииргэ олордор, уонна ойох гынар. Бу дьахтары эһэ, кыһын аһыырын оннугар, ытыһын салатар үһү. Сайын буоллаҕына бултаан аһатар.

Биирдэ бу дьахтар судьдьа суола сылдьыбытын ирдээн тиийэн, эһэ арҕаҕыттан булбут, дьахтары уонна эһэни. Эһэни өлөрөн баран балтын илдьэ кэлэр. Балта этэ түү буолбут үһү. Бу дьахтартан түүлээх оҕо төрүүр. Онтон ыла Үрүҥэй нэһилиэгин дьоно эһэни ытыктыыр. Эһэ этин Үрүҥэй нэһилиэгин дьоно сиэбэттэр, тириитин тэллэхтэммэттэр.

Абый района, Абый нэһ., 50 саастаах Афанасий Иванович Слепцов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, кулун тутар 30 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 91—91 об.

54. Эһэ буулааһына

Муомаҕа Үрүҥэй диэн нэһилиэк таҥарата эһэ. Кини этин дьахталлар сиэбэттэр үһү. Биир айан киһитэ түүн биир ыалга эһэ этин күөстэнэн сиэн барбыт, уонна миинин салыччаҕар ордорон баран оһох тумсугар ыйаан кэбиһэр. Ону дьиэлээх дьахтар туран

алҕас бу салыырчахха илиитин батары биэрэн баран умньаммытын айаҕар укпут, амсайбыт. Ол дьахтар өлбүтэ үһү. Ол курдук биир Муома кырдьаҕаһа кэпсээбитэ.

Верхоянскай район, Яна нэһ., 98 саастаах Николай Игнатьевич Николаев тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, кулун тутар 1 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 120.

55. Эһэ

Былыр эһэ симэхтээх таҥастааҕ, сааһын туххары эргэ барбатах дьахтар эбитэ үһү. Кини биирдэ этэр: «Мээнэ барбыт, сылдьыбыт киһи, дьэ хайдах буолар эбит. Мин арай мээнэ барыыһыбын», — диэн симэхтиин мээнэ барбыт. Бу сылдьан кини түү үүнэн эһэ буолан хаалбыт. Бу сылдьан киһини сиир буолбут, абааһытыйбыт. Ону кинини өлөрбүттэр.

Дьахтар эһэни тыаҕа көрүстэҕинэ, куттаннаҕына, эмиийин таһааран көрдөрөр. Оччоҕо кинини эһэ сиэбэт, баран хаалар.

Эһэни сүллэххэ, үкчү дьахтар курдук. Эмийэ, синньигэс да биилиттэн аллараа өттө.

Эһэни бу Дьаанҕыга «эбэ» диэн ааттыыллар, дьахтар аймах. Эр дьон «эһэ», «тыа кыыла» — диэн ааттыыллар. Дьаанҕы дьахталлара эһэ этин букатын сиэбэттэр. Сорох эмээхситтэр, дьахталлар дьиэлэрин иһигэр эһэ этин буһаттарбаттар даҕаны. Аны дэҥ кэриэтэ биир эмэ дьахтар сиэтэҕинэ улахан одуу, сии, сэмэ буолар. Эһэни сииллэригэр эр дьон хааҕырҕаан баран сииллэр.

Верхоянскай оройуон, Суордаах нэһ., 92 саастаах Анастасия Сидоровна Слепцова тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, ахсынньы 27 күнэ 1939 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 9.

56. Булчут уонна эһэлэр

Мин төрдүм-ууһум Наахара диэн баар эбит. Ол киһи биир миэтирэлээх. Кини икки сүүс сааһын туолбут. Оҕонньору туох даҕаны атаҕастаабыта суох. Бэйэтэ ааттаах булчут. Кини тиихэ суох буолар, тайахтанан бакалла сылдьар. Хаар лаҥкынах буолан эрдэҕинэ оҕонньорго икки эһэ кыыллар сүүрэн киирэллэр. Биирдэрэ туорай кугас, биирдэрэ хатыр маҕан.

«Мин икки сүүсчэ эһэни сиэбит киһибин. Батыйам суоҕа аба эбит. Бу эһиги миигин сиэри гынаҕыт дуо?» — диир. Онтон тайаҕын быраҕан баран, саҕаларыттан тутан илдьи сынньан өлөрөр.

Икки эһэтин иннигэр-кэннигэр быраҕан сүгэн кэлэр, тайахтанан баран.

«Эмээхсиэн, бу икки эһэни өлөрдүм. Самантан биирдэ эрэ сиирим буолуо. Бу төргүүм буолуо, онон өлөбүн», — диир.

«Ээ оттон тоҕо өлөрбүккүнүй, уһуоҥ этэ», — диэн хоруйдуур эмээхсинэ. Сассыныгар оҕонньоро өлөн хаалар.

Үөһээ Бүлүү оройуона, Маҥаас нэһилиэгэ, 80 саастаах Герасимов Егор Герасимович тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы 17 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 137—139.

57. Сата[1] уута

Сата уута диэн өлбүт сүөһү эбэтэр эһэ этин икки тириитин икки ардыгар үөс курдук тирии оҕотугар уу үөскүүр. Ол ууну ойо быһан ыланнар илдьэ сылдьаллар. Хаһан сөрүүҥҥэ наада буоллахтарына ыытан кэбиһэллэр. Оччоҕо сата түһэн тыал-силлиэ буолар. Холобур: тыаһыттар киириилэригэр (бэс ыйыгар) олус итиитэ бэрт буолан 7—9 хонукка сатаны ыытан кэбиһэллэр. Оччоҕо ити хонук устата бэрт тыал түһэр. Ону олохтоохтор булчуттар истэхтэрэ, булчут силиэтэ дэһэллэрэ. (Ити сата уутун тыалы кытта тыал, силлиэни кытта силлиэ буол диэн бараннар салгыҥҥа тоҕо ыһаллар үһү.) Эбэтэр сата сорох эһэ тириитигэр эмиэ баар буолар. Кыһын күрдьэҕинэн бурдук көтүтэр кэмҥэ тыала суох уу-чуумпу буоллаҕына эһэ тириитин эриэн талаҕынан таһыйа-таһыйа: «Хара эһэ тириитэ киэҥ буурҕа буол, үрүҥ эһэ тириитэ уһун силлиэ тур, маҥан эһэ тириитэ маҥан холорук буол», — дии таһыйдахтарына сата турара үһү.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, I Наахара нэһилиэгэ 63 саастаах үөрэҕэ суох Гавриил Иванович Ильин тылыттан П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 45—45 об.

58. Бөрө таҥара[1]

Былыр Бөтүн нэһилиэгэ Нам оройуонун дьонун үөҕэллэрэ: «Иччитэх иини сэттэтэ эргийбит бөрө таҥаралаах бөрө бөтүҥнэр», — диэн. Ол кинилэргэ таҥара буолта үһү манныгыттан. Төрүттэрэ Бөтүҥнэр өрүс арыытыгар тыалга хааттаран хоргуйан өлөөрү сытан бөрө хаһааһын булаллар — араас сыманы, үөрэ отун таспытын булан — онон аһаан тыыннаах ордон хаалтар. Онон бөрөнү таҥара оҥостубуттара үһү, кини абыраата дэһэн.

Кэбээйи оройуона, II Ситтэ нэһилиэгэ, 49 саастаах Петр Федотович Саввин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 46—46 об.

60. Саһылы кытта сыаҥаан[1]

Саһыл сыаҥаанныын ыал олорбуттар, биирдэрэ тыаҕа, биирдэрэ ууга.

Сыаҥаан:

— Мин саһылы кытта сырсыам, — диир.

Саһыл:

— Мин да сырсыам, — диир.

Кыыллар сууттара туран:

— Сырсыҥ ээт, — диир.

Дьэ сырсаллар: биирдэрэ уунан, биирдэрэ тыанан. Сырсаннар сүүрэн-сүүрэн, төһөнү эмэ күөлү эргийэн иһэн, саһыл дьэ үөгүлүүр:

— Сыаҥаан, ханна бааргыный?

Иннигэр тумуһахха сыаҥаан:

— Ооп! — диир.

Саһыл эппиэт сүүрэр. Сүүрбэлээн иһэн эмиэ үөгүлүүр:

— Сыаҥаан ханнаҕыный?

Иннигэр тумуһахха:

— Ооп! — диир.

Саһыл сылайан тутайар ирээтэ буолар. Өлүмээри арыычча иһэн, олорон хорос гына түһэр.

— Сыаҥаан! — диир.

Эмиэ иннигэр тумуһахха:

— Ооп! — диир.

Онтон дьэ, саһыл: «Сыаҥаан түөкүннүрэр», — диэн, суукка үҥсэ барар.

Бу үҥсүбүттэрэ туран, суут бил балыкка:

— Дьоҥҥун мус! — диир.

Бил ыҥыртаан, тумулга, сордоҥ хаар, сыаҥаан хаар, алыһардар эҥиннэр мунньустубуттар.

Сууттарыгар:

— Дьэ мунньуһуннубут, — диэн буолар.

Саһылы көрбүттэрэ: эт да, сиин да суох, тутайан уҥуоҕу кытта тириитэ илбэспит (оччо буолуор диэри бэйэтэ да тоҕо сырсыбыта эбитэ буолла).

Сууттара туран:

— Наака, саһыл кырдьыга буолуо ээт, — диир. Онтон туран:

— Баччалаах балыктан биир эмэ билэрэ буолуо ээт, — диир.

Сордоҥ:

— Мин саҥарыахпын көҥүллээҥ, — диир.

— Чэ, саҥар ээт, — диэн буолар.

— Сыаҥаан сыаҥааттары сырсыан инникээнинэ тумуһахха уураттаабыта, ол гынан баран бэйэтэ сыппыта.

— Оччоҕо сууттуохха, — дииллэр.

Бары сыаҥааны сууттуурга куоластыыллар. Дьэ таһыйан имитэллэр. Таһыйан имиппиттэригэр туран, кутуруга хаптаччы барар, этэ суох буолар, баһын диэки этэ хаалар.

Сыаҥаан саҥарар:

— Кэнэҕэски үйэҕэ киһи-сүөһү үөскээтэҕинэ, миигиттэн сиир эти хантан да булуохтара суоҕа. Туоҕунан аһыахтарай дьон, туоҕунан туһаныахтарай?

Сууттара саҥарар ууруахтыыр:

— Кырдьык да гынар сыаҥаан. Бил, эн эттээххин, эн быарыҥ эмиэ үчүгэй, сыа-арыы буолан тахсар, — диир суут. Онон эн быаргын сыаҥааҥҥа биэриэх тустааххын, ол гынан баран сыаҥаан быарын ылыахтааххын.

Суут эппитин кэннэ олоруохтара дуо, атастаспыттара.

Дьэ онтон бэттэх сыаҥаан саллаҕар бастаммыт, улахан быардаммыт.

Красноярскай кыраай, Эвенки национальнай округа. Дьэһиэй бөһүөлэк олохтооҕо Мартен Иванович Өспөк диэн 64 саастаах сахаттан, Н.В. Емельянов суруйбута, кулун тутар, 1959 с. Дьэһиэй бөһүөлэгэ [ЯС, т. 1, с. 50—51].

61. Кырынаас кутуругун төбөтө хара буолбута

Билиҥҥи кыыллар, үөннэр-көйүүрдэр бары бэйэлэринэн буолбут кэмнэрэ этэ. Ахсаан өттүнэн бары да аҕыйахтара эбитэ үһү. Ити кэмҥэ билиҥҥи кырынаас алаас чаалай харатыҥы кугас өҥнөөх дьүһүннээҕэ.

Өйдөөбөтөх өттүттэн чысхааннаах, кыырыктаах кыһын кэлбит. Арай тыа ортотугар Куобах Бөтөҕөтө оҕонньор мас балаҕаннанан олорорун бары кыыл билэрэ. Оҕонньор иһэр оргуйбут уута холумтаныттан хаһан да тахсыбата үһү.

Кырынаас тоҥон өлөрө кэлэн, үөлэскэ тахсан иттэ олорон, утуктаан нуурайан барбыт. Оҕонньор таһыттан киирээри аанын саппыт тыаһыгар соһуйан, мүччү туттан, ураа устун сурулаан оргуйа олорор ууга кэлэн чоп гына түспүт. Абытайа бэрдиттэн марылыыр

саҥаны истэн, Куобах Бөтөҕөтө оҕонньор кэлэн сулбу тардан таһаарбыта: сып-сыгынньах эттээх кырынаас суккуруур тыына эрэ орпут. Соҕотох оҕонньор доҕор гынаары, быһа көрөр-истэр, харайар. Үөн-үөн курдук, сотору бэттэхтээн тиллэн кэлэр. Били харатыҥы кугас (чаалай) дьүһүнэ ханна да суох буолан, уларыйан хаалар. Хата кыыппаҕа суох үп-үрүҥ түү хойуу баҕайытык тахсан, үүт маҥан дьүһүннэнэр.

Оҕонньордоох кырынаас дьукаахтаһан өр соҕус олорбохтууллар. Кырынаас бэлэми оҕонньор булдуттан асаһар. Биирдэ оҕонньор наһаа харыстыыр кыра хаһаас арыылааҕын дьааһыгын аһан көрбүтэ, хайы үйэҕэ тиис суола кирэн чугаһаппыт үһү. Куобах Бөтөҕөтө оҕонньор иһигэр туора муостаах киирэр[1], хааһы курдук үлтү бутуллан хаалар. Өйдүү биэрэн бултуу барбыта буолан, баран мас оннугар саһан турар. Кырынаас ол-бу диэки чолоруҥнаан баран, дьааһык иһигэр кыра орпут арыытын киирэн кирэн барар.

Оҕонньор тыаһа суох үөттүрэҕин илиитигэр тутан, хампы охсор санаанан иһэрин кырынаас обургу, сэргэхтэн сэргэх, билэ охсон куотан истэҕинэ, хаһыыра түһэн баран сырбаппытын, аһаран биэрэн, кутуругун төбөтүн таптаран эрэ хаалар. Оҕонньор эрэйдээх: «Бэйии-бэйи, хара баранаак! Муус маҥаны син бэлиэтээтим ээ», — диэн хаалбыт. Кырынаас кутуругун төбөтүгэр оҕонньор охсубута бааҕыран дуу, хоруо сыстан дуу, хара түүлэммитэ билигин да сотуллубакка сылдьар. Онтон ыла кырынааһы бэлиэлээх диэн ааттаабыттара.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, иккис Наахара нэһилиэгэ М.Г. Наумовскай суруйбута, 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 65].

62. Муҥур кутуруга суох буолта

Муҥур кырынаас биирин ууһа. Хаһан эрэ кини бэрт субуххай түүлээх кутуруктааҕа. Тоҕоҕо үрдүгэр тоҕуста дугуйбут[1] диэххэ дылы, сүгүн ороҕор тохтуу түспэт, наһаа сытыы, киирбит-тахсыбыт кыыл этэ.

Ити курдук сылдьан булчут чаахчааныгар, оонньуу оҥостобун диэн, кутуругун төрдүттэн хаптарбыт. Тардыан ыарыыта бэрт. Ол олордоҕуна булчут көхсүн тыаһа кыыкынаан, атаҕын тыаһа сардыҕаан, субу барыҥнаан тиийэн кэлбит. Тардан көрбүт абытайа бэрт буолан бэрт буолан, өлбүт буолан кубулуммут.

Булчут (хас албаһы билиэй) чаахчаанын ылан ууран баран, иитэн эрдэҕинэ муҥура ыстаммыт. Оҕонньор эккирэтэн иһэн ата-

ҕынан үктээбит. Кутуруга били быһа ытыттарбыт сиринэн быстан оҕонньорго хаалбыт.

Онтон ыла мунүур кутуруга кылгаан хаалбыт.

Мэнэ-Хаҥалас оройуона, иккис Наахара нэһилиэгэ М.Г. Наумовскай суруйбута, 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 66—67].

63. Үтүөнү үтүөнэн боруостааһын

Бэрт былыр илин тыаҕа икки оҕолооох, дьахтардаах биир быстар дьаданы тоҥус олорбут. Тоҥус кэргэттэрин ураһаларыгар хаалларттаан баран хас да хоно, ыраата бултуу барбыт. Дьахтар икки кыра оҕотунаан ханнык эмэ эт сыыстаахтарын сиэн аһаан баран-нар сыппыттар. Дьэ ити түүн бэрт үчүгэйдик хоммуттар, тугу да билбэтэхтэр, көрбөтөхтөр. Сассыҥнытыгар чуҥкуйбут, кыһыҥҥы күнү барыы сатаан оҕолорун көтөҕөн баран ураһатын иһигэр бүк түһэн олорбут. Арай күн орто кэлтэйдээн эрдэҕинэ ураһатын аанын аһан мастыы тахсаары гыммыта, тэлгэһэтин иһигэр сүрдээх улахан сиэллээх, илин өттө сохсоҕор, кэлин өттө сылбыгыр, уһун болчуохтаах кутуруктаах кыыл бөҕө сытар эбит. Дьахтар куттанан ураһатын иһигэр ньимис гынан хаалбыт. Тоҥ күөс холобурдаах буолан баран ааны сэгэтэн көрбүтэ буукса чугаһаан кэлэн сыппыт. Онтон эмиэ өр соҕус буолан баран аппатан көрүөх буолта били кыыла ааҥҥа туора сытан кэбиспит. Дьахтар куттаныы бөҕөнү куттанан икки оҕотун хоонньугар уктан баран туох да аһыыра суох олорбут. Күн киэһэрбит, түүн буолбут. Арай били кыыла эйэҕэс баҕайытык кырдьыгыныы, кырдьыгыныы ааны аппатан, тирии ураһаны сэгэтэн илин ханҕас атаҕын тобугунан иһирдьэ аспыт. Арай дьахтар имик-самык уотугар өйдөөн көрбүтэ илин атаҕын тобугун үөһээ өттүнэн айа ырбата хатана сылдьарын көрбүт. Дьахтар уотун дуомун сырдатан ааныгар тиийэн көрбүтэ кырдьык ырба хатана сылдьар эбит. Атаҕа болҕоччу иһэн хаалбыт. Дьахтар хапсабар ырбаны аргыый аҕай сулбу тардан ылбыт уонна үүтүнэн сүлүһүнэн дэлби оборон кэбиспит. Кыыла буоллаҕына биһирээбит курдук буукса иһирдьэ уган биэрбит. Дьэ бүтэрэн баран дьахтар сүрдээх үчүгэй баҕайытык өрө-таҥнары имэрийэн биэрбит. Кыыла хап-сабар атаҕын сулбу тардан ылбыт да тус илин диэки бара турбут. Били булчут киһи үс күн олох малыйан төннөн истэҕинэ дьиэтин таһыгар били дьахтарга отоһулаппыт кыыла толбонноох, түөһүгэр күннээх хара саһылы тутан биэрбит. Булчут үөрүүтүгэр атаҕа сири билбэт буолбут, дьиэтигэр сүүрэн киирэн ойоҕор бы-

рахпыт. Онтон иккиэн уоскуйан баран хайдах буолтун, быһаарсан кэпсэппитэрэ били дьахтарга отоһулаппыт кыыллара анаан аҕалан хара саһылы ууран биэрбит.

Ити аата кыыл ыраахтааҕыта сэпкэ дэҥ табыллан баран онтон быыһаммыт үтүөтүн, өҥөтүн хара саһылынан боруостаатаҕа үһү, диэн буолар.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, бастакы Наахара нэһилиэгэ, 74 саастаах, үөрэҕэ суох, кырдьаҕас булчут Илья Иннокентьевич Платонов тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 23—24.

64. Кынаттаах кутуйах

Абааһы үрүмэччитин[1] (тирии кынатын) кыһыл көмүс курдук ойуулааҕын булан өлөрөн баран эчиким диэн ааттаан соннорун саҕатыгар тиктэрэллэр. Хаартыга сүүйтэрээри гыннахтарына сытыы баҕайытык иһиирэн чупчулуйаллар, оччоҕо хайаан даҕаны сүүйүөхтээхтэр үһү. Уурар хаартылара табыллыахтаах, муҥура суох үбү сүүйүөхтээхтэр үһү.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, иккис Наахара нэһилиэгин олохтооҕо Михаил Григорьевич Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19.

65. Балык, үөн

Тойон таҥара аан дойдуну айан баран, орто дойдуга киһини, сүөһүнү оҥорбут, атын да тыынар тыыннаағы оҥорбут.

Оҥу үтүктэн Сатана оҕонньор, сир аннынан сылдьан, эмиэ уу балыгын, сир сидьиҥ үөнүн оҥорбут.

Ону көрөн, таҥара ууну илиитинэн кириэстии охсубута, балык баһыгар кириэстии уҥуох үөскээбит. Онтон ыла киһи балыгы сиир буолбут.

Сатана оҕонньор туран сидьиҥ үөннэри буорунан көмөн кистээн кэбиспит. Ол иһин киһи үөнтэн сиргэнэр буолбут.

Орджоникидзе оройуона, Нөмүгү нэһилиэгэ, 70 саастаах Гавриил Александрович Васильев тылыттан. Г.У. Эргис суруйбута, атырдьах ыйа, 1934 с., Хоптолоох сайылык [ЯС, т. 1, с. 102].

66. Аптаах баҕа уҥуоҕа

Бэрт дэҥ курдук утарыта сыстыһа сылдьар баҕалар баар буолаллар үһү. Ол баҕаларга күн өттүнэн күөйэ хааман кэлэн ытыска олордон аҕалан тууйаска уган баран хаппахтаан кэбиһэллэр уонна

туyйаһы быһаҕынан тобулута үүттүүллэр, олох сиидэ курдук оҥороллор. Дьэ ол оҥорон баран улахан чөмөөхтөөх кымырдаҕас уйатыгар угаллар. Дьэ били сиидэ курдук хайаҕаһынан кымырдаҕастар киирэннэр били баҕаны сииллэр, онно баҕата олус куһаҕанныk хаһыытыахтаах. Дьэ ол хаһыытын истимээри укпут киһи кулгааҕын бүөлэниэҕинэн бүөлэнэн муҥ кыраайынан сүүрэр. Арай ол иһэн баҕа хаһыытын иһиттэҕинэ эбэтэр өлөр, эбэтэр иирээн буолар. Били укпут киһи өр буолан баран 7 эбэтэр 9 хонон баран туyйаһын аһан көрбүтэ биир тордуох курдук, биир атырдьах курдук ып-ыраас уҥуохтар хаалыталыыллар. Ол уҥуохтары ылан тэрэппиискэҕэ суулаан илдьэ сылдьаллар. Ол тордуок курдугунан тардыалаатахха киһи тугу барытын абылыыр, онтон атырдьах курдугунан астахха ол абылааһын өһүллэр. Итинник аптаах баҕа уҥуоҕунан былыр дэҥ курдук дьон туһаналлара үһү диэн кэпсээн буолар.

Ильин Гаврил Иванович кэпсээнинэн, 63 саастаах үөрэҕэ суох, бастакы Наахара нэһилиэгэ, Мэҥэ-Хаҥалас оройуона. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 45 об.

67. Баҕа аптаах уҥуохтара

Манныгы хаартыһыттар эрэ оҥостоллор, кинилэр дьону элбэхтик сүүйэн байар наадатыгар. Икки бастаах дуу, үс бастаах дуу баҕаны тутан аҕалан кымырдаҕас уйатыгар аҕалан уган биэрэн баран куоталлар. Баҕа өлөр хаһыытын истибэт наадатыгар, хаһыыны иһиттэххэ тугу да истибэт таас дьүлэй буолаллар үһү, диэн. Хойут хас да хонон баран кымырдаҕастар сиэн бүтэрдэхтэрэ буолуо диэтэхтэринэ кэлэн оҥуоҕун көрдөөн булан «тордуохтаах уонна атырдьах курдук салаалаах оҥуоҕу булан ылан» илдьэ сылдьаллар. Итинник оҥуоҕунан дьахтары, баайы, хаартыга тордуохтаах өттүнэн тардан ыллаххтарына дьахтар абыланан батыһа сылдьыахтаах, хаартыга сүүйүөхтээх, баай иҥиэхтээх. Онтон салаалаах өртүнэн антах анньан кэбистэххинэ дьахтар арахсар, баай баранар, хаартыга сүүттэрэллэр. Итини толору дьоллоох уол оҕо үрэх бастарыттан булар дииллэр. Ити, оҥуоҕу ким да билбэтинэн, бэрт кистэлэҥинэн кубарааннык саамай түгэҕэр илдьэ сылдьыахтаахтар, икки атахтаах ким да билиэ, сэрэйиэ суохтаах уонна алдьаммат гына оҥоһуллан угуллуохтаах.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, иккис Наахара нэһилиэгэ Михаил Григорьевич Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19.

68. Эриэн үөн уонна кыһыл көмүс

Дьон кэпсээнинэн, бу дойдуга Бастакы Тылгыны нэһилиэгэр Тыһылык диэн күөл арыытыгар, уонча сыллаахха икки тыһылаах атыыр эриэн үөн баара үһү.

Ону экспедиция дьоно кэлэ сылдьан эппиттэр үһү: «Атыыра аҕыс метр уһуннаах, тоҕус метр дириҥнээх сиргэ сытар», — диэн. Онно хаһан тиийбит киһи кинилэртэн кыһыл көмүс баар сирин ыйытыа этэ.

Олор билигин бааллара буолуо.

Үөһээ-Бүлүү оройуона, Маҥаас нэһилиэгэ 77 саастаах Павел Львович Львов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы 17 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 23.

69. Ыт уонна эһэ

Таҥара аан бастаан ыты оҥорбут. Онтон эһэни оҥорбут. Ыты буоллаҕына, мөлтөх гынан баран, өйдөөх гына оҥорбут, оттон эһэни буоллаҕына, күүстээх гынан баран, өйүнэн мөлтөх гына оҥорбут.

Эһэ төһө да күүстээҕин иннигэр, кыайбата, саллара элбэх эбит. Тугу барытын туппутун туура-хайа тутуох киһи, эрбэҕэ суох буолан сарбыллыбыт. Онтон кэлэн биир кэмҥэ таҥараттан кэлэн эрбэх[1] көрдөөбүт.

Итиннэ миинэрбитинэн ыт таҥараттан: «Эн эһэҕэ эрбэх биэрэр буоллаххына, миэхэ саата аҕал», — диэбит. Таҥара толкуйдаан баран: «Эһэ эрбэхтэннэҕинэ, аан дойдуну алдьатыыһы, ыт сааланнаҕына хамсыыры-харамайы эһиигин», — диэн эһэҕэ эрбэх да биэрбэтэх, ыкка саа да биэрбэтэх.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, бастакы Наахара нэһилиэгэ, 84 саастаах Тихон Егорович Кириллин тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, алтынньы 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 105—106].

70. Суостаах ыт уонна оҕо абааһыта

Иринньэх оҕолоох ыал, биир эмэ суостаах, улаханнык ньиргийэн үрэр ыты иитэллэр, ол оҕо доҕоро диэн буолар, дьиэҕэ оҕо чугаһыгар сытыара, утута үөрэтэллэр, ол курдук сытар, утуйар ыт. Ити «кыра-дьараар» диэн улахан күүһэ суох кыра абааһы, ити кыра оҕо сүрэхтэнэ илигинэ өлбүт буоллаҕына ол, или кыра ойуун, удаҕан кыра ханнык абааһыны аҕалан сыһыарбыт буоллахтарына ол буолар. «Кыра-дьараар» улахан киһини ыарытыннарар

күүһэ суох, сэттэни аллараа саастаах оҕоҕо кини майаачылаһар, ыарытыннарар, оонньуур, күллэрэр, иирдэр уо.д.а. оҥорор. Күүстээх оҕоҥу өлөрбөтөҕүн да иһин, кинини чыычыс гынар, киниэхэ ойуун, удаҕан, мэнэрик уонна ама-да буоллар сүрдээх-кэптээх адьырга көрүҥнээх киһи, ол курдук уоттаах харахтаах, сытыы тыллаах киһи, дьараар абааһыга, эмиэ тойон, — диириэр.

П.Т. Степанов суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4 об.

71. Ыт өлүүтэ

Былыр бурдук куолаһа наһаа уһун, бурдук отун хара сириттэн төбөтүгэр диэри туораах эбитэ үһү. Ону баара биир топпут дьахтар алдьаппыт, оҕотун эмэһэтин бурдук куолаһынан соппут.

Ону көрөн таҥара сүрдээхтик қыыһыран, дьоҥҥо биэрбит үтүөтүн төттөрү ылаары оҥостубут. Ыт туран көрдөспүт: «Саатар мин өлүүбүн хааллар», — диэн ытаабыт, соҥообут. Таҥара ыт көрдөһүүтүн ылынан, бурдук отун төбөтүгэр аҕыйах сиэмэни хаалларбыт.

Онон биһиги билигин ыт өлүүтүн сиибит.

Орджоникидзевскай оройуона, Нөмүгү нэһилэгэ 70 саастаах Гавриил Александрович Васильев тылыттан. Г.У. Эргис суруйбута, атырдьах ыйа 1934 с. Хоптолоох сайылык [ЯС, т. 1, с. 106].

72. Таҥара буолбут тыһы ыт

Орохоу нэһилиэгин Ыйылас аҕатын ууһа таҥаралара тыһы ыт. Ол Ыйылас төрдө Чаара өрүстэн иһэн быстаран тоҥон өлөөрү сырыттаҕына, бии ыты батыһыннаран иһэрэ қыалыктаах хататы ытыран аҕалбыт, қыргыска өлбүт киһи киэнин. Онон уот оттон абыраммыт, бу Ыйылас аҕатын ууһун төрдө. Билиҥҥэ диэри үөхсэллэр ыт таҥаралаах ыйыластар диэн. Бу ыт таҥара буолан өрөһүллүбүт киһи аата Нокоочук. Кини кэриэс этэр: «Ыт таҥара буолта өлөөрү сырыттахпына, онон ыраатар күннээх буоллаххытына ыккытын өрэ хааллараайаккытый», — диэн. Ыта суох былыр төрүт ханна да барбаттар үһү, бу ыйыластар. Билигин да үчүгэйдик туталлар, кэргэннэрин курдук.

Үөһээ-Бүлүү оройуона, Орохоу нэһилиэгэ 78 саастаах Федор Николаевич Тимофеев тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, муус устар 9 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 2, д. 69, л. 52—52 об.

73. Атыыр уонна атыыр оҕус (Кыһын уһаабыта, сайын кылгаабыта)

Аан дойдуну айан баран, таҥара киһиттэн ыйыппыт: «Кыһыны уһун гынабын дуу, сайыны уһун оҥоробун дуу?» — диэн. Онно киһи эппит: «Ити мин доҕотторбуттан, атыыртан уонна атыыр оҕустан ыйыт. Кинилэр тугу диириэринэн буоллун», — диэн.

Таҥара атыыртан ыйыппыт: «Эн кыһын уһун буолуон баҕараҕын дуу, сайын уһуон баҕараҕын дуу?»

Онно атыыр эппит: «Сайын уһун буоллун, кыһын мин туйаҕым туура тоҥоро бэрт».

Онтон таҥара атыыр оҕустан ыйыппыт: «Эн туох диигин, кыһыны уһун гынабын дуу, сайыны уһатабын дуу?» Атыыр оҕус эппит: «Эн кыһыны уһат, миэнэ сайын куйааска муннум сытыйар», — диэбит.

Дьэ таҥара кыһыны уһун оҥорбут, сайыны кылгас гыммыт.

Онтон кыыһыран атыыр туран атыыр оҕуһу муннуга тэппит — илин тииһин көтүрү тэппит. Атыыр оҕус атыыры ойоҕоско кэйбит — үөһүн дьөлө аспыт. Дьэ онтон ыла сылгы сүөһү үөһэ суох буолбут, ынах сүөһү илин тииһэ суох буолбут.

Орджоникидзе оройуона, Нөмүгү нэһилиэгэ, 70 саастаах Гаврил Александрович Васильев тылыттан. Г.У. Эргис суруйбута, атырдьах ыйа 1934 с. Хоптолоох сайылык [ЯС, т. 1, с. 107].

76. Дьуһаал таҥарата[1]

Дьуһаал таҥарата толбонноох курбуһахтаах, күөх бороҥ атыыр эбитэ үһү. Оннук дьүһүннээх атыыр сылгыны, кийииттэр иннин быһа барбаттар үһү. Былыр улахан сут буолбутугар, Дьуһаал төрдө киһи саас быстарыы саҕана, толбонноох курбуһахтаах, күөх ньилбэхтэрдээх күөх бороҥ атыыр сылгыны таҥалайын ханнаан, ону астаан аһаан, тыыннаах ордон ытыктыыр буолара үһү оннук дьүһүннээх атыыры.

Верхоянскай района, Буустаах Дьуһаал, 60 саастаах Христофор Горохов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, кулун тутар 8 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 92

77. Хоолдьуга

[Киһини көмуугэ] аты сииллэр, оҕуһу сиэбэттэр. Баҕар быа да түспэтэх ата буолар, көлүллэр да ат буолар. Тыһы сүөһүнү сиэбэттэр. Бу көлөтүнэн кэритиитигэр[1] эрэ сылдьар. Бу аты өлөрүөхтэрин

иннинэ ыҥыырдаан баран өлбүт киһини көрдөрөллөр. Уонна күн диэки көрдөрөн туран үөстүүллэр. Үөстээн өлөрөллөр.

Көмөн кэлэн баран өлбүттээхтэр малааһынныыллар. Ас буолар. Бу ас өлбүт киһи аһа, туокка мантан уокка бэссибэккин.

Яковлев-Круппа тылыттан. Олунньу ый 2 күнэ 1941 с.

ХАЛЛААН ЭТТИКТЭРИН УОННА ҮӨҺЭЭ ДОЙДУ ОЛОХТООХТОРУН ТУҺУНАН

78. Тулаайах уол оҕо уонна ый

Ый иһигэр көстөр хараны сахалар бу курдук этэллэр. Былыр биир тулаайах оҕо биир баай ыалга хамначыкка олорбут. Хотуна эппит: «Уута бас». Онно уол биэдэрэлээх маһын ылан уу баһа барбыт. Уутун баһан иһэн биир титириккэ өйөнөн туран тулаайаҕын туһунан санаан ытыы турдаҕына ый түһэн бэйэтигэр илдьэ тахсыбыт.

Тулаайах оҕону ытатар аньыы. Тулаайах оҕону ытаттахха ытыыр саҥата тоҕус халлааҥҥа тобулу тахсан Айыы тойоҥҥо иһиллэр. Онно Айыы тойон ытаппыт киһини буруйдуоҕа.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 208.

79. Ый кыыһа[1]

Биир ыалга тулаайах кыыс иитиллибит үһү. Ол кыыһы дьиэлээх дьахтар күһүҥҥү тымныы киэһэҕэ уу бастара ыыппыт. Ыйдаҥа киэһэ уолдьаабыт. Кыыс тоҥон муҥатыйбыт: «Бу сордоно сылдьыам кэриэтин күнү кытта күн, ыйы кытта ый буолан хаалларбыан», — диэн.

Кыыс далаһатыгар киирэн туран муҥатыйбытын күн, ый уонна сир истибиттэр.

Онтон күн эппит: «Сир-сир эйигин атаҕастыыр, миэхэ тахсан хаал», — диэн.

Онно хардаран сир этэр: «Күҥҥэ-күҥҥэ тахсыма, буһан өлөн хаалыаҥ. Ийэ сиргэр — миэхэ хаал», — диэн.

Ый этэр: «Сиргэ-сиргэ хаалыма, син биир аас-туор олохтонуоҥ, миэхэ олор», — диэн.

Кыыс толкуйдаммыт: «Күҥҥэ таҕыстахпына, тыыннахтыы буһан өлүөм, оттон сиргэ сордоно сылдьыам, айылааҕын ыйга тахсыыһыбын», — диэн. Ол кэнниттэн, кыыс эппит:

— «Ый-ый, чэ таһаар, эйиэхэ тахсарга баҕалаахпын», — диэн. Ону истэн ый буурҕанан эргиттэрэн кыыһы таһаарбыта үһү.

Онтон ыла ыйга кыыс оргуһуохтаах ыаҕаһын сүкпүтүнэн турар иччи буолта үһү.

Сунтаар оройуона иккис Бордоҥ нэһилиэгэ, 59 саастаах, Татьяна Григорьевна Николаева тылыттан. И.Я. Николаев суруйбута, 1947 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 789, л. 30—30 об.

83. Этиҥ сүгэтэ

«Этиҥ сүгэтэ» — диэн баар дииллэрэ, дьоннор мастан булабыт дииллэрэ, онно этэллэрэ «ыһыы» диэн сэп курдук этэллэрэ, эбэтэр хотуур сытыылыыр «аҕаан» диэн сэп баар буолара, ол тостубутун курдук кыра-хара дьүһүннээх-өҥнөөх, сүгэлии куормалаах «хара-таас» — дииллэрэ. Ол сүгэни дьоллоох, үчүгэйдик сылдьыахтаах киһи булар эбитэ үһү. Барыга бары ымыы, эмп буолар үһү.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, П.Т. Степанов уонна М.Г. Наумовскай суруйуулара, ахсынньы 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4.

84. Аччы

Ойуун дуу, ама киһи дуу этиҥ түспүт маһын тыыран баран холбуу баайан уотка сиэтэр уонна онон аччылыыр (далбаатыыр), оччоҕо куһаҕан тыын (абааһы) куттанан баран хаалар. Биитэр ханныбыт абааһы аспыт киһитин, хотонун, муҥхатын, ыалдьыбыт ньирэйи аччылыыллар, итиннэ уота умайа сылдьыахтаах. Ол аччылаабыт тымтыктарын тоһоҕоһун киһи сылдьыбат, тэпсибэт сиригэр ууралар, үксүн дьиэ чаампытын үрдүгэр. Ол аччы өрүү кэлэ бара сылдьар айан абааһыларыгар куттуур суостаах харабыл буолуохтаах.

Иккис Наахара нэһилиэгэ, Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17.

86. Сата[1]

«Сата» диэн баар буолар үһү үксүн: сүөһүгэ, сылгыга, кини туох эрэ кыра, хараҥатык күөх, сымыыт аҥаарын саҕа. Мээчик курдук уҥуоҕа чэпчэки үһү, үчүгэйдик одуулаан көрдөххө киһи сирэйин курдук сирэй, харахтаах буолар үһү. Ону халлааҥҥа көрдөххө, или күҥҥэ көрдөрдөххө, или ууга уктахха, халлаан сатарартымныйар, тыалланар, буурҕаланар буолара үһү уонна сорох ар-

дыгар киһиэхэ эмиэ баар дииллэрэ. «Саталаах киһи» ууга баһын уктаҕына (күөлгэ, үрэххэ, өрүскэ) халлаан эмиэ сатарар, дииллэрэ; ол туохтан оннук буолалларын саха кэпсээччилэрэ кыайан быһаарбаттар этэ, урут даҕаны, билигин даҕаны, таах ити курдук сатарар, тыалланар эрэ диэн кэпсииллэр.

Иккис Наахара нэһилиэгэ, Мэнгэ-Хаҥалас оройуона, М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4.

88. Дьааҥы ырыата

Былыргы саха майгытыгар дьааҥы ырыата диэн баара үһү. Ол буолара — үөһэ халлаан оройунан бэт элбэх киһи ырыата ыллаан туойан аһыахтаах. Дьааҥы ырыата өлөргө, алдьанарга — өлөр ыал диэкки тойугулаан аахыахтаах.

Чурапчы оройуона Одьулуун нэһ., 68 саастаах Иван Никитович Дьячковскай тылыттан. С.И. Боло суруйбута, 1934 с. [Боло, 1938, с. 146].

89. Тыаллар

Айыы тыала илин диэккиттэн кэлэр. Итинтэн туох да куһаҕан кэлбэт.

Куһаҕан тыал да, салгын да, арҕааттан кэлэр.

Хотуттан аҕыйах куһаҕан тыал кэлэр. Кини икки миэтирдээх (үрдүгэ. — *Н. А.*), сэдэх буолар. Киһи курдук көрүҥнээх.

Арҕааттан балтараа миэтир үрдүктээх кэлэр. Кини тобугуттан эрэ үрдүгэ көстөр. Киһи курдук көрүҥнээх.

Соҕуруруттан олох аҕыйахтык аһара күүстээх куһаҕан тыал кэлэр. Кини дьэҥкир маска-отко иҥиэхтээх. Биэс да алта миэтир үөһээ өттүнэн кэлэр.

Илинтэн икки анаар, үс сыл буола-буола, сыл анаарыгар дуу, сыл туоларыгар дуу, куһаҕан тыал кэлэр.

Сунтаар оройуона, Күндэйэ нэһ., 60 тахса саастаах, Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 3 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 27.

90. Үс дойду үөскээбитэ

Бэрт былыр билиҥҥи киһи-суоһу төрүттэрэ бу орто дойдуга «Айыы сиригэр» олорор эрдэхтэринэ, «Уотунан кулаһан кыргыһан баранар» кэлбит. Ол кэлэн харамай бүтүннүү уотунан кулаһан

кыргыһан, киһи-сүөһү онно баранара кэлэн, үрүө-тараа буолан, сорох үөһээ тахсыбыт, ол тахсыбыттар «Үөһээ абааһы» үөһээ дойду дьоно буолтар. Сорох аллараа түспүтэ, ол түспүттэр «Аллараа абааһы» аллараа дойду дьоно буолтар. Сорох орто дойдуга хаалан «Харах-Хаан» диэн Тойонноох, Сир-Сабыйа баай Хотун ойохтоох тойонноох буолан олорбуттар.

Бүлүү оройуона Күүлэт нэһ., 54 саастаах Спиридон Герасимович Игнатьев тылыттан. Суруллубута муус устар 9 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 19, л. 14—14 об.

91. Үөһээ тахсар аартык

Үөһээ тахсарга төрдө биир. Онтон сылгы аайы тус туспа суол. Үөһээ тахсар төрдүн аартыгын иччитэ Субан былыт иччитэ Ытык Дугуйдаан диэн. Кини былыргыта удаҕан дуу, иирээки дуу. Үөһээ, аллараа түһэн кэргэннэмэккэ өлбүт кыыс абааһы буолар. Уонна эрдэ, сааһын ситэ илигинэ, хомолтолоохтук, дэҥҥэ өлбүт киһи абааһы буолар. Ол сааһа туоллаҕына сүтэн хаалар. Былыргы ойууннар абааһыларга холбоотохторуна сүппэт.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһ., 60 тахса саастаах, Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 3 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 564, с. 31—32.

92. Халлаан кыргыттара

Былыр, сүүсчэкэ сыллаахха Амма Наахара сиригэр Тоҕой диэн алааска үс үрүҥ солко таҥастаах, былааттаах, эгэл-тэгил уҥуохтаах кыргыттар эмискэ баҕайы биир сарсыарда күн тахсыыта баар буолбуттар. Кинилэр кырдал сиргэ тохтообуттар, атахтарын төбөтүнэн дэгиҥнэһэн, илиилэрин төбөтүнэн сиэттиһэн, көтүүлэригэр сөп түбэһиннэрэн «оһуокай-эһиэкэй» диэн ыллыы-ыллыы оонньуу сылдьыбыттар. Онтон ити сир туһунан туруук хайаҕа, үөһээ кэтэҕэр, балаҕан оҥостоннор уонча сыл олорбуттар. Кинилэр биир кутуруга суох кугас ынахтаахтара биллэр. Ол ынахтарын икки көстөөх сиргэ, ыарҕа болуогурҕа илдьэн уулаталлара үһү. Сарсыарда аайы биир дьахтар ойбону тэһэ киирэр үһү, да суола олох көстүбэт үһү. Ол курдук ынах уулуу киирбит, тахсыбыт суола букатын биллибэт үһү. Дьэ, ити курдук туох да куһаҕаны даҕаны, үчүгэйи даҕаны оҥорбокколор олорбуттар.

Арай биирдэ булчут киһи хайаны тэллэҕинэн, кэннинэн эргийэн ити кыргыттар балаҕаннарыгар тахсыбыт. Балаҕантан бур-

бур буруо тахсар үһү. Дьиэ иһигэр көтөн түспүтэ үс дьахтар үрүҥ көмүс иньньэнэн, мачык солко сабынан чараас иилһи иистэнэ олороллор үһү. Таһыттан киирбит киһи: «Кэпсээҥҥит», — диэбит. Онно ким да хайыһан көрбөккө эрэ кэмниэ кэнэҕэс биир дьахтар: «Суох», — эрэ диэбит. Киһи турбахтаан баран тахсан бара турбут.

Дьэ, доҕоор, дьиэбэр бардарбын диэн бара сатаабыта сордонон-сордонон били балаҕаҥҥа тиийэн кэлбит. Дьэ кыһыйыы бөҕөнү кыһыйан даҕаны, саатырҕаан даҕаны кыргыттар балаҕаннарыгар киирбэккэ дьиэтин диэкки бара турбут. Ол бардар баран сол да дьиэтин булбакка эмиэ били балаҕаныгар төннөн кэлбит. «Бээ, бу туох ааттаах кыһалҕатай доҕоор, киирэн кэпсэтэн көрүөххэ», — диэн балаҕан иһигэр көтөн түспүт.

Ол киирбитэ — били мааҕыын «суох» диэн кэпсэппит дьахтара күлэн мичээрдии, мичээрдии: «Бу тоҕо төннөн кэллиҥ?» — диэбит, ону туран били булчут киһи хайтах төннөн кэлэ турбутун сиһилии кэпсээн биэрбит. Ону истэн баран дьахтар эппит: «Дьэ, оччоҕо ити үс тииҥҥиттэн биирин аҕал (кугаһын), — диэбит. — Оччоҕо үчүгэйдик тиийиэҥ», — диэбит. Булчут биир кугас тииҥнээҕин сулбу тардан ылан биэрбит. Уонна хамсатыгар табах уурунан, уматаары уокка чугаһаабыт. Ону туран били дьахтар: «Кэбис биһиги уоппутуттан ылыма, бэйэҥ уоккунан умат», — диэн тоһоҕолоон буойбут. Ону туран: «Бээ эһиги даҕаны миигин дьиибэлээтигит, мин даҕаны дьиибэлэһэн көрүөм», — диэн, истибэккэ тымтык чоочоотунан кинилэр уоттарыттан умаппыт. Ити тымтык умайарын кытары: «Кэбис бу дойдуга сатаан олордуо суоххут, барыыһыкпыт», — диэн бараннар, дьиэлэрин үс эккинин элэс гыннаран суйдаан бараннар, мэлис гынан хаалбыттар.

Булчут дьиэтигэр төннөн киирбит. Бэрт хойукка диэри ол хайа үрдүгэр балаҕан анаар эккинэ турбута үһү. Билигин маҥаналарын оруннара баар үһү. Дьэ ити курдук дьиибэ дьон буолалларынан «халлаан кыргыттара» диэн ааттыыллар.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона Чыамайыкы нэһилиэгэ, 49 саастаах, Гавриил Афанасьевич Иванов тылыттан. Суруйбута П.Т. Степанов, бэс ыйа 26 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 33—34.

95. Харах абааһыта буолбута

Нам оройуонугар иккис Бөтүҥҥэ, Чакы ийэтин ууһугар киирээс аҕаттан хааһа суох хатыр маҕан дьахтар төрөөн-үөскээн олорбута үһү. Кини бэйэлээх албан аата аан дойдуга тарҕаабыт, улуу

сураҕа улуус-улуус аайы тэнийбит. Ол дойдуга холоонноохо көстүбэтэх, ийэ сиргэ тэҥнээҕэ түбэспэтэх. Аҥаардастыы аатырбыт, соҕотоҕун сураҕырбыт.

Бу кэм нуучча омук саха сиригэр кэлэн, үс бүгүйэх баттала сабардаан иһиитин саҕана эбитэ буолуо диэн сабаҕаланар. Кини бэйэлээҕи албан ааттаан, ириэнэх суолун солоон, үөһэ дойдуттан Улуу тойон сиэнэ ойох ыла түспүтэ үһү. Ирина хотун итиннэ амырах санааламмыт, холбоһууга холоонноохо түбэспит. Күтүөт оҕо күнүс көстүбэтэ, хаһан оһох уота умуллан имик-симик буолуута дьиэҕэ бүк түһэр бэкир хара киһи эбитэ үһү дииллэр. Бу холоонноохун хоонньоһор боду болдьоҕо, кэм кэрдиитэ тохсунньу ый 9 эргэтигэр, үөһэ дойдуттан өҥөйөн, үс хонукка хоонньоспута үһү. Онтон барар болдьохторугар, сарсыарда бадыа бүдүөҕэ аттаммыттар. Икки атахтаах ат суола, баараҕай чаллах тиити локлу тардан силистэри буордары илдьэ, үөһэ көтүтэн илдьэ барбыттара үһү. Соҕотох кыыс хотуннарыгар энньэтэ сэтиитэ маннык диэн, ойуунунан көтөхтөрбөтөхтөрүн иһин, өһөөннөр икки көрөр хараҕын тэһэн, сир халлаан икки ардыгар кый бырах ыыппыттар үһү. Итинтэн ыла Ирина хотун харах таарымтата, одуруун, торохуома абааһыта буолбут. Ол иһин харах ыарыытыгар кыырар ойууттар дохсун үөр гынан бохсуруйаллара, албан аатын ааттаан атаҕар үҥэллэрэ, айаҕын араас дьүһүннээх энньэнэн-сэтииннэн бүөлүүллэрэ эбитэ. Ити иннинэ харах ыарыыта суоҕа диэн этэллэр.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, иккис Наахара нэһ., М.Г. Наумовскай дьонтон истибитин суруйбута. Бэс ыйа 27 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 32.

96. Үөһээ дойду уолун кытта сыссыалаһыы

Эдьигээн (куоратыгар) былыргы кулуба баар эбит. Мухтуяҕа эмиэ кулуба баар үһү. Кинилэр табаарыстаспыттар. Эдьигээн кулубата сыл аайы Мухтуяҕа атыыһыттыы тиийэр. Онно доҕоруттан ыйытар: «Хайа, биир оҕолоох этиҥ дии, ханна барда?»

Мухтуя кулубата эппит: «Онтум миигин кытта тустар күүстээх киһи суох диэн мууһуран сыппыта үс ый буолла!»

Онуоха Эдьигээн киһитэ этэр: «Хайа бу кини төһө күүстээх киһиний? Мин эмиэ куһаҕан уоллаах киһибин. Кинилэри туһуннаран көрүөх».

«Тыый хайыай, боруобалыахха!»

Ол кэнниттэн сакылааттаһан кээһэллэр — мөһөөктүү хаччыга, уоннуу баайтаһын биэ, биир хара саһыл. Онуоха Мухтуя киһитэ кулун тутар эргэтигэр Эдьигээҥҥэ тиийиэх буолар, сакылаатын илдьэ.

Эдьигээн кулубата дьиэтигэр эргиллэн кэлэн этэр: «Тоойуом, кытаанах хааннаах хабалаҕа киирдим. Мухтуя кулубатыныын сакылааттастым. Ол хайдах буолуой?» Ону уола ыйытар: «Аҕаа, ол тимир киһи дуу, эт киһи дуу?»

«Э-э, туох диэн ыйыттаҥый, эт киһи буоллаҕа».

«Чэ, оччоҕуна сакылааттаспытыҥ сөп. Мин күүспүн ким да билбэт. Тустан көрүөхпүт».

Били Мухтуя кулубата сакылаатын илдьэ, уонна көрөөрү, сүүһүнэн кэмнээх киһи киирбиттэр, Эдьигээҥҥэ. Эдьигээн кулубата ымсыы соҕус киһи эбит. Кини: «Миэхэ тоҕуһугар диэри быаны көрбөтөх атыырдаахпын. Ону аҥардаһан дьоҥҥо сиэтиэх, 50 солкуобайда аҕал», — диэбит. Мухтуя киһитэ сөбүлэспит. Аты дьоннор кыайан туппатахтар. Онуоха Эдьигээн кулубата уолун соруйбут: «Нохоо, тахсан тут!»

Дьиэ ортотугар биирдэ үктэнэн тахсан, бөрө сонноох киһи элэс гынан хаалбыт. Мухтуя кулубатын уола түннүгүнэн көрбүтэ, били киһитигэр үүрэн аҕалбыттарын, атын баһын быһа тардан кээһэр. Дьэ онно били мууһурбут бэйэтэ мууһурар. Ол кэнниттэн Мухтуя кулубатын уола аҕатын имнэнэн таһырдьа тахсаллар. Онно этэр: «Мин дойдубар эрдэхпинэ, син күүстээхпин дэнэр этим. Ол гынан баран, мин салынным, маннааҕы киһиттэн. Тулуһуом суох, аккаастан, аһын».

Киэһээ кырдьаҕастар биир иһит арыгыны иһэллэр. Мухтуя кулубата этэр: «Нохоо, тахсаҥҥын табаарыскын кытта ис». Биир иһит арыгытын иһэн кээһэр, Эдьигээн уола.

Дьэ, бу абааһыга кэлбиппит, дии саныыллар Мухтуя дьоно. Онон кырдьаҕас көрдөһөр: «Уолуҥ тулутуо суох. Эн кыайыылаағыттан буол, тустуута суох, сакылааты ыл», — диэн. Ону Эдьигээн кулубата сөбүлэһэр: «Чэ, буоллун!» — диир.

Били атыырдарын этэ бүтэр. Сассыарда бэрт эрдэ туран тэриллэн бараллар.

Дьэ, били Мухтуя кулубатын уола атын түөрт мас үрдүнэн тардар. Ону дьон сэргээн көрөллөр. Ат хайдах ыстаныай, ыстаммат. Онно уол этэр: «Хайа бу мин атым да хаампат дии», — диэн баран атын түөрт мас күрүө үрдүнэн быраҕан кээһэр.

Эдьигээн кулубатын уола атын үс дьүөрбэ күөл ынараатыгар иитэр эбит. Онно баран иһэн кини бэҕэһээ буурдаабыттаах. Онтун ким эрэ куоппут. Наһаа сөҕөр. Онтон иккис сарсыарда тиийэр. Арай биир хара бэкир киһи турар: «Тыый, туох улахан киһитэй, мииги ннээҕэр улахан дии».

Ол көрсөн этэр: «Мин буурбун хоттуҥ, онон үс хонон баран, харанга буолан эрдэҕинэ кэлээр. Тустуохпут».

Уол мууһугурар, дьиэтин муостатын тосту үктээн турар. Дьоно сөҕөллөр. «Дьэ, мин үс хонук тустар киһибин буллум. Онон үс хос түнэ сонно, ыстаанна тигиҥ», — диэн баран хоһугар киирэн хаалар.

Хайа, хайдах кэтиэх баҕайытай дии саныыллар, да тигэллэр.

Үс хонук уол аһаабат. Төрдүс түүнүгэр им сүтүүтэ Мухтуя кулубатын уолун ааттаан кэлэр дьонугар: «Ийэм, аҕам, ааҥҥытын, түннүккүтүн аһаайаҕыт, бүөлэнээриҥ».

Тахсыбытын кэннэ тиэргэҥҥэ икки оҕус харсыбытын курдук тыас иһиллэр. Олох тохтооботтор.

Түүн ортотун саҕана ойоҕо ааны аһар. Тыас-уус тохтуу түһэр уонна уол нэһиилэ киирэр: «Ийэм сиэтиҥ кэнникитин, инникитин аҕам баайга ымсыыран сиэтиҥ. Били сакылааттаспыт ааккар үөһээ дойду абааһытын уолун туһэрэн сиэттиҥ», — диир. Онтон хоһугар аттанан барар.

Үөһээ Бүлүү оройуона, Маҥаас нэһилиэгэ, 80 саастаах Герасимов Егор Герасимович тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы 17 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 130—137.

97. Үөһээ абааһыттан төрөөбүт Аба Уол Дьоххо үөһээ абааһылары кытта сыссыалаһыылара

Мэҥэ Моорук төрдө Аба Уол Дьоххо диэн, үөһээ абааһы уола айыы дьахтарын тутуһан төрөппүт киһилэрэ баара. Ол киһи үөһэ абааһы уолун кытта охсуһара, тустара, сыссара, туруйа хара атынан сырыһыннарара, ол гынан хайа да оонньуутугар абааһы уолун тулуппат этэ. Кини тоҕус ойохтоох, онтон биир ойоҕо удаҕан дьахтар, олоҕо Киис Тиирбит диэн Суола үрэх сүнньэ.

Киниэхэ биир тоҕус саастаах оҕолооҕо эмискэ ыалдьан өлбүтүн тумулга таһааран көмөр, ол көмөн баран: «Бу кини, мин оҕом, абааһы баар буолан өллөҕө, тахсан кэтэһэн сиимэллэригэр түбэһэн өлөрүстэҕим», — диэн тахсан оҕотун көммут тумулугар, кураахтаах саатын анаабыллаан кэтэһэн олорон көөттө.

Эмискэ тоҕус элэмэс аттаах сүдү дьон баар буолан тумул үрдэ туолбут, уот оттон, күөс күөстэнэн олороллоро эбитэ үһү. Оттолоругар биир олус суон сүдү киэптээх олойон олорор тойоннорун курдук киһилээхтэрин көрөн, Аба Уол Дьоххо саатынан хара быарын сыаллаан оҥойор уолугун үүтүн устун ытан саайар, онно били дьоно суох буолан хараҕыттан сүтэн хаалаллар.

Кэннэки туту да булбакка гынан баран, удаҕан ойоҕун көрүүтүнэн үөһэ дьонун баһылыктарын оҕунан табан эмсэҕэлэтэн ыытар. Бэлиэтин хааннаах оҕо утары тииккэ хатанан турарын булан, онон кыайбыт-хоппут курдук санаан киирэр.

Онтон балаҕан дьиэтин чарапчытыгар киэһэ хараҥаҕа баҕана күлүгэр биир абааһы сөрүөстэн турарын көрөн, баттаҕар илэ бэйэтинэн икки илиитинэн түһэн хаһыы-ыһыы, кый-хай мөхсүү буолар. Онно балаҕан иһиттэн саар ыаҕаһы убатан тымтык уста уота оҥостон дьоннор тахсаллар, онно били абааһы суох буолан хаалар. Аба Уол Дьоххо, арай, баттаҕын куйахалары кытта хаппаах курдук эргиччи тууран, хастыы тардан илиитигэр илдьэ хаалтын көрөр. Ол баттаҕы Аба Уол Дьоххо өлүөр дылы түннүгэр ууран олоотто үһү.

Аба Уол Дьоххо туруйа хара атын миинэн олорор алааһын хара эмпэрэ сыырын анныгар сүүрдэн истэҕинэ, биир кугас элэмэс аттаах мунүр тиит курдук суор хара киһи кини кэнниттэн миинэрэ эккирэттэн иһэрин көрөн, Аба Уол Дьоххо төгүрүйэ сүүрдэр, суолтан туораан быһа ойуппут. Онуоха били эккирэтэн иһэр киһитэ эмпэрэ аннынан суол устун төгүрүйэ сүүрдэн куоттарар. Айыы киһитэ быһалаан куотан дьиэтигэр киирэн удаҕан ойоҕун хоонньутар түспүт[1].

Мэнэ-Хаҥалас оройуона Тараҕай нэһилиэгэ, 55 саастаах Прасковья Константиновна Егорова тылыттан. С.И. Боло суруйбута, бэс ыйа 19 күнэ 1933 с. [Боло, 1938, с. 149].

98. Сүлэ Тархан[1]

Ырыа Быркыҥаа уола, Наалаҕай. Наалаҕайтан Сүлэ Тархан диэн төрүүр. Сүүдүрүүннээх Сүлэ Тархан[2] аттаах киһи, үс сүүс сылгылааҕа үһү. Кини Сүлэ нэһилиэк төрдө, кини олоҕо Ньурба арҕаа өттүгэр эбит. Бу Сүлэ Тархан ойохтоох бэйэтэ алта уоннуу саастарын туолуохтарыгр дылы оҕоломмотохтор. Дьэ оҕо аҕалтарар моккүөрүгэр Айыыһыкка кыырдарбыттар, бэрт элбэх ойууну. Ону бу Айыыһыттар аккаастаан иһэллэр эбит: «Кинилэргэ оҕо барбат, барар анала суох», — диэн. Биирдэ хоту дойдуттан (Хотугу улуус-

тан) сылдьар икки улахан ойуун кэлэллэр. Бу дьону Айыыһыкка киллэрэн оҕо көрдөһүннэрэн кыырдарар. Бастаан бу ойууттар аан дойду иччитигэр киирэллэр, ону: «Кинилэргэ оҕо барар анала суох», — диэн аккаастыыр. Онтон хара тыа иччитигэр тахсан көрдүүллэр ойууттар. Ону эмиэ аккаастаабыт. Уу иччитэ Уукаан оҕонньорго киирэн көрдүөбүттэрин биэрбэтэх. Ол кэнниттэн Кытай Махсыын диэн уус төрдүттэн көрдөһөллөр да, эмиэ аккаастыыр: «Кинилэргэ оҕо биэрэр ыйаах-анал суох, барыҥ!» — диэн.

Ойууттар кыыра сатаан баран: «Оҕону кыайан ылбатыбыт, оҕону эйиэхэ биэрбэттэр», — диэн этэллэр.

Сүлэ Тархан батыйатын сулбу тардан ылан баран ойон турар кыыһыран: «Эһиги бу икки түүннээх күн кыыран баран кураанахха кыырдыгыт: сымыйанан, түөкүннээн кыыраҕыт, хайдах бары айыылар аккаастыыллар? Искитин тэлгиэм, эккитин-хааҥҥытын ый ыһыаҕа, күн күдэнэ оҥоруом»[3], — диир. Ону ойууттар этэллэр: «Кэбис, аргыый инньэ диэмэ. Аны биир сиргэ бараммыт биир төгүллээн көрдөһөн көрүөхпүт», — диэн көрдөһөллөр.

Ойууттар кыыран ньиргиһэн сүүлэр этиҥ төрдүгэр тиийэллэр. Онно кыыран бүтүүлэригэр үөһэттэн оҕонньордоох эмээхсиҥҥэ чаҕылҕан уотун курдук уоттар кэлэн түһэн инэллэр (эр биир биирдии уот). Онуоха оҕонньордоох эмээхсин уҥуталаабыттар-таллаарбыттар, көлөһүн-балаһын алла-алла. Дьэ туран этэллэр ойууттар: «Бу устар былыт, сүүлэр этиҥ төрдүттэн аҕалан икки оҕо кутун иҥэрдибит. Онтон биирдэрэ үүнньүтэ-ыҥыырдьыта буолуохтаах». Ону оҕонньор: «Туох манньаны көрдүүгүт?» — диэн ыйыппыт ойууттартан. Онуоха били ойууттар этэллэр: «Бу оҕолор биэстэрин-алталарын туолар дьылларыгар кэлэн соболоҥмутун ылыахтаахпыт, билигин тугу да көрдүөбэппит», — дэһэллэр.

Дьэ бу мантан үөскүүллэр, бу Сүлэ Тархантан Уноку Боотур уонна эмиэ биир уол. Бу оҕолор биэстэрин-алталарын туолбуттарын кэннэ бу ойууттар дьэ ылаллар манньаларын.

Биирдэ кугдаардар[4] кэлэн сылгыларын барытын үүрбуттэригэр Уноку Боотур бараары гыммытын аҕата ыыппатах: «Кэбис, тукаам, уоһун уодьаҕай, хараҕын хааннаах, киининҥ хата илик. Бу кугдаардар сүрдээх дьон, киһи гыныахтара суоҕа, сылгы тыынын тыыннаныма», — диэн. Аҕатыттан көҥүлэ суох күүһүнэн баран, Уноку Боотур, Кугдаар сириттэн били сылгытын үүрэн иппиттэрин кэннэ, бэрт элбэх сылгыны быһа кыйдаан аҕалбыта үһү. Бу кыйдыырыгар чаҕылҕан ала аттаах чаҕылҕан ала саҥыйахтаах тиийэн (куруук таҥнар таҥаһа), сылгыны быһа көтөн баран үс төгүл

үгүрэлээбит. Онно сылгылар сүүрэн тигинэспиттэр этин этэрин курдук. Ол баран кугдаардар иппиттэринээҕэр наһаа элбэх сылгыны аҕалар.

Сүлэ Тархан Дьокуускай куоракка киирэ сылдьан тугу эрэ ыараханы көтөҕөн алдьанан өлбүтэ үһү. Ону уола Унуку Боотур сүгэн тахсан баран эппитэ үһү: «Бу аҕа уҥуоҕа баар эбит ыарахан», — диэн.

Унуку Боотур Дьокуускайга өлбүгэ харчытын тардан киллэрэр идэлээх эбит. Оччоҕо өлбүгэни бухатыыр киһи киллэрэрэ үһү.

Мэгэдьэк оройуонун Таркаайы нэһилиэгэ, 83 саастаах Иван Николаев (хос аата Уҕалдьы) тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, муус устар 16 күнэ 1938 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 242—243].

99. Яков оҕонньор

Яков оҕонньор кини хас да бииргэ төрөөбүттэрин кытта Чаҥкылаах уонна да атыттар буолан, бэрт эдэр оҕо саастарыгар, халлаан туспатынан эттэххэ, соҕуруу диэккиттэн кэлэн, киһи-сүөһү сылдьыбат түҥ ойуур быыһа сиргэ, Сутуруоха күөлүн булан олорбуттар. Кини да, атын да төрөөбүттэрэ барыта ойуун үһүлэр. Кини утуу-субуу үс ойоҕу ылан олорбут. Сиэрэ суох элбэх сылгы сүөһүнү иппит. Маны сиэҕэр оччоҕо саҕана балык уонна тыа кыыла сиэрэ суох хойуу эбит, ол иһин сүөһүтэ кыаттарыбына сир үрдүнэн ыһыллыбыт. Ону кини өссө да үксэтиэн баҕарар. Ол иһин хас эмэ түүнү-күнү мэлдьи ойууннаан сүөһү айыытыттан сылгыһыт уолу көрдөөн ылбыт, ол көрдөөбүтэ ортоку дьахтарыттан төрөөбүт. Ону аҕабыт, саакса суох бириэмэтигэр бэйэтэ Мыркы диэн аатталабыт[1]. Бу уола төрүүрүн кытта сүөһүтэ олус үөскээбит, уонна бу уола улаатаат наар сылгыга ананан үлэлээбит. Ол киһиттэн туспа бэлиэтэ диэн икки дьабадьытын туһугар үһүн тиистээх үһү. Ол тиихинэн сылгыны атыыр курдук ытыран уонна күөйэн аҕалар үһү.

Биир сылга сут буолбут. Онуоха, сүөһүтэ өлөн-охтон баранаары гыммытыгар, ойууннаан кулун тутар ый саҕана сылам итиитин[2] түһэрэн, хаары уулларан, хара сири таһааран, өҥ дьылы оргитэн кээспит.

Уонна Яков оҕонньор сүөһүтэ-аһа, үөскээн-тотон, байан-тайан чолгийэ сайдан олорор бириэмэтигэр сайыҥҥы күөх от тахсыбытын кэннэ ыһыах оҥорор эбитэ үһү. Онно араас аһы астаан, кымыһы элбэҕи оҥорон уонна туом туонан, алгыс алҕанан баран,

ыһыах ыһара үһү. Дьону-сэргэни барытын ыҥыран оонньуу, үгэбичик араас көрдөөх-нардаах атаарар эбитэ үһү.

Ол Яков оҕонньор бириэмэтигэр Ураһалаах икки Таас икки ардыгар үс күөл тиһитэ турар үһү. Ол күөллэри көрдөөн, байҕал иччитэ үс төгүл суруйбут. Ону бултанар күөллэрбит диэн кини Яков, Чаҥкылаах, Эбиит уонна Киирэ барыта түөрт ойуун буолан ыыппакка олорбуттар. Онтон кыһын буола илигинэ, сити тыа хаба ортотунан тоҕо тардан, аан дойду иччитэ көһөрөн эрдэҕинэ, ойууныҥ икки ыаҕаһынан баспыта, ол икки көлүйэ буолан хаалбыттар. Ол аата Арҕаа Алаас диэн аатырар, оттон ол тоҕо барбыт сиэн аата Кэҥис Сиэн диэн аатырар.

Биирдэ, оччоҕо ыраахтааҕылаан олорор ыраахтааҕыга Яков оҕонньор биир хара саһылы биир кэрэмэһинэн тэллэхтээн, биир кэрэмэһинэн сыттыктаан, биир кыһыл саһылынан тэбиэхтээн баран баһыылка ыыппыт, онуоха күн судаар ыраахтааҕы Яков оҕоньньорго биир тииҥ истээх кыһыл сукуна сону, силээпэ бэргэһэни, тарбах үтүлүгү, торуоскаҥы, саппыкыны ыыппыт[3]. Балары кытта суруйбут: «Үс киһини өлөрөрө көҥүл, оттон төрдүс киһини өлөрдөҕүнэ, миэхэ суруйан баран сууттаарыҥ», — диэбит үһү. Онон ол оҕонньор саллар сааһын тухҳары баайдык-тоттук олорбута үһү. Уолун уола Төкүнүк оҕонньор атыыһыттарга иэскэ киирэн, кыһаллан ону (ол таҥастарын) биэрбитэ эбитэ үһү. Арай саппыкыта хаалбытын, бэһис киһитин үйэтигэр ону «Кыһыл Маяк» артыал члена Бережнев Егор Николаевич ылбыт.

Анна Герасимовна Слепцова, 106 саастаах. Абый нэһилиэгэ, Абый оройуона олохтоох тылыттан. И.Н. Плошкин суруйбута, кулун тутар 4 күнэ 1945 с., Ураһалаах [ИПРЯ, ч. 2, с. 60].

101. Хомпорой айыыттан булгка туһанар ыты ылыы

Омоҕой баай уола Дайбаахы Хара диэн Хомпорой айыыттан эбии баай көрдөһөр. Онтон аныгыйан [төннөн], үөһэттэн киниэхэ түөрт атаҕа баһырҕастаах, моойторуктаах, кутуругун быһаҕаһа үрүҥ [хоболоох] ыты түһэрэн, булгаан аһыыр гына айан түһэрэллэр, онон кини «хара дьааҥыга» тахсан кэрийэ сылдьан, булгаан [тыа, уу булдун, кыылы, көтөрү] иитиллэн үөскүүр. Онон Дайбаахы Хараттан Дьааҥы ууһун сорҕото ууһаабыт.

Чурапчы оройуона Бахсы нэһ., 72 саастаах Петр Филиппович Слепцов тылыттан. С.И. Боло суруйбута, от ыйа 19 күнэ 1934 с. [Боло, 1938, с. 45].

102. Кутуйах Баай

I

Кутуйах Баай диэн түөрт дуу, биэс дуу үйэтээҕи биир Хатылы[1] баайа үөскээн олорбута үһү[2].

Ойууннары таһыйа-таһыйа үөһэттэн отчут түһэттэрэ сатыыр ɔбит. Маны биир да ойуун кыайан түһэрбэт. Онтон дьэ көстүбүт, сорохтор Мас Сирэй Талыыта, сорохтор Хатырык ойуун дииллэр. Ойууну үөһээ дойдуга кыырдарар. Онно тахсан: «Хотуурдаах Хоной уол, Кыраабыллаах Кынай кыыс киириэх буолаллар», — диэн түспүт ойуун.

— Уолга тоҕус иһит кымыһын бэлэмниэҥ үһү, уонна охсор киэҥ хочотуна бэлэмнээн тоһуйуоҥ үһү. Үс хонон баран бу киһи кэнниттэн кыыс от мунньуо үһү, тоҕус туҥуй биэ кымыһын мунньуоҥ үһү, — диир ойуун.

— Дьэ, бэлэмнэниэм, киирэллэригэр баар буолуо, — диир Кутуйах Баай.

Бастыҥ дьон окко киирбиттэрин кэннэ, сүүнэ баҕайы киһи хотуурун сүкпүтүнэн сылдьан дьоннору көрсөн: «Кутуйах баайга от охсо киирдим», — диир.

Кэлэн, бэлэмнэнэн турар тоҕус сир иһит кымыһын иһэн кээһэр: «Хочоҥ ханна баарый?» — диир. Биир сүүнэ киэҥ хочо баарын ыйан биэртэрин, киһилэрэ киирэн охсон, холорук сөрөөн эрэрин курдук, өрө тунайдаан барар. Күн түөттүүр ынах саҕана отун бүтэрэн, Амма кытылыгар арыы тииттэр баалларын суулларан эрэрэ иһиллэр. Кутуйах Баай: «Дьэ, бу туох үлүгэрэй, мастары бараата, киһигин тохтот», — диир. Ойуун: «Тохтотторор буоллаххына, сэлэтэ була тат», — диир. Сэлэ булан биэрэллэр. Ойуун бу сэлэнэн киирэн били киһини тииткэ сөрүү көтөр. Дьэ, онно Хоной соһуйан, тиити үрүҥ аһын быһа көтөн, кыһыл аһыгар тиэрдэн баран: «Оо, маталах-маталах!» — диир. Дьэ ол иһин Амма төрдүгэр Маталах хочото диэн аатырбыт хочо баар. Ол быһыта кэппит харыйатын тоҥүргэһэ саҥардыыҥҥа дылы баара үһү. Кини охсубутуттан ыла ол хочо токур хотуур түспэт гына үммэт буолбут.

Үс хонон баран кыраабыллаах Кынай кыыһа түһэр. Күн тахсыытын саҕана киирэн кэлэр. Били тоҕус сир иһит кымыһы түһүлгэттэн иһэн барар. Ойууна мунньар отун: «Ол баар!» — диэн ыйан биэрэр. Аһаан баран кыыс били киһи охсубут оттору-мастары холоругунан сөрөөн биир сиргэ чөмөхтөөн — эрийэн кэбиһэр.

Бу оттон Кутуйах баай сүөһүтэ сиэн, сутаан өлбүтэ үһү.

II

Кутуйах Баай уус ууһу таһыйар идэлээх эбит: «Быыһастаах хааны быһа түһэн кэбиһэр сытыы быһахта оҥоруҥ», — диэн, ону кыайан оҥорбокко таһыллаллар үһү.

Били ойуун ууһу сүбэлиир: «Мин таҥаһым туох тимириттэн бука барытыттан аалан ыл». Уус ойуун таҥаһын муодарас тимириттэн аалан ылы-ыла тордуйаҕа мунньан иһэр. «Тоҕус үҥүү төбөтүн тоһутаҥҥын, ону холбоо, тоҕус батыйа уһугуттан холбоо уонна дьэ, барыларын холбооҥҥун уһаар. Бэйэҥ туттар сэпкиттэн эмиэ холбоо, — диир. — Тоҕус үүттээх чуолҕанна оҥорон бараҥҥын, онно уһааран таһааран кут. Аалан бараҥҥын хааҥҥа хатараар», — диир. Уус ол сүбэни барытын толорон туран оҥорор, хааҥҥа хатарар, буруустаан буруустаан баран илдьэн биэрэр.

Кутуйах Баай киһи харытын курдук кур оҕус муҥурун буһаран, мас тэриэккэҕэ хоторон таһааран баран: «Дьэ, аҕал эрэ үтүө бэйэлээх быһаххын, ууран көрүөхпүтүн», — диир. Уус быһаҕын илдьэн биэттин, хааны үрдүгэр уурар. Быһах тэлиэккэлээх хааны уурарын кытта быһа түһэн кэбиһэр. «Быһа түһэр быһах дьэ түбэстэ, дьэ бу аата үтүө уус», — диир.

Кутуйах Баай өлбүтүн туһунан араастык кэпсииллэр: сорох быһах хааны быһа түспүтүгэр сылаас хаан сирэйигэр тибиирбитигэр, быһахтаах илиитинэн соттоору хабарҕатын быһа соттон кээстэ үһү, сороҕор үөһэ сөнөргөтүгэр аспыта хабарҕатын быһа соттон кээстэ үһү, сороҕор бытыгын хоруна туран быһа тардыммыт (гына) кэпсииллэр.

Онон Кутуйах Баай өлүүтүн төрдө быһах илбиһиттэн өлбүтэ үһү диэн кэпсииллэр.

Амма оройуона Соморсун нэһилиэгэ, Иван Саввич Скрыбыкин тылыттан. Е.И. Говоров суруйбута, муус устар 1940 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 150—151].

103. Бугуйас, Быгык Хантаха, Кутаахаан (Дьылҕа хаан суута)

Бугуйас[1] Күтүр эмээхсин отто уола эбитэ үһү. Бугуйас сэттэ уоллааҕа. Кинилэр ааттара Оххон, Бүлгэс, Чолур, Чыппа, Хаска, Хаанньас[2], Кутаахаан диэн эбиттэрэ үһү. Бугуйас элбэх сылгыынах сүөһүлээҕэ үһү. Ол сүөһүлэриттэн Бадыам[3] оҕонньор Быгых Хантаха диэн уолунаан күүстэринэн үүрэн бараллара үһү. Онтон

сылтаан Бугуйастар уонна Бадыамнар бэрт өр өстөһөн олорбуттар. Ол кэмнэ Бадыам оҕонньор кырдьан-бодоорон барбыт, оттон кини уола Быгык Хантаха уорарын-халыырын тохтоппотох.

Онтон Бугуйас оҕонньор, Бадыамнары кытары эйэлэһээри ыһыах оҥорбут, онно Быгык Хантаханы ыҥырбыт. Ыһыах Эрбэһин диэн сир арҕаа баһыгар буолбут. Быгык Хантаха ыһыахха үүткэрэ аты миинэн кэлбит. Итинник аты оччотооҕуга өстөөхтөрүн кытары эйэлэһээри гыннахтарына миинэллэрэ үһү, оттон кыргыска хаан тураҕас аттаах буолаллара үһү. Ыһыах сир-дайды көҕөрөн, хамныыр-харамай үксээн турдаҕына, бэрт үчүгэйдик саҕаламмыт. Бу Бугуйас икки, Быгык Хантаха икки эйэлэспиттэр. Ол эйэлэһиилэригэр Бугуйас уонна Быгык Хантаха тарбахтарын хаанын ылан хонуу ортотугар турар мас сатанахха ыйаммыт кур сылгы төбөтүгэр аҕаабыттар, итиэннэ: «Бэйэ бэйэбитигэр эргийдэхпитинэ иэччэхпит эргийдин, хайыстахпытына хаалдьыкпыт хайыныын!» — диэн бигэ тылларын бэрсибиттэр.

Дьэ ити эйэлэһии буолбутуттан дьон бары бэркэ-үөрэн көтөн, аһаан-сиэн, оонньоон-көрүлээн дьиэлэригэр тарҕаспыттар. Быгык Хантаха дьиэтигэр баран иһэн, Бугуйас оҕонньордооххо сэлэҕэ[4] баайыллан турар сылгыларын көрө түһээт, батыйатын сулбу тардан ылбыт да, тоҕус кулуннаах биэни барыларын бастарын быһыта сынньан кэбиспит, арай кырдьаҕас атыыр, быатын быһан, күрүөнү үрдүнэн түһэн, кистээн барылата-барылата, куотан хаалбыт. Онтон Быгык Хантаха симиир иһиттэри кымыстарын тоҕута кэйэ-кэйэ, түгэхтэрин тобулута анньыталаан баран, төҥүргэстэргэ умсарыта кэтэрдитэлээн кэбиспит. Маны көрөөт Бугуйастар, Быгык Хантаха албыннаан эйэлэспитэ буолбутун билэннэр, алыс хомойбуттар, кыһыйбыттар.

Күһүөрү сайын Бугуйас оҕонньор тураҕас ыстааныгар диэри сыгынньахтанан баран уолаттарын кыргыска угуйан: «Ааһай-туонай[5] абам эбит! Ааһай буоллаҕына, Быгык Хантаха ааһайа буоллун! Туонай буоллаҕына, Быгык Хантаха туонайа буоллун!» — дии-дии дөлүһүөн хатыытыгар төкүнүйбүт. Онтон ыла Бугуйас уолаттара Кутаахаан уонна Чыппа буоланнар Быгык Хантаханы кытары охсуһарга сүбэлэспиттэр.

Күһүн күөл мууһа тоҥуутун саҕана, Кутаахаан биир күн бэйэтин быһаҕын буруустаан-буруустаан баран: «Быгык Хантаха быардаах-сүрэҕин бысталыам буоллар өһөх хаан таҕыс эрэ!» — диэбитинэн дьиэ оттоку баҕанатын аспыт, онтукатыгар хаан тахсыбатах, ону көрөн быһаҕын быраҕан кэбиспит. Онтон аҕатын быһаҕын

ылан буруустаан-буруустаан баран, бастакы эппитин курдук этээт, били баҕанатын анньан саайбыт да хаан тахсыбатах, ол иһин аҕатын быһаҕын киэр илгэн кэбиспит. Бу кэнниттэн ийэтин быһаҕын көрдөөн ылан буруустаан-буруустаан баран, эмиэ урукку эппитин курдук этээт, баҕанатын аспыт онуоха баҕанаттан өһөх хаан сүүрэн түспүт. Дьэ, Кутаахаан, «һэ» дии түһээт, ити ийэтин быһаҕын атаҕар уктан кэбиспит. Ону көрөн олорон Бугуйас оҕонньор эмээхсинигэр эппит: «Эмээхсиэн, бар эрэ били ампаарга баар сылгы этин киллэрэн буһар эрэ. Бу киһи сырыыга бараары гыммыт быһыылаах. Сырыттаҕына сыҕата, өллөҕүнэ көҥсүүтэ буоллун. Ол иһин даҕаны иккилээх оҕо эрдэҕинэ, көтөҕөн олордохпуна, тобукпун быһа түһэрэ», — диэбит. Эмээхсин тахсан эти киллэрэн уолугар буһаран биэрбит. Ону Кутаахаан били буруустаабыт быһыччатынан хас да гына бысталаабыт уонна биир кырбаһы ылан: «Эһэм, аһас», — диэн баран уотугар бырахпыт, онтуката мастан тэйэн холумтаҥҥа «пэлк» гына түспүт, Онуоха Кутаахаан: «Чэ, оччоҕо Быгык Хантаха быардаах сүрэҕин сиэр», — диэн баран ылан бэйэтэ сиэн кэбиспит. Онтон буһарыллыбыт эти барытын соҕотоҕун сиэн баран утуйбут. Сарсыарда халлаан сырдыыта туран, быһыччатын ылан, дэгэпчилэммит сүгэ уга үөһэ кирээкэҕэ хатан турарын хаҥас көнтөс илиитин сиэҕин иһинэн уктан, урукку кэпсэтии быһыытынан, убайыгар Чыппаҕа барбыт.

Чыппа ол сарсыарда Кутаахаан эрдэ кэлиэхтээҕин билэр буолан, кыргыска миинэр хаан тураҕас атын киэһэ сэргэҕэ баайан кэбиспит, сэбин-сэбиргэлин бэлэмнээбит уонна утуйбут. Утуйа сыттаҕына түүн ойоҕо туран, эрим кыргыска өлөөрү гыннаҕа диэн, атын баһын быатын бүтэйдии уһулу тардан ыытан кэбиспит.

Кутаахаан, Чыппаҕа тиийэн кэлээт, уһугуннараары күүлэтин маҕанатын тоҥсуйбут. Онуоха Чыппа «һук» диэбитинэн уһуктаат, ох саатын уонна батыйатын үрдүгэр түһээт, таһырдьа ойон тахсыбыт. Ол тахсаат атыгар ыстаммыт, онтуката баһын быатын төлө тардан баран хаалбыт (ойоҕо ыыппытын билбэтэх). Онон Чыппа бассыбакка хаалбыт.

Кутаахаан соҕотоҕун сатыы Оттуур Эбэ диэки бара турбут. Ол баран сарсыарда эрдэ Быгык Хантаха хамначчыттарын дьиэлэригэр киирэн кэлбит. Ол киирэн күрдьэҕинэн уоту баһан ылан дьоҥҥо ыспыт. Онно дьон: «Абытай-халахай», — дэһэ-дэһэ сыссыахаласпыттар. Онуоха Кутаахаан: «Абытай буоллар, Быгык Хантаха абытайа буоллун! Халахай буоллар, Бытык Хантаха халахайа буол-

лун!» — диэбит. Ол икки ардыгар биир оҕонньор ыт киирэр-тахсар куоллараанынан сыыллан тахсан, Кутаахаан кэлбитин атын дьиэҕэ олорор Быгык Хантахаҕа тыллаабыт. Ону истээт Быгык Хантаха ойон туран батыйатын сулбу тардан ылбыт уонна: «Кутаахаан баҕайы атыыр оҕус илин бэлбээкэйин сыҕайыгар дылы буолан баран, кими кыайаары кэллэҕэй» — диэт таһырдьа ыстаммыт. Ол икки ардыгар Кутаахаан Быгык Хантаха дьиэтин таһыгар кэлэн, хаҥас харытын төбөтүн оройугар ууран баран, үрдүгэр буору кутта-кутта кутура олорбут. Быгык Хантаха тахсаат батыйатынан Кутаахааны төбөтүн оройунан хайа охсордуу сырбаппыт. Онуоха батыйата били Кутаахаан хаҥас илиитин сиэҕин иһинэн уктубут хаппыт сүгэтин угар түбэһэн абырыытынан тосту баран хаалбыт. Онтон Кутаахаан урут бууустаабыт ийэтин быһаҕын уҥа илиитин сиэҕиттэн түһэрэн, Быгык Хантаханы иһин хайа тардан кэбиспит. Быгык Хантаха иһин көтөхпүтүнэн, кэннинэн сүүрэн иһэн, үс үүт бүтэйи таарыйбакка эрэ үрдүнэн түспүт. Онтон Кутаахаан быһаҕын араарбакка эрэ эмиэ бүтэйи үрдүнэн ыстаммыт. Быгык Хантаха, ол курдук кэннинэн сүүрбүтүнэн, сыыр быарыгар биир тиит турарын үстэ эргийбит, онтон Кутаахаан ол тоххору быһаҕын Быгык Хантаха иһиттэн араарбакка эрэ, сырсан испит. Онтон Быгык Хантаха сэниэтэ быстан тиэрэ баран түспүт. Кутаахаан Быгык Хантаханы миинэн олорон кутура-кутура быһаҕынан сүрэхтээх быарын булкуйа олорбут. Ол олордоҕуна Быгык Хантаха дьоно ох саанан ытыалаабыттар, онно Кутааханы табаллар үһү да, кыайан өлөрбөттөр үһү. Онтон охторо бүтэн хаалбыт. Ол тоххору Кутаахаан барбакка кутура-кутура Быгык Хантаха быардаах-сүрэҕин быһаҕынан булкуйа олорбут. Хайыыр да сирдэрэ суох буолан, биир киһи ойбонтон тоҥ анньыыны таһааран, Кутаахааны көхсүн хараҕын тобулу анньан кэбиспит. Кутаахаан Быгык Хантаха үрдүгэр өлөн түспүт. Ити курдук Кутаахаан, Быгык Хантаханы кытта биргэ үөһээ Дьылҕа Тойоҥҥо[6] тахсан үҥсээри, соруйан олорон биэрэн өлөртөрбүтэ үһү.

Бугуйас оҕонньор, бу алдьархай тахсыбытын истэн, сыарҕалаах оҕустанан баран, уолун өлүгүн тиэйэн кэлбит. Ол иннигэр Бадыамнар киһилэрин өлүгүн ылан барбыттар. Бугуйас оҕонньордоох Кутаахааны «Хоспохтоох» диэн сир халдьаайытыгар араҥастаабыттар[7] уонна, Дьылҕа Тойоҥҥо үҥсүһүннэрээри, айыы ойуунун кыырдарбыттар. Айыы ойууна кыыран үөһээ Дьылҕа Тойоҥҥо Кутаахаан уонна Быгык Хантаха салгын куттарын үҥсүһүннэрэ

таһаарбыт. Онуоха айыы ойууна этиитинэн, Дьылҕа Тойон оһох хаҥас өттүгэр сытар ынах саҕа сымара тааһы, онтон оһох уҥа өттүгэр үүттээх үрүҥ тааһы бырахтарбыт уонна дьүүллээбит: «Биир буруйдаахтара оһох хаҥас өттүнэн кэлэн сымара тааска өһөх хаанынан хотуолуоҕа, оттон биир буруйа суохтара оһох уҥа өттүнэн кэлэн үүттээх тааска үрүҥ күүгэнинэн хотуолуоҕа», — диэн. Онтон айыы ойууна көрүүлэнэн баран эппит: «Быгык Хантаха оһох хаҥас өттүнэн кэлэн сымара тааска өһөх хаанынан хотуолаата, Кутаахаан оһох уҥа өттүнэн кэлэн үүттээх тааска үрүҥ күүгэнинэн хотуолаата», — диэн. Онон бу кыргыска Быгык Хантаха буруйдаах буолбут, Кутаахаан буруйа суох буолбут. Ону кэлэн истэн олорор икки хараҕа суох буолбут Бадыам оҕонньор алыс кыыһырбыт уонна: «Кини баҕас, төһө да ойуун буоллар, мин уолбун буруйдааах оҥорон көрүүлэннэҕэ үһү», — диэн баран айыы ойуунун тайаҕынан охсоору талбаатыы-талбаатыы, эккирэтэн оһоҕу тула сырсыбыт. Онтон айыы ойууна хотоҥҥо киирэн куотан хаалбыт. Бугуйас оҕонньор уола буруйа суоҕун истэн үөрбүт.

Кутаахааны араҥаһа суулбутун кэннэ, сүүстэн эрэ тахса сыллаағыта, бу «Хоспохтоох» сайылык тулатыгар олорор ыаллар чардаакка[8] ылан уурбуттар, онно билиҥҥэ диэри сытар.

Уус-Алдан оройуона I Өспөх нэһилиэгэ, Семен Васильевич Березкин тылыттан. И.Г. Березкин суруйбута, атырдьах ыйын 10 күнэ 1938 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 169—172].

105. Омоҕой баай кыыһа үөр абааһы буолуута[1]

Брааскай омук Омоҕой баай диэн мааны кыыһа Ньыкаа Даххан (сорох Ньыкаа Харахсын диэн ааттыыр) Эллэй Боотур сирэн ойох ылбата, миигиттэн ордорон көйгө куһаҕан кыыһы ойох ылла диэн аҕаһыгар Лэкэ Чаҥый диэҥҥэ күнүүлээн, тахсан кыыс кэрэ биэ моонньугар быаланан соһуллан өлөр. Ону аҕата-ийэтэ дьүһүттэрэн, үөрүн түктүйэлэтэн илдьэ олорбуттар.

Ол кыыс кэннэки күүстээх үөр буолан, харах ыарыы абааһыта буолан хаалан саха ойуунун-удаҕанын уоһугар киирэн көтөҕүллэрэ.

Былыр кининнэн бары намыһах үөрү-сүүрүгү дьөрбөлөөн көтөхтөрөллөрө. 50—60-с сыллар анараа өттүлэригэр туой Омоҕой Баай кыыһын киллэрэн алгыыллара. Кинини араастаан биттэрэн, өрө бөҕөлдьүтэн, кээгэлдьитэн үтүктэн битийэллэрэ. Ол би-

тийиилэригэр: «Бэтиэйэҕим, уһуойаҕым! Аалыҥкайым!»[2] дэттэрэн аһараллара. Кэнники кинини хаалларан ити браатскай кыыһын хотугу Тайахтаах хотуну киллэрэн үөрү-сүрү дьөрбөлөөн ытатан-соҥотон, сорум-мунҥум, эрэйим-буруйум, аньыым-харам дэттэрэн атаарар буолтара. Онон Омоҕой Баай кыыһа Ньыкаа Даххан үөрүн кэннэки брааскай омук Тайахтаах хотун үөрүнэн солбуйан ааттыыр буолтара.

Таатта оройуона Дьүлэй нэһилиэгэ, 82 саастаах Егор Миневич Егоров тылыттан. Суруллубута алтынньы ый 12 күнэ 1933 с. [Боло, 1938, с. 145].

106. Куорсун үүнүү

«Чоҥхох» — диэн сиргэ билиҥҥи «Куйбышев» колхоз олоҕор I Мэлдьэхси нэһилиэгэр «Мэлдьэхси хотуна» — диэн ааттанааччы дьахтар иирбитин өр дьылга көрбүттэр, истибиттэр. Ити дьахтар хойут кынат үүнэн үөһэ көппүтэ үһү, диэн кэпсииллэр. Кинини хаһан да ааттаабаттара, куттаналлара уонна ытыктыыллара үһү.

Ити аата, урукку итэҕэли эрэнэр эрдэхтэринэ дьабыныгар көттөҕө диэн быһа сэрэйэллэрэ дииллэр. Онтон ыла ойуун эрэ тойугар киирэр дохсун үөр буолбут.

М.Г. Наумовскай дьонтон истиитинэн суруйбута, бэс ыйын 15 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 35 об.

ОРТО ДОЙДУГА «ОЛОХТООХ» ИҔЧИЛЭР, ҮӨРДЭР УОННА АБААҺЫЛАР ТУСТАРЫНАН

108. Аан дойду үөскээбитэ

Былыр бастаан сириҥ бүтүннүү уу эрдэҕинэ, муора эрдэҕинэ Күн эрэ баара үһү. Онтон күнтэн сойон-сойон, хатаран-хатаран ууттан буор үөскээбит. Ол буор уһугар тиийэн сир буолбут. Олор сойууларын саҕана ууга бары харамай бииһин ууһа олорчу үөскүүр. Ол курдук сир буолан турдаҕына биирдэ «Аҕыс таталҕалаах Ала холорук» эмискэ түһэн сиртэн буор быһа ыстанан тахсан үөһэ «ый» буолан хаалбыт. Кулун көхсө сөлөрүйэр, куба баһа тиэриллэр, сордоҥ тахсан туһахха иҥнэр, куобах тууга киирэн хаалар, Јууk мас тоһута барар холобурдаах [...][1] Ала холорук түһэр. Дьэ ол кэнниттэн Буортан оҥоһуллубут «Буор куттаах», салгынтан айыл-

лыбыт «салгын куттаах», ийэлэнэн төрүүр «ийэ куттаах» киһи үөскүүр. Үөскээбитэ үһү диэн. Эһэм, эбэм былыр сэһэн оҥостоллоро. Оччоҕо туой «Былыргы үйэҕэ» диэн туойаллара.

Игнатьев Спиридон Герасимович, 54 с., Иккис Күүлэт (Таһаҕар) нэһиэлэгэ, Бүлүү оройуона, муус устар 9 күнэ 1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 14 об. — 15.

109. Байанай уонна Иэйиэхсит

Былыргы өбүгэлэр кэпсээннэринэн Баай Байанай уонна Эдьээн Иэйиэхсит буоланнар убайдыы-быраттыы эбиттэр. Кинилэртэн убайынан Байанай Барыылаах эбит. Баай дуол өттүнэн ордук дэлэй элбэх, уонна араас эгэлгэ баайдааҕынан Эдьээн Иэйиэхсит эбит. Кини туох баар ыыраахтаах сүөһү аймаҕын, оту маһы, күөх торҕону айааччы эбит. Ол гынан баран кини сүрдээх кэччэгэй эбит. Наар кэмнээн, кыратык баһан биэрэр эбит. Оттон кини убайа Байанай эбэтэр Барыылаах баайын чааһынан бырааттынааҕар аҕыйах буолан баран, сүрдээх биэринньэҥ, төлөккөй, балбааччы соҕус буолар эбит. Ол да буоллар баай Барыылаах сүрдээҕин кытаатан хаалар, төһө эмэ сордоммутуҥ-муҥнаммытыҥ үрдүнэн тугу даҕаны кыайан бултаабаккын, суолгар туох даҕаны тосхойбот. Оччоҕо туран маһынан эбэтэр туоһунан кыыл оҥороҕун. Ол кыылгын үөмэн, үөмэн кэлэн ытаҕын, ол ытан баран табаннан кэлэн ыҥыырдан илдьэҕин. Уот оттон баран баһын быһан, онтон эмти кырыйан, эбэтэр эмти тутан ол уокка быраҕаҕын, ас кутаҕын, үөрбүт, көппүт курдук туттаҕын уонна алгыыгын:

Байдам тутуу
Барыла кэскил
Баай Барыылаах
Тойон эһэкээм,
Баай хара тыам
Маанылаах булттутан
Баһан кулу даа,
Ураа муостааҕыттан
Уккуйан кулу даа.
Хойутун хойут да
Бу курдук
Буоһалыыр буол,
Адаар муостаахтынан
Айхаллыыр буол,
Үтүө дьүһүннээххиттэн

Өллөйдүүр буол,
Уруй,
Уруй,
Уруй!
Дэһэллэр.

Уонна дьэ булгаа инибин диэн бөҕө соҕустук санаан Баай хара тыатыгар тахсаллар.

Амма оройуона, Ляги Наахарата, Төгүлгэ төрдө, Гавриил Владимирович Антипин тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 27.

110. Тыа уонна уу иччилэрэ

Тыа иччитэ баай Барыылаах уонна уу иччитэ Күрэҥ баай хотун буоланнар үстүү сыл буола, буола баайдарын аахсаллар үһү. Ол аахсыыларыгар хаартыыыр буолаллар үһү. Онно хайалара кыайтарар да баайдара оччуур, эстэр үһү. Оттон ким сүүйбүт, ол баайа ханҕыыр буолар үһү.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуонун, иккис Наахара нэһ., 65 саастаах үөрэҕэ суох Егор Федорович Кириллин тылыттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 22.

111. Байанай кыыһын көссүбүт

Былыргы ааспыт үйэлэргэ хас да сахалар холбоһоннор, аргыстаһаннар илин муора кытыытыгар биир кыһын устатыгар түүлээхтии, саһыллыы тахсыбыттар. Ол дьону кытары, биир Хаҥалас киһитэ[1], сүрдээх бэрт сытыы хоодуот эдэр уол киһи, тахсыспыт. Бу булчуттар бииргэ аргыстаһан тахсан баран, бары биир сиргэ тохтоон отууламмыттар уонна булгарын тус туспа булгуурга оҥостубуттар. Ким төһөнү булгуур да, барыта бэйэтин туһатыгар буолар буолбут[2]. Дьэ, ол курдук кинилэр булгаан испиттэр. Били Хаҥалас уола, эмиэ туспа булгуур буолан баран, урут булгуу үөрэммэтэх буолан, буллу хоппокко сылдьыбыт, онон доҕотторун кыттыгас булгуоҕун диирин доҕотторо кинини кытыарбаттар. Ол курдук кини, буллу хоппокко бэккэ санаарҕаан санньыйан сылдьыбыт.

Биир сассыарда туран саламаат[3] оҥорбут, ол саламаатыгар арыылаан уокка кутан биэрэн баран, уотун иннигэр, тобуктаан олорон Байанай алгыһын алҕаабыт. (Онно кини, туох тылынан алҕаабытын манна сэһэнньит билбэт.) Ол курдук алҕаан, саламаатын сиэн баран, бэйэтэ эмиэ куолутунан булгуу тахсыбыт.

Кини тыаҕа тахсан, бултуур сэптэрин көрүтэлээтэ, саҥа сэп да уурталаата, ол курдук сырыттаҕына, арай биир үрүйэҕэ көрбүтэ, биир сүрдээх олус үчүгэй, эдэр, кыыс-оҕо дьахтар кини диэки утары хааман иһэр эбит. Маны көрөн уол олус соһуйда, дьиибэргээтэ даҕаны. Манна чугаһынан, ханна ыал баар быһыыта биллибэт этэ, бу былаана биллибэт киэҥ тайҕа оттотугар, маннык дьахтар хантан кэлбит бэйэтэй диэн санаата. Утарыта хаамсан кэлэннэр көссө түстүлэр. Чугаһыттан көрбүтэ, кимтэн да барытыттан ордук үчүгэй кырасыабай дьахтар эбит, эдэрэ да бэт, таҥныбыт таҥаһа барыта араас суол хара тыа күндү түүлээҕиттэн оҥоһуллубут олус мааны таҥастаах дьахтар эбит. Кинилэр көссөн баран, бэт үчүгэйдик киһи кэпсэтэр куолутунан кэпсэттилэр. Уол буоллаҕына, дьахтары, төрдүн уунун ханна олорорун, хантан кэлбитин ыйытта да, дьахтар киниэхэ үчүгэйдик кэпсээбэтэ. Быһатын эрэ бу дойдуга бултуу сылдьар дьахтарбын диэтэ. Эн соһуйума, куттаныма, мин абааһы буолбатахпын диэтэ.

Онно уол, эдэр уолан киһи быһыытынан, бу дьахтарга олус баҕарда, сүрэҕэ толугураччы мөҕүстэ, уҥуоҕа хамсаата. Дьахтары хам кууһан ылан ууран-сыллаан таптаан барда. Онно дьахтара даҕаны, эмиэ кинини таптыыр быһыытыйда. Онон кинилэр наҕылыйан толору таптастылар. Онтон арахсалларыгар дьахтар эттэ: «Миигин көссүбүккүн-биссибиккин икки атахтаахха кимиэхэ да этээйэҕин, эттэххинэ, хайаан да мин истиэм-билиэм, оччоҕо хоргутаайаҕын, бэйэҕиттэн хоргутаар», — диэтэ. Ону истэн баран уол кимиэхэ да этиэ суох буолла уонна кинилэр өрүү күн аайы даҕаны манна көссүөх буоллулар. Ол курдук кэпсэтэн тарҕастылар.

Онтон ыла уол хас күн аайы ол көссүбүт сиригэр дьахтарын көссөр таптаһар буолла. Уонна хайа баҕарар булка уурбут сэбигэр, айатыгар, чааккааныгар, туһаҕар, иҥинигэр барытыгар араас суол бултар түбэһэр, өлөр буолбуттар. Биир да сэбэ кураанах турбат буолбут. Доҕотторо бултаабыттарын аҕыйах хонук иһигэр ситэн ылбыт. Доҕотторо бары, ордук санаан сөҕөн барбыттар. Дьэ киһи сотору даҕаны бултуурга үөрэнэр эбит диэн буолбут: «Чэ, кыттыһыах диир этиҥ, дьэ кыттыс», — диэн ааттаабыттарын иһин, кини буолбат, кыттыспат.

Ол курдук кини, кыһын устатын тухары, били дьахтарын кытары өрүүтүн таптаста, уонна булта буоллаҕына кэпсииртэн кэрэгэй элбэҕи, араас суол хара тыа күндү түүлээҕин ахсаана дьаабыта биллибэти бултаата. Саас буллуттан уурайан дойдутугар киирэрэ буолла. Дьахтарын букатын ойох ылан илдьэ киирэрдии

санаан сылдьыбыта. Дьахтара туран эттэ: «Мин көннөрү дьахтар буолбатахпын, мин хара тыа Байанайын кыыһабын, онон эн, уоккар арыылаах саламаат кутан баран, тобуктаан олорон араас элэ-была тылгын этэн, алҕаабыккын истэн аһыммытым уонна бэйэҥ үчүгэй дьүһүҥҥүн, эдэр уолан бэйэҕин көрөммүн, баҕаран таптаатым. Ол оннугар эйиэхэ, хара тыа араас күндү түүлээҕин төһөнү баҕараргынан биэрдим. Уонна эйигиттэн хат буолан хааллым, уол оҕо төрөөтөҕүнэ Ханалас сиэнэ, байанай буолуоҕа. Аны эн миигин көссүөм диэн сааралайаҕын, көссөрбүт манан бүтэр уонна эн миигин кытары биссибиккин икки атахтаахха иһитиннэрэр буолаайаҕын, иһитиннэрдэргин эрэ, миигиттэн хоргутаайаҕын, бэйэҕиттэн хоргутаар, ону бигэтик өйдөө». Итигирдик кэпсэтэн баран, бырастыылаһан араҕыстылар.

Уол, дойдутугар киирэн, түүлээх бөҕөнү атыылаан, көннө, көрүлээтэ. Байанай кыыһа эппитин курдук, кимиэхэ да кэпсээбэтэ, кэмэ суох элбэх үптэннэ, астанна, ол да буоллар ойох ылбата, хаһаайыстыба оҥостубата, өрүүтүн санаата эрэ Байанай кыыһыгар буолла.

Нөҥүө дьылыгар эрдэттэн оҥостон, элбэх астанан, арыгыланан, үчүгэй аттанан, хас да киһини доҕор аргыс булунан, былырыыҥҥы курдук эмиэ бултуу таҕыста. Ол тахсан былырыыҥҥы тохтообут сиригэр тохтоотулар, эмиэ тус туһунан бултаан бардылар. Уол буоллаҕына, эмиэ куолутунан, уотутар ас биэрэ, тобуктаан олорон алгыы сатаан кэбистэ. Былырыын көссүбүт сиригэр, күн аайы уол, ытыы-ытыы ыҥыра сатаан кэбистэ, Байанай кыыһа олох кэлбэтэ.

Уол бултуур булла, уруккутун курдук эмиэ олус бэрт буолла. Онно кини санаата табыллыбата. Байанай кыыһын бэйэтин көссүбэтиттэн кэмэ суох санааргыыр санньыйар буолла. Мэктиэтигэр саҥарбат, кэпсэппэт буолла доҕотторун кытары. Аһы да аһаабат, түүн да уута кэлбэт буолла. Онтон доҕотторо: «Ыарытаҕын дуу тугуй? Хайдах буоллуҥ? — диэн. — Тоҕо аһаабаккыный? Тоҕо саҥарбат-иҥэрбэт буоллуҥ? Биитэр туохтан санаарҕыыгын?» — диэн, олуйан-моһуйан ыйытар буоллулар. Онно кини туохтан бу курдук буолбутун олох кэпсээбэккэ сырытта.

Арай биир күн, булчуттар бары өрөөтүлэр, бу өрөбүл күн элбэҕи астанан аһаатылар, элбэх арыгыны да истилэр, бары итирдилэр, дьэ онно элбэх араас кэпсэтиилэр таҕыстылар. Ол кэпсэтиилэр быыстарыгар, эмиэ уолтан араастаан олуйан моһуйан ыйыттылар. Бу сырыыга уол итирик буолла, Байанай кыыһа этиппэтин

кини умнан кэбистэ, былырыын хайдах Байанай кыыһын көссүбүтүн, кинини кытары таптаспытын, хайдах бултуйбутун, уонна Байанай кыыһа кэнники арахсарыгар тугу эппитин саҥарбытын барытын түөрэ доҕотторугар кэпсээн биэрдэ. Кэпсээн бүтэрэн баран: «Маны икки атахха, олох кэпсээйэҕин диэбитэ, ону ити итирэммин кэпсээтим», — диэтэ.

Итигирдик кэпсээн бүтэрэрин кытта, эмискэччи, туут хайыһар тыаһа, буулдьа тыаһын курдук сытыытык, иһиирэ түстэ да булчуттар олорор сирдэринэн кэлэн кыһыыран ааста да били кэпсээбит уолбут, сону устан бырахпыт курдук, түҥҥэстэ түстэ да өлөн хаалла.

Онтон бэттэх, илин баһыгар, ол киһиттэн үөскээн хаалбыт, Хаҥалас сиэнэ байанай баар үһү диэн, сэһэн баара үһү.

А.С. Порядин суруйбута, ахсынньы ый 20 күнэ 1939 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 376, л. 54—60.

112. Чаадай Боллох

Кини харгыс, Байанай суолугар, эбэтэр булт сэбин аттыгар сытан, буллу булчукка ыыппакка төттөрү үүрэр идэлээх. Кини санаата куһаҕан, өһөс, иннинэн кэлбэт-барбат. Киниэхэ булчут уокка ас биэрдэҕинэ, Байанайы кытта ахтан аһатар. Бу Чаадай туһунан маннык кэпсээн баар. Кинилэр биир дойдуга төрүөбүттэрэ, үөскээбиттэрэ үһү. Иккиэ буолан, убай-быраат буолан. Ийэлэрэ, аҕалара ханныга да биллибэт. Убайын аата Дьаранаас, бырата Чаадай диэннэр эбит. Дьаранаас биир оҕустаах эбит. Чаадай биир ыттаах эбит. Ытын аата «Хардас» диэн. Буоппа сүөһүлэрэ суох. Биирдэ хоно сыттахтарына, түүнүн түөкүттэр кэлэннэр, ыттаах оҕустарын уоран барбыттар. Бу дьоннор түөкүннэри кыайан сиппэтэхтэр. Кылгаабыттар, дьүдэйбиттэр, манан сыттаан. Мантан биир Холомуку диэн үрэхтэрин быспыттар. Бу быстан бараннар, этиһэн, өлөрсө сылдьан, балыктарын ханыннаран бараннар кэбиспиттэр. Бэйэлэрэ иккиэн ойууттар эбит. Дьаранаас ойууна улахана да оччугуйа да биллибэт. Чаадай үөһээ үс кэрдиигэ[1] барар, аллараа үс кэрдиигэ барар кыра ойуун эбит. Бу дьоннор хоргуйан өлөр күннэрэ кэлбит. Кыайан турбат буолан икки дайдыга сыппыттар. Бу сытан кэпсэппиттэр. Дьаранаас этэр:

«Оҕуһум баара буоллар өлүө суох этим. Оҕуспун киһи уоран ылан өллүм. Онон үөр буоламмын, оҕуспун сиэтэ сылдьаммын,

төрөтөр оҕону, үһүгэр тириэппэккэ аһылык оҥостуом!» — диэбит. Онтон Чаадай этэр:

«Ыппын киһи уоран ылан өллүм, өлөн баран үөр буолан ыппын сиэтэ сылдьыам, хара тыа суолугар, айаҕа, чаркаанҥа харгыс буолуом. Устар далаҕа илимҥэ, мөрөһөҕө харгыс буолуом. Хара тыа суолун туора сытыам, аан дайды иччитин суолун туора сытыам!» — диэн. Инньэ диэн баран иккиэн өлөн хаалбыттар. Онтон ыла үөр буолбуттар, Чаадай буоллаҕына харгыс буолбут. Дьаранаас буоллаҕына оҕо сөдүөкэтэ буолбут.

Кини киһиэхэ булчукка өстөнөр арыт. Оччоҕо буулуур. Ол буулаатаҕына, туох да буллу бултаппат. Онуоха этэллэр: «О-о, дьэ ити киһи тугу да бултаабата. Харгыһа бултаабыт!» — диэн. Кини өстонөрүн төрдө буолар: кини аатын ааттаан уотка ас биэрбэтэххинэ, Байанайы аһатаргар, эбэтэр ааннһа ахтымына үөҕэ, хомура сыыттаххына. Өр буулаатаҕына, Байанай суолугар айа тардан кэбиһэр буллу аҕалымаары. Айатын аата: «7 сиринэн салҕааһыннаах, эриэн сэбэһэ кириэстээх, титирик маахчаар айа» — диэн. Далай суолугар илим үтэр, уу буллун аҕалымаары. Ол илим аата «биэс таастыганнаах, 5 хороҕостоох, бороҥ тэрээх илим» — диэн. Бу буулаатаҕына ойуун кыырдараллар. Ол кыырдаран кыһыл кулгаах төрүттээх, кыһыл тамыктаах, сугуун күөрт атыыр ыты бэрик биэрэллэр. Чаадай үс кэрдиттэн үөһэ да тахсыбат, аллара да түспэт. Кини орто дойдуга сылдьар. Ойуун кыыран Чаадайы киллэрэр уонна ыты ылан: «Миэнэ һууй, һууй, һууй!» — дии-дии миинэ сылдьан тугу эрэ үргүтэр курдук: «Бу ыты куһаҕаннык ааттаайаҕыт, охсоойоҕут, мөҥөөйөҕүт, ыппын эһиэхэ туттарабын. Булталатаххына, отуугут сайыҥҥы күн тахсыытын диэки өттүгэр баайа сытыараҥҥыт мин ааппын ааттааҥҥыт алгыыр буолуҥ! Ол кэннэ булталаабыт булкут аһын үтүөтүттэн аһатар буолуҥ. Ыппын ааннһа ахтыбатаххытына хара тыаҕытын буллун хадьыратыам, устар далайгыт буллун ундуолуом», — диэн.

Бу ыты маанылаан мөкпөккө, сыспакка, үчүгэйдик аһатан илдьэ сылдьаллар. Бу ыты харыстаан «атыырбыт» дииллэр дьиэлээхтэр. Булталатахтарына, Чаадай эппитин курдук отуу (отуу уота) сайыҥҥы күн тахсыытын диэки өттүгэр баайан сытыаран булт, балык үтүөтүн өлүөрү, сыттаҕына сиэтэллэр. Ойуун Чаадайы киллэрдэҕинэ куруук икки илиитинэн сапсына сылдьар уонна үргүтэр киһи быһыытынан «һуу! һуу! һуу!» — диэн иһэр бокуойа суох.

Абый оройуона диэн сир. А.А. Саввин суруйбута, муус устар 22 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 106—108.

113. Тылын сэтэтигэр[1]

Уруккунан Илин-Хаҥалас улууһа II Наахара нэһилиэгин, Тохтоһут аҕатын уһун сиригэр, билиҥҥинэн буоллаҕына Мэҥэ-Хаҥалас оройуона II Наахара нэһилиэгин «Кыһыл-Сардаҥа» колхоз киинигэр «Харыйалаах» диэн улахан сис күөлэ баар. Бу Харыйалааххa чугастааҕы ыала биир дуу икки дуу ынахтаах Хообдьоорон оҕонньор олорбута. Балыга аакка киирбит үтүө балыктааҕа. Биирдэ ити үөһээ этиллибит оҕонньор кэргэнинээн туу көрө киирбиттэр. Оҕонньор инники, эмээхсинэ кэннигэр олорбут, аҕыйах тууттан бэрт элбэх балыгы ылбыттар. Бэһис тууларын бэрт ыараханнык көтөҕөн ылан сэрэнэн таһаарбыта сүрдээх улахан собо киирбит, өрүс балыгын курдук сиэри таһынан улахан буолан баран быһыыта, хатырыга олох үүт биир соболуу. Төннөн тахсан иһэн кытыы 10-ча сaһaан хаалбытын кэннэ: «Дьэ доҕоор, эбэбит барахсан соруйан сүргэтэ көтөҕүллэн далайын маанылаах оҕотунан бэлэхтээтэ», — диэбитин истэн баран эмэхсин: «Көрдөр да көрдөр», — диэн быһa хаайбыт, онуоха бэри бэккиһээн, икки илиитигэр марайа туора көтөҕөн улахан диэн бэйэлээх балыгы туппутунан эргиллэн истэҕинэ, балыга мөхсөн мас тыыга туора биллэҕэ түһэн, мөхсөн баран ууга чоп гынан хаалбыт. Кытыыга тахсан иккиэн ытаан-ытаан баран кэмниэ кэнэҕэс, хомнуо хойут туран дьиэлэригэр тахсыбыттар.

Ити куоттарбыт, хомолтолоох балыктарын туһунан дьон аайы кэпсээн оҥостубуттар. Ити сурах үллэн-үксээн аҥаара холобурдаах саллайан Якутскай куораты таба тайанар. Бардам санаалаах Кычкин баай итини төбөтүн оройунан истэр. Хас да сыл буолан баран бэрт эрдэттэн бэлэми ыытар, күһүн маҥнайгы хаар түһэрин аҕай кытта 7 аарыма оҕуска өйүө, мунха тиэйтэрэн бэйэтэ тройка атынан «Харыйалааххa» тахсар. Тахсыбыт кэмэ «Бокуруоп» таҥара үс хонук ааспытын кэннэ тиийэн кэлэллэр.

«Харыйалааххa» мунха буоларын туһунан чугас-ыраах барыта истэр, ааттаах балыгын абатыгар икки атахтаах эймэҥнэс буолар. Үлэлээн хамнаан мунха түһэр сирин оҥоруу, түһэрии буолар. Итиннэ малаaһын оҥоруо диэн күүппүттэрэ суох буолар, онуоха олохтоох кырдьарҕастара: «Малаaһыннаан эбэ иччитин аһатыах баара», — дииллэр. Ону истэн Кычкин баай бардама дэлэтэ дуо, тирии-тириитэ тиийбэт буола туолбут ый курдук кытара үллэн туран уута түспүт киһи курдук уһуура-уһуура саҥаран бөтүөхтээн барар: «Эбэ буола-буола, иттэ барыта эбэ, аал уотунан айах туппата диэн уутун үөнүн хайа дьуоҕатыгар угуо буоллаҕай, хайаабытын да иһин тиэрэ бастаран таһaараа инибин, төбөтүн сиигинэн хайа сүүр-

дүөм, ортотунан туора быһа быстыам, баҕатын, чохутун да сүлгэ далайыгар хаалларыам суоҕа, тоҥмут муӱһун көтөхтөрөн тыаҕа таһааран ыстарыам». Уонна да үгүс киһи туттубат быдьар тылынан үгүстүк төбөтүнэн ыалдьыбыт киһи курдук, лахсыйа лабаҥхалыы сылдьыбыт. Ити тыллар барылара бултуу сылдьар дьон кулҕааҕар туора турар дорҕоонноох буолтар. Аатырбыт мунха айгыстан тахсан испит. Баар дьон төһө эрэ кэлэр диэн чардаатка чугаһаабыттар. Тахсан эрэр үтүмэҕи ылан соһон эрдэхтэринэ, илиилэрэ биирдэ уот тымта түспүт, мунха кэннин диэки биллибэт буола дьылыс гынан хаалбыт. Ити кэмнэ уута 3—7 сантаан диринээҕэ үһү, сатыылаабыт анды биирдэ да умсубакка тахсан биэрэрэ дииллэр.

Барбыт мунханы тылын сэтэтигэр эбэ иччитэ ыллаҕа диэн кырдьаҕастар кистии саба сибигинэспиттэр. Кычкин баай: «Инньэ буоллаҕай, онноорор тимир инньэ ууттан көстөр, булуллуо буоллаҕа», — диэн эбэн эппит. Тахсыбыт ас бараныар дылы көрдөөбүттэр, Миитэрэйэп, Мэхээлэйэп таҥаралар аайыталаан барбыттар, көлүйэр сэттэ оҕус эттэрэ эбии бүппүттэр. Сэттэ оҕус баһыттан атыннара бараныахтарыгар дылы инньэ буолбатах көстөр мунхалара көстөн биэрбэтэх. Баһын тойон Кычкин бэйэтэ илдьириппит. Мунхатын буллараары соруйан оргуйбат гына өрөрө үһү. Дьоннор аччыктаан аҥаарыйан барбыттар, хамначчыттар уһуна бэрдиттэн саллан оҕустар бастара бүтэ охсуохтарыгар баҕараллара. Ити иһин: «Бүппэт да Кычкин оҕуһун баһа», — диэн өс хоһоонун айбыттар. Ыйы чугаһатар хонукка көрдөммүт сүппүт мунха кыайан көстүбэтэх. Ити курдук былыргы бардам баайдар харанга инсэлэригэр, айахха кииччэ тылларыгар эбэ иччитэ өһүргэнэн илдьэ барбыта буолуо. Тыл сэтэлээх буолар диэн, былыргы аан кырдьаҕастар кэпсиир буолаллара.

Хас да сыл буолан баран балыксыттар уонна сааһыттар тылларынан мунха сэмсэ-сэмсэ буола, буола кытыыга тахсыталаабыта үһү. Хойут балыктаан туспа улахан балыгы ылбыт киһи биллибэт, балыга күн бүгүнүгэр дылы сиэтэ турар. Мэнэ улууһун бардам баайа Кычкин абалаах саталаах тылын иһин, туора уобар биир да мундута суох мунхатын сэттэ көлүйэн тахсыбыт оҕуһун бүтүннүү сүтэрэн, тахсыбыт сирин диэки бэйэтин эрэ тыынын тэскилэппитэ үһү. Итэҕэл быһыытынан буоллаҕына, уһаты-туора саҥарыллыа суохтаах, ханнык даҕаны тыл иччилээх буолар дииллэр.

Мэнэ-Хаҥалас оройуона, II Наахара нэһ., 65 саастаах, Егор Федорович Кириллин тылыттан. Суруйбута М.Г. Наумовскай, алтынньы 10 күнэ 1945 с., м. Хочо үрэҕэ. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 21—21 об.

114. Аан дойду иччитэ[1]

Куолаһын ойуун диэн баар эбит. Бөтүҥ нэһилиэгэ ол саҕана Найахы нэһилиэгэ Дүпсүн улууһугар үөскээн олорбут Ньөлөөк Ылдьаа диэн сэниэ соҕус киһи. Бу ойуун бу Ылдьааттан сыл аайы тахсан сылгынан, ынаҕынан, атынан: «Нэһилиэк тардыыта», — дии-дии ылар эбит. Сылга түөттүү баайтаһыны ылар эбит: «Нэһилиэк сэдэрсээнньийэтэ», — дии-дии. Биирдэ тиийбитин абатыйан, кыһыйан Ылдьаа аккаастыыр. Онуоха ойуун олус кыыһырар, сиэхаһыах буолар уонна хоно сытар үһү. Этиһэллэр, манан сыттаан түүн Ылдьаа дьонун (сайын үһү) атын сиргэ көһөрөн кэбиһэр, ойуун утуйа сыттаҕына. «Кэниэрийэ» — диэн биир улуу сир баар үһү бу Ылдьаа олоҕун таһыгар. Сассыарда онно киирэн биир тумулугар бу сир аатын ааттаан үҥсэр: «Бу курдук Куолаһын ойуун сиириҕэр-эһэригэр тиэттэ, көмүскээ, харыһый!» — диэн.

Онуоха сассыарда ойуун, туран баран кырыыс бөҕөнү кыраан, тыл бөҕөнү этэн баран барар. Биир доҕордоох сылдьар үһү. Тарҕана диэн сир саҕатыгар киирэн иһэллэр үһү. Ойуун атын миинэн баран, бастатан баран иһэр үһү, кэнниттэн баран испит доҕор киһитэ. Соҕотохто үөһэ туох эрэ тыаһа күүгүнээбит да ойууну аттары бэйэлэри хаптаччы түспүт. Онуоха ата бастаан кэннинэн чохчойон өрө туран баран өлөн түспүт. Ол аан дойдутун Кэҥкэрийэтин иччитэ өлөрдөҕө үһү ойууну, Ылдьааны көмүскэһэн.

Нам оройуона Түбэ нэһилиэгэр үөскээбит, 73 саастаах Александра Ильина тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, Абый с., кулун тутар 26 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 115.

115. Дойду иччилэрин сырыыта

Саас от-мас көҕөрөрүн саҕана, ынах төрүүрүн саҕана, дойду иччилэрэ холорук буолан сылдьаллар. Холорук түспүт кэмигэр оҕолору тиэргэҥҥэ таһаарбаттар.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 204.

116. Уу оҕуһун[1] кыыһырыыта

Уу оҕуһа кыыһырдаҕына күөл уутун көһөрөр үһү. Начаас, көрүөх бэтэрээ өттүгэр.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 215.

117. Улуу тойон ылгын кыыһа

Хотон иччитэ — Улуу тойон ылгын кыыһа бу Боҕугай эбэ. Буулаабыт сиригэр, улаханнык буулуохтаах (оҕолору сүрэҕэ суох оҥорор, сүөһүнү ыарытар).

Сайын тиэргэҥҥэ, титиккэ таптыыр сүөһүтүн күлүгэр эриллэн сылдьар. Киһи оҕотун (таптыыр буоллаҕына) күлүгэр эриллэн сылдьар. Оҕо ыалдьыбат, киниэхэ абааһылары чугаһаппат.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 204.

118. Ынахсыт

Былыргыттан ыла саҥардыыҥҥа дылы, саха норуотугар, онно манна сорох ыалларга баар диэн буолара «Ынахсыт» диэн. Бу ынахсыт баара киһи хараҕар көстүбэт диириэр, уонна баарынан баар диириэр. Кини чахчы абааһы буолбат үһү, биитэр чахчы айыы буолбат диириэр. Ону дьиэлээхтэр бэккэ ытыктыыллар үһү. Ынахсыт диэн, аатын ааттыахтарын кэрэйэн, куруутун «ханҕас-диэкки» диириэр, өссө ону аанан Ньаадьы-Дархан диэн ааттыыллара үһү. Оннооҕор туора ыаллара, чугас олохтоохтор ынахсыт диэбэттэр, ол ыал ханҕас диэккиллээхтэр, биитэр Ньаадьылаахтар диэн кэпсэтэллэр.

Ынахсытка туспа анаан, аһыыр иһит бэлэмниириэр, былыргылыы туойтан оҥоһуллубут күөс тугэҕин. Ол күөс түгэҕэр арыы, биитэр саламаат кутан биэрэллэр, чохтоох уоту урут кутан баран ол үрдүгэр. Ол курдук дьоһуннаах аһатыылара буолар эбит, күһүн маҥнайгы сүөһү хотоҥҥо киириитигэр, кыһын саҥа дьыл саҕана. Саас сайылыкка киириигэ титиккэ эриэн ситиини сээкэй тэрэпиискэни, туоһунан симээн баран, титиккэ үөһэ ботолуогар субуруччу тардан баайан кэбиһэллэр, уонна биир күөс түгэҕэр чохтоох уоту кутан баран онно арыы кутан биэрэллэр. Ол биэрэр астарын уҥа илиилэринэн куппаттар, ханҕас илиилэринэн таһынан кутан биэрэллэр үһү. Онно кыратык алгыыллар: «Ньаадьы-Дархан хотун, махтааттаах мааныҥ, күүтүүлээх күүтүүҥ, аһаан-сиэн тур», — диэн.

Ынахсыт сүрдээх өһүргэс үһү, холобур: ыал дьахтара дуу, биитэр эр киһи дуу, хотоҥҥо биитэр титиккэ киирдэҕинэ, ас биэрэр кэмнэ биэрбэтэххэ, атын ыалтан дьоһуннаах кэһии тутуу кэллэҕинэ, онтон уокка биитэр кини иһитигэр кутан биэрбэтэххэ, оннооҕор хотон иһигэр уоттаах күлү куттахха, уонна хотон иһигэр киһи кыыһыран улаханнык саҥардаҕына, биитэр этистэҕинэ,

олортон барытыттан кини кыыһырар өһүргэнэн диэн буолар, ол өһүргэннэҕинэ, эмискэччи сүөһү ыарытар, биитэр өлөр үһү.

Кини дьиэлээхтэригэр биир суол туһалыырдаах үһү. Кини баар ыалыгар хаһан даҕаны, тамыйах абааһыта киирбэт чугаһаабат үһү, онон сүөһү төрүөҕэ кэлэн, ол ыал байаллар үһү. Ынахсыт хотон муннугар, биитэр күкүр баһыгар уйа дьиэ оҥостор диэн буолар. Онно отунан, сүөһү түүтүнэн уонна дьиэлээхтэр баттахтарыттан кытары үргээн, оннуктарын холбоон улахан кус уйатын саҕа гына оҥостор үһү. Ону олох ким да тыыппат даҕаны, тыыттарбат даҕаны үһү.

Ол ыккардыгар сорох ыаллар кинини сөбүлээбэттэр диэн буолар, биитэр салҕаллар. Онон ынахсыты аралларга, үчүгэй алгыстаах ойууну булан аҕалан, кыырдаран атын ыалга ыыталлар үһү. Онно киниэхэ манньа бэрик биэрэллэр, туоҕар да атын бэлиэтэ суох, бүтэй хара түөттээх бургунас ынаҕы биэрэллэр. Ол ынаҕы ойуун, син абааһыга биэрэрин курдук алҕаан, арбаан, үөтэн өлөттөрөр. Ону кутун сүрүн ынахсыт ылан, чаастанан сиэтэн атын ыалга барар үһү. Этин буоллаҕына, син кэрэх этин курдук, ойуун бэйэтэ соҕотоҕун илдьэн сиир.

Мэнэ-Хаҥалас оройуона, Чалҕаа нэһ., 85 саастаах, уруккута ойуун Семен Иванович Брызгалов тылыттан. А.С. Порядин суруйбута, 1941 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 373, л. 6—7.

119. Орук[1] оҕото

Сорох орукка туох да суох. Ол оҕо кута орукка сытан: «Миэхэ ким да кыһаммат, ылбат, оҕо буолуом этэ», — дии-дии ытаан сыыгыныы сытар буолар үһү. Сүөһү кута орукка баар буоллар ойуун хайаан да ылыа этэ, ынахсыт да тардыытыгар ахтыа этилэр. Лааһаҕар ойуун этэрэ үһү: «Ити Булгунньахтаах арҕаа баһыгар турар орукка кыыс оҕо кута баар эбит, итиннэ көрдөспүт киһи оҕото суох дьахтар оҕолонуо этэ», — диирэ.

Оҕото суох дьахтар оҕолоох орук төрдүгэр харалаах аас тэллэҕи тэлгээн, үс ыаҕас арыылаах суораты тардан, баран тыл туомун этэн көрдөстөҕүнэ, ол суоратка муостаах ооҕуй оҕус түстэҕинэ дьахтар хамыйаҕынан баһан ылан сиэн кэбиһэр. Оччоҕо өлбөт оҕо төрүүр. Ол оҕо урдуһа кэнники тыал һуус буоллаҕына тардыас буолар уонна куоҕаҥныы олорор буолар үһү.

В.Н. Кривошапкин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, 18.02.1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 71—71 об.

120. Сыбаанньай оруга

Өлөрүгэр эппитэ үһү: «Мин уҥуоҕум таһыгар орук тахсыа, онно сааһын туххары төрүөбэтэх дьахтар, харалаах аас тэллэх үрдүгэр тоҕус иһирэкэ (кыра ыаҕыйалар) арыылаах суорат тардан баран, иттэни сыттаҕына үөһэттэн түһүөҕэ ооҕуй, сиэтэҕинэ хат буолан оҕо төрүө. Оччоҕо кыыс төрүөтэҕинэ, мин иккиһин төрүөм. Ол кыыс удаҕан буолуо» — диэн.

80 саастаах Матрена Попова тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, 13.01.1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 64.

121. Оҕо абааһыта

Оҕо абааһыта бары абааһылартан улахан суостаах буолар, наһаа улахан киһи дуу, биитэр түүлгэ биккэ биллэринэн ыт, куоска буолан кубулунан көстөр. Онон араас албастаах, куотар кубулҕаттаах буолар, диэн өйдүүллэр. Ити абааһы чугаһаабатын диэн ситии быстараллар[1], уордаран ылаллар (ким да билбэтинэн) уларытан уолу кыыс, кыыһы уол оҥороллор, оҕо иитэллэр, оҕолоох сиргэ иитиэххэ биэрэллэр, араас абааһы куттанар ымыылаах сэптэри: быһаҕы, үөт тирэҕи, сүгэни уонна хабаҕы, эһэ баппаҕайын уо. д. а. ыйыыллар, оҕолоругар өлүүлээҕинэн ааҕынааччылар итинниги оҥороллор. Онтон өлүүтэ суохтар тугу да баайбаттар, итинниги биһирээбэттэр. Оҕо абааһыта улаханын иһин итинтэн иҥнэр куттанар диэн санаа хаалбыт.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуонун иккис Наахара нэһ., М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 15.

122. Кыыс таҥара

Биһиги дойдуга баара иһиллибэт. Бу Өлүөхүмэҕэ элбэх кини. Оннук кыыс таҥараны оҥорбут ыал баар буоллахтарына, онно сылдьыбыт эргиэн дьоно дьаарбайбыт-күүлэйдээбит дьон, бу кыыс таҥараҕа бэлэх биэрэллэр хайаан даҕаны. Сорох элбэҕи, сорох аҕыйаҕы, кыайалларынан биэрэллэр — түүлээх, хаччы. Бу кыыс таҥара бэккэ киһи санаатын эрийэр дьиэлээхтэргэ. Ылсыа суох ылсан, таптыа суох таптаан, сыстыа суох сыстар бу кыыс таҥаралаах ыалга. Онон быһата бу ыал байаллар, тупсаллар. Кыыс таҥараҕа бириэмэннэн оонньууга, малааһыҥҥа арыгы тардаллар. Онуоха кэн-

ники таһааран уокка кутан бараннар, иһэллэр бу арыгыны дьиэлэээхтэр. Ыарыйдахтарына-сүттэхтэринэ киирэн бу кыыс таҥараҕа үҥсэллэр үһү, көрдөһөллөр үһү. Кинини эмэгэт оҥорон саһылга солоҥдоҕо суулууллар.

Былыр Кананаҕа (не очень разборчиво. — *Н. А.*) өлбүт дьахтар илиитин ыт ытыра сылдьарын булан ыланнар кыыс таҥара оҥоторо үһү.

Өлүөхүмэ Маарыйа Васильевна диэҥҥэ баара үһү кыыс таҥара, былыргыта баай Сантайга баара үһү. Кыыс таҥаралаах киһи өллөҕүнэ ханнык эмэ аймаҕар биэрэллэр үһү, үчүгэй кыайар киһиэхэ.

Мэгэдьэк оройуона, Кугдаар нэһ., 79 с. Наталья Михайловна Александрова тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, 04.04.1938 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 51—51 об.

123. Бахсы айыытын кэпсээнэ

Бахсы нэһилиэгэр Дьэллэмэй диэн киһи баара үһү. Бу киһи эр ортотугар диэри кинээһинэн сылдьыбыта үһү. Бу сылдьан биирдэ атынан айан суолун устун испит. Бу истэҕинэ иннигэр биир кыһыл саһыл утары сүүрэн иһэрин көрсө түспүт. Маны көрөн баран, хайырҕастаах кымньыытынан охсон ылаары кыммытын, саһыл туора көтөн биэрбит. Онтон кини бу саһылы эккирэтэн барбыт. Бу баран истэҕинэ саһыла солоҥдо буолан хаалбыт. Маны эмиэ эккирэтэн испит. Бу истэҕинэ солоҥдото уот буолан барбыт. Ону эмиэ эккирэтэн испит. Ол уота аттаах киһи буолбут. Маны эккирэтэн испит. Дьэ субу курдук үс түүннээх күн туххары эккирэтэ сылдьыбыт.

Бу сыттахха дьонноро суолун суоллааннар булбуттар. Бу буллахтарына урукку өйө сүтэн иирбит киһини булбуттар. Ол дьылтан тоҕус сылы мэлдьи иирэн баран сүтэн хаалта үһү.

Сорох дьон кэпсээнигэр оол курдук кинээһинэн сылдьан, өлбүт ойуун уолуттан дойдутун былдьаан ылан, отучча киһинэн күүлэйдэппит[1]. Бу күүлэйдэтэ турдаҕына, дойдутун былдьаппыт аҕатын уҥуоҕар сүүрэн баран, хаһыытыы-хаһыытыы ытаабыт. Оол кэннэ аҕатын уҥуоҕун маһынан тоҥсуйа-тоҥсуйа субугурдук диэбит:

Аҕакаам!
Син хараххын симэргин кытта
Миигин харахтаах кынчарыйда,
Тыллаах эттэ,
Илиилээх оҕуста,
Атахтаах тэптэ!
Мааны бэйэлээх алааспытын

Дьэллэмэй кинээс былдьаан ылан,
Отут киһилээх киирэн
Төбөтүнэн хайа,
Ортотунан быһа тэлэккэлээн эрэр.
Ону көрүмүнэҕин
Мааны бэйэлээх хараҕыҥ уота
Ханна таҥнары сатыылаан хааллаҕай?
Ону истибинэҕин
Мааны бэйэлээх истэр чуор кулгааҕыҥ
Үүтэ хайаан бүөлэнэн хааллаҕай?
Эн сабачча чугас баарыҥ үрдүнэн,
Мин халыҥ тириим хайытталанан,
Дьэҥкир бүлтэһим тосутталанан,
Хара хааным тахсан,
Мааны бэйэлээх алааспытын былдьатаммыт,
Хаарга ххааман хааллахпыт бу дуо,
Аҕакаам?

Бу диирин кытта, чардаатын иһиттэн, буорун үрдүттэн эмискэ хара холорук өрө көтөн тахсыбыт. Бу тахсарын кытта тус арҕааттан сүрдээх силлиэлээх этиҥнээх хара былыт көтөн тахсыбыт. Бу кэлэн сүрдээх муустаах хара самыыр түспүт. Бу күүлэйдэтэ турар сиргэ. Оол кэннэ охсубут отторун барытын сискэ ытыйан таһаарбыт, ууга ытыйан түһэрбит. Бу охсо турар дьону умсарыта сөрүөн түһэрбит. Дьэллэмэй кинээс бэйэтэ отууга баара үһү. Оол отуутун тиэрэ охсон кэбиспит, бэйэтин чаҕылҕан уота таҥастары сэптэри култуччу салаабыт. Онтон уҥан сытарын булбуттар. Бу уҥан тиллээт бэйэтин этин сиэммитинэн барбыт. Онтон уоту ыспыт, оол кэннэ быаны ылан моҥнон өлөөрү гыммыт. Дьэ онтон иирбитин билэннэр туппуттар. Дьэ, субу курдук тоҕус төгүрүк дьылы мэлдьи өйө суох иирэ сылдьан, моҥнон өлбүтэ үһү.

Оол өлөн баран, киһи хараҕыттан сүппэт сүрдээх үөр буолбут. Ол киһи хараҕар көһүннэҕинэ, урукку өлүөр эрдэҕинэ таҥныбыт таҥаһын таҥнан, мииммит атын миинэн көстөр үһү. Оол кэннэ кини кымньыытын тыаһа, атын туйаҕын тыаһа иһилиннэр эрэ ыарытар, бээтэр иирэр үһү. Ол иирбит киһи урут иирэн тугу оҥорбутун барытын оҥорор үһү.

Онтон ойууҥҥа, мэнэриккэ киирдэҕинэ, син уоту ыһаллар, маска холоноллор, сэргэ төбөтүгэр тахсан тураллар, сир-баттах сыссаллар, эттэрин сиэтэллэр. Оол кэннэ Дьэллэмэй кинээс тардыаһын иһин тардыас буолаллар үһү. Хаҥас илиинээн охсоллор[2].

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 10, л. 9—14.

124. Бахсы тойоно Дьэллээни[1] кинээс

Бахсы тойоно диэн, төрүккү баай аҕалаах, эһэлээх буолан, кини даҕаны олох баай киһи эбитэ үһү. Бахсы сирин сабардаан олорбут киһи. Былыр кыыс энньэтигэр барбыт Дибилиттэ диэн күөллээх алаас Курбуһах нэһиэлэгэр баарын[2], сут дьылга тиийэн хомуһун ходуйан баран, уон көлөнөн оҕуһунан, уон киһилээх күүһүнэн тиэйээри оҥостор. Тиэйэ турдаҕына онно олохтоох Мундулаах Угудуй ойуун уола кэлэн: «Тоҕо мин дойдубун тыыттыгыт? Хомуспун ылыманг, төннүҥ», — диир. Ону: «Дөксө кэлэн тыл бырахса тураҕын», — диэн Бахсы тойоно уолу туттаран онно таһыттарар. Уол таһыллан, ытаан-соҥоон, хараҕын уутунан суунар. Ол алаас үрдүгэр икки ойуун уҥуоҕа баар эбит: Мундулаах Угудуй уонна Өксөкүлээх Баргыйа. Уол олор уҥуохтарын миинэн олорон, таһыйа-таһыйа, ытыыр-соҥуур: «Бахсы тойоно — кинээһэ кэлэн баттаан — үктээн туран, дойдубутун — сирбитин ылан, былдьаан эрэр, истиҥ-көруҥ, көмүскээҥ, харыһыйыҥ», — диэн. Онуоха эмискэ холорук түһэн, Бахсы буобура намыаскалаах хара саһыл бэргэһэтин өрө ытыйан таһааран, отторун, хомустарын тиэйтэрбэккэ тыал болуона буолар. Бахсы дьоно нэһиилэ бэйэлэрэ эрэ куоталлар.

Бахсы тойоно суолга ыалдьан охтор. Дьэллээни онтон сылтаан иирээки буолан тоҕус сылы быһа сылдьар. Куруутун кэлгиэҕэ, холуоккаҕа сытыараллар, сымасыт мас кэтэрдэн олордоллор. Икки тиит икки ардыгар быаҕа баайан холуоккаҕа кэлгийбиттэр, онно өлөр. Сайын ону олоҕор, Мүөлүгэр эбэ халдьаайытыгар, көмөллөр. Үрдүгэр маһынан уҥуох эргийбиттэр.

Бахсы тойонун ойуун — удаҕан үөргэ киллэрэн, аатын аттаан «Айыы», «Суордаах Дьэллэҥи» диэн алгыыллар. Кини кэбилэнэн өлбүтүн үтүктэллэр. Хаһыы-ыһыы, мас — от охсуоланаллар.

Чурапчы оройуона Бахсы нэһилиэгэ Петр Филиппович Слепцов, 72 саастаах, тылыттан. С.И. Боло суруйбута, от ыйын 19 күнэ 1934 с., Күннүк [ИПРЯ, ч. 2, с. 277].

125. Алтан хотуна

Былыр Илин Хаҥалас улууһугар Хаптаҕай нэһилиэгэр саллар сааһын туххары сүллүүкүүн баайын байан улуус кулубата буолан Хаччылаах Хайааны Сүөдэр олорбута үһү. Бу киһи сүөһүтүн ахсаанын бэйэтэ да билбэтэ үһү. Итирдэҕинэ: «Бу икки Ытык Хайа икки ардыгар кыһыл көмүс манньыаппын кэккэлэттэхпинэ ти-

ийиэ этэ» — диирэ үһү. Бу кулуба Халлаан Мотуруона диэн ойохтоох эбит.

Оҕолоругар бу дьон сүрдээх өлүүлээхтэр эбит. Туой аҕыһыгартоҕуһугар тиийэ-тиийэ оҕолоро өлөн иһэр эбит. Оччотооҕута кырдьаҕастар: «Бу, эһи оҕоҕутутар өлүүлээх дьон буоллугут, ханна эмэ хорҕотон иитиҥ», — дииллэр эбит. Ону иһинэн Хаччылаах Хайааны Сүөдэр икки өлбүт уоллаах кыыс оҕону, дьахтарым төрөөтөҕүнэ оҕобун хорҕотуом диэн, булууска уган сыппыт. Ойоҕо хат эбит. Эрэ оннук өлбүт оҕолору ууран сытарын кини билбэт эбит, тойон бэйэтэ эрэ билэрэ үһү. Дьэ дьахтар талыыта киирэн үс хонугу мэлдьи сыппыт. Ол гынан дьэ төрөөбүт. Ол төрөөбүт оҕону хаҥас диэккинэн, хотону иһинэн, хотон саах эһэр түннүгүнэн таһааран ыалга хоргоппуттар. Ол оҕо оннугар, тойон кигиитинэн, баабыскаһыттар өлбүт кыыс оҕону суулаан кээстэр. Дьахтар өйдөммүтүн, кэҥээбитин кэннэ, үс хонуктаах ородьунатын күн бу оҕону көмөн кээһэллэр[1]. Дьахтар мантан антах төрөөбөтөх.

Оҕо сэттэтэ буолуор диэри бу дьахтар оҕолооҕун билбэтэх. Нэһилиэнньэ да билбэтэ үһү. Сэттэтигэр дылы бу оҕону атын ыалга саһыаран, күннээх таҥараҕа көрдөрбөккө, чуулааҥҥа оҕолообуттар. Сэттэтигэр Хайааны Сүөдэр бэйэтэ баҕаран харахтаабыта үһү. Онно көөттө чугас эркин ханна да көрбөтөх туохтан да ордук ыраас хааннаах, ыраас үчүгэй кыыс оҕо эбит. Онтон кэлэн дьэ ойоҕор кэпсээн, оҕобутун аҕалыахха, оҕону кытта булкуйан оҕобутун иитиэххэ диэн ойоҕунаан сүбэлэһэн, кини саастыыта хас да оҕону сыанатын кэрэйбэккэ атыылаһан, оҕолорун аҕалан бу оҕолорун барытын иитэн олорбуттар. Оҕолоро улам тупсан, улаатан испит. Ол иһин: «Дьэ бу биһи оҕобутугар сөп оҕо чугаһынан ханна да суох, онон сөптөөх түбэстэҕинэ нэһилиэк чиэрэс улуус уҥуор бэриллиэ», — диэн саныыллар эбит.

Бу курдук олорон оҕонньор куоракка киирбит. Куоракка киирэ сылдьан Мэҥэ улууһун бэрдин Лөкөй Модун[2] диэн киһини көрсүбүт. Бэрт өр кэпсэппиттэр. Онно билтэ бу Лөкөй Модун эмиэ биир эрэ төрөөбүт уол оҕолоох эбит. Кини буоллаҕына эмиэ кыыс оҕолоохпун диэн кэпсээбит. Дьэ онтон бу дьон оҕо оҕолорун көрүһүннэриэх буолан сөбүлэспиттэр.

Онтон икки сыл буолан баран кыыс тоҕуһугар уол уонугар дьэ кэпсэтии буолбут. Бу кэпсэтиигэ Илин Хаҥалас ааттаахтара Мэҥэ бэттэрэ бары сылдьыбыттар. Икки тойон ньыҥкыл маҥан ураҕаһы өрө анньа-анньа «ураа» хаһыынан көссүбүттэр. Мэҥэ бэрдэ Лөкөй Модун дьиэлээх тойону, хотуну көссөрүгэр, илии тутуһарыгар уҥа

илиитинэн тойоҥҥо уу саарбанан, хаҥас илиитинэн хотуҥҥа хара саарбанан илии тутуспут. Дьэ бу курдук икки улуус ааттаахтара үс хонугу мэлдьи туос баанан, түһэх кэбиһэн олорон кэпсэппиттэр. Оччоҕо харчы сулуу диэн суоҕа үһү, куруҥ кэпсэтии диэн буолбут. Манна хайа-хайаларыттан ырыаһыттар ыллаабыттар, олоҥхоһуттар олоҥхолообуттар, бөтөстөр мөккүспүттэр. Онно Мэҥэ дьоно соччо самнан биэрбэтэхтэр, муҥутаан Илин Хаҥаластар тэҥнэһэллэрэ үһү. Ол иһин Хаҥалас баайа Хаччылаах Хайааны: «Дьэ уруурҕаһыахха сөп дьону кытта уруурҕаспыппын», — диэбит үһү.

Хаҥаластар кыыстарын уонугар кылгас сүктүү диэн дьиэ олоҕун тахсан көрөн киирдин диэн сүгүннэрбиттэр. Ол тахсарыгар үс симэхтээх аттаах икки кыыс — дьахтар доҕуһуоллаах эбитэ үһү. Ол тахсан түһүлгэҕэ үс тиинҥ сэргэҕэ аттарын баайбыттарын көрдөххө, аттара орто дойдуга суох үчүгэй сэптээх-сэбиргэллээх, үчүгэй аттар эбит. Бу аттар үһүөн атын-атын дьүһүннээх аттар буолтар.

Бу тахсан үс хонукка уруу түһээттэрэ үһү. Манна олоҥхоһут эмиэ олоҥхолообут, ырыаһыт эмиэ ыллаабыт, бөҕөс эмиэ мөккүспүт, онно ырыаһытынан, олоҥхоһутунан Мэҥэ кыайбыта үһү. Харта хапсыытыгар[3] Хаҥалас кыайбыта үһү. Үс хонон баран кыыстарын илдьэ бааттар. Кыыс ата уонна икки доҕуһуол кыыс хаалбыт.

Онтон уон биэс сааһыгар кыыс букатын сүктэн тахсыбыт. Сүктүүтэ тохсунньу ый тохсус эргэтигэр буолбут. Кыыс эрин дойдутугар биир хаамыы аттаах, биир көтөл аттаах, биир олох аттаах сүктүбүт. Сэтиитэ сэттэ эбитэ үһү. Ону таһынан үс кыыс дьахтары этэрбэс устааччынан, икки уолу энньэ кулутунан, онон барыта маҥнайгылыын сэттэ киһини аҕатыттан, ийэтиттэн анатан тахсыбыт. Кыыстара бу сүктэн тахсарыгар Хаҥаластар дүҥүр, ходоҕой, холбууччуттар диэн үс сүүс аттаах киһи тахсыбыта үһү. Бу тахсыыларыгар сүрдээх сүүнэ буурҕа эбитэ үһү. Онон кэлиэх буолбут хонуктарын үс хонук хойутаан кээлтэрэ үһү.

Лөкөй Модун буоллаҕына тоһуурдьуттарын кытары дьиэтиттэн үс биэрэстэ кэлэн үс хонугу мэлдьи кэтэспит. Дьэ үһүс күнэ ааһан төрдүс күнүгэр тоһуурдьуттар дьиэҕэ олордохторуна арай таһырдьа сытыы баҕайы туйахтаах аттар чыбыгырайан кээлтэр. Ону истэн: «Барыҥ эрэ, нохолоор, көрүҥ эрэ, кэллилэр дуу, хайдаҕый?» — диэбит тойоннороо Лөкөй Модун. Онно уолаттар таххан көөртөрө туох да суох эбит. Тойонноругар киирэн эппиттэр, онно: «Дьэ бүгүн кэлэр буоллахтара, айыыта-таҥарата эргийдэҕинэ», — диэн тахсан бары ньыҥкыл ураҕастарын өрө анньа-анньа «ураа» хаһыытаабыттар.

Дьэ, кырдьык, утаакы буолан баран айгыратан-аарыгырдан тиийэн кэлбиттэр. Уоллаах кыыһы сыарҕаттан түһэрэн, тоһуурдьут сэргэтин түҥүрэттэри, ходоҕойдору, оруолдьуттары батаһыннарбытынан күнү батыһа үстэ эргийэ хаамтарбыттар сиэтэ сылдьан. Манна көрдөххө уон биэстээх буолан баран үтүө симэхтээх, үтүө сэбэрэлээх кыыс дьахтар эбит. Бу эргитэ сылдьан кыыс киэнэ хаана күөх сукуна курдук көҕөрө өлөн тахсыбыта үһү. Дьэ мантан ыла дьахтар соргута суһуктуйбута үһү.

Дьэ манна тоһуур сэргэтигэр сиэл ыйаан, ас аһаан «ураа» хаһыытаабыттар.

Мантан ыла кыыс үүс маҥан олох атын миинэн барыахтаах эбит. Атыгар илдьэн миинэрэн көрөөрү гыммыттара дьахтардара акка иҥнибэт буолбут. Онон сыарҕаҕа олордон, били олохтоох ат судургу хааман дьэ түһүлгэлэригэр тиийбиттэр. Сэттэ маҕаналаах кийииккэ диэн сэргэ анньыллыбытыгар сэттэ сэтии аты баайбыттар. Онтон дьахтар үс атын үс томторҕолоох сэргэҕэ баайбыттар. Дьахтары өйөөн аҕалан эрин кытары кэккэлэһиннэрбиттэр. Манна бу сэргэлэри күн өттүнэн күөйэ хааман кэлэн испиттэр. Бу сырыттахтарына бу түһүлгэ үрдүнэн үөһээ аарыктаах чуораан, ол кэнниттэн сүрдээх хатан ырыа дуораһыйан ааспыта үһү. Ону бу мустубут дьон айыыһыт өрөгөй былдьаттаҕа диэбиттэр. Онтон ыла бу дьахтар дьүүлэ-дьаабыта суох иирэн баарта үһү. Онтон тоҕус хонуктаах дьонуордаах уруу буолуох буолан баран үс эрэ хонукка буолбут. Үс хонон баран Хаҥаластар төннүбүттэр.

Дьэ ол кыһыны быһа тойоно аах аан дойду ойуунун бары аҕалан кыырдара сатаабыттар. Дьахтар тииҥ кэрэ атыырын ытык ыспыттар. Сайыныгар үтүөрэн киһилии сылдьыбыт. Онтон от-мас ситэн эрдэҕинэ, Бөтүрүөп саҕана Бүтэйдээх таҥаратын дьиэтигэр киллэрэн бэргэһэлээбиттэр. Ол бэргэһэлэнэ туран дьахтар үс төгүл уҥпута үһү. Нөҥүө күнүгэр бэргэһэлэммит малааһына диэн улахан түһүлгэ түһэрбиттэр. Онно кыыс аҕата: «Тутуманҥ, хабыманҥ, хаайыманҥ, ыгыманҥ, оҕом бэйэтэ көҥүлүнэн сырыттын, туох ороскуоту таһаарар ону бэйэм төлүөм. Оҕом оҕо курдук оҕо этэ, киһи курдук киһи этэ, ол кэлэн бу айылаах буолла», — дии-дии ытаабыта үһү. Онтон бу дьахтар көҥүл сылдьыбыта үһү да, улахан ороскуоту таһаарбатах эбит.

Бу дьахтар уон биэс сыл иирбитэ үһү. Онно дьахтар син көнөн сайылыырдаах, кыстыырдаах эбит. Иирбитигэр да үтүөрбүтүгэр да ураанхай утары көрбөтөх. Иирдэҕинэ кыһын буоллаҕына таҥнан кэлбит таҥаһын дэлби таҥнан, симэнэн баран ханна ич-

читэх дьиэҕэ, ханна тумуска тиийэрэ үһү. Манна энньэ уолаттара, кыргыттара көлөҕө ас тиэйэ сылдьан аһаталлара, көрөллөрө эбитэ үһү. Сылаас аһы аһаабата эбитэ үһү, барыта тоҥ эти сүгэнэн эттэпэккэ эрэ анньыынан көйдөрөн сиир эбит. Оччоҕо хоккуйарга дылы гынара үһү. Биирдэ эмэ көнньүөрбүт, киһитийбит күнүгэр сирэйин сууйдахтарына, баттаҕын тараатахтарына буукса бэргиирэ үһү. Онон биирдэ да сирэйин сууйбакка, баттаҕын тараабакка сылдьыбыттар. Ол да буоллар кимнээҕэр ыраас сирэйдээҕэ, кимнээҕэр саастаах баттахтааҕа үһү. Бу курдук сырыттаҕына ыраахтан дьон тоҥхойон, сүгүрүйэн: «Күн эдьийбит көмүс таҥарабыт, тохтоо болҕой, айыы-кэйии», — диэн көрдөһө-көрдөһө, алгыы-алгыы ааһаллара үһү. Дьахтар бу сылдьарын былааныгар:

Хаччылаах Хайааны Сүөдэр
Кыыһа буоламмын,
Халлаан Мотуруона
Оҕото буоламмын,
Лөкөй Модун
Ылгын кийиитинэн ытыктанаммын,
Сулууда Мөлбөстүүр
Сурахтаах кийиитинэн сураҕыраммын,
Түүнүкү Көстөкүүн
дүрбүөннээх кийиитэ буоламмын,
Халаабыс Өлөксөй
Ханыылаах доҕоро аатыраммын,
Ат муҥунан
алтаннанаммын,
Көлө муҥунан
көмүстэнэммин —

энгин диэн тойуктааҕа үһү. Манта сүрдээх хатан, чуор эбитэ үһү. Сайын буоллаҕына сайыҥҥы солко, хаарыс таҥаһын толору таҥнан, симэҕин кэтэн, күөх солко былаат дэлбиирдэнэн сылдьара үһү. Бу таҥаһын-сабын ханан да алдьаппатах, киттиппэтэх эбит. Сайын тоҕус-уон хонукка киһи хараҕар көстүбэккэ сүтэн хаалар үһү. Манна Алтан былаанын тухары көрдүүллэрэ үһү да булбаттара үһү. Бу курдук сайын наһаа баппатаҕына, ханна булбут сирдэригэр хаайыы оҥорон хаайаллар эбит. Ол хаайыытыгар бэккэ гыннаҕына уонча эрэ хоноро үһү, хаайыытын алдьатан баран хаалар эбит.

Кыһын да, сайын да манан барыам диэбит сиринэн аан холорук ытыллан ааһара үһү. Онно оччотооҕу дьон: «Хотуммут манан кэлээри гыннаҕа», — диэн куттаналлар эбит.

Бу курдук сылдьан Тураахтаах үрэҕин өрө сүүрэн тахсыбыт. Онно дойдулаах-сирдээх Хахыр диэн ойуун олорбут. Онно тиийэн: «Бу орто дойдуга олох-олорон, оҕо төрөтөн сатаан киһи буолан сылдьарбыттан аастым», — диэн атын көнтөһүн булгу көрдөөн ылан, бу үрэх халдьаайытыгар тахсан аарыма суон тиит күн диэки мутугар моҥнон өлөн хаалбыт. Ол моҥноору туран үс төгүл суордуу хаһыытаабыт үһү. Маны истэн, өллөҕө диэн бу ойуун куттанан Тайҕаҕа[4] күрээбитэ үһү.

Хотуннарын сүтэрэн кэбиһэн хас да күн бүтүн Алтан бүтүннүү көрдөөбүт. Бу Тураахтаах үрэҕинэн икки төгүл сылдьыбыттар да иккиэннэригэр булбатахтар, онтон үһүс сырыыларыгар хотун бэйэтэ суордуу хаһыытаан буллар быта үһү. Манна өлөрдүү ыйаммакка, көнтөһүн моонньугар эрэ иилэн кээспит, уонна биир да сиринэн ымыйбатах эбитэ үһү. Онно көрдөххө хотуннара саамай кыыс оҕо хаанын киллэрэн өлбүт курдуга үһү. Ордук тупсубут, киэркэйбит сурахтааҕа. Өлөрүгэр отут биир саастаах курдук этэллэрэ.

Хотуну булан баран бэрт судургу ол өлбүт сиригэр көмпүттэр. Уҥуоҕун ампаардаабыттар этэ. Тугу таҥыннаран көмпүттэрэ биллибэт. Бу ампаарыгар өрт уота кэлэн көрөрө үһү да, сиэбэт сурахтааҕа. Кэнники бу уонча сыллааҕыта өрт буолан ол уҥуоҕун сиэбитэ. Ол да буоллар биллэр, томтойо сытар. Бу уҥуоҕун аннынан ыллаан-туойан аастахха холорук түһэр, ол киһи ыалдьар хайыыр сурахтааҕа. Онон Тураахтаах үрэҕинэн барар киһи им-дьим аахар буолара.

Бу дьахтар киһилии дьиэҕэ төрөөбүтэ үс эбит, үһүөн кыыстар. Барыта алтата хат буолбут, онтон үһүгэр хат буолан баран кыһын үстүү хонукка киһи кыайан булбат гына сүтэн хаала сылдьыбыт. Онно бу куһаҕан оҕону төрөөтөҕө дииллэр үһү. Бу үс кыыһа үс улууска эргэ сүктэн баран, иирбэккэ сылдьан, бары моҥнон өлбүттэр.

Бу хотун сүрдээх тэримньилээх, симэхтээх ат сэптээҕэ үһү. Ону тойоно аах сүктэр кыыстаахха, тэримньи гыныахпыт этэ диэн көрдөһөллөр да, тугун эмэ атыылаан испиттэр. Ол сэбинэн тэринэн барбыт кыыс хайдах да киһи буолбата үһү. Үксэ иирэр эбит. Онно ойуун, удаҕан кыырдахтарын аайы: «Дьэ бу Алтан хотуннун сэбин-сэбиргэлин ылбыттар, ол иэстэбилэ эбит», — диэн төнүттэрэллэр үһү. Төнүннэрдэххэ оччотооҕу итэҕэйэр эрдэххэ кырдьык үтүөрдэллэр эбит.

Алтан хотуна бэйэтэ буоллаҕына өлөн баран илэ абааһы буолан барбыт. Кини кэлэрин сүрдээх чуораан аарык тыаһынан истэл-

лэрэ үһү. Онтон кыһын буоллаҕына тиҥинэс-таҥынас тыас ортотугар чуораан тыаһыыра үһү. Уонна куруутун ырыалаах буолара үһү.

Бу аҕыйтах сыллаахха дылы Алтан нэһилиэгэр, кини курдук Алааппыйа диэн ааттаах кийиит сүктэн кэллэҕинэ, аатын уларытан Акааса, Аалтыс диэн аралдьытан ааттыыллара. Билигин да кырдьаҕас өттүлэрэ Алтан айыытын Алааппыйа диэбэттэрэ буолуо, хотун да диэбэттэр, айыы диэн ааттыыллар.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона Тараҕай, нэһилиэк М.Н. Яковлев-Куруппа, уруккута ойуун тылыттан. Х.И. Константинов суруйбута, кулун тутар 1 күнэ 1941 с., Якутскай [ИПРЯ, ч. 2, с. 281—285].

126. Болугур айыыта

I

Болугур нэһилиэгин олохтоох баайа Омуоруйа Нээстэр[1] диэн үс ойохтоох, тоҕус уоллаах, биир кыыстаах, сүдү баай олоотто үһү. Кини олоҕо — Сутуруолаах диэн алаас. Кини ойоҕо — Чакыр нэһилиэгэ Уоҕалаах Логлойо кинээс кыыһа. Ол хотунтан биир кыыс төрүөн бэккэ маанытык көмүскэ-алтанҥа, бэдэргэ, буобураҕа сууланан[2] үөскээбит.

Кини үөскүөҕүттэн, кэпсииллэрин курдук, араас дьиибэни барытын оҥорбут. Болугур алаастарын кэрийэ сылдьан, оҕолору мунньан, ас тардан, сир-симэҕинэн симэнэн оонньуур, ыллыыртуойар.

Кэнники улаатан киһи быһыытын туппутун кэннэ Омуоруйа баай кыыһын чугастааҕы Аччаҕар-Хатылы нэһилиэгин кинээһэ Баҕырыннһа Баай уола Куһаҕаллай Киргиэлэй диэҥҥэ ойох биэрэн, элбэх киһилээх аттаах-көтөллөөх, сүөһүлээх, энньэ дойдулаах сүктэн барбыт. Ол кэмҥэ кини бэрт аҕыйах саастаах кыыс эбитэ үһү.

Ол баран, эрин сөбүлээминэ иирээн буолан, киһи хараҕар сөбө көстүмүнэ эрэ сылдьыбыт. Тойоно Баҕырыннһа көрөөрү гыннаҕына, туой симэхтээх эрэ этэрбэһэ көстөн хаалар, эбэтэр турбутунан эдэр хаххыйах буолан хаалар. Онон өрүү көстүбэт. Эрэ Куһаҕаллай таптаары гыннаҕына, туой араас кыыл, үҥүү-батас буолан кубулунан, айыыга киирбэккэ кыыһынан, сылдьыбыт. Куруутун манабылга сылдьар үһү.

Урут иккитэ быаланан турарын быатын сүөрэн тохтотоллор. Кэнники эмиэ үсүһүн ыйанан турарын ыалдьыт оҕонньор көрөн тыллаан, тойоно Баҕырыннһа тахсан быатын быһан, сонно өлөн сууллан хаалар. Саха итэҕэлигэр ыйанан турар быатын быһыы тыыны быһар кэриэтэ буолар. Онон өлөн аймааһын буолар.

Кыыс уҥуоҕун дойдутугар, төрөөбүт алааһыгар Дьаҕарыма диэн алаас арҕаа тумулугар, илдьэн көмөллөр. Былыргылыы таҥаһын, симэҕин, оонньуурун, көмүс эмэгэттэрин сонно түктүйэлииллэр. Оччоҕо ат сиэн көмөллөр, кэрэх туруоран, ырыа-тойук бөҕө буолар. Кини тыыннаабар син таҥастаах, симэхтээх (ойуун таҥастаах), Хаста да таайа Кыпчытыын ууһу-ойууну ыалдьыбытын өрүһүйэр. Эригэр баран үс эрэ сыл буолар уонна өлөр.

II

Өлбутун кэннэ чугас эргиннээҕи нэһилиэктэр, улуустар даҕаны туой «Болугур айыыта», «хотуна», «аҕаспыт», «эдьиийбит» диэн ааттаан, ытыктыыллар. Ойуун-удаҕан тойугар илэ киллэрбит курдук кырдьаҕас аатын ааттаан «Сыҥалаабыт Лыгый» диэн туойаллар. Айыы оҥостоллор, алгыыллар, көрдөһөллөр. Ойуун, мэнэрик тылыгар киирэн араас түүлээҕи, солкону, кириэстээх манньыаты, кыһыл саһылы, бэдэр, буобура сыыһын, быаны, көлөөскөнү көрдөтөр. Ытатыы-соҥотуу буолар: «Сорум-мунум, абам-эрэйим», — дэтэллэр. Кини бары быстах үөрдэри дьарыйталаан илдьэр, аҕалар. Аарыктаах, чуораанаах аттаах, буобура бууттаах сонноох, илин-кэлин кээһэрдээх, бөҕөхтөөх, нуоҕайдаах муостаах бэргэһэлээх курдук дьүһүннүүллэр.

Кинини илэ көрсүбүт бэрт элбэх. Биирдэ биир киһинэн: «Уҥуохпун уот сиэбит, эргийдиннэр», — диэн аймахтарыгар Байбалларга илдьиттии сылдьыбыта эмиэ баар. Ону эргийбэтэхтэр[3].

Былыр кырдьаҕас ойууттар кини аатын бу курдук алгыыллара:

Логлойо удьуора,
Кыпчытын ытыга,
Омуоруйа Нээстээр кыыһа,
Уот айах Куудаҥса,
Күтүр Күлүрчэ,
Хатырык Баҕырыыннһа,
Килбиэннээх кийиитэ,
Куһаҕанныыр Киргиэлэй
Хотун ойоҕо,
Сыҥалаабыт — Лыгый,
Суостаах улусхах,
Бардам баҕыстаан,
Көмүс эмэгэт
Хотун эдьийбит...

Чурапчы оройуона Мугудай нэһилиэгэ, 70 саастаах Прокопий Моисеевич Оконешников тылыттан. С.И. Боло суруйбута, олунньу 7 күнэ 1935 с., Дьокуускай [ИПРЯ, ч. 2, с. 278—279].

127. Сучунаа

Арай биирдэ оҕонньордоох эмээхсин көһөн кэлэн, хоммуттар. Кинилэр көһө сылдьар ыаллар эбит. Биир сарсыарда оҕонньор табалана хаһыыга тахсыбыт. Ол тахсан табаларын булбут. Табаларыттан биир буура[1] суох, ол иһин дьэ суолларын хайа сылдьыбыт. Ол сылдьан көрбүтэ, миэтэрэ анҕаарын саҕа уллуҥахтаах суол табатын сиэтэн баран бара турбут. Ону киһи абалана түспүт да, суолун батан испит. Арай көрбүтэ тиит саҕа уһуннаах киһи[2] табатын сиэтэн бара турар эбит.

Онтон киһи кини иннигэр түһэн баран, саанан ытарга соруммут. Ол гынан баран ойоҕос өттүнэн иннигэр түспүт. Ону билэн табаны ортотунан быһа охсубут. Киһи сыгынахха саһан олорон ыппыт. Ол ыппытыгар кылана түһэн баран үөһэ киэҥ халлааҥҥа ыстаммыт. Онтон түһэн баран, олорон эрэн халдьыгырыы-халдьыгырыы хабарҕатын быһаҕынан ыйыммыт. Киһи кэлэр да быһаҕынан хабарҕатын быһа сотон кээһэр. Хаана хас да хаамыылаах сиргэ алгыырбыт. Киһиэхэ эмиэ тиийбит. Киһи: «Хата бэрт быһаҕы булуннум», — диир, да кынчаалын ылар да дьиэтигэр барар. Ол тиийэн ойоҕор эппит: «Сучунааттан табам иһин быһах ыллым», — диэн үөрбүт-көппүт курдук кэпсээбит. Онтон сотору буолан баран үс хонугу мэлдьи иирэн баран, ойохтуун-эрдиин өлөн хаалбыттар.

Өлөөн оройуона Өлөөн нэһилиэгэ, Чкалов аатынан колхоз чилиэнэ, 70 саастаах Христина Николаева тылыттан кини уола А.А. Николаев суруйбута, 1944 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 116].

128. Буоспа

Саханы ордук кыайбыт өлөрбүт ыарыы — буоспа[1] диэн. Саамай кэнники улаханнык кыайбыт буоспаҕа 1873—1874 сыллаахха саха олус хотторо өлбүт. Онно дьиэнэн бүтүннүү, ийэ уһунан, аҕа уһунан өлбүттэр.

Ыаллар бары буоспаттан саһан ыраах тыа быыһыгар балаҕан оҥостуталаабыттар. Ыттарын өлөттөөн кэбиспиттэр, мастарын дьиэҕэ киллэрэн мастаналлар, таһырдьа саҥассыбаттар, оту-маһы түүн тиэйэллэр, оннооҕор маҕырыыр сүөһүнү таһаарбаттар. Ол барыта манныктан буолар: буоспа «хотун» диэн биитэр «эбэ» диэн нууччча дьахтара буолан туран күнүһү быһа иһиллиир. Онно ыт үрэрин, киһи сүөһү саҥатын, сүгэ тыаһын, сыарҕа тыаһын иһиттэҕинэ, ыал баарын билэн тиийэн кэлэр диэн буолар. Ол кутталыттан оннук саһыы буолар эбит.

Ыалдьыбыттаах ыалга дьиэ иһигэр сырдыгы киллэрбэттэр, түннүгү сабыталаан кэбиһэллэр. Ыалдьыбыт киһиэхэ уоту көрдөрбөттөр. Ол кырдьык ыалдьыбыт киһи сырдыгы көрдөҕүнэ уонна кыһылы көрдөҕүнэ бэргиир, өлөр диэн буолар. Остуолга хаатты, хокуукка ууруллар уонна баар буоллаҕына арыгы ууруллар. Ыалдьыбыттаах ыалга киһи олох сылдьыбат, дьиэ таһыгар чугас да кэлбэттэр. Дьиэлээхтэр дьиэлэриттэн ыраах тэйиччи тыаҕа мас анньыталыыллар: саамай уһуннара дьиэ тойоно, онтон кылгаһа хотун, онтон кылгастара оҕолоро. Ол мастартан хайа киһи ыалдьар да, ол киһи сааһыгар түбэһэр маһы иҥнэри анньан кэбиһэллэр, оттон бэргээн өлөөрү гыннаҕа били маһы сытыаран кэбиһэллэр, оттон өллөҕүнэ тосту үктүүллэр. Бу мастары күннэтэ аайы чугас ыаллара, аймахтара кэлэн көрө тураллар, хас киһи хайдах ыалдьалларын, биитэр өлбүттэрин онтон билэллэр. Ыалдьыбатах ыалтан кэлэр киһи ыалдьыбыт ыал киһитин төһөҕө да сирэй көссүбэт. Сирэй көрүстэҕинэ, эбэни сирэй көрсүбүт курдук саныыр.

Киһи өлөрүн кытта, өлбүттээх ыал тыаҕа анньыллан турар маһы үктээн кэбиспиттэрин ыаллара кэлэн көрөн баран, хантан эрэ киибэһи булан аҕалаллар. Киибэс диэн өрүү өлбүтү кэрийэн уҥуоҕун көтөҕөр киһи аата. Киибэс кэлэн, өлбүт киһи сүөһүнү хоолдьугаланар буоллаҕына, ону таһырдьа ыраах илдьэн өлөрөн сиир-аһыыр, өлбүт киһи иинин хаһар. Ол ииҥҥэ өлбүт киһи аймахтара тас мас оҥорон биэрэллэр. Үлэтэ бүтэрин кытта, киибэс өлбүт киһини ис маһа суох дьулурҕа маһыгар кэлгийэн баран соҕотоҕун соһон таһаарар. Дьулурҕа диэн икки уһун ураҕас кэннигэр туора биттэхтэрдээх, онно ууран кэлгийэр киһини, иннигэр буулаҕа ууран биттэҕиттэн киибэс көтөҕөн түөһүнэн үтүрүйэн тардар. Ол таһааран иинигэр дүлүҥ курдук үҥкүрүтэн түһэрэн көмөр. Төһө киһи өлбүтүн барытын киибэс көмөр. Ол оннугар киибэскэ маннһа биэрэллэр кыра сүөһүнэн, биитэр ынаҕынан.

А.С. Порядин суруйбута, Мэҥэ-Хаҥалас оройуона Моорук нэһилиэгэ, бэс ыйа 1937 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 294—295].

129. Өймөкөөҥҥө буоспа сылдьыбатаҕа

Манна саха ыала элбээбитин кэннэ, бу Өймөкөөҥҥө буоспа абааһыта ындыыһыты кытта мэҥэстээн Дьокуускайтан кэлэн испит. Тарыҥ үрэххэ кэлэн тарыҥҥа түһэн атаҕын үлүтэн: «Бу үрэх олус тымныыта, чысхаана бэрт, Чысхаан аатырыан аатырбыт эбит. Аны мин бу дайдыга эргийиэм суоҕа», — диэн төннүбүтэ үһү.

Хата истэр туххары, буоспа[1] өлүү бу дайдыга турбута былыр даҕаны, сэһэҥҥэ даҕаны биллибэт этэ.

Павел Владимирович Винокуров (хос аата Хаскар) диэн, 73 саастаах, Өймөкөөн оройуонун Сордоҥҥоох нэһилиэгин тылыттан. С.И. Боло суруйбута, тохсунньу 23 күнэ 1940 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 296].

130. Хаба кинээһэ

Куораттан чутас[1] үс көстөөх сиргэ Хаба кинээһэ диэн омук кинээһэ олоотто үһү. Ол киһи куоракка киирэн истэҕинэ үс нуучча кыыһа буолан салгын иччитэ көстүбүтэ үһү. Ол биир хара саһыллаах истэҕинэ көрдүөбүттэрэ үһү. Ону: «Нуучча кыргыттарын аайы саһыллары бултаабатаҕым, куоракка киллэрэн иһэбин», — диэбит. «Хара суолланыам диэн хара саһылланнаҕыҥ», — диэбиттэр уонна түөкэйдээн дьиэтигэр сирдэппиттэр. Ураһатыгар чугаһаан баран сүтэн хаалтар.

Онтон ол Хаба кинээс үс хонук иһигэр ончу сабыллыбыта үһү. Ол сирэ Хаба унуохтаах диэн ааттанар.

Биһиги нэһилиэги буоспа таарыйбатаҕа.

Евдокия Федоровна Слепцова (Омукаан диэн), 87 саастаах, уруккута I Байды нэһилиэгэ, билиҥҥитэ Крест-Майорга Абый оройуонугар олохтоох эмээхсин тылыттан. Г.М. Васильев суруйбута, атырдьах ыйын 7 күнэ 1944 с., Крест-Майор [ИПРЯ, ч. 2, с. 301].

131. Абааһы чуккаахтаспыта

Аҕыйах сыллаахха, советскай власть буолуон эрэ иннигэр, Илин-Хаҥалугас улууһугар Айалаах Хаптаҕайыгар Алекасандров Николайдаах диэн ыалга абааһы бэрт өр чуккаахтаспыта эбитэ үһү. Бу ыал дьахтардаах эр киһи чугаахтаахтара, бэйэлэрэ сокуоннай сааһын сиппит ииппит кыыстарыныын үс-түөрт кэргэн. Олохторун илгэтэ орто бааһынай. Бэрт үчүгэйдик үүт түгэнник олороннор дьиэлээх оҕонньор күһүн мунха саҕана отор дьиэтигэр сылдьан ааспыттара. Ити күнтэн ыла туох да куһаҕан буолбатаҕа буолан баран, оһох кэннигэр сытар кыыстара түүнү быһа утуйбакка быһа мөхсөр, күлэр-салар, сыһыгырыыр идэлэммитэ.

Ити иһин кыыс мөҕүллэр уонна таһыллар этэ буолан баран, олох тугу да эппэтэ үһү. Арай чуккаах дьахтар албыннаан ыйытыытыгар: «Бүтүннүү түү курдук эр киһи миигин булла, ону кыт-

та оонньуубун кэпсэтэбин», — диирэ. Итини дьахтар дьонноругар кэпсээн биэрбитэ.

Онтон кыыспыт иирдэҕэ диэн сэрибиэй кэбистэрэн, абааһы имнэммит дэппиттэр. Онтон ыла ойуун кыырдан көрбүттэр — истибэтэх, хата кэнниттэн чуккаах абааһылара тус дьиэлээхтэри дьиибэлиир идэни булбут. Ынахтарын быатын сүөрэн, арыт туох да сүөрбэт гына ыйыллары баайан испит. Хаһан кыыс саах күрдьэр буоллаҕына, кэлэн кыыска көстөрө уонна көмөлөһөрө үһү, быһата киһи курдук санарара, тугу аһыыра, ханна сылдьара биллибэтэ дииллэр.

Аҕабыт киирэн ыллаатаҕына, хотон иһигэр туран аҕабыты үтүктэн ыллыыра уонна: «Киэр буол эйигинтэн эрэ куттаммаппын» диирэ, — дииллэр.

Ити курдук биэс алта сыл быһа сордообута үһү, ол туххары баайдара бараныаҕынан быһа ойуун кыырдара, аҕабыт ыллата сатаабыттар. Хата, кэнникинэн абааһылара кыыһыран астарын араас бөҕүнэн толорор, бэйэлэрин бараҕаттыыр идэлэммитэ. Онтон чуккаахтарын олох тыыппата үһү. Ити сыллар быластарыгар кыыһын кытта түүн айдаарарын, аҕылаһарын-мэҥэлэһэрин, күлсэрин тохтоппотох.

Кыыска кэпсээн: «Мин ыраах сиртэн тулаайах буолан манна кэлбитим, сааспын ситтэхпинэ ойууна, аҕабыта да суох бэйэм оннубун булуом, дойдубар барыам этэ, онно тиийбэккэ хонуулара кыараан миигин абааһы көрөн үөҕэллэр, мөҕөллөр, кырыыллар, ол иһин мин даҕаны кыыһырар хааннаах, тардар тымырдаах буоламмын таар муҥурбар түһэн, истэ сатаан баран соруйан муокастыыбын, аны тыыппат буолахтарына, мин да тыытыһыам суоҕа. Онтон эйиигин илдьэ барыахпын баҕарабын буолан баран сатаан айанныахпыт суоҕа. Онон эн бу манна хаалыаҥ, аны миигин сураабыттарын да иһин сураҕым иһиллиэ суоҕа», — диирэ үһү.

Кыыс олох куттаммат, олох атас оҥостубут, маҕана төрдүнэн тахсара киирэрэ эбитэ үһү дииллэр. Хойут дьиэлээхтэр даҕаны таар муҥурдарыгар киирэн күрэхтэспэт, үөхпэт-мөхпөт буолтар. Дьуккаахтара хас да сыл биргэ олорон бараннар көспүттэр. Дьиҥинэн итини чугас ыалларыттан наһаа кистэтэрэ үһү дьиэлээх Александров. Ол гынан баран кини иннинэ истибиттэр.

Олоро сатаан баран биэс алта сыл буолан баран саас хаардаахха атын сиргэ көспүттэр. Онно кыыска эппит: «Дьэ, быраһаай, аны эн биһиги көрсүөхпут суоҕа, эһиги миигиттэн күрэнэн көһөргүтүн барытын мин билэбин. Ол гынан баран мин барыстарбын син бассыам этэ буолан баран, барарым-кэлэрим бу кэллэ. Манна

да аҕыйах хоно түһээ инибин, эн аҕаҕын иччитэх дьиэттэн батыһан бачча тыыннаах буоллаҕым, эһиги үчүгэйдик олоруҥ», — диэн баран сүтэн хаалбыт. Кырдьык эппитин курдук, онтон суох буолбута үһү.

Үс сыл буолан баран ол иипит кыыстара ыалдьан өлбүт, Александров кэргэнэ, оҕото өлөн, онтон ыла эстэргэ барбыт. Билигин ити абааһы чуккаахтаспыт дьиэтин абааһырҕаан ким да олорбот, хойут дөксө уоттаабыттара үһү. Абааһы барабын диэбит хонугуттан ыла хотон хоту муннугунан дьөллөн хаалбыт. Онно араас кус, куобах түүтэ, быһата кутуйах уйатын курдук муспута көстө сытара, онтон баарыгар ол көстүбэтэх уонна онтон тахсыбата эбитэ үһү.

Былыргы кэнэн үйэҕэ итини «дэриэтинньик» диэн ааттыыллара. Ханна да итинниктэр бааллара барыта кистэлэҥ буолара буолан баран, бэрт ыраахха дылы кистээн кэпсэтиллэрэ диилэр. Онтон ити чугаһыгар атын ыалга этиммэт этэ. Итинник буулаатаҕына ойуун, аҕабыт кыайан абыраабат этэ диэн мин кыра эрдэхпинэ кэпсэтэллэрэ, ону истэрим, ол кырдьыгын сымыйатын тугу билиэхпиний, ол эрээри олох онно суоҕунан этиэхтэрин сатаммат.

Мэҥэ-Хаҥалас иккис Тылыма нэһилиэгэ, орто үөрэхтээх 34 саастаах учуутал Яковлев Еремей Максимович санаторияҕа 1944 с. от ыйыгар кэпсээбитэ, кыра эрдэҕинэ оҕонньоттортон истэр үһү. М.Г. Наумовскай суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 31—31 об.

132. Дьуккаахтаһыы

Бөрөгүмүөт (переворот)[1] иннигэр аҕай Ыйылас Наахаратыгар Чороопполор диэн ааттаах ыалга көстүбэт дьуккаахтаспыт. Кини кыыс эбитэ үһү, бастаан кыра эбитэ үһү. Оруобуна кини үөлээннээҕэ кыыс оҕо, ол Чороопполорго баара үһү. Ол көстүбэт кыыс күн дьонугар олох көстүбэтэ үһү, арай ол кыыска эрэ көстөрө үһү. Күнү быһа иккиэн тэбис тэҥҥэ оонньуу бөҕөнү оонньууллар, көр бөҕөнү көрүлүүллэр. Ол кыыс этиитинэн били көстүбэт кыыс күн кугас баттахтаах, муус маҕан эттээх кылыс курдук көнө уҥуохтаах син биир кыыс оҕо курдук үһү. Маҥнайгы бириэмэҕэ бу көстүбэт кыыс тугу да дьиибэлээбэтэ, куһаҕаны оҥорбото үһү. Ону ол улахан диэн, Чороопполор бу абааһы (дэриэтинньик) сөрүөһүннэҕэ диэннэр ойуун бөҕөнү кыырдарбыттар, аҕабыт бөҕөнү ыллаппыттар гынан баран хайалара да тугу да оҥорботохтор. Биирдэ биир аҕабыт кэлэн хотон иһигэр мэлиимэн аахпыт, ол аҕа ту-

ран көрдөҕүнэ көстүбэт кыыс бу кэлэн турар үһү. Ону баран аҕабыыт хаһыытаабытынан баттаҕар түһүөх буолбута, били дьиэлээх кыыһы баттаҕыттан сохон сарылата сылдьар эбит. Дьэ ити курдук туох да кыайбатах. Ол оннугар хата буукса эбии сытайан кыыһырар буолбут. Аны туран ас үрдүтүн алдьатар, ынах быатын баайар, сороҕор кыыһырдаҕына ол-бу мөкүнэн тамнааттыыр идэлэммит. Ити да буоллар били оонньуур кыыһын кытары оонньуу сылдьыбыт. Онно этэр эбит: «Миигин тоҕо абааһы көрөллөрүй сатаан санаабаппын, мин кинилэргэ туох да куһаҕаны оҥорбоппун, сиэ биир билигин барыам суоҕа, сылым ситтэҕинэ барыам, хата ол оннугар кыыһырдар буоллахтарына мин да аахсар, моһуоктаһар буолуом», — диэбит.

Прокопий Иосифович Романов, 59 саастаах, Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, Чыамайыкы нэһилиэгин олохтооҕун тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, бэс ыйын 27 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 29—29 об.

133. Сүллүүкүҥҥэ[1] киирии

Бэрт былыр, кыһын сүллүкүн тахсыытын саҕана, күн дьааһыйан эрдэҕинэ, биир кырдьа барбыт баабыскаһыт идэлээх эмээхсин хотон кэннигэр тахсан киирэ олорбут. Арай ол олордоҕуна арҕаа диэкиттэн биир уу долгунун курдук күөх толбонноох дьүһүннээх аттаах, балык хатырыгын курдук дьүһүннээх сонноох, кыра соҕус уҥуохтаах эдэр киһи айаннатан кэлэн иһэн, эмээхсини сыарҕаҕа быраҕан баран мэлис гынан хаалбыт.

Эмээхсин арай биирдэ өйдөөн көрбүтэ — бадык-будук дойдуга киирбит эбит. Дьиэ таһыгар тохтотон баран, тиэйэн киллэрбит тойоно: «Мин эйигин үчүгэй баабыскаһыт диэбиттэрин иһин кыһалҕалаах буоламмын киллэрдим, ойоҕум олус күчүмэҕэйдик олорооччу, наадабын бүтэттэрэн баран таһааран биэриэм», — диэбит. Эмээхсин дьиэ иһигэр көтөн түспүтэ, ханҕас диэкки биир дьахтар талыыта киирэн өрө мөксө сытар эбит.

Уруккаттан идэ оҥостунан хаалбыт эмээхсин, дьахтар ыксаабытын көрөн, бэйэтин идэтинэн хап сабар дьахтары баабыскалаан киирэн барбыт. Дьахтар бэрт үчүгэйдик быыһаммыт, хонугун хоһуор диэри эмээхсин кинилэргэ олорбут. Дьэ ас-үөл, уйгу-быйаҥ бөҕө үһү. Онно көрдөҕүнэ син ынах, сылгы сүөһүлээхтэр, көтөр кынаттаахтар, сүүрэр атахтаахтар үһү. Олор дьүһүннэрэ уу долгуннун курдук кылабачыгас күөх дьүһүннээхтэр үһү.

Алта хонон баран эр киһи суоҕуна дьахтар сүбэлээбит: «Дьэ, эн барарын кэллэ, хамнаскар мин эрим бэрт элбэх харчыны биэриэҕэ, ону ылаайаҕын, ол оннугар муохта, бөхтө-сыыста көрдөө, ол үп-ас бөҕө буолуо», — диэбит. Сассыҥҥытыгар дьиэлээх тойон эмээхсиҥҥэ эппит: «Дьэ, эмээхсиэн, эйигин бүгүн төрөөбүт дойдугар таһаарабын, биһиги уу иччитэ сүллүүкүттэр диэн буолабыт. Күн-хаан тирээн эйигин аҕалан туһанныбыт, ол быһыытынан бу көлөһүҥҥэр, эрэйгэр», — диэн көтөх муҥунан кумааҕы харчыны биэрбит уонна биир балык хатырыгын курдук сону биэрбит. Ону туран эмээхсин харчытын ылбатах: «Мин бөх-сыыс киһитэбин, бөхтө-сыыста аҕал», — диэбит. Уонна эппит: «Бу тахсаргын кытта барыта харчы буолуо, ону сэттэ хонук иһигэр туттан бүтэрдэххинэ сатанар. Онно кыайбатаххына сол да бөх-сыыс буолуоҕа», — диэбит.

Эмээхсин таһырдьа тахсан сыарҕаҕа олорон эрэрэ баара үһү, да биирдэ өйдөөн көрбүтэ били тахсан киирэ олорор сиригэр баар буолбут. Эмээхсин ырбаахытын тэллэҕин муҥунан харчыны көтөҕөн дьиэҕэ киирбит. Били тойон сүбэлээбитин курдук сэттэ хонук устата тутта сатаабыттар да, сорҕотун кыайбатахтар, онтукалара муох буолан хаалбыт. Ол да буоллар, бэрт элбэҕи туһаммыттар. Дьэ ити курдук сүллүүкүн баайын баайданан күннээн олорбуттар.

Хас да сыл буолан баран чугастааҕы ыалларыгар уруу буолбут. Эмээхсин онно барбыт. Ол баран дьону кэрийэ көрбүтэ арай кини тойоно бу сылдьар эбит. Мустубут дьон ол киһини олох аахайбаттар, киһи баара да курдук санамматтар эбит. Эмээхсин кинини тобулу көрө сылдьыбыт дьон быыһынан таһырдьа тахсыбытын көрөн, эмээхсин батыһан тахсыбыт. Ол тахсан: «Эн миигин билэҕин дуо, мин эйигин билэбин», — диэбит. Били киһи сүрдээҕин соһуйбут: «Эн хайа хараххынан миигин көрдүҥ», — диэбит. Анараа киһи сөмүйэтин силимэтээн баран хаттаһатын саба баттаабыт да эмээхсин хаҥас хараҕа суох буолан хаалбыт. Онтон ылата кинини олох көрбөтөх.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, бастакы Наахара нэһилиэгэ, 63 саастаах, уруккута ойуун Гавриил Иванович Ильин тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, сэтинньи ый 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 14—14 об.

134. Сүллүүкүттэр

Сүллүүкүн тахсыбытын кэннэ киэһэ уу баһыллара сатаммат. Народ кэпсээнинэн буоллаҕына былыр ханна эрэ, ким эрэ диэн ааттаах киһи сүллүүкүн оҕотун кытта биргэ уутун баһан таһаар-

быт. Дьиэлээхтэртэн ким даҕаны билбэтэх. Түүн утуйбуттарын кэннэ таһырдьа тоҥмут этэрбэстээх дьахтар ытыыр үһү. Өр истэ сатаан баран көрбүттэрэ хааһа суох хатыр маҥан дьахтар кэлэн: «Оҕобун аҕалыҥ», — дии-дии ытаан өй мэйдээҕи тулуппатах. Онтон туран били киэһэ баспыт ыаҕастаах ууларын көрбүттэрэ туох эрэ кытара сылдьарын көрөн баран уулары таһааран тэлгэһэҕэ тоҕо ыһан кэбиспиттэр онтон ыла дьахтар ытаабат буолбут. Онон ити курдук кэпсээн ыраатан бары сири саба сүүрбүт. Ити кэпсээнтэн сиэрдээн киэһэ хараҥаҕа күөлгэ киирэн, ойбонтон уу баһаан таһаарыы сатала суох буоларын быһыытынан олох баспат буолтара үһү дииллэр.

Сүллүүкүттэр бараммат баайдаах, бүппэт үптээх аллараа, ууга олохтоох, хааһа суох, хатыр маҕан дьоннор, кинилэр наһаа дьылҕаһыттар, өлөрү-сүтэри, байары-тайары барытын ыйан кэпсээн биэрэр дьоннор диэн саха өйдүүр.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуонун иккис Наахара нэһилиэгэ, М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, ахсынньы 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 7 об.

135. Сүллүүкүнтэн дьылҕаны быһааттарыы

Сүллүүкүн саҕана дьылҕаны быһааттарарга ким да билбэтинэн олбуор ааныгар, сэргэ тулатыгар хаары бурдук сиидэтигэр кутан сиидэлииллэр. Ону сарсыарда эрдэ туран көрдөхтөрүнэ туох эмэ суола баар буолуохтаах үһү. Холобур, оҕолоох буолуох буоллаҕына оҕо суола, сылгылаах буолуох буоллаҕына сылгы суола, ынахтаах буолуох буоллаҕына ынах суола, өлүөх киһи буоллаҕына төбөтө суох киһи көхсүн суола уо. д. а. баар буолалларыттан сыаналаан тойонноон таһаарыахтаахтар. Ити аата дьылҕаҕын быһааттардаҕын диэн буолар.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуонун иккис Наахара нэһилиэгэ, М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, ахсынньы 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 8 об.

136. Сүллүүкүнү иһиллээһин

Сүллүүкүүттэр бары даҕаны ааҕа алыс дьылҕаһыт уонна бөлүһүөх дьоннор диэн саха өйдүүр. Онон итинник кэпсииллэрин истиэхтэрин баҕараллар. Ол иһин сэргэ төрдүгэр, эргэ иччилээх ааттаах балаҕаҥҥа, айан суолугар, киһи оҥуоҕар, иччилээх тумулларга, олбуор ааныгар, ойбоҥҥо хас да киһи буолан суоҕан

ылан ити сирдэртэн биирдэстэригэр иһиллии барыахтаахтар. Онно маҥнай кэлэн улаханнык охсуохтаах, биитэр ойоҕоско анньыахтаах, ону тулуйдахха эрэ киһи истэр, ону тулуйбатаххына өлүөхтээххин диэн өйдүүллэр. Итинник иһиллээһини ханнык баҕарар дьоннор ыталлар уонна онно тугу эмэ эттилэр диэн кэпсээн оҥостоллор. Оҕолор өртүлэригэр дьиибэлээһин үгүс буолаллар, онон ону итэҕэйэн да кэпсээччи аҕыйаҕа суох буолара чахчы суол. Дьиҥнээх аһаҕас эттээх ичээн, көрбүөччү дьоннор сэттэ хонукка сууммакка, сэттэ хонукка киһини кытта кэпсэппэккэ, ити устатыгар таҥара диэҥҥэ үҥпэккэ, айыыны буруйу оҥорбокко, дьахтарга наадаларын толуммакка сылдьан баран соҕотоҕун саамай аарыктаах айан суолутар ким да билбэтинэн кэннинэн хааман тахсан, кэннинэн айаннаан тиийэн олоруохтаах. Ити иһиллиир киһи туох да ымыыта суох, быһаҕа, хатата, үөт-тирэҕэ суох буолуох тустаах. Ымыылаах киһи тугу даҕаны истиэ суохтаах, ол иһин ымыыны ылары наадата суоҕунан ааҕаллар. Тугу эмэни истибитин барытын сүллүүкүн ааспытын кэннэ кэпсиэхтээх. Итинник иһиллээччи дьоннор бэрт эрдэттэн оҥостунуулаах бэлэмнээх буолуох тустаахтар. Итинник көрбүөччү ичээн дьоннор дьиэлэригэр даҕаны сытан туох ханнык буоларын барытын билэ-көрө олоруохтаахтар. Сорох итинник дьоннору аһаҕас эттээхтэр[1] диэн ааттыыллар.

Билигин маннык идэнэн иһиллээһин барбат, уопсай элбэх буолан иһиллээһин билигин да баар буолан баран туһалааҕы истибиттэрэ биллибэт.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуонун иккис Наахара нэһилиэгэ, М.Г. Наумовскай тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, ахсынньы 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 8—8 об.

АЛЛАРААННҔЫ ДОЙДУ АБААҺЫЛАРЫН ТУҺУНАН

137. Аллараанҥы абааһы биирин ууһа

Былыргы ойууттар билэллэринэн, былыргы дьоннор да саныыллыларынан бу дойду аллараа өттүгэр эмиэ дойду баарын саныыллара үһү. Арай ол дойдуга сүүрбэ ордуга сэттэ биис ууһа абааһылар, олороллорун саныыллара үһү. Олор эмиэ тус туспа биис ууһун аайы биирдии тойонноох-хотуннаах, уоллаах-кыыстаах, буоланнар тус туспа ааттаах дойдуга олороллоро үһү. Олортон бастыҥ

улаханнара бэт ыраах олороччулара Луо Хаан тойон, Луоҕа Хаан хотун, Буор төсүүлэй уол, Хаан маҥалай кыыс диэн эбиттэрэ үһү. Аҕыс ордуга аҕыс алдьархайдаах аартык арыллан тахсыбыт дойдута, тоҕус уон ордуга тоҕус сордоох өлүү суола чөмөрүйэн түспүт, үс бүүрүктээх дьөлөккөй үөдэн түгэҕэ дойдулаах дьон диэн былыргы ойууттар туойаллара үһү.

Оол бэтэрээ өттүгэр өлбүт төрдө, тойон киһи тостон түһэр дойдута, хотун дьахтар хоҥностон киирэр кирбиитэ, күн төрүөн көппүт көмүс хайата, ый төрүөн көппүт ытык хайата, күн ый уота көмүс алтан аалыытын курдук унньулуйа ууллан тохтор дойдутугар олохтоох Көмнөхтөөх Күө хаан тойон, киһи хоолдьуга куланын хомуйааччы Дьулурҕа хара уол, Хотун дьахтар өлүнньүк амнах таҥаһын сахсыйааччы, тыын иһиллиир Тысы тыгылай кыыс диэннэр былыргы ойууттар үтүө тойон киһи ыарыттаҕына, хотун дьахтар ыарыттаҕына тойук туойан кыыраллара үһү.

Сайыҥҥы күн киириитинэн үс төгүл үс олоххо[1] улуу ойуун бытырыысынан сабаабытын курдук, күрдьэҕэс тараах атыыр оҕуһу таһааараллар үһү. Оол кэннэ эмиэ өлбүт төрдө диэн кыыраллара үһү, былыргы ойууттар илин диэкинэн анал дьиэҕэ биллирик муннугунан үс тоҕус үс олоххо аллараа дойдуга. Онно бардахтарына илдьэллэрэ үһү үс түөрт хаардаах хара маҥаас оҕус сүөһүнү, оол кэннэ субугурдук туойаллара үһү:

Үөскээбит эрэ
Үөлэҥэ түһэр дойдута,
Тойон киһи долгуннаах
Хатын дьахтар халҕаһалаах,
Уолан киһи урусхаллаах
Кыыс дьахтар кыдьымахтаах.
Үлүскэннээх өлүү уута
Өрө үллэ турар дойдута,
Өлбут саара үс хаппахтаах түүнуктээх үөдэн түгэҕэ
Таҥнары чөмөрүйэн түспүт дойдута.
Аҕыс хаппахтаах Хараҥа хаайыы
Муҥутуур муҥ, таар хотун дойдулаах
Бараа хаан тойон,
Бараахы Хаан хотун
Үөскүүрү үөтэлэппэт
Кэнчээрилэри кэҕиннэрэр
Аҕыс атахтаах наай хара сыарҕалаах,
Сүүһүн хаба ортотугар

Соҕотох моҕулдьуор муостаах,
Өлүү дуолан хара атыыр оҕуса көлөлөөх,
Барыйа хара уол,
Өсөх убахтааччы,
Хаан хабааччы,
Хара Бараахы кыыс...

Онон былыргы дьон, былыргы ойууттар саныылларынан өлбүт киһи кута-сүрэ ол дойдуга киирэр, өлө ыарыппыт киһи кутун-сүрүн онтон көтөҕөн таһааралларa үһү ойууттар.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 2—4.

138. Төрүүр дьахтар өлүүтүн төрдө

Дьахтар төрүүрүгэр ыарыттаҕына ойуутугар кыыраллара үһү. Ханна тосоҕотун[1] сааттарар да, оол төрдүнэн хотулуу арҕаа диэки аллараа дойдуга. Онно илдьэрэ үһү сүүһүгэр күн тыкпытын курдук туора туоһахталаах, тараах туйахтаах, дьэҥкир муостаах, күөх чуоҕур, үс-түөрт хаардаах атыыр оҕуһу. Онно субугурдук диэн туойаллара:

Иэйэхсит уйата[2] иҥнэстэн түһэр дойдута
Айыыһыт уйата самнан киирэр аартыга,
Аҕам дьахтар кута-сүрэ
Аймаһыйан түһэр аартыга,
Эдэр дьахтар кута-сүрэ
Эймэнэн киирэр сирэ,
Сэттэ силбиктээх дибдийэ хаан аартык
Таҥнары айдааран түспүт дойдута,
Кудумньулаах уоҕан дьөлөрү түгэҕэ дойдулаах
Уокаан аанаан Арсан дуолай, буор маҥалай тойон,
Муҥнаах буор бохсуула хотун,
Аҕам дьахтар хаанынан аһылыктанар
Оҕо дьахтар субайынан суунаҕалыыр Хаан дапсылы уол.
Аҕам дьахтар
Хабычаҕын хаана аһылыктаах,
Эдэр дьахтар
Эмийин кэрэтэ эмсэхтээх
Тымыр баттыыр
Тыын иһиллиир
Тыһы Кырдай кыыс — диэннэр туойан туран кыыраллара.

Онон былыргы дьоннор, ойууттар ол саныылларынан төрүүбүн диэн өлөр дьахтар кута-сүрэ оол дойдуга киирэрин курдук өйдүүллэрэ үһү.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 4—5.

139. Оҕо өлүүтүн төрдө

Оҕотугар өлүүлээх киһи былыр ойууну кыырдардаҕына ойуун барара, уот иннинэн тус хоту аллараа дойдуга. Онно субугурдук диэн туойан киирэрэ үһү:

Хара тоҕой ыала,
Бухар дьолуо улууһа,
Бургуйа харса дьоно
Төрүүр оҕо төлкөтүн
Түҥнэри тардар буолбуккут үһү.
Кэлэр ыччат кэскилин
Иҥнэри ытыйар буолбуккут үһү.
Хара тоҕой ыала буолбут
Хааннаах айах
Хаан Бадалай тойон,
Хаан Баҕылҕах хотун
Харгыйа хара уол,
Хаан хадьыалама кыыс.

Оол ыалга тоҕус олох кынан тиийэрэ. Бухаар дьолуо улууһа буолбут Бургуйа харса тойон, Бургуйа харса хотун, Буос буҕайдаан уол, Буос бэсирик кыыс, оол ыалга икки тоҕус олох кынан тиийэрэ. Оол анараа өттүнээҕи нууччча киһи чугуун күөһүн айаҕын курдук чөлөркөй аартыктаах, үлүгэрдээх өлүү өһүн бадылҕаҕа дойдулаах Дуолан Харса тойон, Дуолаты Харса Хотун, Бэсирик атаах уол, Бэсирик атаах кыыс. Кинилэргэ үс тоҕус олоххо кыыраллара. Өлүүтүн суолун үлүгэнинэн бүөлүүллэрэ үһү (нэттэги).

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 217.

140. Харса

Харса диэн абааһы орто дойдуга үөскүүр оҕо уйатын[1] алдьатан сии олорор дьон. Аллараа Харса[2] — анараа Харса /.../[3] Кудулу Харса диэн ортоку — Үөһэн Харса, бэтэрээҥҥи Ылгын Харса

аартыгын ойун нэтээгинэн бүөлээн кыырар, онтон Харса уола /...кыыһа/ куттанар, сааһын туххары кэлбэт, онон оҕо үөскээн тыыннаах буолан хаалар. Харса уола уолу сиир, Харса кыыһа кыыһы сиир. Харса — кутуйах курдук ороҕун устун сылдьар дьон.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 217.

141. Отоһут төрдө

Отоһуттар ыарыйдахтарына ойууттар кыыраллара. Оттоку түннүк туһунан аллараа икки тоҕус олоххо, сүүһүгэр күн тыкпытын курдук туора туоһахталаах тиинҥ, өрөҕөтүн курдук үрүҥ өрөҕөлөөх, луоҕалаах кутуруктаах, түөрт хатыҥ, тоһоҕо курдук үрүҥ атахтардаах, ньэҥкир туйахтаах муостаах күрүҥ кугас үс-түөрт хаардаах оҕус сүөһүннэн. Онно бардахтарына субугурдук диэн туойан киирэллэрэ үһү:

Тоҕус баас өлүү ириҥэтэ хаана
Таҥнары саккырыы тохто турар,
Кунан оҕус куолайын
Таҥнары туппут курдук
Хаан дьолуо аартык
Таҥнары аймаһыйан түспүт дойдута,
Хардаҥ эһэ тириитин
Хардарыта тамнаабыт курдук
Хаан бадалай дайдылаах
Адаҕалаах Ала буурай тойон;
Адаҕалаах Адылгы Буурай Хотун
Хаан аҥаатыкы уол
Хаан хадьыалана кыыс
Тоҕус тордуйа хаанынан уҥунуохтааҥҥыт
Хандалы тыы саҕа
Хааннаах хара биһиги
Таҥнары бигиэн иппит уолгутун
Тоҕо төттөрү ылаары кынныгыт.
Илин өртүбэр үрбэлээх
Кэлин өртүбэр сэтиилээх
Тиийэн кэллим.
Тыын оннугар тыыннааҕы
Күн оннутар күннээҕи аҕаллым — диирэ үһү.

В.М. Ионов суруйбута. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 7—8.

142. Абааһыга киирии

Былыыр былыр, ханна эрэ үрэх баһыгар, үрүйэлээх-үрэхтээх үрдүк хайа үрдүгэр биир эвенки булчут туут хайыһарын миинэн чокуурунай бинитэпкэтин сүгэн тиинҥнии тахсыбыта. Бу кыһын будулҕан тымныы кэмэ этэ.

Бэргэн ытааччы сарсыарда хараҥаттан киэһэ им сүтүөр дылы булталан-алтаан, бүтүн сүгэһэр муҥунан сүгэ сырыттаҕына арай үрдүк өкөр тииккэ кугас тиинҥ өрө таҥнары куһуура сылдьыбытын ытан өлөрөн түһэрэр.

Булдун ылбакка эрэ ханна тиийэн кэлбититтэн, ханан дьиэлиирин мунаара-мунаахсыйа сылдьан баран, ылыах буолбута. Эмпэрэ сыырга сытар буолан үктээбит хаара сыҕайан куотан испит, тайаҕынан хаһырса сатаабыт. Ити курдук эккирэтэн иһэн биирдэ ханна да барбыта биллибэтэх, саалыын саадахтыын тус-туспа баран, туох да тутуул кыайан биэрбэккэ, кулгааҕа куугунаан аллараа диэкки курулаан бадыа-бүдүө барбатах балык миинин курдук халлааннаах, кэдэрги киинээх, көстүбэт күннээх чиэски дойдуга тиийэн тиэрэ нарайбытынан кэлэн торбос үтүлүк курдук тос гына түһэр.

Өр дуу, өтөр дуу буолта биллибэт, куттаммыта дөйбүтэ ааһан, өйдөөн-дьүүллээн көрбүтэ үрүҥ түүнүк ыспыт үллэҥнэс үөннээх, өрбөх кэбиһиилээх отко сытарын билинэр.

Ханна да барарын кыайан тобулбакка хараара мунан сыттаҕына, аҥаар харахтаах, аҥаар илиилээх, аҥаар атахтаах сырайын хабыллар хаба ортотугар үөлэс саҕа айахтаах, соҕоох курдук хаамтаҕына салыбырдыы сылдьар муруҥнаах, икки чабырҕайыттан лөглүү ойон тахсыбыт харыс кэриҥэ уһун муостаах, бары этэ бар түү киһи кутуруга суох куҕас эбириэн кунаннаах, долокуна хатыытын курдук түүлээх, чэс алтан харахтаах аҕыс ойоҕоһо ардьаҥнаан көстөр, алтахтаан хаамар атыыр оҕуһун булгутан баран, от тиэйэн барар.

Сүүһүн хабыллар хаба ортотунан куйуур ойбонун саҕа иринэлээх эт бэргэ хараҕынан эрилис-бурулус көрүтэлиир, киһи баарын барыллаан билбэт мадьайа-мадьайа батары тордуохтуур, оччойо-оччойо ууран тиэйэр. Ити аайы булчуту сиирэ-халты тардыталыыр, кыл тыынынан куотан биэрэн иһэр. Отун оруобуна аҥаарын тиэйэр, бүппүт киһи быһыытынан тоҕус киһи тоноҕоһун оҥуоҕа, сэттэ киһи сиһин сүлгүөҕэ кэннин диэки хайыһан көрбөккө эрэ иһин-иһигэр киҥкир-киҥкир ырыалаах оҕуһун миимитинэн барар-барбат икки ардынан айанныыр.

Булчут бу абааһы дойдутугар киирбиппин диэн билэн, сулана сордоно сатыыр: кимнээх буолан кимэ быыһыай, ханныктаах буолан ханныга харыстыай, саатар саата саадаҕа, хайыһара, бултаабыт бултара барыта ханна хаалбыта биллибэт, хайыһан эргиллэн көрө сатыыр, дьоло диэн өттүгэр бааммыт отойоро [быһаҕа] баарын билэн мунӈура суох үөрэр. Син биир диир, аны кэлэн айыым сиригэр эргиллибэт аны абааһы буолар киһи буоллаҕым дии саныыр да абааһы уолун эккирэтэн тиийэн сыарҕатыгар кэннитигэр хатаастар. Сотору миигин сии охсоллоро буоллар үчүгэй буолуо этэ, — диэн иһигэр биир мүччүрүйбэт санааны саныыр.

Киһитэ кэӈсик буруонан өтүөхтүү сытар иӈнэри балаҕаӈӈа киирэн таӈаһын-сабын ыйыыр, оҕуһа ото булгутуллубакка тэлгэһэҕэ тардыллар. Күрүө хаһаа чугаһынан көстүбэт. Суккуруур тыыннара, харахтарын уута эрэ хаалбыт иэҕэӈнии сылдьар тоҕус толбон сүөһү, кутаар өлүү былдьаабыт тоҕус толунньаҕынан үктэммит толугурдаах торбостоохтор.

Өрбөх курдук өрүнньүгү аһан киирбитин дьиэлээхтэр баардыы гымматахтар. Дьиэ иччилэрэ барыта соҕотох сойуо харахтаахтар. Онолуйа сытар оҕонньор, энэлийэ сылдьар эмээхсин, уӈа хаӈас илбирдээбит хамначчыттар барыта тоҕуска тиийэ туоппалыһаллар. Арай булчут хараҕар хатанар харанӈа хаппахчы хаайыылаах, түүнүктээх түрүмэ чуулааннаах кырасыабай диэн кыыстаахтар.

Хас да хонор, ити былааныгар кини баарын билбэттэр, астара диэни буһарбат дьаллыктаах сиикэйдии симэһиннэри ыйыстар дьон эбит, өлөр кыһалҕаттан булчут аһаһар, ону да билбэттэр.

Киһи идэ булан түүн эрэ буоллар кырасыабай кыыстарыгар кыһанар, эппэккэ эрэ эмэрийиэх буолбута иэдээн-куудаан, ыһыыхаһыы, ынчык-бөтүөх буолар, ойун аҕалан кыырдаллар, олох туһалаабат, онтон улуу удаҕаны аҕалаллар, уоһугар киирбэт. Үһүс төгүлүн аар саарга ааттамматах аҕыс уонуттан тахсыбыт араӈас баттахтаах аҕа баһылык ойууннара тоҕус түүннээх күн тохтоло суох кыырар, киһи ыксыыр, билэн сиэри гыннахтара диэн хотонунан дьиэнэн куота сатыыр, барытыгар хара барык ойууна баар буолар.

Кэтэҕэриин биллэриктэн булан тутан ылар, тыыппытым диэн ээҕин этитэр уонна үөһээ диэки үрэн кэбиспитэ били хаһан эрэ бултуу сылдьан тиинӈи кыайан ылбакка аллараа дойдуга түспүт сирэ буолан биэрэр. Иккитэ төрөөбүт саҕа саныыр. Ыһыллыбыт малын барытын хомуйан манан дьиэм баара буолуо диэн айаннаан иһэр, ити туххары аччыктаабытын билбэтэҕэ, иһэ сиһин үөһүгэр сыстан сор-муӈ бөҕөнөн дьиэтигэр тиийэн кэлэр.

Ити сүппүтүттэн ылата дьонноро булт диэни бултаабакка быһа көрдүү сылдьыбыттар. Булчут ханна хайдах сылдьыбын туохха ханныкка түбэспитин бука барытын баһыттан атаҕар диэри кэпсээн биэрбитэ үһү.

Онон: «Абааһыларга түбэстэххэ туох эмэ моһуоҕу оҥорор буоларыҥ, оччоҕо кинилэр эһигитини эмиэ мин курдук бэрт түргэнник, этиэх-эҕирийиэх бэтэрээ өртүгэр, таһааран биэриэхтэрэ».

Мэҥэ-Хаҥалас оройуонун иккис Наахара нэһилиэгэ, 67 саастаах Гермоген Давыдович Григорьев тылыттан. М.Г. Наумовскай суруйбута, атырдьах ыйын 14 күнэ 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 30—30 об.

ТӨРҮТ ӨБҮГЭЛЭР УОННА КИҺИ ДЬЫЛҔАТЫН ТУҺУНАН

143. Хаан Дьарылык уонна Эллэй

Былыр Эллэй Боотур аҕатыныын Татаар Тайма оҕонньордуун бас бэринэ сылдьыбыт ыраахтаҕыта Хаан Дьарылык диэн баара эбитэ үһү.

Хаан Дьарылык Сир ийэ Сибэтиэй Маарыйа диэни ойох ылаары гынар. Ол кыыска тиийэр үчүгэй аан дойду үрдүгэр суох эбитэ үһү. Ол кыыс ханна баарын арай Эллэй Боотур билэрэ буолуо дииллэр дьоннор.

Үндүлүүн өрүс баһыгар Үллэр күөл диэн баара үһү. Татаар Тайма уолунуун Эллэй Боотурдуун онно олорор үһү. Хаан Дьарылык Эллэй Боотуру ыҥыртаран ылар. Эллэй аҕатын хаһахха уган илдьэ кэлэр. Хаан Дьарылык Эллэйгэ: «Сир ийэ Сибэиэй Маарыйаны булан кул», — диир.

Эллэй үс сыллааҕы аһылыгын тэринэр, уунан устарга хараап оҥостор, хаһахтаах аҕатын ылар. Хаан Дьарылык сэриитин кытта бииргэ барсар. Устан иһэн, биир халлааҥҥа тиийэр, үрдүк хайа анныгар тиийэн кэлэллэр. Көрбүттэрэ — ууга ким да көрүөхтэ көрбөтөх үчүгэй дьахтарын күлүгэ көстөр. Хаан Дьарылык: «Дьэ мин аналлаах дьахтарым ити баар эбит, түһэн таһаара охсуҥ!» — бирикээстээн сэриитин дьонун утуу-субуу ууга түһэртээн истэ. Дьоннор түһэллэр да күөрэйбэттэр, дьахтары да таһаарбаттар. Эллэй аҕатыттан сүбэ ыйытар, онуоха аҕата этэр: «Ити икки көс үрдүктээх[1] таас хайа үрдүгэр олорор дьахтар күлүгэр дьонун түһэрэн бүтэрэн эрэр. Мин эйиэхэ уһун быа биэрэбин, эн тимир

бадаарда оҥоһун. Хаан эйиигин түс диэҕэ, оччоҕо этээр: "Эн ол үөһээ хайа үрдүгэр олорор дьахтар күлүгэр дьоҥҥун түһэрэн бүтэрдиҥ. Түспэппин", — диэн. Оччоҕо хайаҕа тахсарга бирикээстиэҕэ. Онуоха этээр: "Тахсыытын тахсыам, ол гынан баран, мин эмиэ тэбэр сүрэхтээхпин, онон дьахтары, бука, эйиэхэ түһэриэм суоҕа. Былдьатыаххын баҕарбатаххына сэптэ оҥоһун, бэйэҥ таҕыс", — диэн».

Бу ыккардыгар Хаан Дьарылык сэриитэ бүтэн хаалар. Эллэйи: «Түс!» — диир. Эллэй аҕата сүбэлээбитин курдук этэр уонна тимир бадаар оҥостор. Хаан Дьарылык хайа үрдүгэр бэйэтэ тахсар. Тахсыбыта, кырдьык даҕаны биир үтүөкэлээх дьахтар баттаҕын тараана олорор. Хаан сүүрэн тиийэн дьахтары сабардыыр. Арай тимир кыабакы быата соҕотохто «кылыр» гына түһэр да, соҕотохто барыта сүтэн хаалар.

Татаар Тайма уолуттан ыйытар: «Сүттэ дуо?». «Сүттэ, — диир уола. — Ити хаahaxxa ac үөл баар, аһыахха. Аһаан баран күрүөхпүт».

Хаahaхтаах аһы ылан аһыыллар. Аһыы олорон оҕонньор кэпсиир: «Мантан хоту, тымныы сиргэ таас хайа баар үһү, онно өрүс баар буолуохтаах. Онно чыҥха хоту диэки мас киилин батыһан бардаххына тиийиэҥ».

Эллэй аҕатын хаahaҕар уган кэбиһэр уонна кинини сүкпүтүнэн барар. Ол баран Өлүөнэ өрүс баһын булар. Бу өрүс устун таҥнары устар. Ол иһэн биир элбэх бултаах баай арыыны булар. Онно балаҕан туттан олороллор. Бу олороннор, аҕата уолугар сүгэ олугун өрүс устун ыыталаа диэн сүбэлиир. Татаар Тайма, өлөрө кэлэн, уолугар кэриэс тылын этэр. «Мантан таҥнары устан истэххинэ үс кыыстаах баай оҕонньорго тиийиэҥ. Ол оҕоннньордоох куһаҕан кыыстарын ойох ылаар. Миигин манна көмөн кээс», — диэн.

Эллэй өрүһү таҥнары устар. Онтон биир сиргэ тыаҕа тахсан утуйа сыттаҕына, Оноҕой баай сылгыһыта көрөн оҕонньордоох эмээхсиҥҥэ кэпсиир. Оҕонньордоох эмээхсин иккиэн тахсан Эллэйи дьиэлэригэр киллэрэллэр.

Эллэй Оноҕой баайга сылгыһыт буолар. Кини күүһэ-уоҕа сүрдээх, кыайыылаах хоһуун үлэһит. Кини өр үлэлиир. Биирдэ Эллэй кыыһыран сылгыларын атахтарыттан таҥнары соһон ыла-ыла остоолбо бүтэй иһигэр быраҕалыыр. Оноҕой эмээхсинэ куттанан көрдөһөр уонна: «Үс кыыспыттан талан ыл», — диир. Онуоха Эллэй куһаҕан кыыстарын талан ылар. Икки үчүгэй кыыс абаланан хайдах буолуохтарын булбаттар. Оттон оҕонньордоох эмээхсин кэлэйэннэр, кыыстаах күтүөттэригэр тыһаҕастаах ынаҕы кытта тыйдаах биэни эрэ биэрбиттэр.

Эллэй туспа ыал буолан олорор. Кини сайын дьиэтин таһыгар түптэ бөҕөнү оҥорор, онно Оноҕой сылгыта, сүөһүтэ кэлэн мунньустар. Эллэйдээх ол мунньустар ынахтары ыан иһэллэр. Ойоҕо кыллаах иһиттэри тигэр. Түптэҕэ мунньустар биэлэри ыан сайын киэҥ ыһыах тэрийэллэр. Ыһыах буолар сиригэр чэчир анньаллар, сэргэ туруораллар, ас тэрийэллэр, кымыс бэлэмниилэр. Бу ыһыахтарыгар оҕонньордоох эмээхсини уонна дьоннорун-сэргэлэрин барытын ыҥыраллар. Оноҕой Баай эмээхсинииин улаханнык сөбүлүүллэр уонна оҕонньор этэр: «Куһаҕаҥҥа да дьол баар буолар эбит, куһаҕаны атаҕастаабат буолуҥ», — диэн. Оҕонньордоох эмээхсин үөрүүлэригэр ыһыахха үҥкүүлээбиттэр. Онно былыт тахсан кэлбит уонна ол былыттан үс аҥаар быластаах исэгэй түспүт үһү.

Бүлүү оройуонун Хаҕын нэһилиэгин Данил Лукин диэн киһитин тылыттан. Д.П. Афанасьев суруйбута 1944 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 84—85].

147. Орхон Болодой, Хара Түмэн

Бэрт былыр бу Бүлүүнү саха киһитэ була илигинэ (ураанхай була илигинэ), соҕурууттан саамай бастаан булбут Хара Түмэн диэн эбит. Ол Хара Түмэн сир көрдүү олорон, олохсуйан үөскүүр дойдуну билэ бу Бүлүү өрүһүн (үрэҕин) таҥнары икки буолан кэлбиттэр. Ол кинини кытта бииргэ кэлсибит түүллээх-биттээх, ойуун аҥаардаах Орхон Болодой диэн. Ол кэлэннэр үс Бүлүү төрдүгэр тохтоон хоноллор. Ол хонон туран бараннар Орхон Болодой сэһэргиир: «Бу үрэх диэкиттэн бэрт сылаас итии салгын билиннэ, онон кэнэҕэс бэрт баай-тот, киһи-сүөһү үөскүүр бэрт дьоллоох олохсуйар үрэҕэ буолуо. Бэрт бүтэй дойду эбит, онон бу сир аата Сыа Бүлүү, Бүтэй Бүлүү диэн буоллун», — диэн этэн ааспыт.

Ол этиитинэн бу Бүлүү аата «Бүтэй Бүлүү», «Сыа Бүлүү» диэн ааттанар, билиҥнэ дылы ырыаҕа-хоһоонҥо киирэр.

Үөһээ-Бүлүү оройуона Ороһу нэһилиэгэ, 69 саастаах Василий Степанович Дмитриев тылыттан. С.И. Боло суруйбута, бэс ыйын 17 күнэ 1938 с., Куорамыкы [ИПРЯ, ч. 1, с. 87].

148. Бөрө саҕа соргулаах Бөрө Бөтүҥнэр

Бэрт былыр аймах хаан, хас да ини-бии бырааттаах Бөрө Бөтүҥнэр[1] диэн дьон олоортор. Олортон ааттара биллэр — Маһарах, Тиэтэйбит Боотур кини оҕото Тиин (Киис) Саҕынньах диэн тоҕус саастаах оҕо Үҥэнэй Мэччиик, Бэрт Хара уонна Холлоҕос

диэн, балыстара Тыаһааны удаҕан диэн удаҕаннара дьахтар баалара үһү. Бу дьон былыргы олохторо Соморсуун Арыылаҕа диэн сиргэ эбит. Кинилэри кытта ыаллаһан олорбут бу билигин Бөтүҥ олорор сиригэр Балаҕаннаах диэн алааһынан барыта кини сэттэ уонча киһилээх биир аймах, туспа дьон Наахаралар[2] диэннэр олоортор.

Бөтүҥнэр ол Наахараларга биир кыыстарын былыр үйэҕэ ойох биэрэн, ол кыыстарыттан төрөөн хаалбыт биир Бөдьөкө диэн сиэннэрэ киһи баара үһү. Онон ийэ уруутунан Бөтүҥнэр Наахаралары кытта уруурҕаһаллара үһү.

Оҕурдук олорон наахаралар бөтүҥнэр саамай маанылаан илдьэ сылдьар үчүгэйкээн диэн дьүһүннээх Холлоҕос диэн кыыс дьахтары уонна эмиэ маанылаан илдьэ сылдьар бөҕө мөссүөннээх ситтэҕинэ ситэ силгэлээх бухатыыр киһи буолуох көрүҥнээх Тиин Саҥынньах диэн тоҕус саастаах уол оҕону иккиэннэрин биирдэ, биһиэхэ аҕалыҥ диэн көрдүүллэр. Маны Бөтүҥнэр биэрбэттэр. Онтон сылтаан иирсэллэр, өстөһөллөр.

Ол гынан биирдэ саамай бэртэрэ, бөҕөстөрө Тиэтэйбит Боотур суоҕар Бөтүҥнэргэ Наахаралар сэрии кыргыс дьоно буолан тиийэллэр.

Маныаха бөтүҥнэр, иһэллэрин билэннэр, биир сиргэ тоһуйан олорон, наахаралартан биир бастаан иһэр туоһахталаах хаан тураҕас аттаах киһи үҥүүтүн өрө туппутунан сиэллэрин иһэрин көрөн ытан саайбыттара, охторо баран аты туоһахтатынан дьөлө түһэн, киһини соҕотохто ытан суулларан түһэрэллэр. Маныаха Наахаралар үөс биэрбэккэ тоҕо анньан киирэллэр да, Бөтүҥнэр ыксаан куотан аҕыс муннуктаах ампаар дьиэлэригэр[3] киирэн хатанан кэбиһэллэр. Онуоха Наахаралар: «Чэ, тыыннаах хаалыаххыт буоллар, оҕоҕутун Тиин Саҥынньаҕы таһааран кулуҥ», — диэн оҕону көрдүүллэр. Маныаха ийэтэ: «Оҕобун өлөрүөхтэрэ суоҕа», — диэн куттанан оҕотун таһырдьа анньан биэрэр. Онуоха тула өттүттэн үҥүүнэн түһэллэр, ону оҕо ыстанан аһаран биэрэн мүччү охсон, куотан мээнэ сүүрэр. Ону Наахаралар оҕо кэнниттэн ытыалаан тоҕус саастаах оҕоҕо кыаһаан курдук хатыыллар. Ол гынан куота сылдьар оҕо барахсан ол олорор эбэтин үстэ эргийэн баран кэлэн ампаарын таһыгар охтубут. Ону онно үҥүү-батас аһылыга гыммыттар[4].

Онтон Наахаралар Бөтүҥнэр дьиэлэрин тас өттүттэн уоттаан барбыттар. Маныаха уот ампаары оттолуу сиэн эрдэҕинэ, үрдүгэр биир улахан тиити суулларан түһэрэн самнары баттаппыттар. Онуо-

ха Бөтүҥнэр буруоҕа уокка тумнаста сыыһан ыксаан дьиэлэрин иһигэр баар иинэригэр подпольдьаҕа киирэн биэрэллэр. Наахаралар хоноллор. Бөтүҥнэри барыларын өлөрдүбүт, быстыбыт, оҥостоллор, кинилэр саһан иинҥэ киирэн сыталларын өрүү билбэтэхтэр.

Сарсыарда туран Наахаралар умайбыт дьиэ үрдүгэр туора түһэ сытар тиити үрдүнэн хаамаллар, ол хаама сылдьан биир киһи күлүү-элэк оҥостон: «Оо, дьэ бу хаарыан таайдарбыт күллүү көтөн, уоттуу умуллан өлөхтөрө тоҕо бэрдэй-дөбөҥөй оҕолоор?» — дии-дии ыллаабыт. Ону аллараттан, иин подполдьа хаппаҕын аһаҕаһынан көрөн Бөтүҥнэртэн биир киһи өрө ытан таһаарар да, киһи өлөн күлгэ «күс» гына түһэр. Онтон соһуйан Наахаралар: «Аны өлөн баран абааһылара[5] илэ сүүрэн киһини былдьаары гыныаҕа. Кэбис, бөрө саҕа соргулара буоллун!» — дэсиһэн баран бары куттанан төннөллөр.

Кинилэр кэннилэриттэн аҕай сотору дьонноро иинтэн тахсан аймалаһан эрдэхтэринэ, Тиэтэйбит Боотур киирэн кэлэр. Ол кэлэн Наахаралар сэриилээн бартарын билэн-көрөн абаланар. Ол гынан Тиэтэйбит Боотур дьонун ыҥыран, сэрии кыргыс дьоно буолан, эккирэтэн кэлэн, Наахаралар олохторугар Сыҥаһа, Балаҕаннаах диэн алаастарынан эккирэтиһэ сылдьан кыргыһаллар. Улахан өлөрсүү бу Балаҕаннаах алааска буолбут. Сыҥаһаҕа олорор дьону бу Балаҕаннааххa үүрэн киллэрэннэр ордорбокко кэриэтэ кыргаллар. Онтон оппуттара куотаннар Хотуйа диэн үрэҕинэн өрө тахсаллар.

Маныаха Бөтүҥнэр тохтоон биир сиргэ олорон удаҕаннарын кыырдаран, илбиһи түһэттэрэллэр. Онно Тыаһааны удаҕан Тиэтэйбит Боотурга илбис иҥэрэн, алҕаан барар. Онуоха Тиэтэйбит Боотур үлүһүйэн, өрө бабыгырыы түһэн баран, туох да сэбэ-сэбиргэлэ суох сыгынньах бэйэтинэн Наахаралар суолларын устун мээнэ сүүрэр. Ону Бөтүҥнэр эккирэтэн, атынан ситэн ылан үрдүгэр оҕуур быа быраҕан биир тииккэ сөрүү көтөллөр. Маныаха били илбиһи иҥэртэрбит киһи аанньа буолуо дуо, быһа мөҥүнэн, сылгылыы, үөр атыырыныы мөхсөн тиити хатырыктыы үрүҥ аһын быһа түһэн, кыһыл этигэр тиэрдэн тохтуур. Дьэ онуоха үгүс киһи хам тутан туруоран куйах кэтэрдэн, үҥүү-батас туттаран баран төлөрүтэн ыытан кэбиһэллэр. Ол ыыппыттарыгар Тиэтэйбит Боотур үрэҕи өрө сүүрэн тиийэн, үрэх баһыгар Харыйалаах диэҥҥэ Наахаралар хонон утуйа сыттахтара тиийэн, аҥар уһугуттан өлөртөөн, кырган барар.

Наахаралартан арай биир ойуун киһи баара: «Манна хонорбут сатаныа суох», — диэн көрүүлэнэн оҕолордуун кэргэнниин туораан, дьонноруттан араҕан, сискэ тахсан, саһан хоммут. Маны дьоно күлүү гына хаалтар. Ол эрэ ойууну Бөтүҥнэр булан өлөрбөтөхтөр. Дьонун өлөртөөн кыайан мэлиппитин кэннэ Тиэтэйбит дьоно тиийбиттэр. Ол тиийбиттэрэ, арай, киһилэрэ икки киһи куотан күөлгэ киирэн умсубуттарын көрдөөн, күөлү эргийэ сылдьар эбит. Ол кэннэ биир киһи үрэх сөкүтүгэр киирэн саһан хаалбыт. Маны тиийэннэр Бөтүҥнэр охторо бараныар диэри көрдөөн ытыалыы сатыыллар да булбаттар. Ол гынан охторо баранан ыксаан, бары биир сиргэ мустан туран, үс оҕу булан ыланнар удаҕаннарыгар тыл этитэн алҕатан баран, Тиэтэйбит Боотур үөһээ халлаан оройун диэки ытыалаан кэбиһэр. Мантыкалара эргийэн түһүүлэригэр икки киһини ууттан булан мэйиилэрин тэһэ түһэн өлөртүүллэр, сөкүгэ сытар биир киһини ох кэлэн такымын иҥиирин быһа түһэн кэбиһэр да, киһи онно сытан саһан хаалар. Уоннааҕыларын олорчу өлөртөөн кыайан-хотон Бөтүҥнэр төннөллөр.

Дьэ ол саһан, күрээн хаалбыт ойуунтан, хойут үөскээннэр «Наахара Ойуун ууһа» дьон баар буолтар, оттон ол такымын иҥиирин быһа түһэртэрбит киһиттэн «Такыр ууһа[6] Наахаралар» диэн үөскээн баар буолтар.

Тиэтэйбит Боотур илбиһин Тыаһааны удаҕан төттөрү өҕөрүйэн ылан, киһи киһинэн оҥорон кэбиспит.

Онон хойут хоһоонҥо турар «Бөрө саҕа соргулаах Бөрө Бөтүҥнэрэ» диэн ааттанан үөскээн олоортор. Кинилэр былыргы Наахаралар олохторунан олохсуйан, ол билигин Хотуйа үрэҕинэн, Сыҥаһанан, Балаҕаннааҕынан, Чапчылҕанынан эргийэ олохтоммуттар.

Былыр Бөтүҥ биэс аҕа уустааҕа: Маһарах, Кэнньэ, Ураанай, Күөттэм, Чорду диэннэр этэ. Олор хойут Ботуруускай улууһа, үс улуус — Ботуруускай, Таатта, Амма буолан — арахсыыларыгар: Бөтүҥ, Ураанай, Кэнньэ диэн үс нэһилиэк буолтара. 1931 сыл ыла хат эргийэн биир Бөтүҥ диэн нэһилиэк буолан олоробут.

Өссө бу дойдуга, ол былыргы «Кыргыс сэргэтэ»[7] диэн икки ытарҕалыы муостаах сэргэ иэҕэйэн турарын мин сол Сыҥаһа диэн алааска көрөрүм, аны сууллан, эмэҕирэн түспүт. Ол кэннэ Тиэтэйбит кыргыбыт сиригэр, Хотуйа баһыгар, Харыйалааххa бу хойут өлбүт киһи уҥуоҕун, төбөтүн, сототун уҥуохтарын, ол кэннэ охтору даҕаны мээлэ булан көрөллөрө. Бу саҥардыыҥа диэри Балаҕаннаах алаас үрдүнэн Амма сыырын кэриччи сиргэ-буорга махтa киһи уҥуохтара буолара. Кырдьаҕастар этэр буолаллара, бу дойду-

га Балаҕаннаах алааска ордук хаан тохтубут сирэ диэн ахтан помох-хоһоон оҥостор буолаллара.

Амма оройуонун Бөтүн нэһилиэгэ, 74 саастаах Анна Николаевна Нестерева-Сутакова тылыттан. С.И. Боло суруйбута, атырдьах ыйын 20 күнэ 1933 с., Балаҕаннаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 199—201].

150. Орук мас төрүттээх

Хаҥалас төрдө оруктаах мас. Ону ытыктаан күрүөлүүллэрэ, алдьаппатара үһү. Былыр оруктаах мас төрдүгэр харалаах ыас тэллэх үрдүгэр сэттэ чабычах арыылаах суораты тардан онно ооҕуй оҕус түстэҕинэ ону оҕото суох дьахтар сиэтэҕинэ оҕо төрүүр, өлбөт оҕо.

Ооҕуй оҕус түспэтэҕинэ бу дьахтар хайа да күн оҕото суох буолсу дииллэрэ үһү. Биһи Хадаарга оругу ытыгылаабаттар.

А.А. Саввин суруйбута. АЯФ СО АН СССР, ф. 1, оп. 12, д. 69, л. 74.

151. Таас Уллуҥах

Арҕаа өрүскэ олохтоох Дыгын Тойон диэн баара үһү. Кини бэрт элбэх сэриилээх, баайдаах, оччотооҕу сахаҕа ыраахтааҕы, баһылык кэриэтэ буолбут киһи эбит. Дыгын бэрт үгүс буойун дьоннооҕо үһү. Киниттэн бэйэтиттэн төрүөбүт биир Таас Уллуҥнаах диэн, уллуҥаҕа килэгир таас, ойоҕосторо тилэ муос, бухатыыр, буойун буолуох оҕо баара. Бу оҕотун: «Миигиттэн ордук киһи, буойун үөскээри гынна, бэйэбиттэн ордук үөскүөҕэр сатаммат»[1], — диэн үс аан дойду[2] бухатыырдарын ыҥыттаран ылан олөттөрө сатыыр да, ким да кини оҕотун, Таас Уллуҥаҕы кыайан олөрөр буойун киһи түбэспэт. Ол өлөрбөтөхтөрүн Дыгын бэйэтэ, оҕо түүн утуйа сыттаҕына, уоран тайыынан түһэн өлөрөн кэбиһэр. Оҕордук кэптээх тойон эбит Тыгын.

Амма оройуона. Бөтүҥ нэһилиэгэ, 102 саастаах колхозтаах тылыттан. С.И. Боло суруйбута, атырдьах ыйын 16 күнэ 1938 с., Молуода [ИПРЯ, ч. 1, с. 126].

152. Муос уол[1]

Тыгыҥҥа Чаллаайы Бөҕө диэн уолтан ураты Муос уол диэн бүтүннүү бэйэтэ муос бүрүөлээх уол баара үһү. Кини хаҥас хоннооҕун анныгар эрэ биэстээх харчы саҕа аһаҕас эттээҕэ үһү. Тыгын

бу уолуттан, кини улааттаҕына миигиннээҕэр ордук бухатыыр киһи буолуо диэн, кыбыстар эбит. Биирдэ эмээхсиниттэн ыйытар: «Уолуҥ сиикэй эттээҕин билэҕин дуо?» — диэн. Эмээхсин оҕонньоро туох санаалааҕын билбэт, онон этэн биэрэр.

Тыгын алаас кытыытыгар киирэн Муос Уолугар баһын быттата олорбут. Уол тугу да күүппэккэ аҕатын баттаҕын быыһыттан быттыы турбут. Аҕата буолааччы быттыы турар уолу аллараттан хаҥас хонноҕун анныгар батыйанан саайбыт. Уол эрэйдээх аҕатын батыйатын тосту охсон кээспит уонна үс көстөөх сиргэ тиийэн охтубут.

Бүлүү оройуона Хаҕын нэһилиэгэ Данил Лукин тылыттан. Д.П. Афанасьев суруйбута, 1944 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 125—126].

153. Кытыгырас Хаптаҕай Баатыр өлүүтэ

Арбаҕас Эччэккэй диэн омук эрин бэрдэ баар эбит. Ону кытта бэйэлэрин бэттэрин биссээри, Хаптаҕай Баатыр күрэстэһэр: сыссан, ыстаҥалаһан, сыал ытыһан. Онно барытыгар тэҥ буолан иһэллэр. Бу туран мөккүһэн, Ат Хайа диэн Торуой Энгэ сиригэр баар үрдүк хайаттан хайыһарынан сирэйинэн түһэллэр. Онно Хаптаҕай Баатыр хайаттан халыйан Олдьоону диэн үрэҕи үрдүнэн көтөн, үҥуоргу сыырын үрдүгэр баран, тура түһэр. Тоҥуһа Олдьоону үрдүнэн ыстанан тахсыытыгар, үҥуоргу сыырыгар баран хайыһарын тоһутар. Ону сахата: «Мин кыайдым. Эн миэхэ тиийбэт эр эбиккин», — диир.

Хаптаҕай Баатыр ааттаах кытыгырас, хайыһардьыт киһи, ханнык да табаны, тайаҕы куоттарбат киһи. Ат Хайаттан биир тайаҕы туруоран эккирэтэр. Тайаҕын сиппэт туура. Күнүскү ынахтан түөттүүргү ынахха дылы эккирэтэн баран өйдөөн көрбүтэ: өрөҕөтүгэр үс субурга атахтаах халлаан мэк тубут кыыла эбит. Ону билэн, тохтоон хаалбыт. Өйдөөн көрбүтэ, Дулаҕы Алыы диэн Дулаҕалаах баһыгар Моой үрэххэ тиийбит. Ат Хайа икки Дулаҕа Алыы икки арда биэс алта көс. Дьэ төннөр дойдутугар. Хаптаҕай Баатыр бу курдук кытыгырас киһи.

Хаптаҕай Баатыр кырдьан баран, тайаҕынан сылдьан, дьиэ таһыгар кыра оҕолору үөрэтэн, талах оноҕоһунан ытыалата оонньуур үһү. Оноҕосторо эриэн талах оноҕос. Бу сылдьан биир тоҕус саастаах оҕо алҕас тобугун уутугар түһэрэр. Онтон сылтаан өлөр. Онуоха өлөөрү сытан, этэр үһү: «Мин өлөр тыыным итиннэ баар

этэ. Ону мин кэмим кэлэн, ити оҕо табан өлөрдөҕө. Ити оҕо миигин соруйан өлөрбөтө», — диэн.

Дьаанҕы оройуона бастакы Энгэ нэһилиэгэ, 65 саастаах Михаил Егорович Рожин тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, олунньу 12 күнэ 1940 с. Аһар диэн сир [ИПРЯ, ч. 2, с. 71].

154. Оҥоһуу[1]

Арай биир ыалга хоноҳо хоммут. Бу ыалга дьахтар төрөөбүт. Төрөөбүтэ үс хоммут. Маны хоноҳо кыыһын да билбэт, уолун да билбэт. Тайҕалаан испит. Кини суол ааныгар сыппыт. Ол сыттаҕына түүн үөһэ холобурдаахха күөх өҥнөөх таҥастаах оҕолор[2] көтөн түспүттэр, таһыттан. Кииртэр да остуолга баран кумааҕы тэлгэтэн бааттар. «Дьэ бу кыыһы суруйуоҕун, дьэ хайдах суруйабыт? — дэһэн баран, — дьэ, өлбөт үөстээх, уһун үйэлээх, быаҕа да өлбөт буоллун, быһах да хоппот буоллун. Туохха оҕо-уруу төрөппөтүн, сүүнэ эримсэх буоллун. Ол гынан баран кэнэҕэс бу суол ааныгар сытар киһи ылыахтын», — диэн суруйан баран тахсан баран хаалллылар. Киһи маны истэн кыһыйда: «Бу сүүрбэччэлээх киһи бу 3 хонуктаах кыыһы ылыам үһү, хайдах быһах хоппот, быа кыайбат киһитэ буолуой, дьэ мин ону көрдөҕүм», — диэн ийэтэ-аҕата утуйа сыттаҕына уоран быһаҕынан тиирэн иһин хайа баттаан кээстэ. Ол гынан баран тахсан баран хаалар. Дьэ сассыарда ийэтэ аҕата көөттөрө иһэ хайдан хаалбыт, оһоҕоҳо алдьамматах, ылан уган баран тараһатын тигэн кээстэр.

Онтон арааһа сүүрбэччэ сыл буолан баран бу киһи арай эмиэ манан эргийэн кэлэр, көнүү бөҕөнү көнөн. Бу ыаллара үчүгэй ыаллар эбит. Бу кэлэн көөртө — бу ыалга туох да сүрдээх үчүгэй, этиргэн кыыс баарын хараҕар хатаата. Бу дьон кинини билбэттэр, кини да билбэт киһи буолла. Дьэ бу кыыска баҕаран барда. Манна үс хас хонно. Онтон арыгы тардан олорон: «Дьэ оҕонньоор бу кыыскыт киһиэхэ бара илик буоллаҕына ыйытыахпын баҕарабын», — диэн буолла. Оҕонньор: «Ээ онтон оҕо сөбүлүүрэ билиэ буоллаҕа дии», — диэтэ. Кыыстан ыйыталлар, кыыс сөбүлээтэ. Бэргэһэлэннилэр. Онтон хоонньоҳо сытан ойоҕун эмэриссэн, томоруссан көрбүтэ арай тараһатыгар ыччык-быччык баас онно баар. Онно туран: «Хайдах доҕоор бу таалыҥ онно дуу тугуй?» — диэн ыйытар. «Былыр төрөөбүтүм үс хонтун кэннэ биир киһи хоммута үһү, ол хоно сытан испин быһаҕынан хайа баттаан барта үһү —

диир. — Ону бу тигэн оһоппуттар». Бу киһи дьэ бабат диир. «О-о, Одун хаан оҥоһуута, Чыҥыс хаан ыйааҕа да буолар эбит»[3], — диэн иһигэр санаатаҕа үһү. Бу да гыннар ойох гыммыта үһү. Бу дьахтар сүрдээх содур эбитэ үһү. Ону оҥоһуута буоллаҕа диэн эрэ хаһан да мөхпөтөх, күнүүлээбэтэх үһү. Онон бөҕө оҥоһуулааҕы туох да кыайбат эбит. Киһи төрүүрүгэр төлкөлөнөн, оҥоһуллан төрүүр эбит, оҥоһууну туох да кыайбат эбит диэн кэпсииллэр үһү.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона ойуун Яковлев-Куруппа тылыттан. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 536, л. 3—6.

155. Уустар дьадаҥҕы буолтара

Мас ууһа олорбут. Кини уоллаах кыыс оҕолоох, ойохтоох эбит. Күн тура-тура уһанан сордонор үһү, да, тэбис-тэҥ, куруук кини тиимэт-түгэммэт, быстыбыт буолар үһү. Арай биирдэ уус уһана турдаҕына, таҥара тиийэн кэлбит. Ол кэлэн ыйыппыт: «Уус, бу туохха маннык күүскэ үлэлиигин?» — диэн. Ону ууһа эппит: «Мин көлөһүнүм чиэппэрин ууга кутабын, биир чиэппэрин иэс биэрэбин. Аҥаарын эрэ ойохпунан бэйэм сиибин. Онон кыл мүччү тэбис-тэҥ эрэ олоробун». Ол аата буолар: ууга кутабын диэн, көлөһүнүм чиэппэрин кыыһа сиэн баран эргэ барара. Онтон атын чиэппэрин уола сиир. Хойут кини аҕатын иитиэх кэриҥнээх.

Ону истэн туран таҥара: «Эн, уус, сааһыҥ тухары тус иннигэр эрэ мөхсөр буолаар», — диэн баран былаҕастабыы охсон кэбиспит. Онтон ыла уустар байбат буолтар.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона иккис Наахара нэһилиэгэ П.Т. Степанов суруйбута, ахсыннь 1945 с. [ЯС, т. 1, с. 284—285].

156. Өлбүт киһини кэритии[1]

Былыр биир булчут киһи илин тыаҕа бултуу тахсыбыт. Ол тахсан бэрт үчүгэйдик бултаан баран төннөн испит. Айан киһитэ тардыллан бытааран хаалбыт, харанҥа буолбут, киһи табаларын аһатарыгар боттуоналаах (табыгастаах) сири көрө испит. Ол истэҕинэ арай суол кытыытыгар иччитэх өтөххө, сэргэҕэ уон ат бааллан турар үһү, түннүгүнэн көрдөххө дьиэ иһэ сап-сандалас сырдык, дьон элэҥнэс үһүлэр. Айанньыт үөрэн, хата манна хонон бардаҕым диэн, табаларын тэлгэһэҕэ тохтотон баран, сэргэҕэ бааллан турар аттары эргим-ургум көрбүтэ, били кини нэһилиэк кинээһигэр баар «Үрдук сиэр» симэниэҕинэн симэнэн баран налыйан ту-

рар эбит. Киһи дьэ бу хайдаҕый, биһиги кинээспит атыыһыттарын атааараары истэҕэ дуу, диэбитинэн тиэтэйэ-саарайа соҕус дьиэҕэ көтөн түспүт. Онно көрбүтэ уонча киһи баар үһү. Оһоҕу икки чанчыгынан уоту оттубуттар, сүрдээх улахан солууру уокка уурбуттар үһү. Дьону кэриччи көрөн уҥа орон диэкки көрбүтэ — бастыҥ остуолга кини кинээһин ойоҕо киэргэниэҕинэн киэргэнэн бараҥ олорор үһү. Айанныыт аттыгар тиийэн: «Дороообо», — диэбит да анараанҥытыта тугу да саҥарбатах, хайыһан да көрбөтөх. Бу хайдах баҕайыный диэн эргим-ургум сирийэн көрбүтэ дьоно, бары даҕаны уодас-саадас курдук үһүлэр. Тугу даҕаны боччумнааҕы кэпсэтии суох үһү. Хайдах эрэ ньай-ньамалас саҥа иһиллэр үһү. Айанныыт муна-тэнэ олордоҕуна сүр түргэн үлүгэрдик аттар туйахтарын тыаһа хабылла түспүт, уот умуллан хаалбыт, тымта ытыс таһынар ыас хараҥа буола түспүт. Айанныыт соһуйбут, туох абыгар түбэстим диэн өрө тарбачыһа түспүт. Өйдөнөн кэлэн бэйэтэ харбыалаһан уот оттон ол түүн хоммут. Сассыҥҥытыгар кэлэн дойдутугар киирбит. Онно кэлэн истибитэ — кинээһин ойоҕо били кини иччитэх дьиэҕэ хонноҕун түүн өлбүт. «Үрдүк сиэр» диэн атын хоолдьуга сиэбиттэр. Дьэ ити аата өлбүт киһи кэритиитигэр түбэспит.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, бастакы Наахара нэһилиэгэ, 63 саастаах Гаврил Иванович Ильин тылыттан. П.Т. Степанов суруйбута, сэтинньи ый 1941 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 13—13 об.

ОЙУУННАР ТУСТАРЫНАН

158. Ойуун төрүүр маһа

Ойуун үөскүүр уйалара «Эрбиэн чэгийэ былытка» — онно турар мас. Онно бэрт элбэх уйа баар гына этэллэр. Айыыттан төрүттээх ойуун уйата саамай үөһээ өттүгэр баар гына этэллэр. Үс тоҕус сэттэ олохтоох[1] ыраах дойду, ол. Ол былыкка айыы ойууна манна илин диэки баар буолуохтаах, абааһы ойуунун уйата ол былыт арҕаа өттүгэр буолуохтаах. Ойуун буолар киһи күнүн сирин онно оҕолууллар, тоҕус сылтан кэли. Кыра ойуун уйата аллара буолар. Ол уйаҕа сымыыт көрдүк көтөр кынаттаах көрдүк дьүһүннээх абааһы баттыыр: кырбый, тойон, мохсоҕол, кэҕэ. Киһи үс куттаах, иккитэ ийэ кут, салгын кут, [үсүһэ. — *Н.А.*] [буор] кута, бу уйаҕа оҕолонор, сүрэ-кэбэ[2]. Ийэ кута диэн киһи этигэр, хааныгар баар кут, барбат ол ойуун үөскүүр сиригэр. Ойуун иитиллэн улаата эрэ

сытар сирэ, бу уйа. Эттэнэр ол өлүүтүн уутугар. Кинини ол иирдибит ойуун үөрэ <...> илдьэн оҕолотор ойуун төрдүгэр. Удаҕан син ол былыкка баар үөскүүр иитиллэр уйата, хата аартыга, барар былыта ураты.

Дьаанҕы оройуона иккис Энгэ нэһилиэгэ, 71 саастаах, уруккута ойуун Дмитрий Софронович Слепцов тылыттан. А.А. Саввин суруйбута, олунньу 11 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 224—227.

159. Айыы ойууна айдарыыта

Кини Элэгэй Иэйэхситтэн, Оноҕой баай тойонтон оҥоруулаах. Кини абааһы ойуунун курдук өр булларан ыалдьыбат. Син кыратык ыалдьар. Кини түүллээх-биттээх буолуохтаах. Кини олорор сиригэр сайын сылгы кистиир буолуохтаах. Булт да сиригэр, киһи бултуур сиригэр, сылгы суох сиригэр, күн тахсыытын саҕана. Ону доҕотторо, булчуттар истэллэр.

Ол күн ойуун буолар киһи улаханнык санньыйан хаана-сиинэ кубулуйан сылдьар. Ону доҕоро «Хайдах буоллуҥ?» — диэн ыйыттаҕына, [этэр]: «Үөһээ аарык чуорааннаан тыаһа аймыыллар, кулгаахпар-төбөбөр чуугунуур. Мэйиим-санаам буоллаҕына 7 бастаах 9 мутуктаах хаккыйах маска (курдук)».

Ол олорон өйдөнөр: «Орто аан дойдуга аналлаах эбит буоллаҕым ойуунунан» — диэн. Бу манна олорон баран орто дойдуга төрүүр ийэтин-аҕатын көрдүүр, мохсоҕол кыыл буолан. Төбөтүн өрөйүгэр иҥэр. Ол иҥэн оҕо буолан төрүүр.

Абый оройуонун Уолбут нэһилиэгэ А.А. Саввин суруйбута, муус устар 4 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 100.

161. Тулуурдаах ойуун

Былыр хаһан эрэ Тулуурдаах ойуун диэн баара үһү. Кини маҥнайгы ойуун буоларыгар, ойуунун абааһыта, биитэр кута аллараа дойдуга киирэн оҕолонор, иитиллэр ыаллаах үһү. Ол ыал кинини иитэн, оҕолоон улаатыннаран ойуунҥа уһуйан, этин хаанын кытаатыннаран баран кэнники: «Дьэ сөп, өтүө ойуун буоллуҥ, отто дойдуга тахсаҥҥын, иччигэр холбос» — диэн таһаарбыттара; ол иитиллибит абааһы, биитэр кута, киниэхэ тахсан иҥэн холбоһон, онон ааттаах ойуун буолбут.

Ол оҕолуур ыалын дьоно биир кырдьаҕас эмээхсин баар үһү. Биир эдэр кыыс баар үһү, биир сүүнэ улахан атыыр оҕус баар үһү. Ол оҕустуун үс кэргэннэр, уонна Тулуурдаах ойуун абааһытыныын төрдүөлэр. Эмээхсиннэрэ бүтүн аан дойду ааттаах ойууннарын киэннэрэ ийэлэрэ, кинилэри барыларын ол курдук ииппит, оҕолообут, үһүйталаабыт, улаатыннаттаабыт, ааттаах ойуун оҥоттообут эмээхсин үһү. Кыыс буоллаҕына, эмээхсин киэнэ кыыһа, сырыыга сылдьааччы, барыга бары көмөлөһөөччү уонна аһылык булааччы. Оҕустара дьиэлэрин аттытыгар куруутун сытар. Бу оҕус сыраанынан, били иитэр оҕолуур ойууннарын абааһытын, биитэр кутун сүрүн, онон уунуохтууллар, һотоллор уонна ол оҕус түүтүгэр тимир биһиккэ уйа оҥорон, онно сытыаран иитэр үһүлэр, онон кэнники ол курдук иитиллибит ойуун хааннаах (оҕус абааһылаах) ойуун буолуохтаах үһү. Тулуурдаах-ойуун кута-сүрэ ол курдук оҕолоно, иитиллэ, хаһан эрэ ситэн-хотон барҕаран, бу тимир биһигиттэн туран, отто дойдуга күн сиригэр тахсан, Тулуурдаах ойууҥҥа этигэр-хааныгар иҥэн-холбоһон, күн диэки өттүн икки атахтаах быһа хаампат, ааттаах улуу ойуун буолаары оҥостон сытан, көрө билэ сыттаҕына, арай биирдэ эмээхсиннэрэ кыыһын соруйбут:

«Хотуок! Мин амтаннаах минньигэһи амсайбатаҕым бэт өр буолла, эн отто дойдуга, күн сиригэр тахсаҥҥын, туох эмэ минньигэс амтаннаахта булан киллэр эрэ, бэккэ аастыбыт, туордубут, эмиэ сэниэтэ ылыныахха сөп», — диэбит.

«Чэ, бэт сөпкө эттиҥ, мин бэйэм даҕаны минньигэһи амсайыахпын баҕаран сылдьабын, дьэ бардаҕым», — диэбит.

Ол курдук кыыс баран хаалбыт да өр буолбатах, сотору соҕус тиийэн кэлбит, үөрбүт-көппүт киһи быһыытынан:

«Дьэ ийэкээм! Күн сиригэр тахсаммын, биир бэт баай өтүө ыалга сырыттым, онно олус мааны үчүгэй дьахтар кыыстаахтар эбит. Ону соһутан, куттаан, кутун ыстаннаран ытыспар түһэрэн ыллым, аара амсайан көрүөхпүн бэккэ баҕаран баран, эйиигин мөҕүө диэн амсайбатым», — диэбит.

«Чэ, оҕокком, үчүгэйдик сылдьыбыккын, аҕала оҕус, урут мин амсайабын», — диэбит эмээхсин. Онно кыыс, хоонньун хаһан, сүрдээх үчүгэй сып-сырдык хурустаал таас дьэҥкир дьүһүннээх төгүрүгү ылан биэрбит. Ону ылан эмээхсин төгүрүччү салаабыт. Ол салаабыт сирэ, ханан тылын даҕайбыта ол даҕайбытынан харааран хаалбыт. Онтон кыыс ылан салаабыт, онно эмиэ тылын даҕайбыт онно харааран хаалбыт. Ол курдук кинилэр, өр буола-

буола ылан, иккиэн уласса салыыллар. Ол салаатахтарын аайы, салаабыт сирдэрэ харааран иһэр.

«Бэккэ да ааһан туоран олороммут олус минньигэр ас көстөн, олус даҕаны абыранным, олус да уойдум тоттум, билигин даҕаны өр аһыыһыбыт», — диэн эмээхсин махтана олордоҕуна, арай эмискэччи балаҕаннарын аҕыс баҕаналара айгырыы түстүлэр. Үрүт потолога үрэллэ сыста, истиэнэлэрэ дьигийэ түстүлэр. Ол кэнниттэн, улуу ойуун үс төгүл дьааһыйара иһилиннэ. Ону истээччитин эмээхсин:

«Оо! Били улахан уол обургу дьааһыйар саҥата иһилиннэ, дьэ хотуок аһаабыппыт, сиэбиппит сыччах буолара кэллэ, ыла оҕус, били минньигэспитин кистии тат», — диэбит.

«Ийэкээм оҕотоо! Дьэ өлүү алдьаххай! Ханна кистиэххэ сөбүй? Түргэнник этэ тат», — диэбит.

«Ити оҕус муннун үүтүгэр анньан кэбис». Кыыс туран, бэт тургэнник, били улахан аҥаара хараарбыт төгүрүгүн ылан, дьиэ оттотугар сытар оҕуһун муннун үүтүн устун анньан кээспит уонна тугу да билбэтэх-көрбөтөх курдук буолан баран олорбуттар.

Ол ыккардыгар сүрдээх кэптээх улуу ойуун дүҥүрүн тыаһа таҥнары тибилийэн иһэр тыаһа уонна кыырар таҥаһын тыаһа таҥнары нириһийэн улам чугаһаан, субу дьиэлэрин ааныгар тиийэн кэлбит, халҕаннарын аһан баран, туран эрэн арааһынай алгыһынан алҕаан ааттаһан туран эмээхсинтэн көрдөөбүт, били кыыс киллэрбит дьахтар кутун. Эмээхсин буоллаҕына кылбаччы мэлдьэһэн кээспит: «Адьас ол дьахтар кутун биһиги киллэрбэтэхпит», — диэн. Онтон ойуун тобуктаан олорон алҕаабыт, көрдөспүт аҕал да аҕал диэн. Онно эмээхсин дьөксө ордук кытаанахтык мэлдьэспит: «Биһиги ол дьахтар кутун ончу киллэрбэтэхпит, биһигини тыытыма, хантан кэлбиккиний да бара тур», — диэбит.

Онтон ойуун, умса түһэн сытан алҕаабыт көрдөспүт:

«Күн күбэй хотун ийэкээм, бу дьахтар киһи киэнэ кута-сүрэ, бу эн диэтэх эмээхсин, сэттэ биттэхтээх силбиктээх ааттыккынан таҥнары симэлийэн түспүтүн, тимир күөрт ыт буоламмын, сылаас сытын сытырҕаан, ириэнэх суолун ирдээн, тоҥмут суолунан тордоон, сэттэ биттэхтээх силбиктээх суолгун силэйэн, аҕыс хараҕалаах аартыккын арыйан, тоҕус тоҕойдоох дорҕоонноох оспуоскун тобулан, айан айаннаан, албан оккуйан, дьуон дьаҥадыйан, атыыр оҕус буолан таҥнары эҥиэттэн, айдааран, айгыстан түһэн кэллим, үүс-киис тириитин курдук мөлбөйөн көрүөххүн, сыалыһар балык быарын курдук сылаанньыйан көрүөххүн, туппуккун

мүччүрүтэн көрүөххүн, харбаабыккын халтарытан көрүөххүн, ытырбыккын ыһыктан көрүөххүн, ылбыккын төннөрөн көрүөххүн. Ааттаһар бөҕө ахсааннаах, көрдөһөр бөҕө күттүөннээх. Сииккэ сиэллэримэ, хаарга хаамтарыма, кумаҕы ытыстарыма, ууну суурайтарыма, сыыһаҕа сырытыннарыма, сымыйаны этитимэ. Саха ураанхайга саатка ыытыма, күн дьонугар күлүүгэ биэримэ, эрдэ турар элэгэ кыныма, хойут утуйар хоһооно оҥорума. Күн күбэй хотун ийэм», — диэбит.

«Суох диэн соҕотох тыл, ылбатаҕым диэн ыраас тыл, билбэппин диэн биир тыл, киэр буола оҕус, айыы дьуорту ойууна, үс уһуктаах түөрт кырыылаах хааннаах үөрбэнэн, ситии саҕа сиһиҥ үөһүн быһа быраҕыам, икки харахпар көстүмэ, икки кулгаахпар иһиллимэ, төбөм оройугар уһураама, сүнньүм үүтүгэр сүгүрүйүмэ, киэр буола тат!» — диэбит эмээхсин. Ойуун ойон турбут, балаҕаннарын иһигэр ыстанан киирбит.

«Эн көрдөһүүбүн көдьүүстээбэтиҥ, ааттаһыыбын ааньыаҕыырдаабатыҥ, ытык тылбын ылымматыҥ, кэриэс тылбын кэҕиһэрдээбэтиҥ. Ол буоллаҕына, биэрдэргин да ылыам, биэрбэтэргин да ылыам, иэҥҥин хастыам, эҥэлэйгин этитиэм, аал уоккун үрдүгэр оттуом, үрүҥ күҥҥүн үрдүгэр эргитиэм, үрдүк өһүөҕүн үрдүгэр сууллариам, ууга да укпут буоллаххына таһааттаран ылыам, сымара таас куттаххар да түһэрбит буоллаххына кулгутан ылыам. Мас курдук батары аҕал, муос курдук булгуччу аҕал!» — диэбит ойуун.

Итигирдик этэн баран ойуун эмээхсини ыарҕа курдук тимир ытылла баттаҕыттан, илиитигэр эрийэ баттаан ылла да үс салаалаах тимир пуруут кымньыынан таһыйан куһурҕаппытынан барбыт. Онно эмээхсин син ыалдьар эттээх эмээхсин эбит, хаһыы бөҕөһү кыламмыт: «Ылбатахпын суоҕу балыйдыҥ, айыыта суоҕу айыылаатыҥ, буруйа суоҕу буруйдаатыҥ, кэбис түксү таһыйыма уурай», — диэн этэн мэлдьэһэ сатаан кээспит. Ойуун уурайыахтааҕар дьөксө ордук күүскэ таһыйбыт.

«Бэйи тохтоо болҕой! Ити кыыс билэрэ буолуо, онтон ыйыт», — диэбит эмээхсин.

Онтон ойуун, эмээхсини ыһыктан кээспит, кыыһы харбаан ылан таһыйан барбыт. Кыыс эмиэ мэлдьэһэ сатаабыт. Ойуун ону истибэккэ таһыйбытын кубулуппатах. Онтон кыыс даҕаны тулуйбатах: «Бэйэ тохтоо эрэ! Ити биһиккэ сытар уол билэрэ буолуо», — диэбит. Ойуун уолу таһыйаары кэлэн туппахтаан көрбүтэ, уол сымара таас буолан хаалбыт. Бу тааһы кытары сатаан кэпсэтиэ

да таһыйыа да суох буолан ойуун кыыһы хат иккиһин таһыйбыт. Онтон кыыс тулуйбатах эппит:

«Түксү! Миигин таһыйыма, ити оҕус билэрэ буолуо, онтон ыйыт», — диэбит. Ойуун баран оҕуһу таһыйбыт, онно оҕус кыһаммакка сытарын курдук сыппыт. Онтон тимир пуруут кымньыытынан оҕуһу муннун үүтүн устун аспыт, онно оҕус улаханнык тыбыырбытыгар, били тулата хараарбыт төгүрүк (дьахтар кута) мүччү ыстанан түһэн истэҕинэ ойуун ытыһыгар түһэрэн ылбыт.

«Көр да бу! Сараһын улууһа, сах нэһилиэгэ, сарыы таҥалай, сарыы сирэй, салбаныкы дуксуй эмээхсин обургу, арҕаһыттан тэһиинннээх айыы улууһун атаҕастаан, көхсүттэн тэһиинннээх күн дьонун күөмчүлээн, көр бу салгын кутун саппаҕырдан, буор кутун болоодутан, ийэ кутун эймэнитэн, сырдык сыатыгар сыһааҕыран, эмньик этин эмэн, улай хаанын оборон, бэлэстэрин мэнэгэйин мэнэритэн, уолуктарын оботун уҕарытан, сымара таас куттахтарын сыһааҕырдан, иҥэрэ далай истэригэр иҥэрэн сиэн-аһаан тамтарынан таҥсарынан олороннор, туттарбытынан туран балыйа, көрдөрбүтүнэн туран мэлдьэһэ олороллор, аанай-туонай абаккаларыан көрөллөөр көрбөттөр. Онтон аны кэлэр кэмнэргэ, үөскүүр үйэлэргэ, эмиэ даҕаны көхсүттэн тэһиинннээх күн дьонун күрүөһүлээн киллэрэн, арҕаһыттан тэһиинннээх айыы аймаҕын аралдьытан килэрэн, бу дьүһүнүн дьүһүлүүр, маннык кэбилиир күҥҥүт көһүннэҕинэ, миигиттэн хоргутаайаҕыт, бэйэҕититтэн хоргутаарыҥ, дьиэлэри дьиэгэнитиэм, уоттары ондолутуом, элэй балай тутуоҕум, эбэдэһин дуоһун ыһыаҕым, күдэҥҥэ көтүтүөм, туманҥа туойуом», — диэн баран ойуун, төттөрү кыыран ньиргийэн баран хаалбыт.

Ойуун барбытын кэннэ эмээхсин, кэмсинэн, кэбиринэн кэптуонан эппит:

«Көр ити, уолан баранар уулаах, охтон бүтэр мастаах, орохсуйар от кырыстаах, орто туруу дьаҕыл дойду дьонуттан, арҕаһыттан тэһиинннээх айыы Дьөһөгөй аймаҕыттан, ааттаах улуу ойууттар буоллунар диэн, былыр-былыргыттан, Дьылҕа хаантан ыйаахтаах, Улуу тойонтон оҥоруулаах, отут салаалаах, улуу ойуун куттаах сүрдэрин төрөтөн ыламмын, таҥнары чампарыктаан, түҥнэри үүдэһиннээх, Одунтан оҥоһуулаах отут сиринэн бүгүйэх, окуотокуо сорҕолоох, сэттэ уон дьиикэй дэриэтинньик баттаҕынан сэлбийэн хатыллыбыт ап-чарахай быанан кэлгийэн, иҥнэстигэс иилээх тимир биһиккэ сытыараммын, иҥнэл-таҥнал бигээн, өлүү

луоһай оҕуһун сыраанынан уунуохтаан, өлбөт үөстээх быстыбат тыыннаах, эмтэрийбэт тимир эттээх, уйадыйбат укулаат унуохтаах, сэттэ уон дьилэр дьибилгэннээх, аҕыс уон анаарыйар ап хомуһуннаах, тоҕус уон кулан дьэллик кубулҕаттаах, арбах бастаах атыыр ойууттары айдым эминэ тугуй. Балартан биирдэстэрэ эмэлэрэ, тэргэн дьыл ыпсыытыгар, тэбиэн ый эргэтигэр, көр бу биһигини оҕолоон киһи оҥорбут ийэбит эрэйдээх, аччыктаан аахан-туоран олордоҕо диэн, муҥ саатар биир эмэ өтүөтэ бараммыт, үйэтэ чугаһаабыт, оҕонньору эмээхсини киллэрэн мэҥиэ бэлэспэр туора быраҕан мэнэгэйбин мэнэриппиттэрэ суох. Ол кэриэтин ити, сыл баһыгар биирдэ булан, сылаас тыыннааҕы, сымнаҕас эттээҕи амсыырдыахпыт диэн ананан олордохпутуна, бэккэ маанылаан иппит улахан уолум чолоҕор, ир суолун ирдээн, тоҥ суолун тордоон киирэн халыҥ тириибин хайытта, хара хааммын тохто, тараах иэннээтэ, кулугур кулгаахтаата. Ол буоллаҕына, кэлэр кэмнэргэ үөскүүр күннэргэ көхсүттэн тэһиинээх күн дьонугар, оҕолоон улуу ойууну оҥорон таһаарарым уурайдын, иитэн иччилээх ойууну тэрийэн таһаарарым эһиннин. Аал уоппар андаҕайдаҕым буоллун, иэримэ дьиэбэр эбээһинэстэннэҕим буоллун», — диэбит.

Итигирдик андаҕайан баран, Тулуурдаах ойуун кутун-сүрүн, биитэр абааһытын сытар биһигиттэн сүөрэ баттаан ылан, үөһэ отто дойду диэки өрө үрэн кээспит. Онно кыыс эппит:

«Көр бу уол хата таас буолан кубулунан бэккэ тулуһа сатаата. Бу уолга туттарымынабыт хаарыан миньиигэспитин былдьаттыбыт. Эн күн сиригэр тахсан иччигэр этигэр-хааныгар холбоһон иҥэн улуу ойуун буолар күҥҥэр Тулуурдаах ойуун диэн албан аатыраар, дьоһун сураҕыраар», — диэбит.

Тулуурдаах ойуун итигирдик сэһэргээбит уонна эбэн эппит: «Ити кэпсээбитим курдук, улахан ааттаах улуу ойууну оҥорон иитэн таһаарар эмээхсин, ол курдук уурайан андаҕайан турар. Онон аны мантан антах, бу отто дойдуга урукку курдук улахан ааттаах хомуһуннаах ойуун үөскүө суоҕа. Ханнык эмэ мэнэрик, бохсуруҕанньыт, аһыахтарын баҕатыгар ойууннуур албын ойууттар үөскүөхтэрэ. Ол төрүт сиргэ иитиллибит улахан дьиҥнээх ойуун саамай кэнникилэрэ миигинэн бүтэр», — диэбит.

Дьокуускай куорат. Тулагы нэһилиэгэ, 60 саастаах Иван Федоров тылыттан. А.С. Порядин суруйбута 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 706, л. 13—28.

162. Аар Саарга ааттамматах Сабаатта уола Ньоҕорулла ойуун буолуута

Сабаатта уола Ньоҕорулла ойуун диэн тоҕус сааһыттан ылата окко-маска умньаммат улдьаа мэнэрик[1] буолбута үһү. Ньоҕурулла аҕата оччотооҕу кэмҥэ сүрдээх мааны баай, кыанар киһи эбитэ үһү. Ол курдук абаҕата эмиэ дьоҥҥо биллэр мааны киһи эбит. Онон Ньоҕорулланы аҕалаах абаҕата үрүҥ хараҕын үөһэ көрдөрбөккө, ойуун буоларын олох сөбүлээминэ саба баттаан, икки төгүрүк сылы мэлдьи ыалдьан мэнэрийэн сылдьбыта үһү. Сорох кэмнэргэ дьонноро сөбүлээбэт буоланнар хара тыаҕа сискэ тахсан чугдаарара үһү.

Биирдэ Ньоҕорулла ойуун ынахсыттар дьиэлэригэр сүүрэн таҕыста, да мэнэрийэн ыһан-тоҕон барда. Сиргэ баран түстэ да орон анныгар киирэ-киирэ, тахса-тахса мөҕүстэ да, киһи түһээн да көрбөтөх куһаҕан, кэтэҕинэн чааскы айаҕын саҕа былчайа сытыйбыт харахтаах, уолугунан аҥайа сытыйбыт айахтаах, төттөрү сүргүөхтээх, таҥнары ханьыылаах өлүү Луоҕа балыга[2] буолан мөхсөн лаһыйа сытта.

Бу да буоллар киһилии мэнэрийэн часкыйа-часкыйа тилигирэччи мөхсө сырытта уонна эттэ ынахсыттарга: «Барыҥ эрэ, үтүө абаҕалаах аҕабын ыҥыран киириҥ эрэ, бу айылаах буола сытар үтүө дьүһүммүн көрдүннэр», — диэбитигэр ынахсыттар тахсан эттилэр: «Дьэ, оҕобут хайдах эрэ буолла быһыылаах, көрөртөн сүрдэннэ. Эһигини ыҥыттарар, тахсан көрүөххүт үһү», — диэтилэр.

Аҕалаах абаҕата эттилэр: «Тыый, ол хайдах буолбут үһү?» — дэһистилэр уонна иккиэн батысыһан тахсан ынахсыт дьиэтигэр көтөн түһэн уолларын диэкки көрө түһэн баран кэннилэринэн чугуруҥнаһа турдулар.

Балык лаһыгыраччы мөксө-мөксө эттэ: «Үтүө абаҕалаах аҕам бу айылаах буола сытар үтүө дьүһүммүн көрүҥ. Күн анныгар суох күөх накааһы көрө сытабын. Ийэ сиргэ иһиллибэтэх иитэ суох иэдээҥҥэ түбэһэн эрэй бөҕөнү эҥээрдэһэн эмсэх буола сытабын», — дии-дии, хаһыытыы-хаһыытыы хаанынан ытаамахтаата.

Маны көрөн туран аҕалаах абаҕата эттилэр: «Оок-сиэ оҕолоор! Ама даҕаны ойуун удаҕан буолар айыылааҕыҥ-сууттааҕын иннигэр икки атахтаах инчэҕэй эттээх маннык күн эрэйигэр түбэһэ сытара сүрдээх суол, доҕоор. Дьэ, кутукаам, биһи бу айылаах буоларгын билбэтэхпит, дьэ, көмүһүөм хайа хайдах эмэ гынан киһи сахаурааҥхай быһыытын быһыыланан урукку чөлгөр түһэр сирдээх-

хиэн. Киһи буолуох сирдээх буоллаххына, киһи буолан көр уонна эн ойуун буолуохтааҕар туох да буол, туокка бу маннык сир сидьиҥэ эрэ буолума», — дэһистилэр.

Уол часкыйа-часкыйа хаанынан ытыыра уурайда, арыычча уҕарыйда. Маны көрөн туран аҕалаах абаҕата: «Дьэ, кутукаам, буолуох киһи буолбут эбиккин, дьэ, итэҕэйдибит», — дэсиһэн бараннар тахсан бардылар.

Онтон ыла уол чугас ыалларыгар кыра ыарыыларга сылдьар буолбута үһү. Ол да буоллар оҕобут аата алдьаныа дэтэн кистэтэллэрэ эбитэ үһү.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона, «Хаар балаҕан» олохтооҕо Иннокентий Иванович Бурнашев тылыттан. П.П. Захаров суруйбута, ахсыннһы 18 күнэ 1940 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 22—23.

163. Сабырыкы ойуун туһунан сэһэн

Билиҥҥинэн Мэҥэ-Хаҥалас оройуона Майя диэн сир халдьаайытыгар Дагдарыйа Бүөтүр диэн үс сүүс сүөһүлээх бэт баай киһи олорбута үһү. Дагдарыйа үгүс хамначчыттардааҕа үһү. Киһи ынахсыттара туспа дьиэҕэ олороллоро үһү. Бу ынахсыттары кытта уон иккитин туолан үһүгэр баран эрэр Сөдүөт диэн уол сүөсүһүттэри кытта бииргэ олорбута үһү. Бу уол мэнэрийэн биир да түүн симмэт буолбут. Ынахсыттары да утуппакка эрэйдээбит. Ол иһин ынахсыттар тахса-тахса тойонноругар уолу үҥсэллэр эбит. Онтон кыыһыран Дагдарыйа Сөдүөтү кыра уолу дэлби кырбаабыт. Аны дьэ мэнэрийэн көрөөр эрэ диэбит. Сөдүөт ол күнтэн үс түүннээх күн тохтообокко мэнэрийбит.

Онтон кыыһыран сүөсүһүттэр уолу дэлби сынньар, мөҥөр, атаҕастыыр буолбуттар. Арыт түүн күһүҥҥү ый быыһа хараҥаҕа тымныы түүннэргэ таһырдьа анньан хоннорор буолбуттар. Сөдүөт онно уурайбакка эргиччи чугдаарар буолбут. Биир түүн күһүҥҥү ый быыһа хараҥаҕа дьон бары утуйан хаалтарын кэннэ биир кырдьаҕас ынахсыт эмээхсин үөнүргээн, кулахыта бэрдиттэн, утуйумуна сыттаҕына арай аллараа ыраах сир түгэҕин диэкки ойуун дүҥүрүн тыаһа ньирилээн-тиҥийэн тахсан иһэрэ иһиллибит. Эмээхсин уҥуох уҥуоҕа босхо барда, эт этэ тымныйталаата. Хайдах да тулуйан сыппата. Сулбу ойон туран барыларын уһугуннартаабыт. Уһуктубут дьон бары иһиллээбиттэрэ олох сир түгэҕиттэн дьиэлэрин аннынан өрө тахсан иһэр тыас быһыылаах буолбут. Биир үлэ-

һит уол тойонноругар тыллыы сүүрбүт. Дагдарыйа куттанан киирбэтэх уонна сүбэлээбит. Уоккутун, оһоххутун тобус толору оттуҥ, дьиэҕитин сып-сырдык гынан олоруҥ, оччоҕо тахсыа суоҕа диэбит. Уол сүүрэн кэлэн тойонноро эппитин курдук тобус толору оттубут. Уонна бары оһох кэннигэр мунньустубуттар. Арай уҥа диэкки соҕотох Сабырыкы уол утуйа сытар үһү. Дүҥүрдэрин тыаһа олох дьиэлэрин анныгар тахсан кэлбит үһү. Дьон тугу да өйдөөбөт гына куттаммыттар, харахтара уҥа диэккиттэн арахпатах. Бу олордохторуна саа эстэрин курдук тыас дэлби ыстаммыт уонна күөх буруо унаарыс гына түспүт да, киһи тулуйбат куһаҕан сыта дьон муннуларыгар-айахтарыгар саба биэрбит.

Арай уоттарын диэкки көөттөрө дүҥүр аҥаара дүҥүрдээх, былаайах аҥаара былаайахтаах киһи эрбэҕин саҕа дьэс эмэгэт[1] тахсан эккирээн холоруктуу турар үһү. Бу туран киһи истэр гына ойууннуу кутурар үһү. Онно иһиттэхтэринэ этэр үһү: «Дьэ мин обургу ый уота алтан биһилэх аалыытын курдук саккырыы тохтон тиийэр сириттэн, күн уота көмүс биһилэх тоҥуутун курдук күккүрүү тохтон тиийэр сириттэн, өлөр Өлүү Күб хара ойуунуттан өрө кыыран айаннаан таҕыстым. Атара кутурук айыы Сабарыкы ойуун одун уолбар эрэллээх илдьиккэ, суорумньу сорукка таҕыстым. Дьэ нокоо, тоҕус хомуһуннаах кулан аарык хоболоох, сэттэ эмэҕэттээх эҥсэли хаан быарыгыҥ аны үс хонон баран баай Дагдарыйа обургу бастыҥ сэргэтин төрдүгэр түһүөҕэ. Ону суон сулуулаах, субай хааннаах, бэлиэ бэриктээх, улахан остуоллаах, атах кэбиһэрдээх, айахха угардаах, аналлаах амырыын алгыстаах, туһааннаах дьорохой тойуктаах тутуоҥ үһү, диэн өлүү Күб ойуун үҥэр таҥараҥ, үрдүк айыыҥ илдьиттиир», — диэт, саа эстэрин курдук тыас тыаһаата да ойуун мэлис гынан хаалбыт. Тыаһа тахсыбыт сиринэн аллараа диэкки тиҥийэн түһэн бара турбут үһү.

Бу быһыы буолбутун сассыарда туран сүөсүһүттэр тойонноругар эппиттэр. Баай Дагдарыйа: «Туох үлүгэрэй оннук, сымыйанан этэргит буолуо, мин иэйиситтээх иэримэ дэлэй тиэргэммэр, айыыһыттаах аарыма аан тулаһабар оннук быттахтар быгыалыахтарын, дьабыннар дьаарбайыахтарын сатаммат, харахчыт иирбитэ буолуо, киэр барыҥ, кэбэлийиҥ дьиэҕитигэр», — диэтэ. Үлэһиттэр сааппыт хорбут дьон курдук дьиэлэригэр төннөн кэллилэр. Уоллара кэм да утуйа сытар үһү. Ким да утары көрөн уһугуннарбакка Сабырыкы ойуун ол курдук үс түүннээх күн утуйан баран үһүс күнэ туолуута халлаан саҥардыы сырдаан эрдэҕинэ уһуктубут. Иккитэ-үстэ дьааһыйан баран, оһоҕун тобус толору оттон баран уотун

иннигэр аргынньахтаан баран, буутуйалаабыт атыыр оҕус курдук муннунан буугуначчы тыына олорбут. Ынахсыттар бары уһуктан баран уолларын иннинэн быһа хаамыахтарын[2] куттанан оһох кэннинэн оҕолоох күс курдук субуруһан тахсан, таххан киирбиттэрэ үһү. Төннөн киирэллэригэр Сабырыкы уот диэкки хайыспыт үһү. Онно көөттөрө уолларын сүүһүн хаба оттото биэстээх хаччы саҕа хара мэҥнэнэн хаалбыт үһү, хаҥас имэ биэстээх харчы саҕа күөх мэҥнэммит үһү. Уҥа имэ эмиэ биэстээх харчы саҕа кыһыл мэҥнэнэн хаалбыт үһү. Дьэ көрөртөн көрө сүөргү ынырык дьүһүннэммит үһү, хаана-сиинэ алдьаммыт, айаҕын атан саҕарбат буолан хаалбыт. Маны көрөөт саамай дьорҕоотторо тойонноругар кэпсии сүүрбүттэр. Тиийэн саҥа туран олорор Дагдарыйа Бүөтүргэ кэпсээбиттэр. Оҕонньор: «Дьэ бээ! Эһи эппиккит кырдьыгын сымыйатын билиэхпит, били эппит малгыт бу сарсыарда түһүөхтээх этэ», — диэбит. «Оттон онно түспэтэҕинэ сэрэниҥ, сымыйанан кэпсиигитин ууратыам», — диэбит.

Дагдарыйа аһаан бүтэн баран тахсан тэлгэһэтин тула хаама чуҥнуу сырыттаҕына куһаҕан баҕайы сыттаах, киһи сүрэҕин өлөхсүтэр салгын хотуттан салгыйбыт. «Туох мөкү сытай», — диэн хоту диэки көөттө, хара маҥаас суор суур-саар дайбаан кэлэн, сэргэтин үстэ-түөртэ эргийэн баран, сүрдээх куһаҕаннык хааҕырҕаан саҥарбыт. Дагдарыйа эт этэ атыйталаабыт, уллуҥаҕыттан төбөтүн оройугар дылы этэ аһыллан дьырылаабыт. Унуох унуоҕа босхо барбыт, салыбырыы-салыбырыы биир сиргэ тэпсэҥнии турбут. Суора кэлбит сирин диэкки төттөрү көтөн күпсүйбүт. Дагдарыйа дьиэтигэр киирээри истэҕинэ, кураан этиҥин курдук тыас тыаһа баччалаабыт. Уонна хоболоох кулан аарык тыаһа таҥнары кыыгынаан бастакы сэргэтин төрдүгэр аарыгыран түстэ. Маны көрөөт Дагдарыйа ыраахтан өҥөйөн көөттө, сабыччаҥа аалыллыбытынан хас да хоболоох төбөтүгэр куоҕастаах, эмэгэттээх[3] күтүр баҕайы быарык түһэн килбэйэ сытар эбит. Маны көрөөт Дагдарыйа уолугар Сөдүөккэ киирдэ уонна уолун көөттө, уола хараҕа сырайа уоттаммыт, хаана-сиинэ өлбүт үһү уонна эппит: «Баай Дагдарыйа обургу, сүлүһүммүн сүргүтэн илбиспин иэнигитиэхпин, харыбын хаанныахпын биир эмэ толугурдаах торбоскуттан тосхой эрэ», — диэбит.

Дагдарыйа: «Тыый тукаам, ол эйигиттэн харыстыам дуо, сөп түбэһэр дьүһүннээҕиҥ баар буоллаҕына наадаҕар тутуннаҕыҥ дии», — диэбит. «Уонна тукаам, ити мин бастыҥ сэргэм төрдүгэр, эн малларыҥ түстүлэр быһыылаах, баран ылан көрүөххүн хайтах буолуой», — диэтэ. Уол: «Бэйэм билиэм ыларбын ылбаппын», — диэтэ.

Оҕонньор куттаммыт курдук тахсан баран хаалбыт.

Уол аа-дьуо баран үс төгүл эргийэ хааман баран сөһүргэстээн олорон кутуран алҕаан баран ылбыта үһү.

Онтон киэһэ оҕонньор уолугар анал дьүһүннээх сүөһү тириитинэн сүрдээх этигэн гына бүрүттэрэ охсон биэрбит. Уол дьүһүннээх сүөһүтүн өлөттөрөн, ойуун төрдө Өлүү күб ойуунугар диэн, үстүүннээх күн хоту кыырбыта үһү.

Бу кэмҥэ Дагдарыйа ойоҕо ыалдьан бэт буолбутугар уолун ыҥырыан таҥаһа-саба суох диэн, Амма баһыттан аатырдар ойууннарын ыҥыттаран киллэттэрбит. Бу ойуун саҥа аһыы олордоҕуна Сабырыкы уол сүүрэн тахсыбыт уонна бастыҥ остуолга аһыы олорор ойууну: «Бу Амма баһын ааттаах ойууна эн дуо?» — диэбит. Ону анараaҥҥыта утары көрбөхтөөн баран. «Тукаам тугу даа аатырыамый, оттон таах мээнэ сылдьабын», — диэбит. Уол дьиэтигэр тахсыбыт. Киэһэ буолан ойуун олоҕор олорбут. Уол эмиэ сүүрэн тахсыбыт да ойууну иннинэн хаҥас оһох чанчыгар тиийэн икки илиитин быластаан аҥаар атаҕын холумтаҥҥа ууран турбут. Маны көрөөт олорор ойуун бокуойа суох алҕаан барбыт. Уол хараҕын түҥ-таҥ көрө-көрө, үөһүн таттара-таттара хабырыммыт уонна часкыйа түһэн баран сири тиҥилэхтээбитигэр ойуун чиккэс гына түспүт, муннунан-айаҕынан хаана бараат өлөн хаалбыт. Дьиэлээх оҕонньор куттанан уолун сэмэлээбэтэх. Өлбүт ойуун таҥаһын Сабырыкы көрдөөн ылбыт. Ойууну Дагдарыйа кэһиилээн-тутуулаан дойдутутар тиэттэрбит.

Мантан ыла икки сыл буолан баран Сабырыкы ойуун, үчүгэй ойууттары булан күссээри, Амма үрэҕин баһынан кыырар таҥаһын, дүҥүрүн ыҥыырдан ыҥыыр атынан айаннаабыт. Онно сорох ыалга кыыра-кыыра баран испит. Ол курдук биир ыалга хоно кээлтэ, бэт элбэх кэргэннээх ыал эбит да, бары билбэтилэр Сөдүөтү: «Тукаам, тугу гына сылдьар оҕоҕун?» — диэбиттэригэр. «Үлэлээн аһыы сылдьар оҕобун», — диэтэ. Дьиэҕэ киирээри атын ындыытыттан дүҥүрүн таҥаһын кистээн киирдэ.

Бары аһаан сиэн бүтэн бараннар, оҕолор дьахталлар уонна эр дьоннор бары таҥнан бардылар. Сөдүөт: «Бу ханна бараҕыт», — диэтэ. «Э-э, мантан чугас аар-сааргa ааттамматах эбэбит эмээхсин кыырар, онно барабыт», — диэтилэр.

Сөдүөт: «Бу миигин хаалларыманг, ааттаах удаҕаны баран көрүөххэ наада», — диэтэ.

Дьиэлээхтэр: «Тукаам мээнэ саҥарыма, истиэҕэ», — дэһистилэр.

Сөдүөт: «Аата тугун сүрэй доҕоор, бачча ыраахтан иһиттэҕэй. Иһиттэҕинэ иһиттин доҕор, миигин туту гыныа буоллаҕай, олох соҕотох киһибин», — диэбит.

Дьиэлээхтэр: «Кэбис! кэбис! Тукаам, мээнэ саҥарыма», — диэбиттэр. Ол курдук баран хаалтар.

Биир сүрдээх улахан ампаар дьиэлээх баай баҕайы ыалга кэлэн кииттэр. Дьиэ иһэ тобус толору киһилээх үһү. Сөдүөт киирэн суол ааныгар турбут. Кэлбит дьон остуолу тула олорон аһаан баайтар. Кини дьонноро эмиэ. Кинини ким да аанньа ахтан ыҥырбатах, ааҥҥа сыстан туран хаалбыт. Ол көрдөҕүнэ бастыҥ остуолга хаар-маҥан баттахтаах, сүрдээх уоттаах харахтаах эмээхсин аһыысии, арыгылыы олорор үһү. Дьон бары сиэн бүппүттэр. Таһырдьа тахсан киирэн бааттар. Сөдүөт уол эмиэ тахсан киирбит.

Удаҕан олоҕор олорон айгыстан барбыт. Сөдүөт таһырдьа сылдьан удаҕан кыылларын[4] дэлби төттөрү хайыһыннартаан кээспит. Удаҕан олоҕор олороот эппит: «Көр эрэ, бу хайа чолоҕор көтөрбүн-сүүрэрбин таҥнары хайыһыннартаата, тахсан көннөртүү охсуҥ», — диэн көннөттөрбүт.

Саҥа удаҕан алҕаан эрдэҕинэ, Сөдүөт сулбу ойон туран удаҕаны иннинэн уокка баран эрдэҕинэ дьон уолу тутан ылбыттар уонна туох буолбут уолуй эмээхсин иннинэн барар диэн дэлби мокпүттэр. Уол: «Бэйи доҕор, табах тардыа суохпун дии, эһигини эмээхсиннээхтэр диэн», — дии-дии кэлэн олорбут.

Олороотун кытта удаҕан көрүүлэнэн уолу билэн, кэмсинэн кэбиринэн дьаҥкыдыйан барбыт. «Дьэ маҥай аллаах ойуун эбит, ир суолгун ирдээтэҕим, тоҥ суолгун тордоотоҕум», — дии-дии олоҕуттан туран эрдэҕин, Сөдүөт уол үтүлүктээх бэргэһэтин ылбыт да таһырдьа ыстаммыт. Уол хоммут ыалын диэкки сүүрэн тэбэ турбут. Хоммут ыалыгар кэлэн бэрэмэдэйи көтөҕөн дьиэҕэ киирэн, уот оттон, дүҥүрүн таҥаһын ылан, куурдан барбыт. Ыала оҕонньор, эмээхсин, бары олус соһуйбуттар. «Тыый тукаам, туох-туох буоллуҥ, хайдах дьаабыланныҥ?» — диэбиттэр.

Сөдүөт уол: «Олох саҥассыманг, чыып да диэмэҥ, ааҥҥытыҥүккүтүн, түннүккүтүн-үөлэскитин бүөлүү тардыҥ. Күн-ый быата туллара, күһэҥэ быата быстара[5] буолла. Биир эмэ иннэ үүтүн саҕа хайаҕаһы ордордоргут эрэ бэйэҕититтэн бэйэҕит сэрэнээриҥ», — диэтэ.

Дьиэлээхтэр эрэйдээхтэр тыын быстарынан туох да үүтү-ааны ордорбокко бүтүнүү бүөлээбиттэр үһү. Утаакы буолбатах, аан дуускан хара холлорук тигинээн кэлбит үһү да, сырҕан эһэ саҥата

часкыйталаабыт[6]. Маны истээт, уол кыырар таҥаһын кэтэ охсубут, дүҥүрүн охсубутунан барбыт үһү. Дьиэлээхтэр иһиттэхтэринэ икки эһэ саҥата, дьаабыта суох кылана-кылана, часкыйа-часкыйа, хоту диэкки түһэ турбуттар үһү.

Ол курдук силлиэ-боллоо бөҕө буолбут үһү. Икки дьиэнэн икки атахтаах быкпакка хааттарыы бөҕө буолбут. Үс хонуга туолан халлаан лаппа сырдаабытын кэннэ, күн эрэ тахсыан иннинэ, Хаас атах удаҕан часкыйа түһээт умса баран түспүт да, муннунан-айаҕынан хаана тоҕо түһэн өлөн хаалбыт үһү. Эмээхсин өлбүтүн эрэ кэннэ Сөдүөт уол дьэ тохтоон, уоскуйан, ол түүн ыалыгар хонон, сынньанан эрэ баран, дьөксө үөһээ аанан кыыран кутуран үб-ас бөҕөнү хомуйан киирбитэ үһү.

Сөдүөт хойут кырдьан баран ардах түһээри гыннаҕына кыһыл талаҕы ылан былыты кириэстии охсуталаан кэбистэҕинэ ардах түспэккэ былыт түөрт анҥыы быстан хаалара үһү. Олус кураанаатаҕына куоҕастыы саҥаран баран баһын моонньугар дылы ууга уган баран илгистэн кэбистэҕинэ босхо былыт өрө сүүрэн тахсан ыаҕастаах уунан кутара үһү[7] диэн кэпсээҥҥэ иһиллэр.

Онтон ыла аарсаарга ааттаммат ааттаах ойуун буолан олорбута үһү.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона Доҕдоҥо нэһилиэгин олохтооҕо Петр Платонович Захаров кырдьаҕастартан истибитин суруйбута, ахсыннһы 7—12 күннэрэ 1940. АЯФ АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 13—19 об.

164. Аадьа ойуун

I

Сэттэ уонча сыллаахха бэйэтэ ааттаах уус уонна ойуун Аадьа диэн баара үһү. Кырдьаҕас баҕайы ойуун буолан баран олоҕун туххары уонна кыырбыт.

Ол кэмҥэ Байбал Мордовской диэн баай олорбут. Онно иитиллибит Аадьа уол эрдэҕинэ. Ол сылдьан кутурар-мэнэрийэр үһү. Ол иһин кинини Байбал таһыттарар: «Аны мэнэрийиэҥ дуу? Аны кыырыаҥ дуу?» — дии-дии.

Хараҕын уута хаанынан ытаабыт, уол ол таһыллыбытыгар. Ол эрээри аккаһын биэрбэт үһү, уонна муостаҕа дьэҥкир балык хатырыга ыһыллыбыт. Дьэ онтон Байбал уурайар, бу абааһы эбит диэн. Сассыныгар киэһэ уон биэс биэлээх атыырдааҕа бары сыһыыга өлө сыталлар үһү. Дьэ онтон бу уолу тыыппат буолбут. Бу абааһы диэн.

II

Николай Михайлович Габышев (Ньукууска диэн) баара бу илин дэриэбинэҕэ, Куочай анараа баһыгар. Ол туох баар кэргэннэрэ, эмээхсинэ, үлэһиттэрэ мэнэрийэр, иирэр-кутурар буолан хаалтар. Ол иһин Аадьа ойууну ыҥыттаран ылаллар. Көрдөспүттэр, саҥаран кулу диэн.

«Дьэ оҕолоор, атын сиртэн айдарыылаах киһи кэлэн муохастыы сытар эбит. Ону остуолла туруоран кинини үтэйдэххэ табыллыыһык».

Кыыран баран Аадьа этэр: «Хочо улууһа Ииттэкээн нэһилиэгэ моҥнон өлбүт Өлөннөй диэн киһи аҕаһа нэриэтинньик буолан кэлэн сытар. Көрдөһүүбүн ылынна, оччо хонон баран үтүө буолуоххут», — диэбит.

Көрдөспүтүгэр үтүөрэн хаалбыттар[1].

Ньурба оройуонун Сүлэ нэһилиэгин олохтоохторун тылларыттан, Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 28 күнэ 1962 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 571, л. 29 об.

165. Дойомпо ойуун

Дойомпо диэн ойуун аата Хабырылла, оҕо эрдэҕинээҕи хос аата Быккы диэн. Кини бу Уолба нэһилиэк, кыра куһаҕан ыалтан төрөөбүт. Уончалаах сылдьан киэһэ аайы хотоҥҥо киирэн сүтэн хаалар үһү. Ону дьонноро тымтык уматан уолларын көрдүүллэр үһү да, сүтэн хаалар үһү. Кини бу курдук хас да сылга муодаланар. Онтон улаатан баран ойуун буолбут. Кини үөһээттэн туттарыылаах ойуун буолбут, онон киниэхэ анал диэн үөһээттэн икки ыт абааһылаах[1] үһү. Ыалга баран кыыран-ойууннаан баран манньатын мыыннаҕына, ааны таххан иһэн охтон олоро түһэр үһү, оччоҕо биир бастыҥ киһи эбэтэр сүөһү өлөр үһү.

Сылын ахсын тохсунньу ый тоҕус киэһэтигэр төрүүр үһү[2]. Ол төрүү таххарыгар убаһа сонун, дүҥүрүн ылар үһү уонна атаҕар кээнчэлээх эрэ. Төрүүр сирэ диэн буолар Уолба нэһилиэгин иһигэр хоту сайылыкка булгунньах баар, ол булгунньах төбөтүн оройугар кыра күөллээх, онно тахсан төрүүр үһү. Кини киинэн төрүүр үһү. Киниттэн сордоҥ балык төрүүр эбит. Ол төрөөтөҕүнэ, ол булгунньах төбөтүнээҕи күөлгэ түһэрэр үһү. Ол түһэн туох буолара биллибэт. Онон ол түүнү быһа төрөөн бүтэн баран сарсыарда халлаан сырдыыта дьиэтигэр кэлэр үһү.

Дойомпо ойуун үс оҕолоох эбит: биирэ кыыс Балбаара диэн, оттон икки уолаттара биирэ Өндөрөй, иккиһэ Маппый диэннэр үһү. Биир бэйэтин кытары илдьэ сылдьар кутуруксут[3] Кирилэ диэн кутуруксут уоллаах үһү. Бу уола хас ыалга бардын да, батыһа сылдьар үһү.

Ыалга куһаҕанньык аһаатаҕына эмиэ сиир-аһыыр үһү. Кирилэ диэн уолун кигэн: «Сиикэй эт сиэхпит», — дэттэҕинэ, ол ыалтан биир бастыҥ сүөһү өлөр үһү. Үчүгэйдик тото аһаан таххар ыалын дэлби алҕаан барар үһү. Арыт мээнэ ыалга киирэн этэр үһү: «Дьэ анаабыккытын аҕалыҥ», — диэтэҕинэ дьахталлар, эмээкситтэр ыаҕас муҥунан сүөгэйи уонна иккилии арыыны биэрэллэр үһү. Онно дьэ үөрэн барар үһү. Куораттан кэлбит киһиэхэ хайаан да барар үһү. Онно элбэхтик арыгы иһэттэххэ үөрэр үһү, оттон кыратык арыгыны иһэппит киһини эмиэ муодалыыр үһү.

Арай биирдэ Лэгиэнтэй оҕонньор куораттан тахсыбыт. Онно Дойомпо тиийбитигэр биир чааскы арыгыны биэрбит. Ону иһэн баран эмиэ көрдөөбүтүгэр Лэгиэнтэй: «Арыгым суох», — диэбит. Ол иһин сассыныгар холорук буолан кэлэн, биир баар эрэ кыыс оҕолооҕун кутун ылан сиэн кэбиспит. Онтон оҕо төбөтүнэн түһэн ыалдьан хаалар. Дойомпоҕо барбыт. Ону Дойомпо: «Кыайыа суохпун», — диэн батан кээспит. Онтон Лэгиэнтэй били оҕотун иппит аҕатыгар Маппыйга баран эппит: «Оҕом бэрт буолла, Дойомпоҕо баран көрдөспүппүн батан кээстэ», — диэбит. Онуоха Маппый ол түүн быһа Дойомпоҕо барбыт. Тоҥсуйан киирбит да: «Оҕонньор оҕо ыалдьан бэрт буолбут, онон баран дьалбыйан көр», — диэбитин эмиэ: «Кыаттарыа суоҕа», — диэн батан кээспит. Онтон Маппый эппит: «Барар да буолларгын илдьиэм, барбат да буолларгын илдьиэм. Эбэтэр таҥаскын түҥүрдэри үлтү тэпсэн баран уокка кутан таххыам, эбэтэр барыах!» — диэбит. Онтон куттанан Дойомпо барсыбыт. Ол тиийбитигэр ыалдьар кыыс оҕо хаһыытыы түспүт: «Дойомпону харахпар көрдөрүмэҥ!» — диэбит. Онтон таһаараа атын дьиэҕэ таһааран кыырдарбыттар. Ол кыыран иһэн: «Кыаттарыа суох», — диэбит батан уурайан хаалбыт да, дьиэтигэр төннүбүт. Ол түүн оҕо өлөн хаалбыт.

Биирдэ баай Хабырылла диэн киһи эмиэ туохтан эрэ кыыһыран баран, били Хабырылла ойууну охторон сытыаран дэлби сирэйин кырбаабыт, муннун хаанын таһаара сатаабыт да, хаана тахсыбатах. Онтон саанан баран баран хаалбыт. Ол баран үс сыл тухары били баайы сии сатаабыт да, кыайбатах. Баай кута күн дьи-

үгигэр куотан хаалар үһү. Оттон сылгыларын сиэри бардаҕына, аны атыыр киллэрбэт үһү. Онтон ынах сүөһүтүн сиэри бардаҕына, атыыр оҕуһа киллэрбэт үһү. Онно эппитэ үһү Дойомпо: «Бу баай Хабырылла ситэ ыйахтаах, бөҕө оноһуулаах киһи буолар үбит!» — диэн. Ол да буоллар баай Хабырылла биир кыыстааҕын үс сыл эккирэтэн сиэбитэ үһү.

Онтон кэнники биир Маарсан диэн аҕабыт таҥара дьиэтигэр ойууну аҕалан бокулуоннаппыт: «Аны ойууннаама!» — дии-дии. Онтон кыыһыран Дойомпо аҕабыты сиэри кутун көрдүү сатаабыт да булбатах. Кэнники аартык айаҕар биир улахан харыйа мас баарын көрөн баран ойуун эппит: «Аны бу харыйаҕа баар буолаарай кута?» — диэн баран этиҥ буолан били харыйаны үлтү түспүт. Онтон аҕабыт соҕотохто сонно өлөн түспүт үһү.

Онтон кэнники Баттайа Дьаакып диэн биир баай киһи Ытык Күөлгэ ураһанан олорбут. Бу Баттайа ойууну аанньа ахтыбат, аһаппат-сиэппэт, аҥыннарбат үһү. Онтон Дойомпо абаланан бу баайы сиэри гынар да, хайдах да киирэн сиэбэт. Биир күн улуу тунах туман күн буолар. Киһи барыта ураһа таһыгар ону-маны улэлии сылдьыбыттар. Иниттэхтэринэ туман быыһыгар арҕаа диэкиттэн оҕус мөҥүрүү-мөҥүрүү кэлэр. Дойомпо абааһыта оҕус буолан ураһаны аҥаар муоһунан сиэлийэн таһааран тиэрэ аспыт. Ол анньаатын кытары холорук буолан ураһаны көтүтэн илдьэ бара турбут. Арай онно хаалбыт үс алтан таҥара уонна оһох маһыгар сэттэ ыаҕастаах сүөгэй. Уоннааҕы бары дьиэ малын таһаҕаһын Таатта куулатыгар онно-манна ыһан кээспит. Баттаайа баайы өһүөннээн сиппитэ итинник үһү.

Онтон кырдьан бүдүк буолбутун кэннэ, нэһилиэгин дьоно Уолбаттан хоту Аччай уҥуоҕа диэн сиргэ илдьэн кээһиэххэ диэнэр Дойомпоҕо баран эппиттэр: «Кинээһиҥ Омуос Слепцов илдьиттиир: эн хоту баран уҥуоҕуҥ хаалара сатанар. Барар да буолларгын, барбат да буолларгын илдьээри кэллибит. Онон туох диигин, тылгын эт!» — диэбиттэригэр. Дойомпо эппит: «Оттон хайыамый, тэҥнэһиэм дуо, бардаҕым дии. Ол эрээри Омуос Слепцов кинээс мин курдук хаһан эрэ бүдүк буолан, мин сорум курдук сордонуо буолуо дуо!» — диэн кыраабыт уонна тиэллэн барбыт.

Ол баран Дойомпо өлөрө буолан, адьас чугаһаан сыппыт. Кини үйэтин тухары илдьэ сылдьыбыт суон баҕайы тайах мастааҕа үһү, бу тайаҕын төбөтө өксөкү[4] курдук ойуулааҕа үһү, ону аннынан кыһыл таҥас, сиэл баайыылааҕа үһү. Онтукайын биир киэһээ

оронун кытыытыгар уот диэки өттүгэр туруору уурбута эбитэ үһү. Ол түүн улахан таас тыаһа тосту ыстаммытыгар, дьон туран көрбүттэрэ, били тайах маһа хабыллар хаба ортотунан тосту ыстаммыт уонна Дойомполоро өлөн хаалбыт үһү. Кинини Аччай уҥуоҕа диэн сиргэ көмпүттэр.

Дойомпо 80—90 сааһыгар өлбүт, кини өлбүтэ сэттэ уон сыл буоллаҕа буолуо.

Гаврил Иннокентьевич Егоров, 90 саастаах Таатта оройуонун Уолба нэһилиэгин тылыттан. В.Н. Дмитриев суруйбута, муус устар 1 күнэ 1941 с., Уолба сэлиэнньэтэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 255—260].

166. Дүҥүр маһа

Ойуунҥа анал дүҥүр буолар маһа үүнэр. Хас да салаалаах буолар. Онтон ханнык салаата анаммытын ойуун бэйэтэ билэр.

Бу мас ойуун устатыгар хатыа суохтаах. Ол иһин анаммыт салаатын икки өттүн куоһаан баран кыһанан хайытан ылаллар, дүҥүр оҥороллоругар.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгин 60-н тахса саастаах Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 3 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 45.

167. Омоҕой Баай, Эллэй Боотур[1]

Соҕуруу бүрээт омук сиригэр Омоҕой Баай диэн, киһи олорбут. Биир олохтоох ойуун Омоҕой Баайга кыыран, үс үөстээх Өлүөнэ өрүһү[2] куба кыыл буолан таҥнаран Бүлүү төрдүгэр тиийэн, көрүү көрөн[3] эппит:

«Өлүөнэ өрүс кэҥээн тиийиитигэр икки Ытык Хайа баар эбит. Соҕуруу Ытык Хайа[4] сылгы сүөһү төрдө буолааччы. Хоту ытык Хайа ынах сүөһү төрдө буолааччы буолан үөскээбиттэрэ. Соҕуруу Ытык Хайа арыый аллараа өттүгэр үс үтүө харыйалар үөскээн тураллар. Онно оҕонньордоох эмээхсин: "Дойду иэйэхситтэрэбит[5], кэлбити аһатар-тэрийэр бэриилээх буолан турабыт" — диэн уруйдуу тураллар. — Онон эн мин көрөр сирбэр тиийдэххинэ дьолусоргуну көрсүөҥ, кэнэҕэһин ууһуоҥ-тэнийиэҥ этэ», — диэн.

Маны ылынан Омоҕой Баай ойохтоох, икки кыыстаах, уонна кэргэн[6] уолаттардаах буолан, олоҕуттан көһөн айанныыр. Хайдах эрэ алҕас Бүлүү өрүһүн төбөтүн булан, ол устун болуотунан таҥ-

нары устар. Бүлүү төрдүгэр кэлэн, тохтоон баран, Омоҕой Баай бэйэтэ соҕотоҕун дүлүҥү миинэн Өлүөнэни туорааН, илин энээр, үрдүк хайатын, дьаанҕытын, үрдүгэр, тахсан дойду былаанын көөртө үһү. Ол көрөн: «Тоҕо эрэ хоту өттүттэн тымныы салгыннар биллэллэр, киһи-сүөһү үөскээбэт, дьоло-соргута тохтубут, дойду быһыылаах. Соҕуруу, өрө, диэкиттэн итии сылаас салгын охсуллар, бука үтүө сир манан буолуо», — диэбит. Онтон болуоттарын бэчимэлээн Өлүөнэ өрүһү өрө өксөнөн, билиҥҥи Киллэм хонуутугар кэлэллэр.

Дьэ кырдьык, били бурээт ойууна эппитин курдук, илэ-бодо иэйэхситтээх, чахчы-баччы айыыһыттаах[7], оҕонньордоох эмээхсин буолан үс харыйаҕа уруйдуу тураллар үһү. Омоҕойдоох манна туос ураһа[8] туруоран түһэллэр. Сарсыныгар Хоту Ытык Хайаҕа бараннар ыҥырыа эриэн дьүһүннээх, уулаах үс саастаах бургунас ынаҕы аҕалаллар. Онтон сарсыныгар Соҕуруу Ытык Хайаҕа тиийэн, үс харыйаны булан, онтон түөрт саастаах, чоҥкуруун сиэллээх, кутуруктаах, уулаах биэни хайа хаҥас хоонньуттан булан аҕалаллар. Манна олохсуйан булталан-алталан, кыыллаан, саһыллаан, били сүөһүлэрин үөскэтэннэр, ыал буолан олороллор.

Үс сыл буолан баран, улуу тунах саҕана[9], арай биирдэ Омоҕой уолаттара көөртөрө: иккис сүһүөх сайыҥҥы уунан өрүс өрөтүттэн кус, кыыл түүтэ, мас сыыһа устан ааһаллар[10]. Ону көрөн тахсаннар Омоҕойго тыллыыллар. Маныаха Омоҕой сорудахтыыр: «Кэтэһиҥ!» — диэн. Ньиргитэр уонна Доргутар диэн икки уол буоланнар Соҕуруу Ытык Хайаҕа тиийэ бараллар. Ол тиийбиттэрэ, олох сыгынньах киһи олорор үһү.

Ону көрөөт уолаттар үөмэллэр, маныаха киһилэрэ билэн: «Бу Омоҕой уолаттараҕыт дуо? Мин эһиги турбуккут кэннэ сыл анаара буолан баран, эһигини эккирэтэн, икки анаар сыл хонугар айаннаан бу кэлэн олоробун», — диэн билэр киһи курдук, өссө: «Мин Эллэй Боотур диэн буолабын», — диир. Кэпсэтэн, билсэн, бары Омоҕойдооххо тиийэн кэлэллэр. Дьэ ол кэлэн Эллэй Омоҕойго үс сыл тухары кэргэн (хамныыр) уол курдук буолан олорор. Олус бөҕө-таҕа киэптээх-таһаалаах, үлэтигэр үс киһи тутуута тутуулаах буолан Омоҕойго хайҕатан сылдьар.

Омоҕой Баай икки улахан эргэ тахса илик кыргыттардаах, улахана Дэкэй Дэпсэ[11], кырата Ньыкы Даххан[12] диэннэр эбит. Иккиэн бу Эллэйгэ ойох барыахтарын бэркэ баҕарар буолан бараллар.

Биир сарсыарда туран Омоҕой эмээхсинэ чороонноох[13] кымыһы айах туттаран туран Эллэйтэн: «Биһиги кыргыттарбытыттан биир үчүгэйин анал ойох ылан, киһи-сүөһү төрдө буолууй. Биһиги эйиэхэ ити Ньыкы Дахханы аныыбыт», — диэн Эллэйтэн көрдөһөр.

Эмээхсин биэрбит кымыһын Эллэй ылан иһэн баран тугу да эппэккэ истэн эрэ кэбиһэр. Бултуур-алтыыр, аҕалара да олус, тутуута да бэрт. Икки кыыс туой арҕаа диэки тахсан киирэр идэлээхтэрэ. Ону Эллэй үлэлии сылдьан саһан көөртө: икки кыыстан көйгө кыыс Дэкэй Дэпсэ иигэ үрүҥ күүгэн буолан күөс курдук чөмчөйө олорон хаалта, оттон кыра кыыс Ньыкы Даххан иигэ уу курдук сиргэ күүгэнэ суох иҥэн-сүтэн хаалбыта үһү. Ону тойонноон: «Бу көйгө кыыс хойуккутун төрүөхтээх, ыччаттаах, буолуо, мааны кыыс ууһуо-тэнийиэ суоҕа, сотору үйэлээх буолуо»[14], — диэн саныы сыыппыт.

Омоҕой Баай биирдэ Эллэйи ыҥыран ылан ыйытар: «Хайа, бу биһиги оҕолорбутуттан хайаларын ойох ылан оҕо-уруу төрдөууһа буолаҕын?» — диэн. Ону Эллэй: «Ити көйгө, куһаҕан кыыһы Дэкэй Дэпсэни ойох ылабын», — диэбит. Маныаха Омоҕой Баай, көйгө кыыһы ойох ыларын иһин өһөөн, сөбүлээминэ, чаастарын баайдарыттан биир кутуруга, муоһа суох куочай кугас ынаҕы[15] биэрэр, уонна «Дьэ бара охсуҥ, икки харахпытыгар көстүмэҥ, ханна саныыгыт да, атын сиргэ баран араан тыа буолуҥ»[16], — диэн кыраан-таныйан туран холдьоҕор.

Эллэйдээх иккиэйэҕин, оччотооҕу Киэҥ Иэнээйи хонуутугар, билиҥҥи Сахсарыга[17] кэлэн олохсуйан, ураһа туруорунан, сылгы сэлэтэ оҥорон, түптэлээн ыал буолан бараллар. Сылгы иһитэ тэринэн, сылгыларын тутан ыан, кымыс оҥороллор.

Аҕыйах сылынан байан-тайан, оҕолонон-урууланан бараллар. Муспут кымыстарынан биир сайын кулун кымыһа[18] оҥорон, аймахтарын Омоҕойдооҕу ыҥыран, ыһыах ыһаллар. Ыҥырыыга эмээхсини кытта кэргэн уолаттар сылдьыбыттар. Омоҕой мааны кыыһынаан кэлбэтэхтэр.

Эллэй ыһыаҕар чороонноох, сиэллээх айаҕы өрө тутан, атаҕынан сөһүргэстээн туран алгыыр. Кини айыылары, аан дойду иччитин алҕаан (ааттаталаан) айах туттарар (аһатар-сиэтэр). Маныаха Илин халлаан улаҕатыттан тахсан сүүмэх сылгы кыла күн тахсыытыттан күнү батыһа эргийэ көтөн ааспыт. Ол икки ардыгар ыһыах ортотугар Омоҕой хамначчыт кыыһа кэлэн тыллыыр: «Мааны кыыс Ньыкы Даххан кулун баһын быатынан быаланан биэҕэ состоро сылдьар, бара охсуоҕуҥ!» — диэн. Маны бары баар

дьон баран көөртөрө, Ньыкы Даххан биэҕэ бас быатынан состорон өлбүт үһү, онон өлбүтүгэр тиийэн хаалаллар.

Эллэй дьэ онтон ыла киһи-сүөһү, саха төрдө буолар гына ууһуур-тэнийэр, байар-тайар. Билиҥҥи саха биэс улууһа, Хаҥалас, Мэҥэ, Боотурускай, Бороҕой, Нам — Эллэй Боотур оҕолоруттан үөскээбитэ үһү.

Мэҥэ-Хаҥалас оройуона I Нөөрүктээйи нэһилиэгэ, 40 саастаах Николай Саввич Оконешников тылыттан. С.И. Боло суруйбута, от ыйын 15 күнэ 1933 с. Улуу Сыһыы [ИПРЯ, ч. 1, с. 55—57].

168. Оноҕой Баай, Хара Түмэн

Бэрт былыр бу саха дойдутугар, уруккута тоҥус олоҕор, соҕуруу монгуол омуктан күрэнэн кэлэн Оноҕой Баай диэн икки уоллаах, икки кыыстаах, ойохтоох, кэргэн дьоннордоох киһи Саргылаах Сахсарыга олоҕурбут. Кини сылгы-ынах баайдаах эбит. Кини саҕана мас, туос иһит, түнэ, сарыы, сылгы-ынах таҥас, муос, тимир охтоох кураахтаах саа, оту оттуур, бүтэй-хаһаа, түптэ оҥоруу-туруоруу суох, ыһыах ыһыы, баҕах анньыы, түһүлгэ оҥоруу диэн эмиэ суох. Чаҥкыр сылгы-ынах үүтэ, булт, балык аһы аһыыр кэм эбит.

Оноҕой ол курдук кэлэн Лиэнэҕэ байан-тайан олордоҕуна, соҕуруу браатскай омук сириттэн киһи олоруох сирин уотун көрдүөн, була, көрө икки киһилээх Хара Түмэн диэн кэлбит. Бүлүү баһынан быһан Бүлүүгэ түһэн тыаларын, маардарын сытырҕаан: «Сыаната биллибэт сыа-сым сыттаах Сыа Бүлүү, Бүтэй Бүлүү», — диэн ааттан, алын үс Бүлүү төрдүнэн Лиэнэҕэ түһэн, өрө сытырҕаан, «маннык үтүө түбэҕэ биир эмэ киһи кэлэн олоҕурбута буолуо», — диэн билэн, өксөйөн иһэн, Саргылаах Сахсары эбэ хотунтан Оноҕой Баайы булан, онно сылдьан маанылатан ааһаллар. Хара Түмэн Оноҕой Баайга аһыыр-сиир, сынньанар. Ол сылдьыларыгар аһыы олорон Хара Түмэн утуруктуур. Онтон бэркэ кыбыстар. Ол сылдьан аахан, дойдуларыгар чугаһаан иһэн: «Бу тойоммут тыаһыттан сааппыта буолуо, саатыттан биһигини өлөрүө», — диэннэр, сүбэлэһэн икки доҕор киһитэ Хара Түмэни өлөрөн кэбиһэллэр. Ол өлөрөн дойдуларыгар тиийбиттэрин браатскай омук улуу ойууттара көрүү көрөн, бу Хара Түмэни бэйэлэрэ соруйан өлөрбүттэр диэн, улуу тойонноругар дьүүллэтэн, ол икки киһини буруйдаппыттара үһү.

Ол Хара Түмэни өлөрбүт сирдэрэ билигин Өлүөхүмэ куораттан иккис дьаам үөһэ Элиэнэ сүнньүгэр баар. Ол дьаам аата Хара Түмэн диэн ааттанар диэн сэһэн буолара.

Үөһээ-Бүлүү оройуона Орохү нэһилиэгэ, 78 саастаах Федор Николаевич Тимофеев тылыттан. С.И. Боло суруйбута, от ыйын 10 күнэ 1938 с. [ИПРЯ, ч. 1, с. 87—88].

169. Бордуолаах удаҕан

Бэрт былыр саха саҕана дойдуттан бу дойдуга бырайан Бордуолаах Удаҕан диэн[1] кэлбит. Кэпсээн буолара — дайдыга олорон удаҕан билиҥҥи Тарыҥ Үрэх үрдүк очуостарын, хайаларын көрүү көрөн, мин онно баран олоруохпар сөп эбит диэн кээлтэ үһү. Кини биир кырдьаҕас оҕонньордооҕо үһү. Ол аата биллибэт.

Аара кэлэн иһэн, оҕонньор харгыйан охтон-ыран хаалтыгар, Бордуолаах удаҕан хаарынан көбүөрдээн[2], онон албастаан аһатан, салааскаҕа тардан айаннаабыт. Ол айаннаан кэлэн, билиги Төрүт диэн [сиргэ] (Өймөкөөнтөн 180 км сир) тохтоон олохсуйбут. Онно олорон, үөскээн Билиҥҥи Тарыҥ үрэх нэһилиэгин үөскэппит. Киниттэн биллэринэн, билиги Кырбаһаанҥкыннар диэн үөскээн олороллор. Сэһэҥҥэ буолара ол Бордуолаах удаҕантан Онтойор диэн, Онтойортон Уоһук диэн, онтон аатырар баай Ньукулай Кырбыһаанҥкын диэн төрөөн сүүһүн туолан өлбүтэ. Ньукулай үс бырааттар. Иккитин Уйбаан уонна Охонооһой диэн ааттыыллар. Уйбаантан Ньукулай, Ньукулайтан Махсыын, онтон билигин кыра уол оҕо баар. Онон Бордуолаах удаҕантан сэттис киһи үйэтэ буолла. Удаҕан, оҕонньоруттан кыыһыран, сэргэ төрдүгэр тахсан, эһэ буолан, ардьыгыныы сытар буолара үһү. Ону оҕонньоро тахсан, ааттаан, кэтэҕиттэн имэрийэн, киллэрдэҕинэ эрэ, киһитийэрэ үһү. «Эһи оннук баҕайы удьуордаах буоланҥыт кэрбэтэ сыттаххыт», — диэн саҥа-хоһоон буолара[3]. Кини удьуора бары босхоҥ, баас буолан өлөллөрө, өлөллөр даҕаны.

Бордуолаах удаҕан өлөрүгэр кэриэс этэн: «Дууһам тахсарыгар сытар оронум сөбүргэнэтин үрдүгэр үс хонукка тимир чөкчөҥө кыылым[4] тахсан илэ көстөн олоруоҕа. Онтон куттанымаарыҥ», — диэн эппитэ үһү. Ол кырдьык үс хонукка дылы көстүбүтэ үһү диэн буолара.

Бордуолаах удаҕан уҥуоҕа ол Ньукулай Кырбыһаанҥкын баай олоҕор булгунньахха сытар. Удьуоруттан киһи-сүөһү өлүө эрэ буоллар, киэһээ-сарсыарда дүҥүрэ бүрдьүгүнүү сытар диэн буолара.

Тарыҥ үрэхтэри былыр: «Харахаан, Бордуолаах саҕаттан оннуккут-манныккыт», — диэн үөхсүү туой буолара. Онон төрүттэригэр Хара хаан диэн эмиэ баарын курдук. Тарыҥ үрэхтэри урукку олоххо Бордуолаахтар диэн аат биэрэллэрэ.

Лев Семенович Белолюбскай, 65 саастаах бастакы Бороҕон нэһилиэгэ, Өймөкөөн оройуона тылыттан. С.И. Боло суруйбута тохсунньу 4 күнүгэр 1940 с., Кулун күрүөтэ диэн сиргэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 47—49].

170. Хара саҕыл омуктар

Саха төрүттэрэ Өлүөнэ өрүһү була иликтэринэ, бу дойдуга «хара саҕыл»[1] диэн туспа хааннаах омуктар олоорторо. Кинилэр сүөһүнү дуол ииппэтэх, туой бултаан, балыктаан иитинэн олорбуттара эбитэ диэн буолар. Бэйэтэ аҕыйах ахсааннаах, соччо үөскээн тэнийбэтэх, ууһаабатах омук, эбитэ үһү.

Саха төрүттэрэ Омоҕой Баай, Эллэй Боотур бу дойдуга кэлиилэригэр хара саҕыллар олохтоох омуктар эбиттэр. Олор кэлбит сахалары кытта соччо туруктаһар, утарылаһар күүстэрэ суоҕа.

Кинилэр саха уустарын кытта холбоһон, былааһан, бу кэнники кэмҥэ диэри, удьуор-кэдьиэр бэрт аҕыйах ахсааннаах дьон көһө сылдьан булдунан иитиллэн олоортор. Оннук удьуордары оччотооҕу сахалар «тыал буолбуттар»[2] диэн ааттаабыттар. Тыал буолбуттар өтөхтөрө улуус, нэһилиэк сирдэригэр дэҥ баара иһиллэрэ. Кинилэр төрүөхтэрэ Бороҕон, Мэҥэ улуустарынан олоро сылдьыбыттара диэн буолар этэ. Сахалар кинилэри абааһы көрөллөрө. Тыытыахтарын куттаналлара, туой: «Олохтоох омуктар, тыый, хара саҕыллар удьуордара, тыал буолбуттар», — диэн сапсыйан кэбиһэлэрэ.

«Тыал буолбуттара» араас дьиибэлээх, аптаах, ойууннаах, удаҕаннаах буолаллара. Саха ойууна, удаҕана кинилэри хотон утарбат этилэр, олохтоох төрүкү дьон-аймах буоллахтара диэн.

Былыр кыргыс үйэтин саҕана бастакы Өлтөх сиригэр, Балыктаах эбэ диэн күөллээх алааска, «тыал буолбуттар» диэн тоҕус уоллаах биир удаҕан эмээхсин олорбут. Ол удаҕан кэлбит барбыт айанньыт дьон ындыыларын, астарын көтүтэн ылан аһаан олорбут. Ол «нэрээт ындыытын саҕана»[3] эбитэ үһү. Ити бириэмэҕэ Дьокуускай куорат олохтоммут кэмэ этэ. Түһэрии быһыытынан бурдугу илин дойдуга ыҥырдаллара. Ындыыһыттар ааһалларын саҕана, кинилэри көрөн, удаҕан оҕолоро дьиэ таһыттан киирэн, ийэлэрин эмискэ соһутан бүөргэ анньаллара. Ийэлэрэ: «Уо, та-

тат!» — диэн соһуйан уһууту түстэр эрэ, балаҕанын үрдүгэр хайа эмэ ааһан иһэр айанньыттар ындыыларыттан хааһахтаах бурдук кэлэн түһэрэ. Ол курдук кэлэри-барары айан суолугар туора олорон, быһа олорбут. Онтон да атын араас куһаҕаны-дьиибэни оҥороро бэрт элбэх эбитэ үһү. Ону өрүү куттанан: «Төрдө-ууһа улахан, былыргы олохтоох хара саҕыл удьуора», — диэн, киирэн тохтоон, иэстээбэттэрэ үһү.

Ол удаҕан бэйэтэ туой алааһыгар Балыктаах эбэ күөлүгэр киирэн, сайын илимнээн сиир идэлээх эбит. Арай биирдэ илимнии сылдьан инньэлигин түһэрэн кэбиспит, онон кини түһэрбит ойбоно билигин «Инньэлик түспүт көлүйэтэ» диэн ааттанар. Ол сиринэн кыһын тоҥмот.

Сити курдук удаҕан тоҕус уолаттарыныын олордохторуна, биирдэ Таатта сириттэн кыргыс дьоно[4] кэлэннэр, бокуойа суох ытыалаан барбыттар. Онтон олорор балаҕаннарыгар киирэн көөттөрө, биир да киһи суох буолан хаалбыт үһү. Ону: «Бу кубулунан араас мас, от, сэп буолтара буолуо, оннук сурахтаах этилэр», — диэн балаҕан иһигэр баар туох сыҥаһалары[5], сиппиирдэри, күрдьэхтэри, үтэһэлэри, олоччу батыйанан быһыта охсуталаан, «кыайдыбыт, быстыбыт, көтүттүбүт» — диэн туран туох баар олохторун, дьиэлэрин олорчу уоттаан күллэри көтүппүттэр.

Арай, саамай кыра уоллара куотан илин Лаамы[6] диэн дойдуга курээн тахсар. Онтон ыла били удаҕан алдьатыылара суох буолан, олох көппүт. Ол курдук «тыал буолбуттары» ирдээн кыргыс дьоно эһэргэ, аччатарга баартар.

Хойутуу соҕус били Лаамыга күрээбит, куоппут уол эргийэн кэлэн эмиэ Өлтөккө олорон уһуур. Киниттэн удьуор үөскээн, 50-ча сыллаағыта Бөхсүлүйэ Лөгөнтөй кырдьаҕыыс-кырдьаҕас оҕонньор баарын көрөрүм. Оччоҕо туой: «Ити оҕонньор төрүт-уус, хара саҕыл омук удьуора, былыргы тыал буолбуттар төрүөхтэрэ, кини сүрдээх сиэмэх, куһаҕан ыарахан тыллаах, уоттаах харахтаах ойуун, кыырдаҕын ахсын кини хараҕын уота биллэр буолар, сүгүн кыырбат киһи», — диэн сэһэн, куттал буолара.

Ол оҕонньору, мин абаҕам, Хаҕыстай диэн ойуун[7] киһи баара абааһы көрөҥ, өлүүтүн уутун[8] тоҕо аспытыттан, кини мөлтөөнахсаан кэннэки өлбүтэ. Бөхсүлүйэ олох оҕото-уруута суоҕа. Кини өлбүтүн кэннэ «тыал буолбут» удьуора сыта да суох буола биһиги дойдуга эстибитэ.

Ол удаҕан олорбут өтөхтөрүн, билигин «тоҕус өтөх» диэн ааттанар. Мин ол өтөҕү көрөрүм, онно бэрт элбэх өтөх оннуларын

омоолоро бааллара, иин, балаҕан торумнара көстөрө, кырдьык тоҕус балаҕаҥҥа олооруторо буолуо диэн хоһоон буолар.

Мин бу, «хара саҕыл», «тыал буолбуттар», кинилэр удьуордарын төрөөбүт эһэм Таҥараһыт Куобарап сиһилии сэһэргиирин истэрим. Оччоҕо уон үс, уон түөрт саастаах кыыс этим.

Уус Алдан оройуона иккис Өлтөх нэһилиэгэ, 61 саастаах Софья Николаевна Татаринова тылыттан. С.И. Боло суруйбута, атырдьах ыйын 17 күнэ 1936 с., Якутскай [ИПРЯ, ч. 1, с. 91—92].

171. Тоҥус олоҕун саха кэлэн ылбыта

Бүлүү төрдүгэр Кэбээйи[1] диэн нэһилиэк сиригэр бэрт былыр, бу дойдуга саха диэн суох эрдэҕинэ, тоҕус ураһалаах тоҥустар олорбуттар. Биир Батакан диэн ойууннаах эбиттэр. Ол тоҥустар тордох дьиэлээх[2], тирии таҥастаах, таба сүөһүлээх, булду бултаан аһаан-сиэн, иитинэн олоортор. Ол курдук олордохторуна Бүлүү өрүһүнэн ахсаана биллибэт сахалар кэлэннэр, икки ураһа тоҥуһу кырган өлөрөн кыайаллара кэлэр. Онуоха сэттэ ураһа тоҥус били Батакан диэн ойууннуун куотан көһөн тахсан, Сарана диэн сир таһыгар ойуурга тохтоон, ойууннарын кыырдаран, көрүү көрдөрөллөр[3]. Ойуун кыыран көрүү көрөн этэр: «Утарылаһан кыайар кыах, төлкө суох — көстүбэт, бу дойдуттан олох тэйдэххэ сөп буолууһу, сатаммат кэлбит», — диэн. Онон тоҥустар бары хоту Дьаанҕы систэрин булан, Дьаанҕыга олохсуйаллар.

Сахалар тоҥустан кыайан ылбыт саҥа олохторугар Кэбээйи, Тыайа диэн сирдэринэн олохсуйаллар. Олортон Кэбээйи нэһилиэккэ билигин Кыргыстаах аҕатын ууһа диэн сахалар бааллар. Мин бэйэм кыргыстаах ууһабын.

Нам оройуона Кэбээйи нэһилиэгэ, 22 саастаах Анисим Никитич Кобяков тылыттан. С.И. Боло суруйбута, муус устар 3 күнэ 1925 с. Куонта-Кэриэһэ.

172. Сэмэн ойуун

Маймаҕа нэһилиэгэр Сэмэн ойуун диэн улахан ойуун үөскээбит.

Илин үс тиийһэ ордьоҕорун иһин кыра оҕолор күлүү-элэк оҥостубуттарыгар, иҥиир сабынан туһахтаан тууран кээспит, ол иһин сүллүүрэ (ыарыыны ылар ньымата) суох буолбут.

Биирдэ Хоту хаанньараллар, Түүкэттэр диэн ыалларга (Хотугу Маймаҕа) сылдьан баран, Сиэллээх ойуун (Маймаҕа ойууна) оҕо

эрдэҕинэ мэҥэстэ сылдьан: «Кэнэҕэс кырыйдаххына кэпсээн оҥостоор», — диэн сэһэн сэһэргээбитэ: «Мин айыы ойууна буолар киһи хаалбытым. Эйигиттэн биир куһаҕан оҕо төрүүһүк, сиэмэх ойуун буолууһук. Ону эрдэ өлөрөн кэбиһээр.

Бу арҕаа быраантан Дьоҥкума хайатыгар дылы, өрүс илин өттө, Көбөкөн нэһилиэгин сирэ ойуун кылыыта[1] баар.

Мин өлбүтүм кэннэ, уҥуоҕум ампаарын үс сылынан тоҕо тэбэн кэбиһиэҕим, ол тэбэммин бу арҕаа уһун кырдал үрдүгэр таһаардахпына бэйэм кутум (эмэгэтим) халлааҥҥа барыаҕа, оччоҕо Маймаҕа үөскүө-үүнүө, онтон турар сиригэр үрэлиннэҕинэ — Маймаҕа киһитэ-сүөһүтэ бараныаҕа, бу дайдыга сатыылыаҕым.

Көмүллүбүт сирбэр баспынан икки сыл буолан баран тиит үүнүөҕэ, ол тиит өт уота сиэбитин кэннэ күөх салааланан кэллэҕинэ — киһи сүөһү үөскүөҕэ».

Кырдьык кини кэпсээбитин курдук Сиэллээх ойуунтан куһаҕан уол төрөөбүт, ону аҕата өлөрөн кэбиспит.

Өлбүтүн кэннэ үс сыл буолан баран уҥуоҕун ампаара үрэллэн, арҕаа үрэххэ тахсан хаалбыт.

Кини эппитин курдук икки сылынан төбөтүнэн тиит үүммүт, ону Состокуоп Дарыбыан диэн киһи сир солууругар өт уотун ыытан сиэтэн киэспитин кэннэ мутуга көҕөрөн кэлбит.

Нам оройуона, 57 саастаах Петр Петрович Кутуков тылыттан. С.И. Охлопков суруйбута, атырдьах ыйа 2 күнэ 1937 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 1—3.

173. Ойууттар сырыылара

Ойуун аптаах, илэчийэн киирэр буоллаҕына аан кэтэҕинэн уонна өһүө баһынан киирэр. Тахсарыгар холумтан аннынан тахсар, куһаҕаны оҥороору гыннаҕына. Онно үчүгэй дьоллоох ыал буоллаҕына оһохтон чох ыстанар. Ол ойуун таптардаҕына өлөр.

Өһүө баһынан киирбит кыаттарбат. Өһүө баһыгар киирбит, өһүө баһыгар олорор чөкчөҥөҥү кытта кыттыһар.

Үөһээ өттүгэр элбэхтик сылдьыбыт, күүстээх ойуун киирэр өһүө баһынан.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгэ 60-тан тахса саастаах Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 3 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 29.

176. Дьэргэлгэн түһэрии

Уруккута Бүлүү төрдө, Кэбээйи нэһилиэк төрдө буолбут Дьэргэлгэннээх ойуун диэн баарыгар Хаҥалас Тыгын баай бэт элбэх сэриилээх, сэриилии Кэбээйи сиригэр тахсыбытыгар ойуун киһи кыайан көрөн ытыаласпат гына дьэргэлгэн түһэрэр. Тыгын Баай кыайан көрөн кыргыспакка төннөн дойдулуур.

Нам оройуона, Кэбээйи нэһ., 22 саастаах Анисим Никифорович Кобяков тылыттан. С.И. Боло суруйбута [Боло, 1938, с. 157].

177. Ойуун ыйааһынын ыаратытыы

Ойуун киһи кутун көтөхтөҕүнэ ыарыыр. Оччоҕо кинини икки да үс да киһи кыайан көтөхпөттөр. Мин даҕаны муҥутаан сылдьан 64 киилэ этим. Онно таҥаһым эбилиннин даҕаны. Чэ, сүүс киилэ буолара буолуо. Ону кыайан көтөхпөт этилэр.

Ону көтөҕүөххэ сөп ханнык эмэ таҥаһын алдьатан баран. Холобура ыстааныи буутун кытыытын, ол эбэтэр бэлэнньэккин.

Ону билэр дьон көтөҕүҥ диэтэххинэ ойон туран таҥаһы хайа тардарга бараллара.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгэ 60-н тахса саастаах Никита Алексеевич Парфенов тылыттан, Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 5 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 56.

178. Ойуун айата

Улахан сиэмэх төрүттээх ойуун айалаах буолар. Ойуун айатын сир-дойду, алаас-үрэх тумулун икки ардыгар, эбэтэр икки хайа икки ардыгар иитэр буолара үһү.

Кини айатын кылыылаах, кэнтиктээх, сулустаах, систээх, син булт айатын курдук сэһэргииллэр. Ойуун айата туой үөһэннэн буолара үһү. Холобур, үөһэнэн айаннаан, эбэтэр ойууну сылгылаан, эккирэтэн иһэр ойуун, удаҕан кэлэн киирэн биэрэн, кылыытын таарыйан эһиэхтээх.

Ол гынан баран, айаны иппит ойуунтан үрдүк сүһүөхтэх улуу ойуун эрэ айаны эһиэхтээх. Ол эһэн, эбэтэр таптаран онно умсуохтаах, өлүөхтээх, эбэтэр эһэн куотуохтаах, куотан иппит ойууну куттуохтаах.

Билигин саха улуустарыгар туой иитиилээх ойуун айалаах тумуллар, хайалар бааллара сэһэн-номох буолар.

Ол айалартан билигин былыргы абааһылаах улуу ойууттан ордук, үрдүк сүһүөхтээх уйалаах ойуун үөскээбэккэ, эһиллибэккэ иитиилээх тураллара баар диэн буолар.

Холобур, Сэһэн Болугур нэһилиэк сиригэр, Таатта үрэх алааһыгар Туһахтаах диэн алаас оттоку билиитигэр икки тумулга ойуун айата иитиллэн турар, ол кэннэ эмиэ бу нэһилиэккэ Амма үрэх сүнньүгэр Мындаҕаайы Буор хайата диэн сиртэн Амма үрэҕи туора, үрэҕи үрдүнэн илин энээр Хардааччылаах хайа диэнҥэ дылы эмиэ ойуун айата иитиллэн турар диэн буолар. Ойуун айата эстэрэ бэт өлүүлээх буолара үһү, ойуун эрэ өлбөт, кини таһынааҕы дьоно эмиэ табыллыахтаахтар.

Амма улууһа I Болугур нэһилиэгэ 58 саастаах Иван Никитович Дьячковскай тылыттан. С.И. Боло суруйбута, муус устар 19 күнэ 1926 с. [Боло, 1938, с. 160].

179. Суор Уола

Сүүс биэс уон сыл анараа өттүгэр Мастаах улууһугар Суор Уола диэн ойуун киэнэ атамаана үөскээн сылдьыбыт. Оччотооҕута аҥаардастыы аатыран, соҕотоҕун сураҕыран, өлбүтү өрөһүйэр киһи буолан олорбут. Дьоннор ыарыйдахтарына кыырдаҕына биирдии атынан, оҕуһунан ылара эбитэ үһү. Кини төрөөбүт аҕата Суор диэн эмиэ аар сааргa ааттаматах ойуун эбитэ үһү.

Суор уола киһини сиэри гыннаҕына уон биэс хонукка айыы аһын аһаабата уонна үс хонукка киһи хараҕыттан сүтэрэ эбитэ үһү. Ойууну кытта хатыстаҕына аан дойду отун-маһын алдьаталлара эбитэ үһү, оттон халлааны буоллаҕына хара буурҕанан ыһыахталлара эбитэ үһү. Ол курдук тоҥус атамаан ойууттарын кытта бэрт былдьаһан хатыһара эбитэ үһү.

Кини бэйэтэ этэрэ эбитэ үһү: «Мин сиртэн-халлаантан оҥоһуулаах, Хара Суорун тойонтон хааннаах, айыы таҥараттан айдарыылаах, сибиэн дойдутуттан сирдэтиилээх, орто дойдуга соҕотоҕун үөскээн-төрөөн айдарыллан кэлбитим. Бу мин олорор нэһилиэнньэбэр мин баарбына ыалдьар долуой суох буолуохтаах. Баар эбит буоллаҕына мин диэтэх киһи кырыылаах харахпынан көрдөхпүнэ, кыраны баҕас кыйдыыр, улаханы даҕаны уолутар киһибин», — диэн.

Ол курдук аатыран-суолуран олордоҕуна буоспа диэн сүрдээх ыарыы кэлбит. Кинилэр сэттэ аҕыс-балыс эбиттэрэ үһү. Ол кэлэннэр Мастаах улууһугар мустан Мастаах күөл ортотугар илии илии-

лэриттэн тутуһан үҥкүүлээн дьэртэһиппиттэр. Ону Суор уола истибит. Истээт, сырайа кыа хаан буолбукка дылы буолан баран, сүр үлүгэрдик ойон турбут да, таҥараҕа кириэс охсунан баран түптэ буолан, халлааҥҥа көтөн хаалбыт. Ол кэлэн нуучча иҥнэтэ буолан мас хайаҕаһыгар кыбыллан турбут. Ол туран көрдөҕүнэ сэттэ кыталык кыргыттар сиэттиһэн баран ыллаан, үҥкүүлээн күөрэлдьитэллэр эбит. Ол курдук өр баҕайы ыллаан лыҥкынаһан баран арахсаллара кэлбит. Суор Уола иһиттэҕинэ ибир-сибир кэпсэтэллэр үһү. Ол кэпсэтэллэрин эгэлгэтэ диэн маннык: ханнык сиргэ баралларын тус-туспа чаастаспыттар. Сорохтор Үөһээ Бүлүүгэ, сорохтор Ньурбаҕа, сорохторо Өлөөҥҥө, сорохторо Эдьигээҥҥэ барар буола чаастаһан баран, арай Мастаах улууһугар ким да хаалбат: «Эн хаал, мин хаал», — диэн бэйэ бэйэлэрин халбарытына сатыыллар. Онно сорохторо этэллэр үһү: «Суор Уола — Хара Суорун тойонтон хааннаах, аан дойдуттан айдарыылаах, сибиэт дойдутуттан сирдэтиилээх аар сааргa ааттамматах ойуун баар. Синбиир биһиги хааллахпытына сатаабата чахчы. Онон биир саамай албастаахпытын талан кээһиэҕиҥ. Арай кинини албаһынан өлөрөн баран киһи Мастаах улууһугар көҥүллүк дьаабылыах этэ. Онон билигин биир сүүмэрдээхпитин талан хаалларыаҕыҥ», — диэн саамай оччугуй балтылара тыа баһын үмүр гына түһүөр диэри саҥаран сатарыппыт. Ол кэнниттэн сүбэлэһэн саамай улахан аҕастарын хааларга талаллар. Ол гынан баран Суор Уолун тугунан албастаан өлөрөллөрүн кэпсэппиттэр. Ол кэпсэтэллэрэ: «Суор Уола хайаан да булгу саламаат дуу, хаһы дуу сиэҕэ. Эн онуоха уот буолан хаһыларыгар түс. Оччоҕо ол хаһыны сиэбит дьон өлүөхтээхтэр. Син биир Суор Уола хаһыттан сиэҕэ, оччоҕо кини тэппэккэ барыахтаах. Ол кэннэ эйиигин буойар-хаайар суох буолуохтаах, оччоҕо Мастаах улууһун көҥүллүк айбардыах тустааххын», — диэн бараннар, сыллаһан, угураһан баран, күдэн буолан унаарыс гынан хаалбыттар.

Ити курдук сүбэлэспиттэрин Суор Уола тылыттан тылыгар түһэрэн истэр. Ол гынан баран өйүгэр улаханнык сааммыт. «Бэйи, хотуй оҕобун кус хараҕын харахтыам, кус ыҥуоҕун ыҥуохтуом!» — диэн баран иҥнэ буолан турбут бэйэтэ тиити төргүү мутугунан киһи буолан баран, дүҥүрүн үс төгүл охсон линҥкинэтэр уонна сүр түргэнник дьиэтин диэки унньулус гынан хаалар. Дьиэтигэр кэлэн кэргэттэригэр этэр: «Саамай улахан солуурга тобус-толору кутан саламаат оҥоруҥ, сиэхпин-аһыахпын улаханнык баҕардым», — диир. Дьонноро аҕалара эппитин курдук биир улахан

баҕайы солуурга тобус-толору саламаат оҥорбуттар. Ол гынан баран биир тутум халыҥнаах гына үрдүнэн арыы куппуттар. Саламааттарын сиэри таһааараары гынан эрдэхтэринэ, күтүр баҕайы киһи хараҕын саҕа уот саламааттарын үрдүгэр кэлэн түһэр. Ону Суор Уола ойон турар да ол уоту сулбу тардан ылар уонна бытыылкаҕа түһэрэр. Бэрт кытаанах хаппаҕынан хаппахтаан баран, үс хос тимир буочуку уһаакка били бытыылкатын уган баран, күөлгэ киирэн ойбон алларан ууга тимирдэн кээһэр. Буочукатын быанан кэлгийэн баран быатын уһугун ойбонун кытыытыгар маска баайан кээһэр. Уонна этэр: «Эн миигин өлөрүөм диэбитиҥ буолан баран, хата мин эйигин хараҥа хандалыга хаайан баран ууга тимиртим. Алыс бэйэҕин бэртик санаммат буол!» Ол кэнниттэн өстөөҕүн кыайбыт киһи быһыытынан Суор Уола дьиэтигэр баран хаалар.

Буоспа ыарыыта сири-дойдуну барытын сабар да, арай Мастаах улууһугар туох да ыарыы суох. Ону Мастаах улууһун дьоно буоспаны Суор Уола туппута буолуо диэн таайаллар үһү.

Онтон эмиэ уруккуларын үҥкүүлээбиттэрин курдук үҥкүүлүүллэрин истэр. Ол истэн били алларбыт ойбонугар сүүрэн киирэр. Үс хос буочукатын үлтү охсон баран били бытыылкатын ылар уонна күөл кытыытыгар сүүрэн тахсар. Бытыылка бүөтүн төлө тардарын кытта, онно баар уот күөх төлөн буолан көтөн хаалар. Суор Уола бытыылкатын хампы быраҕан баран, көрүөх бэтэрээ өттүгэр нуучча иҥнэтэ буолан уруккутун курдук Мастаах күөл кытыытыгар маска кыбыллан хаалар. Ол гынан истибитэ: «Биһиги диэтэх дьон улахан аҕаспытын ааттаах ойуун Суор Уола туттаҕа буолуо, онон кэлбэтэҕэ буолуо», — диэн ибир-сибир кэпсэтэллэр үһү. Ол сыруттахтарына кус уҥуоҕун уҥуохтаммыт, хохту харахтаммыт аҕастара кэлэр. Аҕастарыттан Суор Уола хайдах гыммытын ыйытан билэллэр. Ол курдук үҥкүүлээн тарҕаспыттар. Суор Уола сүр түргэнник дүҥүрүн үс төгүл охсон баран халлааҥҥа хара буурҕаны түһэрэн дьиэтигэр айанныы турбут. Ол баран кини хайдах буоспаны кыайбытын бар дьонугар кэпсээбит.

Суор Уола ыарыытын ыалдьар. Өлөрүгэр маннык кэриэһин эппит: «Мин диэтэх Хара Суор Тойонтон хааннаах, аан дойдуттан анабыллаах, сибиэн дойдутуттан сирдэтиилээх киһибин. Онон мин боростуой киһи курдук көмүллэн хааларым сатаммат. Миигин бу курдук тэрийиҥ: биир бэчээтинэй иинэ хаһыҥ. Ол гынан баран баһым илиим сир үрдүгэр тахса сытыахтаах. Мин ийэ маспын ол курдук оҥоруохтааххыт. Илиибэр былаайахпын туттаран баран дүҥүрбүн охсо олорор гыныахтааххыт. Миигин ол курдук гымма-

тыгыт да, мин сатаммат киһибин. Мин өлбүппүн аһыйан үс түүннээх күн ытаһыахтааххыт», — диир. Ол гынан баран сирэйэ-хараҕа кубулуйан, өккөөрөн баран соҕотохто хабаҕын тугэҕиттэн тыынан кээспит да, намыл гынар анныгар барбыт... Өлбүтүн кэннэ кини хайдах эппитин курдук оҥорбуттар[1].

Егор Васильев тылыттан (сааһа 80). Үгүлээт оосуолатын сэттис кылааһын үөрэнээччитэ С.Е. Васильев суруйбута. Бүлүү ороЙуона Тылгыны нэһилиэгэ, кулун тутар 22 күнэ 1938 с. [ИПРЯ, ч. 2, с. 297—299].

180. Саргыл ойуун

Бэрт былыр Засиэбэрэскэй тутуллуон иннинэ буоспа турбут. Онуоха Саргыл ойуун бары аймаҕын барытын ойууннаан саһыарбыт. Бэйэтэ Ойуһардаах диэн сиргэ буоспа оҕуһун кытта хассыам диэн оҥостор.

Буоспа иччитин Ойуһардаах диэн сиргэ көссөр. Ол көссүһэн хассан, тэҥнэспиттэр бастаан. Оттон иккиһин буоспа иччитэ хассыбатах. Төннүбүт.

Уонна Саргыл ойуун Кэлээдин тааһыгар буоспа иччитигэр айа тардар[1], кэнтигэ Ыҥыыр Тааска. «Бу айаны эстэҕинэ буоспа иччитэ эрэ эһиэҕэ этэ да, кини толлуоҕа. Оттон миигиттэн ордук ойуун сир-халлаан уларыйыар диэри үөскүө суоҕа», — диэбитэ үһү.

Туртаҥныыр ойуун ол айаны көрөрө үһү.

Григорий Солдатов тылыттан. Г.М. Васильев суруйбута, атырдьах ыйын 9 күнэ 1944 с., Крест-Майор [ИПРЯ, ч. 2, с. 300].

182. Кээрэкээн

I

Мунҥхалаах Кээрэкээн[1] диэн ойуун, былыр нуучча кэлиэн иннинэ аҕай, Өлүөнэ өрүс арҕаа эҥээригэр олорон: «Кутум-сүрүм[2] тохтообот буолла, бу дойду дьоло-соргута тохторо чугаһаабыт», — диэн биэлээх атыырын илин мыраантан тыа диэки кыйдаан кэбиһэр. «Сылгым тохтообут сиригэр мин тахсан олохсуйуом», — диэбитинэн сылгытын батыһан тахсар. Таатта үрэҕэр тохтоон, тохтообут сирин «Тохтобул буоллун» диэн ааттаан олоҕурар.

Ол хойут кини ааттаабытынан билигин Ойуун Ууһа Дьохсоҕон нэһилиэгэ Тохтобул диэн киэҥ, үгүс ыал олохтоох киин үтүө сир баар.

Кээрэкээн ойуун бу Таатта сиригэр тахсан билиги Дьохсоҕон, Амма нэһилиэктэрин дойдуларынан олоҕурарга барар. Ол курдук олорон биир кэмҥэ Кээрэкээн ойуун Бахсыгыр оҕонньорго[3] илдьит ыытар: «Дьэ бу дойдуга олохтоох уус дьон баар үһүгүт. Бахсыгыр баай миэхэ кэлэн, мин этэрбэспин имитэр дуу, эбэтэр добун көҥүл олохтоох баатыраттары туруорар дуу? Онно барытыгар бэлэммин, кэннибинэн кэхтибэккэ, иннибинэн турабын», — диэн. Ол курдук илдьиттээн баран Кээрэкээн ойуун үс бастыҥ боотурдарын: «Мэҥэ Бэрт Бээчээн, Курбуһах Ыттаах ойуун уола Күөртэ, Саһыл Өндүөс Бөҕө диэннэри тумус сэрии дьонунан бэлэмниир. Бу балартан ураты, чугастааҕы аймаҕыттан Тыараһа Иргиэлэ уонна Инэрчэ диэннэри, ити кэннэ бэйэтин бөҕөс уола Кэҥис Боотур диэн булуталаан бары аймаҕын, дьоһун бөҕөс боотур, кыргыһар дьону ыҥырталаан бэлэмниир.

Ол курдук илдьиттэһэн бэйэлэрэ буоллаҕына толору мунньустан баран, бото болдьох, кэтэ кэрдии, харыска суоран, кэптэрин туонан түөрт кыргыс дьоно буолан, саас Таатта үрэҕин уутун сүнньүнэн сол Тохтобул диэн киэҥ алаас сир булгунньаҕар бары сэриитиниин Кээрэкээн ойуун тоһуйан олорор.

Кээрэкээн ойуун дуулаҕа кэтэр уола Кэҥис Боотур кэтээн сытар. Кэҥис Боотур дуулаҕа куйаҕын төҥүргэскэ кэтэрдэн, сыал оҥостон ытыалаан көрөр да хайа таптаабыт үрдүгэр түһэрэр. Ол кэннэ араас аттары үҥүнэн анньыталаан ыла-ыла тиити үрдүнэн ҥөҥүө быраҕаттаан күүһүн-уоҕун холонор. Ол да буоллар, Кэҥис Боотур дуулаҕа куйаҕа кыайтарарын биттэнэр. Аҕа баһылыктара, тойонноро Кээрэкээн ойуун тоҕус хонугу быһа уһуктубакка утуйа сытан кэтэһэр. Ол сытан Кээрэкээн ойуун эмискэ үлүгэр соһуйан уһукта биэрэр да, саҥалаах-тыллаах уһуктар: «О-о! бу Байаҕантайдар[4] кыайаллара кэллэ. Эн Кэҥис Боотур дуулаҕа куйаххын сыал оҥостон ытыалааҥҥын куккун-сүргүн тохтуҥ, дуулаҕаҥ хаанынан ытаата. Бахсыгыр баайдаах биир үтүө ойууну булуннулар, ол кэннэ сарсын сарсыарда күн ойуута бу дойдуга хааннаах уллуҥахтарынан үктэннилэр!» — диэн сүҥхаран, айдааран-айманан уһуктар. Ити курдук Кээрэкээн ойуун бары дьонунуун кэтэһэн, кыргыс дьоно Байаҕантайдар кэлэллэрин тоһуйан олороллор.

II

Ол кэмҥэ Байаҕантай дьоно Аан Чаачай Ойуун аймаҕа Кэдирги Кээдэй уолаттара үһүө буолан, Дэлгэһэ диэн биилэрэ киһи тойонноох Модьукаан Бөҕө, Тиһикээн Бөҕө буоланнар Өймөкөөн-

төн[5] киирэллэр. Билиҥҥи Буойа диэн үрэххэ иһэннэр, аймахтара Байаҕантай ууһа Бахсыгыр оҕонньордооҕу, кини бары дьонун-боҕостөрүн, баатырдарын уонна инитэ Саһыл Бытык диэни уолаттарыныын Мадьыгы Төрөнөй, Бахчыгыр Баатыр, Күөрэҥ Атах диэннэрдиин иһэллэрин көрсүһэ түһэллэр. Ол көрсүһэннэр, бастаан билсиспэккэ маҥнайгы омуннарыгар Мадьыгы Төрөнөй Дэлгэһэни түнэ сонун тэллэҕиттэн хабан ылан, аҥаар илиитинэн сырбаппыта: түнэ сону быһа охсон, мүччү туттаран, Дэлгэһэ тый аттааҕынан Таатта үрэҕин уутун биирдэ ойутан хаалар. Онтон Мадьыгы Төрөнөй Суонда Араҥаҕа диэн аттааҕынан үрэх уутун үрдүнэн ойутан көрөр да кыайан ойутумуна хаалар. Ол да буоллар ох саа кыаҕын иһиттэн Дэлгэһэ куоппатах. Дьоно да тураллар. Онон этэҥкэстээн турдаҕына өрүһүйэн Мадьыгыр Төрөнөй: «Бу төбөтүнэн харахтааҕы манна умса ытан, куйаҕы хааннаан барыахха баар!» — диэн абатыйан кыланар да, кураахтаах ох саатын түүлээх, куйах ытар уостаах оҕунан анаабыллаан барар. Ол икки ардыгар баһылыктара-тойонноро буолбут Бахсыгыр оҕонньор: «Үрүҥ күнтэн сүтэриҥ кэллэ, кимтэн киинээх, хантан хааннаах киһигиний, кэпкин туона оҕус!» — диэн хаһыытаан тохтотор. Дэлгэһэ тый атын эргилиннэ баттыыр да утары хайыһыннаран туран, кэбин туонар, ол гынан этэр: «Төрдүм ууһум Байаҕантай Саһыл Бытык диэн баара, ол ойоҕо Саһыл Мөндүкээн диэн дьахтартан төрөөбүт, Өймөкөөн ууһа Аан Чаачай ойуун уола Кэдэрги Кээлэй диэн баар, олор оҕолоро бу үс уолбут, аҕабыт баар, аймах-чаҕыр дьоммут Бахсыгыр оҕонньор диэн буолуо этэ!» — диэн толору кэпсиэн, кэбин туонан биэрэр. Онуоха Бахсыгыр оҕонньордоох өйдүөн истибиттэрэ бэйэлэрин дьонноро эбиттэр, манан «Бай, бэйэбит уруулларбыт-аймахтарбыт эбиккит, биһи эмиэ ол Байаҕантайдар буолабыт, Бахсыгыр дьонобут!» — диэн билсиһэн: «Кэбис эйэ буоллун!» — дэсиһэн Дэлгэһэни: «Уһаа-тэҥий, тэлгэнэн Дэлгэһэ ууһа буол диэн!» — диэн алҕаан-алҕаан ыыталлар.

Ол Дэлгэһэлээх Кээрэкээн Ойуун тахсан алта баатырдаах буолан мустан тоһуйа сыталларын сиһилии кэпсииллэр, кинилэр тоһуйбуттара аҕыс хонно диэн буолар.

Онтон били Өймөкөөн ууһа дьон, Дэлгэһэлээх, кыргыстан сэрэнэн дьаадьыйан Баайаҕа үрэҕинэн тахсан Тулаайах алаас диэн сиргэ тиийэн саһан, бүгэн хоноллор.

Бахсыгыр оҕонньордоох буоллахтарына ити кэмҥэ Мойуона диэн алааска тиийэн Ытык тиит диэн үтүө баараҕай мас-тиит баарыгар түһүнэн, ол төрдүгэр хоноллор. Сарсыарда эрдэ туран,

Мадьагы Төрөнөйү сэттэ тииккэ кэлгийэн быанан сөрүү көтөн туруоран, дуулаҕа куйаҕы кэтэрдэн, бары таҥнар, туттар сэбин туруору туттаран, илбис таттаран баран ыытан кэбиһэллэр да, киһилэрэ сэриилэһэр сирдэрин диэкки сүүрэ турар. Маныаха бары туран күн уоттана ойуутугар Тохтобул алаас үс хара тиитгээх булгунньаҕар Кээрэкээн ойуунҥа киһилэрин кэнниттэн тиийэн кэлэллэр. Дьэ икки өттүттэн сэрии, кыргыһыы буолар. Бу дойдуга хаан тохтор, үтүгэн үрэллэр, сах сарайар, күн туллар, күһэнгэ быата быстар, бото болдьох, кэтэ кэрдии кэмэ-күнэ туһаайар[6].

Кээрэкээн ойуун бастыҥ баатыра, дуулаҕа кэтэр уола Кэҥис Боотур кыргыс дьонун кэтэһэ сытан, утары киниэхэ иһэр киһини (бөҕөһү), Мадьыгы Төрөнөйү, көрөөт иҥэччэлээх үҥүүтүн өрө туппутунан утары сүүрэн кэлэр. Дуулаҕа куйаҕа алларанан арылла түспүтүнэн түбэһиннэрэн Мадьыгы Төрөлөй, кыһыл эт көстөрүнэн үҥүүтүнэн биирдэ түһэн, Кэҥис Боотуру биир анньыынан сырдык тыынын быһар. Кэҥис Боотур биир анньыыны тулуйбакка онно өлөн хаалар. Ол үлүгэр соһумар өлүүнү көрөн, кыаттарбыкка холонон, соргута самнан Кээрэкээн ойуун намыаскалаах бэргэһэтин моонньохтонон, сөсүргэстээн туран, иннилэригэр тохтоон үҥэн-сүктэн тыл этэр: «Кыайдыгыт, тохтооҥ, эр сулуутуна[7] куттаран ылан баран, тохтооҥ, болҕойуҥ!» — диэн көрдөһөр. Ону ылынан Байаҕантай Бахсыгыр оҕонньордоох тохтооннор, кыайбыт суолларыгар атах соболоҥун, эр сулуутун куттаран уон икки боһомону ылан уурайаллар.

Ол курдук кыайан-хотон илбистэрин өһүлэн, байаҕантайдар дойдуларын диэки бары төннөллөр.

Бу төннөн иһэн билиҥҥинэн Бэппэй диэн үрэҕинэн өрө тахсан Кэйгэс үөс диэҥҥэ тиийэн, Мадьыгы Төрөнөй кэмсинэн кылана түһэр. «Хор, баара маҥайыкаан аллаах, бу Кээрэкээн ойуун бастыҥ баатырын кытта тустан көрүмүнэ, сыыһа төннөн иһэбин, абам эбит!» — диэн туойар. Маны истэн баһылыктара Бахсыгыр оҕонньор буойар: «Туох буоланҥын. Кэмсинимэ, сөбүн ааттарын суолларын ыллыбыт!» — диир. Онуоха Мадьыкы Төрөнөй өрө охсунан, кураахтаах саатын сыыйа утары тутан аҥаабыллаан Бахсыгыр оҕонньору ытан саайбыта, ох оҕонньор миинэн иһэр атын кэннинэн түһэн ханас хараҕынан курдаттаан ойон тахсар да, ат онно сирэйинэн умса хоруйа түһэр, өлөр.

Онтон өрүһүйэн Мадьыгы Төрөнөй үҥүүнэн оҕонньору дугдуруйар да, оҕонньор тэмтээкэйдээн охтон түһэр. Онуоха көөттөрө:

аҥаар хайыыта тиийэн тостон Бахсыгыр оҕонньор самыытын уҥуоҕар хаалар. Ону дьоно көрөн буойан-хаайан тохтотоллор. Оҕонньор бааһын биилээҕинэн кэҥэтэн, үҥүү тимирин хостоон баран, сэрэмээт курунан хаана барарын бааһын саба баайан тохтотоллор. Ол курдук суолунан Мадьагы Төрөнөй илбиһэ тахсан «Оҕобут дьэ көннө, илбиһэ дьэ таҕыста», — диэн, сэрии дьоно бары дьэ дойдулууллар.

Ол сиртэн Бахсыгыр оҕонньор аймахтарын кытта буола кэпсэтэн арахсан, бэйэтин олорор Дьарбаҥ Суут диэҥҥэ билигинэн бастакы Байаҕантай нэһилиэгин сиригэр барар. Оттон Өймөкоон дьоно Саһыл Бытыктаах бары Алданы туораан Томпо үрэҕэр тиийэн, Суонда Араҥаһа аты Мадьыгы Төрөнөй миинэн истэҕинэ, эмискэ хаана саба түһэн, иннинэн-кэннинэн иктээн сонно сиргэ, суол хаба ортотугар турбутунан өлөн хаалар. Ону онно уҥуоҕун тутан диэн, баһын уҥуоҕун биир үтүө тииккэ таҥнары ыйаан бараллар. Ол бас уҥуохтаах сир билигин Суонда Бастаах диэн ааттанар. Ол бас (төбө) уҥуоҕа, бу саҥардыыга диэри баарын, иккис Игидэй нэһилиэгин киһитэ Күйгэс Николай диэн биирдэ түбэһэн баран өттүгэр тутан мээрэйдэммитэ, кинини өттүгүн баһынан эбитэ үһү.

III

Ол курдук айаннаан, Саһыл Бытык уолаттара — Бахсыгыр Баатыр, Күдэҥ Атах, Мадьыгы Төрөнөй бары дойдуларыгар — Өймөкөөҥҥө Сэттэ сирэй хайаҕа тиийэн олороллор. Бахсыгыр оҕонньортон көмө буолбут манньаларын, атах соболоҥун кэриэтэ, эр сулуутугар ылбыт 12 боһомо сылгыттан ылсыбыттара буолуо...

Кээрэкээн ойуун үтүө дуулаҕа-куйах кэтэр уола Кэҥис Боотур өлөн эр сулуутун кутан, саат-суут бөҕө буолан, аар сааргa аата алдьанан, дьоло-соргута тохтон, уолун эрэнэн дьон-сэргэ, кыргыс булунан атын уус аймах-билэ дьон кэлэн түһүүлэрин кытта туруктаһыам дии санаабыта табыллыбатах. Ол табыллыбатах суола-дуулаҕа кэтэр уола, Кэҥис Боотур илбиһин инэринэригэр, кэбин туонан туран, дуулаҕа куйаҕын устан маска кэтэрдэн баран, киһи оҥорон, күнүн туура ытан, күһэҥэтин табан, куйаҕа хаанынан ытаан, кута-сүрэ тохтон, маҥнайгы аат былдьаһыылаах сэриигэ кыргыс дьоно — Байаҕантайдар, Өймөкөөн ууһа кыайан бааттар.

Кун туллубута, күһэҥэ быата быстыбыта, соргу самныбыта сайына туораан[8] күһүнэ кэлиитигэр Кээрэкээн ойуун абатыйан,

иккиһин кыргыс дьонун мунньунан Иргиэлэ уонна Иҥэрсэ диэн баатырдарынан бары күүһүн холбоон туран, ол олорбут Тохтобул диэн сириттэн кыргыһа, ситиһэ, күөн көссө, хаан-хасса Өймөкөөн дойдутун диэки бараллар.

Баран иһэн айанныырын (сир) тэҥ оттотугар тиийэн тохтоон хоноллор. Күһүҥҥү биириэмэ. Тохтообут сирдэригэр үс хоноллор. Кээрэкээн ойуун ол тухары утуйан, үс хонон баран эмискэ аллараастаан-айхаллаан уһуктаат, үс бастыҥ оҕу ылан, убайа турар кутаа-уот үрдүнэн өрө тутан тураат: «Уус-һуус!» — дэтэлиир. Ол аайы торбос сүрэҕин курдук, үс хааннаах сүрэх охтор төбөлөрүгэр кэлэн хатаммыттарын, уотугар сабыыр уонна, ол үс сүрэҕи ылан сабаан баран: «Дьэ кыайдыбыт, төннүөҕүҥ!» — диэн бары сэрии, кыргыс олоҕун Өймөкөөҥҥө тиийбэккэ, дойдуларыгар төннөллөр.

Ол кэмҥэ Өймөкөөн дойдуларыгар Сэттэ сирэй хайа диэҥҥэ, Мадьыгы Төрөнөйдөөх олохторугар биир, сарыы таҥастаах, ынах быата курдуруух эргэлээх харахтаах Илбис кыыһа дьахтар буолан кубулунан тиийэн, Саһыл Бытык үс ини-бии уолаттарыгар төттөрү-таары сылдьан: «Эйиэхэ ол ини-бии кыргыһа иһэр, бэлэмнэн!» — диэн сымыйа хобу тарҕатан, онтон соһуйан үс уол бэйэбэйэлэрин кыргыһан бысталлар. Ол курдук Өймөкөөҥҥө олохтоох Байаҕантай Саһыл Бытык уолаттара — Бахсыгыр Баатыр, Күдэҥ атах, Мадьыҥы Төрөнөй буоланнар бары өлөллөр. Ол аата, Кээрэкээн ойуун илбис тардан, абааһытын ыҥыран, ол сарыы таҥастаах дьахтар буолан тиийэн, сымыйа хобу тарҕатан, кыргыһыыны туруоран, биир аймах-уруу хаан быһыннаҕа үһү.

Таатта оройуона, Дьүлэй нэһилиэгэ, 82 саастаах Егор Минович Егоров тылыттан. С.И. Боло суруйбута алтынньы 10—12 күнэ 1933 с., Таалалаах. I—II чааһа см. [ИПРЯ, ч. 1, с. 211—214]; III чааһын көр [Боло, 1938, с. 88].

183. Дьохсоҕон ууһа

Кээрэкээн ойуун Байаҕантай, Игидэй[1], Өймөкөөн дьоннорун кытта кыргыһан кыайан-хотон баран олоҕун Амма, Таатта үрэхтэринэн булар. Кини сылгы, ынах баайдаах. Бэйэтигэр ыкса дьоннооҕо. Тыараһа[2] Торбос бөтөҥкөс диэн аҕалаах, Тыһаҕас Күскэс диэн ийэлээх Иргиэлэ уонна Иҥэрчэ диэн ини-бии икки киһи боотурдааҕа. Мэҥэ ууһа Бэрт Бээчээн диэн, Курбуһах ууһа Ыттаах

ойуун уола Күөртэ диэн, Саһыл Өндүөс Бөҕө диэн уонна Кэнгис Боотур диэн бөҕөстөрдөөх этэ.

Кээрэкээн ойуун соҕотох Дьохсоҕон[3] диэн уоллаах этэ. Дьохсоҕон, аҕатын курдук, Амма, Таатта, үрэхтэринэн олорбута. Кини Былаах диэн ойохтооҕо.

Биирдэ аҕалара Кээрэкээн ойуун Амма үрэххэ киирэн Арыы Быһыт диэн дойдуга тоһоҕоттон тардыстан туран кэриэһин кэпсиир: «Мин ууга өлөбүн, оҥоһуум оннук. Куоҕас буолан үс көс үөһээ өрө өксөйөн өлөн тахсыаҕым ол тахсыбыт туспунан Такыма хайатыгар таһааран көмөн, уҥуохпун тутаарыҥ. Хойуут кэнэҕэс үс орук тиит үүнэн тахсыа. Онно харалаах аас тэлгэҕи тэлгээн, ас тардан аһыылаах суораты[4] аһаатахтарына, ол тиитинэн ооҕуй оҕус ситимэ түһүөҕэ. Ону төрүөбэтэх тулаайах кыыс дьахтар ылан суоракка булаан сиэтэҕинэ, удьуорбар иккиһин эргийэн түһүөҕүм. Мин курдук киһи үөскүө этэ. Мин таас үрэххэ төрөөбүтүм. Таас үрэххэ уҥуоҕум хаалар оҥоруулаахпын», — диэн этэн баран, тардыстан туран тоһоҕотуттан соҕотохто Амма уутугар чоп гынан хаалар да, куоҕас буолан сүүрүгү өрө устан, үс көстөөх Такыма хайатыгар туһулаан өлөн тахсан кэлэр. Ону дьоно булан таһааран Такыма хайатын, адьас быарыгар көмөн, уҥуох туталлар.

Ол кини уҥуоҕуттан, урут икки оруктаах мас үүнэн хаппытыттан, билигин үһүс оруктаах мас үүнэн турар диэн буолар. Кини уҥуоҕун таһыттан холорук тахсар үһү диэн кэпсииллэрэ.

Кээрэкээн ойуун өлөн, уҥуох тутуллан ааспыта өр буолар. Кини уола Дьохсоҕон диэн оҕонньор аатын ылан олорор кэмигэр, киниттэн түөрт уол оҕо төрүөн, ааттара-суоллара ааттаммыттара.

Дьохсоҕон оҕонньор, Былаах эмэхсин биир кэмҥэ Амма үрэхтэн Таатта үрэххэ көһөн тахсан истэхтэринэ, тоҕус саастаах уоллара иннилэригэр сүүрэн иһэн тохтоон: «Хоргуйдум, аһатыҥ, да аһатыҥ, аһаппат буоллаххытына, сүрдээхтик ырыам», — диэн ас көрдүүр, онуоха оҕонньордоох эмээхсин тохтоон ынахтарын эмтэрэн иһэрдэллэр, ол курдук Амматтан Тааттаҕа сэттэ көс сиргэ сэттэтэ тохтоон эмнэрэн тахсаллар. Бу түөкэйдээн-албыннаан аһаабытын иһин, аата «Түөкэй-Түөкүн Уохчай» буоллун диэн аат биэрэн тахсаллар. Иккис уоллара төбөтүттэн кутургун төрдүгэр диэри сылгы курдук сиэллээх уол буолбут, ол иһин бу уол аата «Сиэллээх уол» буоллун диэн ааттыыллар. Үһүс уоллара түөртээҕиттэн таас дьүлэй буолан төрүүр, ол иһин «Дьүлэй уол» буоллун диэн аат биэрэллэр. Төрдүс уоллара туой ойумсуйар, түүллээҕимсий-

эр идэлээх уол төрүүр, ол иһин бу уол аата «Ойуун уол» диэн буоллун диэн ааттыыллар.

Ол курдук Дьохсоҕон оҕонньор түөрт уолуттан, уолаттар аттарынан-ааттаах удьуордар: Түөкэй ууһа Дьохсоҕон, Сиэллээх ууһа Дьохсоҕон, Дьүлэй ууһа Дьохсоҕон уонна Ойуун ууһа Дьохсоҕон диэн уустар, нэһилиэктэр ууһаан-тэнийэн Амма, Таатта үрэхтэринэн олоҕураллар.

Кэнники Кээрэкээн уола Дьохсоҕон оҕонньор өлбүт, кини ойоҕо Былаах эмээхсин диэн тулаайах оҕолордуун хаалан олордоҕуна, Сонтой Баҕаччах диэн киһи биссэн Быкыйаан Сүөһүйээн диэн уол оҕону төрөтөр. Ол оҕоттон билигин Түтүллэ аймах — Сивцевтар үөскээн олороллор.

Таатта оройуона, Дүлэй нэһилиэгэ, 82 саастаах Егор Минович Егоров тылыттан. С.И. Боло суруйбута, алтынньы 10—11 күнэ 1936 с., Таалалаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 217—218].

184. Адаҕалаах ойуун уола

Адаҕалаах диэн Нам ойууна эбитэ үһү. Бу ойуун, былыргы быһыытынан, ойууттары кытта күрсэр идэлээҕэ үһү[1].

Биирдэ үрэх баһын ойууна Киһиинчэ ойуун диэн наһаа улахан кыыл буолан кэлэн Ытык Хайа үрдүгэр түспүт. Ол түһэн баран өрүс уҥуоргу өттүттэн мындаалаан аһыы олорбут, оннук уһун моойдоох эбит. Ону көрөн баран Адаҕалаах ойуун тимир атаранан бырахпыт. Анараа аҥгыта атара иһэрин көрөн өрө көппүт, онон кынатын биир куорсунун быһа бырахпыт. Киһиинчэ ойуун сүтэн хаалбыт.

Тоҕус хонон баран Адаҕалаах ойуун мыраанҥа оҕуһунан мас тиэйэ тахсыбыт. Онно тус арҕааттан олус будулҕан түспүт. Оҕуһун бурҕалдьытыттан сүөрэ турдаҕына анараа ойуун тимир үөрбэнэн сиһин үөһүн быһа быраҕан, оҕуһун кытта өлөрөр. Оҕонньор оҕуһун кытта үс хонукка сүтэр. Үс хонукка буурҕа буолар. Бүтүн нэһилиэгинэн көрдөөн оҕонньору булан киллэрэн көмөн кээспиттэр.

Кини уола, сокуоннай сааһын туола илик саҥа ойуун буолаары гыммыт уол баарын, аҕата үөрэтэрэ үһү. Бу уол абарыы бөҕөнү абарар, кыырыах санаата олус кэлэр.

Биир киэһэ кыырар. Үс тоҕус олоххо кыайан тиийбэт, тахсыбат. Кырбый кыыл буолан алта олоххо эрэ тахсан орто дойдуну көрөр.

Көрүүтүн таба көрөр: аҕатын мас тиэйэ сырыттаҕына Киһиинчэ ойуун үөрбэнэн бараҕан өлөрбүт эбит. Ити иннигэр кини аҕата ити ойууну үөрбэнэн бараҕан куорсунун быһа бырахпыт эбит, ону эмиэ көрөр. Абарар. «Сокуоннай сааһым ситэ илик. Быйыл ситтэхпинэ батыһыам», — диир. Кулун тутар ыйга сааһа ситэн мохсоҕол буолан тахсан Киһиинчэ олоҕор тиийэр. Киһиинчэ дьиэтигэр суох эбит. Ол тиийэн дьиэтин уҥа өттүгэр үс салаалаах хатыҥ төрдүгэр куоска буолан сыппыт.

Ол сытан көрбүтэ, далга икки мөҕүрүөн сүөһү аһыы тураллар эбит. Онно тимир атараны бараҕан куугунаппыт. Били бараҕаатын кытта ураҕастаах маҥан таҥастаах дьон баар буолбуттар. Ити сүөһү айыылара үһү. «Биһиги айыыбыт туспа, биһиги эйиэхэ туох да энчини оҥорботохпут, эн айыыҥ инньэ, тыытыма. Биһиги олус элбэхтик үөскээри турабыт. Өстөөххүн батыс», — диэбиттэр.

Балай эмэ туох да биллибэтэх. Арай дьиэтиттэн биир хара ыт кинини үрбүтүнэн тахсыбыт. Ону атаранан бараҕан өлөрөр. Дьиэҕэ ойуун эмээхсинэ, удаҕан баара, кинини билэн ааны хатаабыт, кими да таһаарбатах. Ыт тахсан, оҕо ытын аһынан, кууһа түспүтүн эмиэ бараҕан өлөрбүт. Онтон биир хат дьахтар тахсыбытын өлөрбүт. Ити кэнниттэн дьиэттэн киһи ончу биллибэт буолбут. Киэһэ борук-сорук буолбутун кэннэ хотуттан улахан хара устан кэлэн иһэр эбит. Чугаһаабытыгар көрбутэ: биир сыарҕа эти тиэйбит оҕонньор тиийэн кэлбит. Ону кини эмиэ өлөрөр, оҕуһун эмиэ бараҕан өлөрөр.

Ити кэнниттэн им сүтэн эрдэҕинэ, дьэ сүүнэ бэйэлээх купкугас аттаах ойуун бэйэтэ иһэр эбит. Кини сыһыытыгар киирээт, икки тэргэн курдук хараҕын уотун бараҕан ойуун баарын билэр. Кэлэн сэргэ төрдүгэр атыттан түһэн эрдэҕинэ, уол үөрбэнэн бараҕар, ону хаҥас илиитинэн туора охсон кээһэр. Сэргэҕэ атын баайан эрдэҕинэ бараҕар, ону эмиэ туора охсубут. Онтон дьиэҕэ киирээри аан быатын тутан эрдэҕинэ бырахпыт, ону эмиэ туора охсон кээспит.

Дьиэтигэр киирэн: «Эмээхсиэн, бааргын дуу? Суоххун дуу? Сылгы миинин үрдүн уокка кута оҕус, ойуун дьоммутун бараабыт!» — диэбит. Эмээхсин хаҥас диэкиттэн кэлэн сылгы миинин үрдүн уокка кутар. Ол төлөнүн кытта мохсоҕол кыыл көтөн тахсар. Уол куотар. Тоҕус сылы мэлдьи эккирэтэр, уол куота сылдьыбыт. Ити тухары араастаһынан бары сылдьыбыттар: киһи биһилэҕин икки сөмүйэтин ыккардынан тахсыбыттар, хороҥ от сүмэтин иһинэн эмиэ киирэн тахсыбыттар.

Ол гынан баран Баабыр ойуун уол сааһа ситэр. Тоҕус ойуун төрдүгэр киирэн саһар. Киһиинчэ бу тиийэн кэлэр. Онно үҥсэллэр. Уол кэпсиир аҕабын уонна оҕуспун өлөрбүтэ диэн. Кинилэри ыйаан көрөллөр хайаҕыт ордук эбит диэннэр. Иккиэн тэбис тэҥ буолаллар. «Тэҥ ойууннар эбиккит», — дииллэр. «Аллараа Таам Таратыы диэн сир баар. Ол умайа турар уот байҕал сир буолар, онно бэрт синньигэс тимир муоста баар. Онно эһиги икки ааҕый оҕус буолан харсыҥ, биир буруйдааххыт түһэн өлүө», — диэбиттэр үһү.

Аллараа түһэллэр, ааҕый оҕус буолан тимир муостаҕа харсаллар. Үс сылы мэлдьи харсаллар, хайалара даҕаны түһэн биэрбэт. Онтон иккиэн түбэһэллэр, Баабыр үрдүкү буола түһэр. Баабыр былыр кыра эрдэҕинэ Бүлүү Алыһардаах[2] удаҕаҥҥа аҕыйах бириэмэҕэ иитиллэ сылдьыбыт үһү, онон киниттэн көрдөһөр: «Өлөр күнүм буолла, уот байҕалга Киһиинчэ ойууну кытта буһан эрэбин. Аһын, абыраа-быыһаа», — диир. Алыһардаах удаҕан халлаан холууба буолан көтөн налбайан кэлэн Баабыр ойууну кытаахтаан ылан, дайдытыгар аҕалан түһэрэн кээспит үһү.

Стручков Спиридон Яковлевичтан, 84 саастаах, Уус-Алдан оройуонун иккис Лөгөй нэһилиэгэ, тылыттан. С.О. Онопров суруйбута, от ыйын 1 күнэ 1945 с., Мүрү [ИПРЯ, ч. 2, с. 264—265].

185. Сабарта Өлөксөй уонна Болчуона ойуун

Сабарта Өлөксөй, Нэлэгэр баай удьуора, туох да, туох да, туох да наһаа баай киһи. Эбэ диэн сиргэ уонча хостоох дьиэ бэрдин туттаран олорбут. Ол саҕана эрбии суоҕа үһү, уустар сүгэнэн суоран туппуттар. Муннуктара — уобулга түһэттэрии. Бу дьиэни Дайдыттан, Дьокуускайтан киһилэри аҕалан туттарбыт.

Бу Сабарта баай сэттэ ойохтооҕо. Сэттэ ойохторо сэттэ тоҕойго олороллоро. Баайа диэн олус: Сартаҥы, Дулҕалааҕы үрдүнэн ынахсыттардаах. Эмиэ Нэлэгэр курдук кыйдыы байбыт. Сылгылары сэттэ киһинэн кыйдатара үһү. Наар кэрэ сылгыны кыйдатар эбит. Бу кыйдаммыт сылгыны ким да ылыа суохтаах.

Сабарта үс уолугар Дайдыттан үс дьахтары ойох ылан биэрэр. Баай бөҕөнү ол дьахталлар энньэлэригэр илдьэ кэлэллэр. Сабарта бу үс кийиитин ааттарын алдьатан кыйдаан ыытар.

Дьэ бу киһи, дьэ, маннык аатыран олорон хайаабыт...

Манна билигин Кэриир Киһитэ дэтэр ааттаммат ойуун олорбут.

Ойуун аата Болчуона Ньукулай диэн үһү, бадаҕа. Бу ойуун эмээхсинэ Сабартаҕа аһыы кэлбитигэр иэспэр диэн ааттаан хара

маҥаас атын былдьаан ылбыт. Эмээхсин мас тайахтанан төннүбүт. Дьиэтигэр кэлбитэ, эрэ киһи сэргэҕэ көхсүнэн өйөнөн, халлааҥҥа хантайан, хаанынан ытыы-ытыы турар эбит. Оннук сэттэ күннээх түүн устатыгар бар кырыа буолан баран турбут.

Ойуун икки оҕолоох. Бу оҕолоро куттаналлар, аҕаларын киир диэн көрдөһөллөр. Аҕалара ону истиэх киһи буолуо дуо.

Бу кэнниттэн Сабарта олоҕор хаптаһын тоҥот түһэр. Тоҕус буос биэ өлөр.

Сабарта ыксаан бу ойуунҥа икки көтөл бэлэҕи биэрэн ааттаһар, хара маҥаас атын төннөрөр.

Ойуун бэлэҕи төттөрү ыытар. «Ылбытын ыллын», — диэн атын даҕаны илдьэ хаалбат. Бу ойуун Сабарта баайы имиттэн быһар. Дьоно, оҕолоро, бэйэтэ — бары өлөллөр.

Сабарта баай хатына Кураанах Үрэйэ диэн дайдыга көмүһү көмөрө үһү. Сэттэ көбүөр кыһыл көмүс, аҕыс көбүөр үрүҥ көмүс харчыны көмпүт. Көбүөр диэн анах ыйыстарынан (куолайынан) оҥоһуллар. Бу дьахтар өлөрүгэр: «Сэттэ көбүөр кыһыл көмүһүм, аҕыс көбүөр үрүҥ көмүһүм», — дии-дии сири тарыйа-тарыйа сытан өлбүт.

Бу дьахтар үүс саҥыйахтары, кыһыл көмүс кылдьыылары, араас киэргэллэриниин бүтүннүү көмпүттэр. Миинэр ата буоллун диэн үрүҥ көмүс ыҥыырдаах аты баай тэриллэри эмиэ көмпүттэр. Уҥуоҕа Кураанах Үрүйэ молдьоҕойугар баара үһү.

Дмитрий Николаевич Другин, 80 саастаах, Верхоянскай оройуонун тылыттан. Н.В. Емельянов суруйбута, муус устар 9 күнэ 1956 с., «Уйбаан Сирэ» диэн учаастак, Верхоянскай оройуон [ИПРЯ, ч. 2, с. 154].

189. Добун ойуун кубулҕата

Добун ойуун кутуруксутунаан Саҕанньах Өндөрөйдүүн, улахан сут дьыл, Бороҕон улууһуттан бурдук атыылаһа бараллар. Кинилэр Бороҕон улууһуттан төннөн иһэн, Дүксүн улууһугар ыкса киэһэ кэлэн, уоллаах кыыс оҕолоох биир эмээхсин дьахтар олорор дьиэтигэр көтөн түһэллэр. Ол көтөн түспүттэригэр эмээхсин этэр: «Биһиги хоноһону хоннорбоппут, дьыл кырыымчык. Хонор сирдэ булунуҥ!» — диэн көҥүүр. Онуоха Добун ойуун этэр: «Биһиги бэйэбититтэн аһаан хонуохпут, саатар оҕуспутун хотоҥҥор киллэр», — диэбит. «Чэ, бэйэҕититтэн астаах буоллаххытына хонуҥ, оҕускун хотоҥҥо киллэриэм», — диэн хардарбыт эмээхсин.

«Өндөрөөй, оҕускун киллэрэн баай, утуйар таҥаскын киллэр», — диэбитигэр, Өндөрөй оҕуһун киллэрэн хотоҥҥо баайар, таарыйа утуйар таҥастарын кыбынан киирэр. Ити киирбитигэр туран Добун этэр: «Өндөрөөй, дьэ табыллыбатыбыт, холбут этиттэн хонук хонуктаныах, бууппут этиттэн булганан хонор дьоҥ буоллубут. Ити эт эттиир маһы аҕал эрэ», — диир. Саҕанньах Өндөрөй эт эттиири, сүгэни аҕалан дьиэ ортотугар уурар. Ол ууран баран, Саҕанньах Өндөрөй: «Дьиэлээх эмээхсин эт буһарар иһиттэ уларыс эрэ», — диир. Онуоха эмээхсин, эттэрэ эмиэ биллибэт диэн иһигэр саныы-саныы, эргим-ургум көрө-көрө солуур аҕалан биэрэр.

Добун ойуун аргыый аҕай аҥаар атаҕын сыгынньахтанар. Ол гынан баран тураҕас сутуруотун устан баран, эт эттиир маска хааман кэлэн олорор. Ол олорон баран аҥаар буутун эт эттиир маска ууран биэрэн баран этэр: «Өндөрөй, чэ саманан быһа оҕус эрэ», — диэн баран суруйан биэрэр.

Өндөрөй эт эттиир сүгэни хабан ылан, эттээн биллиргэтэр.

Онуоха тоҥ баҕадьы эт ойута ыстанан дьиэ уҥуор-маҥаар баран түһүтэлиир. Ону көрөн туран, дьахтар: «Илэ абааһылар кэлэн хоммуттарын бостуой холдьохтоҕум», — диэн иһигэр курутуйа саныыр. Ойуун атаҕын таҥаһын кэлгинэн баран ороҥҥо сүдүҥнээн тиийэн, туох да кэпсэтиитэ суох, сытан хаалар. Саҕанньах Өндөрөй этин буһаран таһаарар, ону сиэн баран утуйан хаалаллар. Сарсыарда түүн үөһэ ааһан эрдэҕинэ туран баран хаалаллар. Эмээхсин хайа ааттаах дьон хонон ааспыттарын билиминэ хаалар. Нөҥүө күнүгэр ыраах ыалга тиийэн хоноллор. Ол хоммуттарын кэннэ түүн үөһүн саҕана аттаах киһи кэлэр. Дьэ били хонон ааспыт ыалгар икки оҕо биирдэ өлөн эрэр үһү. Ону баран абырыаҥ үһү диэн көрдөһөр. «Э-э, суох, сатаан абыраабат киһибин, барбаппын», — диэн батан кэбиһэр. Дьиэлээх эмээхсин ампаарыттан ынаҕын буутун киллэрэн, эттээн сиэн барбыт үһүлэр.

Таатта оройуонун, Октябрьскай нэһилиэгэ, Егор Яковлевич Бытасытов тылыттан. И.С. Прохоров суруйбута, муус устар 3 күнэ 1941 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 50—51.

190. Ойууну муокастааһын

Ойууну муокастаары гыннаххына, саҥа төрөөбүт, ол эбэтэр хат дьахтар таҥаһыттан тугу эбит аҕалан кыыра олорор киһи таҥаһыгар кэнники өттүнэн кэлэн баайыллар. Оччоҕо сонно ойуун

күһэҥэтэ сууллан түһүөн сөп. Ойуун буоллаҕына айаҕынан-муннунан хаана баран өлүөн сөп.

Сунтаар оройуона Күндэйэ нэһилиэгэ, 60 тахса саастаах Никита Алексеевич Парфенов тылыттан. Н.А. Алексеев суруйбута, алтынньы ый 4 күнэ 1965 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 54.

191. Биэстээх Бочоох Сыҥааҕа суох ойууну кытта өстөһүүтэ

Биэстээх Бочоох үйэтигэр Хачыкаатка биир, аан-сааргa аата аатламматах[1], аатгаах ойуун Буотама үрэх төрдүгэр олорбут. Кини хайа дойдуга төрөөн, ойуун-удаҕан буолбутун ким даҕаны билбэт, хантан кини кэлэн бу дойдуну буулаан олорбута эмиэ биллибэт. Тас көрүҥүттэн көрдөххө даҕаны киһиттэн ураты дьүһүннээх күтүр үһү. Кини бэйэтэ мардьайбыт түөстээх, уй курдук ынайбыт истээх, маадьаҕар токур-бокур атахтаах, нүксүгүр сүгэһэрдээх көҕүстээх, бүлгүйбүт сарыннаах, кылгас намыһах сүүстээх, хара хойуу хаастаах, маҥхайбыт уһун баттахтаах, туора былтаҕар сирэйдээх, иннин диэки онньойбут уһун сыҥаахтаах, туора-маары барбыт арсайбыт тиистээх, халыҥ баллайбыт уостаах, бытыга суох эмээхсин курдук оҕонньор киһи эбит. Икки сытыыкан, киһини уоттааҕынан өтө көрөр, ыйаастыгас хара харахтаах эбит. Кыыраары олорон, дьааһыйан ыллаҥнаатаҕына, айаҕа кулгааҕын төрдүгэр диэри аппайара үһү. Кыыран-кутуран күүстээх таҥара иҥэриннэҕинэ, битийэн-таһыйан бардаҕына, кырдьыга даҕаны, илэ абааһы киһи диэххэ сөптөөх эбит. Баһын олох чолоччу тартаран баран, икки хараҕын өрө үрүҥүнэн көрөн, алҕаан дьалыһытан, кутуран кулуһутан, илэ-бодо тыыннаах эһэни-бөрөнү аҕалан көрдөрөөрү хаайдаҕына, дьэ бар-дьон этэ салаһар, куйахата күүрэр, олус сүрдээх кэптээх ынырык ойуун эбит.

Биэстээх Бочоох бу ойууну кытта туохтан өстөспүтүй? Дьаданҕы киһи буолан, Биэстээх Бочоох кыһын куобахха туһахтыыр, айалыыр идэлээх эбит. Ол туһахтарыгар өлбут куобаҕы кэрийэ сылдьан суор тоҥсуйар буолбут. Кини маны бу ойуун соруйан суору ыытара буолуо дии саныыр эбит. Биэстээх Бочоох мантан кыйаханар буолан баран, ойууну кырбыырга эбэтэр өлөлөргө санаата суох эбит.

Биирдэ Биэстээх Бочоох туһаҕын, айатын кэрийэ тахсыбытын кэннэ, ойуун кинилэргэ сылдьыбыт. Биэстээх Бочоох кийиитэ

ойууҥҥа тугу даҕаны аһаппакка таһаарбыт. Ол баран иһэн ойуун биир ыалга сылдьан, Биэстээх Бочоох кэргэттэрэ аһаппатылар диэн уонна ол иһин субай хаан ортотугар кинилэри олордорум буолуо диэн сааммытын Биэстээх Бочоох истибит. Ол кэнниттэн сотору соҕус Биэстээх Бочоок уолун үстээх саастаах уол оҕото эмискэччи ыалдьан өлөн хаалбыт. Ойууҥҥа урут даҕаны таала кырыылана сылдьар киһи, Биэстээх Бочоох сиэним оҕону кини сиэтэҕэ диэн санаан, ойууну кытта күрэстэһэн барбыт.

Биирдэ ойуун биир ыалга кыыраары, ыҥырыыга кэлэн олордоҕуна, Биэстээх Бочоох түбэһэ киирэн, ойуун сыҥааҕын уҥуоҕун сулбу тардан ылбыт. Ойуун бэйэтин сыҥааҕын оннугар торбос сыҥааҕын уктан кэбиспит. Онтон ылата кинини «Торбос сыҥаахтаах» ойуун диэн ааттаабыттар. Арыт, кыыра олорон, кини эмискэ торбос мэҥириирин курдук, мэҥириир эрэ буолбут.

Биирдэ көрсө биэрэн баран, Биэстээх Бочоох ойуун хаҥас хараҕын туура тардан ылбыт. Ойуун бэйэтин хараҕын оннугар ыт хараҕын уктан кэбиспит. Онтон ылата икки аҥы харахтаах буолбут: уҥа хараҕа хара, хаҥас хараҕа саһархай дьүһүннээх буолбут, ол кэннэ ыалга сырыттаҕына, этэрбэс тигэ олорор дьахтарын уллуҥун кырадаһынын хаҥас хараҕа кыҥастаһар буолбут. Ыалга кыырдаҕын аайы, ойуун Биэстээх Бочооҕу кыраан-таныйан эҥсэлитэр, сиэри сирэйдэнэр, онолуйа туойар буолбут. Бэйэтин кыайбакка гынан баран, кэнчээри ыччатын кэнийэр буолбут.

Хата Биэстээх Бочоох обургу кини кырыыһыгар баарды гыммат эбит: «Тарбыйахсыт, кини абааһылара миигин тугу гыннахтарай? Күүстээҕи абааһы кыайыа дуо, абааһыта кэллэҕинэ мин хампы тутан кэбиһиэҕим», — диир эбит. Биирдэ Биэстээх Бочоох ойууну арыыга көрсөн баран, баһын быһа тардан өлөрөн баран, өлүгүн уматан уҥуоҕун күлүн ууга силистээх маһынан ытыйан кэбиспит. Ол ойуун биирдэ тиллэн барар оҥоруулаах киһи эбит, онон тиллэн кэлэн, хат кыырбытынан барбыт[2].

Ол эрээри: «Бу Биэстээх Бочоох миигин иккиһин өлөрдөҕүнэ, хойутун-хойут, кэнэҕэһин-кэнэҕэс хат төрүөм-үөскүөм суоҕа», — диэн, ойуун Уһун күөл иһигэр саһан олорон, киһилии ыалдьан өлбүт. Кини Биэстээх Бочоохтон куттанан, бэйэтин уолугар: «Бу миигин Уһун күөл таһыгар, баҕана үүтүн курдук туруору иин хаһан баран, онно туруору көмөн кэбиһээр, ииним буорун сири кытта тэҥ гына тарҕатан кэбиһээр», — диэн кэриэс этэн өлбүт. Уола аҕатын ол курдук көммут, онон кини ханна көмүллэ сытарын ким даҕаны билбэт.

Онтон ылата Буотама ыаллара ынахтарын мэҥирээн ыҥырбат, «кэл-кэл» диэн ыҥырар буолбуттар уонна торбоһу торбос диэбэккэ «тамыйах», «ньирэй» дииллэр. «Торбос сыҥаах», — диэн ойуун аатын ааттаабаттар, кинини аҕыннахтарына үрдүттэн «Дойду иччитэ» диэн ааттыыллар.

Орджоникидзевскай оройуон Хачыкаат нэһилиэгэ С.Ф. Ксенофонтов суруйууларыттан, 1954 с., Якутскай [ИПРЯ, ч. 2, с. 267—269].

192. Түмэти удаҕана

Былыр, Түмэти нэһилиэк сиригэр, дойдуга, Дэлгэрэ күөл атаҕар, Халлай кумахтааҕа диэн ходуһаҕа Түмэти удаҕана эмээхсин олорбут үһү. Ол эмээхсин дьиҥ чахчылаах аатын ким даҕаны билигин өйдөөбөт. Дьонноро киниэхэ быыкаа чос дьиэни тутан биэрбиттэр, кини ол чос дьиэҕэ соҕотоҕун олорбут.

Биирдэ саас Тыыллыма киһитэ, Кыһылтай Хамалҕа уон икки ыҥыыр аттаах киһи буолан кэлэннэр, бу удаҕаны уоттаабыттар. Дьиэ иһигэр хааттарбыт удаҕан, дүҥүрүн ылан оһох үөлэһинэн үөһэ көппүтэ, үөлэһин үрдүн хаптаһынынан сабан баран биир киһи хам баттаан олорбут. Онтон буоллаҕына, удаҕан аллараа диэки сиргэ дьөлө киирэн иһэн, баҕанатын силиситтэн иҥнэн хаалбыт. Кини олох илэ бэйэтинэн куотуохтаах эбит, ол онтуката сатамматах. Дьонноро киниэхэ ол чос дьиэни туталларыгар, үүнэн турар харыйаны быһаннар баҕана оҥорбуттар. Онон кинини уот сиэн, арай сүрэ-кута куоппут.

Түмэтилэр ол Кыһылтай Хамалҕа кэлбитин билэннэр, түмсэннэр, Дьөгүдэл Бөҕө диэн күүстээх киһи баһылыктаах сэриилэһэ кэлбиттэр. Ох саанан ытыалаһыыга Тыыллымалар ол Дьөгүдэл Бөҕөнү өлөрдүү бааһырдыбыттар, онон Түмэти дьонноро чугуйан биэрбиттэр.

Төһө эмэ элбэх сыл ааспыт...

Түмэтигэ иирии-кутуруу олус элбээбит. Мэнэрик дьахталлар, иирбит дьоннор уостарыгар киирэн, ол удаҕан эмээхсин аатыттан (кинини Кыньахаммыт диэн ааттыыр буолбуттар) бу курдук этэр эбиттэр:

«Бу мин дьоннорум куһаҕан туттууларыттан сор суолланным, суорума соруктанным. Кинилэр, киһи курдук, сулугур баҕананы дьиэбэр туруорбуттара буоллар, мин обургу илэ бэйэбинэн Кыһылтай Хамалҕаттан куотуом этэ уонна кинини ир суолун ирдиэм,

тор суолун тордуом, тымырдары-сыдьааннары сыыйыам этэ, ылҕаан көрүөх этим», — диэн.

Ол курдук Түмэти дьонноро төһө эмэ өр сылларга муҥнаммыттар. Онтон нэһилиэк кырдьаҕастара, баһылыктара сүбэлэһэннэр, тоҕус ойууну ыҥыран аҕалан, кыырдаран, үөр буолбут удаҕаны[1] туттаран ылан баран, туос эмэгэткэ сүрүн-кутун иҥэрэн бараннар, түү иһэгэйгэ суулаан, биир алаас халдьаайытыгар кумалааннаах тииккэ уган баран, тас өттүттэн хатырыктаах маһынан, олох туох даҕаны биллибэт гына оҥорон кэбиспиттэр.

Ол кэнниттэн дьон иирэрэ-кутурара тохтообут. Эмиэ төһө эмэ өр сыллар ааспыттар, онон дьоннор били үөр ханна, хайа тииккэ сыһыарыллыбытын умнан-төннөн барбыттар.

Биирдэ саас. Талгы ийэтин ууһун киһитэ Дьабадьы оҕонньор диэн дьиэтиттэн тыаҕа уокка оттор мас тиэйэ оҕуһунан тахсыбыт. Ол тахсан кини биир баай куруҥ тиити булан быһа кэрдэн охторон түһэрэн, дүлүҥнээн барбыт. Кини биир дүлүҥүн иһиттэн түү иһэгэйи булан таһааран: «Бу тугуй?» — диэн, сүгэтин өнчөҕүнэн үрэйэ охсубутугар, иһэгэй иһиттэн туос эмэгэт тахсыбыт. Мантан куттанан кини мэйиитэ хамсаан ыалдьан дьиэтигэр киирбит.

Ол кэнниттэн Түмэти дьонноро мээнэ өйдөрө хамсаан, иирэн ыалдьар буолбуттар. Кинилэр уостарыгар маннык диэн киирэр буолбут: «Бу мин бэйэлээҕи түөрт уон сыл устатыгар хараҥа хаайыыга хаайан кэбиспиттэрин баара, хата Дьабадьы оҕонньор барахсан таһааран, күн сирин көрдөрдө. Билигин мин сүгүнүнэн сүктүөм суоҕа, ол аайы албыҥҥа киирэн хат хараҥа хаайыыга киириэм эрэ суоҕа», — диир эбит.

Төһө эмэ сыллар ааспыттар, онтон кэнники нэһилиэк баһылыктара эмиэ тоҕус ойууну ыҥыран аҕаланнар, Тилигириир Сөдүөт диэн оҕонньор ампаарын атыылаһаннар, ол ампаары Киэҥ Өнньүөс диэн алаас илин баһыгар көһөрөн илдьэн тутаннар, ол үөр буолбут удаҕан сүрүн-кутун чахчы дьахтар саҕа кээмэйдээх туос эмэгэткэ иҥэрээннэр, сылгы-ынах иһиттээн, дьиэҕэ туттар сэптээн, дьахтар кыһын-сайын таҥнар таҥастааннар: «Бу биһиги эйигин, эдьиийбитин, ыал араардыбыт, эн дьиэҥ-уотуҥ бу манна, аныгы өттүгэр биһигини муҥнаама-сордоомо, тыытыма-ырытыма», — диэн алгыс бөҕөнү алҕааннар, ол үөрү көһөрөн аҕалан туппут ампаардарыгар олохтообуттара үһү.

Ол кэнниттэн дьон иирэн ыалдьара эмиэ мөлтөөбүт.

Олохтоох дьоннор ол үөрү «Кыйахаммыт» диэн хаһан даҕаны ааттаабаттар, үрдүттэн «Ампаардаах» эбэтэр «Эмээхсин» диэн аат-

тыыллар. Дойдуттан тыаҕа тахсарга икки аартык баар, онтон биирдэрэ Ампаардаах аартыга диэн аатырар. Тилигириир Сөдүөт диэн оҕонньор алта уонча сыллаахха олорбут киһи эбит.

Орджоникидзе оройуона Хачыкаат нэһилиэгэ С.Ф. Ксенофонтов суруйбута, 1954 с., Якутскай [ИПРЯ, ч. 2, с. 289—290].

194. Эргис ойуун

I

Биһиги төрдүбүт Эргис айыы ойууна эбитэ үһү[1]. Кини ыһыахха уонна сир иччитигэр эрэ кыырара үһү. Ойуун таҥаһа суох, төгүрүк дүҥүрдээҕэ үһү. Ыалдьарга сылдьыбат, быртаҕырыам диэн барбат үһү. Сайын ыһыахха дьиэ иһигэр олорон аҕыс айыылары ахтан, Дьөһөгөй тойонтон көрдөһөн туран уокка кымыс үрдүн куттаҕына, Дьөһөгөй илэ-чахчы көстө кэлэрэ диииллэр. Бастаах-атахтаах маҥан эһэ тириитин саҕа аас маҕан былыт халлаан орой-угар сулбу ыстанан тахсан баран, Эргистээх ураһаларын үрдүгэр кэлэн туорайдыы туран кэбиһэрэ үһү. Былыт ортотуттан үүт маҥан атыыр сылгы, нөрүөннээх түөһүгэр диэри быган баран тырылаччы кистиирэ уонна сүтэн хаалара үһү. Онно икки илии хаар түһэрэ үһү. Оччоҕо өҥ дьыл буолара үһү.

Эргис ойуун икки аас маҥан аты миинэрэ үһү. Куруук маҥан таҥаһы таҥна сылдьара үһү. Киниттэн оччотооҕу дьон бары куттаналлара үһү. Кини иннин ким да быһа хаампата үһү.

Эргис оҕонньор тоҕус уоллааҕа үһү. Улахан уолун аата Саабырыкы, онтон Нөрүҥнээн, онтон Түөкэй, онтон Күөрэгэй эҥин диэн эбиттэрэ үһү. Саамай оччугуй уола Аҥыр Бөппөлөх диэн. Эргис кыһыҥҥы олоҕо Ойго, сайыҥҥыта Хараанайга эбит, ходуһата буоллаҕына Ынах Арыытыгар.

Биирдэ Эргис ойуун Ынах арыытыгар оттуу сылдьан Тиитгээх күөлү мунхалаабыт. Онно тоҕус хоппо балык кэлбит. Ону көрөн баран ойуун эппитэ үһү: «Оо, быйыл өлөр дьылым буоллаҕа. Эбэм онньуубун биэрдэҕэ», — диэбит. Кырдьык даҕаны Тиитгээх балыга былыр даҕаны, аны даҕаны мунхаҕа кэлбэт саҥнаах.

От үлэтэ бүппүтүн кэннэ Эргис оҕонньор балаҕаныгар Хараанайга тахсан олорон: «Быйыл күһүн өлөбүн, онон оҕолорум олоҕун оҥордоҕум», — диэн үөһээҥҥилэргэ кыырбыт. Үс түүннээх күн бытыга, баттаҕа кырыаран хаалыар дылы кыырбыта үһү. Ол кыыран-кыыран үөһэттэн үс сүүмэх үрүҥ кылы түһэрэр. Онтука-

тын: «Бу оччугуй оҕом Аҥыр Бөппөлөх анала», — диэн биэстээх оҕотугар биэрбит. Ону улахан уолаттара күнүүлээннэр: «Бу аҕабыт биһигини ааннһа ахтыбат эбит буоллаҕа. Кини быыкаа, акаары уолугар урут анал түһэрэр», — диэннэр, кыра оҕоттон кылын албыннаан ылан баран биирдии кыл үллэстэн кэбиспиттэр. Аҕалара ону билэн баран улаханнык кыыһырбыт уонна уолаттарын кыраабыт: «Уҥа өттүгүтүгэр тулаһаны туттарыам суоҕа», — диэбит. Онон кырдьык Эргистэр бэрт хойукка диэри сылгы сүөһүлэрэ суох эбиттэрэ үһү.

Эргис ойуун уолаттарын барытын тус-туспа олохтообут. Саабырыкыны Кытылга олорпут. Нөрүҥнээни Аларга, Түөкэйи Саадах Ыйаабыкка, сорохторун Сыҥаһалааххa, Бэс Күөлүгэр эҥин аналаабыт.

Бэйэтин Хатыҥ Үрэҕин баһыгар, Хара Атыыр сиһин тумулугар көмнөрөргө эппитэ үһү. Ол күһүн сир тоҥуута өлбүт. Ону хайдах көммүттэрэ биллибэт, ымныллан хаалбыт. «Өлбүтүм кэннэ, мин уҥуохпун үстэ эргитээриҥ, оччоҕо эрэ кутум-сурум дьабыныгар[2] көтүө», — диэн кэриэс эппитэ үһү диэн баар.

II

Онтон хас киһи үйэтэ ааспытын, хаһын билбэтим. Билиҥҥи Лох сайылыгар биир дьаданы Эргис киһитэ кыстаан олорбута. Саас хаар көмүрүөтүйэн, суол бидилгэх буолан эрдэҕинэ, били киһиэхэ кэлэн сэргэни тоҥсуйбуттар. Оччоҕо мааны киһи кыра ыалга кэлэн баран сэргэни дуу, баҕананы дуу тоҥсуйдаҕына, дьиэлэхтэр тахсан тэһиин тутан, аан аһан киллэрэн, олбох быраҕан олордоллоро үһү. Ол курдук били киһи: «Бу ким бэйэлээх кэллэҕэй?» — диэн сулбу ыстанан тахсыбыт. Көрбүтэ: биир аас маҥан аттаах, бөрө сагыннь-ахтаах, эрэдэһиннээх үүн тиэрбэһин курдук эрилкэй харахтаах оҕонньор киһи кэлэн, атын сэргэҕэ хорутан турар үһү. Ол оҕонньор атыттан түспэккэ олорон, дорҕоонноох куолаһынан эппит: «Нохоо, мин тылбын өйдөөн иһит. Мин эргистэр диэн ыччаттардаах этим. Ол дьон көрөр харахтаах буоллахтарына көрдүннэр, истэр кулгаахтаах буоллахтарына иһиттиннэр. Миигин самыыр уута сайҕаата, хаар уута халааннаата. Миигин кинилэр көрдүннэр-харайдыннар. Ону киирэн эргистэргэ тыллаа», — диэбит оҕонньор, атын эргилиннэрэ тарпыт да, алаас куулатынан Хатыҥ Үрэҕин диэкки хаамтара турбут. Киһи ким да сылдьыбытын билбэккэ хаалбыт. Дьиэтигэр киирэн толкуйдаан көрбүтэ чугас маннык оҕонньор суох эбит. «Эмиэ даҕаны Эргистэри ыччаттарым диир, тоҕо дьикти-

тэй?» — дии санаабыт били киһи. Тахсан суолун хайан көрбүтэ: оҕонньорун атын суола Хатын Үрэҕэр киирэн баран, атын арҕаа салайан баран, биэстэ-алтата атыллатан баран суола сүтэн хаалбыт. Били киһи: «Эһэбит Эргис ойуун сырыттаҕа. Кырдьык араҥаһа иэҕэйбит сурахтааҕа», — диэн саныы биэрбит. Сарсыныгар кинээһигэр Чохооной Микиппэргэ[3] киирэн тыллаабыт.

III

Эргистэр эһэлэрин уҥуоҕун иккиһин эргитэргэ тэриммиттэр. Ол тэриир маннык үһү: оҕонньор маһын оҥоруохтаах, уҥуоҕун көтөҕүөхтээх үһү, бииллээх соннооҕу кытта билсиспэтэх, оноолоох соннооххо ороospотох тоҕус уолан киһи. Оҕонньор таҥаһын тигиэхтээх үһү: сиикэйи сиэбэтэх, сииккэ үктэммэтэх, сэттэ кыыс дьахтар. Кинини тоҕус үүт кэрэ кытыт сылгынан садаҕа быһан, тоҕус симиир кымыһынан уҥуоҕа көтөҕүллүөхтээх үһү. Манна айыы ойууна алҕаан домноон көтөхсүөх тустаах үһү.

Эргистэр аҕыс үүт кэрэ кытыт сылгыны булбуттар, тохсуһун биир күөх элэмэс кытыты холбообуттар. Кинилэр ол дьыл сөптөөх сылгыны булбатахтара эбитэ дуу, кэччэммиттэрэ эбитэ дуу. Тоҕус уолан киһи баарын үрдүнэн Дьэпириэм чарчыына, дуоһунастаах киһи буолан баран, бардамнаан ойохтоох эрээри эһэтин уҥуоҕун көтөхсүбүт. Сэттэ ыраас кыыс көстүбүттэр. Айыы ойуунун уҥуоҕун айыы ойууна көтөҕүөхтээх эбит да, ол бириэмэҕэ айыы ойууна эстибит, суох буолбут бириэмэ эбит, онон Эргис сиэнэ Солколоох диэн абааһы ойууна буолан баран сиэмэҕэ суох, кирэ-куора суох диэн, ол ойууну булбуттар. От-мас көҕөрбүтүн кэннэ Эргистэр, дьэ тэринэн тахсыбыттар.

Оҕонньордорун уҥуоҕар чугаһаан араҥаһа турар томторун анныгар тохтоон, Солколоох ойууннарын таҥыннаран саҥардыы алҕатан эрдэхтэринэ, оҕонньор араҥаһыттан маҥан хабыйахааннар көтөн тахсыбыттар. Ону көрөн ойууннара тыла чороччу тардан, атаҕа кыпсыйан, тараччы уҥан хаалбыт. Эргистэр: «Тойон эһэбит уҥуоҕун эргитэргэ, Эргистэр тэриирбитин тугун эрэ сыыһа тэриммит буоллахпыт», — диэн бэркэ куттаммыттар үһү.

Онно туран Бүөтүр Гермогенов диэн тыллаах-өстөөх бэрт сытыы эдэр киһи баара, бэргэһэтин устан моонньохтонон, аҥаар атаҕын сөһүргэстээн олорон алҕаабыт:

Тойон эһэбит,
Туох буоллаҥый?
Эргийэн көрдөххүнэ:

От урууларыҥ буолуохпут.
Уордайбыккын уурат,
Кыыһырбыккын кыйдаа!
Уорда намырый!
Алтан уҥуоххун
Арамастыы кэллибит!
Көмүс уҥуоххун
Көтөҕө кэллибит!
Биһиги көрдөһүүбүтүн
Истэ биһирээ:
Биһиги алгыспытын
Ылынан абыраа! — диэбит.

Оҕонньордоро ол алгыһы ылынан, ойууннара тыын киллэрэн, алҕаан барбыт. Алгыы-алгыы томтору өрө кыыран тахсыбытын батыһан, эргистэр тахсаннар, саҥа арамастаах охсубуттар. Алта баҕананы туруоран баран адарай тэлгэтэн, ол үрдүгэр, быыкаа саһыл холботун саҕа ампаар охсубуттар. Ол ампаар иһигэр суон дүлүҥҥэ хорууда курдук хаһан хоруоп оҥорбуттарыгар оҕонньору укпуттар. Үүс кыыл тириитэ тэллэхтээбиттэр, саарба сыттыктаабыттар, бөрө суорҕаннаабыттар. Онно көрдөхтөрүнэ оҕонньордоро ыыс араҕас, бүүс бүтүн сытара үһү. Хоруобун халҕанынан сабан баран, тоһоҕолоон баран, тула ыаһаан кэбиспиттэр. Хоруобун иһигэр быһаҕын укпуттар. Хоруобун таһыгар ампаарын иһигэр, баһыгар дүҥүрүн уурбуттар. Уҥа өттүгэр саатын, охтоох кэһэҕин, хаҥас өттүгэр батыйатын уурбуттар. Атаҕар ыҥыырын уонна дьөлөҕөс солуурчахха сэттэ кириэстээх манньыаты укпуттара үһү. Ампаарын сабан баран үрдүн ат сарай бохуонунуу сарайдаабыттар.

Ол курдук оҕонньордорун кырамтатын көтөҕөн тутан, тоҕус сылгыларын сиэн туран, тоҕус кымыстарын иһэн туран ыһыах ыспыттар. Ойууннара оҕонньордорун кутун үөһээ дабаппыт.

IV

Эргистэр өбүгэлэрин уҥуоҕун көтөҕөллөрүгэр сыыһа-халты быһыыламмыттара сэттээх-иэстэбиллээх буолбута үһү; түбэлтэтэ оннуга эбитэ дуу. Эһиилигэр сылгы дьаҥа кэлбит. Били оҕонньор уҥуоҕун эргитэллэригэр тохсуһун биир күөх элэмэс кытыты холбообут сэттэригэр, эргистэр сылгылара өлөн хаалбыттара үһү. Инньэ дииллэрэ.

Ол нөҥүө кыһыныгар ис дьаҥа кэлбит. Онно били былырыын, ойохтоох буолан баран, бардамнаан оҕонньор уҥуоҕун көтөхсүбүт Дьэпириэм тарсыына өлөн хаалбыта үһү.

Бүөтүр Гермогенов, сытыы тыллаах буолан, алҕаан оҕонньор уорун намыраппытын иһин, көтөр-сүүрэр саҥатын барытын истэр буолан хаалбыт. Онтон бэйэтэ акаарытыттан маппыта үһү. Ойох ылан баран кынаттарыгар Одунуга тахсан иһэн, Суон Үрэх ойоҕоһугар суор киһилии саҥарбытын истибит. Ону кыннын аахха кэпсээн биэрбит. Онтон таас дьүлэй, киһи сыппаҕа, мөлтөҕө буолан хаалбыт. Көтөр-сүүрэр саҥатын истэр киһи ону кимиэхэ да кэпсиэ суохтаах үһү. Тугу истибитин арай өлөрүгэр саамай кыра оҕотугар кэпсээн өлүөхтээх үһү.

Хойукку дьону Эргис оҕонньор муокастаабат эбит. Ылаар[4] Тайҕаттан быстан кэлэн баран, итириктии сылдьан биирдэ эппит: «Эһэм оҕонньор саатын ылан бултаан аһыам этэ», — диэбит. Кини баҕайы эппитин толорбут. Биир күн оҕонньор уҥуоҕар, араҥаһын ампаарыгар киирэн саатын ылан көрө-көрө: «Ыларым дуу, ылбатым дуу? Ыллахпына сэттээх буолуо дуо?» — диэн толкуйдуу олорон утуйан хаалбыт. Биирдэ уһуктан кэлбитэ били олорбутун курдук олорор үһү. Күн киэһэрэн, күлүктэр уһаан барбыттар эбит. Киһи этэ саласпыт. Онтон Ылаар саатын ууран баран, түһэн сайылыгар Аларга кэлбит. Онно дьоно ыйыппыттар: «Бу, икки хонугу мэлдьи ханна сүтэ сырыттын?» — диэбиттэр.

Онтон эмиэ көрүдьүөс тахсыбыта баар. Нөмүгүгэ Иирээки Ылдьаа диэн Суон Үрэххэ олохтоох балыыҥка киһи баара үһү. Ол киһи хаартылаан эстэн баран санаа булбут: «Бу Эргис оҕонньор сэттэ кириэстээх манньыаттаах сурахтааҕа. Балары ылан ууран олорон хаартылаабыт киһи икки илиилээххэ сүүтэриэ суоҕа этэ», — диэн. Биирдэ саас хаар суоллан эрдэҕинэ Иирээки Ылдьаа Эргис ойуун араҥаһыгар тиийэн, хатаастан тахсан оҕонньор дьөлөҕөс солуурчаҕыттан манньыатын ытыһан баран түһэн тумулу таҥнары Хатыҥ Үрэҕэр киирэн испит. Ол истэҕинэ кэнниттэн тыас тыаһаабыт. Онно эргиллэн көрбүтэ: оҕонньор илэ бэйэтинэн тиити мутугунан холобурдааҕынан, атаҕа сиргэ тиийбэккэ көтөн иһэр үһү. Ону көрөн баран Ылдьаа: «Харыһыйдаргын ыл», — диэн баран харчытын кэннинэн илгэн баран сүүрэн хаалбыт үһү. Ол онон хаалбыт. Иирээки Ылдьаа туох да буолбатах.

V

Эргис оҕонньор уҥуоҕун тоҕус үйэ туолуутутар үсүһүн эргитиэх тустаахтар үһү. Дьон аны айыыны-абааһыны, ойууну удаҕаны билбэттэр. Ол үһүс эргитиитигэр оҕонньор уҥуоҕун сиргэ көмүөх тустаахтар. Онно эмиэ ойуун кыырдаран, икки аас маҥан сылгы-

ны, биир куруҥ хара өҥүрүмэр атыыр оҕуһу туттуох тустаахтар үһү. Ол курдук былыргылар дойҕохтуур буолаллара.

Иван Гаврилович Петров, 64 саастаах, Эргис нэһилэгин Арҕаа-Хаҥалас оройуонун киһитин тылыттан. Г.У. Гермогенов (Эргис) суруйбута, от ыйа 1930 с., Кытыл [ИПРЯ, ч. 2, с. 251—254].

195. Ойуун Уол

Амма, Хоптоҕо нэһилиэк өбүгэтэ буолбут Ойуун Уол диэн баара. Кини көмүс симэхтээх кыырар таҥастааҕа үһү.

Ол ойуун өлөрө чугаһаабытын билэн, өлүөн иннигэр (өлөрүгэр) иинин хастынар, кутаа отуннарар, онно кэтэтэр. Онуоха кутаа оттубут сирдэрин кэтээбит дьон сассыарда көөттөрө, сиргэ сылгы түөрт туйаҕын суола соҕуруу диэкки хайыһан үөһээ көтөн хаалбыта баар буолбут.

Онтон ойуун уол өлөөрү сытар сириттэн сүтэн хаалар, тыыннааҕынан мэлийэр, ону оччоҕо «Дьабыныгар үөһээ көттөҕө» диэн ааттыыллар <...>

Амма оройуона Хоптоҕо нэһилиэгэ, 70 саастаах Николай Николаевич Ефремов тылыттан. С.И. Боло суруйбута, атырдьах ыйын 25 күнэ 1933 с. [Боло, 1938, с. 159].

196. Холбо

Былыр хаһан эрэ Мэҥэ улууһун иһигэр, биир баай киһи олорбут, кини элбэх сылгылаах, ынахтаах, хас да киһи хамначчыттаах. Олортон сылгыһыт киһитэ Уйбаан диэн, эдэр, сытыы хоодуот киһи эбит. Бу киһини күһүн сир харатыгар, уу тоҥон эрдэҕинэ тойоно соруйбут:

— Эн, Уйбаан, сылгыны сылгылаан, булаттаан биир бүтэйгэ барыларын мус, сылгы ууга өлөр кэмэ буолла уонна утатан даҕаны ууга киирэн барыахтара, — диэбит.

— Чэ, сөп, бүгүн аппын баайан, оҥорон баран, сассын сассыарда туран барыам, — диэбит Уйбаан.

Сассыарда эрдэ туран, Уйбаан атын ыҥыырданан оҥостон сылгы сылгылыы баран хаалбыт. Кини аһыыр ас, өйүө иҥин ылымматах, биитэр киэһэ хайаан да эргийэн кэлэр курдук оҥостон барбыт. Алаастан алааска киирэн испит, үрэхтэн үрэххэ түһэн испит да хантан даҕаны сылгыны булбатах. Кини миинэн иһэр ата

бэт хаамыылаах, бэт айаннаах өтүө ат этэ, онон кини үрэхтэн үрэҕи батыһан лаппа ыраах сиргэ тиийбит. Күн киэһэрэн барбыт, ол тухары кини сылгыны булбатах. Онтон кини аччыктаабыт уонна күн киирэрин кытары күһүҥҥү киэһэ тымныытыгар тоҥон барбыт. Уйбаан санаан көрдөҕүнэ, бу киэһэ дьиэтигэр адьас кыайан тиийиэ суох, бу эргин чугас ыалы булан хонон баран, сассын күннүктээн бу үрэхтэр салааларын батыһан сылгылары көрдөөн, булаттаан бардахха сатаныа эбит. Онон бу үрэхтэн туораан алаастары буллахха, хайаан да ыаллар баар буолуохтара дии санаан, кини үрэхтэн тахсан ханнык эмэ ыллык устун тыанан баран испит. Ол ыккардыгар адьас күһүҥҥү ый быыһа ыас харанга буолан хаалбыт. Уйбаан таҥаһа халтаҥ этэ, кэмэ суох тоҥмут, ол үрдүгэр аччыктаабыт. Чугаһынан ханна да ыал баарын олох билбэт. Кини бу эргин хотон сылдьыбат да этэ, онон ханан алаастар баалларын ончу билбэт буолан, ата хайа диэкки барар да ол хоту баран испитэ. Өр барда да ыал көстөн биэрбэтэ, кини ыксыы быһыытыйда.

Арай биирдэ эмискэччи, алаас баһыгар өтөххө киирэн кэллэ. Өтөх оттотугар ыал баара көһүннэ, балаҕан дьиэ хас түннүгүн аайынан оһох уотун сырдыга күндээрэн олороллор эбит, турбанан оһох кыыма өрө ыһылла турар, дьиэ иһигэр дьон сылдьаллара түннүктэргэ элэҥнээн көстөллөр. Уйбаан бу ыалы көрөн баран туохтааҕар да ордук үөрдэ. Дьэ, манна хонон баран сассын бу эргин сири-дойдуну барытын көрдөөн, сылгылары баар буоллахтарына булан, суох буоллахтарына суохтарын билэн барыам буоллаҕа диэн санаата, уонна балаҕан иннигэр сэргэ баарыгар түһэн баайан баран, дьиэҕэ киирбитэ, кэтэҕэриин ороҥҥо биир аҕамы саастаах үчүгэй мааны соҕус сэнэх таҥастаах хотун дьахтар олорор эбит. Уонна биир сүрдээх кырасыабай үчүгэй эдэр кыыс оҕо дьахтар ханас диэки сылдьар эбит. Уйбаан киирэн хонор киһи быһыытынан уҥа диэкки ороҥҥо таҥаһын устуталаан баран, ырбаахытынан уот кытыытыгар иттэ кэллэ.

— Уйбаан, тугу иһиттиҥ? — диэн кэпсэттэ эмээхсин.

— Суох, тугу да истибэтим. Эн тугу иһиттиҥ? — диэн Уйбаан хардары кэпсэттэ. Ол гынан баран Уйбаан кыбыста санаата, көр бу миигин билэр буоллахтара, мин буоллаҕына билбэппин, бу хайа эмээхсин буоллаҕай, эрэ суох огдообо буоллаҕа дуу уонна бу кыыһа буолара дуу, диэн иһигэр була сатаата да хайдах да тыла тахсан, эһиги кимнээххитий диэн ыйыппата.

— Бу хантан хойутаан иһэҕин? — диэтэ эмээхсин.

— Сылгы көрдөөн, үрэхтэри кэрийэн сырыттым да, булбатым уонна киэһэ хараҥаҕа былдьатан устунан мунан хаалан баран, хата бу эһигини булан абыранным, — диэтэ Уйбаан.

— Ок сиэ! Уйбаан буолан бараҥҥын, дьэ бу нэһилиэгиҥ иһигэр хайаан муннаҥый?

— Ордук хараҥаҕа былдьатаммын муннум, онто суох чугас эргини билэр этим.

Итигирдик эмээхсин ону-маны ыйыталаһан иҥиннээн кэпсэттэ.

— Чэ, тукаам, бу хоноһо кэллэ дии, киэһэ аһылыкпытын аһаабыппыт дии, хоноһоҕор сылыбаарда өрө оҕус, — диэбитэ эмээхсин кыыһыгар. Кыыһа туран сылабаар өрбүт. Эмээхсин күлүүс тыла уонна кытыйа иһит тутан ампаартан тахсан буспут эмис сылгы этин киллэрбит. Ол ыккардыгар сылабаардарын остуолга аҕалан тардан, чааскы ууран, чэй кутан биэрбит кыыс. Уонна били буспут сылгы этин тэриэлкэҕэ ууран биэрбитин, Уйбаан бэт үөрүүнэн аһаабыт. Тардыллыбыт эти барытын сиэбит, чэйи даҕаны элбэҕи испит. Уйбаан топпут-хаммыт, ирбит-хорбут. Уонна эмээхситтэн ыйыппыт:

— Аппын ханна аһата түһэр сир баарый?

— Ити ампаар кэннигэр, остоолбо кыбыы баар, онно от баар буолуо, онно киллэрэн ыытан кэбис үрдүттэн аһаатын, — диэбит эмээхсин.

Уйбаан тахсан атын ыҥыырын устан сиргэ бырахпыт уонна ампаар кэннигэр сиэтэн илдьэн, баһын быатын устан ылан остоолбо үрдүгэр иилэ быраҕан баран кыбыы иһигэр атын ыытан кээспит уонна дьиэҕэ киирбит.

— Уйбаан, эн утуйар таҥаһыҥ суох дуу, быһыыта, — диэн эмээхсин ыйыппыт.

— Утуйар таҥаһым суох, — диэбит Уйбаан, — онтон эмээхсин ампаарыттан тахсан, эһэ тириитэ тэллэх, куобах суорҕан уонна сыттык киллэрэн уҥа ороҥҥо утуйар гына оҥорон биэрбит. Эмээхсин бэйэтэ кэтэҕириин оронугар утуйбут. Кыыс буоллаҕына хаҥас диэки чуулаан баарыгар онно киирэн утуйбут.

Уйбаан сылаас сымнаҕас таҥаска сытан баран ону, маны санаабыт. Көр бу хараҥаҕа былдьатан мунан бараммын, хата бу маннык үчүгэй ыалга түбэһэн хонноҕум. Бу барахсаттар эмис сылгы этин сиэттэхтэрэ уонна бу маннык мааны таҥаска утуттахтара. Дьэ үчүгэй да хотун. Кини буоллаҕына миигин билэр, мин буоллахпына кинини билбэппин, дьэ бэккиһээтим, хайдах саатар су-

рахтарын истибэтим эбитэй? Ити кыыһа барахсан дьэ үчүгэй кыыс эбит, итини баҕас ойох ылбыт киһи үчүгэй да буолуо эбит. Итигирдик санаамахтаан баран, сотору утуйан хаалбыт.

Сассыарда Уйбаан уһуктан кэлбитэ, халлаан илин өттө туттаччы сырдаабыт эбит. Арай кини чиккэччи тоҥон хаалбыт, били бэҕэһээ киэһэ эһэ тириитэ тэллэххэ, куобах суорҕаҥҥа, сылаас ороҥҥо сыппытын өйдүү биэрдэ, суорҕаным ханнаный диэх курдук, тоҥон көһүйэн хаалбыт илиитинэн харбыалаан көрбүтэ туох да суох. Тэллэҕим ханнаный, сыттыгым ханнаный диэн харбыалаан көрбүтэ, хайата да суох, тоҥ сир үрдүгэр сытар эбит. Онтон дьиэ иһигэр хоммутун өйдүү биэрдэ, эмээхсин уонна кыыс баарын өйдөөтө, ол бу диэки көрбүтэ, арай былыргы үйэҕэ үмүрүччү оһон эрэр эргэ өтөх саҕатыгар сытар эбит, өтөх саҕатыгар көтөҕөтө түспүт тиитэр кубарыһан тураллара көстөр:

— Бу хайдах хайдаҕый? Мин иирбит буоллаҕым дуу, биитэр бу түһүү сытабын дуу? Суох, мин иирбэтэххэ дылыбын, син барыны бары өйдүүбүн уонна уһуктаҕаспын. Бу туох айылаах албаһыгар тубэстэмий?

Кини тура охсуон баҕарда, адьас кыайан туруо суох курдук тоҥмут, ол да буоллар илиитин, атаҕын дэлби имитэн, мөксөн, тыыллаҥнаан баран турда. Бэҕэһээ киэһэ атын сэргэ төрдүгэр ыҥыырын устан баран, ампаар кэннигэр остоолбо кыбыыга хаайбытын уонна үүнүн тэһиинин остоолбо үрдүгэр биллэҕэ бырахпытын барытын өйдөөтө, ыҥыыра таах сиргэ сытар эбит, ампаар да, кыбыы да ончу суохтар, үүнүн тэһиинин сиртэн булан ылла, ата буоллаҕына ол курдук өтөх аҥаар саҕатыгар сири кэрдиэлии турарын баран тутан ылла, ыҥыырын аттыгар аҕалан атын ыҥыырдыы туран арай өйдөөн көрбүтэ, кини утуйбут сирин аттыгар сүүнэ улахан суон бэс турар эбит, ол бэс үөһээ оттотугар улахан киһи хоруобун курдук быһыылаах туос «Холбо» ыйанан турар эбит. Ону көрөн баран, Уйбаан бэккэ куттанна:

— Тыый! Бу абааһы холболонон турар буоллаҕа, манна кэлэммин мин бэҕэһээ киэһэ иирбит буоллаҕым дии, санаата да, түргэнник атын миинэн, былыргы оһон хаалбыт суол омооҕун устун арҕаа диэки баран испит. Ол хоммут сириттэн биэс биэрэстэ бадахтаах сиргэ тиийэн, дьэ дьиҥнээх ыалы булан сылдьыбыт, иттибит, аһаабыт. Ол ыалга кини хайдах быһыылаахтык сылдьыбытын, хоммутун барытын кэпсээбит. Онно биир кырдьаҕас саастаах оҕонньор баара ыйыппыт:

— Доҕоор! Эн онно улахан бэс баарын көрдүҥ дуо?

— Ээ, көрдүм, улахан суон бэс турар, — диэбит.

— Ити кэпсээбитиҥ барыта кырдьык буолуо. Ити өтөххө былыр биир ааттаах илэ абааһы удаҕан дьахтар олорбута үһү. Ол удаҕан биир алыс үчүгэй кыыстааҕа үһү, ол олороннор удаҕан эмискэччи өлөн хаалбытын, уҥуоҕун ити туоһунан хоруоп оҥороннор, онно уган баран ити суон бэскэ ыйаан холболоон кээспиттэр уонна ол кыыһа эмиэ сотору ийэтин кэнниттэн өлөн хаалбытын, эмиэ өтөҕүн саҕатыгар көммүттэрэ үһү. Дьэ, ол ийэлии-кыыстыы икки, билигин сыл баһыгар атаҕар[1] итигирдик ыал буолан олороллор, онно ол эн курдук хойутаан мунан түүн кэлбит дьон хаһан эмэ түбэһэн сылдьар, хонор үһүлэр диэн кэпсээн баар буолар этэ, — диэбит оҕонньор.

Мэнгэ-Хаҥалас оройуона Морук нэһилиэгэ, 66 саастаах Яков Федорович Зыков тылыттан. А.С. Порядин суруйбута, 1945 с. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 706, л. 2—12.

ЯКУТСКИЕ МИФЫ

МИФЫ О ПТИЦАХ, ЖИВОТНЫХ, РЫБАХ И ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

1. Собрание птиц

I

В давние времена эти разные остроклювые птицы не знали других земель, где бы они зимовали, и поэтому, говорят, все они зимовали в этой стране. Так как эта страна была очень холодна и обильна снегом, они чуть не погибали, замерзнув, даже [некоторые из них] умирали. Дойдя до крайности и чуть не околев от холода, они пробовали жить вместе с лисой в лисьей норе, на каменистом берегу реки, и даже, говорят, зимовали вместе с нею. Но, будучи большой любительницей мяса, лиса уничтожала тех из них, которых она могла победить-одолеть. Доведенные этим до крайности, они стали мучиться, прячась у корня каждой травки и дерева, но не выдерживали.

Однажды, посоветовавшись, устроили собрание всего птичьего племени[1]. Так, собравшись-посоветовавшись, они решили: «Лиса живет, не зная горя, у нее хороший теплый дом. Только поперечноглазый якут[2] с ружьем, невзирая на ее ум и хитрости, находит и убивает ее. Если бы вдруг увести ее от дома и уничтожить, можно бы дом сделать своим, уж очень он теплый и просторный. Кто пойдет, кто же из вас будет ловким, способным на это?»

Тут кукша сказала:

— Я бы пошла, я бы ее так провела, что она заблудилась бы, если вы научите меня разным своим голосам.

— Э, научим-научим, поделимся-поделимся! — сказали, и, как люди, которым не терпится, птицы стали обучать кукшу разным голосам. Научившись у них, кукша овладела разными дивными голосами и отправилась к лисе.

Когда она явилась, лиса набросилась на нее, чтобы съесть. Кукша, издавая разные голоса, летела перед ней, то спускаясь на землю, то вновь взлетая, и все удалялась от нее. Лиса, приговаривая: «Что она делает, почему у ней так много голосов-речей?» — гналась за ней. Вдруг она опомнилась и не узнала, куда пришла. Забежала очень далеко, сильно проголодалась и хотела пить. А

кукша исчезла, говорят. Что же было делать лисе, где же найти и поймать кукшу? Как ни досадно ей, она остается ни с чем. Дойдя до изнеможения, она едва нашла свой след и повернулась обратно, идти было далеко и трудно, след петлял то в одну, то в другую сторону, сила и энергия ее истощились. Еле-еле, ступая вкривь и вкось по своим следам, лиса, наконец, вернулась к своей норе.

Пришла. Оказывается, все птичье племя собралось в ее норе. Увидев ее, все разлетелись в разные стороны. Лиса попыталась схватить их, но не поймала. Птицы улетели, скрылись с глаз. Пока птицы жили в лисьей норе, они в ней повсюду мочились, испражнялись. Хотя она и злилась-гневалась [теперь], но что делать ей?

Птицы снова оказались без жилища, им опять угрожает гибель от холода. Не вытерпев, собрались они со своими господами и госпожами, с князцами и старшинами и снова стали совещаться[3].

— Теперь кто же еще у нас умный? Пожалуй, только ты, журавль. Попробуй ты испытать хитрость и ум лисы. Может быть что-нибудь получится. Может, согласившись, она пустит нас перезимовать, разрешит нам пожить у нее? — и они решили назначить на это дело журавля.

Журавль, согласившись, пошел к лисе. Даже лиса оробела и не решилась съесть его. Стали жить вместе. Живя так, журавль спросил у лисы:

— Ну, лиса, богатый ли ты умом-разумом зверь?

— Конечно, у меня много мыслей и ума. Я бывалая, знающая, у меня все сорок четыре мысли есть, — отвечает лиса.

— Ну, тогда, знаешь или нет, кто к тебе явится сейчас? — спросил журавль.

— Кто ко мне может прийти? Неизвестно, кто придет, — ответила лиса.

— Тогда [скажи мне], есть ли зверь, которого ты боишься? — спросил журавль.

— Совсем нет. Только, кажется, есть пугающий меня якут с ружьем, поперечноглазый. Но и от него есть уловка — убежать, — ответила лиса.

— А как?

— Если придет поперечноглазый, то я еще расширю свою нору, на дне ее дополнительно выкопаю яму и спрячусь, — ответила лиса.

— Расширив свое гнездо, выкопав яму, ты не спасешься от поперечноглазых. Все равно они прокопают нору сверху, найдут тебя и убьют, — сказал журавль.

— Ну, тогда, по твоему мнению, журавль, как можно спастись от поперечноглазых? — спросила лиса.

— Эй, к чему говорила, что у тебя сорок четыре мысли?! Сейчас придут поперечноглазые. Ты ложись сзади меня, а я лягу возле входа. Поперечноглазые никогда не подумают, чтобы журавль лежал вместе с лисой, они вытащат меня. Я притворюсь мертвым. Когда они будут осматривать-выслушивать меня, ты в это время постарайся как можно быстрее убежать от них. Поперечноглазые и это заметят. Если только они заметят, то мы пропадем и [не?] съедим давешнее мясо[4], если оживем (останемся живы) — будем жить вместе, будем заодно. Постарайся это запомнить! — посоветовал журавль. Поменявшись местами, легли: журавль — у входа, а лиса — позади его.

Вдруг, когда они лежали так, раздались шум-треск, голоса-говор, и поперечноглазые стали без промедления рыть нору, вытащили журавля, притворившегося мертвым.

— Что за зверь? Это ведь журавль, он уже давно пропал. С чего это он забрался сюда, с ума сошел, что ли? Лисы здесь нет, — говоря так, встряхивая, рассматривали журавля, потом бросили его. Молча стояли и смотрели. Лиса, испугавшись, стала по обыкновению рыть на дне своей норы, но, одумавшись, выскочила из нее и умчалась в лес. Поперечноглазые, опешив от неожиданности, сделали за ней всего один-два шага. А между тем с шумом взлетел журавль и высоко вознесся в небо. Люди (поперечноглазые), испугавшись (это возможная вещь), чуть не попадали. Так лиса убежала, а журавль улетел. Поперечноглазые, оставшись ни с чем, ушли.

Позднее журавль, встретив лису, спросил:

— Ну, лиса, насколько умен и ловок я, оказывается?

— Э-э, ну! Ты и есть, оказывается, птица, очень много думающая. Давай вместе жить, — предложила лиса.

— Да, действительно, — сказал журавль лисе. Журавль долго жил вместе с лисой, говорят. Тем не менее лиса не давала другим птицам зимовать у нее, она только и думала, как бы съесть [их].

II

У птиц не было дома, где бы они могли укрыться. Опять наступило время погибать. Пошли, было, к лисе, да страшно, она прямо на виду хватала и съедала их. Поэтому однажды все птицы — и остроклювые, и плоскоклювые, все птичье племя с луч-

шими и худшими собрались и устроили бурное собрание. На этом собрании присутствовали все: голова-лебедь, кандидат-гусь, князец-дятел, *тойон*-беркут, старшина-дрозд[5].

— Ну, соплеменники, у всего нашего птичьего племени нет земли, где бы мы зимовали, нет укрывающего нас дома, и мы замерзаем, не можем выдержать холода нашей зимы. Выжить и остаться живыми мы никак не сможем. Давай пошлем одного умного, проворного человека поискать и найти [лучшую] землю, — говорили они. Спорили-обсуждали и отправили куропатку.

Куропатка улетела, но вскоре вернувшись, сказала:

— Ну, нашла я хорошую землю, где можно перезимовать.

Полетели птицы туда и увидели: она нашла, оказывается, землю с тальником, где можно было не зарывшись в снег, лежать и спать. Птиц, не могущих перезимовать здесь, оказалось много.

Снова, по обыкновению, собравшись и поискав кого-нибудь, чтобы тот нашел землю для зимовки, они назначили лесную птицу глухаря.

— Теперь ты поищи, — сказали ему. Он улетел. Но скоро вернулся и сказал:

— Я нашел землю, где можно перезимовать.

Птицы полетели за ним посмотреть и увидели: оказывается, он нашел место с молодыми лиственницами и устроил там себе зимовку. Но в этом краю, оказалось, никто, кроме глухаря, не смог бы зимовать.

Поэтому птицы, снова собравшись, по обыкновению обсудив и решив, назначили филина.

— Ты с шубой-дохой, с теплой одеждой, лучшая птица-путешественница, сильна, как конь, быстра, как утка. Лучше всего тебе полететь далеко и поискать землю для зимовки, ты, филин, — подходящий человек, — и отправили его.

Филин согласился и сказал:

— Я отправляюсь, я должен полететь далеко-далеко под солнце. Если я погибну, то через три года пролетит мимо вас моя плачущая душа[6]. Если мне удастся благополучно странствовать, то вернусь через три года, — сказал филин и, помахав крыльями, улетел.

Птицам показалось, что филин улетел очень давно. Они его ждали с нетерпением, а он не прилетает. Птицы, сказав: «Что с ним, может быть, что-нибудь случилось?» — не вытерпев, собрали всех и, собравшись, сказали сове: «Ты являешься у нас пти-

цей-шаманом, пошамань и посмотри-узнай, почему он так долго задержался»[7]. И, привязав перед ней одну жирную мышь, заставили покамлать. Сова, сев в середине собравшихся птиц, начала шаманить. Одна [только] жирная несчастная мышь стояла привязанной. Птицы, остроклювые и плоскоклювые, все птичье племя собралось; здесь и *тойон*-беркут, и голова-лебедь, кандидат-гусь, князец-дятел, старшина-дрозд. Разве все они не должны были быть? Конечно, все были. Та сова, говоря-распевая по-разному, шаманила. Все — и высокие, и стройные, и с выгнутой спинкой, и с покривившейся фигурой, и длинношеие и длинноногие, и пузатые, и круглоголовые птицы — все расселись вокруг нее, даже не вмещались все. Среди них была птичка — предок нынешних птичек с кроваво-красной головой; она была очень маленькой. Другие птицы мешали ей, она пробовала смотреть, но не увидела ничего. Поэтому она с досады поползла и села перед лебедем-головой и пыталась смотреть. Тогда лебедь, [гордо] вытянувшись, сказал: «Зачем еще эта такая малышка оказалась передо мной; к тому же она с острым клювом, хотя бы имела плоский клюв», — и зашумев, рассердился и злобно клюнул. После этого разве не случится беда, брызнула у птички кровь из головы. Она заплакала, запричитала, поднялся шум, и птицы раскричались. Шаман прекратил камлание, привязанную мышь сразу отпустили.

И высшее и низшее начальство птиц разделилось в разные стороны, остроклювые и плоскоклювые разошлись в противоположные стороны, начались споры и ссоры, плач и жалобы. Лебедь и гусь — одно особое племя с плоскими клювами, дрозд с дятлом — другое особое племя остроклювых стали спорить.

Тут один сказал:

— У лебедя длинная шея, длинные ноги, он самый большой, мог бы встать позади и смотреть. Птичку, маленькую бедняжку, он обидел, считая ее остроклювой, обижая так, он разделался с нею.

Другие говорили:

— Эта птичка, будучи маленькой, дрянной, не должна была пройти перед должностным лицом с чином головы. Это она виновата.

Поспорив так долго и не согласившись с доводами друг друга, пожаловались они своему *тойону*-беркуту.

— Рассуди, почтенный господин, кто виноват в этом! Но беркут разве даст неправильный ответ, даже будучи осведомлен,

что он ведь лебедь, во всяком случае, родовитый, важный. Недаром его даже люди-якуты почитают божеством, поклоняются, заклинают его. Беркут сказал:

— Хоть ты и голова, ты, лебедь, виноват. Не должен был ты говорить об остром клюве. Птичье племя имеет одну природу. Поэтому ты не должен обижать птицу за то, что она маленькая, дурная. Душа у птиц одна. Пусть хоть и мала ростом и видом неказиста, она хотела посмотреть. Нужно было ей дать эту возможность. Кроме того, ты обидел, окровавив ее, — сказал он.

На это остроклювые сказали, опять зашумев:

«Действительно так, действительно так!»

Тогда сородичи лебедя не согласились с этим и пошли жаловаться царю птиц — орлу. Орел не дал жалобщикам произнести и пяти слов, сказать и одной речи. Обвинил их. Приговорил главарей плоскоклювых за их вину по одному месяцу ежегодно пребывать в тюремном заключении[8].

С тех пор главари водоплавающих птиц по одному месяцу в год перестали летать, [линяли], говорят. А голова птички, говорят, в том месте, где клюнул лебедь, стала красной, как кровь.

III

Все это так прошло. Разве после такого события птицы могли собраться вновь? Опять, чтобы только не замерзнуть, забивались у корней трав и деревьев, ждали возвращения филина. Через три года филин возвратился. Он очень поправился, потолстел. Вид его стал прекрасным. Все решили, что путешествовал он отлично. И все птицы, собравшись, спросили у филина, в какой стране он побывал.

— Все три года, в продолжение которых я пропадал, вдоль и поперек испытывал я муки, холод и препятствия, только я, будучи филином, вернулся оттуда. Что наша страна-земля? Та земля в десять раз холоднее, в десять раз хуже, скуднее, оказывается. К тому же это очень далекая страна, — так начисто врал он.

— Ну, тогда нам суждено погибнуть, исчезнуть. Не остаться нам живым, значит, мы обреченные птицы, — сказали они.

На это некоторые спросили:

— Как же быть нам, друзья? Может быть, хоть где-нибудь есть земля, где дыхание наше продлится.

Разошлись. После того, как птицы разошлись, филин рассказывает:

— Старуха, ну я слетал в очень далекую страну, пролетел широкое море и под самым солнцем нашел я благодатную страну Кыдат[9], с лучшей едой и одеждой, с травами и деревьями, без зимы, с теплым воздухом, с людьми, со скотом и птицами. И вернулся оттуда. Путь туда далек. Уж очень хорошая еда и одежда там, хотел набраться сил, чтобы лететь. Поэтому я так опоздал. Мы полетим сами, никому не сказав. Давай-ка собери одежду и обувь детей потихоньку, чтоб никто не знал. Хорошо?

— Ладно, не говори. Тише, услышат. Постой-ка, кто это? — старуха вышла посмотреть и зашла.

Оказывается, его рассказ подслушивал вальдшнеп, лежа у них под ногами. Внезапно вскрикнув «чаас!», он взлетел ввысь со свистом. Филин, с перепугу выпучив глаза, повалился на спину. Вальдшнеп с шумом, вскрикивая «чаас-чаас!», прилетел к своим соплеменникам и рассказал: «Филин, оказывается, нашел под солнцем благодатную страну, называемую Кыдат. А старухе своей он сказал: “Собери-уложи все, и мы незаметно исчезнем, прекрасная теплая страна”».

Птицы говорят:

— Мошенник филин. У бродяги бродяжничество перетянуло, вот он и обманул нас. Вызвали филина и допросили.

— Нет и нет! Вальдшнеп, наверно, с ума сходит. Он обманывает вас. О, как это ужасно! Я сам чуть не погиб, еле живой вернулся. Несмотря на это, меня [же] назвали обманщиком.

Так начисто он отпирался. Вальдшнеп не дает ему рта раскрыть. Птицы, обсудив, заперли филина. Затем двоих — черноголовую чайку и сокола — решили отправить в Кыдат. После этого сами сидели и ждали их.

Через месяц вернулась черноголовая чайка и рассказывает:

— Ну нашла я, есть, оказывается, прекрасная страна Кыдат. Там водятся разнообразные птицы, всякие люди, множество скота. Лучшие травы и деревья выросли в этой стране. Есть только одно широкое море. Если перелететь через него, достигнешь этой земли, прекрасной-изобильной страны.

— А где сокол? — спросили его.

— Э, сокол хоть и быстро летает, но отклоняется [от прямого пути], поэтому он и запоздал.

Через три дня и сокол прилетел и также рассказывает:

— Ну я запоздал. Есть, оказывается, прекрасная страна — земля Кыдат.

А птицы говорят:

— Этот филин нашел хорошую землю и обманул нас, не рассказал о ней, чтобы улететь самому.

Так, собравшись, птицы решили избить филина. Избивали его, кто имел клюв — тот клювом, кто имел когти — тот когтями. Голову его сплюснули, спину топтали так, что филин сидел и кричал «гуу!» Избили его так, что глаза вылезли навыкат, перья выщипали до того, что филин стал пестрым. После этого решили его самого оставить в этой стране на всю жизнь.

IV

Сидя там, на собрании, птицы вынесли решение о своих потомках. Они решали, у кого сколько должно быть детей.

При распределении они выделили вальдшнепу четырех детей, сказав:

— Вальдшнепу хватит и четырех детей, он уж очень мал, больше этого он не сможет.

Вальдшнеп вскричал:

— Несмотря на мои большие заслуги, вы мне только четырех детей назначаете?! Птичке меньше меня, дрозду, даете десять детей. Теперь я никогда по вашей просьбе не полечу, расстаюсь с вами. Лучше я брошусь на заржавленный меч человека-якута и погибну! — сказал он и остался с тех пор здесь и стал, взлетая, неожиданно падать с шумом на землю.

После этого куропатке определили много детей. Гусь сказал:

— Куропатка может улетать.

Куропатка ответила:

— Посмотрим, гусь, долетев до Кыдат, весной с каким желудком вернешься. Я не лечу, — и осталась.

Также было много птиц, оставшихся из-за того, что они не смогли бы перелететь через море. Рябчик и синичка, сказав: «Мы не сможем лететь», — остались.

Кукша сказала: «Овладев голосом многих птиц и пользуясь этими многими голосами, я смогу остаться и жить в этой стране», — и осталась.

Лесные птицы остались в лесу. Бедняжка синичка не переменила своего местожительства.

Остальные улетели в Кыдат и стали зимовать там.

Со слов Николая Алексеевича Винокурова, перенявшего рассказ Михаила Таркина Среднеколымского района. Записал С.И. Боло 29 июня 1940 г., г. Среднеколымск [ЯС, т. 1, с. 78—84].

2. Орел[1]

Орел — глава всех птиц. Он, по мифам, — божество птиц, старший сын великого Улуу тойона[2]. Орел — одна из самых хищных птиц. Он уносит и съедает не только ягнят, жеребят, телят и щенят, но и маленьких детей. Это весьма прожорливая птица, причиняющая огромный ущерб народному хозяйству. Он очень силен, имеет крючковатый клюв и длинные, острые когти. В старину одряхлевшие орлы, когда наступал предназначенный им судьбой срок, спускались на землю, теряли способность летать и умирали. В таких случаях заставляли камлать шамана, устраивали ритуальные угощения, затем, завернув останки орла в бересту, вешали в таком месте, где никто не будет ходить, топтать его перья. Это называлось «оказать ему почтение». Человека, носившего с собой кости орла, по поверьям, никто не мог обидеть.

Запись воспоминаний своего детства М.Г. Наумовским и П.Т. Степановым, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 13 об.

3. Орел в черных пятнах

Божество юсальцев — орел в черных пятнах. Его не убивают. Других орлов (пегого, пестрого) все же убивают.

Невестки людей из Юсальского наслега не едят мясо серого жеребца, имеющего черные пятна на лопатках. Серый жеребец с черными пятнами на лопатках, орел в черных пятнах и человек были созданы в древности от одного *айыы* в одной земле.

Со слов Михаила Горохова, 59 лет, Эльгесский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 18 января 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 130—131.

4. Эллэй — изобретатель кумысной посуды и устроитель *ысыаха*[1]

Отъехав от тестя, Эллэй построил себе *урасу*, скотный загон, завел дымокур с оградкой, впервые сделал разнообразную кумысную посуду, которая теперь в обиходе якутского хозяйства: *сири исит*, *симиир*, *чороон*, *халльа*, *бисээйэх*[2] и пр. Затем, выдаивая кобыл, стал копить кумыс. По окончании всех приготовлений он

пригласил тестя и тещу ко дню держания вверх чаши с кумысом. Пришла одна старуха, сам Омогон отказался, говоря:

«Я не из таких, чтобы бегать за молоком его единственной паршивой кобылицы!»

Жена Омогона вернулась к мужу и говорит:

«Иди и посмотри, у него все устроено так чудно, хорошо!»

Наконец, старик согласился и пошел. Когда он входил в *урасу*, Эллэй только что поднимал чашу. Вдруг у Омогона стянуло жилы, и он, перекошенный, упал. Эллэй попросил на время вывести его из *урасы*, пока он не кончит обряд держания чаши. По окончании обряда снова ввели Омогона и, как только он вкусил освященного кумыса, болезнь тотчас же прошла. Тогда лишь Омогон понял свою ошибку и сказал:

«Перекосило меня за тот грех, что я много возомнил о себе. Воистину — ты человек, сопутствуемый (хранимый) богом и небожителями. Теперь даю тебе мое благословение, будь же человеком!»

После этого он определил дочери приданое и выделил ей часть своего скота.

От Эллэя произошла большая часть якутов, в первую очередь кангаласцы. От Омогона, как рассказывают, происходят таттинцы и ботулинцы.

Из потомков Эллэя известен Дойдууса-Дархан, про которого говорится: «Родился, найдя свою родину». Мать его была уведена тунгусами по избиении всей ее семьи, но ей как-то удалось бежать от них. Она, будучи на последних месяцах беременности, занемогла в пути от усталости и голода. Дело было весной, когда снег начинал слегка таять. Она, переходя через Лену, осталась лежать на пустынном острове и ждала смерти. Но вдруг прилетел темно-серый орел, держа в когтях черного глухаря, и уронил свою добычу как раз над женщиной. Она имела за поясом огниво и трут. Зажгла костер и, зажарив на вертеле глухаря, подкрепилась. Набравшись сил, она благополучно дошла до дому и родила сына, которому дед его на радостях дал упомянутое прозвище в ознаменование чудесного избавления от смерти плоти и крови своего дитяти (т.е. убитого тунгусами сына). С тех пор будто бы кангаласцы стали почитать орла как свое божество и покровителя.

Со слов Афанасия Федорова, 43 лет, Немюгинский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов летом 1921 г. [1977, с. 31—32].

5. Орел — божество кангаласцев[1]

В старину предок кангаласцев бежал, оказывается, от битвы. В пути у него кончились припасы, и он лежал, помирая от голода. Это было в весеннюю пору. В тот момент, когда он лежал, умирая с голоду из-за того, что не смог добыть что-либо охотой и не нашел съедобных растений, на небе появились гуси. Вдруг неведомо откуда прилетел орел и сбил для этого человека одного гуся. Он взял того гуся, поел, набрался сил, смог охотой добывать себе пропитание. Поэтому считается, что орел стал божеством для предка кангаласцев, умиравшего от голода. В старину, когда я еще был ребенком, старухи, увидев орла, говорили: «Господин орел летает — наше божество». В связи с этим старые люди рассказывали про орла, что он стал для них божеством, добыв гуся для погибавшего их предка. Они запрещали убивать орла потому, что он-де будет мстить.

Давным-давно к моим соседям, очень богатым людям, принадлежавшим к родовитому семейству, прилетел пегий орел и около их дома, задрав жеребенка, стал его поедать. Тогда хозяин дома убил орла, разбив ему всю спину колом. Затем взял орла домой и, сказав: «Я скушаю тебя также, как ты сожрал моего жеребенка», съел вместе со своим семейством все орлиное мясо и внутренности. Вскоре этот человек заболел и попросил шамана совершить камлание. Тогда в ходе обряда шаман вселил в себя Хара Суоруна, который не удовлетворил просьбу больного и сказал: «В течение девяти веков буду взыскивать с твоих потомков, нашлю болезни в грудную клетку, уничтожу твой материнский род, вскрою весь твой отцовский род!» После чего тот многочисленный материнский род исчез, все умерли от туберкулеза. Из них сейчас жив остался только один немой человек. Про этот род говорили, что он исчез из-за мести орла.

Орел преследует членов и других родов (например, хоринцев). Если вдруг кто-то нечаянно убьет орла, то обязан поднять его на руки и отнести в лес. Там он должен найти девять лиственниц, растущих довольно близко друг от друга, и, обойдя вокруг, выкопать яму около одной из них. Затем, обняв ее обеими руками, он должен ощипать перья орла в ту яму. После этого разрезать по суставам орлиные лапы и крылья, разодрать его клюв и зарыть всего орла в ту яму. После погребения человек уходил, пятясь назад. Он так проходил довольно значительное расстояние. На следующий

год эти девять лиственниц должны засохнуть. Это потому, что тот орел мстил лиственницам. Иногда хоронили так: сидя, обняв одну лиственницу, надевали на голову орлу глиняный горшок, закапывали в яму и сверху придавливали камнем. При погребении заклинали: «Во веки веков, пока жив народ якутский, не возвращайся, провались подобно камню!» Если делали так, то орел не мстил.

Со слов Гаврила Андреевича Ефимова, 78 лет, Кангаласский наслег Сунтарского района. Записал А.А. Саввин 29 мая 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 55—56 об.

6. Предок батылинцев[1]

В современный Буустахский наслег в старину, до прихода русских в Якутск и наши места, прибыл человек по имени Батылы. Предком этого Батылы была, говорят, птица-орел. Батылинцы его не убивают и очень чтят.

Женщины рода Батылы, если увидят парящего орла, надевали, говорят, ровдужный кафтан, называемый *тангалай*, почитая его, как невестки своего свекра. Вот мы происходим от Батылы.

Со слов Ильи Никифоровича Горохова, 82 лет, Суордахский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 28 декабря 1939 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 64].

7. Погребение орла

Орел прилетает и умирает около дома преднамеренно, требуя ритуального погребения.

После его смерти необходимо принести в жертву скотину. Кусочек ее сердца вкладывают в клюв орла, на его шею привязывают красный галстук (полоску красной материи. — *Н. А.*), затем его целиком связывают талиной и относят в лес. Там кладут орла на развилку дерева, направив его клюв в сторону юга. Если не совершить эти действия, то он преследует, разбиваются *ийэ кут*[1] тех жителей (т.е. они умирают. — *Н. А.*).

Со слов В.Н. Кривошапкина. Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 26.

8. Орлиное счастье

В старину, говорят, жил в Верхнем Вилюе человек по имени Ефрем. Он имел только одну корову и одну двухтравую телку, очень бедным человеком был, оказывается.

Культ орла

Однажды у него потерялась телка. Он искал-искал, а когда пришел в одно место, то увидел, что совсем рядом, на середине поляны свалил и разорвал эту телку пестрый орел. Он сидит на объедках телки и продолжает поедать.

Увидев это, Ефрем сразу схватил палку и подбежал, думая: «Ну, я убью его, размозжив ему голову за то, что он так жестоко обидел меня». Тут орел попытался убежать от него, но человек погнался за ним и догнал. Тогда орел повернулся к нему и поклонился так же, как кланяются люди. Увидев это, человек счел: «Погоди-ка, видимо, это хорошая птица, почему-то кланяется так, как будто просит», — поэтому вернулся назад, не убив его. После этого он на месте, где была растерзана телка, сделал лабаз и положил на него для орла остатки ее туши. Затем возвратился домой. Спустя три дня после возвращения, вечером, когда он стоял, справляя малую нужду, над его домом стал кружить орел. Во время этого облета вдруг что-то упало с шумом. Когда он поднял тот предмет и посмотрел, оказалось, что это блекло-белый камень, похожий на речную гальку.

Он его взял и показал людям, спрашивая: «Вот камень упал, когда вокруг кружил орел, что это за диво?» На это все из людей, кто умел предчувствовать и видеть вещие сны, отвечали: «Ну, это же камень счастья, данный специально орлом, храни его, не теряй, а называется он “Счастье орла”». Ефрем бережно хранил тот камень, завернув в тряпку. Получив камень «Счастье орла», Ефрем впоследствии очень разбогател, у него народилось потомство, удлинился век.

По якутским обычаям, если найдут умершего орла, то хоронят его в том же месте на лабазе.

Перья орла нельзя топтать. Кто убьет орла, тот умрет от различных гнойных болезней, и, как убил орла, так же будет мучиться сам при смерти.

Орел ловит и съедает молодых оленят (до года). Иногда он накидывается на маленьких ростом оленей и на бегу цепляется за дерево одной лапой. Тогда олень разрывает орла, и он умирает. В таких случаях говорят: «Умер на охоте». «Орел — господин птиц, царь птиц — двухглавый орел», — говорили раньше в присказках.

Со слов Бориса Алексеева[1], 50 лет, местность Кюбэйиндя, Угулятский наслег Вилюйского района. Записано 24 марта 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 8—10.

9. Орел

Лет пятьдесят тому назад поздней осенью, в местности Таандыры, находящейся в Сыланском наслеге Чурапчинского района, на лиственницу, растущую на краю лесного мыса у поляны, недалеко от жилого дома, прилетел и сел орел. Он провел на ней несколько дней. Эта птица иногда ночью, оказывается, пыталась нападать на скот (на телят и т.п.), а также приземлялась совсем рядом с домом. Жители очень испугались, считая, что орел прибыл нарочно, что он намерен наслать болезни, нашли шаманов и попросили их совершить камлания. Вот три шамана отказались и уехали, сказав, что не смогли одолеть [орла]. Все это время орел не улетал. Тогда нашли и привезли одного слепого шамана, происшедшего от хоринцев и духа-хозяина огня. В том случае шаман спросил: «...ну, где он находится?» — попросил отвести его в то место, что и сделали. Придя к дереву, он обнял его и зычно заговорил по-хорински. В ответ и тот [орел] как будто бы отвечал, кланялся. После этого шаман сказал: «Ну, кажется, уладится, вернемся в дом». По возвращении шаман заставил забить одну мелкую скотину и положил для орла под лиственницу кровь, сердце и печень той скотины. Тут же совершил камлание под тем деревом. Закончив обряд, он произнес: «Ну, все уладится — если он улетит безвозвратно, то совершит облет по солнцу, а ежели должен возвратиться через какой-то промежуток времени, то облетит слева, с обратной стороны».

Орел улетел, совершив облет в левую обратную сторону. Вот тот назначенный шаманом срок исполнился в прошлом году, и орел снова прилетал, останавливался в местности Таандыры. Считают, что заклинание при последнем камлании помогло потому, что шаман имел хоринский корень.

Со слов Петра Макарова, 60 лет, Сыланский наслег Чурапчинского района. Записано 14 июня 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 25—25 об.

10. Умерщвление лебедя

Лебедь — самая большая птица, клик ее похож на голос ворона. Это — почитаемая нахарцами птица. В древности в местности Ыйылас Наахара жил шаман по имени Лебедь-шаман, которого обманом убили в ходе раздора из-за главенства. До того он во

многом помогал нахарцам, был полезным человеком, оказывается. Поэтому они лебедя, дикую небесную птицу, почитали божеством, поклонялись ей, никогда не стреляли в нее, а если кто-нибудь убивал, то устраивали обрядовое угощение и с почестями хоронили на лабазе ее кости (останки. — *Н. А.*). Поэтому, а также в связи с тем, что лебедь — редкая перелетная птица, останавливающаяся в тех местах изредка, нахарцы ни разу не убивали ее. Смерть такой большой птицы считается грехом, за который будет взыскано. Вот почему не убивают...

Из записей мифов, услышанных в детстве М.Г. Наумовским и П.Т. Степановым из I Нахарского наслега Мегино-Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 9 об. — 10.

11. Лебедь

Лебедь (по шамански — плешивый), если его убить, преследует. Начинается смута, приводящая к смерти всех членов материнского рода. Например, старик Чубукаан убил одного лебедя, из-за этого, по рассказам, они все исчезли (умерли. — *Н. А.*).

Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 72.

12. Предок лебедь

В старину в Сэсэн Бологуре был материнский род, считающий своим предком лебедя. Его члены лебедей не убивали. В древности их предки страдали от болезни, поражающей подрастающее поколение. В связи с этим они пригласили шамана совершить камлание. Он провел обряд, в котором заткнул лебединой головой с шеей (как, например, шкурой летяги) проход из Нижнего мира так, что перестали оттуда появляться злые духи, причиняющие смерть детям. Люди из того материнского рода говорили, что лебедь их предок.

Со слов Т. Константинова, 80 лет, Бологурский наслег Чурапчинского района. Записал А.А. Саввин в 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 43.

13. Божество Лебедь

Якуты Уоргалар, имевшие своим божеством Лебедя, жили на речке Оротук, в верховьях Куулу. От Сордонноха их местожительство было на расстоянии сорока трех *кёс*[1]. Род Уоргал состоял

только из четырех-пяти домов (семей) Сивцевых. Мои предки от него родились — сперва Агырыас, говорят, затем Басыргас. Они были людьми того времени, когда якуты еще не были крещены. От Басыргаса родились четыре сына: Иосиф Ханганай, Иван Абаасы, Прокопий Чиэкэ, старик Богатырь (родился в Нере). Мой отец Егор родился от того Иосифа. Мой дедушка Иосиф Сивцев умер в возрасте 130 лет еще до моего рождения. Мои сородичи в старину, когда жили по якутскому обычаю, имея божеством Лебедя, соблюдали запреты[2]. Говорят, что невестки при виде лебедя сразу надевали на себя одежду *тангалай*. Когда случалось увидеть их без *тангалая*, то они прятались, залезая под копну. Оберегая лебедя, называли, говорят, «белой птицей». Мой отец, бывало, рассказывал, что лебяжье мясо стали употреблять только после крещения. Он умер, когда мне было около 40 лет. Дожил он до 120 лет. Рассказывали, что когда стала распространяться [христианская] вера, невестки будто, умирая с голоду, впервые попробовали мяса лебедя с его окорочка.

Со слов Николая Егоровича Сивцева (прозвище Ньылбаан), 95 лет, Сордоннохский наслег Оймяконского района. Записал С.И. Боло 19 января 1940 г., местность Орто Балаган [ИПРЯ, ч. 2, с. 55].

14. Прилет лебедя и ворона

В старину летом заклинали Айыы тойона. Тогда, если прилетал лебедь и кружился над людьми, то его называли своим божеством, а если прилетал и кружился ворон, то во́рона. Вот после таких случаев этих птиц признали за божеств.

Со слов Афанасия Петровича Еремеева, 85 лет, Тогусский наслег Вилюйского района. Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 38.

15. Гагара и ворон

В глубокую старину гагара была черная-пречерная, как ворон. Завидуя пестроте других птиц, гагара и ворон решили раскрасить и разрисовать друг друга. Ворон постарался всячески украсить гагару разнообразными узорами. Гагара пошла смотреться в реку. Осмотревшись, не захотела украшать ворона и нырнула в воду. Догадавшись о вероломстве гагары, ворон ударил ее клювом и разбил ей крестец.

Поэтому ворон по-прежнему остался черным, а гагара хотя и стала с пестрым оперением, но крестцовые кости срослись плоскими и ноги ее оказались вывороченными.

Со слов Прасковьи Ксенофонтовны Ефремовой, Эргисский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в июне 1930 г., Хоптолох [ЯС, т. 1, с. 92].

16. Умерщвление ворона

Черный, как смоль, ворон является одной из птиц, выносящих суровые условия Якутии и зимующих здесь. Он очень прожорлив и приносит огромные убытки. Ворон — хищная птица, больше всего наносящая урон охотникам, а если изголодался, то выклевывает глаза у охудевшего скота; забивает клювом насмерть случайно завалившихся домашних животных; преднамеренно выслеживает места, где расставлены капканы, силки, ловушки (черканы), пасти, самострелы, и поедает добычу. Хотя ворон причинял вред, его не убивали и не ругали, боясь, что он как внук великого Улуу тойона доберется до места его жительства, пожалуется, и на виновных в том грехе ляжет наказание, которое не смог бы удержать даже четырехтравный бычок. Изредка ворон по жадности залезает под пасть, желая сожрать остатки съеденного им зайца, и погибает; или умирает, задев насторожку самострела. В таких случаях ему клали в клюв кусок заячьей шкурки, заворачивали в бересту и вешали на лиственницу, растущую в месте, куда не ходят люди и скот. Так делали для того, чтобы никто не наступил на вороновы перья. Считалось, что этот обряд совершали из «почтения». После чего весьма остерегались, осторожничали, боясь, как бы он не начал преследовать.

Из записей воспоминаний своего детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова из I Нахарского наслега Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 10.

17. Божество Ворон

В Жабыльском наслеге Мегинского улуса был отцовский род хоринцев. В старину в ту землю решил переселиться человек из западного Хоро-Кангаласа. Для того чтобы осмотреть угодья, он переплыл реку[1] вплавь верхом на белом быке и, обойдя восточную сторону реки, вернулся домой. В ту поездку, будучи здесь на востоке в Таттинской земле, он сломал ногу и лежал, умирая от

голода и холода. Тогда ему один ворон сверху спустил трутницу с огнивом. Благодаря этому он развел себе костер и остался жив. С того случая тот ворон стал божеством для наших предков, а наши старики очень почитали ворона[2].

«Оставьте, не трогайте этого ворона, это наше божество, он в старину спас нашего предка, когда он лежал при смерти», — говорят коренные жабыльцы.

«У хоринцев ворон считается божеством!» — говоря, насмехались над нашими людьми, над хоринцами. А хоринцы же говорили им: «Бедняги жабыльцы обзываются, а ворон ведь наше божество, он наш дедушка».

В тех случаях, когда у людей появлялась сыпь, от имени духа-хозяина огня высекали огонь люди, предки которых были хоринцами. Они били огнивом по кремню над тем местом, где имелись болячки. Считалось, что лечебное свойство имели только огнива хоринцев. Основанием тому служило то, что ворон сверху спустил им трутницу с огнивом. Даже сейчас приглашают хоринцев высекать огонь над людьми, имеющими сыпь.

В этих случаях они, высекая, заклинают:

От зари заря *дьуотту*[3],
От хоринца хоро *дьуотту*,
Начинаю высекать я, являющийся внуком хоринцев,
Блеск — лучезарность,
Блеск — лучезарность,
(Вариант: Блесни лучезарно)
Солнечное высекание,
Лунное высекание,
Солнечное высекание,
Лунное высекание!

Должны высечь огонь так, чтобы искры сыпались на болячки. Только тогда сказываются лечебные свойства высекания. Когда совершают обряд высекания огня, приносят жертву через огонь.

Тот хоринский человек зимой переселился с реки со своими людьми, осмотревшись, он поселился на широкой поляне, на восточной стороне Чаачыкыйа. Прежде хоринцы жили, говорят, на том месте, где нынче стоит город[4]. Место, где построен город, раньше имело, оказывается, священное имя Кюёрээйи.

Со слов Иванова Федора Ивановича, 75 лет, Алагарский наслег Чурапчинского района. Записал А.А. Саввин 23 декабря 1936 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 68.

18. Тотем[1]

Божество хоринцев — ворон. Ворон был сыном белобокого (пестрого, пегого) Суоруна господина[2]. Он слишком жадничал, съедал все, что увидит. За это его наказали — спустили в здешнюю землю.

В старину осенью, ближе к зиме, ворон принес огниво с трутницей женщине, замерзавшей после внезапных родов в нежилой местности. Она при помощи огнива развела огонь, отогрелась и дошла до своего дома. Ребенок этой женщины стал предком хоринцев, от него произошли хоринцы. Они говорили: «Господин наш дедушка знает неведомое, видит невиданное». Когда кормили огонь, давали пищу и ворону. Его называли — «Наше божество», «Наш дедушка»!

Он предвидел, наверно, что «родится человек, предназначенный положить начало доброму скоту, хорошему роду людей», поэтому принес и спустил огниво с трутницей — сказывали.

Со слов Карамзина Егора Павловича, 80 лет, Хатасский наслег Пригородного района. Записал А.А. Саввин 31 октября 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 109—109 об.

19. Хоринцы, почитающие ворона божеством

Во II Моруке есть материнский род хоринцев. Во время войны один человек бежал с побережья реки и остановился, оказывается, на высоком кургане Кюндюл, находящемся у озера, близ речки Куоллара. Ему надо было развести огонь, но он забыл свое огниво с трутницей на том месте, где ночевал. Этот хоринец лежал без пищи и огня, умирая с голоду. В тот момент над ним стали пролетать два ворона. Он прокричал им просьбу:

«Господин мой дедушка, наступил день погибели, позабыл я в местности с таким-то названием свое огниво с трутницей, принеси-подай его мне!»

Вскоре ворон притащил то огниво с трутницей и спустил ему. Тем самым спасся он — хоринский человек по имени Кылаттар Бэрис Юрююнгкович. От него произошел хоринский отцовский род. Они говорят про ворона: «Он наше божество: лишь потому что он есть, наш предок остался жив, иначе замерз бы или умер с голода, поэтому не трогайте его».

Один хоринец убил ворона и мазал его кровью свое ружье, чтобы утяжелить его дыхание[1]. Из-за этого старики сильно сердились, ругали его, считая, что он убил их божество.

Со слов Евсея Окорокова, II Морукский наслег Мегинского улуса. Записал А.А. Саввин 24 июля 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 49—49 об.

20. Божество Ворон

Мой родной наслег — Хоринский наслег Сунтарского улуса. В Хоринцах ворона называли своим предком и божеством. Его не трогали, не беспокоили, не убивали. Когда он пролетал поверху, надев лучшую одежду, выходила женщина, первой прибывшая невестой (невестка хоринцев), и кланялась ему. Это совершалось так: она складывала руки на груди, затем кланялась, преклонив колено. Если так не поступали, то считали их совершенно нерадивыми невестками.

В древности предок хоринцев лежал в безлюдной местности, замерзая, умирая от голода. Ему ворон спустил сверху огниво с трутницей. Это позволило ему разжечь огонь, и он спасся благодаря тому, что ворон был его божеством. В былые времена в годы голода, в тяжкие дни находясь в пути, прародители хоринцев говаривали, когда над ними пролетал ворон: «Значит доберемся до жилого места» или: «Ожидает, видимо, нас охотничья удача, добудем пищу». Ворон мстит, если разрушить его гнездо. Хоринцы называют ворона своим предком, господином-дедушкой. Нехоринские наслеги якутов презирают ворона. Если хотят разозлить хоринцев, то люди из других родов ругаются: «Негодники хоринцы, считающие божеством ворона!» Никому не разрешали топтать вороновы перья.

Со слов Натальи Михайловны Александровой, 79 лет, Кугдарский наслег Мегежекского района (ныне территория Нюрбинского улуса). Записал А.А. Саввин 2 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 50—50 об.

21. Хоринцы и ворон

В том случае, когда по небу пролетал ворон, рыбаки произносили:

— Господин дедушка, зачерпни слизи, зачерпни слизи!

Если тогда он внезапно накренится, то говорили:

— О-о, голова со слизью накренилась!

Если после этого добывали рыбу, то говорили друг другу, что удачу зачерпнул господин наш дедушка!

Записал А.А. Саввин от жителей Ситтинского наслега Кобяйского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 40.

22. Помощь ворона в охоте

Ворон — божество якутов Хоринского наслега Верхневилюйского района. Когда их предок умирал в пути от голода, то услышал голос ворона и пошел в ту сторону, там нашел [мертвого] лося и его мясом спасся от голода. Поэтому [ворон] стал их божеством.

Со слов Тимофеева Федора Николаевича, 78 лет, Оросунский наслег Вилюйского района. Записал А.А. Саввин 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 52.

23. Сын божества, владеющего вороными конями[1]

Ворон — младший сын божества, владеющего вороными конями, в разговорах его называют «малорослый младший парень»[2] и шаманы в заклинаниях называют так же. Он был отправлен [отцом] в Средний мир с предназначением вредить [людям].

Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 74 об.

24. Хищные птицы

В число хищных птиц, кроме упомянутых выше, входят ястреб (сокол), ястреб-перепелятник, филин, сова и другие ушастые, подобные тетеревятнику. Их беспричинно не убивают из-за того, что они хищные и у них острые когти. Точнее, считается, что из-за этого будут преследовать и уничтожат убивших какие-то сверхъестественные существа. Поэтому полагают, что добыча их наказуема, греховна, потому запрещают их убивать... По преданиям, от того человека, который носит с собой уши и лапы совы, зайцы совсем не убегают, ждут, совершенно не поднимаясь. Часть людей, носивших их, утверждают, что действительно зайцы ожи-

дают, и советуют, что если они убегают от вас, то убейте сову и носите при себе ее уши и лапы. Иногда берут с собой целиком ее голову.

Запись воспоминаний детства М.Г. Наумовским и П.Т. Степановым из I Нахарского наслега Мегино-Кангаласского района, 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 14.

25. Благодаря помощи ястреба

Ястреб — божество жителей Мэйикского наслега Сунтарского района. Его признали божеством за то, что он во время голодовки спас, добыв для них уток. Они спаслись, питаясь теми утками, которых брали, найдя его гнездо. Рассказы об этом помнят смутно, они предположительны.

Со слов Гаврила Андреевича Ефимова, 78 лет, Кангаласский наслег Сунтарского района. Записал А.А. Саввин 29 мая 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 56 об. — 57.

26. Божество Ястреб

Его не убивают. Если он пролетит перед человеком, пересекая его дорогу, то выражают свое почтение глубокими поклонами. Невестки закрывают волосы, надевают шапки, если у них голова была ничем не покрыта. Они не должны пристально смотреть, разглядывать его. Это грешно, он (божество) насылает беду. В результате заболевают на якутский лад[1] и приглашают камлать шамана. Тогда шаман отмечает: «Это преследует ваше божество, настроилось враждебно ваше божество». Когда охотятся — стреляет в него кто-нибудь из молодежи, он даже в том случае, когда останется жив, преследует. Ястреб выше по происхождению, чем орел. Детям запрещают, не дают охотиться на него.

Записал А.А. Саввин в I Эгинском наслеге Абыйского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 62.

27. Божество Ястреб

В древности жил старик по имени Энгэ. У него были старуха и сын, который достиг возраста, когда дети играют лучком. Старик ничем не владел, пропитание добывал охотой.

Однажды у них случился большой голод. Охота была неудачной, и настало время, когда они могли умереть от голода. Вот

однажды старик сказал своей старухе: «Убей своего сына и свари к вечеру, вернусь ли я, неизвестно!» Старуха пожалела свое дитя и не убила. Старик, вернувшись вечером, не стал обращать внимания на то, что старуха не сварила мальчика. Назавтра он сказал: «Ну, свари его, приготовь, приду ли, неведомо», — и ушел.

В тот день, когда ребенок сидел в *голоме*[1], прилетела и села на верх *голомы* какая-то птица. Мальчик выстрелил в ту птицу из своего деревянного лука. Тогда птица обронила клок шерсти и улетела. Тот клок шерсти упал на пол *голомы*. Мать мальчика взяла его и посмотрела, оказалось, что это шерсть лося. Мальчик стал преследовать птицу, идя вслед за ее полетом. Она привела его в болото, в то место, куда провалился лось. Мальчик вернулся и сказал своей старушке-матери. Мать пошла с сыном и видит, действительно, лежит, оказывается, мертвый лось. Старуха вытащила лосиные потроха и сварила. Мальчик поел, вышел во двор и играет. Вдруг идет его отец. Увидев мальчика, он пронзительно воскликнул: «Опять не убила!» И, когда мальчик, испугавшись, юркнул в дом, он выстрелил в него из охотничьего лука. Стрела вонзилась в стену дома. Старуха, считая, что старик, войдя, немедленно убьет мальчика, вытащила из котла сваренные ею потроха и, держа их в руках, вышла настречу своему старику и сказала: «Остановись, успокойся, вот какая еда у нас появилась». После того, как старик наелся, они пошли разделывать лосиную тушу. Когда они пришли в то место и стали разрубать тушу лося, птица сидела на лиственнице, стоящей рядом. Это оказался ястреб. Старуха обратилась к старику с вопросом:

— Как считаешь, можем ли мы назвать его *айыы*, ведь он спас наши души?

— Нельзя его называть *айыы*, все же сами *айыы* тоже существуют, давай назовем его божеством-покровителем за то, что он спас нас, выручил наши светлые дыхания, — ответил старик. После того они преклонили колени перед ястребом, прочли в честь него заклинание. Когда они кончили свою молитву, птица улетела. Затем от того мальчика произошел весь Эгинский наслег. Если бы они не нашли того лося, если бы ястреб не помог найти им того лося, то все они втроем умерли бы или съели мальчика. А он дал начало всему Эгинскому наслегу. Сейчас бы не было людей обоих Эгинских наслегов. Вот с той поры эгинцы стали называть ястреба своим божеством. Невестки эгинцев, если в пути встречались с ястребом и не были одеты в шубу с *тангалаем*, то прята-

лись от него в овраге. Это они соблюдали обычай «кайииттии». Даже мужчины не смеют пугать ястреба, сидящего на дереве, громко не говорят, разговаривают шепотом, имени его не называют, не убивают. Если его убить, уничтожить, то он преследует, человек становится слепым, появляются незаживающие язвы на руках и ногах, умирают дети и другие родственники.

Когда он (ястреб) садился на лиственницу, эгинцы преклоняли колени, молились ему и заклинали оказать помощь.

Со слов Дмитрия Семеновича Бурцева, 78 лет, I Эгинский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 11 февраля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69. л. 121—123.

28. Ястреб и Аграфена

Якуты I Эгинского наслега Верхоянского района говорят, что ястреб — это их божество. Считая, что он способен мстить, не трогают его, не убивают. Есть, оказывается, большой *юёр* по имени Аграфена. Ее прародительница была эгинкой. Их было трое сестер, одна младше другой. Ястреба считают связанным с этой Аграфеной. Если ястреб прилетал и садился рядом с домом, то тревожились, предполагая, что приземлился, наверное, к несчастью.

Со слов Лаврентия Афанасьевича Новгородова, 64 лет, II Эгинский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 10 января 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 134.

29. О коршуне

По народным преданиям коршун в прошлом был женщиной. При отправлении свадебным поездом она имела собственную верховую лошадь и по обычаю должна была привезти новой родне в виде гостинца вареную конскую тушу с головой. Невеста все взяла с собой, но, когда прибыла к своему господину, обнаружила, что потеряла конскую голову. По традициям того времени это было большим позором, поступком, заслуживающим осуждения. Из-за этого позорного факта ее прокляли — «стань коршуном, постоянно ржущим по-конски». А по другим рассказам, коршуна называли младшим сыном «ржущего по-конски божества коней, великого Джесегея». В связи с этим старики пытаются запретить посягательство на жизнь коршуна...

Постоянное кружение коршуна в старину объясняли тем, что он безрезультатно ищет потерянную им конскую голову.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 11 об.

30. Кусочек глины с перышками из гнезда скопы[1]

В гнезде скопы, говорят, бывает кусочек глины с перышками. Размером с пятикопеечную монету, круглый и плоский. Его нельзя показывать посторонним.

Няма Николай с братом пригласили шамана (из Таттинского улуса) и попросили совершить камлание у гнезда скопы, находившегося на дереве в местности Дьандакан. Затем дерево срубили и в гнезде нашли ту глину с перышками. Это были очень бедные люди. Они сильно разбогатели.

Этот кусочек глины с перьями бывает похож на комок, свалявшихся вместе перьев. Тот, кто находит его, должен стать очень богатым.

Из сборника материалов по верованиям А.А. Саввина. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 3, д. 301, л. 53.

31. Божество Стерх

Древним божеством людей из Чыамайыкинского наслега Мегино-Кангаласского [района] является стерх. Поэтому они не стреляют в стерха, не убивают его.

Со слов Романа Заболоцкого, 64 лет, Хадарский наслег Чурапчинского района. Записал А.А. Саввин 24 февраля 1939 г.

32. Кукушка

По шаманским представлениям и потому, что она лишена гнезда, кукушка является птицей, предназначенной злым духам. В камланиях шаман подражает кукованию кукушки, призывая ее так же, как ворона и гагару. Они все имеют крючковатые когти, короче, относятся к разряду птиц, вредоносных существ. Когда весной кукушка кукует, сидя на заборе или дереве, засохшем или незасохшем, стоящим вблизи от дома, то полагают, что ее побудила какая-то беда, дыхание какой-либо нечисти. После этого живут в тревоге, думая, что пришел конец благополучной жизни.

А если весной кукушка закукует раньше обычного срока, то будет плохое лето, трава и хлеб не уродятся. Подобное же происходит, когда она продолжает куковать после Петрова дня[1]. Тот год заранее считают худым. За свои грехи перед божеством кукушка лишена навеки права иметь свое гнездо. Народ придает большое значение указанным ее порокам, боясь, считает птицей, которую нельзя убивать... Однако, если обнаружат, что она, найдя гнездо трясогузки, выпила ее яйца и подложила свое, то тайком его выбрасывают из гнезда, разбивают... Также, когда она начинает куковать на заборе, застреливают ее, а в клюв вкладывают птичьи перья...

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 13—13 об.

33. Кукушка

Первый крик кукушки с радостью встречается якутами, и они с удовольствием передают друг другу, что вчера или сегодня, мол, кукушка куковала. По их поверьям, кукушке не нравится рост зеленой травы, тем не менее, чем больше она старается кричать, тем скорее растет трава.

АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 213.

34. Почему кукушка перестала вить себе гнездо

Оказывается, по предписанию бога птички в нашем краю до дня Благовещенья[1] не должны вить себе гнездо и высиживать яйца. В старину кукушка вила себе гнездо, несла двенадцать яиц и пела все лето. Тогда она еще не нарушила предписание бога.

В один год кукушка прилетела очень рано. Когда стали появляться первые проталины, она свила себе гнездо и стала высиживать яйца. Тогда прибыло божество Благовещенья. Увидев, что кукушка уже снесла яички, Благовещенья бог вознесся на небо и доложил большому богу.

Боги устроили собрание и вынесли решение: «День Благовещенья должен быть днем, когда птички не должны вить себе гнезд. В день наступления этого праздника кукушка уже сделала себе гнездо и сидела на снесенных ею яйцах. За эту вину она впредь лишится своего гнезда, пусть сносит только два яичка в гнездо

других птичек, пусть она кукует только с Николина[2] до Петрова дня, а в другое время язык ее пусть стянется торчком кзади».

Торопливость кукушки привела к тому, что она лишилась гнезда и многих детей. Стала она носить яйца к трясогузкам, а с Петрова дня перестала куковать.

Со слов Гаврила Александровича Васильева, 70 лет, Немюгинский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в августе 1934 г. [ЯС, т. 1, с. 97].

35. Как ворона стала черной

Давным-давно птица-ворона была, говорят, совсем белой. Она улетала осенью позднее любой птицы, а прилетала на юг, говорят, раньше всех. А весной она, отстав на юге от всех птиц, прилетала сюда до таяния снега, раньше всех птиц, оказывается.

Пролетая мимо разных птиц, она, будучи хвастливой, насмехалась над ними:

— Это вы только-то здесь летите? Как страшно вы медлительны! Меня называете жадной. Да сами вы, наверное из жадности, туда-сюда, вдоль и поперек летали, — говоря это, она летела дальше.

Прибыв так весною к прилету птиц, она, сидя на нижней ветви раскидистой лиственницы, говорит:

— Здравствуйте, племя летающих крылатых[1]! Почему вы так опоздали? Гостинцы двуногого съела я, а вам ничего не осталось. Милая моя родина встретила меня в этом году особенно хорошо. Я нагулялась-насытилась.

Ну, остальные птицы были очень сильно задеты этим. Они обещали ей любое вознаграждение, если она скажет причину быстроты своего полета, почему она вылетает позже всех, а прилетает раньше всех. Но она им ничего не сказала, даже отказалась отвечать. Тогда они собрались все вместе, обсудили и поймали ворону. Сказали:

— Ну, расскажи, почему ты так быстро прилетела? Если не расскажешь, то мы тебя накажем как нам угодно и все равно заставим говорить.

Ворона указала на свою шею и сказала:

— Не скажу ни за что. Лучше, не мучая меня, отрежьте мне голову.

Птицы бросили ворону в костер. Огонь опалил белые перья, они почернели. И снова спросили, но ворона совсем отказалась.

Так ничем птицы не смогли пронять ворону. Они ничего не услышали о том, почему она так быстро летает. Только у вороны изменилось оперение, почернела она. Ничто другое в ней не изменилось. Все равно она по-прежнему осенью улетает с опозданием, а весной прилетает рано и так же (как и раньше) продолжает стыдить других птиц.

Записал Михаил Григорьевич Наумовский, II Нахаринский наслег Мегино-Кангаласского района, 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 93—94].

36. Гагара

Однажды птицы устроили собрание. Начался втихомолку разговор о житье-бытье, о детях-родных.

Вожак птиц орел-птица[1] пришел и начал делить яйца собравшимся уткам, гусям, лебедям и другим птицам.

Самой первой в очереди стала самая большая из птиц — лебедь.

Орел-птица, встав, говорит:

— Этой лебеди будет достаточно два яйца, подойди, возьми!

Лебедь-бедняжка с недовольным видом, склонив голову, подошла и сказала:

— Столько-то?

— Твоя доля такая. Все! — ответил орел-птица.

Вторая очередь выпала гагаре.

— Этой гагаре за то, что она выдала Христа разбойникам, два яйца[2].

У гагары еще больше, чем у лебедя, прорвалась злость. Вскочив, она начала кричать.

— Столько-то? Столько-то? Я тогда умру!

— Твоя доля такая. Все! — ответил орел-птица.

Третья очередь выпала куропатке.

— Эта куропатка — самая лучшая моя птица. У нее холодная родина, поэтому ей даю двенадцать яиц. Подойди и возьми, — сказал. Куропатка обрадовалась, глаза загорелись, спотыкаясь и падая, она торопливо подошла и взяла яйца.

Оттого что куропатка взяла много яиц, гагара еще больше разозлилась, сильно возмутилась, вскочила, выдернула свой лук и стрелы, подняла крик и шум.

— Берегитесь, злодеи! Почему меня обижаете? Тогда уж пусть кто победит, берет много яиц, кто не победит, пусть мало возьмет! — сказала и выстрелила из лука в середину собравшихся птиц. Стрела пролетела со свистом и засела торчком между перьев крыла орел-птицы.

Орел-птица вскрикнул.

— Айа! Кто выстрелил, схватите его!

Собравшиеся птицы всполошились, поднялись. Гагара, шумно взлетев, торопливо собиралась выстрелить, но [чья-то] стрела пробила ей бедренную кость. Гагара-бедняжка, вскричав, упала на землю. Птицы повели гагару к орел-птице.

Орел-птица:

— С ума сошла, что-ли, чертовка! Теперь будешь так делать? — приговаривая, стала бить ее.

С тех пор гагара имеет два яйца, всю жизнь осталась на кривых ногах, по суше не ходит, стала водной птицей, говорят.

Со слов Марфы Степановны Григорьевой, Оленекский район. Записал Иннокентий Григорьев в 1943 г., пос. Оленек [ЯС, т. 1, с. 90—91].

37. Гагара ошейниковая

Гагара ошейниковая используется при камлании, когда шаман переправляется через воду смерти, находящуюся в Нижнем мире. Он превращается в гагару ошейниковую, ныряет и таким образом переправляется. Шаман при камлании призывает гагару ошейниковую вместе со своими духами-помощниками, поэтому приравнивают ее к злым духам, считают за грех употреблять ее в пищу. И сейчас молодые роженицы не едят мясо гагары. Табу наложено для того, чтобы дети не имели ступни, вывернутые, как у гагары; чтобы они в детстве не галдели бездумно, подобно гагаре. Ее причисляют к птицам злых духов из-за того, что у нее острый клюв, трудно ощипываемые перья...

Считая сородичами гагары ошейниковой, боясь подобно тому, как остерегались ее, не едят из птиц хохлушу и поганку ушастую из-за того, что у них схожи жесткость мяса, прочность пера, из-за отсутствия в лапках перепонок...

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 10 об.

38. Мартын (чайка-хохотунья), чайка (крачка)

Мартын и чайка — птицы, которых шаман призывает, когда вселяет в себя духов-помощников и использует их в виде жертвы злым духам. Кроме того, про мартына существует нынче такая небылица. В глубокой древности мартын был девицей. Ее просватали за жителя Верхнего мира, и она отправилась к мужу. Каждая невестка обязательно должна была везти как гостинец *хаяк* (вид якутского масла. — *Н. А.*). Когда мартын-[девица] прибыла к своему господину, оказалось, что ее *хаяк* исчез. Это вызвало гнев новых родичей, они почли за стыд иметь такую невестку, прокляли ее и дали ей предназначенье стать духом, обитающим в Среднем мире и причиняющим глазные болезни. Сделали ее птицей белой, как *хаяк*, повелели всю жизнь искать свой *хаяк*, летать и кричать «хайааах». С той поры она превратилась в мартына и летает, крича «хайаах-хайаах». До сегодняшнего дня неизвестно, нашлось ли потерянное масло. Крачку признают родной сестрой указанного мартына. Считают ее птицей, которую шаманы используют в камланиях как жертву, верят, что трогать ее грешно, может быть взыскание, наказание.

Прежде всего их не должны кушать девушки и молодые женщины, чтобы дети не имели полые кости ног (без костного мозга. — *Н. А.*), голос резкий, как у чайки. Во-вторых, из-за того, что этими плохими птицами закрывают дорогу девяти смертей, в-третьих, потому, что они, являясь грешными, опасными, могут мстить человеку. Даже сейчас чуждаются этих птиц, не едят, весьма редки случаи добывания их и употребления. На самом деле не потому, что считают это грехом, как в старину, а, можно сказать, из-за отсутствия привычки. Ежели же кто-то и поел их, не слышно, чтобы с ним приключилось какое-нибудь несчастье, чтобы у него родились дети, говорящие, как чайки. Тем не менее среди старшего поколения этот миф распространен, рассказывается. В настоящее время верующих в это очень немного.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 11—11 об.

39. Белая чайка — божество туматцев

Божество якутов Туматского наслега Усть-Янского района — белая чайка. В древности туматцы, по рассказам, плыли по морю и достигли берега потому, что поплыли вслед за чайками, просле-

див направление их миграции. В связи с этим сделали своим божеством белую чайку. Ее не убивают, мясо не едят, очень почитают.

Со слов Ивана Ивановича Томского, 47 лет, Туматский наслег Усть-Янского района. Записал А.А. Саввин 3 июля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 81.

40. О журавле

Журавль — крупная птица. Она не садится на воду; гнездится на широких полянах, на моховых болотах, имеющих кочки; питается лягушками и ящерицами. Народ называет журавля проклинающей птицей. Когда убивают одного из пары журавлей, то он, по народному убеждению, улетает, прокляв убийцу на девять лет подряд. Несмотря на это, и в старину и нынче журавлей добывают и едят. Боязнь журавлиного проклятья исчезает и у старшего поколения, а молодому почти не известна.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12—12 об.

41. Болотная курочка

Болотная курочка такая же, как кулик, птичка. Она живет в трясине и имеет резкий, чирикающий голос. Она летает очень плохо, на весьма короткое расстояние. О болотной курочке в народе рассказывают: в древности, когда избирали господина над птицами, предложили избрать журавля. Болотная курочка высказалась против, к тому же попутно, как бы в дополнение, обругала его. Журавль оскорбился за это и сильно избил ее. Короче, едва жива осталась, поэтому она обратилась с жалобой к господину орлу — он присудил журавлю возить на себе с юга на север болотную курочку при весеннем и на юг при осеннем перелетах. С той поры по настоящее время, говорят, журавль при перелетах носит ее на спине. Если весной или осенью сбить журавля выстрелом налету, то вместе с ним падает, говорят, и болотная курочка. Еще есть обычай, запрещающий кушать мясо болотной курочки, так как при нарушении этого табу может заболеть верхняя часть бедренной кости. Некоторые брезгуют болотной курочкой из-за того, что она целиком состоит из скверного мяса, без твердых костей, и считают за это греховным употребление его в пищу. Те, кому приходилось убивать изредка болотную курочку, признаются, что у нее, действительно, нет костей. Хотя сейчас не считает-

ся за грех есть ее мясо, но не кушают, а если кто и кушал, то неизвестно, чтобы он страдал от болезни, разъедающей кости.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12.

42. Черная лысуха

Имеется утка по имени *ураанай* (черная лысуха). Она совершенно черная, клюв ее похож на вороний, лапки не имеют перепонок, на ее лбу, в самом верху, имеется твердый нарост, похожий на сафьян. Эта утка любит гнездиться на широких полянах, где растет камыш. Свои яйца она откладывает на камышиной отаве. Человек, нашедший ее гнездо, может забирать яйца, оставляя каждый раз по одному. Все же берут только до сорокового яйца. Ежели не остановиться до указанного числа, то она сносит сорок первое яйцо без скорлупы, прокляв сгустком крови со своей спины. Не желая попасть под подобное заклятие, осторожничали, останавливались заранее. Такой промысел существовал лишь в прошлом. Нынче у народа и времени нет, и из-за засухи высохли озера, лысухи тоже поэтому не несутся, а если и сносят яйца, никто не занимается их сбором. В связи с этим только в преданиях рассказывается, что лысуха сносит столь много яиц, а если заставить снести сверх ее возможностей, то проклинает, оставив на яйце сгусток крови со своей спины. Это — исчезающее поверье.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 12 об.

43. Происхождение кроншнепа

Кроншнеп — это птица, имеющая длинный клюв, сама совершенно желтого цвета, а ее крылья и хвост очень красивой расцветки. Она прилетает весной одновременно с турпанами. Эта птица, говорят, появилась в результате того, что исчезла беременность одной тунгуски, ее плод превратился в кроншнепа и улетел. Про это было предание: в старину дочь одного тунгуса, будучи беременной, отправилась в лес рубить дрова. Там отвалилась верхушка листвяшки и упала на голову женщины. Она вскрикнула: «Ух татат!» — и внезапно шлепнулась на зад. В результате у нее от испуга исчезла (улетучилась) беременность. А этот будущий мальчик превратился в кроншнепа и улетел. Он кричит: «Стрелочка

моя, копье мое, собака моя-собака моя!» Про это говорили, что он так называет свое охотничье копье, собаку и стрелу. Поэтому, считая, что у беременной женщины может «улететь плод», остерегались пугать ее внезапно.

Со слов И.Г. Игнатьева. Записал С.И. Боло. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 16—16 об.

44. Кроншнеп (дождевой кулик)

Весной прилетает очень поздно, осенью улетает рано, размером с голубя, голос у него очень резкий. Они усиленно перекликаются, если скоро пойдет дождь. Вот такая птица есть — кроншнеп (дождевой кулик). Этот кулик гнездится и сносит яйца здесь, на якутской земле. Он любит садиться, кормиться и ходить на парах. Эту птицу считают младшим братом духа-хозяина леса Бай Барылаха, подателя удачи. Имя его Кроншнеп-бегунец. В связи с этим, чтобы не обидеть, не оскорбить Барылаха, говорят: «Разве мы станем убивать его младшего родного брата!» Человек, который убил этого кроншнепа, на всю жизнь должен потерять добычу темного леса, поэтому, остерегаясь этого тяжкого, нерушимого проклятья, не убивают.

И сейчас и молодые, и старые охотники почитают его, не убивают. Только малые дети, совсем юная молодежь стреляют и убивают его. Так что и теперь верят в это и почитают его. Кроншнеп летает очень резво и быстро, всех зверей и птиц догоняет и обгоняет. Вот почему в заклинаниях Баай Барылаху говорят: «Дух-хозяин обгорелой, черной тайги, господин мой дедушка с конем, Кроншнеп-бегунец, преподнеси мне добычу». Поэтому кроншнеп является широко известной всем охотникам якутского народа птицей, духом-хозяином тайги.

Из воспоминаний детства М.Г. Наумовского и П.Т. Степанова, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записано 25 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 14 об.

45. Кулика не убивают

Вот, имеется птица, называемая черный кулик. Он кричит: «Ёбюс-чёчёёк, тоойуу-тёбют!»[1]. По преданиям, в старину семилетняя девочка из-за беременности стала куликом и улетела.

Вот, давным-давно, семилетняя девочка стала беременной, и у нее это становилось все заметнее. В те времена полагали, что если девочка, ставшая беременной в таком раннем возрасте, оку-

нется в прорубь, то ее «плод улетит». Она, конечно, слышала про это. Девочка пошла к проруби, окунулась и, когда вынырнула, оказалось, что беременность исчезла. А девочка, говорят, превратилась в черного кулика и улетела. Поэтому он приговаривает: «Ёбюс-чёчёёк, тойуу-тёбют!» В связи с этим его не убивали, считали грехом, оказывается. Девочка из-за того, что превратилась в кулика, лишилась возможности вступать в интимную связь, поэтому от огорчения плачет с такими словами.

Со слов С.Г. Игнатьева, 54 лет, II Кулятский наслег Вилюйского района. Записано 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 15 об. — 16.

46. Рябчик

Говорят, в древности рябчик был громадной птицей. Он ничего не боялся, питался на каждом облюбованном им месте, а наевшись, с шумом улетал.

Однажды, когда старик бог[1] спал, раскинувшись в тенистом месте, рябчик, поевши около него, с шумом полетел. Испугавшись этого шума, старик бог проснулся с криком и трепетом. Вставши, разгневанный бог наказал рябчика, взял мясо с его груди и распределил его между другими птицами. С тех пор рябчик совсем уменьшился, а у других птиц в груди появились слои белого мяса.

Со слов А.И. Никифоровой, 56 лет, Качикатский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в 1935 г., местность Курунг-Качикатцы [ЯС, т. 1, с. 95].

47. Куропатка

В глубокой древности куропатка[1], как и другие птицы, улетала зимовать в южные страны, говорят. При этом она летала плохо, поэтому то там, то тут садилась отдыхать. Этим она очень задерживала своих друзей, остальных птиц. Не взлюбя ее за это, однажды осенью птицы не взяли ее с собой на юг. Куропатка осталась зимовать здесь.

Весной, когда вернулись птицы и посмотрели, оказывается, куропатка похорошела и видом, и опереньем, даже обулась в теплые камусы. Она настолько насытилась и ожирела, что у ней даже глаза покраснели. Встретив друзей, она сказала:

Хап, хап, хаап!
Хотя вы улетели,

Оставив меня одну здесь,
А я пополнела-ожирела!

С тех пор куропатка постоянно зимует здесь.

Со слов А.И. Никифоровой, 56 лет, Качикатский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в ноябре 1935 г., местность Курунг [ЯС, т. 1, с. 96].

48. Тетерев и щука

Тетерев[1] и щука сражались, стреляя друг в друга из лука. Тетерев стрелял сверху и попадал стрелою в спину щуки. А та стреляла снизу и ее стрелы попадали в ноги тетерева.

Те стрелы до сих пор держатся у одного на спине, а у другого на ногах.

Со слов А.И. Никифоровой, 56 лет, Качикатский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в ноябре 1935 г., местность Курунг [ЯС, т. 1, с. 96].

49. Дятел и богатырская трава[1]

Весной, во время заморозков, найдя гнездо дятла с птенцами, в утреннюю пору забивают вход в него крепким клином. Затем кладут темную подстилку под деревом и прячутся неподалеку. Когда дятел прилетит, то попытается продолбить, но не сможет и улетит. Вскоре он вернется, быстро протолкнет затычку, а вниз обронит траву. Человек, лежащий в засаде, должен разжевать ту траву и проглотить. Тогда он станет очень сильным человеком. Если он не способен вместить мощь травы, разорвется вся его кожа.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17.

50. *Эсэкээн*

Старые охотники по пути к месту промысла в тайге убивали встретившихся им рыжую белку или кукшу (сойку-ронжу). Они становились для охотника *эсэкээном*[1].

Со слов Н.А. Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 4 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 54.

51. Табу на крупную дичь и зверей

Случайная встреча с большими зверями или птицами не дает права стрелять в них — *айыы* (грех. — *Н. А.*). Нарушение наказывается смертью человека или скотины. Даже нечаянно попавший в петлю (силки. — *Н. А.*) журавль или аист считается несчастьем; последствие — то же.

АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 28.

52. Маяты

Названные маятами поселились на Оленеке. Эти люди мастерски охотились на диких оленей. Так, охотясь, они сделали лабаз[1], чтобы хранить излишки.

«Разве эту [речку] прославили Оленек, Оленек! Ни в одной из ее излучин не уместиться даже одному человеку», — говорили они.

А песен и танцев было много у них, у сытых людей. Местность Этиэбин сделали они местом своих танцев. Видимо, это просторная, хорошая поляна. Местность, говорят, получила название от того, как они сказали: «Место, где мы любили распевать, пусть же называется Этиэбин! (досл. — Я скажу)».

Эти люди, значит, всегда вдоволь питались дикими оленями. Так, охотясь, они изловили одного оленя (живьем). Содрали с него всю шкуру вплоть до камусов, не разрезая кровеносных сосудов. Затем его отпустили оголенным и смотря на то, как он убегает, покатились, говорят, со смеху, падая то навзничь, то на спину. Потом опять поймали одного дикого оленя и, чтобы посмеяться, отпустили, выколов ему глаза. После этого дикие олени перестали попадаться им. Этим людям пришла участь испытывать недостаток в еде, стали они голодать. От голода решили они идти к своим лабазам. Когда они пришли к лабазам, то лабазы все уходят от них дальше[2], никак их не догнать. Выбиваясь из сил, они стали стрелять. И от выстрелов не умирают [лабазы], деревянные же они. Все они умерли от голода на одной излучине Оленека.

То ли остатки тех или других, то ли маяты, то ли русские прибыли сюда и истребили жителей этой местности. Упустили только одного человека. Этот человек и мысли не допускал, чтобы разлучиться с этим бабушкой-озером[3]. Он трижды пробежал вокруг этого озера (убегая от маятов). Дойдя до предела, он прыгнул через речку Буордаах. Когда он, прыгнув, начинал падать, про-

стрелили ему толстое сухожилие ноги. «Оказывается, не нашлось того, кто называется духом-хозяином вселенной, не взял он их», — сказав так, умер этот человек.

После этого спустя столько-то времени[4] маяты переходили на другой берег через мыс Очуоса[5]. Вдруг, когда они почти достигли противоположного берега, они наткнулись на бивень мамонта. «Вот как, нашелся ведь клад», — стали говорить. И начинают раскапывать, чтобы достать клад. Когда докопались до середины [льда], выступила кровь. И вот продолжают рубить [лед], спустившись в углубление. Затем, пытаясь выдернуть [бивень], все провалились под лед. И оттуда они не смогли выплыть.

Со слов М.И. Еспека, 64 лет, Илимпийский район Эвенкийского национального округа Красноярского края. Записал Н.В. Емельянов 6 апреля 1959 г., пос. Ессей [ИПРЯ, ч. 2, с. 78—79].

53. Предок медведь

В древности в Юрюнгейском наслеге[1] Момского района одна семья имела двух дочерей. В то время люди съедали своих дочерей. После того как съели одну из девушек, другая подумала: «Все равно меня съедят», — испугалась и убежала в лес, неведомо куда. Ее поймал медведь, поселил в берлогу и сделал своей женой. Медведь зимой вместо пищи давал этой женщине лизать свою лапу. Летом же кормил ее тем, что добывал охотой.

Однажды младший брат девушки обнаружил ее следы и по ним нашел берлогу, в которой находились медведь и женщина. Он убил медведя, а сестру привел с собой. Сестра его, оказывается, вся обросла волосами. У нее родился ребенок, обросший волосами. С той поры люди из Юрюнгейского наслега поклоняются медведю. Люди Юрюнгейского наслега медвежатину не едят, на медвежьей шкуре не спят.

Со слов А.И. Слепцова, 50 лет, Абыйский наслег Абыйского района. Записал А.А. Саввин 30 марта 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 91—92 об.

54. Месть медведя

Божество людей из Юрюнгейского наслега, находящегося в Моме, медведь. Говорят, что их женщинам нельзя кушать медвежатину. Один путник, проезжая ночью, сварил медвежатину и поел. Часть супа он оставил в ведерке, в котором сварил свою

медвежатину. Затем повесил ведерко на верхний угол печки и уехал. Утром хозяйка проснулась, поднялась и случайно засунула руку в то ведерко. К руке прилип жир, и она его положила в рот — попробовала. Та женщина умерла, оказывается. Так рассказывал один старик с Момы.

Со слов Н.И. Николаева, 98 лет, Янский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 1 марта 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 120.

55. Медведь

В старину медведь был женщиной, ни разу не выходившей замуж. Она имела нарядную, украшенную одежду. Однажды она сказала: «Что же будет, если начать бродяжничать, ходить без всякой цели? Пожалуй, я уйду бродяжничать». Произнесла и отправилась бродяжничать, надев свои украшения. Так, бродяжничая, она, обросши шерстью, превратилась в медведя. Она стала поедать людей, вела себя так же, как злые духи. За это ее убили.

Если женщина встретит в лесу медведя и испугается его, то должна оголить и показать ему грудь. Тогда медведь ее не задирает, уходит.

Медведь, если снять с него шкуру, совершенно схож с женщиной. Похожи груди и часть тела ниже талии.

Здесь на Яне женщины медведя называют «бабушка». Мужчины называют «дедушка», «лесной зверь». Янские женщины совсем не едят медвежатину. Часть старушек и женщин не разрешают в своем доме даже варить медвежатину. Нынче, если какая-нибудь женщина покушает медвежатины, то сильно осуждают ее, презирают и бранят. Мужчины перед тем, как кушать медвежатину, каркают по-вороньи.

Со слов А.С. Слепцовой, 92 лет, Суордахский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 27 декабря 1939 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 71.

56. Охотник и медведи

Моим предком был, оказывается, человек по имени Наахара. Этот человек имел рост всего один метр. Ему исполнилось двести лет. Старика никто не обижал в течение всей его жизни. Он сам был знаменитым охотником. В конце жизни у него выпали зубы, стал он ходить, согнувшись, опираясь на тросточку.

Однажды осенью, когда снег уже становился хрустким под ногами, на старика стремительно накинулись два медведя. Один из них — полосато-пегий, другой — красновато-белый.

Увидев это, старик сказал: «Я человек, добывший около двухсот медведей. Как жаль, что нет со мной моей пальмы! Неужто вы пытаетесь меня съесть?» После чего отбросил свою тросточку, схватил их за шиворот и убил, ударяя друг о друга.

Он перекинул обоих медведей на плечи и, опираясь на тросточку, принес домой. Тут он сказал: «Старуха, вот убил двух медведей. Их мяса я поем, наверно, только один раз. Видимо, это последний мой гостинец, поэтому я умру».

«Э-э, зачем же ты убивал, пожил бы еще долго», — ответила старуха. На следующий день старик умер.

Со слов Е.Г. Герасимова, около 80 лет, Магасский наслег Верхневилюйского района. Записал Н.А. Алексеев 17 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 137—139.

57. Вода *саты*[1]

Жидкость, называемая водой *саты*, образовывается в похожем на оболочку желчи мешочке, находящемся между шкурой и тушей умершей скотины или медведя. Мешочек с той водой отрезают целиком и сохраняют. Когда нуждаются в прохладе, ту воду выпускают из мешочка. Тогда оттого, что уронили *саты*, наступает ветреная погода. Например: если к моменту возвращения таежников (в июне) установится очень жаркая погода, то напускают *саты* на 7—9 дней, в течение которых будет дуть сильный ветер. Местные жители про подобные факты говорили, что, видимо, идут охотники, наступила буря охотника. (Согласно обычаям, брызгают вокруг этой водой *саты*, заклиная ветром стать вместе с ветром, бурей быть вместе с бурей.)

Или еще *сата* бывает изредка в медвежьей шкуре. Зимой, когда надо веять лопатой зерно, а стоит совершенно тихая, безветренная погода, хлещут медвежью шкуру пестрым прутом из тальника (снимают с него полоски коры. — *Н. А.*). При этом приговаривают: «Шкура черного медведя, стань обширной бурей, шкура белого медведя, стань продолжительной бурей, шкура светлого медведя, стань белым вихрем». В таком случае менялась погода.

Со слов Г.И. Ильина, 63 лет, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 45—45 об.

58. Божество Волк[1]

В старину жителей Бетюнского наслега Намского района дразнили: «Бетюнцы-волки, имеющие божеством волка, семь раз обежавшего пустую яму». Он вот за что стал их божеством. Предки бетюнцев, когда застряли из-за ветра на речном острове, заголодали, стали помирать, но спаслись тем, что нашли волчьи запасы. Он заквасил рыбу в яме, натаскал коренья, пригодные для похлебки, вот этим бетюнцы прокормились в то время и остались в живых. Поэтому признали волка своим божеством, полагая, что он их спас.

Со слов П.Ф. Саввина, 49 лет, II Ситтинский наслег Кобяйского района. Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 46—46 об.

59. Лиса и огонь

Убитой лисице, прежде чем внести ее в дом, завязывают голову платком или укутывают шапкой и потом уже вносят, потому что она враждебна огню и, посмотревши на огонь, не станет попадаться на самострел. Если охотник не встретит на дворе никого, кто бы пошел и дал знать домашним о добыче, то он сам, подошедши к дверям своего жилища, несколько раз медленно стучит в дверь. Хозяйка дома обыкновенно догадывается, в чем дело, и бросает в огонь ложку масла. Потом устраивают пирушку, например, варят *саламат* или убивают мелкую скотину, а то и большую, смотря по ценности лисицы.

Некоторые охотники снимают шкуру с убитой лисицы ночью после того, как все уснут.

АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 213.

60. Лиса и налим

Лиса с налимом[1] жили по соседству. Одна — в лесу, другой — в воде.

Налим говорит:

— Я с лисой побегу наперегонки.

Лиса:

— Ну, и я побегу наперегонки, — говорит.

Суд зверей решил:

— Бегите же.

Итак, побежали, один — водой, другая — лесом. Разбежавшись, обегая озеро, лиса кричит:

— Налим, где ты?

Перед ней на мысе налим:

— Ооп! — отвечает.

Лиса снова бежит. Пробежав, опять кричит:

— Налим, где ты?

Перед ней на мысе:

— Ооп! — отвечает.

Лиса устала, проголодалась, стала изнемогать. Едва не умирая, еле двигаясь, она присела на задние лапы, выпрямилась торчком:

— Налим, — говорит она.

Опять перед ней, на мысе:

— Ооп! — отвечает тот.

Тогда лиса, сказав: «Налим — обманщик», — пошла жаловаться в суд.

Когда она пожаловалась, суд сказал таймень-рыбе:

— Собери своих людей!

По кличу тайменя на мысе собралась уйма щук, налимов, окуней и прочих рыб.

Они сказали суду:

— Вот, мы собрались.

Посмотрели на лису: ни мяса, ни сала нет, к костям кожа прилипла (чего ради сама-то она бегала наперегонки до такого состояния).

Суд сказал:

— О, пожалуй, лиса права. — Затем добавили: — Из такого множества рыб хоть одна, наверное, знает.

Щука, встав, говорит:

— Позвольте мне сказать.

— Ну, говори же, — разрешили.

— Налим перед началом бегов других налимов поставил на мысы, а сам после этого лег.

— Тогда давайте его судить, — решили.

Все проголосовали судить налима. Стали его сечь изо всех сил. Когда его секли, хвост его сплющился, мяса не стало, оно сохранилось лишь у головы.

Налим говорит:

— В будущие века, когда появятся люди и скот, они нигде не найдут у меня съедобного мяса. Чем будут люди питаться, чем пользоваться?

Суд постановил-приговорил:

— Налим говорит правду, — сказал судья. — Таймень, у тебя есть мясо, твоя печень тоже хорошая, от нее жир и масло получаются. Поэтому ты должен отдать свою печень налиму, а печень налима взять себе.

Раз суд постановил, что поделаешь — обменялись.

С тех пор у налима большая голова и большая печень.

Со слов М.И. Эспека, 64 лет, пос. Ессей Эвенкийского национального округа Красноярского края. Записал Н.В. Емельянов в марте 1959 г. [ЯС, т. 1, с. 51—52].

61. Как почернел кончик хвоста у горностая

Это было время, когда все теперешние звери, гады и насекомые уже стали сами собою. Но по количеству их было мало, говорят. В то время теперешний горностай был совершенно голубой с темно-рыжим оттенком.

Неожиданно наступила лютая, трескучая, холодная зима. Все звери знали, что посреди леса жил в деревянном доме старик Заячий Желудок. С шестка старика никогда не сходила кипяченая вода для питья.

Горностай, умирающий от голода, поднялся на дымовую трубу и сидел, греясь. В тепле ему захотелось спать, он задремал. Старик, входя в дом, хлопнул дверью. Испугавшись этого шума, горностай сорвался в трубу и шлепнулся в кипящую воду. Услышав вопли горностая от сильного ожога, старик Заячий Желудок вытащил его; горностай стал голеньким, еле душа держалась в теле. Одинокий старик, стараясь найти компаньона, стал за ним ухаживать, оберегать его. Горностай, как и всякое животное, вскоре ожил, поправился. А темно-рыжий цвет исчез. Зато выросла белоснежная шерсть без единого пятнышка, и стал горностай белым, как молоко.

Старик и горностай прожили вместе довольно долго. Горностай ел готовое из добычи старика. Однажды старик открыл ящик с маленьким запасом масла, который он очень берег, и увидел следы зубов, давно уже изгрызших почти все масло. Старик рассердился так сильно, словно в него вселился некто с кривыми рога-

ми[1], разум его помутился, словно каша. Подумав, он сделал вид, что уходит на охоту, а сам остался, спрятавшись за деревом. Горностай, вытянув шею, посмотрел в разные стороны, а потом залез в ящик и стал догрызать оставшийся маленький кусок масла.

Старик бесшумно схватил обугленную палку и пошел, чтоб прихлопнуть вора. Горностай, чуткий из чутких, почуял опасность и бросился бежать. Старик с криком ударил его палкой. Но горностай увернулся и удар пришелся только по кончику хвоста. Бедный старик остался ни с чем, говоря: «Погоди, погоди, черный разбойник! Все-таки я пометил твою чистую белизну».

Кончик хвоста у горностая, по которому ударил старик, покрылся черной шерстью или от того ранения, или от сажи, но не стирается до сих пор. С этого времени горностая зовут «зверек с отметиной».

Записал М.Г. Наумовский, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района в 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 66].

62. Как ласка осталась без хвоста

Ласка из рода горностая. Когда-то у нее был прекрасный пушистый хвост. Она была очень шустрым, пронырливым зверьком, как говорят: «На кончике кола девять раз повернется»[1], в своей норе не смогла спокойно усидеть.

Будучи вот такой, шутя-играя, она угодила в капкан охотника по самое основание хвоста. Подергала — было очень больно. Когда она сидела так, послышалось кряхтение охотника, шарканье его ног, и тут же возникла его фигура. Попробовала потянуть — стало больно, притворилась она мертвой.

Охотник (всех хитростей ему не разгадать) разрядил капкан, отложил добычу и начал снова заряжать [ловушку], а ласка ускакала. Старик погнался и придавил ласку ногой. У нее оторвался хвост в том месте, где его защемил капкан и остался у старика.

С тех пор хвост у ласки стал коротким.

Записал М.Г. Наумовский, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района, октябрь 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 67].

63. Отплатить добром за добро

Давным-давно в восточной тайге жил один очень бедный тунгус, имевший жену и двоих детей. Тунгус, оставив свою семью в чуме, ушел на несколько дней охотиться в дальние места. Женщи-

на и ее двое малых детей съели крошечные остатки мяса, имевшегося у них, и легли спать. Эту ночь они переночевали очень хорошо, ничего не увидели, ничего не почуяли. На следующий день женщина затосковала, с нетерпением ждала конца зимнего дня, сидела, согнувшись, в чуме, держа детей на руках. А днем, когда солнце перевалило за полдень, она попыталась выйти из чума за дровами. Оказалось, что посреди двора лежит страшный зверь, имеющий очень большую гриву, спереди — густошерстый, сзади — гладкий, хвост его длинный с кисточкой на конце. Женщина, испугавшись, юркнула в чум. Когда она, через время, за которое можно сварить мерзлое мясо, приоткрыла дверь и поглядела, оказалось, что зверь лежит, еще больше приблизившись. Затем, спустя довольно много времени, она захотела приоткрыть дверь и взглянуть, оказалось, что зверь уже лег поперек выхода и придавил дверь. Женщина, страшно испугавшись, взяла под мышки обоих детей и сидела, не имея никакой пищи. Завечерело, наступила ночь. Вдруг тот зверь, мурлыча очень приветливо, приоткрыл дверь покрытого шкурами чума и просунул переднюю лапу. И вот когда женщина внимательно присмотрелась в неярком свете своего очага, то увидела, что на передней лапе зверя торчит вилообразный наконечник самострела. Женщина раздула поярче свой жалкий огонек, подошла и поглядела, действительно, в лапе находится вилообразный наконечник стрелы. Лапа опухла так, что вздулась. Женщина тут же осторожно выдернула наконечник и высосала из раны весь яд (видимо, гной. — *Н. А.*). Зверь же, как будто это ему понравилось, просунул лапу еще более во внутрь чума. Вот, закончив, женщина очень хорошо погладила лапу туда и обратно. Тут же зверь выдернул свою лапу и направился прямо на восток. Когда тот охотник после трехдневной охоты возвращался без какой-либо добычи, тот зверь, который лечился у женщины, поймал и отдал ему черную лисицу с солнцем (с белой отметкой) на груди. Охотник, обрадовавшись так, что его ноги не чуяли земли, прибежал домой и бросил лисицу своей жене. Затем оба успокоились, выяснили в разговоре, что черную лисицу специально им преподнес тот зверь, который лечился у женщины.

Это значит, согласно поверьям, что царь зверей, случайно попавшийся на орудие лова, отплатил черной лисицей за ту доброту, ласку, благодаря которой спасся.

Со слов И.И. Платонова, 74 лет, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 23—24.

64. Летучая мышь

Находят и убивают бабочку злых духов[1] (кожаное крыло), имеющую золотистый узор, и, назвав ее своей диковинкой (предметом, обладающим магическим свойством. — *Н. А.*), пришивают к вороту шубы. Проигрывая в карты, они чмокают с резким свистом, тогда непременно выигрывают, оказывается. Все их карты обязательно ложатся удачно, они должны, оказывается, жульничеством приобрести беспредельную сумму денег.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19.

65. Рыбы, гады

Сотворив мир, Господь Бог создал человека, скот и других одушевленных животных.

Подражая ему, старик Сатана, передвигаясь под землей, тоже создал в воде рыб и пресмыкающихся гадов.

Увидев это, Бог благословил воду крестным знамением, отчего на голове рыб образовались кости в виде креста. С тех пор люди стали есть рыбу.

Старик Сатана пресмыкающихся гадов зарыл в землю, спрятал от Бога. Поэтому люди стали брезговать гадами.

Со слов Г.А. Васильева, 70 лет, Немюгинский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в августе 1934 г., местность Хоптолоох [ЯС, т. 1, с. 102].

66. Волшебная кость лягушки

Очень редко встречаются, говорят, две лягушки, слипшиеся друг против друга. К ним нужно подойти, обойдя их с солнечной стороны, посадить на ладонь, принести и положить в берестяной кузовок. Его нужно накрыть крышкой, затем необходимо концом острого ножа провертеть дырочки так, чтобы он стал похож на сито. Вот, после этого кладут кузовок в огромную муравьиную кучу. Тогда по множеству дырочек в кузовок проникают муравьи и съедают лягушек. В тот момент лягушки должны страшно закричать. Для того чтобы не услышать тот вопль, человек, положивший кузовок, как можно крепче затыкает уши и убегает изо всех сил. Если во время бегства он услышит тот вопль лягушки, то умрет или сойдет с ума. Человек, сунувший в муравейник кузовок, при-

ходит к нему позже — через 7 или 9 дней. Когда он откроет кузовок, то обнаруживает две совершенно чистые кости: одну в виде крючка, другую — похожую на вилы (якутские вилы имеют два зубца — один длинный, другой короче. — *Н. А.*). Те кости берут, заворачивают в тряпицу и носят с собой. Если той костью, которая похожа на крюк, владелец притянет к себе что-нибудь, то приколдовывает его, а если оттолкнет костью, похожей на вилы, то чары рассыпаются. Есть рассказы, что такими волшебными костями лягушки пользовались изредка люди в старину.

По сообщению Г.И. Ильина, 63 лет, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 45 об.

67. Волшебные кости лягушки

Подобное приобретают только картежники, которые хотят выиграть побольше у людей и разбогатеть. Ловят то ли двух-, то ли трехголовую лягушку, засовывают в муравейник и убегают. Нельзя слышать предсмертные вопли лягушки, если услышишь, то станешь совершенно глухим человеком. Позже, через несколько дней, когда решат, что муравьи съели лягушку, приходят и из найденных костей выбирают кость с крючком на одном конце, с развилкой, напоминающей вилы — на другом. Если концом кости, похожим на крючок, притянуть к себе женщину, богатство или карты, то женщину приворожишь к себе, и она будет сама гоняться за тобой; в карты станешь выигрывать, а богатство пристанет навеки. Если же их оттолкнуть в сторону от себя развилистым концом, то женщина берет развод, богатство кончается, в карты проигрываешься. Говорят, что такую кость находит в верховьях речек только парень, которому предназначено полное счастье. Ту кость должны хранить в тайне от всех, на самом дне бумажника. Никто из двуногих об этом не должен ни знать, ни подозревать. Кость необходимо положить, полностью предохранив от порчи.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19.

68. Змея и золото

Как рассказывали люди, две змеи — самец и самка, обитали в нашем крае на острове озера Тысылык, находящегося на территории I Тылгынинского наслега. Их видели лет десять назад.

Люди из экспедиции, прибывшие в то время, сказали про змей: «Самец имеет длину восемь метров, лежит на глубине девять метров». Если бы туда докопаться, то можно спросить у змей, где имеется золото.

Они, наверно, и сейчас находятся там же.

Со слов П.Л. Львова, 77 лет, Магасский наслег Верхневилюйского района. Записал Н.А. Алексеев 16 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 23.

69. Собака и медведь

Бог создал сначала собаку, а потом медведя. Собаку он сделал слабой, но умной, а медведя — сильным, но слабоумным.

Как бы ни был медведь силен, было много такого, чего он не мог одолеть, чего он боялся. Мог бы он все вырвать и разодрать, но не мог этого делать, так как не имел большого пальца на лапе. Однажды он пришел к Богу и попросил сделать ему большой палец[1].

И тут же собака сказала: «Если ты дашь медведю большой палец, то мне дай ружье».

Бог, поразмыслив, сказал: «Если у медведя будет большой палец, то он разрушит весь мир; если у собаки будет ружье, то она перестреляет все живое» — и не дал медведю большого пальца, а собаке ружье.

Со слов Т.Е. Кириллина, 84 лет, I Нахаринский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в октябре 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 106].

70. Лютая собака и дух, причиняющий болезни детям

Семья, имеющая болезненного ребенка, приобретает громко лающую лютую собаку. Ее называют другом ребенка, приучают держаться около него, спать вблизи его кровати. К такому средству прибегают в тех случаях, когда наносит порчу мелкий злой дух, называемый «неотвязным малым», или предыдущее дитя умерло некрещеным, или в том случае, когда наслали какого-нибудь мелкого злого духа слабые шаман или шаманка. «Неотвязчивый малый» не может причинить болезнь взрослому, беспокоит, заставляет болеть только детей младше семи лет, он заставляет их

играть с собой, смеяться, безумствовать и т.п., и хотя он крепкого ребенка не убивает, но мучает его. С неотвязчивым злым духом могут справиться не только шаман, шаманка и *мэнэрик*, но и человек с грозным обликом, острым взглядом и языком.

Записал П.Т. Степанов. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4 об.

71. Доля собаки

В старину хлебный колос был очень длинным, от самой черной земли до верхушки стебля росли зерна, говорят. Все это испортила одна пресытившаяся женщина, она утирала зад своего ребенка хлебным колосом.

Бог увидел это и страшно разгневался, решил отнять обратно свой дар, данный людям. Тогда собака стала просить: «Хоть оставь мою долю», — плакала-голосила она. Бог, вняв просьбе собаки, оставил несколько семян на кончике стебля.

Таким образом, мы едим долю собаки.

Со слов Г.А. Васильева, 70 лет, Немюгинский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в августе 1934 г., местность Хоптолоох [ЯС, т. 1, с. 106—107].

72. Сука, ставшая божеством

Божество рода Ыйылас, живущего в Оросунском наслеге, сука. Предок того рода Ыйылас, идя с реки Чара, остался без припасов. Когда он замерзал и близок был час смерти, собака, которая следовала за ним, принесла ему огниво с трутницей, ранее принадлежавшую человеку, погибшему при сражении (в этих местах. — *Н. А.*). Им предок Ыйыласа разжег огонь и спасся.

До сих пор люди бранятся — «Ыйыласцы, имеющие божеством собаку». Имя человека, для которого божеством стала собака, Нокоочук. Он завещал: «Когда я находился при смерти, божеством-покровителем стала собака, поэтому, если будете отправляться в дальний путь, берите с собой обязательно свою собаку». В старину ыйыласцы никуда не шли без собаки. И сейчас они к собакам относятся хорошо, содержат как членов семьи.

По сообщению Ф.Н. Тимофеева, 78 лет, Оросунский наслег Верхневилюйского района. Записал А.А. Саввин 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 2, д. 69, л. 52—52 об.

73. Жеребец и бык-пороз
(Как зима стала длиннее, а лето короче)

Сотворив мир, Бог спросил человека: «Как мне сделать: зиму длинной или лето продолжительным?» На это человек ответил: «Спроси у моих друзей, жеребца и быка-пороза, пусть будет так, как они скажут».

Бог обратился с вопросом к жеребцу: «Ты как хочешь, чтоб зима была длинной, или желаешь, чтоб лето стало продолжительным?» На это жеребец ответил: «Я желаю, чтоб лето было длинным, зимой очень мерзнут мои ноги в копытах».

Потом бог спросил быка-пороза: «А что ты скажешь, зиму ли сделать длинной или лето сделать продолжительным?» Бык ответил: «Ты удлини зиму, у меня в летнюю жару мокнет нос».

Тогда Бог зиму сделал длинной, а лето коротким.

Рассердившись, жеребец лягнул быка в нос и выбил ему верхние зубы. Бык-пороз боднул жеребца в бок и проткнул ему желчь. И с тех пор у лошадей нет желчи, а у рогатого скота передних зубов.

Со слов Г.А. Васильева, 70 лет, Немюгинский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.У. Эргис в августе 1934 г., местность Хоптолоох [ЯС, т. 1, с. 107].

74. Конь Тыгына[1]

Тыгын имел много войска, его воины были вооружены луками и мечами. Когда он был в силе, имел двести человек, держащих мечи. (Рассказчик употребил на этот раз слово «*батыйа*» — большой охотничий нож на длинной ручке.) Он был повелителем якутов. Кто не повиновался ему, всех тех убивал. Местожительство его было над озером Сайсары. Его боевой конь кроваво-красной масти, когда чуял предстоящую битву, поднимался на вершину Чучур-Мураана (красивая сопка над озером Ытык-Кюел, недалеко от г. Якутска) и, стоя там, бил передними и задними ногами.

В то время в Намцах жил славный человек, который имел знаменитого коня. Тыгын приказал своим сыновьям, если он не изъявит покорности, убить его, если же подчинится, то привести и его людьми усилить войско. Сыновья с войском отправились в

Намцы. Завидев идущее войско, намец побежал на гору. Пущенная вдогонку стрела вонзилась ему в спину. Убили его.

Там же в Намцах жил другой человек, по имени Атарба-Ойун, богатырь и шаман. Он с досады и в гневе собрал сорок человек, вооруженных мечами и луками, и направился к Тыгыну, предварительно сказав своим людям:

«Я провидел своим шаманским взором, что дочь гибели и смертоубийства улетит от них (семьи Тыгына), если убить коня кроваво-красной масти, на котором они выезжают на войну. Этот конь только на лбу имеет маленькое уязвимое место, величиной с медный пятак, которое они закрывают железным забралом. Когда конь идет быстрой поступью, это забрало приподымается. В этот самый момент тот из вас, в ком есть мужская доблесть, пусть угодит стрелой в лобное место!»

Воины возразили шаману:

«Такая меткость нам не под силу. Если кто и может сделать это, то только ты сам!»

Вот Бечеке-Беге, сын Тыгына, сидя на этом коне, выступает впереди своего отряда, чтобы завязать бой перестрелкой.

Шаман Атарба выстрелил в коня; стрела, угодив как раз в лобное пятно, вышла через задний проход. После смерти коня Тыгын попросил мира. В возмещение прежде убитых им людей выдал одну девицу в полном брачном наряде и сто лошадей...

Со слов В. Козлова, 34 лет, I Малтанский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в июле 1921 г. [1977, с. 7].

75. Тыгын-воитель и его боевые кони

Тыгын имел много войска. Однажды с большим отрядом ходил на Вилюй. Идя по нему, дошел он до верховьев и возвратился назад потому, что по реке пошла шуга. Ездил он искать народ, воевать. Затем отправился с отрядом далеко на восток; вернулся, будто бы услышав колокольный звон, приняв его за голос богатыря.

Имел он двух боевых коней, закованных в латы. Один, на котором ездил он сам, был гнедой масти и назывался Абытай-Арагас. Когда Тыгын-старик собирался на войну, конь чуял это за семь дней и, поднявшись на гору Чучур-Мураан, сам вывязывался (не кормился, тренируясь для бега). Рассказывают, что в этого

коня был вселен дух Илбис-Кыыса[1], который и заставлял коня готовиться к бою. Другого коня, на котором выезжал его сын Чаллаайы, именовали Хара-Уол.

Каждый год, когда показывалась зеленая мурава, Тыгын устраивал *ысыахи*, а когда пожелтеет трава, выступал на войну. Пока природа стояла зеленой, он воздерживался от кровопролития, считая это греховным.

Стоило ему лишь услышать, что где-нибудь родился и живет известный человек, он тотчас же отправлялся туда и убивал его.

Со слов П.С. Семенова, II Мальжегарский наслег Кангаласского района. Записал Г.В. Ксенофонтов в январе 1925 г. [1977, с. 93—94].

76. Божество юсальцев[1]

По рассказам, божеством юсальцев являлся темно-сивый жеребец с крупом в яблоках. Невестки, встретив жеребца такой масти, не смели, говорят, перейти ему дорогу. В старину случилась большая голодовка. Весной, во время бескормицы, предок юсальцев остался жив потому, что пускал кровь из неба темно-сивого жеребца, имеющего яблоки на крупе, серые ляжки, и питался той кровью. После этого они стали поклоняться жеребцам такой масти.

Со слов Х. Горохова, 60 лет, местность Буугтаах Юсаль Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 8 марта 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 92.

77. Конь покойника

[На похоронах] съедают коня, быка не едят. Может быть и конь, которого ни разу не ловили, и ездовая лошадь. Кобылу не забивают. На этом коне покойник ездит только при объезде мест[1], где бывал при жизни.

Данного коня до того, как забить, оседлывают и показывают ему покойника. Затем поворачивают головой к солнцу и разрывают ему аорту. Забивают его путем разрыва аорты.

После похорон родственники покойного ставят угощение. Разную пищу. Только от этой пищи не дают долю духу-хозяину очага.

Со слов Яковлева-Куруппы. Записано 2 февраля 1941 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 536, л. 49.

МИФЫ О НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ОБ ОБИТАТЕЛЯХ ВЕРХНЕГО МИРА

78. Мальчик-сирота и луна

Якуты так говорят про пятна, которые видны на луне. В древности один сирота был рабом у одной богатой семьи. Госпожа сказала: «Сходи по воду». Тогда мальчик, взяв ведро и коромысло, отправился за водой. Возвращаясь с водой, он остановился у молодой лиственницы и, прислонясь к ней, заплакал, тоскуя из-за того, что он сирота. В это время к нему спустилась луна и взяла его к себе.

Обижать сироту грех. Если заставить плакать сироту, то его плач проходит насквозь через девять небес и становится слышен Айыы тойону. Тогда Айыы тойон накажет человека, обидевшего сироту.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 208.

79. Девочка на луне[1]

В одной семье воспитывалась девочка-сиротка. Хозяйка дома отправила поздним осенним, холодным вечером ту девочку по воду. Лунный вечер был на исходе. Девочка замерзла и стала жаловаться на свою судьбу: «Лучше бы стать солнцем вместе с солнцем, луной вместе с луной, чем жить так, страдая».

Причитания девочки, произнесенные стоя на мостках в воде, услышали солнце, луна и земля.

Затем солнце сказало: «Земля, земля тебя обижает, поднимись и останься у меня».

В ответ на это земля сказала: «На солнце, на солнце не поднимайся, умрешь, сваришься от жары. Останься у меня — на своей родине».

Луна сказала: «На земле, на земле не оставайся, все равно жизнь твоя будет голодной, поднимись и живи у меня».

Девочка подумала: «Если поднимусь на солнце, то сварюсь живьем, умру; а если останусь на земле — так же буду страдать; уж лучше, видимо, мне подняться на луну». После этого девочка обратилась к луне:

— Ну луна, луна, подними, хочу подняться к тебе.

Луна услышала ее и подняла девочку при помощи пурги.

С той поры, говорят, на луне стоит девочка, держа свои ведра на коромысле, и стала она там духом-хозяйкой.

Со слов Т.Г. Николаевой, 59 лет, II Бордонский наслег Сунтарского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 789, л. 30—30 об.

80. Чолбон (Венера) и Юргэл (Плеяды)

Чолбон производит ветер, снег и вьюгу, а Юргэл ему препятствует, вступает в борьбу и после долгой борьбы побеждает.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 209.

81. Гром

Гром приписывается чудовищу, имеющему вид жеребенка, совершенно голого, т.е. без кожи с длинным хвостом; ударяя последним по облакам, чудовище производит гром.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 209.

82. Топор грома

После того как гром ударил в лиственницу, следует пойти до восхода солнца к тому дереву, обойти кругом и найдете... камень (большой), воткнутый острием в землю.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 209.

83. Топор грома

Люди рассказывали, что есть «топор грома». Он, говорили, похож на инструмент, называемый зубило. Или же говорили, что это маленький черный камень, по форме напоминающий топор, похожий на обломок инструмента, называемого оселок. Им точат косы. Тот топор, оказывается, находил счастливый человек, которому суждено жить благополучно. Топор грома в любых случаях мог служить, по рассказам, амулетом или лекарством.

Записали П.Т. Степанов и М.Г. Наумовский, Мегино-Кангаласский район, 14 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4.

84. Отпугивание злых духов

Шаман или простой человек, нащипав лучинки из куска дерева, разбитого молнией, делает из них пучок. Его поджигают и размахивают им, тогда имеющие худое дыхание (злые духи) пугаются и уходят. Им же окуривают человека и хлев, в которых спрятался дух, изгнанный из больного, невод и заболевшего теленка. При этом огонь на лучинках должен гореть беспрерывно. Остатки лучинок, которыми совершалось окуривание, кладут в такое место, где никто не ходит, никто не может топтать их. Чаще всего кладут на навес дома. Это *аччы* становится грозным сторожем, постоянно отпугивающим бродячих, путешествующих злых духов.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 17.

85. *Сата*

Сата имеет способность вызвать по желанию его хозяина ветер, дождь и холод. Камень этот с одной стороны имеет вид человеческого лица с глазами, цвета черного. Узнают о его присутствии по треску, производимому им; растет он у верховьев реки на высоких скалах. Хозяин содержит его завернутым в бумагу или шерсть из конской гривы; обладание им тщательно скрывают, никому не показывают, а постоянно держат в кармане.

Төрөтөр оҕо уйатын билимиим,	Пусть я лишусь новых детей,
Иитэр сүөһү күрүөтүн билимиим,	Пусть не получу скот,
Хотун ойох баһын билимиим,	Пусть не будет у меня жены,
Оттоох орон түбүн билимиим,	Пусть не узнаю радость мягкой постели,
Эйиигин эрэнним,	Я положился на тебя,
Эйиигин итэҕэйдим,	Я поверил в тебя,
Эн мин эппиппэр буолар буоллаххына,	Если ты сделаешь, как я сказал,
Мин эн диэки сананыам!	Мои помыслы будут на твоей стороне!

Клятва, которую произносит нашедший камень *сата*. Когда желают произвести дождь, например, то вынимают [его] из кармана при восходе или заходе солнца, поворачивают на ладони и

насвистывают при этом — по желанию могут таким образом произвести трех-, семи-, девятидневный дождь.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 209.

86. *Сата*[1]

Чаще всего «*сата*» камень бывает: в теле скота, коней, он размером в половину яйца, цветом — темно-синий. На вид камень похож на мячик, сам легонький, если внимательно вглядеться, то видно, что у него лицо и глаза, как у человека. Если его показать небу или солнцу, сунуть в воду, то погода, по рассказам, портилась — холодало, начинал дуть ветер, наступала пурга. Иногда *сата* бывал и в человеке. Если человек с *сатой* совал голову в воду (озера, речки и реки), то тоже, по рассказам, портилась погода. Якутские рассказчики не могли пояснить, и в прошлом, и нынче, из-за чего это происходило, просто вот так говорили, что погода портилась, становилось ветрено.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 4.

87. Сношения с Тыгыном

Однажды Тыгын вел войну с борогонским Бэрт-Хара. Последний стал теснить его. Тогда Тыгын отправил к Быркынгаа-Боотуру человека с просьбой:

«Пусть прибудет ко мне и окажет поддержку!»

Быркынгаа поехал. Рассказывают, что в древности якуты имели обыкновение перед самым сражением издавать крики ворона с восклицанием «ойдоо, ойдоо». Затем махали над головой великолепно отточенными пальмами. Тогда будто бы вспрыскивало с неба кровавым дождем. Быркынгаа, прибыв, сделал то же самое. Бэрт-Хара, увидев это, сказал своим людям:

«Вот досада! Прибыл к нам старший брат, живущий на краю земли. Нам теперь с ними не справиться, прекратим войну!»

Тыгын одарил Быркынгаа людьми, скотом и проводил его, дав ему в жены красивую девушку.

Со слов Н.И. Тимофеева, 70 лет, Нерюктейский наслег Сунтарского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в марте 1925 г. [1977, с. 206].

88. Песня горных вершин

По поверьям древних якутов, существовала песня горных вершин. Так называли хоровое пение, раздававшееся где-то наверху, в поднебесье. Его слышали, если предстояло несчастье или смерть кого-нибудь. Звук песни уходил в сторону того дома, где жила семья, на которую должен был напасть мор.

Со слов И.Н. Дьячковского, 68 лет, Ожулинский наслег Чурапчинского района. Записал С.И. Боло в 1934 г. [1938, с. 146].

89. Ветры

Ветер божеств *айыы* приходит с восточной стороны. Он ничего худого не причиняет.

Плохой ветер и воздух — оба приходят с запада.

С севера изредка приходит плохой ветер. Он имеет рост два метра. Внешне похож на человека.

С запада является ветер ростом полтора метра. Он похож на человека. Увидеть можно только верхнюю часть его тела, начиная с колен.

С юга крайне редко приходит очень сильный вредоносный ветер. Он вселяется только в деревья и травы. Ходит на высоте пяти-шести метров.

Через два с половиной или три года, в середине года или в конце, приходит с востока плохой ветер.

Со слов Н.А. Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 3 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 27.

90. Происхождение трех миров

В глубокой древности, когда предки нынешних людей и скота жили в Среднем мире, в «стране *айыы*», настала пора... изничтожения друг друга, бичуя огнем. Начался такой период, при котором стали биться огнем все живые существа, наступил миг, когда там могли быть изничтожены все люди и скот. Тогда все бросились в разные стороны. Часть поднялась в Верхний мир. Они стали «верхними *абаасы*» — людьми Верхнего мира. Часть спустилась в Нижний мир. Они стали «нижними *абаасы*» — людьми Нижнего мира. Часть осталась в Среднем мире и стала жить в нем, имея

Западный ветер, приносящий злых духов

своим господином Харах-Хаана, у которого была жена Сир-Сабыйа баай госпожа.

Со слов С.Г. Игнатьева, 54 лет, II Кулятский наслег Вилюйского района. Записано 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 14—14 об.

91. Проход в Верхний мир

Начало пути в Верхний мир одно. Затем дорога разветвляется и ведет в места, где живут божества, владеющие конями определенной масти.

Духом-хозяйкой начала пути в Верхний мир является дух Вольного облака Почтенная Дугуйдаан. В прежние старинные времена она была то ли шаманкой, то ли сумасшедшей.

Абаасы (злым духом) становилась после смерти девушка, не вышедшая замуж из-за слишком капризного характера. В *абаасы* превращались также люди, трагически погибшие досрочно, не дожив до конца предназначенное им время жизни. Они исчезали, когда достигали возраста, предсказанного им духами. Если же их старинные шаманы присоединяли к числу злых духов, то они оставались.

Со слов Н.А. Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 3 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 31—32.

92. Небесные девицы

В старину, лет сто тому назад, в долине Тохой, находящейся на территории Нахарского наслега Амгинского района, на восходе солнца внезапно появились три девушки. Они были одеты в белые шелковые платья и платки, имели равный средний рост. Девушки остановились на ровной возвышенной местности, взялись за кончики пальцев и, распевая в такт своим прыжкам на носочках «осуокай-эсиэкэй», закружились-заиграли. Затем за макушкой скалы, стоящей напротив того места, наверху построили себе балаган и прожили лет десять. У них, оказывается, была одна рыжая бесхвостая корова. Ее водили на водопой, говорят, в заросшее жестким кустарником место, находящееся в двадцати верстах. Каждое утро одна из женщин отправлялась долбить прорубь, а следов ее, оказывается, не было видно. Также не было заметно следов коровы, ходившей на водопой и обратно. Ну, вот так они жили, не причиняя никому ни вреда, ни добра.

Однажды один охотник обошел гору по подножию и с тыльной ее стороны поднялся к балагану тех девушек. Над балаганом, оказывается, едва заметно вьются клубы дыма. Когда он ворвался в дом, то оказалось, что сидят три женщины и занимаются шитьем. Совершенно шелковыми нитками, вдетыми в серебряные иголки, шьют они тонкое рукоделье.

Человек, вошедший со двора, сказал:

«Какие у вас новости?» Никто на это не повернулся, не взглянул на него. Лишь, спустя значительный промежуток времени, одна из женщин сказала: «Нет». Человек постоял довольно долго, затем вышел и ушел.

Да, вдруг, отправился он, думая добраться до своего дома, шел-шел, весь измучился, а пришел снова к тому же балагану, откуда начал свой путь. Ну очень он возмутился, да и стыдно стало показаться девушкам. Поэтому он не вошел в их балаган и снова направился домой. Брел он брел, а все же свою юрту не нашел, опять очутился у того же балагана. «Постой-ка, друг, что это за наказание такое, надо зайти и поговорить с ними», — подумал он и повторно ворвался в балаган.

Вошел и видит — женщина, что сказала давеча «нет», посмеивается и улыбается ему. Она сказала: «Что это ты вернулся?» В ответ охотник рассказал подробно, что с ним случилось. Выслушав его, женщина сказала: «Ну, ладно, дай одну из трех своих белок (рыжую). Тогда ты нормально дойдешь до дома». Охотник тут же выхватил белку и отдал ей. Затем, набив свою трубку табаком, он приблизился к очагу. Увидев это, женщина строго запретила: «Нельзя, не бери наш огонь, раскури своим огнем». Охотник не послушался, решил — погодите, вы навели на меня колдовские чары, так и я попробую сыграть с вами шутку. Поэтому взял обломок лучины и разжег его от их очага. Как только лучина зажглась, девушки воскликнули: «Не надо, в этой стране вы, очевидно, не дадите нам спокойно жить, придется нам покинуть ее!» Затем мгновенно исчезли, захватив с собой три стены балагана.

Охотник вернулся домой. На той горе долгое время стояла, говорят, одинокая стена балагана. Сейчас же остались лишь следы его столбов. Люди называли их «небесными девицами» из-за тех удивительных особенностей.

Со слов Г.А. Иванова, 49 лет, Чыамайыкинский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов 26 июня 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 33—34.

93. Легенды о Быйаа, сыне небожителей

В древности в Мытахском наслеге нашего улуса (горный Мытаах расположен по притокам речки Сини на Вилюе-Ленском плоскогорье) жили старик и старуха; до 50-летнего возраста они не имели детей.

Однажды старик куда-то отлучился, старуха ночевала одна. Ночью вдруг она проснулась и заметила у себя на постели человека, лежащего вместе с ней; глаза и тело у него были белые, как соль, бедра и голени были подобны только что очищенным от коры обрубкам бревна, ощущение его тела было приятное.

Затем поднялся с постели и, сидя, стал обуваться. При этом он будто бы сказал:

«Я — сын Юрюнг-Айыы. Ты родишь от меня ребенка мужского пола с белыми, как соль, глазами и телом; он будет человеком, не знающим неудачи и случайной гибели, счастливым и богатым. Назовите его Быйангнаах-Быйаа (изобильно одаренный Быйаа)».

После этих слов он исчез. Старуха рассказала о ночном госте своему мужу. Старик сказал:

«Значит, от тебя родится ребенок, предопределенный волей свыше, от Юрюнг-Айыы. Теперь наша жизнь повернется к лучшему, молчи и громко не говори». (У якутов существует поверье громко не говорить о какой-либо особой удаче, счастье, чтобы они не изменили.)

На будущий год в урочное время действительно родился ребенок с указанными признаками. Через три дня после родов отпраздновали проводы Айыысыт. При этом старик-отец по завету отца-небожителя дал сыну имя Быйангнаах-Быйаа.

Ребенок благополучно вырос, возмужал, стал во всех отношениях превосходным человеком и обладал замечательным умом. Позже он стал шаманом и одновременно был князцом (главой своего наслега). Имел он будто бы семь жен.

Однажды он наткнулся на гнездо орла и там нашел «орлиное счастье» в виде светло-желтого прозрачного камня, похожего на утиное яйцо.

Когда Быйаа подошел к дереву, сам орел выпустил этот камень из своих когтей. Благодаря этому «орлиному счастью» род Быйаа был богат и счастлив в течение семи поколений. В продолжение четырех поколений потомки Быйаа были наследственными

князцами и шаманами. Сын Быйаа — Догой-Кинээс, сын последнего — Борчугунаан-Кинээс, от него происходит Ньукуус-Кинээс. Известный мытахский шаман Боруочаан, кажется сын Догоя, тоже был из того же рода. Этот рассказ я слышал от ныне живого мытахского шамана Келлюенэ.

Со слов К. Амосова, 35 лет, I Малтанский наслег Кангаласского района. Записал Г.В. Ксенофонтов [1977, с. 104].

94. Идэльги-Боотур

В древние, давно прошедшие годы на речке Сола, что на восточной стороне Лены, как гласит предание, проживал богатый и сильный богатырь. Звали его Идэльги-Боотур. Многочисленной челяди, семьи и родни у него не было. Он имел одного брата по имени Джэгин-Удугуй и единственную дочь, девушку замечательной красоты. Дело было в ту пору, когда эта девушка созрела и стала уже женщиной. Сам же Идэльги был уже на склоне лет. Народная молва слагала ему хвалу и славу еще со дней его ранней юности. Его грозное имя наводило страх на весь окружающий люд. Да и сам он думал про себя:

«На сей земле большой и великий — это я!»

В народных сказках говорится о нем:

«Жил он точно пороз-бык, издающий пронзительный рев, точно молодой жеребец, остановившийся в гордой боевой позе, ибо он не имел равных соперников и ублажаем был славой в единственном числе».

Вот почему весь мелкий окрестный люд обходил его жилье сторонкой, как если бы оно было лиственничным деревом, на котором шаманы, водрузив перекрестный куочай (палка в сажень длиною в виде стрелы), подвесили шкуру скотины, заколотой в дар злокозненным *абаасыларам*. Когда кто-либо из именитых главарей, дальних заселенных речек присылал к нему сватов, Идэльги-Боотур неизменно ответствовал отказом, добавляя при этом:

«В чем и в каком отношении смеют они равняться с моей дочерью?»

У Идэльги-Боотура был ближайший сосед, живший на землях теперешних мельжехсинцев, по имени Кюндю, человек богатый и в той же мере родовитый, хотя и не славен был он своей мощью. В один злополучный день этот-то Кюндю прибыл к Идэльги-

Боотуру и намекнул о своем желании породниться с ним. Такое поведение соседа Идэльги понял как явное и тяжелое оскорбление.

«Как ты дерзаешь просить руки моей дочери, не подумав прежде о том, в каком же отношении ты можешь равняться со мною?» — в сильном гневе воскликнул он и, всячески выругав, выгнал Кюндю из дому. Последний, не издав в ответ ни единого звука, вышел и пошел восвояси. Идэльги был человек крутого и дурного нрава. Оставшись один и продолжая гневаться, он рассуждал:

«Ах, этакий мерзавец этот Кюндю! Подумайте только, чем же он равен мне, что вдруг осмелился просить мою дочь? Может ли он равняться со мною по родовитости и происхождению? Да и по видимой наружности чета ли он моей дочери? По силе и удали также не мог бы он стать со мною рядом. Достойны удивления его собственные думы, когда он шел породниться со мною. Или вздумалось ему унижать мое достоинство в расчете на наступающую старость, слабеющую удаль, отсутствие потомства и челяди? Неужели все это уже умалило мою честь и создало такое стеснительное положение?»

Еще пуще вскипел он гневом. Тотчас же вскочив на оседланную кобылицу, поскакал следом за Кюндю. Однако Идэльги не удалось нагнать его в пути, приехал он к местожительству Кюндю. Была летняя пора, люди жили в берестяной *урасе*. Заглянул в шатер, но хозяина там не оказалось. Подумав про себя, что злодей успел спрятаться, вышел и, сев на лошадь, поехал было обратно. Кобылица под ним была с куцым хвостом. Едучи, он не переставал оборачиваться. Вдруг, когда Идэльги подъезжал к опушке ближайшего леса, в дымовое отверстие *урасы* высунулась чья то голова. У Идэльги лук был на изготовке. Прицелившись сквозь покрышку шатра, выпустил одну стрелу. Человек тотчас же исчез.

«Ага, попал-таки!» — подумал он про себя. Приехав обратно, видит уже мертвое тело, лежащее посередине шатра, опрокинутое на спину. Стрела угодила как раз в черную печень.

«Этакое ничтожество, получил-таки заслуженное, на что напросился сам!»

И был он рад. Этот случай еще больше нагнал страх на людей, и никто уже больше не решался свататься к дочери Идэльги.

Однажды утром, когда дочь, подоив кобылиц, грелась около шестка, Идэльги заметил, что она стала брюхатой. Вне себя от гнева он подозвал ее к себе. С палкой в руках стал допрашивать,

когда, как и от кого могла она забеременеть. Дочь перед отцом держала такую речь:

«Я не смею даже и сказать, от кого я сделалась беременной. Однажды утром, когда ходила за кобылицами, повстречался со мною всадник на лошади безукоризненно белой масти. Шапка на нем была из собольих шкур. Выглядел он весьма нарядным и знатным. Подъехав ко мне ближе, он поздоровался и спросил, не я ли буду именитая красавица, дочь Идэльги-Боотура. Я ответила утвердительно и в свою очередь справилась, с кем имею дело и как его зовут и величают.

«Для тебя я человек неведомый, из дальних краев. Приехал, имея одно на примете: уловил молву о твоей красоте, о твоем славимом имени. Согласна ли ты быть моею женою?»

«Стоя здесь посреди поля, что я могла бы ответить на такой вопрос? Спроси отца, породившего меня, побеседуй с ним. Если он даст согласие, тогда будет видно», — ответила я. Он вторично задал вопрос:

«А если отец изъявит согласие, ты сама что имеешь против того, чтобы выйти замуж за меня?»

«Если отец одобрит, то думаю, что не будет возражений и с моей стороны».

Услышав это, он добавил:

«Следовательно, очень скоро будем мы с тобой мужем и женой. Вот сейчас же я приеду к твоему отцу и сделаю предложение. Старец, услышав мое имя, наверное согласится».

С этими словами, подъехав ко мне вплотную, он притянул было меня к себе и, припоминаю, поцеловал. И в этот самый миг у меня в ушах раздался шум и я потеряла сознание. Что произошло дальше со мной, не помню. Когда же я пришла в себя, заметила, что лежала на земле, утратив стыд. А он, достигнув того, чего хотел, уже вставал. Я говорю ему:

«Как это ты мог так бесчестно поступить со мною, за что так обидел? Ты должен теперь же видеться с моим отцом!»

Он на это возразил:

«У меня нет никакой надобности встречаться с твоим отцом. Цель, ради чего я прибыл, уже достигнута, а иных намерений у меня и не было. Наша встреча не будет без последствий. Ты уже забеременела. В грядущий год ты родишь мальчика, который, не ведая болезни и смерти, вырастет. Вот что дало тебе мое соприкосновение. Знамением моего ребенка будет родимое пятно темно-

го цвета величиной с лист березы на плоскости правой лопатки. Он станет человеком, имя которого всуе не произносят, и будет он предком и людей и скота. Дайте ему имя Аба Уос-Джоргоо».

«Содеянное тобою отец не может не узнать. А, узнав, он не оставит меня в живых. Увези с собой, пусть он возьмет меня там, где настигнет. Как говорится, пока топор падает, полено отдыхает!» — попробовала сказать я.

«Нет, дети здешних мест, возросшие на молоке и сливках, не в силах добраться до моей родины. Она для вас недосягаемо далека».

«Что это за дальний край, недоступный для людей? Скажи тогда, кто ты таков?»

«Зачем тебе знать мое имя, это породит напрасные страхи».

«Мне теперь не житье, отец вытянет душу. Должна же я знать, от кого я так терплю. Хоть в этом сознании буду иметь малое утешение. Уезжай, сообщив мне свое имя!»

«Я — сын верхних (небесных) демонов, младший и любимый сын "Имеющего конный скот вороной масти", имя мое — Одургаччылаах. По утрам и вечерам отроки-воины, подобные вольным журавлям, поднявшись в пору жгучих морозов на высокие светлые холмы, распевали песни о тебе. Эхо их голосов, похожее на звон меднозвучных бубенцов, донеслось до вершины небес и запало в мой мозг. Потому-то ради твоего громкого имени и славимой красоты спустился я на землю. Про мои деяния скрывать тебе не следует. Обо всем, что случилось, расскажи почтенному отцу-повелителю. Он не причинит тебе вреда. Я высокопочтимых людей потомок, сановитых людей отпрыск. Делаю визит зятя, тот, кто вправе был сделать. А теперь прощай!»

Сказав так, он стал садиться на коня и исчез в тот же миг.

Отцу показалось, что рассказ дочери был искренен и правдив.

«Да, все это могло и быть. И если, как говоришь ты, родится сын с родимым пятном на указанном месте, то я не трону тебя и пальцем. Но если в поисках мужчины ты соединилась с каким-нибудь охотником иль рыбаком и родишь ребенка не описанных тобою примет, тогда бойся меня!»

И с тех пор, не коря и не порицая дочь, он стал выжидать времени ее родов.

В урочный момент она принесла мальчика с темным родимым пятном на правой лопатке, которое было похоже на прилепленный лист березы. Старик, говорят, был чрезвычайно рад.

«Разве кто из смертных мог бы прикоснуться к моей дочери! Значит, правда, что навестил ее тот самый, сын верхних...»

С любовью и заботой они воспитали ребенка. Согласно желанию его небесного отца, дали ему имя — Аба-Уос-Джоргоо. Рассказывают, вышел из него прекрасный муж.

Местожительство Идэльги-Боотура было в елани под названием Ньуоргаайы, в ее западной оконечности. Сам Идэльги уже постарел и потерял свежесть своих сил.

В эту пору он однажды пришел на поляну, которая была на южной стороне обитаемой им елани, и, желая проверить свою удаль, прошелся поперек той поляны прыжками *ыстанга*. Ширину поляны он покрыл девятнадцатью прыжками. Возвратившись домой, он подозвал к себе внука и брата Джегин-Удугуя и держал перед ними такую речь:

«Детушки мои! Оказывается, я уже постарел и потерял свою резвость. Отныне, по-видимому, предстоит мне жалкая участь — не справляться даже с делом естественной надобности. Бывало, в старину, в пору моей зрелости и полноты сил, южную, знаете, поляну нашей елани покрывал поперек девятью прыжками. А вот сегодня едва прошел девятнадцатью.

Подобно дрянным и жалким людям не желаю я умирать, дойдя до изнеможения и валяясь в своей собственной нечисти! Мое заветное желание, чтобы вы теперь же покончили мои счеты с жизнью!»

Тогда же он созвал всю свою родню и устроил богатое угощение. Ели и пили вдоволь. Вели самые заветные и задушевные беседы. В заключение, высказав свои предсмертные слова и желания, он простился со всей родней, людьми и родною страною.

А могильная яма уже была готова. Говорят, Идэльги приказал оседлать своего коня и от дома до могилы проехал верхом с видом человека, отправляющегося в дальний путь. У самого края могильной ямы он стал на колени. Внук и брат развязали тетиву с его лука и, обернув ее вокруг его шеи, начали тянуть в обе стороны из всех сил. Рассказывают, Идэльги, падая на землю, успел лишь сказать:

«О, как прекрасны свет и сияние моего белого солнышка!»

Похоронили покойника, а коня его тут же закололи для угощения собравшегося на тризну народа.

Со слов Дмитрия Даниловича Таяхова, 71 года, наслег Чалга Мегинского улуса. Записал И.И. Сергеев в декабре 1923 г. [Ксенофонтов, 1977, с. 11—15].

95. Ставшая злым духом, причиняющим глазные болезни

По рассказам, во II Бетюнском наслеге Намского района в материнском роде Чакы родилась и жила безбровая, румяная женщина. Слава о ней разнеслась по всей земле, имя ее прогремело в каждом улусе. На родной стороне не встретился ей равный, в дальних странах не нашлось ей пары. Прославилась она безмерно, возвеличилась как неповторимая.

Это, по предположениям, случилось в то время, когда в Якутию впервые пришли русские, в самом начале распространения тройного гнета.

Согласно сказаниям, поверив в великую славу женщины, спустился на землю внук Улуу тойона, живущего в Верхнем мире, выследил ее по свежим следам и стал свататься к ней. Понравилось это госпоже Ирине, пришел мол достойный претендент. Молодой жених, оказывается, был не виден днем, лишь при затухании огня в очаге и наступлении сумерек в доме показывался черный поджарый человек, едва помещающийся, наклонившись. Вот наступил срок, когда полагалось ему возлечь на постель своей суженой. Это был девятый день января, в то время, когда месяц находился в ущербе. Он явился с Верхнего мира и три ночи провел с женой. Потом настал момент их отъезда. Они отправились в путь во время предутренних сумерек. Повез их конь о двух ногах. Он побежал, выбивая напрочь копытами огромные лиственницы, а затем его следы пропали, так как он вознесся вверх. Родители не дали приданного единственной своей дочери, не позвали шамана поднять в Верхний мир положенную ей долю. Духи Верхнего мира вознегодовали из-за этого, ослепили невесту и прогнали бродяжничать между небом и землей.

С той поры Ирина-госпожа стала злым духом глазных болезней — трахомы, дикого мяса, нарастающего на веках. Поэтому шаманы, когда совершали камлание для людей, страдающих глазными болезнями, вселяли в себя ее, считая грозной *юёр*. Кланялись ей в ноги, возвеличивали ее славное имя, затыкали ей рот жертвами-дарами, состоящими из скота различной масти. До ее превращения, говорят, у людей глаза не болели.

Записал М.Г. Наумовский, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района, 27 июля 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 32.

96. Состязание с парнем Верхнего мира

В старину в г. Жиганске был, оказывается, голова. В Мухтуе тоже имелся голова. Они были приятелями. Жиганский голова каждый год ездил в Мухтую торговать. Однажды он опять прибыл в Мухтую. Там спросил друга: «Что же, у тебя ведь было одно дитя, куда оно делось?»

Голова из Мухтуи ответил: «Он уже три месяца лежит, охладев ко всему земному из-за того, что нет богатыря, способного бороться с ним!»

Тогда жиганец сказал: «Что ж, насколько он сам силен? У меня тоже есть один плохонький парень. Давай попробуем им дать побороться».

«Ах, а как же, попробуем!»

После этого они заключили пари — на сто рублей, десять яловых кобыл, одну шкуру чернобурой лисицы. Мухтуец пообещал прибыть в Жиганск в конце марта, взяв с собой весь заклад.

Жиганский голова, вернувшись домой, сказал: «Дитя мое, я попал в тяжкую, неотвратимую кабалу. Я побился об заклад с мухтуйским головой. Как же теперь быть?» Сын в ответ спросил: «Отец, он что ли железный человек, или обычный?»

«Э-э, о чем же ты спрашиваешь, конечно, обычный человек».

«Ну тогда правильно побился об заклад. Какова моя сила, никто не знает. Попробуем побороться».

Прибыли в Жиганск мухтуйский голова со своим закладом и около сотни человек, желающих посмотреть на борьбу. Жиганский голова был, оказывается, жадноватым человеком. Он сказал: «У меня есть жеребец, в течение девяти лет незнавший, что такое веревка. Давай его мясом угостим людей, а расходы поделим пополам. Дай 50 рублей». Мухтуец согласился. Но никто из присутствующих людей не смог поймать коня. Тогда жиганский голова поручил сыну: «Эй, парень, иди поймай!»

Ступив всего раз на середине дома, стремительно выскочил человек в волчьей дохе. Сын мухтуйского головы смотрел через окно, когда коня пригнали к этому человеку, он одним махом оторвал коню голову. Вот тогда-то ему стало тошно, будто бы охладевшему ко всему земному. Затем сын мухтуйского головы скрытным знаком вызвал отца во двор. Там сказал: «Я дома счи-

тал, что достаточно силен. Тем не менее меня поразила мощь местного человека. Я не могу оказать ему сопротивления, пожалей меня, откажись от борьбы».

Вечером старцы выпили один штоф водки. Мухтуйский голова сказал: «Эй, парень, выйди, выпей водку со своим товарищем». Жиганский парень выпил сам всю водку из штофа.

Да, подумали мухтуйцы, прибыли мы к страшному существу. Поэтому старик попросил: «Твой парень явно одолеет. Будь ты победителем без борьбы, возьми себе заклад». Жиганский голова согласился с этим: «Ну, пусть будет так!»

Вот кончилось то мясо жеребца. Мухтуйцы поднялись спозаранку и начали собираться в путь.

Тут-то сын мухтуйского головы направил своего коня на изгородь в четыре жерди. Люди стали глядеть на это с изумлением. Как же конь перескочит? Он и не пытался. Тогда парень произнес: «Что такое, у меня даже конь перестал ходить, что ли?» Сказав это, он перебросил коня над изгородью в четыре жерди.

Сын жиганского головы пас своего коня за тремя продолговатыми и огромными озерами. Отправляясь туда, он вчера несколько раз подряд прыгал в длину. Судя по следам, кто-то позже прыгнул дальше, чем он. Чрезвычайно удивился. Он пришел на то же место утром на второй день. Вдруг видит, что стоит черный, высокий, сутулый человек. Ух ты, какой огромный человек, он же больше меня.

При этой встрече парень сказал: «Ты победил меня в прыжках в длину, поэтому приходи через три дня, когда начнет темнеть. Поборемся».

Парень [жиганский] отрешился от всего земного, вошел в дом и стал, продавив пол ногами. Родители удивились. «Ну, я нашел человека, с которым буду бороться в течение трех дней. Поэтому сшейте мне шубу и штаны из трех слоев ровдуги». Сказал и скрылся в своей комнате.

«Как это, как он сможет их надеть», — подумали, но сшили.

Парень не ел в течение трех дней. В начале четвертой ночи, на исходе зари, подходит он к родителям, поминая сына мухтуйского головы, и говорит: «Мать и отец, ни за что не открывайте ни дверей, ни окон, держите закрытыми все щели».

С момента его выхода во двор стал слышен шум, похожий на шум, издаваемый двумя бодающимися быками. Шум совсем не прекращался.

В середине ночи жена головы открыла дверь дома. Тут же шум прекратился, парень еле-еле вошел в дом и сказал: «Последней подвела меня ты — моя мать, а вначале принес меня в жертву мой отец из-за своей жадности. Из-за твоего заклада спустился сын верхних злых духов, и, благодаря тебе, он меня съел». Затем он на четвереньках уполз в свою комнату.

Со слов Е.Е. Герасимова, около 80 лет, Магасский наслег Верхневилюйского района. Записал Н.А. Алексеев 17 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 130—137.

97. Состязание с духами Верхнего мира Аба Уол Дьоххи, родившегося от брака *абаасы* Верхнего мира с земной женщиной

Предком морукского рода мегинцев являлся Аба Уол Дьоххо. Он родился от связи земной женщины с парнем *абаасы* Верхнего мира и состязался с парнями Верхнего [мира]. Он дрался с ними, боролся и состязался в беге. Устраивал скачки, где выступал на темно-сером, как журавль, коне. Он побеждал парней *абаасы* во всех этих состязаниях. Он имел девять жен, одна из которых была шаманкой. Жил в местности Киис Тиирбит, находившейся на речке Сола.

У него внезапно заболел и умер девятилетний сын. Он похоронил его на лесном мысу. Затем сказал: «Вот он, мой сын, умер, наверно, потому, что был здесь *абаасы*. Выйду, подкараулю, когда они будут его поедать, и сражусь с ними». После этого схватил свой извилистый боевой лук, отправился на мыс, где похоронил сына, и устроил засаду. Сидел он, широко натянув свой лук. Вдруг возникли девять человек, имеющие пегих коней и заполонили весь лесной мыс. Они, оказывается, уже развели костер и варили что-то в горшке. Посередине сидел, выпучив глаза, один степенный на вид, толстый человек. Похоже, что он был главным среди них. Узрев его, Аба Уол Дьоххо прицелился прямо в его черную печень и пустил стрелу в самую середину, тут же те люди исчезли с его глаз. Потом он там ничего не нашел, но, как провидела его жена-шаманка, ему удалось ранить стрелой главного из духов Верхнего мира. Это подтвердила его окровавленная стрела, вонзившаяся в лиственницу, росшую напротив того места, откуда он стрелял. Поэтому он вернулся домой, полагая, что одержал победу.

Затем, вечером, в темную пору, он увидел злого духа, который стоял, укрывшись за столбом навеса. Аба Уол Дьоххо вцепился обеими руками в волосы злого духа, поднялись крики-вопли, началась непомерная сутолока, домочадцы разожгли берестяную лучину, оторвав полоску от большого берестяного ведра и вышли из юрты посмотреть, что случилось, а злой дух [тут же] уже исчез. Только Аба Уол Дьоххо вдруг обнаружил, что у него в руках остался весь скальп того духа. Вот эти волосы Аба Уол Дьоххо хранил у себя на окне до самой своей смерти.

Однажды Аба Уол Дьоххо ехал на своем темно-сером, как журавль, коне под крутой горой, стоящей вокруг елани, где находилась его юрта. Здесь он вдруг обнаружил, что за ним мчится след в след черный, как ворон, огромный человек, ростом в лиственницу без вершины, сидящий верхом на рыже-пегом коне. Аба Уол Дьоххо направился домой по кружной дороге, но тут же свернул с нее и помчался напрямик. Тот же, кто гнался за ним, так и ехал по кружной дороге, идущей по подошве горы, почему и проиграл состязание. Человек *айыы* (светлых духов) прибыл напрямик первым, вошел в дом и спрятался на постели, за спиной своей жены-шаманки[1].

Со слов П.К. Егоровой, 55 лет, Тарагайский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал С.И. Боло 19 июля 1933 г. [1938, с. 149].

98. Сюлэ Тархан[1]

Сын Ырыа Быркынгаа-Наалагай. От Наалагая родился Сюлэ Тархан. Источающий богатство Сюлэ Тархан[2] был знаменитым богачом, имел триста лошадей. Он был предком Сюльского наслега, жил на западной стороне Нюрбы. Сюлэ Тархан, хотя и был женатым, до шестидесяти лет не имел детей. И вот в своем упорстве получить ребенка он заставлял очень многих шаманов камлать *айыысытам*. Но *айыысыты*, оказывается, каждый раз отказывали ему, говоря им (шаманам): «К ним дети не идут, нет им предназначения идти». Однажды прибыли два больших шамана с северной стороны (северного улуса). Их [Сюлэ Тархан] попросил камлать, дойти до *айыысыт* и просить детей. Сперва эти шаманы отправились к духу-хозяйке вселенной, она им отказала, сказавши: «Нет предопределения дать им ребенка». Потом шаманы обратились к духу темного леса. Он тоже им отказал. Затем они обрати-

лись к духу воды — старику Уукаану. Он тоже отказал им. После этого они попросили у Кытай Махсыына, предка кузнецов, он тоже отказал и сказал: «Нет судьбы-предназначения давать им ребенка, уйдите!»

Шаманы, много раз покамлав, сказали: «Не дают тебе ребенка, не сумели мы взять его».

Сюлэ Тархан, схвативши пальму, вскочил на ноги и, рассердившись, сказал: «Вы, камлая два дня и две ночи, все впустую камлали, обманывая и плутуя; как это все добрые духи отказывают? Распорю вам животы, тело и кровь превращу в брызги луны, в пыль солнца»[3]. На это шаманы ответили: «Полно, тише, не говори так. Теперь еще раз попытаемся попросить, отправившись в одно место», — так они просили.

Шаманы, шумно камлая, дошли до предка грохочущего грома. К концу камлания спустились сверху огни, вроде молнии, и вселились в старика и старуху (в каждого по одному огню). При этом старик со старухой потеряли сознание, обильно выступил у них пот. Шаманы встали и сказали: «Мы принесли от начала разящего грома и плавающего облака души двух детей-мальчиков и вселили их в вас. Один из них должен стать надевающим узду и седлающим [коня] другому». Тогда старик спросил шамана: «Какое вознаграждение просите от меня?» На это те шаманы говорят: «Мы придем получать вознаграждение в тот год, когда исполнится этим мальчикам по пять-шесть лет, а сейчас мы ничего не просим».

Вот от этого родились у Сюлэ Тархана Унуку Боотур и еще один сын. Когда исполнилось им пять и шесть лет, тогда шаманы получили вознаграждение.

Однажды пришли кугдарцы[4] и угнали всех лошадей. Унуку Боотур хотел преследовать их, но отец его не пустил, говоря: «Не надо, голубчик, у тебя еще губы мягкие, глаза кровяные, пуповина еще не засохла. Эти кугдарцы — страшный народ, они осилят тебя. Не уподобляй свое дыхание дыханью лошадей». После того как они угнали лошадей, Унуку Боотур без разрешения отца самовольно поехал на землю кугдарцев и пригнал оттуда большое количество лошадей. Когда угнал, то приехал на сверкающем пегом коне и в сверкающей пестрой дохе (в своей обыденной одежде). И, отделив часть табуна, трижды крикнул бекасом. Тогда лошади побежали с топотом, подобным грому, и, отправившись таким образом, пригнал он намного больше лошадей, чем было угнано кугдарцами.

Сюлэ Тархан, находясь в городе Якутске, поднявши что-то тяжелое, надорвался и умер. Его сын Унуку Боотур на плечах перенес его тело на родину и сказал, говорят: «Отцовская кость, оказывается, тяжелее всего».

Унуку Боотур имел обыкновение сам доставлять *ясак* в город Якутск. В то время *ясак* доставляли только богатыри, говорят.

Со слов И. Николаева, 83 лет, Таркайинский наслег Нюрбинского района. Записал А.А. Саввин 16 апреля 1938 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 243—244].

99. Старик Яков

Старик Яков с несколькими родными братьями, с Чанкылаахом и другими, в молодости прибыл сюда, если сказать по сторонам света, то со стороны юга, в глухую чащу, где не водились ни люди, ни скот, нашли озеро Сутуруоха и поселились там. И сам он и другие его родные были шаманами, говорят. Он имел трех жен, которых взял одну за другой. Развел сверх всякой меры множество лошадей. Он бы их резал на пропитание, да в те времена рыбы и лесного зверя было чрезмерно много, поэтому его лошади, не поддаваясь присмотру, разбрелись по всей земле. А он желал еще больше развести их. Поэтому, камлая несколько дней и ночей подряд, выпросил у божества лошади себе сына-табунщика; выпрошенный сын родился от средней жены. В те времена не было попов, ЗАГСа и сам нарек ему имя Мыркы[1]. Как только родился этот сын, лошади его очень сильно расплодились. Когда этот сын вырос, он определился на работу только с лошадьми. Признаком, отличающим его от людей, было то, что он имел по краям рта длинные зубы. Он кусал лошадей этими зубами и гнал их, как жеребец.

В один год настала бескормица. И когда его лошади стали погибать, тогда он камланьем низвел примерно в марте месяце небесный огонь (большое потепление[2]), от которого растаял снег, показалась черная земля, и этим возвратил урожайный год.

Затем старик Яков в ту пору благополучия, когда лошади плодились, богатство его росло, летом, когда вырастала зеленая трава, говорят, устраивал *ысыах*.

Тогда он, изготовив различную пищу, много кумыса, совершая обряд и произнося заклинания, делал кропление кумысом.

Созвав всех сородичей и ближних, устраивал игры и песни, весело и радостно проводил праздник.

Во времена старика Якова между Урасалаахом и Таасом находились три смежных озера. Три раза писал дух-хозяин моря, прося эти озера. Под предлогом, что в озерах этих рыбачат они — Яков, его братья Чанкылаах, Эбиит да еще Киирэ (всего четыре шамана), не давали ему их. Потом, когда еще не началась зима, дух-хозяин изначальной страны, проделав канаву через нагорный лес, начал спускать воду, Яков успел зачерпнуть шаманским ведром два ведра воды; от этого образовались два маленьких озера. Местность эта называется Аргаа Алаас, а канава, по которой ушла вода, называется Кэнгис Сиэн.

Однажды царю, царствовавшему в то время, старик Яков отправил посылку — одну черную лисицу, подостлав под нее одну сиводушку, сделав подушкой другую сиводушку и обернув ее одной красной лисицей. Тогда солнце-государь послал старику Якову одну шубу из красного сукна с беличьей подкладкой, шапку-шляпу, руковицы с пальцами (перчатки), трость и сапоги[3]. Вместе с этим написал: «Ему разрешается убивать до трех человек, а если убьет четвертого человека, напишите мне и судите», — сказал в письме, говорят. Поэтому этот старик всю свою жизнь жил богато, в довольстве. Говорят, эти вещи сын его сына старик Текюнюк отдал купцам, будучи стесненным долгами. Остались лишь сапоги, в пятом поколении их взял Бережнов Егор Николаевич, член артели «Красный маяк».

От А.Г. Слепцовой, 106 лет, Абыйский наслег Абыйского района. Записал И.Н. Плошкин 4 марта 1945 г., местность Урасалаах [ИПРЯ, ч. 2, с. 61].

100. Потомство Омогоя

После смерти отца Аан-Тайбыыр, оставшись один, не мог справиться с хозяйством, лишился своего скота и впал в крайнюю бедность. Позже он переехал к своим племянникам по сестре (к детям Эр-Эллэя) и жил у них в качестве приживальщика.

Однажды он обратился к старшему из племянников, шаману светлых небожителей Лабынгха-Сююрюку, со следующими словами:

«Ты — человек, созданный истинными небожителями, я же наказан ими. Мои родители вначале отделили твоего отца и мать с

проклятиями, дав им скот небожителей — белого жеребца и кобылицу со срезанными гривами и хвостами, а быка и корову с укороченными рогами. Этот скот, нужно думать, создан Юрюнг-Айыы, поэтому-то нас постигла кара судьбы. Мне приходится страдать безвинно, ибо я не говорил им поступать так. Ты создан этим небожителем, поднимись к нему и умоли его за меня. Мне на старости лет тяжело жить у чужих людей, предстоит еще жизнь, полная лишений и мучений».

Лабынгха-Сююрюк внял его просьбе и совершил обряд моления к Юрюнг-Айыы. Поднялся к нему и, стоя на одном колене, молил, упрашивая так: «Вот я поднялся к тебе, нашему создателю, светлому небожителю-владыке. Наша родня по матери, сын Омогоя, Аан-Тайбыыр, лишился своего имущества, остался будто один торчащий кол... Он наказан, будучи лично невинным... Я прошу, умоляю за него...»

Юрюнг-Айыы в ответ на это сказал:

«Эр-Эллэй мы создали с предназначением устроить, создать порядок в средней земле, а он, Омогой, дал ему скот с проклятием, поэтому мы ему и его потомству предуказали наказание... Но мы не думаем отныне обращать на него дальнейшие беды ввиду нашего расположения к тебе... Спустись ты к духу вселенной-земли. Пусть он наделит его какой-либо живностью».

Лабынгха-Сююрюк от Юрюнг-Айыы спустился к духу земли Аан-Чэлбэю и тоже стал молить за Аан-Тайбыыра:

«Продли его дыхание чем-нибудь, дай возможность завести свое хозяйство... ибо так определили свыше...»

Дух земли спросил:

«А имеется ли у него какой-либо скот, что люди гонят перед собой?»

Лабынгха-Сююрюк ответил:

«Из скота ничего не осталось».

«Но нет ли у него кого-либо, обладающего бегающими ногами, что он считает своею собственностью?» — вопрошает дальше дух земли.

Лабынгха-Сююрюк сказал:

«Кроме единственной двухлетней собаки, которую он привязывает к ножкам охотничьего лабаза, у него ничего не осталось из живой собственности».

«Если так, — отвечает дух земли, — мы продлим его дыхание через эту собаку. Пусть она опережает все, что на земле обладает

бегающими ногами, пусть своим проворством предупреждает и обладающих крыльями летающих птиц. Если суждено ему в будущем стать человеком (т.е. продлит свое дыхание в лице потомства), пусть его потомство не поминает в своих молениях Юрюнг-Айыы, они не должны отпускать в свои табуны сплошь белого жеребца (белого вплоть до масти колен, глаза тоже белые). Также не должны держать в руках свитую из черных и белых волос веревку «*сэлэ*». Высшим покровителем его потомства должен стать Хотой-Айыы (предок-создатель орла). Все же его дальнейшее потомство должно получить наименование «Кэлтэгэй-Тобук ууса Баарагай-Баягантай» (потомки Кэлтэгэй-Тобука рослые Баягантайцы. Первое имя имеет нарицательное значение — «кривое колено»).

Шаман вернулся (т.е. после мистического полета на небо и под землю). Двухлетняя собака Аан-Тайбыыра стала замечательной охотничьей собакой, помощницей при добыче соболей и лисиц. С тех пор Аан-Тайбыыр разбогател, женился и размножил потомство. Теперешний Баягантайский улус — потомки Аан-Тайбыыра.

Про шамана Лабынгха-Сююрюка рассказывают, что он исчез живым. Полагают, что он вознесся на небеса.

Эти рассказы об Эллэе и его потомках я слышал от своего деда Михаила.

Со слов М.Ф. Говорова, 65 лет, Олтекский наслег Борогонского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в декабре 1924 г. [1977, с. 27—28].

101. Получение от Хомпорой айыы охотничьей собаки

Сын Омогой бая Дайбаахы Хара попросил у Хомпорой айыы прибавки к своему богатству. Там выразили свой гнев тем, что создали для него и спустили собаку, имеющую четыре белые лапы, белую полосу вокруг шеи и наполовину белый хвост.

Духи *айыы* предназначили сыну Омогоя добывать себе пропитание охотой. Поэтому он отправился к черным каменистым горам, стал заниматься охотой на дичь (на зверей и птиц, обитающих в лесах и водах), зажил благополучно и размножился его род. Таким образом, часть янских якутов произошла от Дайбааха Хара.

Со слов П.Ф. Слепцова, 72 лет, Бахсинский наслег Чурапчинского района. Записал С.И. Боло 19 июня 1934 г. [1938, с. 45].

102. Кутуйах Баай

I

Четыре или пять поколений назад жил, говорят, один хатылинский[1] богач по имени Кутуйах Баай[2].

Он, избивая шаманов розгами, вынуждал их спускать ему сверху сенокосчиков. Но ни один из шаманов не мог спустить их. Но потом все-таки нашелся шаман; одни говорят, что это был Мас Сирэй Талыыта, другие — шаман Хатырык. Кутуйах Баай заставил шамана камлать Верхнему миру. Побывав там, шаман спустился и сказал: «Парень, с косой Хоной, девушка Кынай с граблями согласились придти».

— Говорят, должен ты приготовить парню девять кадок кумыса и затем широкий луг для косьбы. Говорят, вслед за этим человеком через три дня девушка станет сгребать сено. Говорят, что ты должен заготовить кумыс из молока девяти первожеребых кобыл.

— Ладно, приготовлю в день, когда они спустятся, — сказал Кутуйах Баай.

После того как первые люди вышли на сенокос, человек громадного роста с косой за плечами, увидев этих людей, сказал им: «Пришел косить сено Кутуйах Бааю».

Придя, он сразу выпил девять приготовленных кадок кумыса и спросил: «Где же твой луг?» Когда ему указали на один широкий луг, человек прошел туда и стал косить, кружась подобно вихрю, поблескивая [косой], взлетающей вверх. Когда кончил косить траву ко времени четвертого удоя коров, только и стало доноситься, как он начал валить островки лиственниц на берегу Амга. Кутуйах Баай говорит: «Да что это за напасть, погубил деревья, останови своего человека». Шаман сказал: «Если ты меня заставляешь остановить его, находи же скорее веревку — *сэлэ*». Нашли ему *сэлэ*. Шаман заарканил того человека и сразу же веревку обвил вокруг лиственницы. И вот тогда Хоной с перепугу начал биться так, что *сэлэ* врезалась в белый ствол лиственницы до красного слоя, и вскрикнул: «О маталах, маталах!» Вот почему в устье Амги и есть знаменитая широкая луговина, называемая Маталах Хочото (Долина Маталах). Пни от срезанных им елей-деревьев, говорят, стояли до недавнего времени. С той поры, как он косил, та луговина до такой степени лишилась травы, что не замахнешься и кривой косой.

Через трое суток спускается девушка Кынай с граблями. Спустилась она к восходу солнца. На *тюсюлгэ* она выпила те девять кожаных кадок кумыса. Шаман указал ей на сено, которое она должна была сгрести, говоря: «Вот там находится». Девушка, покушав, пошла и все то, что накосил тот парень, и сено, и деревья, скрутила вихрем в одну кучу.

Поев это сено, скот Кутуйах Баайя отощал и пал, говорят.

II

Кутуйах Баай имел, оказывается, обыкновение сечь розгами каждого кузнеца, говоря: «Сделай мне такой острый нож, который, если положить его на кровяную колбасу, то сам резал бы ее». Так как они не могли сделать, то и подвергались порке.

Тот самый шаман советует одному кузнецу: «Стачивая напильником все, какие есть, железки на моем костюме, возьми от них опилки». Кузнец, стачивая все разные причудливые железки шаманского костюма, собирает опилки в берестяной кузовок. Затем [шаман] говорит: «Отломи острые концы девяти копий и положи их к опилкам, затем положи [к опилкам] железо от острых концов девяти пальм, и все это вместе расплавь. К этому тоже прибавь [частицы] от всех своих кузнечных принадлежностей! Сделав гвоздильню с девятью отверстиями, вылей в нее сплав. Затем, отточив напильником, закали в крови». Кузнец, придерживаясь всех этих советов, делает нож, закаливает в крови, остро натачивает бруском и относит.

Кутуйах Баай сварил толстую кишку откормленного быка толщиною в руку, вынув [из котла], положил в деревянную тарелку и сказал: «Ну-ка, дай твой хваленый нож, попробуем положить его». Когда кузнец передал нож, он положил его на колбасу. Нож, как только положили его на кровяную колбасу в тарелке, сразу разрезал ее. «Наконец-то, попался мне в руки саморежущий нож, вот это значит знаменитый кузнец», — сказал он.

О смерти Кутуйах Баайа рассказывают всяко. Одни говорят, что, когда нож сам перерезал колбасу, и горячая кровь из нее брызнула в лицо, тогда он той рукой, в которой находился нож, желая вытереть лицо, перерезал себе горло; другие говорят, будто нож, который он воткнул в верхнюю полку, упав, перерезал ему горло, или будто бы он отрезал себе голову, брея бороду.

Таким образом, причиной гибели Кутуйах Баайя послужил дух кровожадности ножа — так рассказывают.

Со слов И.С. Скрыбыкина, Соморсунский наслег Амгинского района. Записал Е.И. Говоров в апреле 1940 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 151—153].

103. Бугуйас, Быгык Хантаха и Кутаахаан (Суд Дьылга-хана)

Говорят,что Бугуйас[1] был средним сыном старухи Кютюр. Бугуйас имел семь сыновей. Их звали: Оххон, Бюлтэс, Чолур, Чыппа, Хасха, Хаанньас[2], Кутаахаан. Бугуйас имел, говорят, много лошадей и коров. Из этого скота [некоторое количество] у них [не раз] насильно угонял к себе старик Бадыам со своим сыном Быгык Хантаха[3].

По этой причине Бугуйас и Бадыам долгое время жили во вражде. К тому времени старик Бадыам начал дряхлеть, сын же его Быгык Хантаха не переставал воровать и грабить.

Тогда старик Бугуйас, чтобы помириться с родом Бадыама (букв.: с Бадыамами), устроил *ысыах* и позвал туда Быгык Хантаха. *Ыс*ыах устроили на западной стороне местности Эрбэсин. Быгык Хантаха на *ысыах* приехал верхом на молочно-белом коне. В те времена, говорят, на таком коне ездили, когда мирились с врагами, а на войну ездили на коне кроваво-гнедой масти. *Ыс*ыах очень удачно начался в то время, когда земля покрылась зеленью, все живое, способное двигаться, стало размножаться. На этом *ысыахе* Бугуйас с Быгык Хантаха помирились. При этом примирении Бугуйас и Быгык Хантаха помазали кровью пальцев старый конский череп, подвешенный к деревянному столбу, стоявшему на середине поляны, и обменялись твердыми словами: «Если повернемся друг к другу — пусть вывихнутся наши вертлюги; если оглянемся друг на друга — пусть расколются шейные позвонки».

Довольные заключенным миром, люди на радостях поели-попили, поиграли-повеселились и разошлись по домам. Быгык Хантаха по пути домой, увидев у старика Бугуйаса лошадей, привязанных к *сэлэ*[4], схватил пальму и отрубил головы всем девяти кобылам с жеребятами, только старый жеребец, порвав свою веревку, перескочил через изгородь и с громким ржанием ускакал прочь. Затем Быгык Хантаха, опрокинув кожаные мехи с кумы-

сом, проткнул их дно, понадевал их на пни в перевернутом положении. Увидев это, родичи Бугуйаса (Бугуйасы) узнали, что Быгык Хантаха обманул их, притворно помирившись, и очень обиделись и рассердились.

Летом, под осень, старик Бугуйас, раздевшись до коротких штанов, призывал сыновей своих к битве. Говоря: «Ах, ты, гореогорченье, досада моя!»[5]. Если это горе, пусть оно будет горем для Быгык Хантаха! Если это огорченье, пусть оно будет огорченьем для Быгык Хантаха!» — стал валяться на колючках шиповника. После этого сыновья Бугуйаса Кутаахаан и Чыппа порешили воевать с Быгык Хантаха.

Осенью, в пору замерзания озер, Кутаахаан однажды старательно наточил нож и со словами: «Если суждено мне разрезать на части печень и сердце Быгык Хантаха, выпусти сгусток крови», — ударил ножом в средний столб дома, кровь не выступила; увидев это, он бросил свой нож. Затем он взял нож отца и, старательно наточив, сказал то же самое, что и в первый раз, и сильно ударил тот же столб, но кровь не выступила, поэтому он бросил прочь нож отца. После этого он выпросил нож у матери и, наточив его старательно, сказал опять то же самое, что и в первый раз, ударил столб, при этом из столба потек вниз сгусток крови. Кутаахаан, сказав: «Да», — сунул за голенище нож матери. Увидев это, сидевший тут же старик Бугуйас сказал своей старухе: «Старуха, поди-ка принеси конину, что в амбаре, и свари. Видно, этот человек собирается в путь. Если удачно съездит, пусть это будет подкреплением, если умрет — пусть это будет ему предсмертной трапезой. Вот почему, оказывается, будучи двухлетним ребенком, когда я держал его на коленях, он больно ударялся о колени мои». Старуха внесла мясо и, сварив, подала сыну. Кутаахаан разрезал [мясо] на несколько кусков тем ножом, который он отточил, взял один кусок, сказал: «Дедушка, кушай», — и бросил в огонь. Кусок, отскочивший от полена, упал на шесток, издавая звук «пёлк». Тогда Кутаахаан, сказав: «Ну, тогда покушаешь сердце и печень Быгык Хантаха», — взял сам и съел его. Затем он один съел все сваренное мясо и лег спать. Поднявшись утром с рассветом, он взял ножик, грубо отесанное топорище, сушившееся на жердях, засунул в рукав левой руки и, как было заранее условлено, отправился к своему старшему брату Чыппа.

Чыппа, знавший, что этим утром рано приедет Кутаахаан, вечером привязал к коновязи своего коня кроваво-гнедой масти,

на котором он ездил на битву, приготовил вооружение и снаряжение и лег спать. Когда он спал, жена его встала и подумала: «Что же это муж мой захотел умереть в бою», — отпустила коня на волю, стянув недоуздок через голову, не развязав его.

Кутаахаан, приехав к Чыппе, чтобы его разбудить, постучал по столбу сеней. Тогда Чыппа проснулся с криком «Сук!», схватил лук и пальму и выскочил во двор. Он побежал к своему коню, но оказалось, что конь ушел, высвободив голову из недоуздка (он не знал, что коня выпустила жена). Так Чыппа остался дома.

Кутаахаан один пешком отправился по направлению к местности Оттуур Эбэ. Рано утром он вошел в дом работников Быгык Хантаха. Зачерпнув лопатой из камелька горячие угли, разбросал их на людей. Люди стали бегать с криком: «Ой, жжет! Ой, горе!» На это Кутаахаан сказал: «Если это жжет, то пусть также будет жечь Быгык Хантаха; если это горе, пусть это будет горем Быгык Хантаха!» Тем временем один старик вылез из дома через собачий лаз и сообщил о приходе Кутаахаана Быгык Хантаху, находившемуся в другом доме. Как только услышал об этом Быгык Хантаха, он вскочил с места, выхватил пальму и со словами: «Негодный Кутаахаан с его обличием, похожим на бабку передней ноги быка-пороза, кого же побеждать он пришел сюда!» — выскочил во двор. Тем временем Кутаахаан, подойдя к дому Быгык Хантаха, сидел, исступленно распевая, положив левую руку на темя, а правой посыпая себя землей. Быгык Хантаха ударил Кытахана пальмой так, чтобы рассечь ему голову. Пальма угодила в сухое топорище, вложенное Кутаахааном в рукав левой руки, и сломалась у рукоятки. Тогда Кутаахаан, спустив с рукава в правую руку отточенный нож матери, распорол им живот Быгык Хантаха. Быгык Хантаха, поддерживая внутренности, побежал задом наперед, перескочил через столбовую изгородь, даже не задев ее [верхнего прясла]. А Кутаахаан, не отрывая своего ножа от живота Быгык Хантаха, тоже прыгнул через изгородь. Быгык Хантаха продолжал бежать задом наперед, трижды обежал кругом одну лиственницу, стоявшую на середине пригорка, Кутаахаан же все это время бежал вместе с ним, не отрывая ножа [от живота]. Обессилев от этого, Быгык Хантаха повалился на спину. Кутаахаан, усевшись верхом на Быгык Хантаха и распевая по-шамански, ножом разворачивал сердце и печень его. Когда он сидел так, люди Быгык Хантаха стали стрелять из луков, хотя они и попадали в Кутаахаана, но, говорят, не смогли его убить. Затем у них стрелы кончи-

лись. В продолжение всего этого времени Кутаахаан все сидел и разворачивал ножом сердце и печень, продолжая иступленно распевать. Уже отчаялись было справиться с ним, когда один человек принес от проруби мерзлую пешню и ударил Кутаахаана в середину спины. Кутаахаан упал мертвый на Быгык Хантаха. Говорят, Кутаахаан нарочно дал себя убить таким образом, чтобы судиться вместе с Быгык Хантаха у вышнего Дьылга Тойона[6].

Старик Бугуйас, услышав о случившейся беде, поехал на быке, запряженном в сани, и привез тело сына. Перед этим люди Бадыама увезли тело своего человека. Старик Бугуйас и его люди похоронили Кутаахаана на северном склоне местности Хоспохтоох на *арангасе*[7] и заставили камлать белого шамана, чтобы [с его помощью] судились у Дьылга Тойона. По словам белого шамана, Дьылга Тойон велел положить по левую сторону камелька каменную глыбу величиною с лежащую корову, а по правую сторону — белый камень с отверстием и затем рассудил: «Тот, который виновен, подойдет с левой стороны камелька и на глыбу камня выблюет сгустком крови, невиновный подойдет с правой стороны камелька и на камень с отверстием выблюет белой пеной». Затем белый шаман после провидения сказал: «Быгык Хантаха подошел с левой стороны камелька и на глыбу камня выблевал сгустком крови, Кутаахаан подошел с правой стороны камелька и на камень с отверстием выблевал белой пеной». Итак, в этой битве виновным оказался Быгык Хантаха, Кутаахаан не оказался виновным. Сидевший там и услыхавший это, ослепший на оба глаза старик Бадыам очень рассердился и, сказав: «Ничтожный, он хотя и шаман, в своем ясновидении представил моего сына виновным!» — побежал за белым шаманом вокруг камелька, размахивая посохом, чтобы ударить его. Белый шаман вошел в *хотон* и убежал. Старик Бугуйас, услышав, что сын его оказался невинным, обрадовался.

Немногим более ста лет назад, когда свалился *арангас* Кутаахаана, люди, прожившие вокруг этого летника Хоспохтоох, перенесли его в наземную могилу[8], он там лежит и поныне.

Со слов С.В. Березкина, I Оспехский наслег Усть-Алданского района. Записал И.Г. Березкин 10 августа 1948 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 172—174].

104. Красивая дочь Омогона увлекается демоном

Любимая дочь Омогона, очень желавшая выйти за Эллэя, была огорчена его выбором. Она сказала отцу:

«Построй для меня наверху дома другое помещение. Я не хочу жить в доме, осквернённом ими».

Омогон, конечно, не мог противоречить желанию любимого дитяти и приказал построить для нее особое жилище. Она поселилась там, туда же носили ей пищу. Осенью, когда ночи стали темнее, на ущербе луны заметили у коновязи коня пепельной масти с лысиной на лбу и черный силуэт человека, поднимающегося наверх, в помещение девы. Так продолжалось около трех месяцев. В девятую луну, в девятый день ущерба [луны] также появился конь у коновязи, а наутро дева исчезла. Старик отец предполагал, что *абаасылар* вознесли ее к себе. С тех пор якутская женщина в девятую луну, да и вообще на ее ущербе, не выезжает со свадебным поездом. Омогон излил свой гнев на Эллэя, считая его виновником исчезновения дочери, и прогнал вместе с женой.

Со слов А. Федорова, 43 лет, Немюгинский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов летом 1921 г. [1977, с. 31].

105. Становление дочери Омогой бая злым духом *юёр*[1]

Любимая дочь бурята Омогой бая Ньыкаа Даххан (иногда называемая Ньыкаа Харахсын) обиделась потому, что Эллэй пренебрег ею, предпочел взять в жены нелюбимую дочь Омогоя. Из ревности к своей старшей сестре Лэкэ Чангый надела на шею петлю из веревки, привязала ее к молодой белой кобыле, которая поволокла девицу, и она умерла. Тогда отец и мать попросили шамана вселить ее *юёр* в *онгон* и стали держать его в своем доме.

Та девица позже превратилась в сильного *юёря*, стала злым духом, причиняющим глазные болезни. Шаманы и шаманки камланием поднимали ее в Верхний мир, читая специальные заклинания.

В старину ее заставляли собирать в кучу всех других более слабых *юёров*. Лет 50—60 тому назад постоянно заклинали, прося помощи у дочери Омогой бая. Шаманы при вселении ее, подражая ей, плясали, по-разному извиваясь, подпрыгивали вверх, раскачивались из стороны в сторону. Когда плясали, время от времени от ее имени восклицали: «Бэтиэйэгим, усуойагым! Алынгкайым!»[2]. Позже перестали ее призывать. Вместо нее стали обращаться к бурятской девице, превратившейся в *юёря* Тайахтаах госпожу, обитающую на севере. Ей поручали руководить другими

юёрами. В камланиях она приходила и жаловалась на свою судьбу: плакала-рыдала, кляла свою горькую участь, описывала свои несчастья и страдания. Таким образом, позже роль *юёря* дочери Омогой бая Ньыкаа Даххан передали *юёрю* бурятки Тайахтаах госпоже.

Со слов Е.М. Егорова, 82 лет, Жулейский наслег Таттинского района. Записано 12 октября 1933 г. [Боло, 1938, с. 145].

106. Приобретение крыльев

На территории современного колхоза им. Куйбышева, в I Мельжахсинском наслеге, в местности, называемой «Чонгхох», долгие годы ухаживали, присматривали за женщиной, которая сошла с ума. Ее величали «Мельжахсинской госпожой». По рассказам, позже у этой женщины выросли крылья, и она улетела в Верхний мир. Ее настоящее имя, говорят, никогда не произносили вслух, боялись ее, да и почитали.

Это истолковывалось, согласно прежним верованиям, как ее отлет в неведомую даль. С той поры она стала дерзкой *юёр*, упоминаемой лишь в шаманских заклинаниях.

Записал М.Г. Наумовский 15 июля 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 35 об.

107. Кунньаас-Ойун

Кунньаас-Ойун — небесный дух, он имеет еще второе имя — Джагыл-Атыырдаах (имеющий жеребца с крыланом на оплечьях). Шаманы посвящают ему лошадей с указанными приметами в масти. Он якобы родился и жил в Мельжахсинском наслеге Мегинского улуса.

Мать, родив его, пропала без вести. Ребенок вырос, превратился в мужчину, не видя своей матери. Однажды он остановился на ночлег в юрте у незнакомых людей. Ночью он имел любовную связь с одной женщиной, которая оказалась его матерью. Когда это обстоятельство обнаружилось, он пошел в лес и повесился. Так рассказывают у нас о происхождении этого духа.

Он упоминается при очень серьезных, хронических заболеваниях.

Со слов Е.В. Васильева, 65 лет, Баппагайский наслег Средневилюйского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в феврале 1925 г. [1977, с. 234].

МИФЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВАХ, ОБИТАЮЩИХ В СРЕДНЕМ МИРЕ

108. Происхождение вселенной

В древности, когда вся земля была покрыта водой, когда вокруг разливалось море, имелось, оказывается, только солнце. Затем, остывая-остывая, высыхая-высыхая, появилась из воды глина. В конце концов та глина стала землей. Ко времени того остывания в воде возникли все виды живых существ. Однажды, когда таким образом уже образовалась земля, внезапно налетел «пестрый» вихрь, имеющий восемь «пут», оторвавший от земли кусок, который взлетел на небо и стал «Луной». То был такой сильный «пестрый вихрь», что разламывались у жеребят позвонки, выворачивались наизнанку омуты, щуки выскакивали из воды и попадались в петли, расставленные в лесу, зайцы попадали в верши для рыбы, Луук мас (священное дерево. — *Н. А.*) ломалась на куски [...][1]. Вот после этого появился, оказывается, человек, «земная *кут*» которого создана из земли; «воздушная кут» — из воздуха. Он имел еще «мать-душу», потому что рождался от матери. Так он произошел, говорят. Вот так рассказывали мои дедушка и бабушка в старину. Тогда все распевали, что это было в «Древнем веке».

Со слов С.Г. Игнатьева, 54 лет, II Кулятский наслег Вилюйского района. Записано 9 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 19, л. 14 об. — 15.

109. Байанай и Иэйиэхсит

По рассказам древних предков, оказывается, Баай-Байанай и Эджэн Иэйиэхсит — родные братья. Байанай-Барыылаах являлся старшим. Иэйиэхсит имел больше изобилия и удачи и разнообразные богатства. Он признавался созидателем всего скота с раздвоенными копытами, трав, деревьев и прекрасной зелени. Несмотря на это, он был очень скуп. Все время давал, отмеривая по малой горсти. А его старший брат Байанай, или Барыылаах, хотя и более беден, но очень щедр, не зажимал свое богатство, оделял порой несуразно (излишне. — *Н. А.*). Однако бывает, что Баай-Барыылаах становился крайне строгим, тогда, как бы ты ни мучился, ни тужился, ничто на твоем пути не встретится. В таком случае изготовляешь из дерева или бересты изображение зверя. К тому зверю

осторожно подкрадываешься и стреляешь в него, затем подъезжаешь верхом на олене и навьючиваешь. Разводишь огонь, отрезаешь голову и, от него отщипнув или отрезав кусочек, бросаешь в тот огонь, даешь ему пищу и, делая вид, что радуешься-восторгаешься, читаешь заклинание:

Богато держащий,
Имеющий добротный жребий,
Дедушка наш
Баай Барыылаах,
Из принадлежащей моему богатому лесу
Почитаемой дичи
Зачерпни же, подай мне,
Из имеющих длинные остроконечные рога
Подстрекни же, подай мне.
И в отдаленные будущие годы
Также
Направляй же,
Имеющих ветвистые рога.
Приветствуй же,
Имеющих прекрасный вид.
Выделяй в долю,
Уруй,
Уруй,
Уруй!

После этого с мыслью о том, что ну вот сейчас добудем дичи, отправляются в богатую тайгу.

Со слов Г.В. Антипина, местность Тегюлтя тёрдё, Амгино-Нахаринский наслег Амгинского района. Записал П.Т. Степанов. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 652, л. 27.

110. Духи-хозяева леса и воды

Дух-хозяин леса богатый Барылаах и дух-хозяйка воды Кюренг баай госпожа раз в три года подсчитывали свои богатства. В это время они играли в карты. Кто проигрывал — богатство того будто бы уменьшалось, оскудевало. А у того, кто выигрывал, — богатство, оказывается, увеличивалось.

Со слов Е.Ф. Кириллина, 65 лет, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 22.

111. Встретившийся с дочерью Байаная

В давно прошедшие века собрались вместе несколько якутов и совместно отправились к побережью восточного моря на одну зиму на пушную охоту, добывать соболей и лисиц. Вместе с теми людьми пошел один кангаласец[1] — очень бойкий, удалой молодой парень. Эти охотники, хотя отправились на охоту вместе, поселились в одной местности и в общем шалаше, но решили промышлять по отдельности. Они согласились с тем, что каждый будет забирать себе всю пушнину, которую он добыл[2]. Вот так они стали охотиться. Тот кангаласский парень тоже охотился самостоятельно. Он был новичком, его раньше не обучали охоте. Поэтому охота у него не ладилась, и он просил своих друзей охотиться артельно, но они не соглашались. Из-за того, что его промысел был неудачным, он очень горевал, печалился.

Однажды утром, он сварил *саламат*[3]. Заправив *саламат* маслом, он частью его угостил огонь. Затем встал на колени перед огнем и произнес заклинание, с которым обращаются к Байанаю. (Точные слова его заклинания сказитель не знает.) Совершив обряд, он поел свой *саламат* и, как обычно, отправился на охоту.

Придя в тайгу, он осмотрел свои самоловы, установил и новые. В это время вдруг он заметил, что по распадку одного ручья, навстречу ему идет прекрасная молодая девушка. Увидев ее, он опешил да и удивился. До сих пор неизвестно, чтобы где-нибудь здесь поблизости жили люди. Поэтому он подумал: «Откуда же пришла сюда, в самую середину безграничной тайги, такая женщина?» Вот они подошли вплотную друг к другу. Когда он разглядел ее вблизи, то оказалось, что она самая красивая из женщин, да и совсем молоденькая. Одета она была в удивительно прекрасную одежду, сшитую из разных дорогих мехов тайги. Встретившись они, как обычно водится у людей, поговорили доброжелательно друг с другом. Парень спросил у женщины, из какого она рода-племени, откуда прибыла сюда, но она не стала говорить ему об этом подробно. Только вскользь обронила, что она охотится в этом краю. Сказала: «Ты не пугайся и не изумляйся, я не злой дух».

А парень, будучи молодым юношей, почувствовал сильное влечение к этой женщине, сердце у него застучало-забилось, он вдруг разомлел. Он обнял крепко женщину, стал ее целовать, миловать, начал ее ласкать. И женщина тоже ответила ему взаимностью. Так они вдвоем спокойно помиловались. При расставании

женщина сказала: «Про то, что встретился со мной, про наше знакомство, никому из людей не говори. Если скажешь, я все равно узнаю, услышу. Тогда на меня не обижайся, а себя кори». В ответ парень пообещал никому не говорить. Они договорились встречаться постоянно, даже каждый день, на том самом месте. Поговорив вот так, они расстались.

С той поры парень стал каждый день ходить на свидание с той женщиной и любиться с ней. Кроме того, в каждую его ловушку, на каждый его самострел, черкан, петлю — на все его орудия охоты стали попадаться разные звери. Ни одно орудие не простаивало впустую. За несколько дней он догнал других охотников. Появилось мнение, что человек, оказывается, очень быстро приобретает охотничью сноровку. «Ну, ты просил охотиться артельно, давай объединимся», — стали уговаривать его. Но он не согласился войти в артель.

Вот так он все зиму провел в любовных утехах с той женщиной. И охота у него была несказанно удачной, он добыл множество самых разных пушных зверей темной тайги. Весной наступила пора, когда нужно заканчивать промысел и возвращаться домой. Он думал взять навсегда в жены эту женщину и увезти ее с собой. Но она сказала: «Я не обычная женщина, я дочь Байаная темной тайги, поэтому услышала тебя и пожалела, когда ты, стоя на коленях, заклинал нас разными грустными речами, угостив через огонь *саламатом*, сдобренным маслом. Кроме того, я увидела, какой ты молодой и красивый, тем ты меня привлек, и я полюбила. Поэтому я одарила тебя ценной пушниной темного леса, дала мехов столько, сколько ты хотел. И еще я забеременела, и если рожу мальчика, то он станет *байанаем* по имени Хангалас сиэнэ (внук кангаласца). Ты больше не надейся, что встретишь меня. Это наша последняя встреча. Но ты запомни накрепко: не смей говорить никому из людей о своем знакомстве со мной, если расскажешь, то на меня не обижайся, а вини себя». Вот так они поговорили и распрощались.

Вернувшись домой, парень продал много пушнины, поправил свои дела и повеселился. Как просила дочь Байаная, ничего никому не рассказал. Он заимел безмерно много денег и пищи. Но, несмотря на это, не женился, не обзавелся хозяйством, стал постоянно думать о дочери Байаная.

На следующий год он заранее подготовился и снова отправился на промысел. Он приобрел для этого хорошего коня, взял с собой много еды и водки, нашел несколько друзей в попутчики. В

тайге они остановились в том же месте, что и в прошлом году, снова начали охотиться каждый сам по себе. А парень, опять по привычке, неоднократно пытался заклинать, угощая огонь пищей. Он каждый день стал ходить на то место, где встретил в прошлом году девушку и, плача-рыдая, звал ее. Но безрезультатно, дочь Байаная так и не пришла.

Добыча у парня, как и раньше, была очень хорошей. Но это его не удовлетворяло. Он безмерно горевал, тосковал из-за того, что не встречался с самой дочерью Байаная. Он дошел до такой крайности, что перестал разговаривать с друзьями. И есть не ест, и спать по ночам перестал. Друзья спрашивали: «Заболел ты, что ли? Что с тобой стряслось, почему не ешь? Почему перестал разговаривать, дар речи потерял? Или тоскуешь из-за чего-нибудь?» Вот так дотошно друзья пытались выспросить его. Но он совсем не рассказывал, из-за чего стал таким.

И вот однажды охотники устроили день отдыха. В этот день они приготовили много пищи, поели, выпили много вина. Все опьянели, и тут у них начались разговоры обо всем. Вот, беседуя, они снова по-разному стали выпытывать у парня его тайну. В этот раз парень, оказывается, опьянел. Он начисто забыл запреты дочери Байаная. Он рассказал друзьям все: как в прошлом году встретился с дочерью Байаная, как с ней миловался, как стал добывать много пушнины и то, о чем предупреждала его дочь Байаная при расставании. Когда кончил свой рассказ, он сказал, что она просила об этом никому не рассказывать, а он проговорился, мол, из-за того, что опьянел. Как только он кончил рассказывать, внезапно раздался резкий звук, издаваемый при быстром беге на охотничьих лыжах. Этот звук просвистел подобно пуле по тому месту, где сидели охотники, — и тут же проговорившийся парень повалился наземь так, как будто пальто, сброшенное с плеч, и сразу же умер.

С той поры, рассказывают, на востоке в верховьях речек, появился *байанай* Хангалас сиэнэ, родившийся от обычного человека.

Записал А.С. Порядин 20 декабря 1939 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 376, л. 54—60.

112. Чаадай Боллох

Он — злой дух. Лежа на дороге, по которой ходит Байанай, или около орудий охоты, Чаадай Боллох имеет привычку прогонять промысловых зверей от охотника. У него дурные помыслы, он упрямый, несговорчивый, переменчивый. Если охотник решит

угостить пищей, то дает ему, упомянув его имя при жертвоприношении Байанаю. Об этом Чаадае есть такой рассказ. Они родились и выросли в одном краю. Двое их было, старший и младший брат. Кто были их мать и отец, то неведомо. Старшего брата звали Дьаранаас, а младшего — Чаадай. Дьаранаас имел, оказывается, одного быка, Чаадай — одну собаку. Кличка его собаки была Хардас. Больше у них скота не было. Однажды ночью, когда они спали, пришли к ним воры и украли их собаку и быка. Эти люди не смогли догнать воров. Из-за своей потери они впали в нужду, очень оскудели. Поэтому они устроили заязок на речке Холомуку. Соорудив его, поссорились, дрались друг с другом, из-за этого рыба перестала ловиться. Оба они были, оказывается, шаманами. Каким шаманом был Дьаранаас, великим или слабым, никто не знает. Чаадай был слабым шаманом, способным подняться вверх на три ступени[1] и спуститься вниз на три ступени. У этих людей наступил день, когда они умирали от голода. Оба они слегли и уже не могли подняться. Лежа так, они поговорили.

Дьаранаас сказал:

«Если бы со мной был мой бык, я бы не умер. Я умер из-за того, что украли моего быка. Поэтому я стану *юёрем*, буду ходить, ведя за повод своего быка. Пищей мне станут рождающиеся дети, еще не достигшие трех лет».

За ним сказал Чаадай:

«Я умираю из-за того, что человек украл мою собаку, после смерти буду водить за собой собаку и стану препятствовать на путях темной тайги, около самострелов и черканов (самоловов). Стану препятствием на водных потоках, где ставят сети и верши. Буду лежать поперек дороги духа-хозяина темного леса, буду лежать поперек дороги духа-хозяйки земли».

Затем оба умерли. С той поры они стали *юёрями*: Чаадай стал чинить препятствия в промысле, а Дьаранаас стал «соседкой», поедающей детей.

Иногда Чаадай Боллох проявляет враждебность к охотнику. Тогда он преследует его постоянно, и охотник ничего не добывает. В подобных случаях замечали: «О-о, ну, этот человек ничего не смог промыслить, добычу его забрал Харгыс».

Чаадай проявляет враждебность в таких случаях: если не бросать в огонь пищу, упоминая его имя; если добром не поминаешь его при угощении Байаная; если его не чтишь, регулярно его оскорбляешь, ругаешь. Когда он решает долго преследовать охот-

ника, то ставит на пути Байаная самострел для того, чтобы помешать зверям встречаться с охотниками. Его самострел — «кривой самострел из молодой лиственницы с тетивой, связанной из семи кусков пестрого волосяного шнура».

На водных путях он ставит свою сеть для того, чтобы преградить дорогу рыбам. Та сеть называется «серая сеть из тополиного лыка, имеющая пять поплавков и пять каменных грузил».

Если он начинает преследовать, то приглашают шамана, и он совершает камлание. При этом ему дают в жертву «голубовато-серого пса, имеющего рыжие пятна у основания ушей, рыжеватые подпалины на коленях». Чаадай не может подняться выше трех ступеней пути в Верхний мир и не может спуститься ниже трех ступеней пути в Нижний мир. Он ходит по всему Среднему миру. Когда шаман во время камлания приводит Чаадая, то берет собаку и, говоря: «Моя, моя, шу, шу», — делает вид, что ездит на ней верхом, распугивая кого-то. Затем говорит: «Свою собаку отдаю вам, не давайте ей дурную кличку, не бейте, не ругайте. Если у вас будет добыча, то привяжите ее в той стороне от шалаша, где восходит летнее солнце, и читайте заклинания в мою честь. Потом кормите ее лучшими кусками от своей добычи. Если будете о моей собаке отзываться дурно, то перестану пропускать дичь темного леса, лишу промысла в проточных водных глубинах».

Эту собаку содержат как можно лучше, сытно кормят, не ругают, не бьют.

Члены семьи эту собаку называют «наш самец», произносить ее кличку запрещено.

При удаче на промысле выполняют «наказ» Чаадая. Собаку привязывают к той стороне шалаша, где летом появляется солнце, и угощают лучшими кусками дичи или рыбы.

Когда шаман вселял в себя Чаадая, он все время ходил, махая руками и беспрерывно крича «Шу! Шу! Шу!», как человек, пытающийся распугать кого-то.

Со слов жителей Абыйского района. Записал А.А. Саввин 22 апреля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 101—108.

113. Из-за греховных речей[1]

На земле Тохтосут, на территории II Нахарского наслега, бывшего Восточно-Кангаласского улуса, ныне земля колхоза «Красная заря», I Нахарского наслега Мегино-Кангаласского района,

имеется огромное таежное озеро «Харыйалаах». У этого озера жил старик Хообдьоорон, имевший одну или двух коров. Озеро славилось своей рыбой. Однажды славным вечером, упомянутый выше старик вместе со своей старухой отправился проверять верши. Старик сел на носу лодки, старуха — на корме. Из нескольких вершей они взяли очень много рыбы. Пятая верша оказалась очень тяжелой. Старик с трудом вытащил ее в лодку. В ней оказался преогромный, необычный карась. Размером он походил на громадную речную рыбу, но чешуя была точь-в-точь карасиная. Возвращаясь домой, когда оставалось около десяти саженей до берега, старик сказал: «Да, дружок, ненаглядная наша бабушка особо раздобрилась, подарила лучшее дитя своей пучины». Старуха, как только услышала слова старика, сильно пристала к нему — «покажи» да «покажи».

Не устоял старик, не выдержал. Ухватил рыбу обеими руками, весь напрягся и поднял ее, но когда стал поворачиваться, она хлестнула хвостом и вырвалась. Сперва шлепнулась поперек лодки, а затем сиганула в глубь озера. Долго-долго рыдали старик со старухой на берегу. Спустя много времени, лишь поздним вечером они вернулись домой.

Про эту рыбу, так печально потерянную ими, они стали рассказывать каждому, с кем приходилось встретиться. Слух об этой рыбе рос не по дням, а по часам. Увеличившись чуть ли не вдвое, новость достигла города Якутска. Она проникла в голову спесивого богача Кычкина прямо через темя. Спустя несколько лет, он заранее начал подготовку. Но только по первому осеннему снежку отправился на озеро «Харыйаалах» целым поездом — запряг семь громадных быков в сани, положил на них невод и дорожные припасы, а сам ехал на тройке коней. Прибыли на место спустя три дня после праздника Покрова (Богородицы).

О том, что на «Харыйалаахе» состоится неводьба, услышали все, и ближние и дальние. Ради знаменитой рыбы собралась бесчисленная толпа. Вот начали пробивать проруби, подготовили все и запустили невод. Присутствующие ожидали, что хозяин невода вначале устроит обрядовое угощение. Тогда местные старики предложили: «Надо бы устроить угощение, покормить бабушку — духа-хозяйку озера». Но ретив был Кычкин, услышав это, весь напыжился так, что боялись, лопнет на нем кожа, покраснела рожа, как полная луна, запыхтел, как утопающий, только что вынутый

из воды, и с тяжкими вздохами произнес: «Еще называют бабушкой, вот досада, всякое озерцо стали величать бабушкой, неужто она может не отдать всякую дрянь, обитающую в ее водах. В какую свою тинную яму их засунет? Что бы она ни делала, я заставлю вывернуть наизнанку ее нутро, протащу невод от ее начала до конца, проведу несколько раз поперек него, не оставлю в нем ни одной лягушки, ни одного водолюба, весь ее лед велю перетаскать в лес и разбросать». Но и после этого не угомонился. Ходил, ругаясь словами, которые многие вслух не произносят. Речи его были не по душе всем, кто участвовал в рыбалке. Невод медленно стали вытягивать на лед, прославленный невод. Все присутствующие столпились у круглой проруби, через которую его вынимали. Хотели увидеть, как много рыбы будет поймано. Вот, начали тянуть очередную жердь, но вдруг огнем ожгло рыбакам руки, жердь сорвалась и весь невод мигом провалился вниз. В ту пору глубина озера была 3—7 саженей, а ширина его была такой, что линной турпан проплывал под водой ни разу не вынырнув в середине.

Старики тайком шептались: «Невод забрала хозяйка озера, мстя за его греховные речи». А богач Кычкин добавил: «Невод не иголка, а даже железную иголку находят в воде, найдем, конечно». Искали до тех пор, пока не съели все припасы, взятые с собой. Прошли дни святых Дмитрия, Михаила. Съели и мясо семи быков, на которых привезли свою поклажу. Остались только головы семи быков, а невод, «не являвшийся иголкой», все не обнаруживался. Головы быков господин сам варить стал. Для того чтобы дольше искали невод, он нарочно варил так, что вода в котле не кипела. Люди стали вялыми от голода, батраки отчаялись от долгих поисков, никак не могли дождаться, когда кончатся бычьи головы. Вот когда появилась поговорка: «Неразваривающаяся, как голова быка Кычкина». Почти месяц искали, но невод найти не смогли. Такие случаи в прошлом объясняли тем, что дух-хозяин озера так, оскорбясь, наказывает слишком жадных, наглых богачей за их невоздержанные речи. Есть слова, которые произносить вслух грешно, говорили древние старики.

Через несколько лет, по рассказам рыбаков и охотников, куски невода появились на берегу в разных местах, в этом озере и сейчас ловят рыбу, но после того случая никому не попадалась слишком большая рыба.

А спесивый богач Мегинского улуса Кычкин был наказан за свои тяжкие оскорбительные слова. Он не поймал ни одного гольяна, которого можно было бы положить в рот, потерял невод и семь своих быков. Еле живой вернулся домой. По якутским верованиям, нельзя болтать без толку, каждое слово имеет своего духа.

Со слов Егора Федоровича Кириллина, 65 лет, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал М.Г. Наумовский 10 октября 1945 г., местность Хочо юрэгэ. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 21—21 об.

114. Дух-хозяин родины[1]

В Бетюнском наслеге жил, оказывается, шаман Куоласын. В то же время в Наяхинском наслеге Дюпсинского улуса жил Илья Ньёлёёк, довольно зажиточный человек. Тот шаман каждый год приезжал к Илье и забирал у него коней и скот, говоря, что собирает наслежные подати. Он брал ежегодно по четыре упитанных яловых кобылицы на содержание наслега. Однажды, когда шаман снова приехал, Илья раздосадовался, разозлился и отказал ему. Тут шаман очень рассердился, грозился «съесть», нанести вред, к тому же остался ночевать. Они поссорились. Из-за этого Илья ночью переселил в другое место всех своих домочадцев (дело было летом), пока шаман спал.

Около жилища Ильи находилось одно громадное поле, называвшееся Кэнгиэрийэ. Илья утром пришел на один из мысов этого поля и, обращаясь к его духу-хозяину, пожаловался: «Вот таким-то путем шаман Куоласын довел меня до разорения, изничтожения, пожалей, защити!»

Тогда же утром шаман, проснувшись, произнес самые разные проклятья и уехал. Он, оказывается, ездил, имея спутника. Они стали въезжать на окраину местности Таргана. Шаман первым ехал верхом, за ним следовал его спутник. Внезапно сверху раздался какой-то шум, и моментально придавило к земле шамана вместе с его конем. Конь только приподнял свою переднюю часть и тут же сдох. Это значит, что шамана убил дух-хозяин Кэнгиэрийэ — родины Ильи, защищая его.

Со слов А. Ильиной, 73 лет, Тюбинский наслег Намского района. Записал А.А. Саввин 26 марта 1940 г., с. Абый. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 115.

115. Способ передвижения духов-хозяев земли

Весной, когда зеленеют деревья, появляется зеленая трава, в начале отела коров, духи-хозяева земли ходят, превратившись в вихрь. Во время появления вихря детей не выпускают во двор.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 204.

116. Гнев водяного быка[1]

Если водяной бык рассердится, то может мгновенно переместить воду озера в другое место.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 215.

117. Младшая дочь Улуу тойона

Духом-хозяйкой хлева является младшая дочь Улуу тойона Бу Богугай бабушка. Если где-то она начнет вредить, то сильно вредит (детей делает ленивыми, насылает болезни на скот).

Она летом ходит по двору и в заслоне для скота прячется в тени любимой ею скотины. Иногда ходит, прячась в тени ребенка (если любит его). Дитя не болеет, она к нему не подпускает *абаасы*.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 204.

118. Ынахсыт

С древних времен до совсем недавней поры якуты верили, что кое-где у некоторых семей поселялся дух, называвшийся Ынахсыт. Она хотя не показывалась людям, но несомненно существовала. Ее нельзя было отнести к настоящим *абаасы*, но и подлинной *айыы* тоже не считалась. Домочадцы относились к ней с большим почтением. Произносить вслух ее имя Ынахсыт остерегались, поэтому постоянно называли «живущая на левой стороне», более того, величали Ньаадьы Дархан (Достопочтенная воспитательница. — *Н. А.*). Даже их соседи, все кто жил неподалеку, не называли ее Ынахсыт, а говорили: у той семьи имеется живущая на левой стороне, или у них есть Ньаадьы.

Для Ынахсыт приготовляли специальную посуду, из которой она ела. Это было донышко глиняного горшка, вылепленного так, как это делалось в древности. На это донышко клали горячие угольки и на них наливали для нее масло или *саламат*. Такое

почетное угощение устраивали ей осенью, когда заводили в хлев первую скотину, и зимой около Нового года. Весной же при переезде с зимника на летник украшали летний хлев пестрым шнуром, увешанным лоскутками материи и кусочками бересты. Этот шнур натягивали под потолком хлева. После этого на донышке глиняного горшка разводили огонь и на красные угольки наливали для нее масло. Его наливали не правой, а левой рукой и не во внутреннюю сторону, а наоборот. Тут произносили маленькое заклинание: «Ньаадьы Дархан госпожа, вот твое достойное благодарности угощение, вот твоя долгожданная мечта, ешь-вкушай».

Ынахсыт, говорят, очень обидчива. Например, она сердится и злится, если войдут в летний хлев женщина или мужчина из чужой семьи, если не угостить ее при кормлении огня, если не выделить духу-хозяину огня или не положить ей на донышко горшка долю от почетного гостинца, присланного откуда-нибудь от другой семьи. Она даже обижалась в тех случаях, когда в *хотон* высыпали золу с горящими угольками, или если люди ругались и громко говорили, находясь в хлеву. В результате ее возмущения на скот нападала внезапная болезнь или мор.

Она была полезна для своих хозяев только тем, что в место, где она поселилась, не приходили, даже не приближались духи, причиняющие болезни телятам. Поэтому увеличивалось количество скота, и та семья становилась богатой. Ынахсыт строила себе гнездо в углу хлева или в начале ясель, вырывая шерсть у скотины и даже волосы у хозяев. Свое гнездо она делала похожим на гнездо большой утки. Трогать его запрещалось, да никто и не осмеливался.

Иногда семье не нравилось появление у них Ынахсыт или она надоедала. Для того чтобы отделить Ынахсыт, приглашали хорошего шамана, славящегося умением произносить заклинания. Он камлал и переселял Ынахсыт в другую семью. Ей отдавалась в жертву абсолютно черная четырехлетняя корова, не имеющая никаких отметин. Корову шаман убивал и «отводил» так же, как и скотину, жертвуемую злым духам. В обоих случаях произносились одинаковые заклинания. *Кут* и *сюр* этой коровы получала Ынахсыт и в качестве своей доли богатства уводила с собой в новую семью, куда переселялась. А все мясо забирал с собой шаман так же, как и мясо скотины, принесенной в жертву злым духам.

Со слов Семена Ивановича Брызгалова, 85 лет, Чалгинский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал А.С. Порядин в 1941 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 373, л. 6—7.

119. Дитя *орука*[1]

Часть *оруков* бывает пустой. А если в *оруке* есть *кут* ребенка, она, лежа в этом *оруке*, плачет потихоньку, приговаривая: «Никто за меня не беспокоится, никто не берет, я бы ребенком стала». Если бы *кут* скота могла быть в *оруке*, то шаманы бы ее забирали, да и в призываниях к Ынахсыт бы упоминали. Шаман Ласагар сказывал, говорят: «Вон в том *оруке*, который находится на западной оконечности Булгунняхтаха, есть, оказывается, *кут* девочки, если бы оттуда попросить, то бездетная женщина родила бы ребенка».

Женщина, у которой нет детей, должна постелить под деревом, на котором имеется *кут* ребенка, белую подстилку из конской шкуры, украшенную черной каемкой, поставить на нее три берестяных ведерка *суората*, сдобренного маслом, и затем просить кратким заклинанием ребенка. Если на тот *суорат* упадет сверху паук с рожками, то она зачерпывает его ложкой и съедает. В таком случае рождается ребенок, который не умирает в детстве. Потомство того ребенка, оказывается, при сильном ветре заикается, а сидя, покачивает головой.

Со слов В.Н. Кривошапкина. Записал А.А. Саввин 18 февраля 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 71—71 об.

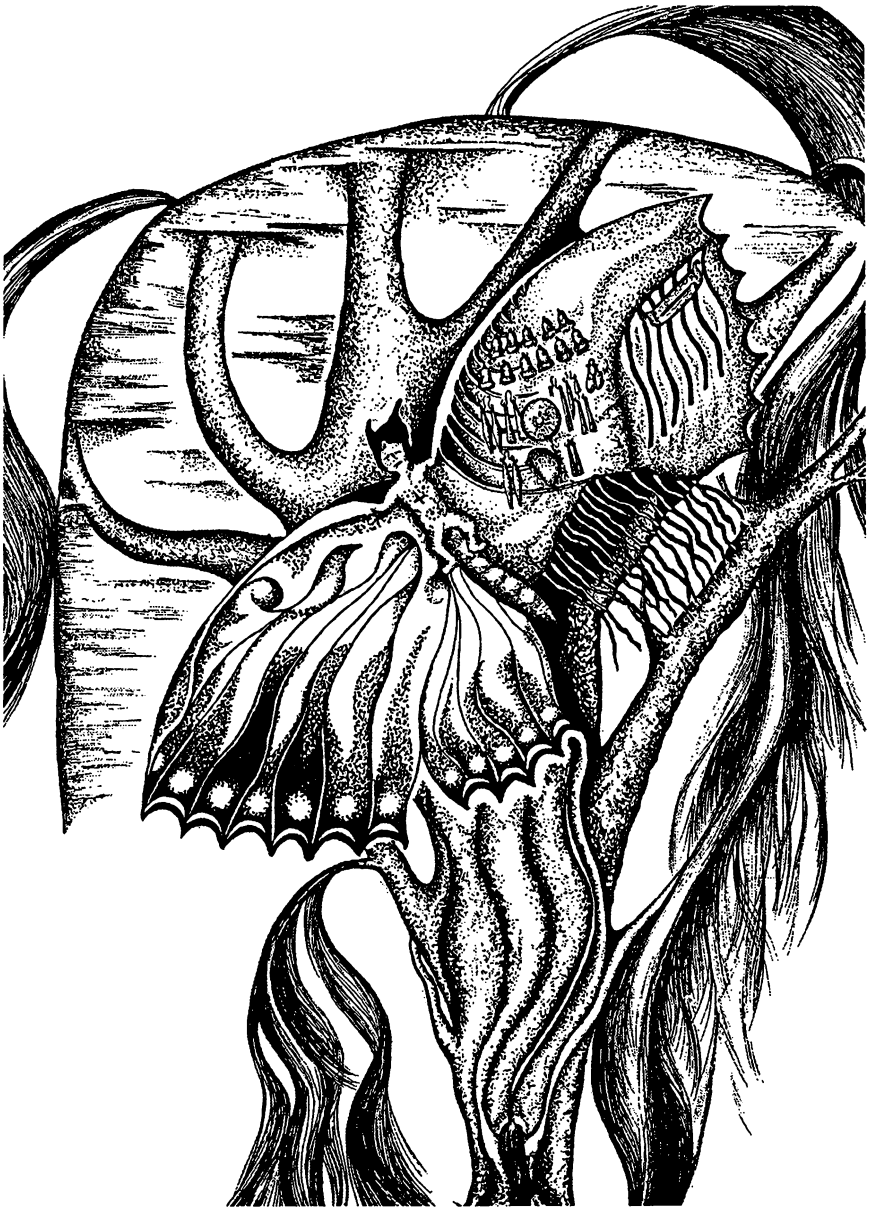
120. *Орук* Сыбаанньи

Она, умирая, сказала: «Около моей могилы появится на дереве *орук*. Если туда придет женщина, ни разу в жизни не рожавшая, постелит белую подстилку из конской шкуры, украшенную черной каемкой, установит на ней девять маленьких берестяных ведерок с *суоратом*, сдобренным маслом, и ляжет навзничь, то тогда сверху спустится паук. Если она его съест, то забеременеет и родит ребенка. Если тот ребенок будет девочкой, то это будет мое второе рождение. Девочка та станет шаманкой».

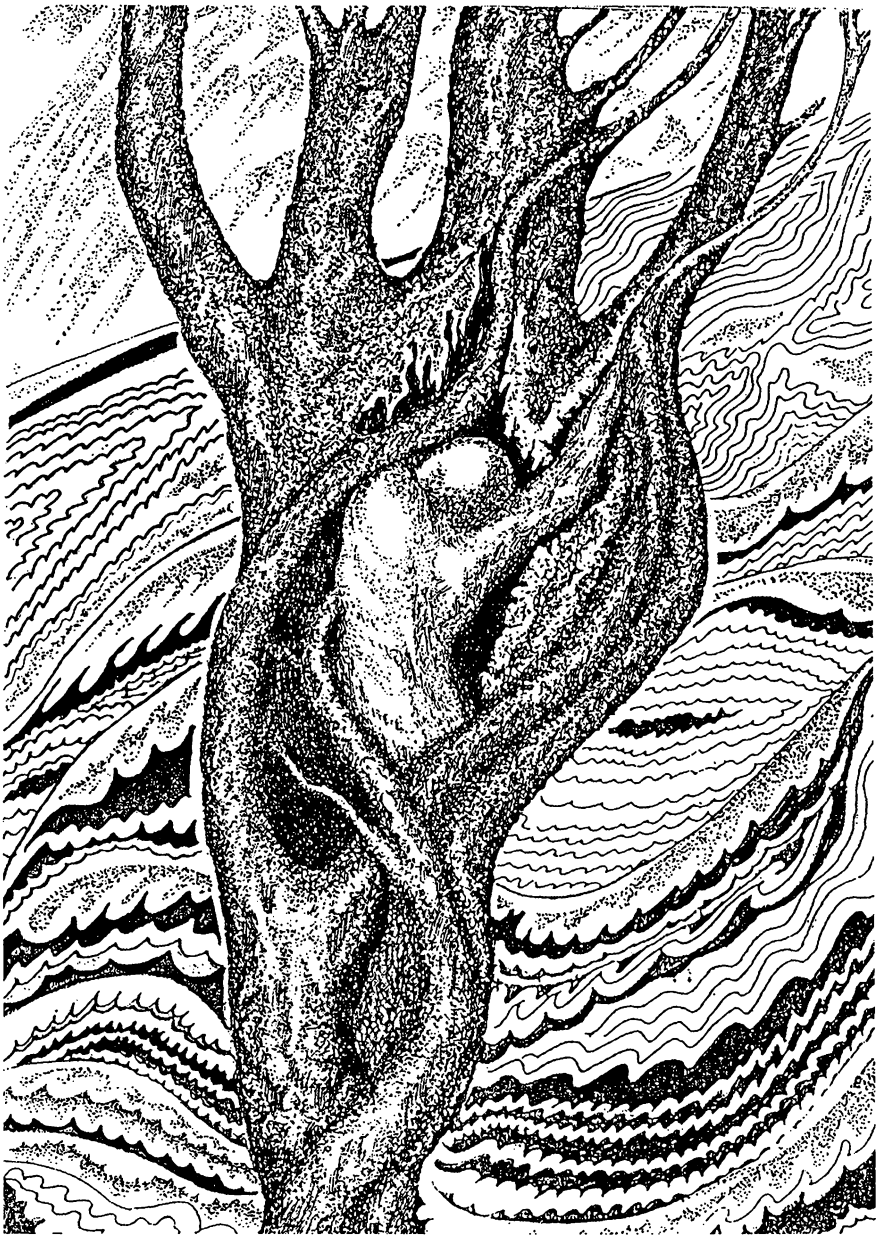
Со слов Матрены Поповой, 80 лет. Записал А.А. Саввин 13 января 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 64.

121. Злой дух, причиняющий болезни детям

Злой дух, причиняющий болезни детям, имеет самое тяжкое дыхание из всех злых духов. Он показывается, как известно из снов и предчувствий, в образе огромного человека или собаки и



Дерево с помелом, в котором ждет своего часа *кут* (душа) шамана



Древо жизни

кошки. Поэтому считают, что он имеет множество уловок, обладает многообразным даром превращений, применяемых для бегства. Для того чтобы этот злой дух не подходил близко, совершают обряд разрезания веревки[1], «воруют» детей (так, чтобы никто не знал), мальчика одевают девочкой и наоборот, девочку — мальчиком, берут на воспитание еще одного ребенка, отдают на воспитание в семью, где много детей, используют как амулеты вещи, которых пугаются злые духи: нож, ожиг, топор, высушенный мочевой пузырь скотины, медвежьи лапы и др. Такие предметы вешают над детской люлькой те, у кого умирали младенцы. А те, у кого дети не умирали, не вешают их, не придают им значения.

По представлениям, злой дух, причиняющий болезни детям, пугается, когда натыкается на эти вещи из-за своего огромного роста.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахаринский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 15.

122. Дева-божество

Не слышно, чтобы она имелась в наших краях. Таких божеств много в Олекминском районе. Если в дом, где имеется Дева-божество, приходят купцы или праздношатающиеся проезжие люди, то обязательно ей делают подарок. Дают пушнину и деньги — кто больше, кто меньше, по силе своих возможностей. Эта Дева-божество очень сильно приваживает посторонних к хозяевам дома. К ним становятся дружелюбны даже те, кто и не должен с ними дружить, дают даже те, кто не думал давать, любят те, кто не должен любить. Такие люди прямо-таки богатеют, становятся зажиточнее. Время от времени, в случае веселья или пирушки, Деву-божество угощают водкой. В таких случаях в конце пирушки хозяева подносят водку к огню, отливают часть, а оставшееся выпивают. Когда они заболевают или случается какая-нибудь утрата, жалуются этой Деве-божеству, просят у нее помощи. Ее изображение делают в виде идола, заворачивают в мех лисицы или колонка.

В старину, говорят, в Акане случилось, что собака таскала в пасти кисть умершей женщины. Эту кисть отняли и из нее сделали Деву-божество.

В Олекминском районе Дева-божество имеется, по рассказам, у женщины, которую зовут Мария Васильевна, в старину имел богиню богач Сантайка. Когда умирал человек, у которого была

Онгон «Дева-божество»

Дева-божество, ее передавали кому-нибудь из его родственников, человеку, сильному духом.

Со слов Натальи Михайловны Александровой, 79 лет, Кугдарский наслег Мегежекского района. Записал А.А. Саввин 4 апреля 1938 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 51—51 об.

123. Рассказ о Бахсы айыыта

В Бахсытском наслеге жил человек по имени Дьэллэмэй. Он был князем и достиг среднего возраста. В то время однажды он ехал по большой проезжей дороге. Вдруг видит, навстречу ему бежит рыжая лисица. Увидев, он попытался забить ее своей плетью с камнем на конце. Но лиса увернулась. Он стал преследовать ее. В ходе преследования лиса превратилась в колонка. Он все равно продолжал погоню. Затем колонок превратился в огонь. Он продолжал преследование. Этот огонь превратился во всадника. Его тоже стал преследовать. Вот так он гонялся за ней в течение трех суток.

В это время его стали искать родственники и нашли по следам, оставленным им. Тут они обнаружили, что он сошел с ума, стал безумцем. С того года он в продолжении девяти лет оставался сумасшедшим, а затем исчез.

По словам некоторых, он, будучи князем, отнял покос у сына умершего шамана и устроил помочи[1]. Когда начали косить, человек, у которого отобрали землю, прибежал к могиле своего отца и начал, вопя, рыдать. Затем он, стуча по могиле отца палкой, произнес следующие слова:

Отец мой дорогой!
Как только ты зажмурил свои очи,
На меня косо взглянул, имеющий дурной глаз,
Отругал, имеющий острый язык,
Ударил, имеющий крепкие руки,
Попинал, имеющий мощные ноги!
Прекрасный наш *алас*
Отнял князь Дьэллэмэй,
Пришел с тридцатью косарями,
Искосил, начал прокашивать его от начала до конца,
Стал его пластать по самой середине.
Как ты это не увидел,
Как огонь глаз твоих прекрасных
Направился в обратную сторону?
Как ты это не услышал,
Как твои прекрасные, чуткие уши
Заложило совсем?

Несмотря на то, что ты находишься так близко,
Разрывается моя толстая кожа,
Ломаются мои прозрачные трубчатые кости,
Проливается моя черная кровь,
Остались мы босыми на снегу
Из-за того, что отняли наш прекрасный *алас*,
Как же так, дорогой мой отец?

Как только он произнес это, с могильного холма, из-под крыши надмогильного сооружения, вдруг поднялся ввысь вихрь. В тот же момент прямо с запада задула буря, подняла и понесла страшную, черную грозовую тучу. Прилетела она к покосу и обрушила мощный ливень с градом на то место, где стояли участники помочи. Затем вихрь поднял в воздух все скошенное сено и разметал над лесом и над водой. Тех косарей он повалил лицом вниз.

Князь Дьэллэмэй сам находился в шалаше. Вихрь опрокинул тот шалаш, молния опалила всего Дьэллэмэя, обожгла всю его одежду и снаряжение. Нашли его там лежащим в бессознательном состоянии. Как только он очнулся от обморока, то стал грызть себя. Затем разбросал костер, схватил веревку и попытался удавиться. Стало ясно, что он сошел с ума, и его схватили. Вот так он буйствовал в течение полных девяти лет, не приходя в разум. В состоянии безумия он повесился.

После смерти он превратился в грозного *юёря*, неотвязно преследующего человека, увидевшего его. Показывался он людям в той одежде, в которой ходил, когда был здоров, верхом на том коне, на котором ездил в те годы. После того как человек слышал хлопки его плети или стук копыт его коня, он заболевал или сходил с ума. Заболевший вел себя так же, как поступал Дьэллэмэй во время сумасшествия.

Ежели он вселялся в шамана или *мэнэрика*, то они разбрасывали огонь, примерялись к деревьям, поднимались на коновязь, убегали куда глаза глядят, прижигали себе кожу. Кроме того, они становились на то время заиками, так как Дьэллэмэй заикался. Отбивали его левой рукой[2].

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 10, л. 9—14.

124. Князец Дьэллээни — тойон Бахсы[1]

Бахсынский тойон имел родовитых и богатых деда и отца и сам был богатым человеком. Он человек, притеснявший Бахсынскую землю. Однажды он в неурожайный год отправился к аласно-

му озеру Дибилиттэ, еще в старину переданному в качестве приданого за девушку в Курбусахский наслег[2], заставил на нем выкосить камыш и, имея с собой десять человек, собрался самовольно увезти на десяти быках. Когда укладывали камыш на сани, пришел проживающий здесь человек Курбусахского наслега, сын шамана Мундулаах Угудуй и сказал: «Зачем потревожили мою землю? Не берите моего камыша, возвращайтесь». На это Бахсынский тойон, сказав: «Да ты еще пришел сюда и бросаешься словами», — заставил схватить парня и тут же высечь. Парень, оказавшись высеченным, плачет и рыдает, слезами умывается. На возвышенности этого *аласа* находились, оказывается, могилы двух шаманов Мундулаах Угудая и Ёксёкюлёх Баргыйа. Парень, усевшись верхом на могилы, ударяя по ним, плачет-причитает: «Бахсынский тойон притесняет, попирает, захватывает нашу родную землю, отнимает ее, послушайте-посмотрите, помогите-защитите». При этом внезапно спустившийся вихрь закружил и поднял ввысь шапку Бахсынского тойона из чернобурой лисы с бобровыми наушниками, ветер не дает возможности нагрузить сено и камыш. Бахсынские люди и сами-то насилу убежали.

Бахсынский тойон слег, заболев в пути. С этого случая Дьэллээни, сойдя с ума, проболел целых девять лет. Его постоянно держали связанным и в колодке, садили, надев на него тяжелые доски. Его привязали веревкой между двумя деревьями и надели колодку, он там и умер. Летом похоронили там, где жил, на склоне горы Мелюгэр. Над могилой ему поставили деревянный намогильник.

Шаманы и шаманки тойона Бахсы ввели в сонм *юёр* и при заклинаниях называли его «*Айыы*», «Дьэллээни с вороном». [При обряде] подражали его мучительной смерти, кричали-выли, били по деревьям и травам.

Со слов Петра Филипповича Слепцова, 72 лет, Бахсытский наслег Чурапчинского района. Записал С.И. Боло 19 июля 1934 г., местность Кюнюк [ИПРЯ, ч. 2, с. 277—278].

125. Дух-хозяйка Алтана

В давние времена в Хаптагайском наслеге Восточно-Кангаласского улуса, за всю жизнь нажив «сюллюкинское» богатство, жил, говорят, улусный голова Федор Хаччылаах Хайааны. Этот человек даже сам не знал количества своего скота, говорят. Когда был

пьяным, он говорил: «Если положить в ряд мои серебряные монеты, то они дошли бы от одной священой горы Ытык Хайа до другой». Этот голова имел жену по имени Матрена Халлаан.

У них дети все время умирали, оказывается. Они все умирали, достигая восьми-девятилетнего возраста. Старики того времени говорили: «Вот, у вас умирают дети, вы воспитывайте их, спрятав где-нибудь на стороне». Послушав это, Федор Хаччылаах Хайааны двух умерших детей, девочку и мальчика, положил в погреб, думая: «Когда жена родит, я спрячу ребенка». Жена его оказалась беременной. Она, оказывается, не знала, что ее муж положил тех мертвых детей, только сам хозяин знал это, говорят. Три дня пролежала женщина в родовых муках. И вот наконец жена родила. Этого родившегося ребенка по левой стороне дома понесли в *хотон* и вынесли через окно, через которое выбрасывали навоз, и спрятали у соседей. Вместо этого ребенка, по подговору хозяина, повивальные бабки завернули мертвую девочку. После того как женщина пришла в себя, полегчала, на третий день родин этого ребенка похоронили[1]. С тех пор жена больше не рожала.

Эта женщина не знала, что у нее есть ребенок, пока дочке не исполнилось семь лет. Да и население не знало этого, говорят. До семилетного возраста этого ребенка воспитывали у других людей, не выводя на божий свет, держали в чулане. К семи годам Федор Хайааны, сам не вытерпев, поглядел [на ребенка], говорят. Он увидел такую прекрасную, румянолицую девочку, не виданную нигде в ближних окрестностях. Вернувшись оттуда, он рассказал жене, договорился с женой привезти свою дочку и воспитывать ее вместе с другими детьми. Они купили, не считаясь с ценой, несколько детей, ровесниц их ребенку, и [приведя свою дочь] воспитывали всех этих детей вместе, так жили они. Дочь их постепенно развивалась и росла. «Для нашего дитяти нигде нет поблизости подходящего жениха, потому если встретится подходящий, то придется отдавать ее в дальние наслега, в другие улусы», — думали они.

Живя так, старик приехал в город. Находясь в городе, он встретился с Лёкёй Модуном[2], знатным человеком Мегинского улуса. Разговаривали они очень долго. Тут он узнал, что у Лёкёй Модуна, оказывается, тоже есть единственный сын. Он сказал, что у него также единственная дочь. Тогда эти люди договорились устроить встречу своих детей друг с другом.

После того как прошло два года, когда девочке было девять лет, а мальчику десять, состоялся сговор. На этот сговор явилась

вся именитая знать восточных кангаласцев и мегинцев. Два *тойона* встретились, [в знак приветствия] поднимая вверх белые шесты с криком «ура!». Знатный мегинец Лёкёй Модун при встрече с хозяином и хозяйкой дома приветствовал, протянув хозяину правую руку с отборным соболем, хозяйке — левую руку с черным соболем. Таким образом, два улусных именитых человека три дня подряд сидели, заложив ногу на ногу, разговаривали словно связывали бересту. Тогда калыма деньгами не было, говорят, состоялся простой свадебный сговор. Здесь с обеих сторон пели певцы, сказывали *олонхосуты* [сказители эпоса], боролись силачи. Тут мегинцы, однако, не дали себя одолеть, с трудом восточнокангаласцы равнялись с ними, говорят. Поэтому богач кангаласцев Хаччылаах Хайааны сказал: «Я породнился с людьми, достойными быть в родстве со мной».

Когда девочке исполнилось десять лет, кангаласцы отправили ее в так называемый короткий выезд невесты, чтобы она посмотрела свое [будущее] местожительство. В ту поездку она имела, говорят, троих лошадей с украшениями и двух девушек-прислужниц, говорят. Если поглядеть на ее лошадей, привязанных по прибытии к *тюсюлгэ* к трем соединенным коновязям, то лошади оказались такими прекрасными и такими нарядными, равных которым нет в Среднем мире, с такими украшениями-сбруями. Эти лошади были разной масти.

По прибытии устроили, говорят, трехдневный свадебный пир. Здесь и *олонхосуты* сказывали, и певцы тоже пели, и силачи боролись, здесь мегинцы победили своими певцами и *олонхосутами*, при глотании *харта*[3] победили кангаласцы. Через три дня они увели обратно свою дочку. Лошади девочки и две девки-прислуги остались.

Потом, когда [ей] исполнилось пятнадцать лет, девушка совсем отправилась в дом жениха. Свадебный переезд в дом жениха состоялся на девятый день второй ущербной половины января. Девушка выехала на родину мужа с одним верховым конем, с одной вьючной лошадью и с одним ездовым конем. Приданое было на семи лошадях, говорят. Кроме того, имела трех девушек в качестве снимательниц *торбозов* (якутская кожаная обувь без каблуков) и двух парней — приданных рабов: таким образом, ей отец и мать выделили всего семь человек вместе с теми первыми. Когда девушка переезжала к жениху, выехало с ней на лошадях 300 человек кангаласцев — родственников и родственниц и сватов, говорят. Во время их выезда была, оказывается, очень сильная пур-

га, говорят. Поэтому они прибыли с опозданием на три дня от дня назначенного срока.

Лёкёй Модун вместе со встречающими, выехав из дома за три версты, три дня подряд ожидал. Через три дня на четвертый, когда встречающие находились в доме, вдруг на улицу прибыли кони со звонким топотом копыт. Услышав это: «Сходите-ка, парни, посмотрите, приехали что ли, или что это?» — сказал их *тойон* Лёкёй Модун. Тогда парни вышли и поглядели, оказалось — никого не было. Пришли и сказали своему *тойону* на это: «Сегодня должны приехать, дух ее вернулся», — сказал, и все вышли, поднимая вверх белые шесты, прокричали «ура».

И действительно, немного погодя, с шумом-звоном приехали они. Юношу с девушкой спустили с саней и со всеми родственниками, прислужниками провели вокруг встречной коновязи по направлению солнца. Если посмотреть на нее, она оказалась, несмотря на свои пятнадцать лет, красивой молодой женщиной с богатыми украшениями. Когда ее так водили, она посинела, как синее сукно, говорят. С этого времени, счастье этой женщины изменилось, говорят.

И вот здесь, у встречной коновязи, повесив волосы конской гривы, поев пищи, прокричали «ура».

Отсюда девушка должна была ехать верхом на молочно-белом коне. Когда привели ее к коню и попытались посадить верхом, а девушка-то не может удержаться на седле. Итак, посадив ее на сани, прибыли к *тюсюлгэ* (здесь — место проведения свадьбы), а тот верховой конь шел без всадника. Семь лошадей с приданым привязали к коновязи с семью столбами, предназначенной для невесты. Затем трех коней женщины привязали к коновязи с тремя выпуклыми выступами. Женщину поставили рядом с мужем, поддерживая ее (до того ослабла). И здесь они стали обходить коновязи с солнечной стороны. Когда они обходили так, над *тюсюлгэ* пронесся звон колокольчика и вслед за тем прозвучала необычно звонкая песня, говорят. На это собравшиеся люди сказали: «У Айыысыта отнята, значит, удача». С тех пор эта женщина сошла с ума, говорят. Поэтому свадьба, которая должна была продолжаться девять дней, была только три дня. Через три дня кангаласцы вернулись.

Всю ту зиму родные мужа приглашали шаманов со всех концов и заставляли камлать. Серого, как белка, жеребца женщины принесли в жертву. Летом она, поправившись, стала как человек.

Затем, когда расцвели травы-цветы, около Петрова дня, их привезли в Бютейдяхскую церковь и обвенчали. Во время венчания женщина, говорят, трижды теряла сознание. На следующий день в честь венчания устроили большое *тюсюлгэ*. Тут же отец девушки говорил, плача: «Не держите, не ловите, не запирайте, не принуждайте, пусть мое дитя само ходит свободно, все расходы на это я сам заплачу. Дитя мое было как дитя, девушка как девушка, человек как человек, вот, приехав сюда, она стала такой несчастной». Поэтому хотя эта женщина и ходила свободно, но больших бед не наделала, оказывается.

Эта женщина 15 лет сходила с ума, говорят. Иногда она все же приходила в себя и [нормально] зимовала, проводила лето, говорят. И в состоянии сознания, и в состоянии сумасшествия никто даже из молодцов не перечил ей, говорят. Когда она сходила с ума зимой, она надевала всю одежду, в которой приехала впервые, и, принарядившись, уходила иногда в пустые дома, иногда на мыс, говорят.

И тогда парни и девки, отданные ей в приданое, возили на подводе за нею еду, кормили и присматривали за нею, говорят. Теплую пищу она не ела, говорят, а все ела мерзлое мясо, откалывая пешней, не разрешая его рубить топором.

Тогда она как будто успокаивалась, говорят. В те дни, когда она приходила в себя и успокаивалась, мыли ей лицо, причесывали волосы, у нее усиливалась тогда болезнь, говорят. Поэтому ей ни разу не мыли лицо, не причесывали волосы. Несмотря на это, лицо у нее было чище, а волосы аккуратнее, чем у любого, говорят. Когда она ходила так, люди, издалека кланяясь и моля: «Солнце-сестрица, золотая богиня, постой-остановись, грех-беда», — просили-заклинали, говорят.

Женщина все время распевала, говорят:

Будучи дочерью Федора Хаччылаах Хайааны,
Будучи дитем Матрены Халлаан,
Пользуясь почетом, как младшая невестка Лёкёй Модуна,
Прослывшей знаменитой невесткой Сулууда Мелбестюра,
Став беспокойной невесткой Константина Тюнюки,
Прослыв достойной подругой Алексея Халаабыс,
С медью столько, сколько может увезти конь,
С серебром столько, сколько можно погрузить в сани...

А голос ее был пронзительным, звучным, говорят. Если же дело происходило летом, она, надев всю летнюю одежду из шелка

и гаруса, принарядившись, ходила, размахивая шелковым голубым платком. Эту одежду — платье она никогда не пачкала, ни в каком месте не рвала. Летом она исчезала на девять-десять дней, не показываясь на глаза человеку, говорят. Тогда ее искали по всему Алтану, но не находили. И когда летом она вела себя очень беспокойно в том месте, где ее находили, устраивали амбар и запирали ее туда. В таком заключении она самое большее находилась около десяти дней, говорят, разрушив свое место заключения, она уходила, оказывается.

И летом, и зимой по тому месту, по которому она думала идти, проходил, говорят, сильный вихрь.

Тогда люди того времени, говоря: «Госпожа наша, видимо, захотела пройти по этому месту», — боялись, оказывается.

Странствуя так, она побежала вверх по реке Тураахтаах. Там у себя на родине жил Хакыр шаман. Она пришла [к нему] и сказала: «В этом Среднем мире уже не прожить человеческой жизнью, рождая детей», — и вынудила его дать ей конский повод, и, взобравшись на высокий берег этой реки, она умерла, повесившись на сучок огромного толстого дерева со стороны солнца. Перед тем как повеситься, она трижды прокричала голосом ворона, говорят. Услышав это, шаман, подумав: «Она, наверное, умерла», — испугался и убежал в Тайгу[4], говорят.

Потеряв свою госпожу, весь Алтан несколько дней искал ее. Реку Тураахтаах они обошли дважды и дважды не нашли ее, и только при третьих поисках ее нашли, госпожа сама заставила обнаружить себя, позвав голосом ворона, говорят. Здесь она повесилась не так, чтобы можно было убить себя, а только накинула повод на шею, и нигде тело ее не стало портиться, говорят. Когда увидели ее, то госпожа их, казалось, умерла, приняв свой девичий облик. Говорят, она казалась еще более похорошевшей, нарядной. Перед смертью ей было как будто бы тридцать один год.

Найдя госпожу, очень быстро похоронили на месте ее смерти. Над ней сделали срубную могилу. В какой одежде ее похоронили, неизвестно. Слышно было, что когда к этому срубу подступал лесной пожар, то не сжег его. Впоследствии, около десяти лет назад, случившийся лесной пожар сжег эту могилу. Несмотря на это, она и сейчас заметна, выступает в виде бугра. Если проходили мимо этой могилы, распевая песни, то проносился вихрь, говорят, и тот человек болел или что-нибудь с ним происходило. Поэтому человек, который шел вдоль речки Тураахтаах, проходил тихо.

Эта женщина по-человечески дома рожала трижды, и все трое были девочками. Она была беременной всего шесть раз, при трех беременностях она зимой пропадала три дня, так что ее не могли найти. Предполагали, что она рожала тогда плохих детей. А те три ее дочери, выйдя замуж в трех улусах и не сходя с ума, удавились.

Эта госпожа имела, говорят, очень разукрашенный, снаряженный конский убор. Родные мужа этот убор продавали по частям тем людям, которые просили, чтобы сделать снаряжение своим дочерям, выходившим замуж. Девушка, снаряженная этими предметами, не жила по-человечески, говорят. Большинство сходило с ума, оказывается. А шаманы и шаманки, камлая каждый раз над ними, говорили: «Взяли с собой снаряжение госпожи Алтана, вот и возмездие за это», — и заставляли все вернуть назад, говорят. Когда возвращали назад [снаряжение], если верить по-старому, то действительно они поправлялись, оказывается.

Сама же госпожа Алтана после смерти явно стала *абаасы*. Ее приближение слышалось по очень громкому звону колокольчика и погремушек. А зимой среди треска и шума звенел колокольчик, говорят. И затем, говорят, она всегда ходила с пением.

Еще до недавнего времени в Алтанском наслеге было принято невестку по имени Агафья, приезжавшую в дом мужа, переименовывать в Акашу или Аалтыс. Да и сейчас, наверное, старое поколение не называет алтанского *Айыы* Агафьей, также не называют госпожой, а называют *Айыы*.

Со слов М.Н. Яковлева-Куруппы, Тарагайский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал Х.И. Константинов 1 марта 1941 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 2, с. 285—289].

126. Болугурская *айыы*

I

В Болугурском наслеге жил местный богач Омуоруйа Нестор[1] с тремя женами, с девятью сыновьями, с одной дочерью, очень важный *баай*, говорят. Его местожительство — долина Сутуруолаах. Его жена — дочь чакырского князца Уогалааха Логлойо. От этой госпожи родилась девочка, которую вырастили в холе, в золоте-серебре, в рысьих, бобровых шкурах[2].

Она с рождения, как рассказывают, проделывала разные чудеса. Обходя долину Болугура, собирая детей, она устраивала угощение и наряжалась, украшалась цветами, играла, пела-распевала.

Впоследствии, когда дочь выросла и стала взрослым человеком, Омуоруйа Баай отдал ее в жены Григорию Кусагаллаю, сыну Багырыннья Баайя, князца ближнего Аччагар-Хатылинского наслега. Она уехала к мужу с множеством людей, лошадей, с вереницей навьюченных коней, со скотом, с приданными участками земли. В то время она была очень юной девушкой.

Когда она приехала [в дом мужа], ей не понравился муж, пошли [у них] нелады, и она стала ходить, не показываясь людям на глаза. Когда свекор Багырыннья хотел посмотреть на нее, каждый раз только и видел одни ее нарядные *торбаза*, или же, стоя, она превращалась перед ним в молодую березку. Так она все время не показывалась. Когда муж ее, Кусагаллай, хотел ее поласкать, каждый раз она превращалась в различных зверей, в копье и меч. Не впадая в грех, она ходила девственницей. Говорят, что она постоянно находилась под наблюдением.

До этого дважды находили ее с веревкой [на шее] и спасали, развязывая веревку. Напоследок, когда она повесилась в третий раз, ее увидел старик-гость и заявил об этом людям, тогда вышел свекор Багырыннья и перерезал веревку, и она сразу повалилась мертвой. По якутским поверьям, перерезать веревку у повесившегося то же, что прервать его дыхание. От такой смерти произошло большое смятение.

Останки девушки отвезли на родину, похоронили на западном бугре родного аласа Дьагарыма, где она родилась. Старинные одежды, украшения, игрушки и серебряных идолов ее тут же положили в *тюктюйэ*. В то время при похоронах забивали лошадь, устанавливали *кэрэх* и много пели-распевали. Когда она была жива, у нее были также одежды и наряды [шаманская одежда]. Несколько раз она спасала тогда заболевшего дядю кузнеца-шамана Кыпчытына. Замужем она была только три года.

II

После ее смерти ближайшие наслеги и даже улусы стали почитать ее, называя «Духом Болугура», «хозяйкой», «старшей сестрой», «теткой».

Шаманы и шаманки в заклинаниях, как будто действительно вселив ее в себя, воспевали, называя ее старым именем Сынгала-абыт Лыгый. Превратив ее в духа *айыы*, заклинали, просили. Устами шаманов и *мэнэриков* она просила разную пушнину, шелк, монету талер, красную лисицу, рысь, кусочки бобрового меха,

веревку, колечко. Заставляли ее плакать-стенать, говорить: «Горе мое — муки мои, досада моя — несчастье мое». Она распоряжалась, уводила и приводила всех мелких злых духов. Представляли ее ездящей верхом на коне с погремушками, бубенцами, в шубе, обшитой по краям бобровым мехом, с нагрудным и спинным украшениями, с браслетами и в рогатой шапке с перьями наверху. Видевших ее наяву очень много. Было так, что однажды она с одним человеком послала своим родственникам [семье] Павла весть: «Могила моя обгорела, пусть обновят». Однако они не обновили[3].

В прошлом старики-шаманы заклинали ее имя так:

Из поколения Логлойо,
Из потомков Кыпчытыына,
Дочь Омуоруйа Нестора,
Знаменитая невестка
Кудангса — Огненный рот,
Огромного роста Кюлюрчэ,
Хатырык Багырыннъа,
Жена-госпожа
Григория Кусаганныыр,
Сынгалаабыт Лыгый,
Стремительная и грозная,
Гордая, ненасытная,
Серебряный идол,
Госпожа-сестра наша...

Со слов Прокопия Моисеевича Оконешникова, 70 лет, Мугудайский наслег Чурапчинского района. Записал С.И. Боло 7 февраля 1935 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 2, с. 280—281].

127. *Сучунаа*

Однажды старик со старухой перекочевали и остановились ночевать. Они были кочевыми. В одно утро старик пошел искать оленей. Оленей он нашел. Увидел, что одного бура[1] нет, и пошел искать его по следам. Он увидел следы существа с полуметровой ступней, уведшего его бура. Он с досады пошел по следам. Вдруг он увидел человека ростом с лиственницу[2], который ведет за собой его оленя.

Старик решил обойти этого человека и застрелить его. Он обошел и опередил его. Это существо узнало это и разрубило оленя пополам. Старик, припав за корягу, выстрелил. *Сучунаа*, резко закричав, прыгнул вверх к небу. С хрипом упал на землю и,

сидя, ножом указал старику на свое горло. Старик подбежал и перерезал ему горло. Кровь брызнула и залила пространство на несколько шагов и дошла до старика. Старик сказал: «Все же добыл хороший нож», — взял нож и пошел домой.

Возвратившись, обрадованный он сказал жене: «От *сучунаа* за оленя взял нож». В скором времени они оба сошли с ума, а через три дня после этого умерли.

Со слов Христины Николаевой, старше 70 лет, Оленекский наслег. Записал ее сын А.А. Николаев в 1944 г. Из материалов, собранных И.С. Гурвичем [ИПРЯ, ч. 1, с. 117].

128. Оспа

Болезнь, от которой очень страдали и гибли якуты, — это оспа[1]. В самую последнюю губительную оспу в 1873—1874 годах якутское население значительно вымерло. Тогда гибли целыми домами, подродами (*ийэууса*) и родами (*ага ууса*).

Все жители, прячась от оспы, построили себе балаганы в дальних лесах. Собак своих поубивали, дрова рубили в доме, на дворе не разговаривали, сено и дрова возили ночью и даже мычащий скот не выпускали на двор. Все это делалось вот почему: оспа, превратившись в русскую женщину, называемую *хотун* («госпожа») или *эбэ* («бабушка»), все время прислушивается. Если услышит собачий лай, человеческий голос или мычание скота, стук топора, скрип саней, говорят узнав, что живут люди, она приходит туда. Из-за этого страха так прятались, оказывается.

В семье, где имеется заболевший оспой, не впускают в дом свет, закрывают окна. Больному не дают смотреть на огонь, не показывают материю (одежду) красного цвета и пищу. Говорили, если больной увидит свет или красное, то болезнь усиливается, и он умирает. На стол кладут карты, куклы и, если имеется, водку. Картами, куколкой, водкой развлекают *эбэ*, упрашивают ее. К жителям, где имеются больные, не ходят в гости, а к дому их даже близко не подходят. Хозяева далеко от своего дома в лесу втыкают в снег палки: самая длинная из них — хозяин дома, покороче этой — хозяйка, еще короче — дети. Если кто заболеет, наклоняют соответствующую его возрасту палку, а если умрет, переламывают, наступая на нее. Соседи и родные (каждый) приходят сюда и смотрят эти палки, и потому знают, кто заболел или кто умер. Человек из семьи, где нет больных, не встречается лично с человеком той семьи, где болеют. А если встретится, он

воспринимает это так, как будто он встретился лицом к лицу с самой *эбэ* (оспой).

Когда умирает человек, люди соседней семьи, придя и увидев, что хозяева сломали поставленную в лесу палку, находят где-нибудь *киибэс* и приводят его сюда. *Киибэс* — так зовется человек, который всегда занимается похоронами умерших. Если умершему полагается посмертный конь (*холдьуга*), прибывший *киибэс* уводит предназначенного коня далеко, убивает и ест мясо и роет яму покойнику. Родные умершего сколачивают в самой могиле деревянный сруб. Когда закончатся приготовления, *киибэс* привязывает покойного без гроба к приспособлению, называемому *дьулурга*, и сам волочет его в могилу. *Дьулурга* — это две длинные жерди с перекладинами позади. *Киибэс* впрягается в переднюю перекладину, как в ярмо, и волочит, толкая грудью. Вывозит так в могилу, скатывает в яму, как бревно, и засыпает землей. Сколько человек умирает, всех хоронит *киибэс*. В вознаграждение *киибэсу* дают мелкий скот или корову.

Записал А.С. Порядин, Морукский наслег Мегино-Кангаласского района, июнь 1937 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 295—296].

129. На Оймяконе оспы не было

Когда здесь якутское население стало многочисленным, в Оймякон ехал злой дух болезни оспы из Якутска, подсев сзади всадника, доставлявшего вьюком грузы.

Переезжая через реку Тарын, он упал с коня в наледь, обморозил себе ногу и сказал: «Эта река чересчур холодна, пронзительно ее дуновение, оказывается, она по праву называется Чыскхаан. Больше я не вернусь в эту страну». Так он, говорят, повернул обратно. Сколько ни приходилось слышать, в этих местах (ни в прошлом, ни в рассказах) не было болезни оспы[1].

Со слов Павла Владимировича Винокурова (по прозвищу Хаскар), 73 лет, Сордоннохский наслег Оймяконского района. Записал С.И. Боло 23 января 1940 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 296—297].

130. Хабинский князец

Недалеко от города[1], в трех *кёс*, жил, говорят, омукский князец по имени Хабинский князец. Когда этот человек ехал в город, показались ему духи повальной болезни, превратившись в

трех русских девушек. Они попросили, говорят, у него одну черную лисицу, которую он вез с собой. На это он сказал: «Я охотился на лисиц не для всяких русских девушек, а везу их в город». «Ты потому стал иметь черную лису, что путь твой будет черным», — сказали они и обманом попросили вести их до своего дома. Приблизившись к *урасе*, девушки исчезли.

После этого Хабинский князец со всей семьей за трое суток перестал существовать. Эта местность называется Хаба Унгуохтаах, т.е. Могила Хаба. В наш наслег оспа не заходила.

Со слов Евдокии Федоровны Слепцовой (по прозвищу Омукаан), 87 лет, Крест-Майорский наслег Абыйского района. Записал Г.М. Васильев 7 августа 1944 г., с. Крест-Майор [ИПРЯ, ч. 2, с. 301].

131. Сожительство злого духа

Совсем недавно, перед самим установлением Советской власти, в доме Александрова Николая, стоящем в местности Айалаах Хаптагай в Восточно-Кангаласском улусе, довольно долго проживал злой дух. Эта семья состояла из трех человек — мужа с женой и их совершеннолетней дочери. Еще жила с ними одна женщина. Они были крестьянами среднего достатка. Жили они благополучно, во всем им была удача. Но однажды они посетили юрту хозяина дома, предназначенную для кратковременного проживания в пору осенней неводьбы. После этого дня вроде плохого не случилось, однако у девушки, спящей за камельком, появилась плохая привычка — она всю ночь не спала, металась и хихикала.

За это девушку ругали и наказывали, но она ничего не говорила, отмалчивалась. Однажды женщина, проживавшая у них, обманом заставила ее проговориться. Девушка рассказала, что к ней приходит весь мохнатый мужчина, и она с ним разговаривает и забавляется. Женщина про все это рассказала родителям девушки.

Они подумали, что их дочь сошла с ума, и устроили ворожбу. Гадавший сказал, что «подмигнул» злой дух. После этого они устроили шаманское камлание, но злой дух не поддался. Напротив, злой дух, прижившийся у них, стал с того дня вредить самим хозяевам дома. Он то отвязывал коров в хлеву, то накрепко затягивал узлы тех веревок, которыми были привязаны коровы. Если девушка начинала чистить хлев от навоза, он приходил, показывался ей, помогал, разговаривал совсем как человек. Рассказывают, что не было известно, чем он питался, куда ходил.

Когда приходил поп и устраивал молебен, то злой дух вторил ему из хлева и говорил: «Уходи прочь, уж тебя-то я не боюсь!»

Вот так он мучил их на протяжении пяти-шести лет. В течение этого времени дошли они до нищеты, совершая шаманские камлания и молебны священников. Злой дух сердился за это и в последние годы стал бросать всякий мусор в их пищу и в них самих. А соседку он совсем не трогал, оказывается. Все эти годы он не прекращал забавляться с их дочерью, целыми ночами они шумели, пыхтели и смеялись. Девушке он рассказывал: «Я пришел сюда из далекой земли потому, что стал сиротой. Когда достигну совершеннолетия, я вернусь назад на свое место без участия шамана или попа. Твои никак не могут дождаться этого, считая, что я их стеснил, не любят меня, ругают, бранятся, проклинают. Это мне не нравится. Я тоже умею злиться, буянить. Они довели меня до последней крайности, надоело мне их слушать. Поэтому я нарочно устраиваю им пакости. Если они прекратят преследование, то и я не буду трогать их. Тебя я хочу взять с собой, однако ты не выдержишь трудностей пути. Поэтому ты останешься здесь. Теперь, если и будут разыскивать меня, все равно никаких вестей обо мне не услышат».

Девушка совсем его не боялась, считала его ближайшим приятелем. Рассказывают, что он приходил и уходил из-под основания столба, держащего матицу балагана. Со временем и хозяева примирились со своей горькой долей, перестали его ругать и бранить. Соседи прожили с ними несколько лет и переехали от них. Александров, хозяин дома, говорят, держал на самом деле это в глубокой тайне от чужих. Но соседи узнали про все раньше него самого. Александровы пытались жить в своем доме еще пять-шесть лет, но не выдержали и переехали в другое место. Это случилось весной, когда снег еще не стаял. Злой дух тогда сказал девушке: «Ну, прощай. Больше мы с тобой не встретимся. Я знаю, что вы бежите от меня. Я бы мог, если захотел, поехать с вами. Но совсем приблизился срок моего возвращения, несколько дней я проживу и здесь. Я прибыл сюда из пустующего дома, последовав за твоим отцом. Благодаря этому, я все же остался жив. Вы живите благополучно». Сказав, он скрылся с ее глаз. Правда, он, говорят, исчез оттуда. Через три года та девушка умерла от болезни. Умерла и жена Александрова, он с той поры стал разоряться. После них в том доме, где присоседился злой дух, жить остерегались, никто не жил. Позже дом сожгли, говорят. С того дня, в который злой

дух обещал уйти, в северном углу хлева появилась дыра. Там на виду остались лежать перья разных птиц, кусочки заячьих шкурок. Короче, это было похоже на мышиную нору. Когда же он жил в том доме, такой кучи не было, и из-под того столба он, говорят, не появлялся.

В прошлом, отсталом веке, таких существ называли «дэриэтник» (исковерканное «еретик»). Где бы они не поселялись, это обычно старались сохранить в тайне. Но украдкой рассказывали об этом даже в дальних местах. Близкие соседи воздерживались упоминать про это. В случаях такого преследования шаманы и попы не могли помочь. Так рассказывали в то время, когда я был маленьким. Правда это или ложь, откуда мне знать. Однако невозможно, чтобы говорили без всяких на то оснований.

Со слов Еремея Максимовича Яковлева, 34 лет, II Тыллыминский наслег Мегино-Кангаласского района, июнь 1944 г. Записал М.Г. Наумовский. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 31—31 об.

132. Приживательство

Перед самым переворотом[1] в семье Чороповых, жившей в Ыйылас Нахаре, появилось и стало жить невидимое существо. Оно было в начале малолетней девочкой. По рассказам, у Чороповых росла девочка того же возраста. То существо не показывалось людям солнечного мира, только видела ее их девочка. Целый день они играли в самые разные игры, очень веселились вдвоем. По словам той девочки, невидимая девочка имела светло-рыжие волосы, совершенно белую кожу и стройный, как стебель осоки, стан. На первых порах эта невидимая девочка не проказничала, ничего плохого не делала. Но Чороповы сочли это за большое несчастье, полагая, что пристал злой дух (дэриэтник), стали часто приглашать шаманов и попов. Однако ничто не помогло, никто из них не смог что-либо сделать. Однажды, когда пришел один поп и читал молитву, ему показалось, что невидимая девочка стоит рядом с ним. Поп с криком схватил, было, ту девочку за волосы, да оказалось, что он таскает за волосы ревущую дочь хозяев. Вот так никто не одолел. Наоборот, она стала очень раздражительной. Теперь уже она портила пищу, запутывала узлы на веревках, которыми были привязаны коровы, а иногда, когда сердилась, бросала в людей всякую дрянь. Несмотря на это она

продолжала играть с хозяйской дочкой. Во время встреч она, оказывается, говорила: «Почему меня ненавидят? Никак не пойму. Я им ничего плохого не делаю, все равно сейчас не уйду, отправлюсь, когда достигну совершеннолетия. А если же будут меня раздражать, то я сочтусь с ними, буду строить им козни».

Со слов Прокопия Иосифовича Романова, 59 лет, Чыамайыкинский наслег Мегино-Кангаласского района. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 29—29 об.

133. Посещение страны *сюллюкюнов*[1]

Однажды в глубокой древности, зимой, в пору выхода на землю *сюллюкюнов*, когда солнце уже клонилось к закату, одна пожилая повитуха справляла нужду за *хотоном* (хлевом). В тот момент с запада на санях вдруг приехал молодой человек небольшого роста. В его сани был запряжен сине-серый конь, масть которого подобна цвету волны. Он был одет в шубу, похожую по цвету на рыбью чешую. Молодой человек стремительно подъехал к женщине, бросил ее в свои сани и мгновенно исчез. Когда она очнулась, оказалось, что приехала в весьма сумрачный край. Господин, который привез ее, остановил сани около дома и сказал: «Я привез тебя потому, что ты, по рассказам, хорошая повитуха. Моя жена обычно рожает очень тяжело. Когда закончатся роды, я тебя подниму обратно». Женщина быстро вошла в дом. Там, на левой стороне, оказывается, бьется в постели в предродовых муках одна роженица. Опытная повитуха увидела, что рожающая находится в критическом состоянии, и тут же начала хлопотать около нее. Роды прошли очень благополучно. Старуха-повитуха пробыла у них столько дней, сколько необходимо быть с роженицей. Угощение было очень щедрым. Как она заметила, у тех существ тоже имелся свой скот, собаки, птицы и звери. Все они имели одинаковую масть, были блестяще-синими, как цвет волны на воде.

Через шесть дней, когда мужчины не было, молодая мать дала совет повитухе. «Вот настал срок твоего отъезда. Мой муж даст тебе за услугу много денег. Но ты их не бери, а попроси взамен от него всякий мусор и мох. Это у вас станет деньгами», — сказала. На следующий день хозяин обратился к повитухе: «Ну, старушка, сегодня я подниму тебя на твою родину, мы же являемся духами-хозяевами воды, называемыми *сюллюкюнами*. Мы прибегли к твоей помощи по крайней нужде». Поэтому, сказал, что

дает целую груду бумажных денег за беспокойство ее и за труд. Еще дал ей шубу, похожую на рыбью чешую. Но старуха не стала брать его деньги, а попросила: «Я — человек, выросший во всякой грязи, мне дайте разный мусор». Тогда *сюллюкюн* сказал: «Как только ты поднимешься вверх, все это станет деньгами. Их ты должна истратить за семь дней. Если не справишься за этот срок, то деньги снова превратятся в мусор».

Старуха вышла во двор, только присела на сани, как вдруг очутилась на том же месте, где справляла нужду. Она вошла в свой дом, держа деньги в своем подоле. Они едва в нем вмещались. Помня совет *сюллюкюна*, семья пыталась истратить деньги за семь дней, но не справилась. Оставшаяся часть денег превратилась в мусор. Все же они использовали очень много денег. Вот так они разбогатели, славно зажили, благодаря богатству, данному *сюллюкюном*.

Через несколько лет, близкие ее соседи справляли свадьбу. Старуха пришла туда. Оглядывая гостей, она вдруг обнаружила, что знакомый ей господин находится среди них. Все, кто был там, совсем его не замечают, даже не думают, что он может присутствовать тут. Старуха неотрывно стала наблюдать за ним. Когда он вышел из дома, она пошла следом за ним. Там она сказала ему: «Ты меня узнаешь, я ведь тебя знаю?» Тот человек очень удивился и спросил: «Ты каким глазом увидела меня?» Затем он послюнил свой указательный палец и придавил ей веки на левом глазу. Старуха сразу ослепла на левый глаз. С той поры она совсем не видела *сюллюкюна*.

Со слов Гавриила Ивановича Ильина, 63 лет, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в ноябре 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 14—14 об.

134. *Сюллюкюны*

Вечером после выхода *сюллюкюнов* нельзя ходить за водой. По народным преданиям, в старину, где-то кто-то зачерпнул вместе с водой ребенка *сюллюкюнов* и принес домой. Никто из проживающих в этом доме ничего не заметил. Ночью, ложась спать, они услышали во дворе плач женщины. Она все время скрипела мерзлыми *торбасами* по снегу и продолжала плакать. Долго был слышен ее плач, наконец, люди не выдержали, вышли посмотреть. Оказалось, что пришла румяная, безбровая женщина и невыноси-

мо горько рыдала, прося отдать ее ребенка. Тогда посмотрели в то ведро, в котором вечером принесли воду. Там что-то краснело. Увидев это, вынесли ведро и вылили все его содержимое на очищенное от снега место перед жилищем. Женщина тут же перестала плакать. Подобные рассказы распространялись очень широко. В связи с этим случаем, говорят, установился обычай, запрещающий ходить за водой к проруби вечером, когда наступала темнота. Поэтому совсем перестали по вечерам ходить за водой.

Сюллюкюны — это несметно богатые люди, имеющие неисчислимо много денег. Живут они в подводном мире, сами румяные и безбровые. Они, по якутским верованиям, очень хорошо предсказывают судьбу, все знают и могут сказать, кто когда умрет, кто разбогатеет.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов 14 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 7 об.

135. Узнавание судьбы от *сюллюкюна*

Для того чтобы узнать про свое будущее, в пору, когда выходят на землю *сюллюкюны*, у основания коновязи или около ворот во дворе рассыпают через сито снег. Это место осматривают ранним утром, на нем обязательно должны быть какие-либо следы. Например: если у тебя будет ребенок, то обнаружится детский след, если приобретешь коня — его след, корову — ее, если умрешь — то след спины человека без головы и т.д. По виду следов, по их особенностям должны определить, что же будет с гадавшим. Это называется узнаванием своей судьбы.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов 14 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 8.

136. Подслушивание *сюллюкюнов*

По мнению якутов, почти все *сюллюкюны* — люди мудрые, умеющие предсказывать судьбу. Поэтому хотят услышать, что они скажут. Их можно подслушать ночью, сидя под коновязью, находясь в старом заброшенном балагане, где поселился какой-нибудь дух, на большой проезжей дороге, когда на ней нет путников; на мысах, которые имеют духов-хозяев; у ворот двора; у проруби.

Нужно сидеть в одном из этих мест, укрывшись одеялом. Отправляются подслушивать обычно группой в несколько человек.

Сюллюкюн, придя, сперва сильно ударял или толкал в бок. Подслушивающий узнает что-нибудь, если выдержит этот удар или толчок. Если не выдержит, то должен умереть. Такое подслушивание проводят разные люди, а затем об этом рассказывают всем. Молодежь часто проказничала во время гадания. Но много было и таких, кто верил в эти рассказы.

Настоящие ясновидцы и люди с «открытым»[1] телом заранее готовятся к подобному подслушиванию. В течение семи дней они не моются, ни с кем не разговаривают, не совершают никаких грехов, воздерживаются от интимной связи с женщинами, ведут праведный образ жизни. По истечению указанного срока они тайком отправляются ночью на самую шумную днем проезжую дорогу. Туда подходят пятясь, и садятся. У такого человека не должно быть никаких амулетов. Он обязан прийти также без ножа, огнива и палки, которой мешают огонь в очаге. Человек с амулетом не может ничего услышать, поэтому его не разрешали брать с собой. Все, что услышит, он может рассказать только тогда, когда кончится срок пребывания *сюллюкюнов* на земле.

Ясновидцы и люди с «открытым» телом обо всем узнают, даже находясь у себя дома.

Сейчас они не подслушивают, устраиваются лишь групповые подслушивания. Только не слышно, чтобы они услышали что-либо путное.

Со слов М.Г. Наумовского, II Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов 14 декабря 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 6, оп. 3, д. 648, л. 8—8 об.

МИФЫ О ДУХАХ НИЖНЕГО МИРА

137. Племена *абаасы* Нижнего мира

По данным древних шаманов, по тому, как думали старинные люди, под этой обитаемой страной имеется еще одна жилая страна. Только в той стране живут не люди, а двадцать семь племен *абаасы*. В каждом племени они тоже имели по одному господину и госпоже, у которых было по одному сыну и дочери. Каждое племя владело самостоятельной частью страны, имевшей собственное название.

Из них самыми главными являлись живущие очень далеко Луога Хаан тойон, Луога Хаан госпожа, их сын Буор тэсююлэй (прах поднимающий рычагом? — *Н. А.*) и дочь Хаан мангалай (кровавое брюхо). Древние шаманы в своих заклинаниях описывали страну людей, представлявшую собой бездонную пропасть, имеющую три обода, сообщали, что с этой страны начинаются восемьдесят восемь вредоносных дорог, что в глубь данной страны проваливаются девяносто девять путей мучительной смерти.

Ближе той страны находится место обитания родоначальника мертвых.

Это край, куда рушатся самые именитые мужчины, это перевал, через который отправляются знатные женщины. Там высится серебряная гора, из которой родилось и улетело солнце, там стоит священная гора, из которой родилась и улетела луна. Это страна, где свет солнца и луны растягивается в лучи, подобные струе. Они сверкают так же, как порошок из золота или меди. В этой стране живут Кёмнёхтёёх кюё хаан господин; ретивый черный парень, забирающий самых резвых коней из числа тех, что отдаются покойникам; Тысы тыгылай девица, стерегущая последнее дыхание человека, перетряхивающая погребальную одежду знатных женщин. Их упоминали древние шаманы, когда заболевали именитые мужчины и знатные женщины. Им в жертву приносили рыжеполосатого быка, пестрого, как бахрома на костюме великого шамана. Его отводили в ту сторону, куда заходит летнее солнце. В ту страну добирались, пройдя трижды три шаманские остановки[1].

Кроме того, шаманы упоминали еще другого родоначальника умерших. Его страна находилась в восточной части Нижнего мира на расстоянии трижды девяти шаманских остановок. В путь в эту страну отправлялись с почетного угла дома, где велось камлание. В жертву отводили трех беломордых четырехлетних быков. При жертвоприношении в заклинаниях так описывали это место:

Страна, куда спускаются
Самые рослые из родившихся,
Место, где на волнах качаются господа,
Где в глыбы льда вмерзли госпожи,
Где в виде плавника плавают лучшие из юношей,
Где в виде шуги плавают девицы,
Где вечно бушует
Бурная вода смерти.
В данном месте центр земли умерших,

Где находится закрытая на три крышки преисподняя,
Где имеется прикрытая восемью крышками
Темная тюрьма,
В этой стране самых тяжких мучений
Обитает Бараа Хан господин,
Бараахы Хан госпожа,
Парень по имени Барыйа хара,
Не дающий приумножаться численности людей,
Тянущий назад потомков,
Имеющий восьмикопыльные, тяжелые черные сани,
Имеющий прямо на середине лба
Единственный, тупой рог,
Пользующийся в качестве упряжной скотины
Громадным, черным порозом смерти;
Девица Хара Бараахы,
Размешивающая руками сгустки крови,
Захлебывающаяся свежей кровью...

Итак, в эти страны, по мнению древних людей и древних шаманов, отправлялись *кут-сюр* покойников.

Из этих стран шаманы поднимали вверх *кут-сюр* больных, находящихся при смерти.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 2—4.

138. Страна, где живут духи, причиняющие смерть роженицам

В древности, когда женщина заболевала при родах, камлали шаманы. Они начинали свое путешествие к злым духам, причинившим болезнь, от того места, где были забиты шесты для роженицы[1]. Направлялись шаманы в Нижний мир, в его северо-западную часть. В жертву они отвозили трех-четырехлетнего сизо-пегого пороза, имеющего на лбу совершенно белое поперечное пятно, копыта, подобные гребню, и прозрачные рога. При этом заклинали так:

Страна, куда, накренившись, падает гнездо Иэйэхситэ[2],
Перевал, через который проваливается гнездо Айыысыта,
Хребет, за который, расстраиваясь, падает
Кут-сюр пожилой женщины,
Край, в который в замешательстве приходит
Кут-сюр молодой женщины,
Страна, в которую проваливается с шумом

Имеющая семь разных ненастий
Дорога, именуемая Дибдийэ хаан.
Там обитают глуповатый Арсан дуолай,
Буор Мангалай господин,
И страдающая Буор бохсуула госпожа,
Живущие в большой, таинственной сквозной бездне;
Хаан Дапсыла парень,
Питающийся кровью пожилых женщин,
Купающийся в алой крови молодых женщин;
Тысы Кырдай девица,
Прислушивающаяся к человеческому дыханию,
Придавливающая людям кровеносные сосуды,
Питающаяся кровью из промежности пожилой женщины,
Имеющая соску из грудных сосцов молодой женщины.

Вот в какую страну уходят, по мнению старинных людей и шаманов, *кут-сюр* женщин, умерших при родах.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 4—5.

139. Страна, где живут духи, причиняющие смерть детям

В древности человек, у которого дети умирали в раннем возрасте, приглашал шамана, и он отправлялся прямо на север в Нижнюю страну. В тех случаях заклинали так:

Обитатели жилища, стоящего на черной излучине,
Люди улуса Бухар дьолуо,
Люди Бургуйа харса,
Стали вы судьбу нарождающихся детей
Опрокидывать навзничь.
Стали вы жребию грядущих потомков
Давать кривое направление.
Ставшие обитателями жилища, стоящего на черной излучине,
Хаан Бадалай господин,
Имеющий окровавленный рот,
Хаан Бадылгах госпожа,
Харгыйа Хара парень,
Хаан Хадьыалама девка.

К этим духам добирались через девять шаманских остановок. Далее, через дважды девять остановок жили в улусе Бухара Дьолуо-Бургуйа харса господин, Бургуйа харса госпожа, их сын Буос

Бугайдаан, дочь Буос Бэсирик. По ту сторону этих духов жили имеющие широкие пути, подобные отверстию горшка-чугуна русского человека, живущие во вредно-гибельном болоте Дуолан Харса господин, Дуолаты Харса госпожа, расслабленный парень Бэсэрик, квелая девица Бэсирик с большим животом. К ним добирались еще через девять шаманских остановок. Дорогу насылаемой ими смерти затыкали летягой (летучей мышью).

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 8, л. 6—7.

140. Харса

Харсой называли людей *абаасы*, поедающих гнезда детей[1], которые должны народиться в Среднем мире. Имеются три разных Харса: дальний Харса, по имени Кудулу Харса[2], средний — Юёсен Харса, [...][3] ближний — Ылгын Харса. Проход в страну Харса шаман затыкал шкурой летучей мыши, совершив специальное камлание. Ее сын (или дочь) Харса боится, поэтому не посещает Средний мир в течение всей жизни. Тогда дети не умирают, увеличивается количество потомков.

Сын Харса «поедал» мальчиков, дочь Харса — девочек. Духи Харса — это люди, бегающие, подобно мышам, только по своим тропкам.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 217.

141. Место, где живут духи, воспитывающие *отосутов*

Когда заболевал знахарь, шаманы камлали в Нижний мир. Они отправлялись в том направлении, куда выходит среднее окно. На место добирались через дважды девять шаманских остановок. Отдавали в жертву трех-четырехлетнего буро-рыжего быка, имеющего на лбу совершенно белое поперечное пятно, белобрюхого как белка, с пучком белых волос на конце хвоста, с белыми ногами, похожими на четыре березовых кола, со светлыми рогами и копытами. Вот что пели, когда шли в ту страну:

Место, где сочится вниз
Гной и кровь девяти смертей от ран,
Страна, куда спускается с тревожным гулом,
Подобный свисающему вниз
Дыхательному горлу четырехлетнего бычка,

Перевал Хаан дьолуо,
Живущие в этом кроваво-грязном крае,
Подобном брошенным друг против друга
Шкурам рыжих медведей,
Адагалаах Ала буурай господин,
Адагалаах Адылгы Буурай госпожа,
Хаан Анаатыкы парень,
Хаан Хадьыалана девка,
Намазавши кровью из девяти берестяных лукошек,
Положенного вами в кровавую черную зыбку
И раскачивая вниз головой,
Воспитанного вами же парня,
Почему пытаетесь утянуть обратно?
Я прибыл к вам,
Гоня перед собой гурт скота,
Ведя за собой предназначенный вам скот.
Взамен дыхания привел имеющего дыхание,
Вместо солнца привел имеющего солнце.

Такое заклинание, говорят, произносил шаман.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 7, л. 7—8.

142. Спуск к злым духам

В глубокой древности один охотник-эвенк, неся за спиной кремневую винтовку, поднялся на лыжах, подбитых оленьими камусами, на высокую гору, туда, где берут начало речки и ручьи. В том месте он собирался белковать. Это было зимой, в пору самых сильных морозов, когда все вокруг закрывается туманом.

Однажды меткий стрелок охотился с утра до вечера. К наступлению темноты он имел полную ношу добычи. В это время он вдруг увидел, что по одной высокой, накренившейся лиственнице, стремительно носится сверху вниз и обратно рыжая белка. Он выстрелил в нее и сбил. Сперва он постоял, огляделся, не зная, в какое место прибыл, не ведая, каким путем возвращаться домой, так как понял, что вроде заблудился. Затем решил взять свою добычу. Оказалось, что белка упала на крутой склон горы. Поэтому, когда он делал шаг, чтобы взять белку, снег скатывался ниже, и она тоже опускалась вниз. Охотник попробовал притянуть белку к себе палкой для лыж, но не смог. Так он безуспешно пытался догнать свою ускользающую добычу. В один момент он сорвался вниз, не сумев ни за что ухватиться, уронил свое ружье и ношу, и полетел так, что засвистело в ушах. Не успел он опомниться,

как очутился в темной мрачной стране. Небо в ней было по цвету похоже на несварившуюся уху, солнце там не появлялось, все растущее было скореженным. В такую страну он шлепнулся с шумом, какой при падении издает рукавица из телячьей шкуры.

Много ли времени прошло, мало ли, он оправился от испуга и огляделся. Оказывается, лежит на покрытом белой плесенью, кишащем разными белыми червями и гусеницами, стоге сена. Он не мог решить, куда пойти, находился в полном недоумении. В это время прибыл одноглазый, однорукий, одноногий человек, имеющий рот в самой середине лица. Нос у него был длинный, подобный ступе, свисал вниз и раскачивался, когда он перепрыгивал с места на место. На его висках имелись рожки, длиной около одной пяди. Все его тело покрывала шерсть. Он приехал на санях, запряженных бесхвостым, пестрым четырехтравным быком. Одноглазый распряг своего быка, имевшего шерсть, подобную колючкам шиповника, глаза, походившие на медные бляхи. Бык был настолько худ, что выступали все восемь ребер. Он еле-еле переставлял ноги.

Затем однорукий начал перекладывать сено на сани. Хоть и смотрит он в разные стороны огромным, как прорубь для ловли рыбы сачком, гноящимся, красным, как сырое мясо, глазом, но не видит, что на стогу находится человек. Изо всех сил корячась, он стягивает крючком сено со стога, косясь в разные стороны, укладывает сено на сани. Каждый раз он едва не зацеплял крючком охотника, который с трудом уворачивался от него. Нагрузил он сани только наполовину. Затем с видом человека, завершившего дела, никуда не оглядываясь, не утруждая свои девять позвонков, не вертя ни одним из своих спинных суставов, он сел верхом на быка и, громко напевая, отправился обратно. Бык его плелся едва-едва.

Охотник понял, что попал в мир злых духов. Заплакал, запричитал, кто ему поможет, кто его спасет. На беду даже ружье потерял, пропали неведомо куда лыжи, все снаряжение и добыча. Огляделся, осмотрелся, оказалось, что на его счастье сохранился у него нож, который был привязан к его бедру. Он несказанно обрадовался. Подумал, что больше не вернется в мир добрых божеств *айыы*, что, видимо, должен стать злым духом. Поэтому взял, да погнался за парнем *абаасы*, догнал и влез на сани сзади. В это время он думал, что было бы лучше, если бы его съели поскорее.

Человек Нижнего мира подъехал к покосившемуся балагану, из которого время от времени вырывались редкие клубы дыма. Он

вошел в балаган и разделся. А бык так и остался во дворе нераспряженным. Вокруг балагана не было никаких изгородей и построек. Тут находились девять едва живых пестрых скотин. Они бродили, пошатываясь на каждом шагу. Около них ходили, припадая то и дело на колени, девять телят, обросших коростой. Охотник открыл дверь, которая оказалась похожей на занавеску из тряпки, и вошел в балаган. Хозяева не почувствовали его появления. Внутри дома находились девять одноглазых существ. Тут лежал и о чем-то сетовал старик, о чем-то стеная, ходила старуха, там-сям слонялись, пошатываясь из стороны в сторону, работники. Только в темном чулане, запираемом на ключ, сидит, оказывается, красавица дочь. Она понравилась охотнику. Он прожил здесь несколько дней. Обитатели балагана не замечали его присутствия. За это время хозяева ни разу не доваривали свою пищу. Все они пожирали, глотали полусырым, такие имелись у них дурные привычки. Охотник был вынужден тоже есть их недоваренную еду, не умирать же. Хозяева не чувствовали то, что он кушает с ними.

Охотник стал каждую ночь приставать к их дочери. Когда он, молча, пытался погладить ее, она поднимала переполох, начинала кричать и стонать. Тогда они пригласили шамана. Он камлал, но ничем не помог. Потом позвали свою великую шаманку. И она ничего не сделала. Наконец, третьим умолили прийти шамана главного в том крае. Это был поседевший до желтизны старик, проживший более восьмидесяти лет, имя которого всуе не поминали. Он камлал без перерыва в течение девяти дней и ночей. Охотник испугался, подумал, что вот сейчас узнают о его присутствии, поймают и съедят. Он попытался убежать через дверь или через *хотон*, но везде на его пути возникал шаман, который камлал здесь. Наконец, шаман вытащил охотника из-под первой лавки на женской половине. Заставил его признаться, что без спроса ласкал девушку. Затем шаман дунул куда-то вверх, и охотник вдруг оказался в том месте, где когда-то охотился, убил рыжую белку, но не смог ее поднять. Он решил, что родился во второй раз, собрал свои пожитки и пошел в ту сторону, где находилось его зимовье. В пути он не чувствовал голода, однако был весьма слаб, отощал так сильно, что живот подтянуло к позвонкам. Поэтому добрался к своему зимовью с большим трудом.

Все время, которое он пропадал, его товарищи не охотились, искали его повсюду. Охотник поведал им все — где находился, как туда попал, что там с ним случилось.

Поэтому, говорил он, когда попадете в Нижний мир, учиняйте его жителям всякие помехи, тогда они мгновенно возвратят вас обратно на землю.

Со слов Гермогена Давыдовича Григорьева, 67 лет, II Нахарский наслег Мегино-Кангалассского района. Записал М.Г. Наумовский 14 августа 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 30—30 об.

МИФЫ О ПЕРВОПРЕДКАХ, ГЛАВАХ РОДОВ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ

143. Хаан Дьарылык и Эллэй

Говорят, в старину был царь Хаан Дьарылык, у которого Эллэй Боотур со своим отцом, стариком Татаар Тайма, находились в подданстве.

Хаан Дьарылык захотел взять в жены Мать Земли Святую Марию. По красоте ни одна девушка в мире не могла сравниться с ней. «Где она живет, — люди говорили, — [это] знает наверное только Эллэй Боотур».

В верховьях речки Юндюлюн было озеро Юллэр кюель. Там жил Татаар Тайма со своим сыном Эллэй Боотуром. Хаан Дьарылык вызвал к себе Эллэй Боотура, который в кожаной суме захватил своего отца. Хаан Дьарылык обращается к Эллэю и говорит: «Найди мне Мать Земли Святую Марию».

Эллэй берет с собой трехгодичный запас пищи, делает себе корабль для плавания по воде, забирает с собой отца в суме и отправляется вместе с Войсками Хаан Дьарылыка. Плывя по реке, доплыли до подножия горы, доходящей до неба. Посмотрели в воду и увидели отражение женщины, такой красивой, какую никто никогда не видывал. Хаан Дьарылык, говоря: «Это и есть моя суженая, идите и приведите ее скорее!» — приказал своим воинам одному за другим спуститься в воду. Люди как спустились в воду, так и не всплывали и не вытаскивают женщину. Эллэй спрашивает совета у отца, отец говорит ему: «Спуская в воду за отражением женщины, живущей на вершине горы высотой в два *кёс*[1], Хаан утопил почти всех своих людей. Тебе же я даю длинную веревку, ты сделай себе железный багор. Хаан скажет: “Спустись”, тогда скажи ему: “Ты истребил своих людей, спуская их в воду за отражением женщины, живущей наверху этой горы. Не спущусь”

Тогда он прикажет тебе подняться на гору. На это скажи: “Подняться-то поднимусь, но знай, что у меня тоже сердце бьется, а потому женщину, пожалуй, не спущу тебе. Если не хочешь, чтоб я отнял ее у тебя, то сделай себе снаряжение и поднимись сам”».

В это время от войска Хаан Дьарылыка никого не осталось. Обращается Хаан к Эллэю и говорит: «Спустись!» Эллэй отвечает ему, как надоумил отец и делает себе железный багор. Тогда Хаан Дьарылык сам поднимается на гору. Когда он поднялся, действительно, оказалась перед ним прекрасная женщина, она сидела и расчесывала свои волосы. Хаан прибежал к ней и стал обнимать ее. Вдруг зазвенели украшения женского натазника и все исчезло.

Татаар Тайма спрашивает у сына: «Исчезла ли [тень]?» «Да, исчезла», — отвечает сын. «В этой суме есть еда, давай кушать. После еды убежим отсюда».

Достав еду из сумы, стали есть. Во время еды старик рассказывает: «Отсюда на север, в холодной стране, говорят, есть каменная гора, там должна быть река. Туда ты дойдешь, если пойдешь прямо на север, придерживаясь стороны крени (твердый нарост на нижней части ствола лиственницы с северной стороны. — *Н. А.*) деревьев».

Эллэй положил своего отца в суму, взвалил его на спину и отправился. Он нашел верховья реки Лены. По этой реке поплыл вниз. Плывя таким образом, он нашел остров, богатый промыслом. Построили они там балаган и стали жить. Отец советует сыну бросать в реку щепки от дров. И перед смертью Татаар Тайма завещает своему сыну: «Плывя отсюда вниз, найдешь богатого старика с тремя дочерьми. Женись на некрасивой дочери того старика. Меня похорони здесь».

Эллэй поплыл вниз по реке. Однажды он вышел на берег, лег и уснул. Его увидел табунщик Оногой Баая и рассказал об этом старику и старухе. Старик со старухой пошли туда и привели Эллэя к себе домой.

Эллэй работает у Оногой Баая табунщиком. Сила и мощь его необычайны, был он работником умелым и преуспевающим. Много лет работал он у них. Однажды Эллэй, рассердившись, хватая за ноги лошадей, стал бросать их поверх столбовой изгороди. Старуха Оногоя испугалась и просит Эллэя: «Выбери себе из трех моих дочерей одну». Тогда Эллэй выбрал некрасивую дочь. Две дочери с досады не знают, что и делать. Старик со старухой, разочаровавшись в Эллэе, отдали зятю и дочери только одну корову с двухгодовалой телкой и одну кобылицу с жеребенком по второму году.

Эллэй стал жить отдельно. Летом у дома он разводил дымокуры, к которым скапливались кони и рогатый скот Оногоя. Выдаивая тех коров, Эллэй с женой питались молоком. Жена его стала шить [берестяную] посуду и украшать ее волосом. Летом, выдаивая кобыл, собравшихся возле дымокуров, они устраивают большой *ысыах*. На месте *ысыаха* установили *чэчиры* (молодые березки. — *Н. А.*), поставили коновязи, приготовили разные кушанья и заготовили кумыс. На этот *ысыах* пригласили старика со старухой и всех людей и соседей. Оногой Баай со старухой были этим очень обрадованы. И старик сказал: «Оказывается, бывает счастье и у плохого (человека), не обижайте и плохих». На радостях старик со старухой плясали на *ысыахе*. Тогда, говорят, на небе появилось облако, и оттуда упала всклокоченная конская шерсть длиной в три с половиной маховых сажени.

Со слов Данила Лукина, Хагынский наслег Вилюйского района. Записал Д.П. Афанасьев (Токосов) в 1944 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 85—86].

144. *Ысыах* Эллэя

Эллэй построил загоны для скота, хлев и развел дымокур. К его дымокуру стали собираться лошади и рогатый скот Омогона. Выдаивая кобылиц своего тестя, он накопил большой запас кумыса и устроил *ысыах*. К своему празднеству он пригласил Омогона с женой и при этом сказал:

«Настал день поминовения предков и Юрюнг-Айыы и подношения им жертвенной чаши».

Раньше Омогон и его люди не видели такого обряда. Омогон подумал про себя:

«Откуда у него такое обилие пищи, мы как будто не дали скотину, от которой можно было бы что-нибудь выдоить?»

Тем не менее ради любопытства решил пойти посмотреть. Придя на *ысыах*, Омогон увидел кумыс, напиток, раньше ему не знакомый, невиданные прежде сосуды, украшенные резьбой. Поверх кумыса плавало масло.

Эллэй поднял чашу с такой молитвой:

«Господь Юрюнг-Айыы, настал день твоего воспоминания! Я, созданный тобою человек, угощаю тебя через чистый огонь, почитаю тебя через огонь солнца!»

Говоря так, он капал кумыс на огонь. В заключение призывал божье благословение возгласами «Уруй», «Айхал». Тотчас же упало

сверху в его чашу желтое *илгэ*[1] величиной с утиное яйцо. После молитвы Эллэй приступил к распитию кумыса. Когда он вручил своей теще чашу с кумысом, у нее вдруг свело руки и ноги. Омогон с женой промеж себя говорят:

«Мы своим поступком обидели человека, который лучше нас знает истинного Бога, за этот-то грех мы и поплатились!»

Спрашивают они у самого Эллэя, почему случилось это несчастье. Тот им ответил:

«В моей родной стороне, когда поминают Белого Создателя, не должны присутствовать женщины, так как у них бывают дни, когда они нечистые».

Омогон с того момента вручил свое богатство зятю, стал уважать и почитать его. Так-то Эллэй стал человеком, обзавелся хозяйством и сделался отцом большого семейства. После он стал именоваться Эр-Соготох-Эллэй Одинокий муж Эллэй, так как прибыл в наш край один.

Со слов Михаила Тимофеевича Неустроева, 71 года, III Малтанский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в июне 1921 г. [1977, с. 36—37].

145. *Ысыах* Эллэя

Эллэй поставил себе юрту, хлев для жеребят и загоны для лошадей. Развел у себя дымокур, который ранее был неизвестен Омогону. К дымокуру стали собираться все лошади Омогона.

Устроил кумысный праздник *ысыах*. Во время совершения этого обряда неожиданно выпал дождь из появившейся светлой тучи. В тот момент люди будто бы заметили на небесах или на той туче двух всадников в белоснежных одеждах, сидящих на конях беломолочной масти, которые на один миг, нагнувшись, взглянули на празднество. Тогда-то люди и поняли, что Эллэй — человек с высшими духами-покровителями, в своей жизни сопровождаем самими богами. С тех пор и стали жить-поживать.

Со слов Осипа Николаевича Рыкунова, 74 лет, I Мальжегарский улус. Записано Г.В. Ксенофонтовым в январе 1925 г. [1977, с. 4].

146. Тойон-Омогой и белый шаман Аан-Эрэсэр

На юге жили киргизы. Как рассказывают, от них-то и бежал первым в наш Якутский край Омогой. Он привел с собой 20 семей. Жену его звали Аан-Сабыйа. У подножия южной Ытык Хая

(Почтенная гора) он нашел пару годовалых жеребят, самца и самку. Это были дары лошадиного бога (*сылгы айыысыта*, точнее — размножающий, творящий лошадей), так как Омогой родился со счастливым уделом.

Он сам поселился в той местности, где ныне живут якуты Тулагинского наслега Мегинского улуса. Равнину, где теперь стоит город Якутск, он именовал Киэнг Кюбэгэй-Хотун (широкая Кюбэгэй-Госпожа).

Содрав кору с растущих елей, он построил себе жилище, стены снаружи обмазал глиной. Из свежесодранной бересты он сделал себе чашу для пищи. Он дал ей наименование *логурхаананьах.*

Отобрав из 20 семейств самых лучших и энергичных, он отправил на берег реки Лены промышлять рыбу. Они рыбачили, пользуясь плотами. Эти люди у мыса северной Ытык Хая нашли пару годовалых телят, бычка и корову. Это дары счастливому Омогою от Иэйэхсит. От этих двух пар скота у Омогая расплодилось большое стадо.

От Омогоя родились две дочери. Старшую звали Лэкэ-Чангый, младшую Ньыкы-Харах. Первая, некрасивая лицом, воспитывалась в пренебрежении, а вторая, красивая, с любовью и в холе.

Среди соседей Омогоя родился *айыы ойууна* (белый шаман) Аан-Эрэсэр (изначальный Эрэсэр). Это был шаман, который при совершении священной пляски явно доходил до богов, покровительствующих размножению людей и скота.

Старинная рукопись, хранившаяся у якута V Мальжегарского наслега Ивана Петровича Шадрина. Предание записано по-якутски [Ксенофонтов, 1977, с. 53—54].

147. Орхон Болодой и Хара Тюмэн

В глубокую старину, когда якуты (урангхайцы) еще не дошли до Вилюя, с юга самым первым нашел [эту реку] человек по имени Хара Тюмэн. Хара Тюмэн [с товарищем] вдвоем прибыли вниз по реке Вилюй в поисках земли, чтобы присмотреть место для заселения. Прибывший с ним [человек] по имени Болодой Орхон был сновидец, имевший дар провидеть будущее посредством предчувствий и примет, почти как шаман. Они дошли до устья трехруслового Вилюя и остановились на ночевку. Утром, когда они встали, Орхон Болодой рассказал: «Со стороны речки

веет очень теплым воздухом, это означает, что на ней расцветет в будущем богатая и зажиточная жизнь. Здесь размножатся люди и скот и будут жить счастливо. Страна эта, как видно, замкнута и потому следует назвать ее Сыа Бюллюю (Жирный Вилюй, Замкнутый Вилюй)», — так сказал он и уехал, говорят.

С тех пор, как он тогда сказал, Вилюй до сих пор называется Жирный Вилюй, Замкнутый Вилюй и под этим названием воспевается в песнопениях.

Со слов Василия Степановича Дмитриева, 69 лет, Оросунский наслег Верхневилюйского района. Записал С.И. Боло 17 июня 1938 г., местность Куорамыкы [ИПРЯ, ч. 1, с. 87].

148. Волки-бётюнцы с волчьей удачей

В глубокую старину жили отдельным родом несколько родных братьев, которых назвали Бёрё-Бётюнцы[1]. Известны имена [следующих] из них: Масарах, Тиэтэйбит Боотур и его девятилетний сын Тиинг (киис) Сангыйах. Юнгэнэй Мэччиик, Бэрт Хара, сестра их Холлогос и шаманка Тыасааны. Старинное жилье их было в местности Соморсун Арыылаага. В соседстве с ними, на земле теперешних бётюнцев, в аласе Балаганнаах, жили около семидесяти человек, составляя один отдельный род под названием нахарцы[2].

Давно уже бётюнцы нахарцам выдали свою девушку замуж за одного из них. Был, говорят, один человек по имени Бёдёкё, их племянник, родившийся от той девушки. Потому бётюнцы считали нахарцев родственниками по женской линии.

Живя так, однажды нахарцы попросили бётюнцев отдать самую любимую ими (бётюнцами), хорошенькую видом, девушку Холлогос, а также самого любимого мальчика, девятилетнего Тиинг Сангыйаха, видом крепкого и могущего вырасти полным богатырем. Бётюнцы их не отдали. Из-за этого они поссорились и стали враждовать.

И вот однажды, когда самый лучший и сильный из них (бётюнцев) Тиэтэйбит Боотур отсутствовал, нахарцы, вооружившись как воины для боя, прибыли к бётюнцам. Бётюнцы узнали о приезде их и поджидали в одном месте. Впереди нахарцев, держа кверху копье, ехал рысью человек на кроваво-гнедом коне с пятном на лбу, увидев которого, они выстрелили: стрела, пройдя через пятно на лбу коня, одним разом свалила человека, Нахарцы тотчас пошли напролом, бётюнцы не выдержали, побежали, ук-

рылись и заперлись в своем восьмиугольном бревенчатом доме[3]. Нахарцы потребовали: «Ну-те, хотите остаться живыми, то выдайте нам вашего мальчика Тиинг Сангыйаха».

Испуганная мать, думая, что не убьют ребенка, вытолкнула Тиинг Сангыйаха наружу. На него со всех сторон бросились с копьями, но мальчик подпрыгнул вверх, увернулся и, вырвавшись, побежал от них куда глаза глядят. Нахарцы стреляли в мальчика сзади, вонзили в него девять стрел, которые торчали как бахрома. Таким образом, убегая, мальчик-бедняжка трижды обежал вокруг своего родного аласа и упал около своего амбара. Тут его и сделали пищей копьев и пальм[4].

После этого нахарцы подожгли снаружи дом бётюнцев. Когда огонь стал охватывать дом до половины, они свалили на него большое дерево-лиственницу и придавили им. Бётюнцы, не вытерпев жары и задыхаясь от дыма, спрятались в подполье, бывшее внутри дома. Нахарцы заночевали. Они думали, что убили и загубили всех бётюнцев, и совсем не подозревали, что те спрятались в подполье.

На другой день утром нахарцы стали ходить по дереву, сваленному поперек обгорелого дома, и один из них, насмехаясь, злобствуя, стал распевать: «Ох, дорогие наши дяди по матери, что они так быстро умерли, подобно золе развеялись, подобно огню потухли». Один человек из бётюнцев, увидев [это] через щель крыши подполья, выстрелил вверх, и человек замертво свалился в золу. Нахарцы, пораженные этим, поговорив между собой: «Теперь после их смерти их злые духи[5] бегают наяву и захотели похитить людей. Полноте, пусть останется при них волчья удача!» — все перепугались и вернулись.

Вскоре после их [ухода], когда люди выбрались из своего подполья, к ним пришел Тиэтэйбит Боотур. Узнав, что [здесь] были и воевали нахарцы, он огорчился и подосадовал. Тиэтэйбит Боотур собрал своих людей, они снарядились как воины для боя и погнались за нахарцами. Прибыв к месту жительства нахарцев, преследуя их по аласам Сынгаса и Балаганнаах, бились. Большая битва произошла в аласе Балаганнаах. Бётюнцы согнали жителей Сынгаса в алас Балаганнаах и перебили их почти до единого. Уцелевшие при этом, убежав, поднялись к верховьям речки Хотуйа.

Бётюнцы, остановившись на одном месте, заставили камлать свою шаманку, чтобы низвела [сверху] духа кровожадности. И тогда шаманка Тыасааны, заклиная, вселила духа кровожадности

в Тиэтэйбит Боотура. При этом Тиэтэйбит Боотур, ставши одержимым, загоготав, без всякого вооружения, с голыми руками побежал по дороге нахарцев. Бётюнцы пустились вдогонку, настигли его на конях, поймали, накинув аркан и прикрутили его к одной лиственнице. Разве будет путным человек, заставивший вселить в себя духа кровожадности; стал он сильно биться, подобно лошади-жеребцу табуна, и перестал только тогда, когда веревкой протер кору и заболонь лиственницы до самой красной древесины. И вот, много людей, крепко удерживая его стоймя, надели на него панцирь, дали в руки копье и пальму и отпустили, освободив от веревок. Освобожденный Тиэтэйбит Боотур побежал вверх по реке и дошел до местности Харыйалаах, расположенной в верховьях реки, где застиг спавших на ночевке нахарцев, и начал всех с краю убивать и резать.

У нахарцев был, оказывается, один шаман: только он, провидев, сказал: «Здесь невозможно ночевать», — и вместе с детьми и домочадцами, отделившись в сторону от своих людей, ушел в лес, где ночевал, спрятавшись. Его люди посмеялись и остались. Только этого шамана бётюнцы не разыскали, не убили. Сородичи Тиэтэйбит Боотура прибыли к нему только тогда, когда он уже всех людей поубивал и уничтожил. Когда они прибыли, оказалось, их человек носится вокруг озера, разыскивая двух человек, бросившихся в озеро и нырнувших в воду. Кроме того, еще один человек спрятался в приречном кочкарнике. Прибывшие бётюнцы, желая настичь их, стали стрелять до тех пор, пока не выпустили все стрелы, все собрались вместе, разыскали три стрелы и заставили шаманку совершить над ними заклинание. Затем Тиэтэйбит Боотур выстрелил их (стрелы) вверх в середину неба. Стрелы при обратном падении попали в двух лежавших в воде людей и убили их, пробив им головы, лежавшему же в кочкарнике человеку [одна] стрела прорезала подколенные сухожилия, и тот, притаившись, там и остался лежать. Всех остальных дочиста перебив, победив-осилив, бётюнцы вернулись к себе.

От того скрывавшегося и убежавшего шамана размножившиеся люди впоследствии образовали шаманский род нахарцев, а от того человека, которому перерезали подколенные сухожилия, произошел Такырский[6] род нахарцев.

Шаманка Тыасааны, втянув в себя духа кровожадности из Тиэтэйбит Боотура, сделала его таким же человеком, каким он был и прежде.

Так жили в старину бётюнцы, называемые в преданиях «волки-бётюнцы с волчьей удачей». Они стали жить-оседать в местах старинных нахарцев, которые (места) называются теперь Хотуйа юрэгэ, Сынгаса, Балаганнаах, Чапчылган.

В старину бётюнцы составляли пять родов: Масарах, Кэнньэ, Ураанай, Кюеттэм и Чорду. Впоследствии, когда Батурусский улус разделился на три отдельных улуса — Таттинский, Батурусский и Амгинский, — все роды составили три наслега: Бётюн, Ураанай, Кэнньэ. С 1931 года эти три наслега снова объединились в Бётюнский наслег.

Еще приходилось мне видеть на том аласе Сынгаса старинную, покосившуюся коновязь битвы[7] с двумя рожками, наподобие сережек: теперь она, подгнивши, свалилась. Кроме того, в местности, где Тиэтэйбит Боотур учинил побоище в Харыйалахе, что в верховьях Хотуя, после находили много человеческих костей — черепов и берцовых костей, а также стрелы. До недавнего времени находили выше аласа Балаганнаах, вдоль по берегу Амги, сплошь человеческие останки. Старики поминали и сказывали, что именно здесь, в аласе Балаганнаах, некогда было пролито много крови.

Со слов Анны Николаевны Нестеровой-Сутаковой, 74 лет, Бетюнский наслег Амгинского района. Записал С.И. Боло 20 августа 1933 г., местность Балаганнаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 201—203].

149. Потомки Масары[1] — правнуки Тыгына

По возвращении Масары на родину у него от жены-калмычки родился сын Ырыа-Тэнийэ. Вторично он женился на якутке, от нее родились два сына: Баай-Баабыкай и Кюннэт-Кинээс.

Кюннэт-Кинээс имел двух жен, но они долгое время были бездетны. Поэтому он пригласил из Вилюя *айыы ойуна*, не причастного ни к чему нечистому, чтобы совершить моление о даровании детей. Из Намцев пригласили другого шамана небожителей, чтобы при совершении *айыысыт тартарар* (обряда испрошения женских родов) исполнять обязанности *кутуруксута* (помощника главного шамана).

Моление совершали летом до Петрова дня, устроив предварительно праздник кропления кумыса в честь Юрюнг-Айыы. Совершая священнодействие, оба шамана вознеслись к Юрюнг-Айыы.

Вот они добрались до Юрюнг-Айыы. Говорят, ему поют: «Кюннэт-Кинээс, ниспосланный по твоей воле на Среднюю землю, не

имеет детей. Его две жены лишились способности рожать. Он послал нас с просьбой к тебе даровать ему детей».

На это Юрюнг-Айыы ответил (рассказчик добавляет — «шаман говорит за него»):

«Его именитый дед (т.е.Тыгын) мешал размножению хорошего скота, дочиста истребляя его, не давал размножаться родовитым людям, постоянно уничтожая их. Поэтому я живу, не чувствуя к нему (к потомкам его) расположение».

Шаман стал неотступно умолять божество. Наконец оно ответило:

«Ну, пусть будет так: дарую ему сына по имени Айанньыт-Ыстарыан, вторым — именитого Айгаан-Кюрююкю, который родится с назначением благоустроить землю» (дословно — поставить изгороди и построить жеребячьи хлева. Это выражение употребляется в разговоре в смысле управлять, привести в порядок).

Шаманы, обернувшись назад, стали спускаться. В это время задний шаман-намец, чуть приостановившись (как будто к чему-то прислушиваясь), бросил беглый взгляд куда-то в сторону.

Старший, вернувшись на землю:

«Я принес вам души двух детей, имена их должны быть такие-то».

И с этими словами он вдохнул их в темя старшей жены.

Старик Кюннэт Кинээс вопрошает младшего шамана:

«Не узнал ли какие-либо добрые вести, что нам скажешь?»

Тот ответил:

«Я слышал голос живущей внизу Айыысыт, она говорит:

«И я когда-то даровала им избранный, рослый скот, и я давала им плодовитое и знатное потомство. Почему вы ныне обходите меня сзади, как будто я увешана жертвенными шкурами для злых духов. Почему проходите мимо меня спереди, как будто сопку, населенную страшными духами? И теперь ведь не оскудела моя дающая рука!»

На следующий день попросили младшего шамана совершить моление к Айыысыт. Он пришел к богине, умоляет и просит. Айыысыт сказала:

«Я дарую им сына по имени Могой-Сыраан, вслед за ним крепкого и упрямого нравом, наподобие лиственничной крени, Киллээйи-Сабарча, еще сына по имени Хара-Бытык Кётююнэп (Черная Борода Кётююнэп) и, наконец, четвертого по имени Тасыччы-Бэрт (свыше меры лучший, совершенный). Затем, чтобы

он не огорчался тем, что лишился удовольствия прибыть к коновязи иноплеменников (*омук* — иное племя, но обычно это слово употребляется и для обозначения людей иных улусов и дальних наслегов) свадебным гостем, я дам ему двух дочерей. Дарованные мною дети все будут счастливы».

С этими словами богиня дала шаману два камня *сата* (особые камни, якобы находимые во внутренностях разных животных, которые, по понятиям древних якутов, влияют на погоду) с особыми именами — «Кютэрчин» и «Тагыалай» — для прикрытия дороги детей. (Смысл последней фразы не удалось выяснить.) При этом просила положить эти камни на полке боковой матицы юрты и обещала после убрать их сама.

Когда шаман вернулся от богини, на следующий же день выпал снег, образовавший покров толщиной на целую четверть («харыс» — расстояние между концами растянутых большого и среднего пальцев). Под тяжестью этого снега ветви всех деревьев поникли к земле. Через день весь снег расстаял.

Как сказано было шаманами, родились шесть сыновей и две дочери. Сына Айгаан-Кюрюкю, Кюннэт-Кинээс дал своему старшему брату Баай-Баабыкыю для усыновления.

Кииллээйи-Сабарча был любимым сыном отца. Когда он, плача, потягивался, будучи двухлетним, его колыбель, сделанная из лиственничных досок, давала трещины. Кормили его молоком семи коров-стародоек, но и такое количество молока было для него недостаточно. Когда он вырос, из него вышел необычайно сильный человек.

Со слов Василия Козлова, 34 лет, I Малтанский наслег Кангаласского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в июле 1921 г. [1977, с. 74, 76—78].

150. Род, считающий предком дерево с *оруком*

Предок кангаласцев — дерево с *оруком*. Такое дерево считали священным, огораживали и не ломали его.

В старину полагали, что ежели постелить под дерево с *оруком* белую подстилку из конской шкуры, украшенную черной каймой, поставить на ней семь берестяных чаш с *суоратом* (кисло-молочный продукт, похожий на кефир. — *Н. А.*), сдобренным маслом, то на *суорат* упадет паук. Когда такого паука скушает женщина, не имевшая детей, тогда у нее родится ребенок, который не умрет в детстве.

В том случае, если в *суорат* не падал паук, говорили, что данная женщина, очевидно, никогда не будет иметь ребенка. У нас в хадарцах не почитают *орука.*

Записал А.А. Саввин. АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 74 об.

151. Таас Уллунгах

Говорят, был проживавший на западной реке Дыгын Тойон. Он имел много войск и богатства и у тогдашних якутов был главой вроде царя. У Дыгына было очень много воинов. У него был сын, прозванный Таас Уллунгах (досл. Каменная ступня. — *Н. А.*), у которого ступни были из гладкого камня, а бока были сплошь покрыты роговой кожей, из него мог выйти воин-богатырь. «Собирается вырасти человек-воин сильнее меня, не полагается быть человеку сильнее меня»[1], — сказал Дыгын; созвав со всех мест[2] богатырей, он тщетно просит их убить [сына], но ни один не попадается ему, который мог бы убить его сына Таас Уллунгаха. Тогда сам Дыгын ночью, когда сын спал, подкравшись, убил его копьем. Такого нрава был Дыгын Тойон.

Со слов 102-летнего колхозника Бетюнского наслега Амгинского района. Записал С.И. Боло 16 августа 1938 г., местность Молуода [ИПРЯ, ч. 1, с. 127].

152. Парень, покрытый рогом[1]

У Тыгына, кроме сына богатыря Чаллаайы, был еще сын Муос Уол (досл. Роговой парень. — *Н. А.*), весь покрытый роговой оболочкой. У него только под левой под мышкой было непокрытое место величиной в пятачок. Тыгын опасался, оказывается, своего сына, думая, что он, когда вырастет, то станет богатырем сильнее его. Однажды спрашивает у своей старухи: «Знаешь ли непокрытое [рогом] место на теле своего сына?» Старуха, не зная, что задумал старик, рассказала ему.

Однажды Тыгын сидел на краю аласа, заставляя сына Муос Уола искать вшей в своих волосах. Сын, ничего не подозревая, продолжал искать вшей. Называемый отцом ударил пальмой под левую подмышку сына. Несчастный парень переломил древко пальмы и, пробежав три *кёс* от этого места, упал мертвым.

Со слов Данилы Лукина, Хагынский наслег Вилюйского района. Записал Д.П. Афанасьев в 1944 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 126].

153. Смерть быстроногого Каптагая Баатыра

Был, оказывается, у *омуков* (другого народа. — *Н. А.*) лучший из мужей Арбагас Эччэкэй. Чтобы узнать свое превосходство, Каптагай Баатыр с ним состязался в беге, прыжках и стрельбе по цели. Во всем этом они оказывались равными. Поспорив, они спустились на лыжах с переднего голого склона высокой горы Ат Кайа, что находится во II Энгинском наслеге. Тут Каптагай Баатыр, скатившись с горы и перелетев через реку Олдьоо, остановился на вершине противоположной горы. Тунгус же, когда перепрыгнул Олдьоо, на противоположной горе сломал свою лыжу. Тогда якут сказал: «Я победил. Тебе не равняться со мной, оказывается».

Каптагай Баатыр был быстроходным лыжником, не отставал от любого оленя, лося. Однажды он погнался за лосем, которого поднял у Ат Кайа. Он лося никак не смог догнать. Гнался от дневной дойки коров до следующей дойки и, опомнившись, увидел: это был небесный зверь *мэк* с тремя рядами ног на брюхе. Увидев это, он остановился. Он внимательно посмотрел, оказывается, дошел до местности Дулага Алыы по речке Моой Юрэх, что в верховьях Дулгалааха. Расстояние между Ат Кайа и Дулага Алыы пять-шесть *кёс*. И вот возвращается он к себе на родину. Вот каким быстроногим человеком был Каптагай Баатыр.

Говорят, когда Каптагай Баатыр постарел и стал передвигаться с тростью, забавлялся, обучал возле дома маленьких детей стрелять тальниковой стрелой. Стрелы у них были из пестровырезанного тальника. Так забавляясь, один девятилетний мальчик попал ему стрелой в коленную чашечку. От этого он умер. И вот тогда, лежа перед смертью, он сказал, говорят: «Мое смертное дыхание находилось там. Поскольку подошло мое время, этот ребенок, попав туда, убил [меня]. Этот ребенок меня нарочно не убивал».

Со слов Михаила Егоровича Рожина, 65 лет, I Эгинский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 12 февраля 1940 г., местность Асар [ИПРЯ, ч. 2, с. 73—74].

154. Предназначение[1]

Как-то у одной семьи заночевал гость. В семье была женщина, родившая три дня тому назад. Гость не знал, кто у нее родился — мальчик или девочка. Он шел на золотые прииски. На ночь гость устроился на лавку, находящуюся около входа. Когда он еще не спал, около полуночи в дом вошли дети, одетые во все зеленое[2].

Как только вошли, сели за стол и расстелили какие-то бумаги. Тут они заговорили: «Ну давайте запишем девочку, что будем писать? Ну пусть живет она долго, пусть имеет длинный век, пусть она не сможет удавиться, пусть ее не берет и нож. Пусть будет бездетной, но очень похотливой. Тем не менее, пусть на ней женится вот этот человек, что лежит около входа». Записали и ушли. Гость все это услышал и возмутился: «Почему должен я, почти двадцатилетний человек, взять в жены девочку, которой всего три дня. Как это может быть, чтобы ее не брал нож, не одолела веревка? Ну это я проверю», — подумал, и пока спали отец и мать, он вспорол ножом живот ребенка. Затем он ушел из того дома. Вот утром родители обнаружили, что у их ребенка распорот живот, но кишки целы. Они вправили их на место и живот зашили.

Спустя, однако, лет двадцать после того случая, бывший гость возвратился в тот же дом. Он к тому моменту стал очень богатым. Та семья тоже была состоятельной. Здесь он увидел, что у хозяев есть очень красивая, крепкая телом дочь. Она ему понравилась. Хозяева его не узнали, да и он их не признал. Ему очень захотелось сблизиться с девушкой. Он прожил около трех дней. После чего поставил хозяевам вина и обратился к главе семьи: «Вот, старик, если ваша дочь никому не просватана, то хочу попросить ее в жены». Старик сказал: «Э-э, пусть решает она сама, нравишься ли ты ей». Спросили у девушки, она согласилась. Обвенчались. Затем муж ночью начал ласкать свою жену и, когда гладил, обнаружил, что у нее на животе какой-то бугорчатый шрам. Тут он спросил: «Что это такое, дружок, селезенка, что ли выступает?» Она ответила: «Давным-давно, когда мне было три дня, у нас заночевал гость. Вот он-то и распорол мне живот и ушел. Тогда мой живот зашили, и все зажило».

Тот человек очень удивился. Подумал про себя: «Вот, значит, каково предопределение Чынгыс Хаана, предназначение Одун Хаана»[3]. Все же он женился на той девушке. Она была очень распутной. Муж же, считая это предназначенным от божеств, никогда не сердился и не ревновал.

Таким образом, того, кто имеет крепкое предназначение, ничто не может одолеть. Раньше считали, что судьба человека предопределяется сразу же, как только он рождается. Судьбу переменить нельзя.

Со слов шамана Яковлева-Куруппы, Мегино-Кангаласский район. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 536, л. 3—6.

155. Как мастера стали бедными

Жил-был плотник. У него были сын, дочь и жена. Каждый день он плотничал, мучился, говорят, да все равно ему не хватало — постоянно терпел нужду, говорят.

Однажды, когда плотник мастерил, пришел Бог. Он спросил: «Плотник, для чего ты работаешь изо всех сил?»

Плотник ответил:

«Я четверть своего пота выливаю в воду, другую четверть отдаю в долг. Лишь половину мы с женой сами съедаем. Поэтому я живу, еле-еле сводя концы с концами».

Это надо понимать так: «Лью в воду» — значит: съев четвертую часть заработка отца, дочь выходила замуж». «Отдаю в долг» — это вторую четверть ел сын, позже он должен был кормить отца.

Услышав это, Бог сказал:

«Ты, плотник, всю свою жизнь работай только на себя», — и благословил его.

С тех пор плотники перестали богатеть.

Записал Петр Терентьевич Степанов, II Нахарский наслег Кангаласского района, декабрь 1945 г. [ЯС, т. 1, с. 284—285].

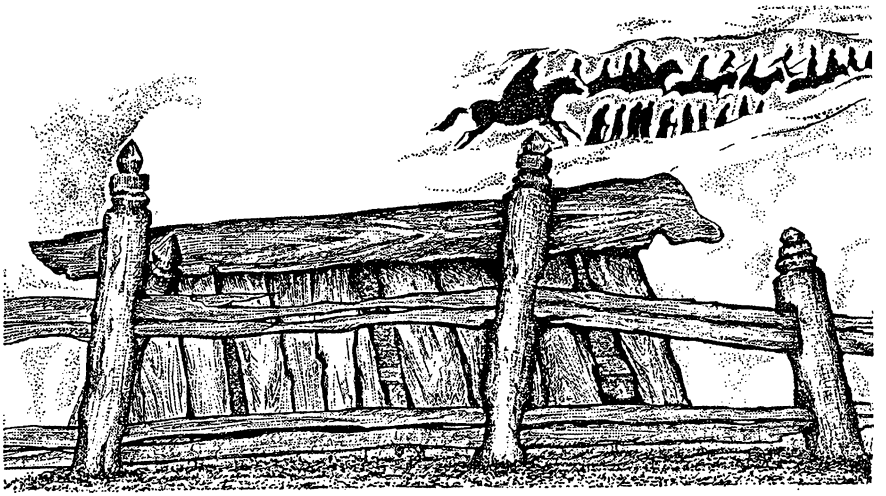
156. Причина долговечности

Старуха, уже выжившая из ума, долго жила при дочери на Отохтуу и наконец уехала к сыновьям на Алдан. Ее долговечность якуты объясняли тем, что ее ждет «своя земля» (*буора тардар*), и при ее отъезде решили, что она скоро умрет.

Записал В.М. Ионов. АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 1—2, л. 67.

157. Посмертная поездка покойника[1]

В древности один охотник отправился на промысел в восточную тайгу. Он весьма удачно провел сезон и возвращался домой. Находясь в пути, он замешкался и припоздал. Стемнело. Поэтому охотник ехал, присматривая место, где бы могли попастись его олени. Едучи так, он вдруг увидел, что к коновязи у заброшенной людьми юрты привязаны десять верховых коней. Окна юрты светились так, что, видимо, внутри был разожжен яркий огонь. В окне



Посмертная поездка души умершего

то и дело мелькали силуэты людей. Путник обрадовался, решил: «Вот здесь переночую», — и остановил своих оленей во дворе юрты. Затем он, повертываясь туда-сюда, оглядел коней и вдруг обнаружил, что среди них спокойненько стоит весь украшенный самой лучшей сбруей конь Юрдюк сиэр, принадлежащий князю его наслега. Охотник подумал, что же это такое, может князь прибыл сюда, провожая купцов? Потом он довольно поспешно влетел в жилище. В нем находились около десятка людей. Они прислонили дрова на обе боковые стороны камелька и разожгли их, на огонь поставили очень большое ведро. Охотник поочередно оглядел присутствующих. Когда он посмотрел в сторону правой лежанки, оказалось, что за столом, на почетном месте, сидит вся принаряженная жена его князя. Путник подошел к ней, произнес: «Здравствуйте», — но она промолчала, даже не повернулась в его сторону.

«Что за нелепица?» — подумал он, присмотрелся к другим людям, находящимся в юрте, оказалось, что и они почти все какие-то тоскливые и расстроенные. Между собой они вели какую-то бестолковую беседу. Слышался только бессмысленный лепет.

Путник стал в тупик. Но в это время вдруг громко, дробно застучали копыта коней, огонь внезапно погас, наступила кро-

мешная мгла, хоть играй в жмурки. Охотник удивился, заволновался, в какое, мол, колдовство он попал. Затем пришел в себя, сам разжег огонь в камельке и переночевал в той юрте. На следующий день он прибыл на место, где жил. Там он узнал, что в ту ночь, когда он был в заброшенной юрте, умерла жена князя. Коня Юрдюк сиэр съели на тризне.

Вот это значит, что живой человек встретился с покойницей: ее духи водили по тем местам, которые она посещала при жизни на земле.

Со слов Г.И. Ильина, 63 лет, I Нахарский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал П.Т. Степанов в ноябре 1941 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 13—13 об.

МИФЫ ШАМАНИЗМА

158. Дерево, на котором рождается шаман

Гнезда, в которых вырастают шаманы, находятся на дереве, стоящем на «Эрбиэн чэгий облаке». Говорят, там имеется очень много гнезд. Говорят, гнезда шаманов, происходящих от божеств *айыы*, расположены в самой верхней части. Это дальний край, находящийся на расстоянии семи трижды девяти остановок[1]. Гнездо шамана от *айыы* располагалось на восточной стороне того облака, гнездо шамана от *абаасы* — на западной. Там взращивают *кут* и *сюр* человека, который должен стать шаманом. На воспитание берут после достижения девяти лет. Гнездо более слабого шамана бывает в нижней части дерева. Его высиживают так же, как яйца, духи *абаасы*, имеющие облик, похожий на птиц: ястреба, орла, сокола, кукушки. Человек имеет три *кут*: мать-*кут*, воздушную *кут*, земляную *кут*. В том же гнезде воспитывается его *сюр-кэб*[2]. Мать-душа находится в теле, в крови человека, она не уходит в место сотворения шаманов. Это гнездо — единственное место, где воспитываются, вырастают шаманы. Его тело рассекают в погибельной воде, текущей в том краю. На воспитание человека отводит дух умершего шамана, который причинил ему сумасшествие.

Гнездо шаманки также находится на том облаке, но поднимается она туда по проходу, идущему через другое облако.

Со слов Дмитрия Софроновича Слепцова, 71 года, II Эгинский наслег Верхоянского района. Записал А.А. Саввин 11 февраля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 224—227.

159. Сотворение шамана *айыы*

Он появился от Элэгий Иэйиэхситэ и Оногой баайа. Он не болеет так долго, как шаман злых духов. Он видит вещие сны, немножко болеет, и у него бывают предчувствия. Летом в месте его обитания должно раздаваться ржание коня. Даже на месте промысла, где нет лошадей, перед рассветом должно раздаваться ржание коня. Это слышат его друзья, охотники.

В один из дней будущий шаман чувствовал себя подавленным, ходил с расстроенным видом. Тогда друг спрашивал: «Что с тобой случилось?» Он отвечал: «Сверху беспокоит звон колокольчиков и бряцание железных привесок к шаманскому костюму, их звуки раздаются в моих ушах. А помыслы мои и разум находятся на семиглавой лиственнице, с девятью ветками».

Вот в то время ему и становится понятно, что значит он предназначен быть шаманом в изначальном Среднем мире. С этого места он отправляется, превратившись в сокола, на поиски своих будущих матери и отца. Вселяется он в темя. Затем рождается в образе ребенка.

Записал А.А. Саввин в Уолбутском наслеге Абыйского района 4 апреля 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 100.

160. Жарение и поедание тела шамана бесами

Шаманское *эттэнии* (рассекание тела) продолжается три дня. Он в это время лежит, лишенный речи. Видит только он сам, как отделяют друг от друга его главные кости (*мюсэ мюсэтин*).

Я слышала рассказ одной шаманки Кюёгэйэр Мотуруона (Матрена). Она рассказывала так: «Сначала отрезали мне голову и положили ее на полку юрты, потом разъединили по костям тело на части. Все изрезанное мясо (рассказчица вместо *эт* употребляет *биорчатын*, по-видимому, воздерживаясь называть вещи своими именами, старозаветные якуты часто прибегают к такому эзоповскому языку в особо важных случаях. — *Г. К.*) нанизали на девять рожнов (то же, что и шампуры. — *Н. А.*) (вслед за этим надо понимать, что мясо на рожнах изжарили, иначе незачем было бы и готовить рожны, но эти вещи рассказчица не договаривает. — *Г. К.*). Затем, собравшись, все съели».

Дальше, по рассказам шаманки, из-под столба коровьего хлева вылез бесенок, который причиняет болезни телятам. Он собрал

все кости шаманки (остатки от трапезы духов) и разложил их на свежую, только что содранную бересту. После этого [снова вернули жизнь телу] и подняли ее.

Кровь (на ложе и одежде) убрала будто бы ее свекровь. При этом она (шаманка) добавила: «Если бы я сама через три дня высушила [окровавленную одежду], то имела бы дар чудодейства (*хомусун* — шаманские фокусы).

Самый лучший шаман должен подвергнуться *эттэнии* три раза. Эта шаманка с семи лет была одержима истерическим пением, а с девяти уже стала шаманить.

Со слов Матрены Егоровой, Качикатский наслег Орджоникидзевского района. Записал Г.В. Ксенофонтов 10 января 1925 г. [1928, с. 23].

161. Шаман Тулуурдаах (Терпеливый)

Когда-то в старину жил шаман Тулуурдаах. Он стал шаманом после того, как его *кут*, или дух-помощник, спустился и прошел воспитание в качестве ребенка в одной семье, обитавшей в Нижнем мире. Та семья взлелеяла, воспитала, взрастила его. Они укрепили его тело, обучили шаманству, затем сказали, ты стал знаменитым шаманом, поднимись в Средний мир, соединись там со своим хозяином, и выпустили наверх. Тот дух-помощник, или же *кут*, поднялся и проник в него, в результате этого Тулуурдаах стал знаменитым шаманом.

Та семья, где он воспитывался, состояла из одной старухи, одной молодой девушки и одного преогромного пороза. Считая этого быка, в семью входили трое, и с духом Тулуурдааха — четверо. Старуха являлась матерью всех знаменитых шаманов земли. Она их всех пестовала, воспитывала, обучала шаманству, взрастила, сделала великими шаманами. Девушка — дочь старухи, была у ней на посылках, во всем помогала, а также добывала пищу. Бык постоянно лежал около дома. Слюной этого быка смазывали, лечили воспитываемых *кут* и *сюр*, или иначе духов-помощников шамана. Шерсть этого быка использовали как подстилку в железной колыбели, в которой лежала *кут* будущего шамана. Из шерсти быка в колыбели делали что-то вроде птичьего гнезда. Воспитывалась в таком гнезде *кут* шамана, который должен был впоследствии стать шаманом, имеющим большую мощь (владеющим духом-помощником в образе быка). Вот в том месте лежала и взращивалась *кут* будущего шамана Тулуурдааха. Она должна была,

когда закончится срок ее воспитания, подняться из этой железной колыбели, прибыть в Средний мир в подсолнечную страну и соединиться с телом Тулуурдааха. Вот тогда он превратится в знаменитого шамана, и путь его с солнечной стороны никто из двуногих не сможет пересечь безнаказанно. Когда он еще лежал на воспитании, уже все видел и понимал. Так, однажды старуха дала поручение девушке: «Эй, девка! Я очень давно ничего не пробовала из имеющего сладкий вкус. Ты отправляйся в Средний мир, найди что-нибудь, имеющее сладкий вкус, и принеси сюда. Уж очень мы изголодались, истощали, надо снова нам подкрепиться!»

«Ну, очень правильно сказала, я тоже очень хочу сладкого попробовать. Пойду сейчас же», — ответила она.

Так девушка ушла, отсутствовала она недолго, вскоре появилась и радостно сказала: «Вот, мамочка! Я поднялась в солнечный мир. Там я зашла к одной богатой, знатной семье. Они, оказывается, имеют дочь, хорошую, необыкновенную женщину. Я ее напугала, от страха у нее отлетела *кут*, которую я тут же поймала одной рукой. По пути мне очень хотелось испробовать ее, но не стала, боясь, что ты будешь меня бранить».

«Ну, дитятко, — сказала старуха, — ты удачно сходила, быстрее давай сюда, сперва я попробую».

Тогда девушка покопалась за пазухой, вытащила какой-то круглый предмет, который был похож на дивный, совершенно прозрачный кусок хрусталя, и отдала старухе. Та взяла тот предмет и облизнула его вокруг. То место, которое она облизывала, где она коснулась языком, сразу почернело. Затем предмет взяла и полизала девушка. Тут то же место, которого она коснулась языком, почернело. Вот так они стали время от времени передавать друг другу тот предмет и лизать его. При каждом их облизывании, предмет становился все чернее.

«Как приятно я насытилась после столь долгой голодовки, как сильно я поправилась от того, что нашлась сладкая пища. Вот это жизнь, мы теперь долго будем питаться этой едой».

Только она начала так благодарить за угощение, как вдруг затряслись восемь столбов их балагана, чуть не рассыпался в разные стороны их потолок, зашатались стены их жилища. Затем послышались три рыка великого шамана. Услышав это, старуха воскликнула:

«О-о! Послышался рык молодца — старшего парня. Ну, девка, видать пришло время кончить нашу трапезу, наше пиршество. Скорей возьми, спрячь эту вкусную еду».

«Мамочка моя! Вот беда, вот погибель! Куда бы спрятать? Скажи быстрее», — отвечала девушка.

«Сунь в ноздри этому быку».

Девушка тут же быстренько засунула в ноздрю быка ту круглую штуку, которая уже больше, чем на половину, стала черной. После этого они расселись с вполне невинным видом.

Тем временем все ближе и ближе слышался гул бубна великого шамана, звон подвесок на его костюме. Он камлал прямо к балагану, открыл дверь и, стоя за нею, стал различными заклинаниями умолять старуху отдать *кут* женщины, которую давеча принесла девушка. Старуха начисто все отрицала, утверждала, что мол мы совсем не забирали *кут* женщины. Тогда шаман стал на колени, прочел заклинание, стал просить: отдай, да отдай. Но старуха снова отперлась начисто. Мы совсем не забирали к себе *кут* той женщины. «Ты нас не трогай, возвращайся туда, откуда явился», — сказала она.

После этого шаман стал просить, заклинать, лежа лицом вниз:

«Матушка моя, светлая, как солнце, важная госпожа, я, превратившись в железного желтоватого пса, проторил старые ее следы, вытропил свежие ее следы, прошел по теплым ее следам. Обнаружив, старуха, что *кут* женщины провалилась вниз по этому вот твоему проходу, я прибыл по имеющей семь примет твоей дороге, имеющей семь разных видов ненастья, прибыл, раскрыв проход твой, закрытый на восемь запоров, проникнув через твой шумный, имеющий девять излучин переход. Я спустился, приняв внушительный вид, оборотившись порозом, прошел всю дорогу к тебе, славно обо всем я упомянул, все грозные слова я произнес, степенно я прошествовал, смягчись, подобно меху отборного соболя; сделайся нежной, как печень налима; осмелься выронить то, что схватила; попробуй вернуть то, что захватила. Редко ведь я тебя умоляю, мои просьбы тебе ведь приходится ждать подолгу. Не заставляй меня обманывать людей, не принуждай впустую скакать по росе, бесцельно ходить по снегу, пересыпать песок в ладонях, зря мутить воду, не делай так, что будто бы я пришел по ошибке. Не заставляй меня стыдиться перед якутами, не делай так, чтобы люди солнечного мира издевались надо мной, не сделай меня объектом насмешек тех, кто поднимается рано; не делай меня предметом разговоров тех, кто поздно ложится спать, мать моя, светлая, как солнце».

«Нет, — сказала старуха, — у меня одно слово: чистая правда, что я не брала; истина то, что ничего не знаю; поди быстрее

прочь, шаман, являющийся братом духам *айыы*. Я перебью твою тонкую, как волосяная нить, аорту трехконечной, четырехгранной пикой! Не показывайся перед моими двумя очами, пусть не слышат тебя оба моих уха, не заклинай над моим теменем, не кланяйся низко перед моей ямкой на шее, уйди прочь немедленно!» — сказала старуха. Шаман вскочил на ноги, впрыгнул во внутрь балагана и потребовал: «Ты не уважила мою просьбу, ты не поддалась на мои уговоры, ты не прислушалась к моим словам, ты пренебрегла моими заветными речами. Если так, то дашь — возьму, не дашь — тоже возьму; я тебе исполосую спину, заставлю тебя саму умолять о пощаде; разожгу огонь на твоем же очаге; переверну твое светлое солнце; свалю на тебя твои же высокие матицы; если даже засунула в воду, то все равно заставлю вытащить; если даже спустила в свой желудок, подобный каменной глыбе, заставлю отрыгнуть. Отдай безо всякого, верни без промедления!»

Как только он это произнес, тут же накрутил на свои руки жесткие, как кустарник, железные волосы старухи, наклонил ее и начал сильно сечь треххвостой нагайкой из железного прута. А старухино тело, оказывается, все же чувствовало боль, она учинила отчаянный крик и вопли. Но все же пыталась отпереться, мол: «Мы не брали, ты нас оклеветал, нам безгрешным приписал грех, нас невинных обвинил, остановись, не секи меня». Шаман не то, чтоб остановиться, а сек ее еще сильнее.

«Ну, постой, внемли! Может вон та девушка знает, спроси у нее», — сказала старуха.

Тогда шаман выпустил из рук старуху, схватил девушку и начал ее сечь. Девушка тоже попыталась отпереться. Шаман, не слушая ее, продолжал сечь, как сек. Девушка тоже не выдержала: «Постой же, погоди! Может знает этот парень, что лежит в колыбели», — сказала.

Шаман подошел к парню, пощупал его, желая высечь, но парень превратился в булыжник. Шаман понял, что не сможет этот камень высечь, да и поговорить с ним не сумеет. Поэтому шаман повторно стал сечь девушку. Спустя какое-то время, девушка не выдержала, сказала:

«Хватит! Не секи меня, вон тот бык, наверное, знает, спроси у него».

Шаман подошел к быку и стал сечь его, но бык не обратил на это даже внимания, продолжал лежать так, будто ничего не происходило. Тогда шаман втолкнул в ноздрю быка свою нагайку

из железного прута. Тут бык громко фыркнул и из его ноздри вылетел крупный, наполовину почерневший предмет (*кут* женщины). Шаман поймал его на лету.

«Погляди-ка вот на это! Ай-да старуха, из дьявольского рода, из племени лукавых, одетая в ровдужное платье, имеющая двуличное лицо, нападающая, жадно облизывающая! Как она обидела род солнечной земли, связанный с Верхним миром поводьями, прикрепленными к заплечью! Смотри-ка, как она загрязнила воздух кут женщины, как расстроила ее материнскую *кут*, как удовольствовалась ее прозрачным салом, как присосалась к ее нежному мясу, как наглоталась ее свежей крови! Утолили они свою жажду, притушили жадность своей глотки, накормили свой желудок, похожий на булыжник, напитали свое все поглощающее бездонное чрево, поели-попили, вдоволь натешили свой язык. А сами пытаются обмануть, не сходя места, отрицать прямо на глазах. Не видят ведь, как это досадно, эх горе мое! Ну же, если впредь, в грядущем будущем, в веках, сменяющих друг друга, вы будете снова отвлекать людей солнечного мира, снова станете похищать родственников существ *айыы*, связанных с ними поводьями, закрепленными за плечами, если будете доводить до такого же состояния, так же будете их мучить, то тогда обижайтесь на себя, а не на меня! Я тогда вас буду расшатывать вместе с вашим домом; заставлю стенать и вас, и ваш очаг; расправлюсь так, что потеряете свой разум; раскидаю, разрушу до тла; превращу в туман и развею», — произнеся эти слова, шаман откамлал обратно. Гул его бубна исчез вдали.

После ухода шамана старуха раздосадовалась и злобно ропща, стала проклинать свою судьбу:

«Вот, посмотри, по указу Дьылга-хаана, по предназначению Улуу тойона, с самых древних времен установлено, что должны появляться знаменитые, великие шаманы, из числа родственных Джесегею айыы племен, имеющих поводья за спиной, из людей, обитающих в разноцветном Среднем мире, имеющем, усыхая, исчезающие воды; упав кончающиеся деревья; травянистый дерн, на котором образуются тропы. Вот почему я забираю после рождения их, обладающие тридцатью разветвлениями, *кут-сюр*. Кладу я их в железную колыбель, которая имеет дужку для раскачивания, выгнутую в обратную сторону, сшита веревками с обратной стороны, сколочена она по велению Одун-хана в тридцати местах горбатой, желобок на дне, предназначенный для стока мочи, сде-

лан кое-как. К этой колыбели привязываю я их волшебной веревкой, сплетенной из волос, состриженных с голов семидесяти диких привидений. А затем, криво-косо раскачивая, вскармливая и растирая слюной быка-дракона смерти, я сотворяла же из них самых могучих, кудлатых шаманов, обладающих бессмертной сутью, с непрерывающимся дыханием, железным телом, непоколебимым скелетом; владеющих семидесятью удивительными уловками, восьмидесятью доводящими до сонного состояния волшебными чарами, девятью десятками видов мгновенного оборотничества. Хотя бы один из них подумал в пору, когда сходятся годы войны, когда находится в ущербе буйный месяц, что вот, наверно, бедная наша матушка, воспитывавшая нас в юные годы, сделавшая нас самостоятельными людьми, изголодалась совсем, истощилась от голодовки, и преподнес бы мне по крайней мере какого-нибудь старика или старуху, у которых приблизился конец их жизни, прожиты уже лучшие годы, утолил бы той самой приманкой страдания, причиняемые моей прожорливостью. Где уж там! Вместо этого, когда только раз в конце года мы нашли имеющее теплое дыхание и мягкое тело и сидели, надеясь испробовать его, прибыл, вынюхав свежие наши следы, разыскав старые наши следы, негодный мой старший сын, которого я воспитывала с большим почетом. Он разодрал мою толстую кожу, пролил мою черную кровь, исполосовал мне спину, растянул безмерно мои уши. Раз так, то пусть в будущие времена, в нарождающиеся дни, пусть прекратится навсегда мой долг воспитывать великих шаманов для имеющих поводья за спиной людей подсолнечного мира; пусть кончится навеки моя обязанность снаряжать шаманов, обладающих духами-помощниками. Пусть будет так, что я зареклась благополучием своего дома, пусть будет так, что я поклялась огнем в своем очаге!»

Она поклялась таким образом, развязала веревку, которой *кут-сюр* шамана Тулуурдааха была привязана к колыбели, взяла его и выдула наверх, в Средний мир. При этом девушка сказала:

«Гляди-ка, этот парень здорово вытерпел было, превратившись в камень. Жаль, отняли у нас вкусную пищу потому, что не дали ее на сохранение этому парню. Ты поднимись к своему хозяину в солнечную страну, проникни в его тело и, когда настанет срок, стань великим шаманом по имени Тулуурдаах (Терпеливый), пусть возвеличится твое почтенное имя, пусть широко разнесется твоя слава!»

Шаман Тулуурдаах после того, как все это поведал, добавил: «Как я рассказал, та старуха сдержала свою клятву и перестала воспитывать великих шаманов, она их больше не выращивает. Поэтому с этой поры в будущем в Среднем мире не будет таких великих шаманов, обладающих столь значительными волшебными чарами. Будут появляться слабые шаманы, изгоняющие мелких бесов, а также будут ложные шаманы, камлающие из-за желания найти пропитание. Я являюсь последним по-настоящему великим шаманом, воспитанным в том изначальном месте рождения шаманов. После меня не будет могучих шаманов».

Со слов Ивана Федорова, 60 лет, Тулагинский наслег Якутского района. Записал А.С. Порядин в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 706, л. 13—28.

162. Становление шаманом сына Сабаатты Ньогоруллы, имя которого не упоминалось всуе

Сын Сабаатты Ньогорулла с девяти лет стал совершенно неистовым *мэнэриком*[1]. В то время отец Ньогоруллы был очень почтенным, состоятельным человеком. Также почтенным, известным всем человеком, был его дядя по отцу. Поэтому отец и дядя Ньогоруллы совсем не хотели, чтобы он становился шаманом, запрещали ему так, что он не смел возразить. И он страдал мэнэряченьем в течение полных двух лет. Иногда из-за того, что не нравилось родственникам, он уходил в темный лес и стенал там громким голосом.

Однажды Ньогорулла прибежал в дом, где жили их скотники. Тут у него начался сильный приступ болезни. Он внезапно упал на пол и стал биться в припадке, то забираясь под лавку у стены, то вылезая. В один миг он превратился в противную и во сне не виданную луо-рыбу[2] смерти, имеющую обратно направленные чешую и плавники, загнивший единственный выпученный глаз размером с чайную чашку, расположенный по середине затылка, смердящий, прогнивший рот. И в этом ужасном виде он продолжал отчаянно биться на полу, но как человек вопил в состоянии мэнэряченья. Он, продолжая биться, сказал скотникам: «Сходите, позовите моих отца и дядю, пусть посмотрят, в каком прекрасном состоянии я лежу и как я мучаюсь». Скотники пришли к хозяевам и сказали: «Что-то случилось с нашим парнем, на него страшно взглянуть. Он зовет вас, просит, чтобы вы посмотрели на него».

Отец и дядя удивились: «Ой, что с ним случилось?» И оба, друг за другом, поспешно вошли в дом скотников. Глянув в сторону своего парня, они стали пятиться назад. Рыба же, продолжая шумно биться о пол, сказала: «Важные мои отец и дядя, посмотрите на мой прекрасный вид, в котором я мучаюсь, лежу. Я переношу страдания, неведомые в солнечном мире. Кровь мою сосут злые духи. Попал я в безмерную беду с мучениями, не слыханными на родной стороне, получил я наказание, не встречающееся в солнечном мире». Произнося это, он стал плакать кровавыми слезами.

«Ох ты, надо же! Это уж слишком, чтобы вот в такие несусветные страдания попадал человек, имеющий мягкое тело, стоящий на двух ногах, только из-за того, что суждено стать шаманом. Ну, бедняжка, мы не знали, что с тобой творятся подобные ужасы. Ну, золотко наше, можешь ли как-нибудь вернуться в свой прежний образ, сможешь ли снова стать якутом-урянхайцем? Если есть возможность стать человеком, попытайся сделаться им. Будь ты шаманом иль кем угодно, только не оставайся в виде такого поганого существа», — сказали отец и дядя.

Парень перестал плакать кровавыми слезами, вопли его стали реже. Увидев это и сказав, что поверили и видно суждено ему действительно стать шаманом, отец и дядя вышли из дома.

С той поры парень стал камлать при небольших болезнях, если приглашали близкие соседи. Несмотря на это, родители пытались скрыть от посторонних то, что их сын стал шаманом, считая, что это опорочит его имя.

Со слов Иннокентия Ивановича Бурнашева, местность Хаарбалаган Мегино-Кангаласского района. Записал П.П. Захаров 18 декабря 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 22—23 об.

163. Старинное повествование о шамане Сабырыкы

Жил, говорят, богач Петр Дагдарыйа, имевший триста голов скота. Жилище его находилось на косогоре, где нынче стоит с. Майя Мегино-Кангаласского района. Дагдарыйа имел много работников, поэтому его скотники жили в отдельной юрте. Вместе с ними жил, говорят, мальчик Федот, которому исполнилось двенадцать лет и шел тринадцатый год. У него каждую ночь случались припадки истерии, он за ночь ни разу не смыкал глаз и никому не давал спокойно выспаться. Замучил он всех, и скотники регулярно жало-

вались на него господину. Рассердился из-за этого Дагдарыйа, сильно избил мальчика. Пригрозил ему — попробуй только еще впасть в истерический припадок. С того дня Федот в течение трех суток бился без перерыва в истерическом припадке. Рассердились тогда еще пуще скотники, стали его избивать, ругать, обижать. Иногда осенью, когда ночи уже холодали, в период межлуния, наступала непроглядная темень, выталкивали его из юрты, заставляя ночевать под открытым небом. Не останавливало это Федота, он всю ночь без перерыва кричал резким, звонким голосом.

Однажды ночью, когда была пора межлуния и в юрте стояла кромешная тьма, все обитатели ее уснули, не спала только одна старушка коровница, так как ее очень беспокоили клопы. Вдруг она услышала, что откуда-то из-под земли доносится гул шаманского бубна. Звук бубна приближался, делался все отчетливее. Старушка перепугалась, ее конечности похолодели, она вся задрожала от страха, никак не могла побороть свой испуг, вскочила с постели и разбудила всех. Те, кто проснулись, стали прислушиваться. Им показалось, что откуда-то из глубин земли, прямо под их домом, поднимается вверх гул бубна. Один из работников побежал донести своим господам. Дагдарыйа испугался, не пришел, только посоветовал положить в очаг побольше дров и разжечь поярче огонь. Сказал, если в доме работников будет совсем светло, то ничто не появится. Парень вернулся назад бегом и, как ему посоветовали, заставил полностью камелек дровами, развел в нем огонь. После этого все забились за печку. На правой стороне остался только мальчик Сабырыкы (прозвище мальчика Федота. — *Н. А.*), продолжавший там спать. Гул бубна стал раздаваться прямо под полом их дома. Все присутствовавшие перепугались так, что ничего не понимали, только неотрывно смотрели в сторону правой половины дома. Когда они находились в таком состоянии, внезапно раздался грохот, похожий на звук выстрела из ружья, по дому расстелился голубой дымок, распространился отвратительный запах, который не мог вытерпеть ничей нос.

Все глянули в сторону огня. Там вертелся вихрем медный *умэгэт*[1], ростом с большой палец человека. Он держал в руке половину бубна и бил по нему половинкой колотушки. При этом он камлал так, что было слышно и понятно людям. Вот, что он, оказывается, говорил: «Вот я прикамлал вверх, пропутешествовал из земли шамана Кюб Хара, источника смерти и несчастий, куда лунный свет добирается в виде свечения опилок из меди, где

солнце видно тусклой бляшкой, равной дырочке серебряного колечка. Прибыл я в качестве верного гонца, надежного вестника, к могучему своему сыну — шаману Сабырыкы, имеющему хвост, подобный убийственной остроге божеств *айыы*. Ну парень, через три дня на основание главной коновязи богача Дагдарыйа упадет кроваво-поющая рукоятка твоего бубна, имеющая семь изображений духов-покровителей, девять волшебных, неистово бряцающих бубенчиков. Ее ты должен принять, поднеся большой калым, пожертвовав имеющего алую, свежую кровь, подарив весомую взятку, уставив стол обильным угощением. Обслуживать стол должны слуги, помогающие ходить, кладущие в рот. Ты обязан произнести при этом соответствующее заклинание, спеть достойный, складный напев. Такой наказ передал тебе ставший твоим главным покровителем шаман земли Елю Кюб, которому ты должен молиться, как божеству».

Затем раздался грохот, подобный выстрелу из ружья. Тут же шаман исчез (*эмэгэт*, который прибыл гонцом. — *Н. А.*). Гул его бубна стал уходить туда, откуда он поднялся.

Про этот случай скотники рассказали утром своему хозяину. Богач Дагдарыйа сказал: «Что за такое безобразие, наверное, обманываете. Не может быть, чтобы по моему уютному, широкому двору, имеющему свою богиню-защитницу, по моему изначальному, древнему пригону, имеющему свою богиню Айыысыт, разгуливали бы те негодяи, не может быть, чтобы высовывались вшивые существа. Невозможно это. Видимо, вам все привиделось. Пойдите все прочь! Проваливайте домой!»

Скотникам стало стыдно, они почувствовали себя неловко и вернулись домой. А Сабырыкы все еще спал. Никто не посмел разбудить его. Он так проспал три дня и три ночи, и проснулся к концу третьих суток в то время, когда только начался рассвет. Он дважды или трижды зевнул, набил камелек полностью дровами и развел огонь. После этого он сел спиной к огню и сидел, сопя громко, как взбешенный бык. Все скотники, когда проснулись, не посмели пройти между мальчиком и очагом[2]. Они все, подобно утке с выводком утят, прошли вереницей за печкой для того, чтобы сходить во двор по нужде. Когда они вернулись, оказалось, что Сабырыкы повернулся лицом к огню. Тут взглянули на него, оказалось, что на самой середине его лба появилось черное родимое пятно размером с пятикопеечную монету, на левой щеке появилось синее родимое пятно размером с пятикопеечную монету. На правой щеке тоже появилось красное родимое пятно разме-

ром с пятикопеечную монету. Вид его стал так ужасен, что было страшно на него взглянуть. Выражение лица стало крайне жестоким, он сидел молча, приоткрыв рот. Увидев это, самые шустрые побежали доносить обо всем господину. Хозяин в это время, оказывается, только поднялся с постели. Они рассказали Петру Дагдарыйа. Он сказал: «Ну, посмотрим, правду ли вы говорили или обманывали. Та вещь, о которой вы рассказывали, должна ведь упасть сегодня утром. Если тот предмет не упадет, берегитесь! Я прекращу ваши ложные рассказы!»

Дагдарыйа поел, вышел на свой двор, стал прохаживаться вокруг него и исподтишка выслеживать, что же будет. Вот в это время с севера подуло ветром, несущим воздух с невыносимым запахом, вызывающим у человека тошноту. Он подумал: «Что за отвратительный запах», посмотрел в сторону севера. И увидел, что летит черный ворон с наполовину белой головой. Подлетел, едва-едва размахивая крыльями, трижды-четырежды облетел вокруг, потом несколько раз очень противно прокаркал. Дагдарыйу бросало то в жар, то в холод, его била противная мелкая дрожь, весь он содрогнулся, его трясло, как осиновый лист, и он стоял, топчась на одном месте. Ворон повернул назад и с шумом полетел обратно. Дагдарыйа направился к себе в дом. В это время загрохотало, подобно тому как в летнюю грозу. И сверху донесся звон рукоятки бубна, неистово бряцающей колокольчиками, затем она упала, гремя, у основания главной коновязи. Увидев это, Дагдарыйа взглянул осторожно издалека. Оказалось, что лежит очень большая рукоятка для бубна. В верхней ее части сделано изображение гагары. На рукоятке имелись несколько новеньких, только что изготовленных, бубенчиков и лика духа-покровителя[3]. Увидев это, Дагдарыйа пошел к мальчику Федоту и посмотрел на него. Оказалось, что глаза мальчика сильно сверкают, он весь побледнел. Тут мальчик сказал: «Грозный богач Дагдарыйа! Уступи мне какого-нибудь запаршивевшего теленка для того, чтобы я смог окропить кровью свои руки, смыть с себя яд, прочитать соответствующее заклинание, притушить свою кровожадность».

Дагдарыйа ответил: «Что ты! Дитятко мое! Разве я пожалею и не дам тебе. Если есть скотина, подходящая по масти, то используй для своего обряда. Кроме того, дитятко мое, к основанию моей главной коновязи упали, видимо, твои принадлежности. Каково будет, если ты пойдешь и поднимешь их?»

Мальчик возразил: «Сам решу, брать их или не брать».

Старик вышел, вид у него был испуганный.

Мальчик, не спеша, отправился во двор. Там он трижды обошел коновязь, преклонил колени, пропел шаманское заклинание и взял рукоятку бубна.

В тот же вечер старик Дагдарыйа натянул на обечайку бубна кожу, выделанную из шкуры скотины, имевшей подходящую масть. Он сделал бубен очень звонким. Мальчик заставил забить в жертву скотину соответствующей масти и «камлал» на север в течение трех дней и ночей и отвел жертву к предку шаманов — шаману Ёлюю Кюб.

В это время заболела жена Дагдарыйи. Он хотел пригласить своего мальчика, но из-за того, что у него еще нет шаманского костюма, привез знаменитого шамана с верховьев Амги. Этот шаман только сел за стол и начал кушать, как в дом бегом ворвался Сабырыкы и спросил: «Это ты, знаменитый шаман с верховьев Амги?» Тот немного пристально поглядел на него и ответил: «Дитятко, где уж там мне прославиться, я просто случайный прохожий». Мальчик ушел в свой дом. Вечером приезжий шаман начал камлание. Мальчик снова влетел в дом бегом, тут же прошел между сидящим шаманом и очагом и подошел к левому углу печки. Здесь он встал, раскинув обе руки, поставив одну ногу на шесток. Шаман, как только увидел это, начал поспешно заклинать мальчика. Но мальчик стал закатывать глаза, взгляд его сделался безумным, потом он начал икать, заскрежетал зубами и, резко взвизгнув, стукнул пятками о пол. Тут же шаман весь резко выпрямился, из его рта полилась кровь, и он скоропостижно скончался. Хозяин дома испугался и ничем не упрекнул своего мальчика. Сабырыкы выпросил у него шаманский костюм умершего. Дагдарыйа приказал покойника отвезти домой, послав его родственникам разные подарки.

После этого, по истечении двух лет, шаман Сабырыкы навьючил на верхового коня свой бубен и костюм для камлания и поехал в верховья Амги искать сильных шаманов для того, чтобы посостязаться с ними. Ездил он в том краю, изредка камлал в некоторых семьях. Вот так он прибыл в одно место и остановился на ночевку у тех, кто там жил. Семья эта оказалась достаточно многочисленной, но никто не узнал Федота. Они спросили: «Дитятко, с какой целью ты ездишь?» Он ответил: «Езжу, чтобы прокормиться своим трудом». Перед входом в дом он снял с вьюка свой бубен и костюм и припрятал. После того как все поужинали, женщины, дети и мужчины начали надевать верхнюю одежду. Федот спросил: «Куда это вы идете?» Они ответили:

«Ээ, недалеко отсюда будет камлать наша бабушка, имя которой нельзя упоминать всуе. Туда собрались». Федот: «Не оставляйте меня одного, надо пойти посмотреть на эту знаменитую шаманку». Хозяева дома сказали: «Не говори безрассудно, дитятко». Федот сказал: «Вы больно много преувеличиваете, может ли быть, чтобы она услышала из такой дали. А если и услышит, то пусть, что она сделает мне, совсем одинокому человеку». «Оставь, оставь, дитятко, не говори столь безрассудно». После этого те, кто оделся, ушли.

Они пришли и вошли в очень огромный бревенчатый дом, где жила одна богатая семья. Дом полностью был забит людьми. Федот пришел в дом и встал около входа. Все, кто пришел, сели за стол и начала кушать. Его знакомые тоже. Никто его не стал приглашать, он так и остался стоять у двери. Там он увидел, что на почетном месте сидит, угощаясь, выпивая водку, одна совершенно седая старуха, имеющая горящие огнем глаза.

Люди все закончили есть, стали выходить во двор и возвращаться. Федот тоже сходил во двор. Шаманка медленно стала готовиться к камланию. Федот, будучи во дворе, повернул в обратную сторону изображения духов-помощников шаманки[4], представлявшие собой деревянные силуэты разных птиц и зверей. Шаманка, как только села камлать, сразу сказала: «Посмотри-ка, какой это бестолковый повернул в обратную сторону моих зверей и птиц. Выйдите быстрее и поправьте их», — и заставила повернуть птиц в нужную сторону.

Только шаманка начала произносить заклинания, как Федот вскочил и попытался пройти перед шаманкой к огню. Но люди поймали его и сильно отругали, мол, какой негодник, что посмел пройти перед самой старухой. Мальчик вернулся назад, ворча: «Ну и ну, из-за того, что у вас есть старуха, мне нельзя, оказывается, даже покурить».

Как только он сел, шаманка провела ворожбу, узнала мальчика, начала причитать, досадовать, злобно роптать. «Ну ничтожная тварь, оказывается, шаман. Начну искать твои свежие следы, тропить твои стылые следы». Она стала подниматься со своей подстилки, а мальчик Федот схватил свою шапку и рукавицы, выскочил во двор и помчался к дому, где остановился на ночлег. Придя к этому дому, он внес свою переметную суму в дом, достал из нее шаманский костюм, бубен и начал его сушить. Хозяева, старик и старуха, очень удивились: «Ой, что с тобой случилось, что ты натворил, дитятко?» — спросили они.

Мальчик Федот: «Совсем замолчите, даже не пискните, поскорее закройте окна и двери, все имеющиеся в доме щели. Настало время, когда будут слетать с крепи солнце и луна[5], когда будут срываться с привязи колокольчики шаманского костюма. Если оставите хоть одно отверстие, равное игольному ушку, то берегитесь, так как по своей вине попадете в беду».

Несчастные хозяева поспешно заткнули все щели. Немного погодя, с шумом примчался самый громадный черный вихрь, несколько раз прозвучал резко медвежий рык[6]. Услышав это, мальчик быстро надел свой шаманский костюм и начал бить в бубен. Тем, кто находился внутри дома, слышалось, что два медведя, страшно ревя, резко визжа, стали удаляться в северную сторону. Там началась ужасная пурга. Из двух домов никто не смел выходить, все сидели взаперти. Только через три дня, когда почти полностью рассвело, перед самым восходом солнца, шаманка Хаас атах (Гусиная лапа) резко вскрикнула, упала лицом вниз. У нее пошла через рот и нос кровь, и она скончалась. Мальчик Федот остановился только после того, как умерла старуха. Он успокоился, отдохнул одну ночь в том доме и поехал дальше вверх по реке. Он там собрал за разные камлания много денег и продуктов. Затем вернулся домой.

Позже, по рассказам людей, когда Федот состарился, он мог прогнать облака, если не вовремя собирался дождь. Он брал красную талину и бил накрест по облаку, тогда оно, разделившись на четыре части, разлеталось в разные стороны, и дождь не шел. Если наступала слишком сильная засуха, то он, крича, как гагара, совал голову до шеи в воду, а затем тряс ею в разные стороны. Тогда на небе стремительно появлялось отдельное облако и дождь лил, как из ведра[7], так рассказывали.

С той поры он жил, слывя знаменитым шаманом, чье имя нельзя упоминать всуе.

Записал со слов стариков П.П. Захаров, Догдонский наслег Мегино-Кангаласского района, 7—12 декабря 1940 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 13—19 об.

164. Шаман Аадьа

I

Лет семьдесят тому назад жил, говорят, знаменитый шаман и кузнец Аадьа. Он был шаманом весьма преклонного возраста, но за всю свою жизнь камлал десять раз.

В ту пору жил богач Павел Мордовской. Аадьа в юности воспитывался у него. Тогда он мэнэрячил, подражал шаманским напевам. За это Павел велел его высечь, приговаривая: «Будешь ли еще мэнэрячить, будешь ли снова камлать?» Когда секли, парень плакал кровавыми слезами. Но все же не соглашался с ним, а на пол рассыпалась блестящая рыбья чешуя. Тут-то Павел остановил наказание, считая, что Аадьа, оказывается, — злой дух.

Вечером следующего дня оказалось, что на поле лежат мертвыми жеребец и его пятнадцать кобыл, принадлежавшие Мордовскому. С того времени перестали трогать парня. Принимали его за злого духа.

II

Вон в той восточной деревне, за Куочаем, жил Николай Михайлович Габышев (его звали Ньукууска). У него сошли с ума, стали мэнэрячить все члены его семьи и работники. Поэтому вызвали шамана Аадьа. Попросили его прочесть шаманское заклинание.

«Ну, детки, прибыл к вам человек с чужой стороны, поселился у вас и причиняет вред. Его удастся спровадить, если поднести ему угощение».

После камлания Аадьа сказал: «Сюда прибыла, став привидением, удавившаяся в прошлом старшая сестра Алексея из Иттиканского наслега Хочинского улуса. Она удовлетворила мою просьбу, через столько-то дней поправитесь».

По его просьбе все поправились[1].

Записал со слов жителей Сюльского наслега Нюрбинского района Н.А. Алексеев 28 октября 1962 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 571, л. 29—29 об.

165. Шаман Дойомпо

У шамана Дойомпо [крещенное] имя было Гаврил, в детские годы имел прозвище Быккы. Он родился в этом Олбинском наслеге в бедной, захудалой семье. Когда ему было около десяти лет, он каждый вечер заходил в *хотон* и исчезал там. Тогда родители искали своего сына, зажигая лучинку, но не находили его, говорят. Он чудил в этом духе в течение нескольких лет. Потом, когда вырос и стал шаманом, получил призвание с Верхнего мира, поэтому имел назначенные ему сверху две собаки — *абаасы*[1]. Когда он после своего камлания — шаманства — считал полученное вознаграждение недостаточным, то, выходя из дома, падал и са-

дился на пол, тогда, говорят, в тот же день умирал один из лучших людей (этой семьи. — *Н. А.*) или пропадала лучшая скотина.

Говорят, каждый год Дойомпо рожал вечером девятого дня января месяца[2]. Когда выходил рожать, то брал с собой свою шубу из шкуры жеребенка и бубен, а на ноги надевал только теплые чулки (*кээнчэ*). Место, где рожал, — это в Олбинском наслеге, на северном летнике расположен холм. Этот холм на самой вершине имеет маленькое озерцо: шаман, поднявшись туда, там и рожал. Он рожал через пуп, говорят. Рожал он через пуп рыбу-щуку. Когда она рождалась, то выпускал ее в озеро, что на вершине холма, говорят. Во что превращалась рыба, выпущенная в озеро, неизвестно. После родов, длившихся всю ночь, утром к рассвету приходил домой, говорят.

Шаман Дойомпо имел трех детей: одну девочку по имени Варвара и двух сыновей, говорят, одного из них звали Андреем, второго звали Матвеем. Имел он одного парня *кутуруксута*[3] по имени Кирилла, которого все время возил с собой. Каждый раз, когда он ехал камлать, этот парень следовал за ним.

Когда жители его кормили плохо, опять же он губил-пожирал [людей]. Если он, подговорив своего парня Кириллу, заставлял сказать его: «Сырое мясо поедим», — то у этих хозяев пропадала одна лучшая скотина, говорят. Хозяев, которые его угощали досыта хорошей пищей, перед уходом Дойомпо всячески благословлял, говорят. Иногда просто заходил к людям в дом и говорил: «Ну, отдайте то, что предназначили для меня». Тогда женщины и старухи давали ему по целому ведру сливок и по две меры масла, говорят. Тогда он уходил обрадованный. Он обязательно приходил к человеку, приехавшему из города. Он радовался, когда его хорошо угощали вином, а человеку, который поил его мало водкой, он строил свои козни.

Вот однажды старик Иннокентий приехал из города. Когда пришел к нему Дойомпо, он подал ему одну чашку водки. Когда, выпив это, шаман попросил опять, Иннокентий сказал: «Водки у меня нет». За это на другой день прибыл он, оборотившись в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери. От этого ребенок заболел, [болезнь] зашла в нее через голову. Иннокентий отправился к Дойомпо. Дойомпо отказался, сказав: «Не справлюсь». Тогда Иннокентий пошел к приемному отцу своей дочери Матвею и сказал: «Дитя мое сильно заболело, сходил к Дойомпо и попросил помочь, он отказался». Тогда Матвей прямо ночью

пошел к Дойомпо. Постучался, зашел туда и говорит: «Старик, ребенок сильно заболел: иди попытайся совершить заклинание». На это шаман, сказав: «Мне не справиться», — опять отказался. Тогда Матвей сказал: «Хочешь или не хочешь, все равно поведу тебя с собой. Или я растопчу и брошу в огонь твою шаманскую одежду и бубен, или поедем со мной». Испугавшись этого, Дойомпо пошел с ним. Когда они пришли, больная девочка громко вскрикнула: «На глаза мои не показывайте Дойомпо!» Поэтому его повели в другой, соседний дом и заставили камлать там. Начав камлать, шаман сказав: «Дух не поддался мне», — перестал и вернулся домой. В ту же ночь ребенок умер.

Однажды он отчего-то поссорился с богачом Гаврилом. Этот Гаврил, повалив шамана, стал его, лежащего, бить по лицу, чтобы из носа потекла кровь, но из этого ничего не вышло. Шаман с угрозами ушел восвояси. После этого в течение трех лет он пытался погубить (съесть) этого богача, но не смог. Говорят, *кут* богача убегал от него в дом солнца. Когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз. Тогда Дойомпо сказал, говорят: «Этот богач Гаврила, оказывается, человек с совершенной судьбою, с прочным предопределением». Но все-таки единственную дочь богача Гаврила, говорят, съел шаман, преследуя ее три года.

После этого священник Мальцев привел шамана в церковь и, говоря: «Отныне перестань шаманить!» — заставлял класть поклоны. Рассердившись, Дойомпо долго искал *кут* священника, чтобы съесть, но не нашел. Позже, увидев большую ель, растущую у начала большой дороги, шаман сказал: «Вдруг в этой ели окажется его *кут*?» И, превратившись в гром, разбил эту ель вдребезги. От этого священник, говорят, мгновенно упал мертвый.

После этого один богатый человек по имени Яков Баттаайа жил на Ытык Келе в *урасе*. Говорят, что этот Баттаайа не особенно-то считался с шаманами, не кормил, не угощал их, не давал им важничать у себя. Озлобленный Дойомпо захотел погубить этого богача, но никак не мог подступить к нему. Однажды спустился молочно-белый, густой туман. Все люди находились возле *урасы* на дворе и занимались кто чем. Они услышали, что с западной стороны сквозь туман с ревом пробирается бык. *Абаасы* Дойомпо пришел, оборотившись в быка, поднял *урасу* одним рогом и опрокинул ее. После этого, сразу же превратившись в вихрь, поднял *урасу* в воздух и унес с собой. На месте остались лишь три медных

иконы и семь ведер сливок, висевшие над очагом. Всю остальную домашнюю утварь и добро богача раскидало на левом берегу Татты то там, то тут. Так он выместил свою злобу на богаче Баттаайа, говорят.

Позже, когда Дойомпо состарился и одряхлел, люди наслега решили перевести его из Олбы на север и поселить около местности Аччай Унгуога. Пришли к нему и сказали: «Князец твой Амос Слепцов велел передать, что тебе следует переехать на север и там оставить свои кости. Мы пришли все равно увезти тебя туда, хочешь ты этого или не хочешь. Итак, скажи свое слово!» На это Дойомпо отвечал: «А что же мне остается делать, разве я ровня, чтобы перечить ему, поеду. Когда-нибудь и князец Амос Слепцов состарится и одряхлеет, как я. Да пусть тогда он терпит муки, как я терплю» — так проклял его и поехал.

Дойомпо, переехав туда, лежал при смерти, близка была его кончина. У него была очень толстая трость, с которой он не расставался всю свою жизнь. На конце трости было изображение *ёксёкю*[4], пониже которого были повязки из красной тряпки и конских волос. Однажды вечером он приставил эту трость к своей постели со стороны огня. А в ту ночь раздался гром-треск раскалываемого камня. Когда люди встали и посмотрели: та самая трость разломалась по самой середине, а сам Дойомпо уже умер. Его похоронили в местности Аччай Унгуога.

Дойомпо умер 80—90 лет от роду. Это было примерно 70 лет тому назад.

Со слов Гаврилы Иннокентьевича Егорова, 90 лет, Олбинский наслег Таттинского района. Записал В.Н. Дмитриев 4 апреля 1941 г., с. Олба [ИПРЯ, ч. 2, с. 260—262].

166. Дерево для бубна

Бубен шамана делается из дерева, которое было предназначено ему. Оно имело несколько ветвей. Только сам шаман знает, которая из них предназначена для бубна.

Это дерево не должно засохнуть до конца жизни шамана. Поэтому на ветви, которая предназначена шаману, делали в двух местах зарубки, потом осторожно отщепляли клином кусок, достаточный для изготовления обечайки бубна.

Со слов Никиты Алексеевича Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский район. Записал Н.А. Алексеев 3 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 45.

167. Омогой Баай и Эллэй Боотур[1]

На юге, в стране бурят, жил человек по имени Омогой Баай. Один местный шаман, камлавший у Омогой Баая, оборотился в птицу-лебедя, полетел вниз по трехрусловой[2] Лене-реке до устья Вилюя, потом, провидев[3], рассказал: «Там, где расширяется Лена-река, находятся две горы Ытык Хая[4]. Южная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения лошадей, а Северная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения рогатого скота. Немного ниже Ытык Хая выросли три прекрасные ели. Там стоят старик со старухой и приветствуют [всех] словами: "Мы — духи-*иэйэхситы*[5] этой страны, мы кормим и одариваем каждого приходящего" Если поедешь ты в эту страну, видимую мною [говорит шаман Омогою], то найдешь там счастье и благополучие, и впоследствии размножится и распространится твое потомство».

Приняв этот совет, Омогой Баай со своей женой, с двумя дочерьми и десятком парней-домочадцев[6] снялся со своего местожительства и пустился в далекий путь. Каким-то образом, попав по ошибке к верховьям Вилюя, спустился по нему на плоту вниз по течению. Приплыв к устью Вилюя, сделал остановку. Омогой Баай затем один, верхом на бревне, переправился через Лену и, поднявшись на высокую гору, сопку, говорят, пригляделся к очертаниям [раскинувшейся перед ним] страны и сказал: «Почему-то с северной стороны заметно веют холодные ветры, по-видимому, здесь страна, лишенная счастья, в которой люди и скот не могут размножаться. Только с Юга отдает горячим, теплым воздухом, наверно, там находится благодатная страна». Поэтому они потянули свой плот бечевой вверх по Лене и пришли на нынешнюю Кильдемскую равнину.

Действительно, как было сказано бурятским шаманом, наяву и взаправду *иэйэхситы* и *айыысыты*[7] в образе старика со старухой стояли и приветствовали [их] у трех елей. Омогой и его люди остановились здесь и установили берестяную урасу[8]. На другой день отправились к Северной Ытык Хая и нашли там пеструю, как шмель, трехлетнюю стельную корову и привели ее. На следующий день пришли к Южной Ытык Хая, разыскали три ели и оттуда, с левого склона горы, привели четырехлетнюю темногривую, темнохвостую жеребую кобылу. Здесь они и остановились на постоянное жительство, стали заниматься охотой, добывали диких оленей, лисиц, развели скот и зажили как постоянные жители.

Через три года, в период наибольшего изобилия молочных продуктов[9], парни Омогоя однажды заметили, что с водой второго [летнего] половодья с верховьев реки проплывают мимо птичьи перья, звериная шерсть и щепки[10]. Об этом сообщили Омогою. Он приказал: «Проследите!» Тогда двое парней, Ниргитэр и Доргутар, пошли до самой Южной Ытык Хая. Когда они пришли туда, там сидел совершенно голый человек. Увидев его, парни стали подкрадываться, но тот заметил их и стал разговаривать с ними, как знакомый:

«Вы — парни Омогоя? Спустя полгода после того, как вы отправились, я последовал за вами и прибыл [сюда] через два с половиной года». Еще он назвал себя: «Эллэй Боотур». Они разговорились, познакомились и все вместе пришли к Омогою. Эллэй поселился у Омогоя, в течение трех лет жил у него парнем-работником (домочадцем). Он был могучего телосложения, сильный, выполнял работу за трех человек и заслужил похвалу от Омогоя.

У Омогоя были две взрослые незамужние дочери: старшая Дэкэй Дэпсэ[11], младшая Ньыкы Даххан[12]. У обеих все больше росло желание стать женой Эллэя.

Однажды утром жена Омогоя, поднося Эллэю кумыс в *чороне*[13], обратилась к нему с просьбой: «Одну, лучшую из наших дочерей бери себе в жены, положи начало роду, размножай скот. Мы для тебя предназначаем Ньыкы Даххан».

Эллэй выпил кумыс, поданный ему старухой, но ничего не ответил, только молча выслушал. Он промышляет-охотится, и добыча его отменно велика, и в работе он хорош. Обе девушки ходили по своим надобностям обычно на запад. Во время работы Эллэй тайком, спрятавшись, наблюдал за ними и заметил, что у нелюбимой дочери Дэкэй Дэпси моча белой пеной вспучивалась наподобие горшка, а у младшей избалованной дочери Ньыкы Даххан впитывалась в землю быстро, без пены, как вода. Заметив это, Эллэй рассудил: «Старшая дочь будет иметь детей, оставит потомство, а у младшей не будет потомства и недолго она проживет»[14].

Однажды Омогой Баай позвал Эллэя к себе и спросил: «Ну, как ты надумал, кого из наших детей возьмешь себе в жены и станешь основателем рода, потомства?» Эллэй ответил: «Возьму вашу нелюбимую, худшую вашу дочь Дэкэй Дэпсэ». Не понравилось Омогою Бааю, что Эллэй берет нелюбимую дочь, и он в отместку за это выделил им из своего богатства лишь одну безрогую, бесхвостую рыжую корову[15], сказав при этом: «Уходите поскорее, не показывайтесь на глаза, устраивайтесь там, где вы

задумаете, как отдельно растущий лес»[16]. С этими словами и проклятиями прогнал их.

Эллэй с женой поселились на широкой Иэнэйской равнине у нынешнего озера Сахсары[17], поставили *урасу*, натянули веревку для жеребят — *сэлэ*, развели дымокур и стали жить самостоятельно. Изготовили посуду для кобыльего молока, стали доить кобыл и приготовлять кумыс.

Спустя много лет стали они жить в богатстве-довольстве, обзавелись детьми-потомством. В одно лето, накопив кумыса, устроили *ысыах*, называемый «жеребячий кумыс»[18], пригласили своих родственников, омогойских. На приглашение явились только старуха с парнями-домочадцами. Омогой со своей избалованной дочерью не пришел.

На *ысыахе* Эллэй, высоко подняв украшенный конской гривой *чорон*, встал на одно колено и произнес заклинание. Он заклинал вышние божества — *айыы* и духа-хозяйку земли поименно, вознося им *чорон* с кумысом, потчевал-угощал их. [В ответ] на это из глубины восточного неба выплыл пучок волос из конского хвоста и пролетел по направлению движения солнца. Вдруг в середине *ысыаха* прибежала работница Омогоя и сообщила: «Любимая дочь Ньыкы Даххан волочится по земле, привязавшись недоуздком жеребенка к хвосту кобылы. Пойдемте скорее!» Все собравшиеся пошли и увидели, что Ньыкы Даххан умерла, привязавшись недоуздком к кобыле и заставив волочить себя. Когда пришли люди, она была уже мертва.

С тех пор Эллэй разбогател, потомство его размножилось, он стал предком людей, прародителем якутов. Говорят, что нынешние пять якутских улусов: Кангаласский, Мегинский, Ботурусский, Борогонский и Намский произошли от потомков Эллэй Боотура.

Со слов Николая Саввича Оконешникова, 40 лет, I Нерюктейский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал С.И. Боло 15 июля 1933 г., местность Улуу-Сысыы [ИПРЯ, ч. 1, с. 57—59].

168. Оногой Баай и Хара Тюмэн

В глубокой древности в эту страну якутов, ранее населенную тунгусами, прибыл, убежав с юга из племени монголов, Оногой Баай с двумя сыновьями, двумя дочерьми, женой и челядью своей и остановился жить в местности Саргылаах Сахсары. Его богатство состояло из табунов лошадей и рогатого скота. В те времена, когда он жил, посуда была только деревянная и из бересты,

одежда из лосиной и оленьей ровдуги, из конской и коровьей шкуры, лук с изгибами, стрелы с костяными и железными наконечниками. Люди тогда не знали, что такое косить сено, строить изгороди и стойла для лошадей, разводить дымокур, устраивать *ысыах*, ставить священный *багах*, делать *тюсюлгэ*. В ту пору питались исключительно кобыльим и коровьим молоком, дичью и рыбой.

Когда Оногой, прибывши на Лену, жил в богатстве и довольстве, с юга из земли племени бурят прибыл человек по имени Хара Тюмэн с двумя людьми осматривать земли в поисках страны, где можно было бы поселиться. Он прибыл прямиком на верховья Вилюя и, принюхиваясь к лесам и болотам Вилюя, назвал реку «Бесценный, пахнущий жиром, Жирный Вилюй, Глухой Вилюй». Он поплыл вниз и через тройное устье Вилюя попал на Лену, там он, плывя вверх по ней, принюхиваясь, остановился и подумал, что в такой прекрасной приречной долине кто-нибудь да должен жить, и нашел у госпожи бабушки Саргылаах Сахсары Оногой Баая. Они заехали к нему и воспользовались его гостеприимством. Хара Тюмэн у Оногой Баая угощается, отдыхает. При этом за едой Хара Тюмэн испустил [неприличный] звук. От этого он сильно застыдился. Когда они поехали дальше, приблизились к своей стране, два спутника Хара Тюмэна подумали: «Наш *тойон*, должно быть, устыдился, испустив [неприличный] звук, со стыда он нас убьет» — и, посоветовавшись, убили его. После того как они, убив его, приехали в свою страну, великие шаманы племени бурят провидением своим узнали, что они преднамеренно убили Хара Тюмэна, пожаловались своему великому *тойону* и добились того, чтобы он наказал этих двух человек.

Та местность, где убили Хара Тюмэна, находится на Лене, на два яма выше нынешнего города Олекминска. Рассказывали, бывало, в преданиях, что тот ям называется Хара Тюмэн.

Со слов Федора Николаевича Тимофеева, 78 лет, Оросунский наслег Верхневилюйского района. Записал С.И. Боло 10 июля 1938 г. [ИПРЯ, ч. 1, с. 88—89].

169. Шаманка Бордуолаах

В глубокой древности, когда люди жили по-якутски, оставив свои места, прибыла в эти места шаманка по имени Бордуолаах[1]. Рассказывали, что шаманка, живя на родине, шаманским виде-

нием увидела утесы и горы речки Тарынг Юрэх и, сказав, что мне подходяще будет жить там, приехала сюда. Говорят, она имела старого мужа. Имя его неизвестно.

Когда в пути старик от голода отощал и ослаб, шаманка Бордуолаах ухитрялась кормить его *кебюер*[2], приготовленной из снега, и, таща его на салазках, продолжала путь. Прибыв сюда, она осталась жить в местности, ныне называемой Терют. Живя там, дала потомство, от которого образовался нынешний Тарынг-Юряхский наслег. Насколько известно, от нее произошли нынешние Кривошапкины. По рассказам, от шаманки Бордуолаах родился Онтойор, от Онтойора — Иосиф, от него — известный богач Николай Кривошапкин, который умер, дожив до ста лет. Их было три брата, одного звали Иваном, а другого — Афанасием. От Ивана родился Николай, от Николая — Максим, от него ныне есть маленький ребенок. Таким образом, от шаманки Бордуолаах пошло седьмое поколение.

Шаманка, когда сердилась на мужа, выходила, говорят, ложилась около коновязи, превратившись в медведя, и рычала. И только тогда принимала человеческий вид, когда старик выходил, гладил ее по затылку и, уговаривая, вводил ее в дом.

Говорили-судачили [люди]: «Э, да вы страдаете потому, что имеете такую страшную прародительницу (досл.: подвержены ее грызению)»[3]. Все ее потомки умирали и умирают от расслабленности (ревматизма) и язв.

Говорят, перед смертью шаманка Бордуолаах оставила завещание: «При выходе [из тела] моей души в течение трех суток над моей нарой на полке будет сидеть моя птица — железный кулик[4]. Его вы не бойтесь». Говорят, что действительно в течение трех дней она (птица) показывалась.

Могила шаманки Бордуолаах находится на холме у усадьбы богача Николая Кривошапкина. Говорили, что если из ее потомков кто-нибудь да умирал, то утрами и вечерами был слышен гудящий звук ее бубна.

В старину людей Тарынг Юрэха ругали, обзывали: «Вы со времен Харахаана и Бордуолаах были такими-сякими». Выходит как будто, что у них был еще предок Харахаан. Тарынг-юрэхцев при старом режиме звали бордуолаахцы.

Со слов Льва Семеновича Белолюбского, 65 лет, I Борогонский наслег Оймяконского района. Записал С.И. Боло 4 января 1940 г., местность Кулун Кюрюэтэ [ИПРЯ, ч. 2, с. 48—49].

170. Племя *хара сагыл*

Когда еще предки якутов не дошли до реки Лены, в этой стране жило чужекровное племя *хара сагыл*[1]. Рассказывают, будто [люди этого племени] совсем не разводили скот, а добывали себе пропитание тем, что охотились и рыбачили. Оно было малочисленное и особенно не увеличивалось, не размножалось.

Ко времени прибытия предков якутов — Омогой Баая и Эллэй Боотура — *хара сагыл* были здесь коренными жителями. Они не имели сил стойко сопротивляться и противостоять пришлым якутам.

Они соединились и смешались с якутскими родами, и потомки их, очень немногочисленные люди, до недавнего времени вели кочевую жизнь, занимались охотой. Тогдашние якуты называли эти поколения «ставшие ветром», или «развеянные ветром»[2]. Слышно было, что развалины жилья «ставших ветром» изредка попадались в улусах и наслегах. Потомки их обитали в Борогонском и Мегинском улусах. Якуты их не любили, боялись их трогать, обычно отмахивались, говорили: «Это — коренные жители, ой, они потомки *хара сагыл*, "ставших ветром"».

У «ставших ветром» были колдуны, шаманы и шаманки, способные на разные волшебства и [вредные] проделки. Якутские шаманы и шаманки не очень противодействовали им, считая их местным коренным народом-племенем.

В старину во времена [межродовых] войн в I Ольтекском наслеге у озера Балыктаах Эбэ жила одна старуха — шаманка из [племени] «ставших ветром» с девятью сыновьями. Эта шаманка тем жила и питалась, что силою волшебства у проезжающих путников похищала на расстоянии вьюки и еду. Это было во время доставки грузов «по наряду»[3]. В то время город Якутск уже окончательно обосновался. В порядке повинности в то время муку из Якутска вьюками доставляли в восточные окраины, когда мимо них проезжали с вьюками, дети шаманки вбегали в дом и неожиданно толкали свою мать в бок. И вот, когда мать, испугавшись, вскрикивала: «Уо, татат!» — от вьюка какого-нибудь проезжающего путника сразу же падала на ее балаган кожаная сума с мукой. Так она, живя на большой дороге, разоряла проезжающих. Говорят, что она творила еще много других вредных проделок. Однако путники всегда боялись ее и никогда не останавливались и не заходили к ней взыскивать похищенное, говоря: «Она важного происхождения — потомок старинных *хара сагыл*».

Сама шаманка имела обыкновение летом ловить рыбу сетями на озере Балыктаах Эбэ и этим кормилась. И вот однажды, закидывая сети, она уронила свой игольник в озеро, поэтому то место (букв.: прорубь) и получило теперь название «Озеро упавшего игольника». На том месте (где упал игольник. — *Н. А.*) вода зимой не замерзает.

Когда шаманка так жила со своими девятью сыновьями, однажды пришли из Татты воины[4] и без малейшего промедления стали обстреливать [ее жилище]. Когда они вошли в балаган, то там никого не оказалось. Тогда сказав: «Это они волшебством своим должно быть превратились в деревья, травы и разные вещи, об этих их способностях ходили слухи», — изрубили пальмой все начисто, что было в балагане: закраины нар[5], веники, лопаты, рожны и пр. Затем с возгласом: «Победили, изрубили и уничтожили!» — сожгли до тла ее жилище и все, что было, а пепел развеяли.

Только самому младшему из сыновей удалось убежать на восток в страну Лаамы[6]. С тех пор разорение путников той шаманкой совсем прекратилось. Так воины начали преследовать и истреблять племя «ставших ветром».

Спустя некоторое время бежавший в Лаамы сын вернулся опять в Ольтекский наслег, поселился там, народил детей. От него произошло потомство. Одного из его потомков, престарелого старика Леонтия Бехсюлюйэ, видела я примерно лет пятьдесят тому назад. Тогда все говорили о нем: «Этот старик родовитый, потомок *хара сагыл* из старинного рода “ставших ветром”; он страшный шаман-губитель. С худыми, тяжкими словами, с огненными глазами, как только начнет камлать, так и виднеются огни его глаз; он не шаманил без вреда [людям и скоту]», — и все боялись его.

Возненавидев этого старика, мой дядя (старший брат отца) шаман Хагыстай[7], выплеснул на него «воду болезни и смерти»[8], после чего тот ослаб, изнемог и, наконец, умер. Бехсюлюйэ не имел ни детей, ни родственников. После его смерти от потомков «ставших ветром» в наших местах никого не осталось (букв.: и запаха не стало).

Местность, где жила шаманка, сейчас называют Тогус Ётёх. Я видела эту местность, там были следы очень многих жилищ, неясные признаки ям и балаганов; полагали, что действительно они жили в девяти балаганах.

Подробные рассказы о *хара сагыл* «ставших ветром» и потомках их мне доводилось слышать от родного дедушки Говоро-

ва-Богомольца. Я тогда была девочкой тринадцати-четырнадцати лет.

Со слов Софии Николаевны Татариновой, 61 года, II Ольтекский наслег, Усть-Алданского района. Записал С.И. Боло в 1936 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 1, с. 92—94].

171. О том, как якуты заняли местожительство тунгусов

В устье Вилюя на земле Кобяйского наслега[1] очень давно, когда в этой стране не было еще людей, называвшихся якутами, жили в девяти *урасах* тунгусы. Оказывается, они имели своего шамана по имени Батакан. Эти тунгусы жили в ровдужных чумах (*тордох*)[2], носили одежды из шкур, разводили оленей и добывали себе пропитание охотой. Когда они так жили, однажды с Вилюя приплыло несметное множество якутов, которые вырезали две *урасы* тунгусов. Из остальных семи *урас* тунгусы с шаманом Батаканом убежали, остановились в лесу около местности Сарана и заставили камлать своего шамана, чтобы он предсказал будущее[3]. Шаман, камлав, прозревая будущее, сказал: «Сопротивление наше не даст победы, удача не предвидится, лучше совсем уйти из этих мест, наступило невозможное [для житья] время». Тогда тунгусы все ушли в Янские горы и стали там жить.

Якуты расселились на отбитых у тунгусов новых местах Кобяи и Тыайа. Потомками их в Кобяйском наслеге являются якуты рода Кыргыстаах. Я сам из рода Кыргыстаах.

Со слов Анисима Никитича Кобякова, 22 лет, Кобяйский наслег Намского района. Записал С.И. Боло 3 апреля 1925 г., местность Куон-Крест [ИПРЯ, ч. 1, с. 96—97].

172. Шаман Семен

В роду Маймага появился великий шаман по имени Семен. У него три передних зуба выдавались вперед. Из-за того, что малые дети стали насмехаться-подшучивать над ним, он вырвал их при помощи петли из ниток, свитых из жил. В результате он утратил свой дар излечивать болезни.

Однажды он во время поездки по северу Якутии посетил семьи Хааньаталар и Тююкээты (северные маймагинцы). В тот раз как-то на одной лошади с ним ехал будущий шаман Сиэл-

лээх (Маймагинский шаман), который тогда был еще ребенком. Ему Семен предсказал судьбу, предупредив: «Расскажешь об этом людям лишь когда станешь стариком. Я должен был стать шаманом *айыы*, но не смог. У тебя родится один плохой ребенок. Он будет зловредным шаманом, поедающим людей. Его ты убей заранее.

Вот с этой западной скалы до горы Джонкума на восточной стороне реки, на земле рода Кёбёкён протянута симка шаманского самострела[1]. Я после своей смерти через три года разрушу пинком свое надмогильное сооружение. Если его при этом перенесу вон на ту речку, текущую по западной возвышенности, мой *кут* (мой дух-покровитель) отправится на небо. В этом случае маймагинцы будут процветать, размножаться. А если надмогильное сооружение рассыплется на том же месте, где стояло, то стану здесь духом и буду причинять вред живущим здесь, исчезнут люди и скот маймагинцев.

На том месте, где меня похоронят, в изголовье, через два года вырастет лиственница. Если на ней вновь появятся зеленые ветки после того, как она обгорит при луговом пале, то размножатся и люди, и скот».

Действительно, его предсказание сбылось. У шамана Сиэллээх родился плохой мальчик. Отец его убил.

На третий год после смерти шамана Семена надмогильное сооружение, поставленное на месте погребения, разрушилось и перенеслось на западную речку.

Как он предсказал, через два года в изголовье его могилы выросла лиственница. Она обгорела при пале, пущенном Дорофеем Шестаковым перед раскорчевкой земли. Но на следующий год ее ветки вновь зазеленели.

Со слов П. Кутукова, 57 лет, Намский район. Записал С.И. Охлопков 2 августа 1937 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 1—3.

173. Пути-дороги шаманов

Шаман обладает даром колдовства, если он задумал прибыть издали в невидимом облике, то входит сквозь стену у двери или под матицей в ее начале. Шаман, когда хочет причинить какой-либо вред, входит из-под шестка. В таком случае, если в том доме живут хорошие люди, со счастливым предназначением, то с очага

на шамана прыгнет уголек. Если уголек попадает в шамана, он умирает.

Шамана, проникшего через начало матицы, нельзя одолеть. Он перетягивает на свою сторону духа в образе кулика, которого хозяева обычно сажают на матицу в ее начале.

Под изголовьем матицы может пройти только сильный шаман, много раз совершивший камлание в Верхний мир.

Со слов Никиты Алексеевича Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 3 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 29.

174. Образ шаманских бесов (ворон и собаки)

По ее словам (Матрены. — *Г. К.*), когда она не шаманит в течение 20 дней, то у ней начинает погибать скот (уничтожают недовольные духи)... Духи ее через трубу юрты издают крики воронов.

Духи этой шаманки были очень кровожадные. Они съели двух детей ее младшего брата. Она говорила сама: «Лишь только найдет на меня печаль, как мои проклятые черти приходят уже с окровавленными когтями и мордами». Опечаленная смертью своих племянников, она камланием снизошла к духу земли и заставила там наложить намордники на своих собак. С тех пор кровожадность духов уменьшилась.

Она говорила: «Если кто огорчит и заставит меня дурно мыслить о себе, то, наверное, у него на пепелище будет расти сорная трава» (т.е. духи помимо ее собственного желания доведут обидчика до разорения). «Поэтому, — говорила она, — со мной не следует вступать в пререкания, а говорить обо всем [нужно] в просительном тоне». Она имела жалостливое сердце (досл.: «солнцеподобные мысли»), при камланиях никогда не просила вознаграждения.

У здешних шаманов на колотушке бубна [иногда] бывает изображение собачьей морды. Бесы шамана будто бы этим обнюхивают [и узнают].

Записал Г.В. Ксенофонтов [1928, с. 23].

175. Шаманский бес-собака

В старину у хоринцев, по рассказам, жил шаман по имени Тиитэп, у него, говорят, был *абаасы* (бес, злой дух), имеющий вид собаки. Этот бес-собака был нужен, когда шаман совершал

камлание для отыскания пропажи; собака шамана указывала, где находится пропажа.

Про этого шамана также рассказывают: когда он с громким криком бросался в воду, то будто бы выпадал дождь.

Со слов Федора Шепелева, Багарахский наслег. Записал Г.В. Ксенофонтов 7 января 1925 г. [1928, с. 27].

176. Наведение миража

В прошлом жил шаман Дьэргэлгэннээх — предок якутов Кобяйского наслега, один из первых жителей на Вилюе. На его землю пришел войной Тыгын Баай из Кангаласа, собравший большое войско. Но когда он прибыл, шаман напустил такой густой мираж, что нельзя было разглядеть, где противник, и вести по нему стрельбу из лука. Поэтому Тыгын возвратился ни с чем, так как не смог воевать с неприятелем, которого не видно.

Со слов Анисима Никифоровича Кобякова, 22 лет, Кобяйский наслег Намского района. Записал С.И. Боло [1938, с. 157].

177. Увеличение веса шамана

Шаман становится тяжелее, когда несет *кут* человека. Тогда его не могут приподнять ни два, ни три человека. Я тоже весил самое большее 64 килограмма. Пусть к этому прибавлялся вес шаманской одежды. Ну может стать около ста килограммов. А сдвинуть с места в указанном случае не могли.

Поднять шамана можно, если немного разорвать где-то шаманский костюм. Например, нижний край штанины или обшлаг рукава.

Те, кто знал про это, тут же начинали разрывать на шамане его костюм.

Со слов Никиты Алексеевича Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 5 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, л. 56.

178. Самострел шамана

Большой шаман, имеющий предка, пожирающего людей, обладает самострелом. Шаман его ставил между лесными, горными мысами, на излучинах речек или между двумя горами.

По рассказам, его самострел имел все детали, которые есть на самостреле охотника: симку, палочку для удержания ее, острую стрелу и остов. Шаманский самострел находился обычно высоко над землей. Например, самострел срабатывал в том случае, если на его насторожку натыкался шаман, путешествующий по-над землей, или шаман и шаманка, преследующие по воздуху другого шамана.

При этом самострел мог разрядить только шаман, который был сильнее, имел более высокое предназначение, чем шаман, поставивший самострел. Шаман, разрядивший самострел, или умирал от полученной раны, или уворачивался от стрелы. Если ему удавалось увернуться, то он наводил большой страх на хозяина самострела.

Сейчас рассказывают, что во многих якутских улусах есть лесные мысы, где стоят настороженные шаманские самострелы.

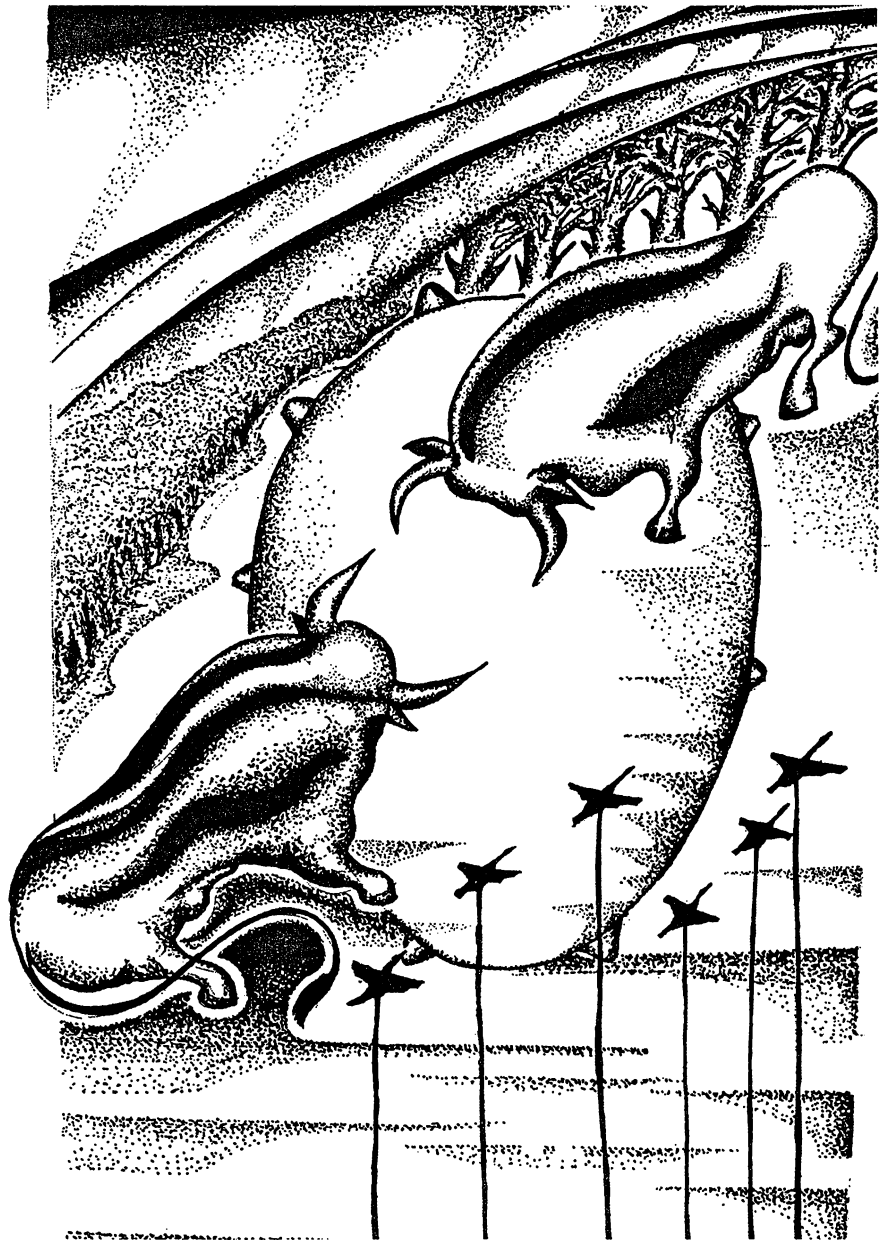
Они стоят заряженными потому, что теперь нет шаманов более сильных, воспитанных на более высоких гнездах, чем великие шаманы старины, владевшие древними злыми духами.

Например, настороженный шаманский самострел стоит между двумя мысами в средней части елани Тумустаах по речке Таатта, на территории Сэсэн Бологурского наслега; еще в этом же наслеге поперек над речкой Амга от местности, называемой Глиняная гора Мындагаайы, до горы Хардааччылаах, на восточной стороне, тоже стоит настороженный шаманский самострел. Выстрел шаманского самострела приводит к гибели многих. Шаман, разрядивший его, умирал не один. Стрела попадала не только в него, но и в близких его родственников.

Со слов Ивана Никитовича Дьячковского, 58 лет, I Бологурский наслег Амгинского улуса. Записал С.И. Боло 19 апреля 1926 г. [1938, с. 160].

179. Суор Уола

Сто пятьдесят лет тому назад в Мастахском улусе жил сильнейший из шаманов Суор Уола. В те времена проживал, прославляясь, как единственный, получив широкую известность, как человек, спасающий умирающих. Говорят, когда он камлал при болезнях людей, то получал лошадь или быка. Говорят, его родной отец Суор тоже был таким шаманом, имя которого не произносилось всуе.



Борьба шаманов, которые сражаются, обернувшись быками

Если Суор Уола собирался погубить (досл.: съесть человека), то говорят, что он не ел человеческую пищу в течение пятнадцати суток и на трое пропадал с глаз людей. Когда он боролся с шаманами, говорят, они ломали леса и травы вселенной, а небо заставляли низвергать черные бури. Говорят, что он боролся так, соперничая с сильнейшими тунгусскими шаманами.

Он сам говорил: «Я предназначенный землей и небом, происходящий от господина Хара Суоруна, созданный *айыы* — божеством, направляемый призрачной страной, зародившись и создавшись, прибыл один в Средний мир. У населения, среди которого я живу, при мне совсем не должно быть того, что называется болезнью. Ну а если она (болезнь) окажется, тогда я — такой человек — посмотрю таким косым, пронзительным взглядом, что уж всякую-то мелкоту разгоню, да и больших (*абаасы*) тоже напугаю».

Когда он жил с такой своей известностью, пришла страшная болезнь, называемая оспой. Их (духов-оспы), говорят, было семь сестер. Прибыв, они собрались в Мастахском улусе и, взявшись за руки, стали кружиться в пляске посередине озера Мастах. Это услышал Суор Уола. Как только услышал, лицо у него стало, что черная запекшаяся кровь, очень быстро вскочил на ноги и, перекрестившись перед иконами, превратился в дым и улетел в небо. Поднявшись таким образом и оборотившись в русскую иголку, притаился в щели дерева. Находясь там, он увидел, что семь девушек-стерхов, взявшись за руки поют и плавно танцуют. Так они очень долго распевали тонкими голосами, и пришло время им расстаться. Суор Уола услышал, что они потихоньку разговаривают. Смысл этих разговоров был таков: распределить между собой кому куда идти. Кто назначался в Верхневилюйск, кто — в Нюрбу, кто — Оленек, кто — Жиганск, только в Мастахском улусе никого не осталось. Все стараются отказаться, говоря: «Ты оставайся, нет ты оставайся!» Некоторые из них говорили: «Здесь есть знаменитый шаман Суор Уола, происходящий от господина Суорун тойнона, сотворенный изначальной страной, направленный призрачной страной, имя которого не произносится на священной земле. Наверняка он нас не оставит в покое, если останемся мы здесь. Поэтому оставим одну из нас, самую дошлую в колдовстве. Только погубив его хитростью, можно свободно расправиться с Мастахским улусом. Давайте теперь, выбрав самую сильнейшую из нас, оставим!» — сказала младшая сестра так громко, что

верхушка леса зашевелилась. После этого, посоветовавшись, они решили оставить самую старшую сестру. Затем поговорили о том, как обмануть и убить Суора Уола. В этом разговоре сказали: «Суор Уола обязательно покушает кашу или *саламат*. Ты тогда, оборотившись в огонь, упади в кашу. Люди, вкусившие от этой каши, должны умереть. Суор Уола непременно вкусит от этой каши, тогда он умрет, даже не дрыгнув ногой. После этого никого не будет, кто бы запрещал-препятствовал тебе, тогда можешь свободно разгуливать по Мастахскому улусу». Сказав это, понюхавшись-поцеловавшись, превратившись в туман, промелькнули и изчезли.

Суор Уола от слова до слова слышал, как они посоветовались. И про себя сильно грозился на них: «Погоди, девка, сделаю тебя с утиными глазами и утиными костями!» Сказав так, бывший до того в образе иголки, принял облик человека ростом до нижних сучьев дерева, трижды ударил в бубен, издавая гулкий звук, и очень быстро промелькнул в сторону дома. Прибыл домой и говорит домочадцам: «В самом большом котле до краев наварите *саламату*, сильно захотел поесть-покушать». Домочадцы, как велел их отец, наварили *саламат* в самом большом котле до краев, затем сверху налили на него масла толщиной с кулак. Лишь только, желая приступить к еде, собрались снять котел, на *саламат* упал уголь величиной с глаз человеческий. Тогда Суор Уола быстро вскочил, схватил этот уголь и опустил в бутылку. Заткнув бутылку очень крепкой пробкой, положил ее в железную бочку с тройными стенами и, вырубив прорубь, утопил в воде. Бочку обмотал веревкой и конец привязал к палке на краю проруби. И говорит: «Хотя ты собиралась меня погубить, однако же я тебя утопил, заперев в темную темницу. О себе слишком высоко не думай!» После этого Суор Уола отправился домой, довольный, как человек, победивший своего врага.

Оспенная болезнь сплошь распространилась по всей земле, лишь только в Мастахском улусе не оказалось никакой болезни. Люди Мастахского улуса догадывались, говорят, что оспу (духа оспы), наверное, поймал Суор Уола.

Потом Суор Уола опять услышал их песни и танцы, которые они затевали раньше. Услышав это, он побежал к той проруби, которую тогда прорубил. Разбив тройную железную бочку, достал бутылку и прибежал к берегу озера. Как только он открыл пробку бутылки, находившийся в ней огонь, превратившись в синее пла-

мя, улетучился. Суор Уола разбивает бутылку, бросив оземь, и в мгновение ока превратился в русскую иголку и как прежде притаился в щели дерева на берегу озера Мастах. Таким образом он услышал, как те втихомолку разговаривают: «Самую старшую нашу сестру таких людей, как мы, поймал, наверное, Суор Уола, поэтому, видимо, она не пришла», — говорят они. В это время приходит их старшая сестра, у которой от худобы кости выступали, как у утки, глаза запали, как у вяленой рыбы. Они узнали, спросив у сестры, что с ней сделал Суор Уола. Протанцевав, они разошлись. Суор Уола, три раза страшно гулко ударив в бубен, низвел с неба темную тучу и отправился домой. Прибыв домой, он рассказал всему своему народу о том, как он победил оспу.

Суор Уола занемог в предсмертной болезни. Перед смертью он сказал такое завещание: «Я такой человек, что имею кровное родство с Хара Суорун тойоном, предназначение от вселенной, направление от призрачной страны. Поэтому нельзя меня похоронить как простого человека. Снарядите меня так: выройте яму глубиной в печатную сажень. При этом, однако, голова и руки мои должны находиться над землей. Так сделайте гроб мой. Вложите в руки бубен и колотушку так, как будто я сидя ударяю в бубен. Если не так похороните, то неладно будет вам. Жалея меня, должны будете оплакивать трое суток», — сказал он. После этого он, изменившись в лице, побледнев, вдруг глубоко вздохнул и стал безжизненным. После смерти его похоронили как он завещал[1].

Со слов Егора Васильева, 80 лет. Записал ученик Угулятской школы С.Е. Васильев 22 марта 1939 г., Тылгынинский наслег Вилюйского района [ИПРЯ, ч. 2, с. 299—301].

180. Шаман Саргыл

В глубокой древности, еще до строительства Зашиверска, появилась оспа. Тогда шаман Саргыл всю родню целиком спрятал своими шаманскими чарами. Сам готовился бодаться с быком оспы в местности Ойуусардаах.

Духа оспы он встретил около Ойуусардааха. Когда, встретившись, стали бодаться, сначала оказались равными.

Дух оспы не стал вторично бодаться. Вернулся обратно.

Затем шаман Саргыл на горе Кэлээдин на духа оспы насторожил самострел[1], у которого колышек для силка находится на горе Ынгыыр Таас. Шаман Саргыл сказал: «Если кто и мог бы разря-

дить этот самострел, то только дух оспы, да он заробеет. А лучше меня шамана не родится, пока земля и небо не изменятся».

Шаман Турангныыр видел, говорят, этот самострел.

Со слов Григория Солдатова. Записал Г.М. Васильев 9 августа 1944 г., с. Крест-Майор [ИПРЯ, ч. 2, с. 302].

181. Уничтожение шаманками хоринцев

Рассказывают, что в далекую старину жило племя хоро. Их было бесчисленное множество. Другие племена язык хоринцев не могли понимать.

В ту пору жил один шаман Уолчааны с тремя дочерьми. Однажды к нему прибыли хоринцы и посватались к одной из его дочерей. Старик был согласен на брак, но дочь ни за что не хотела выходить замуж.

Однажды этот шаман пошел погостить к соседям и принес в качестве гостинца для домочадцев два ребра конины. Дочь сварила мясо. Сам старик, сидя перед камельком, грелся и задремал. Объятый дремотой, он стал было падать, но вовремя проснулся и сказал:

«Во сне я провидел, что все мы, не успевши вкусить сваренное мясо, погибнем и улетучимся с этим пламенем».

Едва он успел высказать это, как вдруг через трубу юрты какие-то люди стали бросать горящее сено. Старик тотчас же вскочил и, схватив лук и стрелы, выбежал в сени. Он хотел отворить наружные двери сеней, но они уже были придавлены. В окне сеней он заметил глаза людей. Он выпустил в них несколько стрел и вышиб глаза трем из них. Затем сам, обернувшись быком, навалился на дверь и разбил ее. Дом был окружен хоринцами. Как только старик показался наружу, хоринцы, подстерегавшие его у дверей, одним ударом снесли ему голову. Голова старика, опираясь на две заплетенные косы, покатилась через озеро, тогда как его туловище, стоя на одном месте, с шумом скакало по-шамански.

Хоринцы хотели было забрать с собой всех трех девиц. Старшая из них говорит им:

«У меня много хлопот по хозяйству, надо управиться с рогатым скотом и лошадьми. Окончив эти дела, я поеду с вами». Хоринцы согласились оставить их на время. После ухода хоринцев старшая сестра спрашивает у младших:

«Ну, какие у вас колдовские способности, чтобы нам выпутаться из беды?»

Одна сестра ответила:

«Я обладаю способностью, сев верхом на пестрого оленя, возноситься на небо».

Другая говорит:

«Держа в руках ведро со сливками, я могу углубиться в землю».

Все девы были оказывается шаманками. Одна из них стала заклинать небесных духов, другая — нижних. Вот они низвели сверху болезнь на хоринцев и таким образом заставили духов пожрать всех хоринцев.

Вскоре после этого в район реки Яны прибыл какой-то русский начальник и, женившись на старшей сестре, увез ее на Лену. Поэтому относительно старшей сестры говорится — «она направилась на север». Так рассказывают в Верхоянском крае.

Со слов Павла Стручкова, 80 лет, Эгинский наслег Верхоянского улуса. Записал Н. Стручков зимой 1924 г. [Ксенофонтов, 1977, с. 158—159].

182. Кээрэкээн

I

В старину, перед самим приходом русских, живший на западном берегу Лены шаман Мунгхалаах Кээрэкээн[1] [однажды] сказал: «Приблизилось время, когда этому месту изменит счастье-удача, что-то мой *сюр-кут*[2] не расположен к нему» — и угнал с восточной горы в сторону леса своего жеребца с кобылами. Со словами: «Я остановлюсь и стану жить там, где остановится моя лошадь», — последовал за ними и, остановившись на реке Татта, сказал: «Пусть эта местность будет Тохтобул (Стоянка)» — и поселился там. Названный им Тохтобул находится в Шаманском роде Жехсогонского наслега — это обширная, заселенная многими жителями, центральная, прекрасная местность.

Шаман Кээрэкээн стал жить по тем местам, где сейчас находятся Жехсогонский и Амгинский наслеги. Проживая таким образом, однажды шаман Кээрэкээн послал гонца с извещением к старику Бахсыгыру[3]: «Говорят, что вы являетесь исконным здешним народом. Богач Бахсыгыр или пусть придет ко мне и станет мять мои торбаза, или пусть выставит против меня сильных, вольных местных богатырей. Я готов ко всему этому, не пятясь назад, стою лицом вперед». Отправив такое извещение, шаман Кээрэкээн подготовил передовой отряд из трех самых сильных богатырей: мегинского Бэрт Бээчэна, Ыттаах Кюэртэ, сына Курбусах-

ского шамана и сасылского Ондюэс-Бёгё. Кроме них, из ближайших сородичей терасинских людей отобрал он Иргиэлэ и Ингэрчэ, своего парня богатыря Кэнгис Боотур также призвал и подготовил других людей, лучших силачей и воинов.

Так, послав такое извещение, сами они, собравшись все вместе, назначили себе определенный срок, точное время и отметили затесиной на дереве; четверо воинов воспели моление о своем предстоящем жребии, и весною по руслу реки Татты, на кургане широкого аласа Тохтобул, шаман Кээрэкээн со всем своим войском засел в ожидании врагов.

Сын шамана Кээрэкээна, носивший шлем Кэнгис Боотур, находился в дозоре (в ожидании). Кэнгис Боотур, надев свой панцирный шлем на пень в качестве мишени, пробовал стрелять в него, попадая в любое место, куда целился. Затем он испытывал свою силу и мощь, закалывая копьем разных лошадей и перебрасывая их через деревья. Несмотря на это, все же на панцирном шлеме оказались приметы, что он будет побежден. Старший их глава и *тойон*, шаман Кээрэкээн уснул беспробудно на девять суток и ждал врагов. И вот, уснувши таким образом, шаман Кээрэкээн внезапно проснулся с испугом и стал шуметь и говорить недовольным голосом: «О-о! Наступает время победы баягантайцев[4]. Ты, Кэнгис Боотур, стреляя в цель в панцирный шлем, *кутсюр* свой низвергнул, шлем твой кровью заплакал. Люди богача Бахсыгыра нашли одного знаменитого шамана, и затем они завтра утром к восходу солнца вступят кровавыми ступнями на эту землю!» Так шаман Кээрэкээн, ожидая со всеми людьми, сторожил появление воинов баягантайцев.

II

В это время прибыли из Оймякона[5] баягантайцы, сыновья Кэдирги Кээдэя, сородичи шамана Аан Чаачая — Модьукаан Бёгё и Типикян Бёгё, под предводительством своего старшего брата Дэлгэсэ.

Проезжая по нынешней речке Буойа, они вдруг встретились с ехавшим навстречу сородичем — баягантайцем — стариком Бахсыгыром и со всеми его людьми — с силачами, батырами, затем с его младшим братом Сасыл Бытыком, с его сыновьями — Мадьыгы Тёрёнёем, Бахчыгыр Баатыром и Кюэрэнг атахом. При этой встрече, сначала не узнав друг друга, в первоначальной запальчивости Мадьыгы Тёрёнёй, схватив Дэлгэсэ за полу одежды из шкуры лося, ударил одной рукой и отрезал полу: Дэлгэсэ,

вырвавшись от него, на двухтравой своей лошади разом перескочил через реку Татту. Тогда Мадьыгы Тёрёнёй на своей лошади Суонда Арангаса попытался перескочить через реку, но не смог и остался. Все-таки Дэлгэсэ не убежал дальше полета стрелы. И люди его тоже стояли на месте. Мадьыгы Тёрёнёй, пока тот стоял в нерешительности, с досады зычно закричал: «Надо этого дерзкого пристрелить здесь и поехать дальше, окровавив панцирь» — и широко растянул лук свой с изгибами на концах, приложив оперенную стрелу с вырезом на пяте, предназначенную для пробивания панциря. Тем временем предводитель и их *тойон* старик Бахсыгыр, закричав: «Настало тебе время лишиться светлого солнца, с кем ты связан пуповиной, чей по крови ты человек, воспой свою [печальную] судьбу!» — остановил его. Дэлгэсэ, повернув своего двухтравого коня, стал петь подробно о своей [печальной] судьбе и сказал: «Предком и родоначальником моим был баягантаец Сасыл Бытык. У сына, родившегося от его жены, женщины Сасыл Мэндюкээн и Оймяконского шамана Аан Чаачая, есть сын по имени Кэдэрги Кээдэй. Мы являемся его сыновьями, все трое, отец наш жив, нашим родичем, ближайшим родственником должен быть старик Бахсыгыр!» Когда люди старика Бахсыгыра внимательно выслушали это, оказалось, что они свои люди; поэтому, говоря: «Ой, оказывается, вы наши родственники, наши родичи, мы тоже баягантайцы, люди Бахсыгыра!» Узнали друг друга, познакомились. Сказав: «Пусть будет мир!» — отпустили Дэлгэсэ со многими благопожеланиями: «Размножайся, широко распространяясь, образуй род Дэлгэсэ».

Люди Дэлгэсэ подробно рассказали, как шаман Кээрэкээн с шестью богатырями, собравшись все вместе, ждут встречи с ними и что ожидают их уже восемь суток.

Затем Дэлгэсэ со своими людьми, эти люди Оймяконского рода, опасаясь сражения, посторонившись от этого, уехали по речке Баяга в местность Тулаайах алаас, где, скрываясь, заночевали.

Люди же старика Бахсыгыра, приехав к этому времени на алас Мойуона, спешились у стоявшей там большой, видной лиственницы Ытык Тиит и заночевали у ее подножия. Вставши рано утром, чтобы низвести на Мадьыгы Тёрёнёя духа кровожадности, привязали его и прикрутили веревками к семи лиственницам. И, надев на него панцирный шлем и полагающуюся одежду, дав ему в руки все вооружение, отпустили, и их человек побежал в ту сторону, где предполагалась битва. Вскоре вслед за своим человеком к восходу солнца на холм аласа Тохтобула, где росли три

темные лиственницы, к шаману Кээрэкээн прибыли они. С обеих сторон началось сражение, кровопролитие. На эту сторону надвинулся день назначенного времени, определенного срока пролития крови, приподнятия преисподней, растопыривания нечисти, падения шаманской подвески, называемой солнце, отрывания повязки круглой шаманской подвески[6].

Лучший богатырь шамана Кээрэкээнэ, его сын Кэнгис Боотур, надевающий шлем, ожидавший воинов, увидел идущего на него Мадьыгы Тёрёнёя и, высоко держа свое копье с обмоткой, бросился навстречу ему. И в то время, когда у него под панцирем снизу открылось голое тело, Мадьыгы Тёрёнёй вонзил копье в него и одним ударом лишил Кэнгис Боотура светлого дыхания. Кэнгис Боотур, не выдержав одного удара, тут же умер. Увидев внезапную смерть [сына], считая себя побежденным, покинутым удачей, Кээрэкээн спустил на шею шапку с наушниками и, ставши впереди, преклонив колена, умоляя и кланяясь, слово молвил: «Победили [вы], остановитесь, возьмите выкуп[7], прекратите, успокойтесь!» Согласившись с этим, баягантайцы — люди старика Бахсыгыра успокоились, взяв себе в качестве победителей вознаграждение за труды своих ног, в виде выкупа двенадцать голов крупного скота.

Таким путем победив-осилив, умерив свою кровожадность, баягантайцы все возвращаются, направляясь в свою сторону.

И вот, возвращаясь, Мадьыгы Тёрёнёй, когда поднялись вверх по реке Бэппээй, доехали до места Кэйгэс юэс, сожалея о своем поступке, зычно завопил: «Экое ничтожество я, не попробовав побороться с лучшим богатырем шамана Кээрэкээна, зря возвращаюсь обратно, экая досада!» Услышав это, глава их, старик Бахсыгыр, унимает его: «Что с тобой? Не раскаивайся, с достоинством взяли мы у них имя и славу». Тогда Мадьыгы Тёрёнёй, ударив себя, вытянув лук с изогнутыми концами и держа его против себя, широко натянув тетиву, выстрелил в старика Бахсыгыра. Стрела, угодив в зад лошади старика, вылетела через левый глаз ее, и лошадь тут же пала, ударившись головой о землю.

Тогда Мадьыгы Тёрёнёй, упредив, замахнулся копьем, и старик, зашатавшись, повалился. Когда посмотрели, то увидели, что сломанный наконечник копья остался в бедренной кости старика Бахсыгыра. Тогда люди остановили, успокоили Мадьыгы Тёрёнёя. Расширив рану старика оружием, имеющим лезвие, вытащили железку. Завязав рану поясом из сыромятной кожи, остановили кровотечение.

И тогда, когда таким образом из Мадьыгы Тёрёнёя вышел дух кровожадности, все воины, говоря: «Вот и наш паренек исправился, вот и дух кровожадности вышел из него», — наконец-то отправились в свою местность.

С этого места старик Бахсыгыр, вволю наговорившись со своими родичами, отделился от них и отправился на свое местожительство Дьаарбанг Суут, в местность нынешнего Баягантайского наслега. Когда все оймяконцы, потомки Сасыл Бытыка, переправились через Алдан и доехали до речки Томпо, у лошади Суонда Арагаса, на которой ехал верхом Мадьыгы Тёрёнёй, вдруг передом и задом хлынула кровь, и она тут же посреди дороги, так стоя, пала. Там же, как бы совершая захоронение, череп ее повесили, перевернув верхом вниз, на одну прекрасную лиственницу. Это место сейчас называется Суонда Бастаах (Голова Суонды). Череп этой лошади был там до недавнего времени, и когда однажды человек по имени Николай Кюйгес из II Игидейского наслега взял и примерил его к себе, то он оказался до верхнего конца его бедра.

III

После того путешествия, сыновья Сасыл Бытыка — Бахсыгыр Баатыр, Кюдэнг атах, Мадьыгы Тёрёнёй — все вернулись на родину в Оймякон, где продолжали жить на горе Сэттэ Сирэй (Семь личин). Очевидно, они от старика Бахсыгыра за то, что помогли ему, за труды ног своих, видимо, получили какую-то часть от 12 коней, отданных победителям в качестве выкупа...

Итак, погиб удалой сын шамана Кээрэкээнэ Кэнгис Боотур, который мог носить полное боевое снаряжение, состоящее из самого крупного шлема и панциря. Сам Кээрэкээн совсем опозорился, выплатил выкуп победителям, обесславилось его достойное имя, утратил свое счастье-удачу. Понадеялся он на своего сына, не собрал необходимого войска, думал, и сами справятся с нашествием чужеземцев, однако замыслы его провалились. Причиной тому стало то, что его сын Кэнгис Боотур, способный носить шлем, во время вселения в себя духа кровожадности в бою все защитные доспехи надел на деревянное изображение человека, затем произнес необходимое в таких случаях горестное заклинание и выстрелом сбил с них железный кружок, называемый солнцем, попал в железную пластину, прикрывающую середину позвоночника. В результате этого защитные доспехи заплакали кровавыми слезами, оторвалась от него его душа (*кут-сюр*). Потому в

первой же схватке баягантайцы и оймяконский род одолели соперников и возвратились домой с победой.

Прошло лето, когда отлетело солнце с панциря, когда на нем порвалась крепь, державшая железную пластину на спине[8], когда покинуло Кээрэкээна счастье. Было начало осени. Гнев шамана Кээрэкээна усилился, он вторично собрал войска, нашел богатырей по имени Иргиэлэ и Ингэрсэ, свел воедино все свои силы. Они покинули место Тохтобул, где имели жительство, и направились войной в сторону Оймякона для того, чтобы свести счеты со своими врагами, решили вновь сойтись с ними лицом к лицу, схватиться в кровавой битве.

Во время похода ровно на середине пути в Оймяконе устроились на ночевку. Была осень. Там, где остановились, они провели три дня. Все это время шаман Кээрэкээн спал. По истечении трех суток вдруг он проснулся с радостным смехом и стал произносить благодарственные заклинания. Взял три отборные стрелы и, держа их над огнем острием вверх, произнес: «Уук-суук!» При каждом его восклицании на одну из стрел падало сверху окровавленное сердце размером с сердце теленка. Так случилось трижды. Кээрэкээн помахал над огнем этими тремя стрелами с пронзенными ими сердцами. Опалив над огнем эти три сердца, сказал: «Ну, мы победили, давайте возвращаться!» Все войска повернули назад, отправились домой, так и не добравшись до Оймякона.

В то самое время в местности Сэттэ Сирэй в Оймяконе, где жили Мадьыгы и Тёрёнёй с братьями, появилась дочь Илбиса, приняв облик молодой женщины с бельмом на глазу, одетой в ровдужное платье, подпоясанное куском веревки, которой привязывают коров. Она стала сновать от одного сына Сасыл Бытыка к другому, рассказывая им ложные слухи: «На тебя идет войной тот твой брат, приготовься». Все три брата всполошились, испугались и перебили друг друга. Вот таким образом погибли жившие в Оймяконе сыновья выходца из Баягантая Сасыл Бытыка — Бахсыгыр Баатыр, Кюдэнг атах, Мадьыгы Тёрёнёй. Это значит, исчез целый род из-за того, что шаман Кээрэкээн призвал себе на помощь духа кровожадности, который, приняв облик той женщины в ровдужном платье, добрался к ним, распространил ложные наветы и вызвал кровавую сечу.

Со слов Егора Миновича Егорова, 82 лет, Жулейский наслег Таттинского района. Записал С.И. Боло, 12 октября 1933 г., местность Таалалаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 214—217]; якутский текст III части см. [Боло, 1938, с. 88].

183. Род Дьохсогон (Жексогон)

Шаман Кээрэкээн воевал с людьми из Баягантая, Игидея[1] и Оймякона, одолев-победив их, стал жить по рекам Таатте и Амге. Он был богат конями и рогатым скотом. Имел у себя близких людей. Были у него два богатыря из терасинцев Иргиэлэ и Ингэрчэ[2], отцом которых был Кюскэс Бетенкес, а матерью Тысагас Кюскэс. Имел он еще силачей: Бэрт Бээчээна из Мегинского улуса, Кюэртэ сына Ыттаах Ойууна из Курбусахского рода, Сасыл Беге и Кэнгис Боотура.

У шамана Кээрэкээна был единственный сын, по имени Дьохсогон[3]. Дьохсогон, как и отец, жил по рекам Амге и Татте. У него была жена по имени Былаах.

Однажды отец их, шаман Кээрэкээн, в местности Арыы Бысыт, на берегу реки Амги, держась за кол (изгороди. — *Н. А.*), сказал свое завещание: «Я умру в воде, таково мое предопределение. Отсюда, уплыв вверх против течения на три *кёс*, превратившись в гагару, приплыву к берегу, и на том месте, подняв [меня] на гору Такыма, похороните в земле и сделайте могильный памятник. Спустя долгое время на этом месте вырастут три лиственницы с вершинами в виде помела. Если под ними постелят белый ковер из шкуры с черными каемками и на нем поставят кушанья и станут есть *суорат*[4], тогда с этих деревьев спустится паутина. И если бы ее, смешав с *суоратом*, съела еще не рожавшая девушка-сирота, я вторично вернулся бы в свой род. Родился бы такой же человек, как и я. Родился я у каменистой речки. По предопределению свыше и кости мои должны остаться у каменистой речки», — и от кола, за который держался, мигом он спрыгнул в воду реки Амги. Затем, превратившись в гагару, поплыл вверх против течения, выплыл мертвым на расстоянии трех *кёс* против горы Такыма. Сородичи нашли его там и похоронили на середине горы Такыма.

На этой его могиле раньше выросли две лиственницы с вершинами в виде помела и высохли, а сейчас, говорят, выросла третья лиственница с вершиной в виде помела. Рассказывали, что из его могилы часто поднимается вихрь.

Прошло много времени с тех пор, как умер и похоронен шаман Кээрэкээн. Живет его сын Дьохсогон, продолжая его род. В свое время от него родились четыре сына, ставшие известными людьми. Однажды старик Дьохсогон и старуха Былаах перекочева-

ли с речки Амги к речке Татте, впереди бежал девятилетний их сын. Остановившись, он сказал: «Я проголодался, накормите же, накормите, если меня не накормите, то я очень отощаю». Тогда старик со старухой остановились и дали ему пососать корову. Так они от Амги до Татты, на расстоянии семи *кёс*, семь раз останавливались, чтобы дать пососать мальчику коров. За то, что он хитрил и обманывал, чтобы поесть, дали ему имя Тюэкэй Тюекюн Уохчай (Плут, обманщик Уохчай). Второй их сын имел длинные волосы, как лошадиная грива, росшие до хвостового позвоночника, а потому его назвали Сиэллээх уол (Гривастый парень). Третий сын с четырехлетнего возраста совсем потерял слух, потому его прозвали Дьюлэй уол (Глухой парень). Четвертый сын любил выставлять себя шаманом и сновидцем, потому прозвали его Ойуун уол (Парень шаман).

Так от четырех сыновей старика Дьохсогона произошли Тюэкэйский род, Сиэллэхский род, Дьюляйский (Жулейский) род и Ойуунский род Дьохсогонского (Жехсогонского) наслега, и эти роды размножились и расселились по рекам Амге и Татте.

Впоследствии умер сын Кээрэкээна, старик Дьохсогон; и когда жена его, старуха Былаах, жила осиротевши со своими детьми, сошелся с ней человек по имени Сонтой Багаччах. От него родила сына Быкыйян Сюэсюйяна. От этого сына происходит Тютюлинский род Сивцевых.

Со слов Егора Миновича Егорова, 82 лет, Жулейский наслег Таттинского района. Записал С.И. Боло 10—11 октября 1933 г., местность Таалалаах [ИПРЯ, ч. 1, с. 218—219].

184. Сын шамана Адагалаах

Адагалаах, говорят, был Намским шаманом. Этот шаман, как это было в старину, имел обыкновение состязаться с другими шаманами[1].

Однажды с дальней речки прилетел шаман Кисинчэ, превратившись в огромную птицу, и спустился на гору Ытык Хайа. Спустившись, шаман Кисинчэ стал есть траву с другого берега, такая, оказывается, была у него длинная шея. Увидев это, шаман Адагалаах бросил в него железную острогу. Тот увидел летящую к нему острогу и взлетел ввысь, поэтому острогой срезало только одно перо с крыла. Шаман Кисинчэ исчез. Через девять суток шаман Адагалаах выехал на быке на гору, над рекой, за дровами, тогда

прямо с запада поднялась жестокая пурга. Когда шаман Адагалаах снимал ярмо с быка, другой шаман бросил в него железную пику (острогу) и срезал спинной мозг, убил его вместе с быком. Старик с быком пропадали трое суток. Трое суток длилась пурга. Старика искали всем наслегом, нашли, привезли и похоронили.

Был у старика сын, еще не достигший законного возраста, имевший склонность стать шаманом, говорят, отец обучал его. Этот парень так сильно злится, и так ему хочется покамлать.

Однажды вечером он камлает. Он не может дойти до трижды девятого *олоха*. Превратившись в серого сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на Средний мир. Ясновидением он провидит правильно: оказывается, когда отец выехал по дрова, его убил шаман Кисинчэ, бросив в него железную острогу. А перед этим отец его бросил острогу в того шамана и срезал с него перо. Это тоже провидит. Досадует. «Еще не наступило совершеннолетие. Нынче, как исполнится, отправлюсь преследовать», — думает он. В месяц привязывания жеребят, когда он достиг совершеннолетия, он, превратившись в ястреба, прилетел на местожительство Кисинчэ. Кисинчэ дома не оказалось. Прибыв таким образом, он, превратившись в кошку, лежал у подножия трехветвистой березы по левой стороне его дома.

Лежит и смотрит: в загоне кормятся, оказывается, два стада коров. Туда он бросил железную острогу. Как только он бросил, вдруг появились люди в белых одеждах с длинными палками в руках. Это, оказывается, были духи-покровители рогатого скота. Они сказали: «Наши судьбы разные, мы тебе не причиняли никаких потерь, твоя судьба иная, не трогай нас. Мы собираемся очень плодиться и размножаться. Преследуй своего врага».

Порядочно времени прошло, но ничего не показывалось. Вот только из дома вышла с лаем черная собака. Ее убивает, кинув острогу. В доме жена шамана — старуха шаманка, она узнала присутствие шамана, дверь закрыла на крючок и никого не выпускала. Вышел ребенок, который от жалости к щенку бросился обнимать его, шаман тоже умертвил его, кинув острогу. Потом убил вышедшую из дома беременную женщину. После этого из дома совсем перестали показываться люди. Вечером, когда наступили сумерки, с северной стороны выплывает что-то черное, большое. Когда приблизилось, то увидел в нем старика, везущего воз мяса. Его он тоже убивает, быка также умертвляет, бросив острогу.

После этого, когда вечерняя заря уже начала исчезать, подъезжает сам шаман на огромном огненно-рыжем коне. Когда он, заехав на свою поляну, оглядел ее огненным взором своих глаз, подобных круглой луне, то узнал о присутствии шамана. Когда подъехал к коновязи и стал слезать с коня, парень кинул в него острогу: он ее отбросил в сторону левой рукой. Кинул острогу, когда он стал привязывать коня к коновязи: он ее тоже отбросил в сторону. Потом бросил острогу, когда тот, чтобы зайти в дом, схватился за веревочную ручку двери. Ее опять он отбросил в сторону.

Заходя в избу, сказал: «Старуха, жива ты или нет? Скорей отлей в огонь верхний слой супа из конины, ведь шаман извел наших людей». Старуха подошла с левой части балагана и полила в огонь жир от супа из конины. Вместе с вспыхнувшим при этом пламенем вылетает ястреб. Парень убегает. Ястреб гоняется за ним в течение девяти лет, парень все убегал от него. За это время проходили по разным местам: между мизинцем и кольцом человека, а также через трубчатый стебель травы.

За это время Баабыр достиг совершеннолетия. Он прячется, спустившись к предкам девяти шаманов. Кисинчэ появляется следом за ним. Там они жалуются. Парень рассказывает, что Кисинчэ убил его отца и быка. Их взвешивают, чтобы узнать, который из них бóльший шаман. Оба они оказываются равными. Им говорят: «Вы, оказывается, равные шаманы». Затем сказали: «Еще ниже есть страна Таам Таратыы. Это горящее огненное море, над которым проходит узкий железный мост. Вы на нем бодайтесь, превратившись в двух пауков. Кто из вас виновен, тот упадет в огненное море и погибнет».

Шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту, превратившись в пауков. Бодаются целых три года, никто из них не падает. Равны. Потом оба вместе срываются, причем Баабыр, оказался выше Кисинчэ. В старину, оказывается, Баабыр воспитывался немного у Вилюйской шаманки Алысардаах[2], поэтому стал просить ее: «Настал день смерти, начинаю вариться в огненном море вместе с шаманом Кисинчэ. Пожалей, защити-спаси». Шаманка Алысардаах, превратившись в небесного голубя, плавно прилетела и схватила когтями шамана Баабыра, унесла его и опустила на его земле.

Со слов Спиридона Яковлевича Стручкова, 84 лет, II Легейский наслег Усть-Алданского района. Записал С.О. Онопров 1 июля 1945 г., с. Мюрю [ИПРЯ, ч. 2, с. 266—267].

185. Алексей Сабарта и шаман Болчуона

Алексей Сабарта — потомок Нэлэгэр баайя, очень, очень и очень богатый человек. Он жил, построив себе в местности Эбэ прекрасный рубленый дом из десяти комнат. В то время пилы не было, говорят, плотники построили его, стесывая топором. Углы [дома] рублены в лапу. Этот дом заставил построить людям, которых вывез из центра (Якутии. — *Н. А.*), т.е. из Якутска.

Этот Сабарта Баай имел семь жен. Семь его жен жили на семи излучинах реки. Богатство его было чрезмерное. Его коровницы были расселены по всему Сартану и Дулгалааху. Он, так же как Нэлэгэр, разбогател до того, что угонял [лошадей в жертву]. Рассказывают, что он заставлял семерых слуг угонять лошадей в жертву. Он заставлял, оказывается, угонять только светло-серых лошадей. Этих лошадей никто не должен был брать себе.

Сабарта женил трех сыновей на трех женщинах из центра. Эти женщины привезли с собою в приданое очень много богатства. Сабарта опозорил трех невесток и выгнал их.

Когда так жил этот человек, прославившись таким образом, вот что случилось с ним.

Здесь жил шаман, не называемый [тогда из страха] по имени, которого теперь вынуждены называть Кэриир Киситэ (досл.: Человек посмертной поездки. — *Н. А.*). Говорят, настоящее имя шамана было, кажется, Николай Болчуона. Когда старуха этого шамана приехала к Сабарте погостить, тот отобрал [у нее] беломордого вороного коня, сказав, что это за долг. Старуха вернулась к себе, опираясь на палку. Когда она пришла домой, ее муж, опершись спиной к коновязи и подняв голову к небу, стоял, оказывается, и горько плакал кровавыми слезами. Так он простоял, весь заиндевев, на протяжении семи дней и ночей.

У шамана было двое детей. Эти дети испугались и просили отца зайти [в дом]. Разве отец их послушается.

После этого на местожительстве Сабарта была гололедица, что доска. Погибло девять жеребых кобыл.

Напуганный этим, Сабарта преподнес шаману дары на двух навьюченных лошадях и стал умолять, беломордого вороного коня [также] вернул ему обратно.

Шаман дары отправил обратно. «Взятое пусть берет», — сказал он, даже коня не оставил. Этот шаман уничтожил Сабарту Баайя. Его родные, дети, он сам — все умерли.

Жена Сабарта Баайя в местности Куранах Юрэйэ (досл.: Высохший ручей. — *Н. А.*) закапывала золото и серебро, говорят. Она закопала семь *кебюеров* золота, восемь *кебюеров* серебра. *Кебюер* — [мешочек], который выделывается из коровьего пищевода.

Эта женщина повторяла при смерти: «Семь *кебюеров* моего золота, восемь *кебюеров* моего серебра», — лежала и, разгребая [пальцами] землю, умерла.

Эту женщину похоронили в рысьей шубе, с золотыми гривнами, со всеми разными украшениями. Говоря: «Пусть это будет ее ездовым конем», — закопали коня с серебряным седлом, с богатым снаряжением.

Ее могила была, говорят, на возвышенности в Куранах Юрюйэ.

Со слов Дмитрия Николаевича Другина, 80 лет, Верхоянский район. Записал Н.В. Емельянов 9 апреля 1956 г. [ИПРЯ, ч. 2, с. 154—155].

186. Джаарын (Князец-шаман)

Джаарын был знаменитый шаман. От него произошел род, живущий около озера Мэгэджэк и носящий его имя. Ныне они образовали один наслег — 1-й Бордонский. В Нюрбинском улусе есть тоже джааринцы — в составе Накасского наслега. Джаарын имел семь сыновей.

У него был богатый сосед Нэлэкэй-Кылаа, который имел знаменитого жеребца по кличке Мюллью-Босхонг. По всему его хребту от челки до хвоста росла грива, от хвоста до копыт тоже росла длинная шерсть. Джаарын в течение всей жизни не переставал просить этого жеребца, но хозяин не хотел расстаться с ним.

Однажды Нэлэкэй-Кылаа устроил *ысыах* и пригласил шамана Джаарына благословить начаток кумыса. Джаарын пришел. Упомянутого жеребца, надев на него двойной недоуздок, двумя поводьями привязали к лиственнице. Джаарын в самую пору восхода солнца освятил кумыс. Наверное, произносил и молитвы. Начался праздник, пили, плясали... Вечером народ разошелся, Джаарын снова стал упрашивать хозяина уступить ему жеребца. Тот ответил неизменным отказом.

Тогда шаман взял таловый прут, снял с него кору так, что белые и темные полосы шли, перемежаясь по спирали, и произнес заклинание, призывая своих духов:

«Подвластные мне духи, приведите ко мне жеребца Мюллью-Босхонга! Ньэлэкэй-Кылыы обещал мне дать его, а теперь отказывается...»

Затеялась ссора... Шаман в гневе проговорил:

«Хочешь дать — возьму его, не хочешь — тоже возьму!»

С этими словами он сел на коня и уехал. Он жил на противоположном берегу озера Нюрбы, на мысу под названием Бере-Тумула. Как только ушел шаман, привязанный жеребец стал биться и оборвал свои привязи. Семь человек, вооружившись палками, пытались остановить его, но он бросился в озеро и поплыл к противоположному мысу, местожительству Джаарына. Так он ушел за шаманом, как жеребенок за кобылицей.

Со слов Ивана Алексеевича Алексеева, 42 лет, Сюльский наслег Нюрбинского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в марте 1925 г. [1977, с. 198].

187. Джаарын Ойун

Внук Тююлээх Тюнгюрдээх — Тюлюен Ойун имел семь сыновей, одним из этих семи братьев был шаман Джаарын. Этот шаман был очень кровожаден, причинял вред людям и скоту. Он, хваля какого-нибудь коня, говорил:

«О, этот конь совершенно похож на самого Уордаах Джесегея, как если бы он сам воочию в собственном облике ходил, спустившись на землю!»

Этот конь обязательно погибал. Затем он таловым прутом с узором ударял поперек морды привязанных к *сэлэ* жеребят. Эти жеребята тоже погибали.

Однажды Джаарын Ойун сражался с Оноку, сыном Сююлэ-Багдарыына, состязаясь в первенстве. При этом Джаарын был князцом, а Оноку — старшиной. Бой оказался безрезультатным.

В те времена в Сюльском наслеге жил один богатый человек по имени Хамыйыах. Джаарын Ойун совсем разорил этого богача. Он приезжал к нему с навьюченными на коня двумя кожаными посудинами с кумысом и беседовал с ним в продолжение целого летнего дня, говоря при этом:

«Вот уже несколько лет живу на свете и ни разу не удалось полакомиться до отказа утятиной — линным крохалем-самцом. Разве вот дети моего приятеля угостят пищей? Пусть они поохотятся за ними, а мы тем временем заведем со стариком беседу!»

Сыновья уходили охотиться, забросив сенокос. Приступили косить только тогда, когда трава уже начала желтеть. От поблекшей травы постепенно погиб у них весь скот. Шаман бил таловым прутом с узором поперек морды их жеребят, отчего они потом умирали. Когда спрашивали шамана, почему он бьет жеребят, он отвечал:

«Хочу узнать, хорошие ли кони выйдут из них!»

Хамыйыах совсем обеднел и умер в нищете.

Тогда же в Мэгэжэке жил предок тамошних якутов, богатый и известный человек по имени Хатыы. Однажды захворала его дочь от черной смерти. Отец просил Джаарына совершить камлание над дочерью. У Хатыы был знаменитый конь, известный под кличкой Мэнгий-Мээчик. Джаарын долго и убедительно просил дать ему коня этого, но хозяин не давал. На этот раз Хатыы обещал уступить коня, если он вылечит и ту болезнь совершенно изгонит из нашего края. Шаман согласился и совершил камлание в течение трех дней и ночей. Болезнь, черную смерть, заключил в железный ящик и полетел с ним на север. В пути над озером Ниджили болезнь превратилась в рыбу, вырвалась из рук шамана и упала в озеро. Тогда шаман от озера Ниджили на три *кёса* (мера для измерения расстояний, около 10 верст) ближе протянул поперек железную преграду, чтобы та болезнь не приходила в наш край. Единственное доброе дело, сделанное шаманом Джаарыном, заключается только в этом. Просимого коня он получил.

У Джаарына было семь сыновей, из них известны имена следующих: Джалагай Киилээн, Джэрэнээк Ойун, Ньахчахаан, Энгэрдээх...

Джалагай Киилээн — знаменитый богач.

Джаарын, будучи князцом, носил кафтан из красного сукна. Когда он надевал его, люди говорили:

«Старик надел свой кафтан, видимо, собирается созывать сход!»

Со слов Ивана Николаевича Попова, 30 лет I Бордонский наслег Нюрбинского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в марте 1925 г. [1977, с. 204—205].

188. Оноху и Норгуо (Борьба с оргетцами)

Сююлэ-Багдарыын имел двух сыновей, старшего звали Оноху, а младшего — Норгуо. Оноху был силач и шаман, но никогда не шаманил. Только раз пришлось ему шаманить. Когда он кричал,

его голос был слышен на расстоянии тридцати верст. Он был громадного роста и так тяжел, что редкая лошадь могла выдержать его. Был один конь черной масти с белой мордой и его мать такой же масти. Только на них он ездил верхом. Лишившись их, ходил пешком. Он служил старшиной при князце Джаарыне. Для взноса податей ходил в Якутск пешком и путь туда и обратно совершал в семь дней (1400 верст туда и обратно).

Однажды пришлось ему сражаться с людьми Джаарына. Его младший брат Норгуо тайком высмотрел верши у людей Джаарына. Последний стал укорять Оноху за брата. Это послужило поводом для столкновения. Условились через три дня сразиться.

Придя домой, Оноху стал ругать брата. Тот говорит:

«О чем горевать, от многих падает много, а от малочисленных умрет немного!»

Чтобы испытать ловкость и увертливость брата, Оноху стал стрелять в него из лука. Но тот все летящие стрелы захватывал между пальцев и при этом приговаривал:

«Вот летит стрела, оперенная перьями орла, вот стрела с перьями пегого орла, вот стрела с перьями сарыча!..»

Заготовили стрелы, навьючили их на двух коней и поехали в условленное место сражаться с есехтерами. Остановились для привала. Вдруг Оноху крикнул маленькому брату:

«Эй, берегись, уже пришли есехтеры!»

Прилетела стрела и впилась в морду коня, которого держал под уздцы Норгуо. Конь рванулся и опрокинул последнего. Оноху поймал коня, пока успокаивал его, посыпались в него стрелы, сгибая во все стороны шерсть его дохи. Вслед за тем открыл стрельбу Оноху. Выпустил все стрелы, за исключением одной, и все мимо. У Джаарына был витязь по имени Есех-Ергюджэй, заменявший ему летящего сокола. Оноху, выражая досаду, стал кричать и взывать к Илбис-Кыыса... После этого свою последнюю стрелу направил в этого витязя Джаарына. Стрела угодила ему в колено, и он упал. Есех-ергюджэйцы взяли упавшего воина на руки и унесли. Оноху, видя это, издал громкие ликующие крики. Обернувшись назад, он увидел целую кучу стрел. Их наловил и принес его семилетний брат. Ободрился Оноху и начал новую перестрелку. Враги скоро бежали.

Жена Джаарына говорила мужу:

«Почему ты позволяешь этому сыну верхних [духов] свободно разгуливать? Давно бы следовало покончить с ним!»

Муж на это ответил:

«Ведь и ты — шаманка, попробуй-ка сама погубить этого сына верхних!»

Однажды шаман Джаарын совершил камлание к тем верхним духам, от которых происходил он сам, с жалобой на Оноху. Но духи-прародители прогнали его со словами: «Ты хотя и старше годами, но Оноху зародился в гнезде на один сучок выше, чем ты. Он шаман с более крепким назначением, чем ты».

Так он спустился ни с чем. И позже не удавалось ему погубить Оноху.

Со слов Ивана Алексеевича Алексеева, 42 лет, Сюльский наслег Нюрбинского улуса. Записал Г.В. Ксенофонтов в марте 1925 г. [1977, с. 202—203].

189. Злые проделки шамана Добун

В год большого *джута* шаман Добун со своим помощником (во время камлания. — *Н. А.*) Андреем Саганньах отправился в Борогонский улус купить муки. Поздним вечером они прибыли в Дюпсинский улус. Здесь зашли переночевать в дом, где жила одна старушка со своими мальчиком и девочкой. Когда они вошли в дом, старуха попыталась их прогнать: «Мы не пускаем ночевщиков, год очень трудный. Поищите другое место для ночевки». В ответ шаман Добун произнес: «Мы переночуем, поев свою пищу. Разреши только завести нашего быка на ночь в твой *хотон*». «Ну, если вы имеете свою провизию, то ночуйте, а быка разрешаю завести в *хотон*», — ответила старуха.

Добун сказал: «Андрей, заведи и привяжи быка, занеси наши постели». Андрей завел быка в *хотон*, привязал его там, затем попутно принес их постели. Когда он вошел, Добун вдруг сказал:

— Ну, Андрей, не повезло нам, придется переночевать, поужинав мясом со своих икр, поев мяса с мякоти своих рук. Принеси-ка вон то полено для рубки мяса. Андрей Саганньах принес топор и полено, предназначенные для рубки мяса, положил на середину дома. Положив их, Саганньах Андрей сказал: «Хозяйка, одолжи посудину для варки мяса». Старуха огляделась вокруг, подумала, что вроде бы у них и мяса не видно, но принесла и подала им ведро.

Шаман Добун не спеша разул одну ногу. Затем снял с себя коричневые наколенники, подошел и сел на полено для рубки

мяса. Он сел так, что на полене оказалась лишь его заголенная нога, провел по бедру черту и сказал: «Андрей, вот так отруби-ка».

Андрей схватил топор и начал рубить очень сноровисто. Тут начали отскакивать в разные стороны кусочки мерзлого мяса. Видя это, старуха запечалилась: «Напрасно я пыталась их прогнать, это ведь пришли ночевать настоящие злые духи». Шаман закутал себе ногу одеждой, тяжкой поступью добрался до правой лавки и без всяких разговоров улегся там. Андрей Саганньах сварил мясо. Они поели и легли спать. Уехали они, как только перевалило за полночь. Старуха даже не успела узнать, кто такие у нее переночевали. Они же на следующий день добрались до ее дальних соседей и остановились на ночлег. Когда они ночевали там, к ним глубокой ночью прибыл верхом человек. Он сказал, что в том доме, где вы перед этим ночевали, одновременно умирают двое детей. Попросил его поехать обратно и вылечить их. Но он отказался: «Ну, нет, не умею спасать, не поеду». Позже оказалось, что они взяли коровье стегно, находившееся в амбаре старухи, разрубили его и съели.

Со слов Егора Яковлевича Бытасытова, Октябрьский наслег Таттинского района. Записал И.С. Прохоров 3 апреля 1941 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 543, л. 50—51.

190. Нанесение вреда шаману

Если хочешь навредить шаману, то надо принести лоскуток материи из одежды недавно родившей женщины или беременной и привязать к шаманскому плащу, подойдя к нему сзади во время камлания. Тогда внезапно может сорваться с его плаща круглая железная привеска (*кюсэнэ*). У шамана же могло тут же начаться сильное кровотечение из носа и через рот, приводящее к смерти.

Со слов Никиты Алексеевича Парфенова, более 60 лет, Кюндяйинский наслег Сунтарского района. Записал Н.А. Алексеев 4 октября 1965 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 572, с. 54.

191. О вражде Биэстээх Бочооха с шаманом Сынгаага Суох

Во времена Биэстээх Бочооха[1] в Хачикате в устье реки Ботама проживал один знаменитый шаман, имя которого не произносилось всуе. Где он родился, вырос, как стал шаманом, никто не знал, и откуда он прибыл в это место и поселился, тоже неизвестно. Даже если посмотреть на его внешность, он чудовище был,

говорят, не похожий на всех людей. Он был с выпяченной грудью, вздутым животом, раскоряченными кривыми ногами, с горбом, что поклажа на спине, с покатыми плечами, низким лбом, черными густыми бровями, длинными поседевшими волосами, широкоскулым лицом, выдающимся вперед подбородком, неровными кривыми зубами, толстыми мясистыми губами, безбородым, как старуха. У него были раскосые черные глаза с быстрым, пронизывающим человека взглядом. Когда он зевал перед камланием, то рот его раскрывался, говорят, до самых оснований ушей. Когда он, камлая и распевая, вселял в себя своих сильных божеств и начинал прыгать и плясать, то про него можно было сказать, что это действительно человек-*абаасы*. Высоко запрокинув голову, поводя белками обоих глаз, начинал беспрерывно заклинать и исступленно распевать, угрожая показать настоящих живых медведей и волков, а у людей пробегала дрожь по телу, волосы становились дыбом, таким страшным был, оказывается, этот шаман.

Почему же Биэстээх Бочоох стал враждовать с этим шаманом? Биэстээх Бочоох, будучи человеком бедным, занимался тем, что зимой ставил на зайцев петли и самострелы. Попавших в петли и самострелы зайцев стал обходить и расклевывать ворон. Он думал, что, видимо, шаман намеренно посылает ворона на его добычу. Хотя Биэстээх Бочоох сердился на это, но не было в его мыслях тогда, чтобы побить или убить шамана.

Однажды Биэстээх Бочоох пошел осматривать свои петли и самострелы, к нему в дом приехал шаман. Невестка Биэстээх Бочооха ничем не угостила шамана. Когда шаман ушел от них, посетил одних жителей и рассказал, что семья Биэстээх Бочооха его ничем не угостила, и погрозился за это всех их посадить на середину лужи из свежей крови, и это стало известно Биэстээх Бочооху. Вскоре после этого, внезапно заболев, умер трехлетний внук Биэстээх Бочооха. Биэстээх Бочоох, раньше питавший вражду к шаману, теперь, подумав, что это шаман съел его внука, повел открытую борьбу с ним.

Однажды Биэстээх Бочоох случайно зашел к одним жителям, где сидел шаман, приглашенный камлать, и вырвал у шамана нижнюю его челюсть. На место вырванной челюсти шаман вставил себе телячью челюсть. С тех пор шамана стали называть Торбос Сынгаахтаах (С телячьей Челюстью). Он только иногда во время камлания стал вдруг ни с того ни с сего мычать подобно теленку.

Однажды Биэстээх Бочоох, встретив шамана, вырвал у него левый глаз. Шаман вместо потерянного глаза вставил себе собачий

глаз. С этого времени у шамана стали глаза разными: правый — черный, а левый — карий; в отличие от людей, когда он бывал в гостях, то его левый глаз косился на обрезки от подошвы, если в это время женщина шила *торбосы*. Каждый раз, когда шаман камлал у жителей, он стал проклинать Биэстээх Бочооха, грозиться съесть его, причитать, плакать. Но так как он ничего не мог поделать с ним (Биэстээх Бочоохом), он стал проклинать его потомство.

Ну а Биэстээх Бочоох-удалец и внимания не обращал на всю возню и проклятия шамана: «Телячий бесенок, что со мной сделают его *абаасы*. Разве сильного *абаасы* одолеет. Если придет его *абаасы*, я раздавлю его голыми руками», — говорил он. Однажды Биэстээх Бочоох встретил шамана на острове и убил, оторвав ему голову, затем его труп сжег и пепел его костей бросил в воду и размешал деревом с корневищем. Но этот шаман имел, оказывается, предопределение воскреснуть один раз, поэтому, воскреснув, снова стал камлать[2].

Но все же он, подумав: «Если Биэстээх Бочоох убьет меня второй раз, то потом напоследок, в грядущем будущем, не смогу опять возродиться-воплотиться», — спрятался у озера Усун и умер от болезни, как обыкновенный человек. Опасаясь все же Биэстээх Бочооха, он оставил своему сыну такое завещание: «Похорони меня у самого озера Усун, для могилы выройте отвесную, как для столба яму, заройте меня в ней стоймя, а насыпь могилы сравняйте с землей». И сын его похоронил так, как завещал отец, поэтому никто не знает, где он похоронен.

С тех пор жители Ботама перестали подражательным мычанием подзывать коров, а подзывали их, говоря: «Кэл-кэл» («иди-иди»), а также телят перестали называть «Торбос», а стали называть «тамыйах», «ньирэй». Имя шамана С телячьей Челюстью не произносят вслух. Когда о нем вспоминают, то называют его просто «Дух местности».

Из записей С.Ф. Ксенофонтова из Качикатского наслега Орджоникидзевского района, 1954 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 2, с. 269—270].

192. Тюмятинская шаманка

Говорят, в старину в Тюмятинском наслеге, в долине реки Лены, у залива озера Дэлгэрэ, на лугу Халлай Кумактаага жила-была старуха — тюмятинская шаманка. Ее настоящего имени сейчас никто не помнит. В этом местечке люди ее построили ей

маленький балаган. В этом маленьком балагане она жила совершенно одна.

Однажды весной уроженец Тыыллыма Краснощекий Хамалга с двенадцатью всадниками приехал к ней и поджег эту шаманку. Запертая в балагане шаманка, взяв свой бубен, поднялась вверх по отверстию дымохода, но один из людей Хамалги, закрыв доскою дымоход, сидел на нем. Тогда она пыталась провалиться сквозь землю, но застряла, зацепившись за корни дерева. Она должна была спастись в своем настоящем виде, но это не удалось. Люди ее, когда строили ей отдельный балаган, столбом оставили срезанную растущую ель с корнями. Поэтому тело ее сгорело, только *кут-сюр* ее улетел.

Когда тюмятинцы узнали о прибытии Краснощекого Хамалги, собрались и во главе с силачом Дьегюдэл Беге поехали сражаться. В перестрелке из луков тыллыминцы смертельно поранили стрелой Дьегюдэл Беге, и тогда тюмятинцы отступили.

Прошло сколько-то много лет...

В Тюямяти участились сумасшествие и исступленное распевание.

Устами женщин-мэнэричек и сошедших с ума от имени той старухи-шаманки (которую стали звать Кыньахаммыт — Опаленная) говорилось так: «Из-за плохого отношения ко мне моих людей оказалась я со злополучной судьбой, с несчастным уделом. Если бы они, как люди, поставили бы в моем доме обрубленный столб, я, такая удалая, убежала бы от Краснощекого Хамалги в своем настоящем виде и преследовала бы его по горячим следам, разыскала бы его по остывшим следам, всех его родных и потомков выдергивала-вытягивала бы».

Вот так тюмятинские люди мучились в продолжение многих лет. Тогда старейшины — главы наслега, посоветовавшись, призвали девять шаманов, которые, прокамлав, поймали ставшую *юёр* шаманку[1], вселили ее *кут-сюр* в берестяной идол, окутали клубком шерсти и запрятали в дупло дерева, растущего на северной стороне аласа, снаружи заделали корой так, что ничего не было заметно.

После этого сумасшествие и исступленное распевание людей прекратились. Опять пронеслись многие годы, люди позабыли, где, в каком дупле запрятан тот *юёр*.

Однажды весною человек из материнского рода Талгы, старик Дьабадьы, поехал на быке в лес по дрова. Там он увидел одну большую сухую лиственницу, срубил ее, начал перерубать на чур-

баны соответственно длине саней. Найдя внутри одного чурбана клубок шерсти, сказал он: «Что это такое?» — ударил обухом по клубку, из клубка выпал берестяной идол. От испуга старик тронулся умом, и он, больной, вернулся домой.

С этого времени люди из Тюмяти стал помрачаться рассудком, сходить с ума. Их устами выражалось, оказывается, следующее:

«Вот такую важную особу, как я, сорок лет держали в мрачной темнице, но бедняга Дьабадьы-старик выпустил меня, и я опять узрела солнечную страну. Теперь уж я так безропотно не уйду отсюда, на этот раз, поддавшись обману, снова не пойду в темную темницу».

Прошло сколько-то лет, после этого старейшины — главы наслега — снова призвали девять шаманов, купили амбар у старика Федота Тилигириир и этот амбар перенесли на восточный конец аласа Киэнг Еннюес и поставили там. *Сюр-кут* той превратившейся в *юёр* шаманки вселили в берестяной идол величиной с настоящую женщину, снабдили всей посудой для приготовления продуктов из кобыльего и коровьего молока, домашней утварью и необходимой для женщины зимней и летней одеждой. Говоря: «Вот мы тебе, старшей сестре своей, выделили отдельное хозяйство, твой дом и очаг вот здесь, впредь ты нас не мучай, не чини несчастья, не тронь нас, оставь в покое», — со многими заклинаниями эту *юёр* поселили в этот перенесенный амбар.

После этого снова люди стали меньше сходить с ума.

Местные люди этого *юёр* никогда не называют «Опаленная», а называют вообще «Амбарная» или просто «Старуха». Когда выезжаешь из [Ленской] долины на взгорье, там идут две дороги, одна из них называется «Подъемом Амбарной». Старик Федот Тилигириир жил лет шестьдесят тому назад.

Записал С.Ф. Ксенофонтов в Качикатском наслеге Орджоникидзевского района, 1954 г., г. Якутск [ИПРЯ, ч. 2, с. 290—291].

193. Стихийные явления, сопровождающие смерть шамана

Перед смертью она (Матрена) будто бы сказала: «Если моя смерть будет сопровождаться ветром и бурей (досл.: “если я отправлюсь с ветром и бурей”), то в этот край не возвращусь больше, и мои люди будут жить счастливо». И действительно, когда она умерла, случился страшный ветер, который повалил мно-

го деревьев и побил в домах окна. Кроме того, в ночь ее смерти подохла одна корова, а в день похорон от вихря погиб один конь.

Умерла она десять лет тому назад.

Перед смертью она сама выбрала место, где ее нужно похоронить. Ее люди там выкопали могилу, но живущие около того места хозяева не разрешили хоронить. Поэтому в этой яме зарыли собаку, а шаманку похоронили в другом месте.

После смерти этой шаманки в местности Кейюгюйэ, где она имела постоянное местожительство, люди на льду озера видели лежащих трех медведей. Говорили, что это будто бы бесы той шаманки. По слухам, ее бесы были тунгусского происхождения (досл.: «ее схватили, снизошли на нее тунгусские бесы»).

Со слов Петра Иванова, о. Тоен-Арыы. Записал Г.В. Ксенофонтов 13 января 1925 г. [1928, с. 24].

194. Шаман Эргис

I

Наш предок по имени Эргис был белым шаманом (досл.: шаманом *айыы*)[1]. Он совершал камлания только на *ысыахе* и духу-хозяйке земли. У него шаманской одежды не было, имел только круглый бубен. Он к больным шаманить не ходил, чтобы не прикасаться к нечистому. Летом на *ысыахе*, когда он, находясь в помещении, произносил заклинание с упоминанием девяти светлых духов *айыы*, с молением Дьесегей тойону и совершал возлияние кумыса на огонь, то Дьесегей, говорят, появлялся воочию, зримо. На середину неба всплывало светлое белое облако величиною со шкуру белого медведя, снятую вместе с головой и лапами, и останавливалось поперек прямо над *урасой* Эргиса. С середины облака показывался до груди бело-молочный жеребец и звонко ржал, а потом исчезал, говорят. Там выпадал, говорят, снег толщиной в два пальца. Тогда год бывал урожайным, говорят.

Шаман Эргис для верховой езды имел двух чисто белых коней. Тогдашние люди все боялись его. Никто не смел пройти перед ним.

Говорят, старик Эргис имел девять сыновей. Старшего сына звали Саабырыкы, следующего Нерюнгнян, за ним был Тюекэй (Обманщик), затем Кюэрэгэй (Жаворонок). Самого младшего звали Ангыр Беппелех (Слабая Выпь). Зимнее местожительство Эр-

гиса находилось в Ой, а летнее — в Хараанайе, покосы же он имел на острове Ынах Арыыта (букв.: на Коровьем острове).

Однажды шаман Эргис во время косьбы сена на острове Ынах Арыыта неводил на озере Титтях. Он там наловил девять коробов рыбы. Говорят, увидев это, шаман произнес: «О, значит, ныне год моей смерти. Бабушка дала мне предсмертную мою еду». И правда, и в старину и теперь на озере Титтях обычно много рыбы не попадает в невод.

После окончания этих работ [на покосе] старик Эргис, живя в своем балагане в Хараанайе, сказал: «Ныне осенью я умру, поэтому устрою будущую жизнь моих детей», — и стал камлать вышним духам. Он камлал три дня и три ночи подряд до того, что борода и волосы его покрылись инеем. Прокамлав таким образом, сверху спустился с тремя пучками белых конских хвостовых волос. Это он отдал своему пятилетнему сыну, говоря: «Это предназначено моему младшему дитяте Ангыр Беппелеху». Старшие сыновья позавидовали ему: «Это значит, что отец нас ни во что не ставит. Он первым позаботился о наследстве для своего маленького и глупого сына» — и, уговорив маленькое дитя, выманили пучки волос и по одному разделили между собой. Отец их, узнав про это, сильно рассердился и проклял своих сыновей. «Не допущу, чтобы выстроили изгороди с правой стороны (своего жилища)». И правда, поэтому эргисцы до самого позднего времени не имели лошадей, говорят.

Шаман Эргис своих сыновей расселил каждого в отдельной местности. Саабырыкы поселил в Кытыле (на берегу Лены), Нерюнгняна — в Аларе, Тюекая — в Саадах Ыйаабыте, некоторых — на Сынгасалаахе, Бэс Кюеле и т.д.

Завещал, говорят, похоронить себя в верховьях речки Хатынг Юрэх (Березовой речки) на бугре в лесу Хара Атыыр.

Той осенью, когда земля стала примерзать, он умер. Как его похоронили, неизвестно, уже забыто. Существует рассказ, будто бы он оставил завещание: «Когда я умру, мои останки (досл.: мои кости) перехороните трижды, только тогда мои *кут-сюр* отделят в небытие (*дьабын*)[2]».

II

Прошло несколько поколений (букв.: человеческих веков), а сколько, не знаю. В урочище Лох, где ныне летник, зимовал один бедный человек из эргисцев. Весной, когда снег стал пористым,

когда дорога стала мягкой и топкой, пришли и постучали в коновязь того человека. В те времена, если почетный человек приезжал к бедному, то стучал в коновязь или столб у входа, тогда выходили из дома, чтоб принять повод коня, пока гость спускался с седла, отворяли дверь, вводили его в дом и усаживали, положив для него подстилку. Потому и этот человек, подумав: «Кто бы это такой важный приехал?» — выскочил во двор. И смотрит: остановив лошадь у коновязи, сидит верхом старый человек с совершенно седыми волосами, в волчьей дохе, с большими глазами, подобными витым кольцам нарядной узды. Этот старик, не слезая с лошади, громким голосом сказал: «Парень, внимательно выслушай мои слова. Были у меня потомки, которых звали эргисцами. Эти люди, если имеют видящие глаза, пусть посмотрят, если имеют чуткие уши, пусть услышат. Меня размывает дождевая вода, заливает весной талая вода. Пусть они позаботятся обо мне. Иди и передай это эргисцам». Так сказав, старик повернул коня и по северной стороне аласа поехал шагом в сторону речки Хатынг Юрэх. Человек так и не узнал, кто был у него. Зашел в дом и стал соображать, оказалось, что такого старика поблизости не было. «Еще он эргисцев называет своими потомками, что за диво?» — так подумал. Когда он, выйдя, последовал по следам, следы коня старика спустились по дороге на речку Хатынг Юрэх, там старик повернул коня на запад, конь ступил пять-шесть раз по снегу, и следы его исчезли. Того человека осенила мысль: «Значит, был наш дедушка Эргис. И правда, говорили, что его могильный лабаз от ветхости покосился». Назавтра он пошел и заявил [о происшедшем] эргисскому князцу Никифору Чохооной[3].

III

Эргисцы собрались во второй раз перезахоронить останки (букв.: кости) своего дедушки. Это должно было быть сделано таким образом: сделать намогильные сооружения и поднять останки старика должны девять юношей, еще не гулявшие с носящими одежду в талию, не имевшие интимную связь с носящими шубу с фалдами (с женщинами. — *Н. А.*). Одежду должны шить семь невинных девушек, еще не вкушавших сырого, не ступавших по росе. При поднятии останков для угощения участников [перезахоронения] должны были зарезать девять молодых кобыл бело-молочной масти и приготовить девять *симиров* кумыса. Здесь белый шаман должен был совершить моления и заклинания.

Эргисцы нашли восемь молочно-белых молодых кобыл, а вместо девятой присоединили одну белоногую серую кобылу. То ли они в том году не нашли соответствующую лошадь, то ли поскупились. Хотя и были девять юношей, но старшина Ефрем, как должностное лицо, будучи женатым, дерзнул участвовать из бахвальства в поднятии останков своего деда.

Семь невинных девиц нашлись. Останки белого шамана должен был поднимать белый шаман. Но в то время белые шаманы уже вывелись, их не было, поэтому отыскали внука Эргиса Солколооха, считая, что он хотя и был черным шаманом, но не был пожирателем и на его совести не было грязи и нечисти. Когда травы и деревья достаточно зазеленели, ну, вот эргисцы приготовились и выехали.

Когда, приблизившись к могиле старика, остановились у бугра, на котором стоял могильный лабаз, облачили в шаманский костюм своего Солколооха и заставили произносить заклинания, тогда с могильного лабаза старика вылетели белые куропатки. Увидев это, шаман сильно испугался, язык его стянуло торчком, ноги его поджались, и, растопырив руки, он упал в обморок. Эргисцы сильно испугались, подумав: «Что-то сделали, видать, мы, эргисцы, не так в приготовлениях для перезахоронения останков *тойона*-дедушки».

Тогда оказавшийся тут речистый и бойкий молодой человек по имени Петр Гермогенов, сняв шапку и подвесив ее на шею, став на одно колено, стал заклинать:

Дедушка-*тойон*,
Что с тобою?
Если обойдя кругом, присмотришься к нам,
То мы с тобой окажемся родственниками по плоти,
Если оглянувшись, посмотришь на нас,
То мы окажемся твоими кровными родственниками,
Прекрати свой гнев,
Разгони свою злость,
Смягчи свою ярость!
Мы пришли, чтобы положить в могильный лабаз
Твои медные кости.
Мы прибыли для того, чтобы поднять
Твои серебряные кости.
Нашу просьбу
Выслушай с одобрением,
Наши заклинания
Прими и помилуй нас!

Старик принял заклинание, шаман пришел в чувство и продолжал заклинать. Когда шаман с заклинаниями поднялся на бугор, за ним последовали эргисцы и сделали новый могильный лабаз. Поставили шесть столбов, на поперечных перекладинах которых сделали настил, на которых устроили маленький амбарчик вроде сруба для лисят. Внутри амбара [поставили] гроб из долбленой вроде корыта колоды, туда положили останки старика. Подстелили рысью шкуру, под голову подложили соболя, накрыли волчьим одеялом. Когда увидели, говорят, старик лежал совсем целый, весь желтый. Гроб закрыли крышкой из досок и заколотили гвоздями, кругом обмазали черной серой. Внутри гроба положили его нож. Снаружи гроба, внутри амбарчика в головах положили его бубен, справа лук, колчан со стрелами, слева пальму. В ногах положили его седло и в котелок с дырявым дном положили семь серебряных талеров. Когда амбар покрыли, то сверху сделали двускатную крышу. Так, подняв и схоронив останки старика, зарезав и съев девять лошадей, распив кумыс в девяти *симирях*, устроили *ысыах*. Шаман же душу старика поднял в Верхний мир.

IV

Промахи и ошибки эргисцев при поднятии останков своего предка имели, говорят, плохие последствия; а может быть это случайность.

В следующем году случился падеж лошадей. Это за то, что при перезахоронении останков старика девятой кобылой присоединили белоногую сивую, у эргисцев пропали все лошади. Так говорили.

Через год после этого пришла эпидемия кровавого поноса. Тогда умер тот старшина Ефрем, который в предыдущем году, будучи женатым, дерзнул участвовать в поднятии останков старика.

Петр Гермогенов за то, что будучи острым на язык, укротил гнев духов старика, стал, говорят, понимать язык всех тварей, бегающих и летающих. Этого дара он потом лишился по своей глупости. После женитьбы он ехал к своему тестю в Одунинский наслег и на берегу речки Суон Юрэх услышал, как ворон заговорил по-человечески. Про это он рассказал своему тестю. После того он стал совершенно глухим, человеком тупым и слабым. Говорят, если кто понимает речь тварей, летающих и бегающих, тот это никому не должен рассказывать. Только перед смертью

должен рассказать самому младшему из своих детей о том, что ему приходилось слышать.

Позднейшим людям Эргис не чинил неприятностей. Ылаар[4], прибывший с приисков разорившимся, однажды в пьяном виде сказал: «Возьму лук старика-дедушки и буду жить охотой». Он-то негодник, что сказал, то и выполнил. Однажды он пошел на могилу старика, забрался в амбар лабаза, взял лук и, расматривая его, стал рассуждать: «Взять мне или не взять? Если я возьму, будет ли это иметь плохие последствия?» — рассуждая так, сидя, он уснул. Когда проснулся, как сел, так и сидит, оказывается. День вечерел, тени стали длинными. Дрожь пробежала по телу. Тогда он положил лук, спустился с лабаза и пришел в свое летнее урочище Алар. Там люди спросили: «Петр, где ты пропадал в течение двух суток?»

Затем тоже было другое происшествие. В Немюгюнцах был, говорят, человек по имени Илья Сумасбродный, живущий на речке Суон Юрэх, человек неважный, волынщик. Этот человек, промотав все состояние в карты, подумал: «Передают, что у старика Эргиса есть семь серебряных талеров. Если бы взять их и поставить на кон, то ни одному двурукому не проиграл бы в карты. Однажды весной, когда снег стал садиться от тепла, Илья Сумасбродный пошел на могильный лабаз шамана Эргиса, поднялся, подтянувшись на руках, с дырявого котелка старика сгреб в ладонь монеты и, спустившись, пошел с бугра на речку Хатынг Юрэгэ. Когда он шел, сзади раздался шум. Он оглянулся: на уровне средних ветвей деревьев, не касаясь земли ногами, летит наяву сам старик. Увидев это, Илья крикнул: «Если жалко тебе, бери!» — деньги кинул назад и побежал. Это так и осталось. С Ильей Сумасбродным ничего не случилось.

V

Останки старика Эргиса должны были перезахоронить [потомки] на девятом поколении от него. При третьем перезахоронении останки старика должны были закопать в землю. Тогда должны, говорят, заставить шамана камлать, на поминки забить двух чисто-белых лошадей и одного четырехтравого черно-бурого быка-пороза. Так рассказывали старинные люди.

Со слов Ивана Гаврильевича Петрова, 64 лет, Эргисский наслег Западно-Кангаласского (ныне Орджоникидзевского) района. Записал Г.У. Гермогенов (Эргис), июль 1930 г., местность Кытыл [ИПРЯ, ч. 2, с. 255—258].

195. Ойун Уол

Предком якутов Хоптогинского наслега Амгинского района был Ойун Уол. Он имел шаманский костюм с серебряными привесками.

Тот шаман узнал, что близок час его смерти. Перед смертью он заранее выкопал себе могилу, попросил разжечь костер и продежурить всю ночь. Те, кто дежурил, осмотрели утром место, где они ночью жгли костер, оказалось, что на золе остался след четырех копыт коня, улетевшего на небо в южную сторону.

А Ойун Уол, лежавший при смерти, бесследно исчез живым. В то время считали: «Отправился в Верхний мир, в свой шаманский загробный мир».

Со слов Николая Николаевича Ефремова, 70 лет, Хоптогинский наслег Амгинского района. Записал С.И. Боло 25 августа 1933 г. [1938, с. 159].

196. Гроб

Когда-то в давние времена в Мегинском улусе жил один богач. Он имел много коней, коров и нескольких работников. Среди них был молодой, шустрый малый по имени Иван. Он пас коней. Однажды осенью, когда земля еще была черна, но озера и реки уже стали замерзать, хозяин дал этому человеку поручение:

— Ты, Иван, разыщи всех коней и загони их в одно огороженное место. Настала пора, когда лошади нечаянно проваливаются под лед и тонут. Да и желая утолить жажду, они могут погибнуть в воде.

— Ну, ладно, — ответил Иван, — сегодня поймаю своего коня, подготовлю его к поездке и завтра утром поеду на поиски.

Иван поднялся рано утром, оседлал коня, оделся сам и поехал искать коней. Он не взял с собой ничего из еды, не стал брать и своей постели. Решил, что обязательно вернется днем или в крайнем случае вечером.

Вот едет он с одной елани к другой, с одной речки к другой, но нигде коней не нашел. Иван ездил на достаточно резвом коне. Поэтому, проезжая от одной речки к другой, он добрался до очень далекого участка. Стало вечереть, а коней он все не находил.

Он проголодался и после захода солнца замерз от холода осеннего вечера. Иван понял, что сегодня никак не доберется до места, где жил, и ему нужно здесь найти дом ближайших жите-

лей, переночевать у них, а с утра обследовать притоки этих речек и найти лошадей. Он подумал, что люди должны жить на еланях, находящихся недалеко от речки, около которой он находился. Иван повернул в сторону и поехал по лесной тропке. Между тем настала самая темная осенняя ночь, какая бывает в пору межлуния. Иван был одет легко. Так что он страшно замерз, да к тому же и проголодался. Он совсем не знал, где здесь близко жили люди, и, редко бывая в этих местах, не имел понятия, где находились елани. Вот почему он ехал туда, куда направлялся его конь. Прошло много времени, но жилое место все не встречалось. Он начал беспокоиться.

Вдруг неожиданно он выехал на начало елани, где стояли остатки старинных развалин. Посредине этого места показалось жилье, где обитали какие-то люди. Ярко светилось, оказывается, каждое окно их балагана, из трубы валил, сверкая искрами, дым, за окнами мелькали силуэты людей. Иван, увидев это, безмерно обрадовался. «Ну, — подумал он, — здесь я переночую, а завтра объезжу все окрестные места, если кони где-то тут, то найду их, а если нет, то узнаю, что их здесь нет». Затем он привязал коня к коновязи, стоявшей перед балаганом, и вошел в него. Там он увидел, что на лавке, находящейся напротив двери, сидит одна приятная, почтенная хозяйка, одетая в платье довольно зажиточных людей. Кроме нее на левой стороне юрты находилась одна очень красивая, прекрасная, юная девушка. Иван, войдя, снял свою верхнюю одежду и оставил ее на одной из лавок, находящихся в правой части балагана, как это положено делать человеку, собирающемуся здесь переночевать. После этого, оставшись в одной рубашке, подошел погреться к огню.

— Что слышал, Иван? — обратилась старуха.

— Нет, ничего не слышал. А ты что слышала? — в ответ произнес Иван. Однако Иван застыдился: «Смотри-ка, они меня, значит, знают, а я их не знаю. Какая же это старуха, может быть, она безмужная вдова, а это ее дочь или невестка?» — думал он про себя, но все же не нашел сил спросить, кто они такие.

— Откуда так поздно едешь? — спросила старуха.

— Я в поисках коней объезжал речки, но не отыскал их, наступил вечер, меня застигла темнота, заблудился было, но вот, к счастью, вас нашел и спасся, — ответил Иван.

— Ну и ну! Как же ты заблудился, Иван, в собственном наслеге?

— Заблудился я большей частью из-за темноты, а так знаю близкую мне округу.

Вот так старуха поговорила с ним, спрашивая о том, о сем.

— Ну, дитя мое, к нам же гость пришел, мы уже поужинали, поэтому для него поставь быстренько самовар, — сказала старуха своей девушке. Девушка тут же начала кипятить самовар. Старуха взяла ключи и деревянную миску, вышла и принесла из амбара вареную жирную конину. Между тем девушка поставила на стол самовар, принесла чашки и налила ему чаю, дала в тарелке ту отварную конину. Иван поел с большим удовольствием. Он съел все данное ему мясо и чаю попил много. Иван наелся, насытился, разогрелся-вспотел. Затем спросил у старухи:

— Где бы мне покормить немного моего коня?

— За амбаром есть загон для лошадей, огороженный изгородью со столбами. Там есть сено. Запусти своего коня туда, пусть пожует сена, сколько сможет, — сказала старуха.

Иван вышел, снял с коня седло и бросил на землю. Затем отвел коня за амбар, снял с него узду, которую забросил на столб, и запустил его в загон. Сам вошел в дом.

— Иван, кажется, у тебя нет с собой постели? — спросила старуха.

— Постели нет, — сказал Иван. Тогда старуха принесла из амбара подстилку из медвежьей шкуры, одеяло из заячьих шкур и подушку. Все это постелила на правой лавке. Старуха сама легла спать на лавку, стоящую напротив входа. Девушка же пошла ночевать в чулан, находившийся в левой части балагана.

Иван лег на мягкую теплую постель, стал размышлять о разном. «Смотри-ка, в итоге того, что меня застала темнота и я заблудился, нашлись такие хорошие люди, и я так удачно устроился на ночлег. Эти дорогуши угостили жирной кониной и уложили спать на такой роскошной постели. Да, хорошая хозяйка. Она меня знает, а я ее нет. Очень удивительно, как могло случиться, что я даже не слышал о них? Вот какая у нее хорошая бедняжка-дочь, оказывается. Как хорошо было бы на ней жениться». Так он помечтал немного, потом крепко уснул.

Утром, когда Иван проснулся, небо на востоке уже побелело. Он же, оказывается, замерз, стал похож на колоду. Он вдруг вспомнил, что вчера вечером ложился в теплую постель, состоящую из подстилки из медвежьей шкуры и одеяла из заячьих шкур. Пошарил вокруг, как бы надеясь найти их, но ничего не было: ни

подстилки, ни одеяла, ни подушки. Лежит, оказывается, на голой земле.

Потом он вспомнил, что лег спать внутри дома, что были старуха и ее дочь. Огляделся кругом, увидел, что лежит на краю того места, где в древности стояла юрта, но от нее остались лишь почти полностью заросшие остатки развалин. На краю старинного заброшенного становища виднелись лиственницы, с которых уже опала вся хвоя. «Что это такое? С ума, что ли, я сошел или все еще вижу какие-то сны? Нет, я, кажется, не сошел с ума, все понимаю и вовсе не сплю. На какие же греховные уловки я попался?» Он захотел вскочить, но окоченел так, что не подняться. Он размял свои руки и ноги, потянулся несколько раз, покатался по земле и встал. Он вспомнил все: что вчера вечером у коновязи, сняв с коня седло, узду и повод, повесил их на столб изгороди, а коня запустил в загон, находящийся за амбаром. Оказалось, что седло валяется на земле; нет ни амбара, ни загона; узду и повод тоже подобрал с земли, а его конь стоит на другом краю становища и грызет землю. Он пошел, поймал коня и привел к тому месту, где лежало седло. Оседлывая коня, он внимательно оглядел все вокруг и вдруг обнаружил, что около того места, где он спал, высится огромная, толстая сосна. На ней, на верхней ее половине, висел берестяной короб, похожий на гроб взрослого человека. Увидев это, Иван сильно испугался. «Ух ты! В нем, наверное, был заключен злой дух. Я, видимо, придя сюда вчера, сошел с ума», — подумал он. Тут же он вскочил на своего коня и поехал по едва заметному следу, оставшемуся от древней дороги. Жилье настоящих людей он нашел примерно в пяти километрах от места, где ночевал. Посетил их, обогрелся, поел. Он рассказал тем людям все: где ночевал, что с ним там случилось. Тогда находившийся в юрте старик преклонных лет спросил его:

— Друг! Ты не видел на елани большой сосны?

— А-а, видел, в том месте стоит большая толстая сосна, — сказал он.

— То, что ты рассказал, очевидно, все случилось на самом деле. В той елани в древности жила знаменитая шаманка, подобная настоящему злому духу. Та шаманка имела очень красивую дочь. Как-то случилось так, что шаманка скоропостижно скончалась. Ее положили в берестяной гроб и похоронили, повесив на ту толстую сосну. Вкоре после смерти матери девушка тоже умерла. Ее похоронили на краю их становья. Вот они, мать с дочерью, с

той поры появляются, когда один год сменяется другим[1], и живут так же, как настоящие люди. Если в то время кто-нибудь, как ты, приходил к ним поздно ночью, то он тоже встречался с ними и гостевал у них. В прошлом рассказывали о подобных случаях, — сказал старик.

Со слов Якова Федоровича Зыкова, 66 лет, Морукский наслег Мегино-Кангаласского района. Записал А.С. Порядин в 1945 г. АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 706, л. 2—12.

ПРИМЕЧАНИЯ

МИФЫ О ПТИЦАХ, ЖИВОТНЫХ, РЫБАХ И ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

1. Собрание птиц

1. *Көтөр аймах* — птичье племя. Пережиток очеловечивания птиц и животных. По верованиям якутов, птицы, как и люди, делились на отдельные роды. Подобные представления имелись и у других тюркоязычных народов Сибири. См. [Алексеев, 1975].
2. «*Сахха* — особенность произношения северных якутов, вместо принятого в литературе — саха» [ЯС, т. 1, с. 205].
3. В произведении птицы показаны как члены наслега — «административной единицы, составляющей одно земельное общество».
4. «*Өллөхпүнэ маҕылаах этин сиэхпит* — если умрем (пропадем), то [не] съедим давешнее мясо. Это, видимо, поговорка колымских якутов, смысл которой переводчику не ясен, и перевод сделан дословно» [Там же, с. 295].
5. «Здесь собрание птиц изображено в виде улусного собрания. Улус — административная единица дореволюционной Якутии, соответствующая примерно волости в России» [Там же].
6. *Үөр* (*юёр*) — по верованиям якутов, злое сверхъестественное существо, в которое превращалась часть покойников [Алексеев, 1980, с. 164—168].
7. «По поверьям старинных якутов, некоторые шаманы обладали даром провидения» [ЯС, т. 1, с. 296].
8. «В Якутии есть большие озера, на этих озерах летом, в период высиживания яиц, крупные водоплавающие птицы линяют, т.е. сбрасывают маховые перья» [Там же].
9. *Кыдат* — в фольклоре северных якутов южная страна, куда улетают на зиму перелетные птицы. *Кыдат көтөрө* — перелетные птицы [Там же].

2. Орел

1. *Тойон кыыл* — досл. «Господин диких птиц», иносказательное название орла. Якуты в прошлом зверей и птиц в разговоре не называли их собственными обозначениями, а пользовались иносказательными.
2. *Улуу тойон* — досл. «Великий господин», глава верхних *абаасы*, сверхъестественных существ, якобы обитающих в Верхнем мире. См. [Алексеев, 1984, с. 26—29].

4. Эллэй — изобретатель кумысной посуды и устроитель *ысыаха*

1. *Ысыах* — досл. «кропление». Традиционный якутский праздник, на котором обращались с молением к светлым божествам *айыы* — покровителям

рода и племени. От их благосклонности зависело будто бы благополучие якутов. Праздник устраивался в конце июня. К этому празднику якуты готовили кумыс — напиток из кобыльего молока.

2. *Сири иһит* (*сири исит*) — большая кадка для кумыса, изготовленная из выделанной бычьей шкуры; *симиир* — кожаный мех для приготовления кумыса; *чороон* — резной деревянный кубок для кумыса; *хаалья* — кадка из бересты для хранения кумыса; *бисээйэх* — видимо, посуда из бересты.

5. Орел — божество кангаласцев

1. *Кангаластар* (кангаласцы) — одна из пяти больших центральных групп якутов [Долгих, 1960, с. 377].

6. Предок батылинцев

1. «Батулинские волости с 60-х годов в XVII в. были в Жиганском, Верхоянском и Усть-Янском зимовьях» [ИПРЯ, ч. 2, с. 311].

7. Погребение орла

1. *Ийэ кут* (досл. «материнская душа») — по верованиям якутов, у человека три *кут* (души): *ийэ кут* (материнская душа), *салгын кут* (воздушная душа), *буор кут* (земная душа). (Подробнее см. [Алексеев, 1975, с. 120—123].)

8. Орлиное счастье

1. Б. Алексеев слышал миф от старухи Марии Афанасьевой, умершей около 1918 г.

13. Божество Лебедь

1. *Көс* (*кёс*) — якутская мера длины, равная примерно 10 км.
2. «*Кийиттии* — обычай, определяющий отношения между невесткой и старшими родственниками мужа вообще и свекра в особенности. В силу этого обычая в старину невестка должна была избегать показываться свекру, позднее показывать лицо, волосы и босые ноги» [ИПРЯ, ч. 2, с. 310].

17. Божество Ворон

1. Имеется в виду р. Лена, варианты см. [Ксенофонтов, 1977, с. 84—85] (АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69).
2. *Ытыктыыллар* — досл. «почитают ворона» — ворон был их тотемом.
3. *Дьуотту* — не якутское слово, по смыслу «отойди, отделись», возможно, новое от русского «к черту».
4. Имеется в виду г. Якутск.

18. Тотем

1. Заголовок А.А. Саввина.
2. *Ала суорун тойон* — по якутской мифологии глава одного из родов верхних *абаасы*.

19. Хоринцы, почитающие ворона божеством

1. *Саа тыынын ыаратыы* — досл. «утяжелить дыхание ружья», магическое поверье, согласно которому усиливалась убойная мощь оружия.

23. Сын божества, владеющего вороными конями

1. *Хара сылгылаах* — досл. «имеющий вороных коней», по якутской мифологии глава одного из родов *абаасы* Верхнего мира.
2. *Ылгын эрбийэ* — младший малыш, имя одного из семи братьев — духов-хозяев огня.

26. Божество Ястреб

1. *Сахалыы ыарыы* — досл. «болезнь по-якутски», в прошлом якуты ряд болезней считали исконно якутскими, их якобы могли лечить только шаманы.

27. Божество Ястреб

1. *Голомо* — зимнее жилище, полуземлянка, верхняя часть представляла собой конусообразный шатер, напоминающий собой чум, покрытый кусками дерна.

30. Кусочек глины с перышками из гнезда скопы

1. В прошлом якуты верили, что эти птицы обладали способностью проклинать. Они «могли» проклятьями засушить верхушку дерева, стоящего у их гнезда. Поэтому заклинали их предков путем шаманского камлания (прим. А.А. Саввина. — *Н. А.*).

32. Кукушка

1. Петров день (29 июня по старому стилю) — христианский праздник.

34. Почему кукушка перестала вить себе гнездо

1. Благовещение (25 марта по старому стилю) — христианский праздник.
2. Николин день (9 мая по старому стилю) — христианский праздник.

35. Как ворона стала черной

1. «*Көтөр кынаттаах биистэрэ* — племя летающих крылатых. Образное название птиц в фольклоре» [ЯС, т. 1, с. 296].

36. Гагара

1. См. сноску 1 к тексту № 2.
2. Миф «намекает на какую-то легенду христианского содержания» [ЯС, т. 1, с. 296].

45. Кулика не убивают

1. *Өбус-чөчөөк, тоойуу-төбут* (досл. «penis вздулся, трахает шалун») — жалоба девочки, лишившейся возможности вступать в интимную связь.

46. Рябчик

1. «В сказке имеется в виду христианский Бог, представление о котором у неграмотных якутов было неясным. В вариантах этой сказки рассказывается, что рябчик напугал Богородицу или Бога-отца» [ЯС, т. 1, с. 296].

47. Куропатка

1. Куропатка в разных районах по-якутски называется по-разному: *хабдьы*, *хабыйахаан*, *ыалыкы* и т.д.

48. Тетерев и щука

1. В вариантах «вместо тетерева выступает глухарь или другая лесная птица» [ЯС, т. 1, с. 297].

49. Дятел и богатырская трава

1. Понятие, близкое к русской «разрыв-траве».

50. *Эсэкээн*

1. *Эсэкээн* — амулет, приносящий удачу в охоте.

52. Маяты

1. *Ньөөкү*, в современном литературном языке *лаабыс* (от русского слова «лабаз» — «помост на ножках для хранения мяса забитых диких оленей») [ИПРЯ, ч. 2, с. 312].
2. *Ыһтах*, в современном литературном языке *антах* — в данном случае в значении «дальше» [Там же].
3. Имеется в виду оз. Ессей в Красноярском крае.
4. *Төһө буолан баран*, в литературном языке *сотору буолан баран* — досл. «спустя некоторое время» [Там же].
5. *Очуоһа* — северный мыс оз. Ессей. По преданию ессейцев, происходит от русского слова «утес» [Там же].

53. Предок медведь

1. Ныне пос. Юрюней Абыйского района.

57. Вода *саты*

1. *Сата* — камень, жидкость и другие предметы, якобы обладающие сверхъестественным свойством влиять на погоду. О *сате* см. [Кулаковский, 1923, с. 59; Алексеев, 1980, с. 40—58].

58. Божество Волк

1. См. примеч. к тексту № 148.

60. Лиса и налим

1. «*Сыаҕаан* — название налима у северных якутов. В центральных районах Якутии налим по-якутски *сыалыһар*» [ЯС, т. 1, с. 294].

61. Как почернел кончик хвоста у горностая

1. *Иһигэр туора муостаах киирбит* — вселился в него с кривыми рогами (т.е. нечистый) — поговорка, основанная на поверии старинных якутов [ЯС, т. 1, с. 295].

62. Как ласка осталась без хвоста

1. *Тоһоҕо төбөтүгэр тоҕуста дугуйбут* — на кончике кола девять раз повернется — поговорка о ловких, проворных людях.

64. Летучая мышь

1. *Абааһы үрүмэччитэ* — досл. «бабочка злых духов»; *тирии кынат* — досл. «кожаное крыло» — иносказательные названия летучей мыши. Произносить вслух подлинное ее название якуты считали опасным, так как она может откликнуться и нанести вред.

69. Собака и медведь

1. Имеется в виду, что большой палец у медведя расположен не так, как на руке у человека.

74. Конь Тыгына

1. Г.В. Ксенофонтов назвал миф «Борьба Тыгына с намцами».

75. Тыгын-воитель и его боевые кони

1. *Илбис кыыса* — досл. «дочь Илбиса». Илбис — бог войны, кровожадности и раздора.

76. Божество юсальцев

1. Вариант мифа см.: АЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 12, д. 69, л. 83.

77. Конь покойника

1. *Кэритии* — досл. «заставить объездить». По верованиям якутов, человека в первые дни смерти духи принуждали посетить все места, где он бывал при жизни, и собрать все свои срезанные волосы и ногти.

МИФЫ О НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ОБ ОБИТАТЕЛЯХ ВЕРХНЕГО МИРА

79. Девочка на луне

1. Миф скомпонован составителем. Запись состоит из краткого изложения сути произведения и дополнения, в котором более полно дан конец мифа.

86. *Сата*

1. Аналогичную запись сделали М.Г. Наумовский и П.Т. Степанов в Мегино-Кангаласском районе (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 648, л. 19).

97. Состязание с духами Верхнего мира Аба Уол Дьоххи...

1. Далее С.И. Боло приводит краткое изложение борьбы батурусца Кеччех Кетютэр с духами Верхнего мира [Боло, 1938, с. 150].

98. Сюлэ Тархан

1. См. [Ксенофонтов, 1977, с. 202; Попов, 1936, с. 20].
2. «*Сүлэ Тархан* — почти во всех вариантах предания он рождается после сильного камлания шамана, выпросившего его душу от духа-хозяина грома. Имя Сюлэ сходно с эпитетом или одним из названий божества грома Сүллэр-Этиҥ» [ИПРЯ, ч. 1, с. 298]. О божестве см. [Алексеев, 1975, с. 97].
3. «*Ый ыһыаҕа, күн күдэнэ* — досл. «брызги луны, пыль солнца». В старину на весенне-летнем празднестве в честь божеств и духов-покровителей разбрызгивали кумыс, отсюда и название празднества *ысыах...*» [ИПРЯ, ч. 1, с. 298].
4. *Кугдарцы* — жители Кугдарского наслега, ныне входит в Ленинский район.

99. Старик Яков

1. По верованиям якутов, шаманы «выпрашивали» души детей у разных *айыы*, в том числе у Джёсёгёя *айыысыта* коней.
2. *Сылам уота* — небесный огонь.
3. «Подарок царя старику Якову — в этом эпизоде отразился, по-видимому, факт награждения якутских князцов в XVIII в.» «цветным сукном и добрым табаком» в случае исправного и бездоимочного взноса *ясака* своего рода. Подарки цветными кафтанами давались и в XIX в. якутам по представлению областной администрации за различные пожертвования [ИПРЯ, ч. 2, с. 311].

102. Кутуйах Баай

1. *Хатылы* — Хатылинский наслег Батурусского улуса ныне входит в состав Чурапчинского района.
2. «Прототипом образа Кутуйах Баайя послужил богач, живший в XVIII в. В исторических актах за 1752 г. упоминается "Хатылинской волости князец Кутуях Китчиев", который по его челобитной Иркутской провинциальной канцелярией был наделен бóльшими судебными правами над своими сородичами» [Стрелов, 1916, с. 195].

103. Бугуйас, Быгык Хантаха и Кутаахаан

1. *Бугуйас* — «В исторических документах XVII в. известен якут Успетской волости Бугуяс Багазаров» [ИПРЯ, ч. 1, с. 292].
2. «*Хаанньас* — сын старухи Кютюр Эмээхсин. По историческим документам известен случай нападения Кайнаса (Успетской волости) в 1696 г. на князца Бадона Амурова» [Там же].
3. Угон коней чужого рода у якутов в старину не считался воровством, а был показателем удали, молодечества.
4. *Сэлэ* — натянутая между столбами толстая волосяная или ременная веревка, имеющая деревянные застежки или чекушки. К этим застежкам за петлю привязывают жеребят, чтобы они не могли сосать кобылу до удоя.

5. *Аамай-туомай* — парное слово, выражающее скорбь, горе, употребляется как междометие.
6. *Дьылҕа Тойон* — божество *айыы*, распоряжающееся судьбами людей. О нем см. [Алексеев, 1975, с. 97—98].
7. *Араҥас* — погребальный лабаз, древнее «воздушное» погребение якутов.
8. *Чардаат* — якутская срубная могила.

105. Становление дочери Омогой бая злым духом *юёр*

1. Еще один вариант мифа см. [Боло, 1938, с. 144—145].
2. *Бэтиэйэҕим! уһуойаҕым! аалыҥкайым!* — по мнению С.И. Боло, напоминает припевания пляшущей женщины, одетой в платье из алого шелка [Боло, 1938, с. 223].

МИФЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВАХ, ОБИТАЮЩИХ В СРЕДНЕМ МИРЕ

108. Происхождение вселенной

1. Пропущено одно слово, записанное неразборчиво.

111. Встретившийся с дочерью Байаная

1. *Хаҥалас киһитэ* — кангаласец. См. сноску к тексту № 5.
2. По якутским обычаям при групповой охоте каждый участник получил равную долю общей добычи.
3. *Саламаат* — якутское блюдо, приготовленное из мяса, муки, молока (иногда воды) и соли, в виде густой каши.

112. Чаадай Боллох

1. *Кэрдии* — мифическая мера расстояния до Верхнего и Нижнего миров. Шаманы без остановки «преодолевали» по одному *кэрдии*. Слабый шаман «проходил» три *кэрдии*, средний — шесть, «великий» — девять. То же, что и *олох* (см. сноску к тексту № 137).

113. Из-за греховных речей

1. Более краткий вариант, записанный от И.И. Платонова, см. [ИПРЯ, ч. 2, с. 155—157].

114. Дух-хозяин родины

1. От А. Ильиной А.А. Саввиным был записан близкий по содержанию миф о наказании эвенкийского шамана духом-хозяином озера, находящегося в Намском районе. Дух поражает провинившегося шамана мифическим оружием — «острогой *айыы*» (АЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 116—118).

116. Гнев водяного быка

1. *Уу оҕуһа* — водяной мифический бык, «обитающий» в озерах. В прошлом кости мамонтов якуты считали костями водяного быка.

119. Дитя *орука*

1. Сросшаяся в виде копны крона лиственницы и сосны, то же, что у русских «ведьмино помело»...

121. Злой дух, причиняющий болезни детям

1. *Ситии быһар* — обряд разрезания веревки, совершался шаманом. Носил магический характер — женщину обвязывали веревкой и резали эту веревку на куски, тем самым «устраняли» причину, по которой она не имела детей.

123. Рассказ о Бахсы айыыта

1. *Күүлэй* — помочи, устраивались богачами во время сенокоса.
2. По верованиям якутов, злых духов, в том числе *юёрев*, можно отпугивать ударами левой руки (АИВ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 10, л. 15).

124. Князец Дьэллээни — тойон Бахсы

1. *Дьэллээни* — Дьэллэмэй, см. предыдущий миф.
2. С возникновением у якутов раннеклассового общества в XVIII в. родоначальники стали захватывать общинные покосы и распоряжаться ими по своему усмотрению. В преданиях отмечаются случаи отдачи покосных угодий в качестве приданого за девушку, вышедшую замуж в другой род, что вызывало протесты родовичей [ИПРЯ, ч. 2, с. 326].

125. Дух-хозяйка Алтана

1. «В старину у людей, у которых умирали дети, был обычай отдавать новорожденных детей тайком от матери чужим людям на воспитание. Вместо ребенка подкладывали щенка или куклу из пряжи. Этим самым люди думали обмануть злого духа, пожиравшего детей» [ИПРЯ, ч. 2, с. 326], см. также [Алексеев, 1980, с. 137—146].
2. Лёкёй Модун и другие герои мифа жили в первой половине XIX в. [ИПРЯ, ч. 2, с. 326].
3. *Харта хапсыыта* — досл. «глотание толстой кишки». В старину у якутов были разные виды соревнований по поеданию пищи: питье кумыса, питье топленого масла, глотание сваренной жирной толстой кишки.
4. *Тайҕаҕа* — досл. «в Тайгу» — якутское название Ленских золотых приисков.

126. Болугурская *айыы*

1. «*Омуоруйа Нестор* — по преданиям, Омуоруйа Тумарча. Имя князца Нестора Пугарчина в исторических актах встречается в середине XVIII в. Логлойо, Багырыннья, Кынчытыын и Кюлюрчэ — также исторические лица, жившие в XVIII в. [ИПРЯ, ч. 2, с. 326].
2. Женщина, которая после смерти известна как Болугурская *айыы*, Мария Дьячковская, умерла в 1815 г. [Там же].
3. По обычаям якутов в прошлом родственники должны были трижды обновлять поврежденные погребения.

127. *Сучунаа*

1. «*Буур* — крупный холощеный самец оленя» [ИПРЯ, ч. 1, с. 326].
2. О мифическом существе *сучунаа* см. [Гурвич, 1975].

128. Оспа

1. Эпидемия оспы в связи с отсутствием медицинской помощи значительно сокращала численность народов дореволюционной Якутии.

129. На Оймяконе оспы не было

1. В мифах дух оспы представлялся «босоногой рыжей девушкой в красном сарафане». Мотив обмораживания ее ног встречался во многих мифах о ней [ИПРЯ, ч. 2, с. 327].

130. Хабинский князец

1. «Имеется в виду город Зашиверск на р. Индигирке, население которого сильно пострадало от эпидемии оспы во второй половине XVIII в.» [ИПРЯ, ч. 2, с. 327].

132. Приживательство

1. Имеется в виду Великая Октябрьская революция 1917 г.

133. Посещение страны *сюллюкюнов*

1. *Суллүкүүн* (сюллюкюн) — мифическое существо, обитающее в озерах и реках, вид водяных.

136. Подслушивание *сюллюкюнов*

1. Человек с «открытым» телом — якуты так называли людей, способных чувствовать присутствие духов.

МИФЫ О ДУХАХ НИЖНЕГО МИРА

137. Племена *абаасы* Нижнего мира

1. *Олох* — мифическое расстояние, которое шаман может пройти в процессе камлания без «отдыха», место на пути шамана в мифические страны, где он делает остановку, на этом месте обитают сверхъестественные существа.

138. Страна, где живут духи, причиняющие смерть роженицам

1. В прошлом якутки рожали, держась за перекладину из кольев, вбитых в земляной пол.
2. Гнездо Иэйэхситэ, гнездо Айыысыта — по верованиям якутов, *кут* ребенка до рождения находился в гнездах, охраняемых указанными богинями.

140. Харса

1. См. сноску 2 текстов № 2 и 138.
2. Пропущено примечание В.М. Ионова о том, что это самый дальний Харса.
3. Пропущено слово «или», написанное В.М. Ионовым.

МИФЫ О ПЕРВОПРЕДКАХ, ГЛАВАХ РОДОВ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ

143. Хаан Дьарылык и Эллэй

1. *Көс* — кёс, якутская мера длины, равная приблизительно 10 км. В старину различались *сатыы көс* — кёс пешей ходьбы, равный 7—8 км, и *ат көс* — кёс конный, равный 10 км [ИПРЯ, ч. 1, с. 281].

144. *Ыс*ыах Эллэя

1. *Илгэ* — волшебный дар богов, дающий счастье.

148. Волки-бётюнцы с волчьей удачей

1. *Бөтүҥ* — название наслегов (Бётюнских) в Амгинском и Намском районах. В Вилюйском районе во II Чочунском наслеге был род Бөтүн. В старину амгинские бётюнцы имели прозвище «Бөрө Бөтүҥнэр» — волки-бётюнцы. В Намском районе Бётюнский и Кобеконский наслеги раньше назывались Бөрөлөөхтөр — «имеющие волков». Имена героев этого предания — Масарах, Чокунай Боотур, Мас Кюнгюэ или Енюкюй — соответствуют историческим документам за 1642—1645 гг., в транскрипции «Базарах», «Чегунай» [Токарев, 1940, с. 57; ИПРЯ, ч. 1, с. 295].
2. *Наахара* — нахарцы, название рода. В конце XIX в. в Восточно-Кангаласском улусе было четыре Нахарских наслега и один Чемакаинский, отделившийся от I Нахарского наслега [ИПРЯ, ч. 1, с. 295].
3. *Аҕыс муннуктаах дьиэ* — восьмиугольный дом, традиционное якутское жилище. Якуты иногда сооружали восьмиугольный амбар с бойницами [Ионова, 1948, с. 95—106; Зыков, 1975, с. 185—196].
4. Во времена межродовых и межплеменных столкновений был обычай — оружие перед боем мазать человеческой кровью и призывать духа кровожадности и воинственности [ИПРЯ, ч. 1, с. 295].
5. *Абааһылара* — см. сноску 6 к тексту № 1.
6. Такырский род. Такыр — досл. «кривоногий».
7. *Кыргыс сэргэтэ* — коновязь времен межродовых столкновений (*кыргыс үйэтэ*). Такие коновязи имели по два или четыре выступа в виде рожков, на которые закидывались поводья лошадей. Это избавляло воинов от затраты времени на привязывание и отвязывание лошадей [Там же; Зыков, 1975, с. 192—194].

149. Потомки Масары — правнуки Тыгына

1. *Масары* — по преданиям внук Тыгына, ездивший на прием к русскому царю [Ксенофонтов, 1977, с. 74—76].

Гнездо души ребенка

151. Таас Уллунгах

1. В ряде мифов и преданий Тыгын выступает как детоубийца, губящий своего сына, чтобы тот впоследствии не затмил его славу своей силой и доблестями [ИПРЯ, ч. 1, с. 288].
2. *Ус аан дойду* — досл. «три изначальные страны или места» в значении «все известные места» [Там же].

152. Парень, покрытый рогом

1. Вариант этого мифа был записан Г.В. Ксенофонтовым в 1921 г. в том же наслеге, см. [Ксенофонтов, 1977, с. 83]. См. также сноску 1 к тексту № 15.

154. Предназначение

1. Существуют два варианта этого мифа, но в виде рассказа об исполнении увиденного во сне опубликован Г.У. Эргисом, см. [ЯС, т. 1, с. 280—284].
2. *Күөх өҥнөөх таҥастаах оҕолор* — досл. «дети, одетые в одежду зеленого цвета». Это, по верованиям якутов, «*эрэкэ-дьэрэкэ*» — духи-хозяева трав и зелени, дети богини Айыысыт. Они определяли судьбы новорожденных.
3. *Чыҥыс Хаан*, *Одуун Хаан* — божества *айыы*, которые предопределяли судьбу счастливых людей.

157. Посмертная поездка покойника

1. *Кэритии* — см. примечание к тексту № 77.

МИФЫ ШАМАНИЗМА

158. Дерево, на котором рождается шаман

1. *Ус тоҕус сэттэ олох* — 189 олохов, см. сноски к текстам № 112 и 137.
2. *Сүр-кэб* — психика человека.

162. Становление шаманом сына Сабаатты Ньогоруллы...

1. *Мэнэрик* — больной арктической истерией — северным видом психической болезни.
2. *Өлүү луо балыга!* — «Елюю луо балыга», досл. «луо рыба смерти». Слово *луо*, возможно, означает «дракон» — мифологическое животное южного происхождения. См. [Алексеев, 1975, с. 114—115].

163. Старинное повествование о шамане Сабырыкы

1. *Эмэгэт* — дух-покровитель шамана, в данном случае дух какого-то умершего шамана. См. [Алексеев, 1975, с. 125—126].
2. Во время заклинания человек, по верованиям якутов, «соединялся» незримой нитью с огнем и солнцем. Разрыв этой «нити» приводил к смерти исполнителя обряда. Поэтому запрещалось проходить между человеком и очагом, или человеком и солнцем.

Дух-помощник шамана в образе совы

3. Здесь «имеющий изображение духа-покровителя».
4. *Удаҕан кыыллара* — досл. «птицы шаманки», это деревянные изображения духов-помощников шаманки, установленные во дворе на шестах. Обычно якуты делали изображения различных птиц (гагары, ворона, двуглавого орла и т.д.), см. [Алексеев, 1975, с. 152—155].
5. *Кун-ый быата туллара, күһэнгэ быата быстара буолла* — досл. «настало время падения солнца и луны, разрыва крепления *кюсэнги*». Образное выражение — «настал час смерти». Солнце, луна, *кюсенгэ* — названия привесок на шаманском костюме. Их падение во время камлания, по верованиям якутов, приводило к смерти шамана.
6. По верованиям якутов, шаманы дрались, приняв облик различных зверей, в данном случае шаман и шаманка «стали» медведями.
7. См. текст № 86.

164. Шаман Аадьа

1. Про шамана Аадьа существует еще один вариант мифа. Он схож в основном с данным мифом. Разница в том, что дух, причинивший болезнь, после камлания Аадьы вошел в состав духов-покровителей семьи, члены которой болели (АЯФ АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 571, л. 29 об. — 30).

165. Шаман Дойомпо

1. Шаманы, по верованиям якутов, имели сверхъестественных помощников, которые принимали различный облик: антропоморфный, зооморфный. См. [Алексеев, 1984, с. 79—81].
2. «По поверьям якутов, шаманы и шаманки рожают птиц, рыб, по-видимому, от интимной связи с духами» [ИПРЯ, ч. 2, с. 325].
3. *Кутуруксута* — досл. «рулевой, кормчий». Человек, помогающий шаману при камлании.
4. *Өксөкү* (*ёксёкю*) — мифический двуглавый орел.

167. Омогой Баай и Эллэй Боотур

1. *Омоҕой, Эллэй* — имена легендарных прародителей якутов, переселившихся на Север. В вариантах они могут звучать различно: Омогой, Онохой, Номогон Баай, Оконом; Эллэй, Элдьэй, Эт уос, Мясогубый Эльдэй. [ИПРЯ, ч. 1, с. 277].
2. *Ус үөстээх* — трехрусловая, или трехпроточная, так именовали в якутской народной поэзии р. Лену.
3. *Көрүү көрөр* — иметь видение, см. сноску 7 к тексту № 1.
4. «*Соҕуруу Ытык Хайа* — Южная почтенная гора, высокий горный мыс на р. Лене в 28 км к югу от Якутска, местное русское название: Табагинский мыс. Хотугу Ытык Хайа — Северная почтенная гора, 25 км севернее Якутска, местное название: Кангаласский камень, в старину его назвали Сургуев камень» [Там же].
5. «*Иэйэхсит* — общее название божеств женского пола, покровительствующих людям, лошадям и рогатому скоту» [Там же].
6. *Кэргэн* — здесь в старинном значении «домочадец, работник», близком к значению слова *чаҕар* — *чаҕырдар* — «рабы» [Там же].
7. *Айыыһыт* — по старинным якутским представлениям, богиня-покровительница рожениц.
8. *Туос ураһа* — берестяная ураса, старинное летнее жилище якутов.
9. «*Улуу тунах саҕана* — период наибольшего изобилия молочных продуктов в начале лета» [Там же, с. 278].
10. «...в легендах и преданиях признак того, что выше по реке появились незнакомые люди» [Там же].
11. *Дэкэй Дэпсэ* — имя одной из дочерей Омогоя.
12. *Ньыкы-Даххан* — см. тексты № 104, 105.
13. *Чороон* — якутский деревянный кубок для кумыса. См. [Потапов, 1972, с. 46—87].
14. «Этот фольклорный мотив встречается во всех преданиях об Эллэе. По народным приметам пенящаяся моча девушки свидетельствует о ее плодовитости» [ИПРЯ, ч. 1, с. 278].
15. «*Безрогая, бесхвостая, рыжая корова* — такую корову не давали в приданое невесте, ее в старину приносили в жертву при болезнях, для умилостивления злых духов» [Там же].
16. *Араан тыа буолуҥ* — досл. «будьте как отдельно растущий лес», в значении «живите отдельно, обособленно и размножайтесь» [Там же].

17. *Сахсары-Сайсары* — озеро на территории г. Якутска.
18. «*Кулун кымыһа* — жеребячий кумыс», праздник пробного питья раннего кумыса [ИПРЯ, ч. 1, с. 278].

169. Шаманка Бордуолаах

1. *Бордуолаах* — одна «из наиболее популярных предков Оймяконских якутов» [ИПРЯ, ч. 2, с. 309].
2. «*Көбүөр* — род кушания. Приготовляется следующим образом: сливочное масло сразу после пахтания разводится с помощью мутовки молоком или кипяченой водой, получается рыхлая пенистая масса, очень приятная на вкус» [Там же].
3. По поверьям, Бордуолаах после смерти стала *юёрем* и причиняла «болезни своим потомкам» [Там же].
4. «*Чёкчёнгё эмэгэт* — дух-покровитель шамана, придающий ему якобы чудодейственную силу и способность общаться с духами» [Там же]. (*Чёкчёнгё* — кулик. — *Н. А.*)

170. Племя *хара сагыл*

1. *Хара сагыл* — досл. «черные сагылы» — название племени, по преданиям, обитавшего в Якутии еще до прибытия туда предков якутов Омогоя и Эллэя.
2. *Тыал буолбуттар* — досл. «ставшие ветром, т.е. рассеявшиеся по дуновению ветра; прозвище данное якутами потомкам хара сагылов» [ИПРЯ, ч. 1, с. 282].
3. *Нэрээт ырдыыта* — повинность по перевозке грузов. Начиная с первой половины XVIII в. якуты доставляли вьюками на лошадях казенные грузы — муку, свинец, масло, соль, пушнину и др. из Якутска в Охотск, Удской острог, на Яну и Колыму [Там же].
4. «*Кыргыс дьоно* — люди кыргыса, т.е. воины, участвующие в межродовых и межплеменных столкновениях» [Там же, с. 278].
5. «*Орон сыҥаһата* — закраина (закрай) у широкой лавки вдоль стены балагана (юрты)» [Там же, с. 283].
6. «*Лаамы* — название г. Охотска и всего Охотского побережья» [Там же].
7. «Шаман Хаҕыстай жил в середине XIX в. во II Ольтекском наслеге Борогонского улуса, ныне Усть-Алданского района» [Там же].
8. *Өлүү уута* — досл. «вода смерти», по верованиям якутов, шаманы брали ее из источника, находящегося в Нижнем мире.

171. О том, как якуты заняли местожительство тунгусов

1. «Переселение кобяйских тунгусов на север подтверждается историческими документами XVIII в.» [ИПРЯ, ч. 1, с. 283].
2. *Тордох* — чум.
3. *Көрүүлэнии* — см. сноску 7 к тексту № 1.

172. Шаман Семен

1. *Ойуун кылыыта — кылыы*, насторожка самострела. См. тексты № 178, 179.

179. Суор Уола

1. Шаманы, по мифам, иногда «бодались» с духом оспы, приняв облик быков.

180. Шаман Саргыл

1. См. текст № 178.

182. Кээрэкээн

1. «*Кээрэкээн* — один из предков Жексогонского наслега <...> В 1641 г. в Батурусской волости значились якуты Тимка, Одурой Карекановы дети», т.е. Кээрэкээновы дети [Ионин, 1895, с. 187; ИПРЯ, ч. 1, с. 283].
2. *Сюр-кут* — жизненное начало человека.
3. *Старик Бахсыгыр* — по преданиям, является родоначальником Баягантайского улуса [ИПРЯ, ч. 1, с. 286].
4. *Баяҕантай* — Баягантайский улус был расположен по нижнему течению р. Алдан и по впадающей в него р. Татте, также по р. Оймякон, притоку Индигирки. В 1930 г. при районировании Баягантайский улус был упразднен, часть его наслегов отошла в Усть-Алданский район, часть — в Таттинский, остальные — во вновь образованный Оймяконский район [Там же].
5. «Оймяконцы, по преданиям, являются выходцами из Татты, Алдана и Амги» [Там же].
6. «Так говорят о критическом моменте» [Там же].
7. *Эр сулуута* — выкуп за убитого мужа-воина, по русской терминологии XVII в. «головщина» [Там же].
8. Образное выражение, означающее наступление несчастья, смерти.

183. Род Дьохсогон (Жексогон)

1. «*Игидэй* — название родовой группы; в XIX — начале XX в. были I и II Игидейский наслеги в Баягантайском и Таттинском улусах; кроме того, отдельные игидейские роды были в Западно-Кангаласском и Борогонском улусах» [ИПРЯ, ч. 1, с. 296].
2. «*Тыараһа* — Терасинский наслег Таттинского района, где рассказываются предания об Иргиэнэ и Ингэрчэ и где сохранились следы построек, принадлежавших им» [Там же].
3. «*Дьохсоҕон* — по преданиям, имя предка якутов Жексогонских наслегов в бол. Ботурусском улусе» [Там же, с. 283].
4. *Суорат — сорат*; якутское молочное блюдо, заквашенное кипяченое молоко [Там же].

184. Сын шамана Адагалаах

1. В мифах в борьбе шаманов состязались не сами шаманы, а их *ийэ кыыл* — мать-звери, сверхъестественные существа в образах птиц, зверей и быков-порозов.

2. «*Алысардаах* — шаманка, жившая в Мукучинском наслеге Кобяйского района, достигнув глубокой старости, умерла в 20-х годах XX в.» [ИПРЯ, ч. 2, с. 325]. (Она славилась своим колдовством. — *Н. А.*)

191. О вражде Биэстээх Бочооха с шаманом Сынгаага Суох

1. *Биэстээх Бочоох* — историческая личность, жил во второй половине XVIII в., участвовал в 1778 г. в постройке церкви в с. Покровском [ИПРЯ, ч. 2, с. 325]. Неполный вариант мифа о Биэстээх Бочоохе и Сынгаага Суох был опубликован Г.В. Ксенофонтовым [1928, с. 25—27].
2. «Мотивы восстановления утраченных частей тела и воскресения после насильственной смерти встречаются во многих легендах и рассказах о шаманах» [ИПРЯ, ч. 2, с. 325].

192. Тюмятинская шаманка

1. См. тексты № 105, 122.

194. Шаман Эргис

1. «*Шаман Эргис* — прародитель Эргисского наслега Орджоникидзевского района» [ИПРЯ, ч. 2, с. 324]. Айыы ойууна, так называемый «белый шаман», жрец культа-духов покровителей племени.
2. «*Дьабыҥ* — загробный мир, небытие, куда отправляются души умерших шаманов после исполнения соответствующих обрядов» [Там же].
3. «Никифор Гермогенов, по прозвищу Чохооной, жил в первой половине XIX в.» [Там же].
4. «*Ыларр* — искаженное православное имя Илар или Иларий, Петр — имя сына Илара» [Там же].

196. Гроб

1. По одному из старинных якутских календарей Новый год начинался в сентябре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Н.А. Культ айыы — племенных божеств-покровителей якутов // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1969. — Вып. 5.

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. — Новосибирск, 1975.

Алексеев Н.А. Общее в ранних формах религии якутов и тувинцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978а.

Алексеев Н.А. Мифологические рассказы хакасов о птицах и животных // Фольклор народов РСФСР. — Уфа, 1978б. — С. 146—150.

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980.

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1984.

Алексеенко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1976.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910—1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сб. МАЭ АН СССР. — 1924. — Т. 4, вып. 2.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену // Сб. тр. НИИ якут. языка и культуры при СНК ЯАССР. — М.; Якутск, 1938. — Вып. 4.

Василевич Г.М. Эвенки. — Л., 1969.

Гурвич И.С. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). — М., 1975.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960.

Зеленин Д.Н. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. — М., 1936.

Золотарев А.Н. Пережитки тотемизма у народов Сибири. — Л., 1934.

Зыков Ф.М. К вопросу о происхождении многоугольных построек якутов // Якутия и ее соседи в древности. — Якутск, 1975. — С. 185—196.

Ионин А.М. Новые данные к истории Восточной Сибири XVIII в. // ИВСОРГО. — 1895. — Т. 26, № 1—3.

Ионов В.М. Дух-хозяин леса у якутов // Сб. МАЭ АН СССР. — 1916. — Т. 4, вып. 1.

Ионова О.В. Многоугольные постройки якутов // Сб. материалов по этнографии якутов. — Якутск, 1948. — С. 95—106.

Исторические предания и рассказы якутов / Изд. подготовил Г.У. Эргис. — М.; Л., 1960. — Ч. 1, 2.

Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Зап. ИРГО отд. этнографии. — 1891. — Т. 17, вып. 2.

Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. — СПб., 1907. — Ч. 9.
Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. — Иркутск, 1928.
Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. — М., 1977.
Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов // Зап. Якутского краеведческого геогр. об-ва. — Якутск, 1923. — Кн. 1.
Кулаковский А.Е. Научные труды. — Якутск, 1979.
Максимов А.Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири // Учен. зап. РАНИИОН. — М., 1922. — Т. 6.
Малов С.Е. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // СЭ. — 1947. — № 1.
Мифы народов мира. — М.: Сов. энцикл., 1980. — Т. 1.
Попов А.А. Якутский фольклор. — Л., 1936.
Попов А.А. Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа // Сб. МАЭ АН СССР. — 1949. — Вып. 21.
Потапов И.А. Якутская народная резьба по дереву. — Якутск, 1972. — 144 с.
Приклонский В.Л. Похороны у якутов в северной части Якутской области // Сибирский сборник. — Иркутск, 1890. — Вып. 1.
Припузов Н.П. Сведения для изучения шаманства у якутов Якутского округа // ИВСОРГО. — 1884. — Т. 15, № 3—4.
Семенов Ю.И. Как возникло человечество. — М., 1966.
Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. — СПб., 1896. — Т. 1.
Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области с 1650 г. до 1800 г. — Якутск, 1916. — Т. 1.
Токарев С.А. Очерки истории якутского народа. — Якутск, 1940.
Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных верований шорцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978.
Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л., 1936.
Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. — М., 1974.
Якутские сказки / Изд. подготовил Г.У. Эргис. — Якутск, 1964. — Т. 1.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АИВ АН СССР (ЛО) — Архив Института востоковедения АН СССР (ЛО)
АЯФ СО АН СССР — Архив Якутского филиала СО АН СССР
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения РГО
ИПРЯ — Исторические предания и рассказы якутов
ЛО — Ленинградское отделение
РАНИИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ — Советская этнография
ЯС — Якутские сказки

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ 3
ЯКУТСКАЯ МИФОЛОГИЯ 6

САХА ӨС-НОМОХТОРО

ХАМСЫЫР-ХАРАМАЙ ТУҺУНАН

1. Көтөрдөр мунньахтара 41
2. Тойон кыыл 48
3. Дьаҕыл тойон 49
5. Тойон кыыл хаҥаластар таҥаралара 49
6. Баатылы төрдө 50
7. Хотойго унуох тутуу 51
8. Тойон дьоло 51
9. Хотой кыыл 52
10. Кубаны өлөрүү 53
11. Куба 53
12. Куба төрүт 53
13. Куба таҥара 54
14. Куба уонна суор кэлиитэ 54
15. Куоҕас суор икки 54
16. Суору өлөрүү 55
17. Суор таҥара 55
18. Тотем 56
19. Суор таҥаралаах хоролор 57
20. Суор таҥара 57
21. Хоролор уонна суор 58
22. Суор булткa көмөтө 58
23. Хара сылгылаах уола 58
24. Тыҥырахтаах көтөрдөр 59
25. Кырбый көмөтүнэн 59
26. Кырбый таҥара 59
27. Кырбый таҥара 60
28. Кырбый уонна Арыпыана 61
29. Элиэни 61

30. Балыктыма түүлээх буора 62
31. Кыталык таҥара 62
32. Кэҕэ 62
34. Кэҕэ уйа туттубат буолбута 63
35. Тураах хара дьүһүннээммитэ 63
36. Куоҕас 64
37. Даллаҥ куоҕас 66
38. Хопто, тыыраахы 66
39. Туматтар таҥаралара маҥан тыыраахы 67
40. Туруйа туһунан 67
41. Боҕоргоно 68
42. Ураанайынан 68
43. Кураҕаччы төрдө 69
44. Кураҕаччы (ардах барааға) 69
45. Чөкчөҥөнү өлөрбөттөр 70
46. Бочугурас 70
47. Хабыйакаан 71
48. Куртуйахтаах сордоҥ 71
49. Тоҥсоҕой уонна күүстээх от 71
50. Эһэкээн 72
52. Майааттар 72
53. Эһэ төрүт 73
54. Эһэ буулааһына 73
55. Эһэ 74
56. Булчут уонна эһэлэр 74
57. Сата уута 75
58. Бөрө таҥара 75
60. Саһылы кытта сыаҥаан 76
61. Кырынаас кутуругун төбөтө хара буолбута 77
62. Муҥур кутуруга суох буолта 78
63. Үтүөнү үтүөнэн боруостааһын 79
64. Кынаттаах кутуйах 80
65. Балык, үөн 80
66. Аптаах баҕа уҥуоҕа 80
67. Баҕа аптаах уҥуохтара 81
68. Эриэн үөн уонна кыһыл көмүс 82
69. Ыт уонна эһэ 82
70. Суостаах ыт уонна оҕо абааһыта 82
71. Ыт өлүүтэ 83
72. Таҥара буолбут тыһы ыт 83
73. Атыыр уонна атыыр оҕус (Кыһын уһаабыта, сайын кылгаабыта) 84
76. Дьуһаал таҥарата 84
77. Хоолдьуга 84

ХАЛЛААН ЭТТИКТЭРИН УОННА ҮӨҺЭЭ ДОЙДУ ОЛОХТООХТОРУН ТУҺУНАН

78. Тулаайах уол оҕо уонна ый 85
79. Ый кыыһа 85
83. Этиҥ сүгэтэ 86
84. Аччы 86
86. Сата 86
88. Дьаанҕы ырыата 87
89. Тыаллар 87
90. Үс дойду үөскээбитэ 87
91. Үөһээ тахсар аартык 88
92. Халлаан кыргыттара 88
95. Харах абааһыта буолбута 89
96. Үөһээ дойду уолун кытта сыссыалаһыы 90
97. Үөһээ абааһыттан төрөөбүт Аба Уол Дьоххо үөһээ абааһылары кытта сыссыалаһыылара 92
98. Сүлэ Тархан 93
99. Яков оҕонньор 95
101. Хомпорой айыыттан булткa туһанар ыты ылыы 96
102. Кутуйах Баай 97
103. Бугуйас, Быгык Хантаха, Кутаахаан (Дьылҕа хаан суута) 98
105. Омоҕой баай кыыһа үөр абааһы буолуута 102
106. Куорсун үүнүү 103

ОРТО ДОЙДУГА «ОЛОХТООХ» ИҥЧИЛЭР, ҮӨРДЭР УОННА АБААҺЫЛАР ТУСТАРЫНАН

108. Аан дойду үөскээбитэ 103
109. Байанай уонна Иэйиэхсит 104
110. Тыа уонна уу иҥчилэрэ 105
111. Байанай кыыһын көссүбүт 105
112. Чаадай Боллох 108
113. Тылын сэтэтигэр 110
114. Аан дойду иҥчитэ 112
115. Дойду иҥчилэрин сырыыта 112
116. Уу оҕуһун кыыһырыыта 112
117. Улуу тойон ылгын кыыһа 113
118. Ынахсыт 113
119. Орук оҕото 114
120. Сыбаанньай оруга 115
121. Оҕо абааһыта 115
122. Кыыс таҥара 115
123. Бахсы айыытын кэпсээнэ 116
124. Бахсы тойоно Дьэллээни кинээс 118
125. Алтан хотуна 118

126. Болугур айыыта 124
127. Сучунаа 126
128. Буоспа 126
129. Өймөкөөҥнө буоспа сылдьыбатаҕа 127
130. Хаба кинээһэ 128
131. Абааһы чуккаахтаспыта 128
132. Дьуккаахтаһыы 130
133. Сүллүүкүҥнэ киирии 131
134. Сүллүүкүттэр 132
135. Сүллүүкүнтэн дьылҕаны быһааттарыы 133
136. Сүллүүкүнү иһиллээһин 133

АЛЛАРААННЫ ДОЙДУ АБААҺЫЛАРЫН ТУҺУНАН

137. Аллараанҥы абааһы биирин ууһа 134
138. Төрүүр дьахтар өлүүтүн төрдө 136
139. Оҕо өлүүтүн төрдө 137
140. Харса 137
141. Отоһут төрдө 138
142. Абааһыга киирии 139

ТӨРҮТ ӨБҮГЭЛЭР УОННА КИҺИ ДЬЫЛҔАТЫН ТУҺУНАН

143. Хаан Дьарылык уонна Эллэй 141
147. Орхон Болодой, Хара Түмэн 143
148. Бөрө саҕа соргулаах Бөрө Бөтүҥнэр 143
150. Орук мас төрүттээх 147
151. Таас Үллуҥах 147
152. Муос уол 147
153. Кытыгырас Хаптаҕай Баатыр өлүүтэ 148
154. Оҥоһуу 149
155. Уустар дьаданҕы буолтара 150
156. Өлбүт киһини кэритии 150

ОЙУУННАР ТУСТАРЫНАН

158. Ойуун төрүүр маһа 151
159. Айыы ойууна айдарыыта 152
161. Тулуурдаах ойуун 152
162. Аар Сааргa ааттамматах Сабаатта уола Ньоҕорулла ойуун буолуута 158
163. Сабырыкы ойуун туһунан сэһэн 159
164. Аадьа ойуун 164
165. Дойомпо ойуун 165
166. Дүҥүр маһа 168
167. Омоҕой Баай, Эллэй Боотур 168

168. Оноҕой Баай, Хара Түмэн 171
169. Бордуолаах удаҕан 172
170. Хара саҕыл омуктар 173
171. Тоҥус олоҕун саха кэлэн ылбыта 175
172. Сэмэн ойуун 175
173. Ойууттар сырыылара 176
176. Дьэргэлгэн түһэрии 177
177. Ойуун ыйааһынын ыаратытыы 177
178. Ойуун айата 177
179. Суор Уола 178
180. Саргыл ойуун 181
182. Кээрэкээн 181
183. Дьохсоҕон ууһа 186
184. Адаҕалаах ойуун уола 188
185. Сабарта Өлөксөй уонна Болчуона ойуун 190
189. Добун ойуун кубулҕата 191
190. Ойууну муокастааһын 192
191. Биэстээх Бочоох Сыҥааҕа суох ойууну кытта өстөһүүтэ 193
192. Түмэти удаҕана 195
194. Эргис ойуун 197
195. Ойуун Уол 202
196. Холбо 202

ЯКУТСКИЕ МИФЫ

МИФЫ О ПТИЦАХ, ЖИВОТНЫХ, РЫБАХ И ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

1. Собрание птиц 209
2. Орел 217
3. Орел в черных пятнах 217
4. Эллэй — изобретатель кумысной посуды и устроитель *ысыаха* 217
5. Орел — божество кангаласцев 219
6. Предок батылинцев 220
7. Погребение орла 220
8. Орлиное счастье 220
9. Орел 223
10. Умерщвление лебедя 223
11. Лебедь 224
12. Предок лебедь 224
13. Божество Лебедь 224
14. Прилет лебедя и ворона 225
15. Гагара и ворон 225
16. Умерщвление ворона 226
17. Божество Ворон 226
18. Тотем 228

19. Хоринцы, почитающие ворона божеством 228
20. Божество Ворон 229
21. Хоринцы и ворон 229
22. Помощь ворона в охоте 230
23. Сын божества, владеющего вороными конями 230
24. Хищные птицы 230
25. Благодаря помощи ястреба 231
26. Божество Ястреб 231
27. Божество Ястреб 231
28. Ястреб и Аграфена 233
29. О коршуне 233
30. Кусочек глины с перышками из гнезда скопы 234
31. Божество Стерх 234
32. Кукушка 234
33. Кукушка 235
34. Почему кукушка перестала вить себе гнездо 235
35. Как ворона стала черной 236
36. Гагара 237
37. Гагара ошейниковая 238
38. Мартын (чайка-хохотунья), чайка (крачка) 239
39. Белая чайка — божество туматцев 239
40. О журавле 240
41. Болотная курочка 240
42. Черная лысуха 241
43. Происхождение кроншнепа 241
44. Кроншнеп (дождевой кулик) 242
45. Кулика не убивают 242
46. Рябчик 243
47. Куропатка 243
48. Тетерев и щука 244
49. Дятел и богатырская трава 244
50. *Эсэкээн* 244
51. Табу на крупную дичь и зверей 245
52. Маяты 245
53. Предок медведь 246
54. Месть медведя 246
55. Медведь 247
56. Охотник и медведи 247
57. Вода *саты* 248
58. Божество Волк 249
59. Лиса и огонь 249
60. Лиса и налим 249
61. Как почернел кончик хвоста у горностая 251
62. Как ласка осталась без хвоста 252

63. Отплатить добром за добро 252
64. Летучая мышь 254
65. Рыбы, гады 254
66. Волшебная кость лягушки 254
67. Волшебные кости лягушки 255
68. Змея и золото 255
69. Собака и медведь 256
70. Лютая собака и дух, причиняющий болезни детям 256
71. Доля собаки 257
72. Сука, ставшая божеством 257
73. Жеребец и бык-пороз (Как зима стала длиннее, а лето короче) 258
74. Конь Тыгына 258
75. Тыгын-воитель и его боевые кони 259
76. Божество юсальцев 260
77. Конь покойника 260

МИФЫ О НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ОБ ОБИТАТЕЛЯХ ВЕРХНЕГО МИРА

78. Мальчик-сирота и луна 261
79. Девочка на луне 261
80. Чолбон (Венера) и Юргэл (Плеяды) 262
81. Гром 262
82. Топор грома 262
83. Топор грома 262
84. Отпугивание злых духов 263
85. *Сата* 263
86. *Сата* 264
87. Сношения с Тыгыном 264
88. Песня горных вершин 265
89. Ветры 265
90. Происхождение трех миров 265
91. Проход в Верхний мир 267
92. Небесные девицы 267
93. Легенды о Быйаа, сыне небожителей 269
94. Идэльги-Боотур 270
95. Ставшая злым духом, причиняющим глазные болезни 275
96. Состязание с парнем Верхнего мира 276
97. Состязание с духами Верхнего мира Аба Уол Дьоххи, родившегося от брака *абаасы* Верхнего мира с земной женщиной 278
98. Сюлэ Тархан 279
99. Старик Яков 281
100. Потомство Омогоя 282
101. Получение от Хомпорой айыы охотничьей собаки 284

102. Кутуйах Баай 285
103. Бугуйас, Быгык Хантаха и Кутаахаан (Суд Дьылга-хана) 287
104. Красивая дочь Омогона увлекается демоном 290
105. Становление дочери Омогой бая злым духом *юёр* 291
106. Приобретение крыльев 292
107. Кунньаас-Ойун 292

МИФЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВАХ, ОБИТАЮЩИХ В СРЕДНЕМ МИРЕ

108. Происхождение вселенной 293
109. Байанай и Иэйиэхсит 293
110. Духи-хозяева леса и воды 294
111. Встретившийся с дочерью Байаная 295
112. Чаадай Боллох 297
113. Из-за греховных речей 299
114. Дух-хозяин родины 302
115. Способ передвижения духов-хозяев земли 303
116. Гнев водяного быка 303
117. Младшая дочь Улуу тойона 303
118. Ынахсыт 303
119. Дитя *орука* 305
120. *Орук* Сыбаанньи 305
121. Злой дух, причиняющий болезни детям 305
122. Дева-божество 308
123. Рассказ о Бахсы айыыта 310
124. Князец Дьэллээни — тойон Бахсы 311
125. Дух-хозяйка Алтана 312
126. Болугурская *айыы* 318
127. *Сучунаа* 320
128. Оспа 321
129. На Оймяконе оспы не было 322
130. Хабинский князец 322
131. Сожительство злого духа 323
132. Приживательство 325
133. Посещение страны *сюллюкюнов* 326
134. *Сюллюкюны* 327
135. Узнавание судьбы от *сюллюкюна* 328
136. Подслушивание *сюллюкюнов* 328

МИФЫ О ДУХАХ НИЖНЕГО МИРА

137. Племена *абаасы* Нижнего мира 329
138. Страна, где живут духи, причиняющие смерть роженицам 331
139. Страна, где живут духи, причиняющие смерть детям 332
140. Харса 333

141. Место, где живут духи, воспитывающие *отосутов* 333
142. Спуск к злым духам 334

МИФЫ О ПЕРВОПРЕДКАХ, ГЛАВАХ РОДОВ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ

143. Хаан Дьарылык и Эллэй 337
144. *Ысыах* Эллэя 339
145. *Ысыах* Эллэя . . 340
146. Тойон-Омогой и белый шаман Аан-Эрэсэр 340
147. Орхон Болодой и Хара Тюмэн 341
148. Волки-бётюнцы с волчьей удачей 342
149. Потомки Масары — правнуки Тыгына 345
150. Род, считающий предком дерево с *оруком* 347
151. Таас Уллунгах 348
152. Парень, покрытый рогом . 348
153. Смерть быстроногого Каптагая Баатыра 349
154. Предназначение 349
155. Как мастера стали бедными 351
156. Причина долговечности 351
157. Посмертная поездка покойника 351

МИФЫ ШАМАНИЗМА

158. Дерево, на котором рождается шаман 353
159. Сотворение шамана *айыы* 354
160. Жарение и поедание тела шамана бесами 354
161. Шаман Тулуурдаах (Терпеливый) 355
162. Становление шаманом сына Сабаатты Ньогоруллы, имя которого не упоминалось всуе 361
163. Старинное повествование о шамане Сабырыкы 362
164. Шаман Аадьа 368
165. Шаман Дойомпо 369
166. Дерево для бубна . 372
167. Омогой Баай и Эллэй Боотур 373
168. Оногой Баай и Хара Тюмэн 375
169. Шаманка Бордуолаах 376
170. Племя *хара сагыл* 378
171. О том, как якуты заняли местожительство тунгусов 380
172. Шаман Семен 380
173. Пути-дороги шаманов 381
174. Образ шаманских бесов (ворон и собаки) 382
175. Шаманский бес-собака 382
176. Наведение миража 383
177. Увеличение веса шамана 383
178. Самострел шамана 383

179. Суор Уола 384
180. Шаман Саргыл 388
181. Уничтожение шаманками хоринцев 389
182. Кээрэкээн 390
183. Род Дьохсогон (Жексогон) 396
184. Сын шамана Адагалаах 397
185. Алексей Сабарта и шаман Болчуона 400
186. Джаарын (Князец-шаман) 401
187. Джаарын Ойун . 402
188. Оноху и Норгуо (Борьба с оргетцами) 403
189. Злые проделки шамана Добун 405
190. Нанесение вреда шаману . 406
191. О вражде Биэстээх Бочооха с шаманом Сынгаага Суох 406
192. Тюмятинская шаманка 408
193. Стихийные явления, сопровождающие смерть шамана 410
194. Шаман Эргис 411
195. Ойун Уол 417
196. Гроб 417

ПРИМЕЧАНИЯ 422

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 439

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 440

Научное издание

ЯКУТСКИЕ МИФЫ

●

САХА ӨС-НОМОХТОРО

Составитель *Н.А. Алексеев*

Редактор *Ю.В. Печенкина*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, С.М. Погудина*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 08.04.04. Подписано в печать 25.06.04.
Бумага ВХИ. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 28,25. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 1000 экз. Заказ № 215.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

СП «Наука» РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ISBN 5-02-029724-0

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН предоставляет индивидуальным и коллективным заказчикам широкий диапазон услуг:

Книжные редакции

готовят к изданию литературу практически по всем направлениям фундаментальной науки — математике, геологии, химии, физике, ботанике, зоологии, медицине, физиологии, истории, философии, экономике, русской литературе и языку;
помогают в оформлении и редактировании диссертаций и других материалов.

Отдел допечатной подготовки изданий выполняет

компьютерный набор и верстку, сканирование и цветоделение, техническую и художественную ретушь, оригинал-макеты любой сложности.

Отдел маркетинга и рекламы

заключает договоры на поставку научной литературы и литературы для широкого круга читателей;
размещает рекламу на страницах книг и журналов Сибирского отделения РАН;
проводит маркетинговые исследования научно-популярной литературы;
ищет партнеров для совместного издания книг.

Мы рассмотрим любые предложения и программы!

Приглашаем российских и иностранных партнеров к сотрудничеству в области книгоиздания.

Об условиях размещения заказов и оплате можно узнать по адресу:

630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Звоните по телефонам: (383-2) 22-51-81 (приемная);

(383-2) 22-68-82 (зам. директора);
(383-2) 22-35-02 (отдел маркетинга);
(383-2) 22-33-23 (редакция естественно-научной и технической литературы),
e-mail: tech@spc.nsc.ru;
(383-2) 22-02-47 (редакция литературы по гуманитарным наукам),
e-mail: gum@spc.nsc.ru.

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"